СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4

19[illegible]

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего **утверждаются редакционной коллегией.**

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2 экземплярах.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2 экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

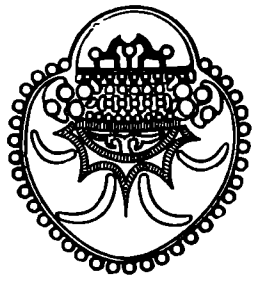
Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавита, должны быть сдублированы на кальку, для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Г. А. Федоров-Давыдов, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:

Москва, К-1, пер. Садовских, 2, тел. Д 0-31-41

Технический редактор *М. А. Николаева*

Т-09298 Подписано к печати 17 X 1958 г. Формат бумаги 70×108$^{1}/_{16}$ Бум. л. 9$^{7}/_{8}$
Печ. л. 26,06+6 вклеек Уч.-изд. л. 33,6 Тираж 1800 экз. Заказ 794

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ

Б. Н. ГРАКОВ

СТАРЕЙШИЕ НАХОДКИ ЖЕЛЕЗНЫХ ВЕЩЕЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ ТЕРРИТОРИИ СССР

Вопрос о начале железного века Восточно-Европейской равнины за последние годы несколько раз подвергался рассмотрению в советской археологической литературе. Так, в связи с работой над памятниками Среднего Поволжья и Прикамья его довольно подробно коснулся А. П. Смирнов [1]. Подводя итоги исследований В. А. Городцова [2], М. Е. Фосс [3] и своих работ, А. П. Смирнов констатировал наличие на Галичской стоянке, на стоянке «Умиление» близ Галича и Ванвиздинской стоянке на р. Вычегде железных шлаков. В свое время В. А. Городцов писал, что в результате анализа галичских шлаков, проделанного в Московской горной академии, выяснилось, что они «очень тяжеловесны и указывают на дурную выплавку железа из руды» [4]. Наиболее важными являются своеобразная мастерская по варке железа на стоянке «Умиление» и следы таких же мастерских на Галичской стоянке, где, кроме того, по словам В. А. Городцова, были найдены ромбический железный ножичек с черенком и обломочек такого же долотца. Б. А. Колчин в другой связи приводит и сопоставляет те же данные, что и А. П. Смирнов, принимая даты последнего и М. Е. Фосс [5]. Эти даты восходят к В. А. Городцову, который относил Галичскую стоянку к VIII в. до н. э.

Позднейшие исследователи также определяли время упомянутых памятников приблизительно VIII—VII вв. до н. э. Основой для такой даты служило в первую очередь то обстоятельство, что керамика на них — прототип городищенской дьяковской посуды. Дата же ранних городищ дьякова типа прочно установлена тем же В. А. Городцовым на примере подражаний скифским наконечникам стрел со Старшего Каширского городища, отнесенного им к VII—V вв., что близко к истине [6]. Однако на этом городище нет скифообразных вещей ранее самого конца VII — начала VI в. до н. э. Поэтому перечисленные стоянки скорее относятся к VII, чем к VIII в. до н. э.

Естественно, что в это время еще встречались в некотором количестве бронзовые орудия и оружие. Они были найдены и на Галичской стоянке. Даже Старшее Каширское городище дало струг из ребра с вкладным в продольный паз медным лезвием. Судя по тому, что там же были най-

---

[1] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1953, стр. 37 сл.

[2] В. А. Городцов. Галичские клад и стоянка. Тр. секции археологии РАНИОН, вып. III, М., 1928, стр. 13 сл.

[3] М. Е. Фосс. Результаты Галичской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 58 сл.

[4] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 44.

[5] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 20 сл.

[6] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, М.—Л., 1934, стр. 22.

дены и другие ребра с пазами, но без вставок, видно, что в дьяковской культуре отдельные орудия специфического назначения могли делаться из бронзы еще в VI в. до н. э. Это подтверждает и находка медного шила из того же городища, а также (может быть, взаимно не связанные) находки бронзового кельта и стрел скифских типов из Заборья, которые датируются едва ли раньше второй половины VII в., а скорее V в. до н. э.[7].

Следовательно, окончательная победа железа над бронзой произошла в Центральной России, так же как и в Скифии, во второй половине VII в. до н. э. Что же касается Прикамья, то общепризнано наличие там многих бронзовых орудий и оружия (наряду с целым рядом железных изделий) еще в IV в до н. э. Это обстоятельно разъяснено А. В. Збруевой[8].

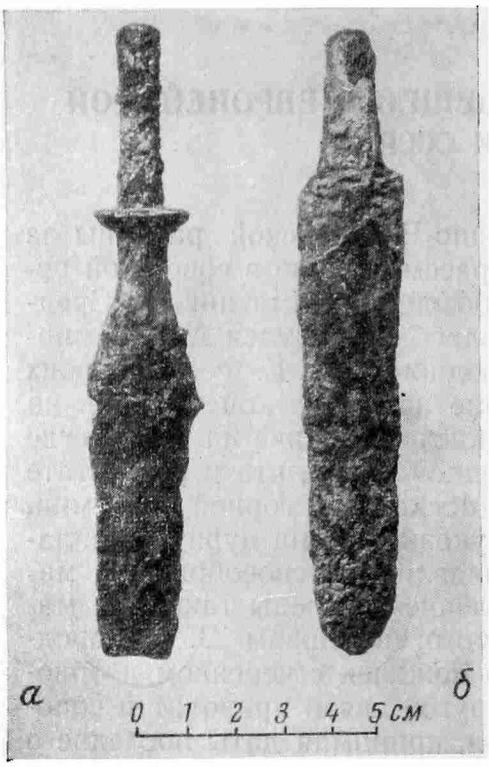


Рис. 1. Кинжалы из Широкой могилы
а — с железным лезвием; *б* — цельнобронзовый

Археологические данные о находках начала железного века пополнились с 1949 г., когда на Украине была выделена так называемая чернолесская культура VIII—VII вв. до н. э. К середине VI в. до н. э. из последней выработалась жаботинская ступень культуры скифского времени в киевском, черкасском и кировоградском правобережье Днепра, на его притоках и в верховьях Ингульца.

А. И. Тереножкину сначала в процессе работы над музейными собраниями Украины удалось выделить путем типологического анализа некоторое количество железных орудий и оружия, относящихся к этой культуре. Позднее раскопки на ряде городищ показали, что уже в пределах этой культуры железо преобладало над бронзой. В развитом слое чернолесской культуры на Субботовском городище (р. Тясмин, близ г. Чигирина) были обнаружены железный серп и такое же тесло. В 1957 г. на Тясминском городище было найдено три железных ножа и в Адамовском зольнике — два. Вместе с тем в это время здесь еще распространены отдельные бронзовые орудия, особенно — специфические кельты этой культуры.

Итак, в рассмотренном районе железо начало решительно вытеснять бронзу в VIII в. до н. э. (может быть, еще в конце IX в.), а окончательно отвоевало свое место лишь около середины VII в. до н. э. В этом обстоятельстве нельзя не видеть полного совпадения со среднерусскими лесными городищами[9]. Далее к югу, в степях, переходное состояние изучено гораздо хуже. В последние несколько лет выяснено, что в округе Изюма, на Старом Осколе и в некоторых местах по р. Ворскле срубная культура была вытеснена в начале I тысячелетия до н. э. какой-то новой культурой, получившей у украинских археологов название «бондарихинской». На

---

[7] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище, стр. 21, рис. IX, *5* и стр. 22, 24, 25, рис. XI, *5—7*; стр. 37, рис. XV, *4*.

[8] А. В. Збруева. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952 стр., 36 сл.

[9] А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Приднепровье. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 94—111; его же. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 47. Сведения о Тясминском городище мне предоставлены А. И. Тереножкиным на раскопках в 1957 г.

Ворскле она дожила до появления здесь чернолесских поселений (в начале VII в. до н. э.). Следов в культуре скифского времени она не оставила. Среди находок на этих еще мало изученных поселениях встречены немногочисленные железные вещи (два шила, ножичек). Вместе с тем найдена и форма для отливки бронзового кельта. Можно утверждать, что на территории бондарихинской культуры вытеснение бронзы железом началось тогда же, когда и в чернолесской культуре, или немного раньше. Расчленить эту культуру хронологически с уверенностью еще нельзя, но есть основание предположить, что к VII в. здесь было уже довольно много железа [10].

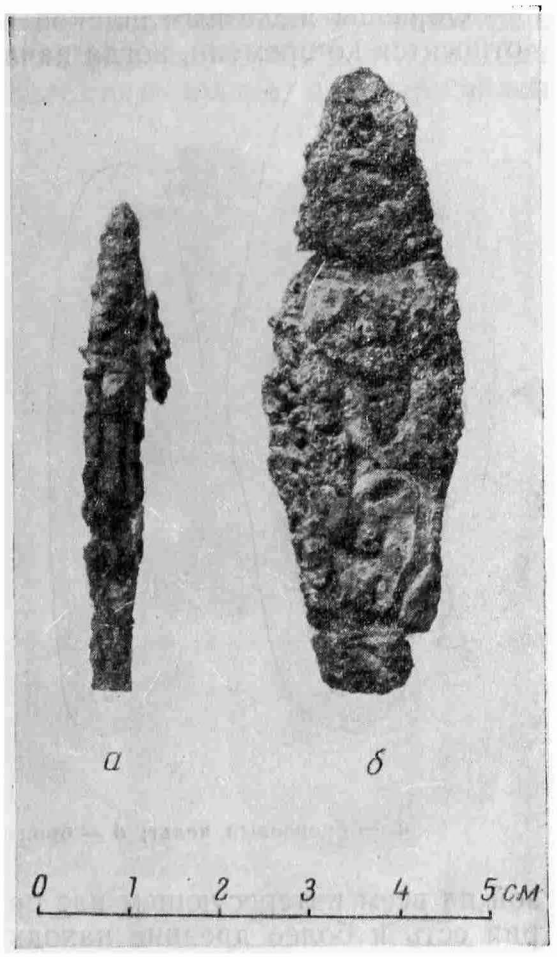


Рис. 2.
а — железное шильце; *б* — железный ножик из Волосовского могильника

Еще меньше освещен рассматриваемый вопрос по отношению к самим степям Причерноморья. Впрочем, уже не один раз в литературе указывалось на поразительную малочисленность данных о времени между эпохой поздней срубной культуры и началом собственно скифской культуры в середине VII в., когда железный век господствовал уже безраздельно. Поселений предшествующего времени раскапывалось не слишком много, а в погребениях металлические предметы являются настоящей редкостью (несмотря на то, что, по античным известиям, не только в VII и VI вв., но и ранее жизнь здесь била ключом). Строго говоря, есть лишь одна довольно хорошо документированная находка железного предмета, дата которого находится, несомненно, где-то в пределах X—IX вв., а может быть, даже VIII в. до н. э. (последнее менее вероятно). Это небольшой кинжальчик, имеющий бронзовый черенок с небольшим упорцем внизу и железное лезвие (рис. 1, *а*). Он найден вместе с миниатюрным бронзовым кинжальчиком (рис. 1, *б*) в шестиметровом кургане Широкая могила, близ с. М. Лепетиха, на левом берегу Днепра, несколько выше Старой Каховки (раскопки Н. И. Веселовского). Погребение было полностью разграблено. Кроме этих двух предметов, ничего более из инвентаря не сохранилось. Первый кинжал сделан по образцу многочисленных бронзовых кинжалов такой же формы.

Много внимания вещам этих форм и их хронологическому определению уделила О. А. Гракова, которая в своей книге «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы» рассмотрела поздний бронзовый век причерноморских степей. Она датировала подобные вещи X—VIII вв. до н. э. Внутреннее членение этой даты в настоящий момент затруднительно, так как добытые в 1955—1956 гг. материалы еще недостаточно изучены, а они, по-видимому, позволят кое-что в этом отношении

---

[10] В. А. Іллінська. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в лівобережному лесостепу. Археологія, т. X, Київ, 1957, стр. 50; Г. Т. Ковпаненко. Поселення періоду пізній бронзи и раннього заліза поблизу Охтирки. Археологія, т. XI, Київ, 1957, стр. 105.

уточнить. Во всяком случае, здесь дело обстоит так же, как в отношении лесостепной бондарихинской культуры, т. е. борьба между железом и бронзой происходила здесь, вероятно, в течение IX—VIII вв., а к середине VII в. до н. э. железо окончательно победило. Это ясно из его полного торжества в VII и VI вв. до н. э. [11].

Образцы железных шлаков и изделий, которые упоминались выше, относятся ко времени, когда началась решительная борьба железа с брон-

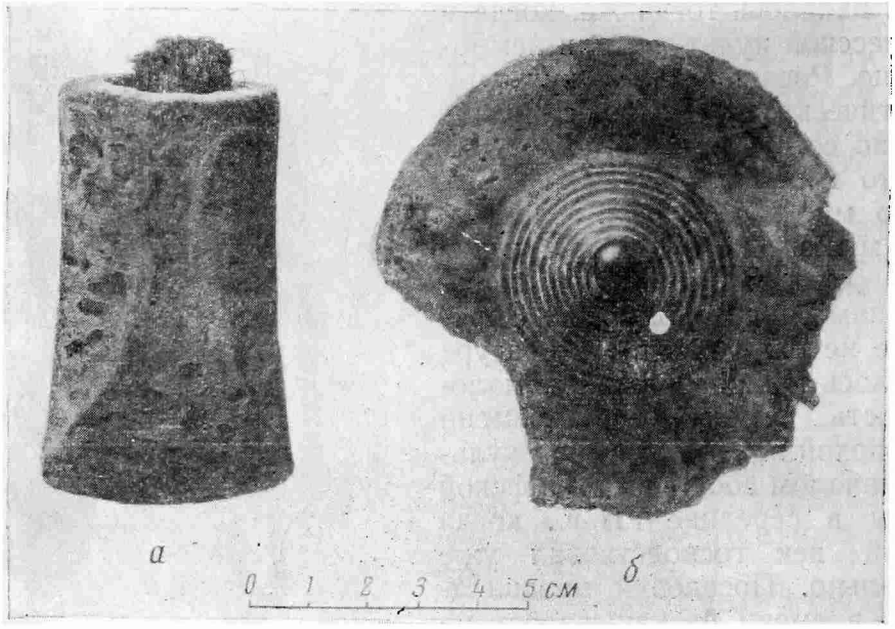


Рис. 3.

а — бронзовый кельт; *б* — бронзовая бляха из Волосовского могильника

зой на всем интересующем нас пространстве. Однако на этой же территории есть и более древние находки железных вещей, которые могут рассматриваться как робкое и слабое начало будущего победоносного шествия железа. Укажем в первую очередь известную находку из Волосовского могильника — железное шильце (рис. 2, *а*) и железный же ножичек (рис. 2, *б*), может быть имитирующий бронзовый прототип, обнаруженные В. А. Городцовым в мужском погребении (№ 9) Младшего Волосовского могильника, наряду с бронзовым кельтом (рис. 3, *а*) и такой же крупной, с конической выпуклостью в середине бляхой (рис. 3, *б*). К этим изделиям обращались все исследователи, говоря о появлении железа на территории России (В. А. Городцов, А. П. Смирнов и Б. А. Колчин — в упомянутых выше работах, а также А . В. Арциховский — в своем учебнике «Основы археологии»). В течение многих лет это была единственная самая ранняя находка железных вещей. Все исследователи одинаково датируют это погребение XI—IX вв. до н. э. по сопровождающим вещам. Наиболее внимательно отнесся к данным находкам А. Я. Брюсов, специально их изучавший и датировавший более точно — XI—X вв. [12].

В районе, близком к территории ананьинской культуры, недалеко от Ишимбаева, у с. Баланбаш, К. В. Сальников обнаружил на селище аба-

---

[11] Сообщ. ГАИМК, т. I, Л. 1926, стр. 201—204; Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 30 сл.; А. И. Тереножкин. Племена скіфського періоду. Розділ 5. Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, стр. 117, рис. 1; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1956.

[12] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности, т. 24, М., 1914, стр. 49; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в эпоху неолита. М., 1952, стр. 81.

шевской культуры какие-то шлаки с примесью железа. Данные о них смутны, делать по ним выводы трудно, но упомянуть их следует. Эта находка относится еще к концу II тысячелетия до н. э. [13].

В районе распространения чернолесской культуры есть одна находка, несколько более древняя, чем сама эта культура. Теперь установлено, что чернолесский этап генетически связан с белогрудовской культурой. В Краснополье в Уманском районе на селище этого времени, т. е. начала I тысячелетия до н. э., найден кусок железного шлака с содержанием 58% железа. Руда в этом случае болотная. Время этой находки близко уже к началу наступления железа (X—IX вв.) [14].

Значительно более древние находки зарегистрированы в области, где затем до скифского времени почти не встречались железные вещи (конечно, это дело археологической случайности). Мы имеем в виду Причерноморье и степное течение Волги. Именно здесь обнаружены вещи, уходящие довольно глубоко, во II тысячелетие до н. э. Первая из них — это лаврововидный железный клинок, длиною 13,5 *см,* со следами дерева на одном конце. Он найден в кургане № 6 группы Бичкин-Булук близ г. Степного. По мнению издателя, И. В. Синицына, оно служило наконечником копья; по моему мнению, это нож (рис. 4, *а*), подражающий энеолитическим кремневым дротикам или кинжалам, образцами которых могут служить соответствующие им вещи из Волосовского клада близ Мурома (хотя это отнюдь не местная для Калмыкии аналогия). Я считаю, что этот предмет скорее нож, чем копье, судя по тому, что он находился в таком положении, при котором не мог иметь длинного древка; могилы этого типа, предназначенные для костяков, лежавших на спине с поджатыми ногами, для копья коротки. И. В. Синицын считает культуру, оставившую подобные погребения в Калмыцких степях, одновременной позднекатакомбным курганам Кавказа II—I тысячелетий до н. э. [15]. Однако весь круг бичкин-булукских курганов по господствующему обряду и своеобразным сооружениям, костным пронизям типов раннеямной культуры, по булавке из кургана № 17 (погр. 5) и по глиняной повозочке должен быть, на наш взгляд, отнесен к более древнему времени. В самом погребении кургана № 6, где был найден железный ножик, находился бронзовый топор (рис. 4, *б*) длиною в 13 *см,* представляющий собой поздний вариант топоров типа станицы Новосвободной на

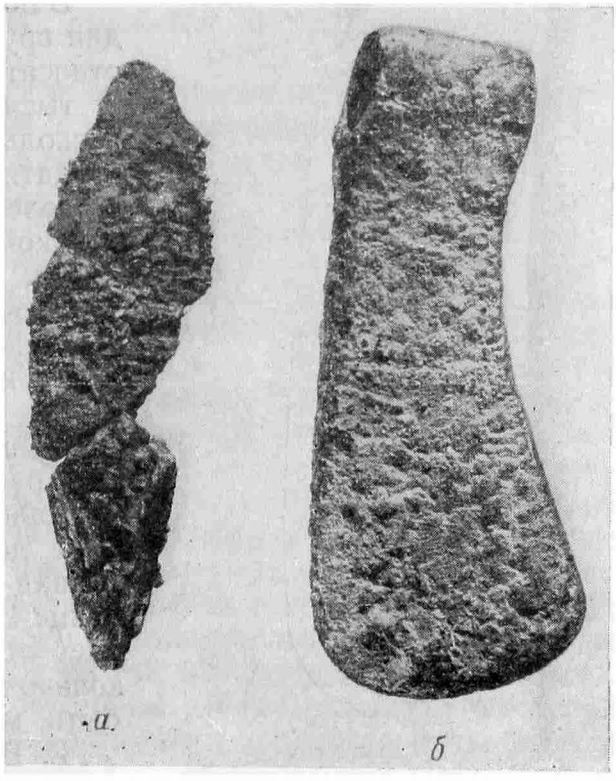


Рис. 4.
а — железный кинжал; *б* — бронзовый топор из урочища Бичкин-Булук

---

[13] Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», 1941, стр. 132 сл.
[14] Хранится в Институте археологии АН УССР в Киеве.
[15] И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 143—160, рис. 7 и 8; И. К. Цветкова. Волосовский клад. М., 1957, табл. XX.

Кубани и близкий топору из Колтубанки Бузулукского района Оренбургской области. По наиболее убедительной хронологии А. А. Иессена, топоры из Новосвободной датируются началом II тысячелетия н. э.[16]. О. А. Гракова указывает, что топор из Колтубанки является более древним, чем топоры срубной культуры[17]. Таким образом, рассматриваемое погребение должно быть отнесено, скорее всего, ко второй четверти II тысячелетия.

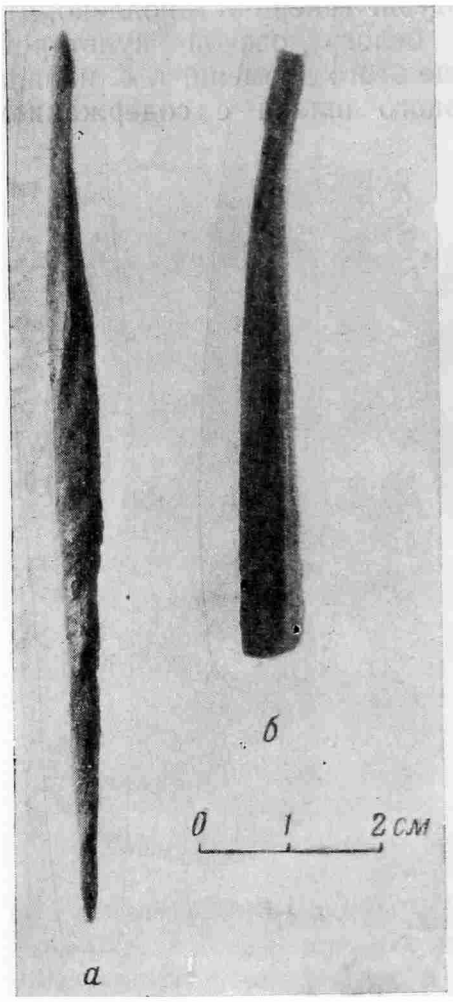


Рис. 5.

а — железное шило с селища срубной культуры у Воронежской ГЭС; *б* — железный стержень с селища у хут. Семидворки Воронежской области

В области распространения ранней стадии срубной культуры (которая не может относиться ко времени позже середины II тысячелетия до н. э.) также известно несколько железных предметов. Как бы ни датировать срубную культуры, в целом ее деление на две ступени — раннюю, с гладкой посудой без орнаментальных валиков, и позднюю, с налепными валиками,— очень убедительно[18]. Ранняя стадия срубной культуры прослежена лишь на Волге и на Среднем Дону, поздняя — на Волге, на территории Приазовья и Северо-Западного Причерноморья. По данным раскопок на Днепре в 1953—1955 гг., становится очевидным, что срубная культура достигла своих крайних западных границ по Днепру и Южному Бугу еще в конце II тысячелетия до н. э. Это заставляет отодвигать ее раннюю стадию несколько глубже — во II тысячелетие (может быть, между XVII—XIII вв.).

Г. В. Подгаецкий в 1936 г. раскопал селище первой стадии срубной культуры у Воронежской ГЭС. Он нашел много остатков бронзолитейного дела и, вместе с тем, следы сыродутной варки железа. Так, здесь был обнаружен железный шлак, содержавший по анализу 5,1% закиси и 64,2% окиси железа, т. е. это шлак, полученный при кричной выработке железа из руды. На селище найдено железное четырехгранное обоюдоострое шило (длина — 9,6 *см*), один конец которого перекручен в полтора оборота (рис. 5, *а*)[19].

---

[16] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце бронзового века. МИА, № 34, 1953, стр. 91—92, рис. 20 и 21; его же. К хронологии больших кубанских курганов. СА, XII, 1950 стр. 157 и 201.

Уже после написания этой статьи Б. А. Латынин в работе «К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы» (КСИИМК, вып. 70, стр. 8) датирует этот топор близко к принятой нами дате. Дата 1200—1100 гг. до н. э., предложенная А. А. Иерусалимской в работе «О предкавказском варианте катакомбной культуры» (СА, 1958, № 2, стр. 46, прим. 44 и стр. 47), основана на находке с этим топором упомянутого железного ножа. Это — аргумент недостаточный, и такая поздняя дата принята быть не может.

[17] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 58.

[18] Там же.

[19] Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», стр. 156—160. Фото этого предмета было обнаружено В. П. Шиловым в фотоархиве ИИМК АН СССР в Ленинграде. Автор приносит благодарность В. П. Шилову за предоставление этой фотографии.

Подобная же перекрученность одного конца наблюдалась нами в железных проколках скифского времени на Каменском городище на Днепре. Недалеко от тех же мест А. Н. Москаленко на небольшом селище ранней ступени этой же культуры у хут. Семидворки Костенковского сельсовета Воронежской области при раскопках нашла обычное медное шило и четырехгранный железный прутик [20]. Этот последний (рис. 5, *б*) является, конечно, кричным прутиком-заготовкой вроде тех, какие известны позднее с Каменского городища. Подобные прутики обращались как деньги в Греции до изобретения монет. Они довольно часты также на городищах адриатической территориальной группы гальштатта. Эта находка, как и вещи с селища у Воронежской ГЭС, относятся, по всей видимости, к середине II тысячелетия до н. э.

Если приведенные хронологические определения верны, то перечисленные выше находки железных вещей и шлаков середины II и рубежа II и I тысячелетий до н. э. убеждают нас в том, что секрет выработки небольших криц сыродутным способом был известен на территории Европейской части СССР в течение почти всего II тысячелетия до н. э. Анализы шлаков с Уманщины и с селища у Воронежской ГЭС указывают на то, что совершенствование в этой области шло медленно. Использование болотной руды засвидетельствовано анализом белогрудовской крицы. Происхождение воронежского шлака неясно, но в этой связи следует принять во внимание одно обстоятельство. На материале скифского времени из Частых и из Мастюгинских курганов Воронежской области приходится отметить широкое применение железа. Из него делались преимущественно наконечники стрел, иногда очень своеобразных форм. Нигде в другой области не наблюдалось такого обилия и разнообразия копий и дротиков. Вырабатывались особые местные формы железных подтоков. Из железа же изготовлялись довольно сложные украшения в зверином стиле, обтянутые золотом. Нет сомнения, что все это свидетельствует о существовании здесь самостоятельной области черной металлургии, которая могла быть связана с Липецким рудным бассейном. (Я высказываю это в порядке предположения, так как анализы, которыми оно могло быть подтверждено, теперь уже сделать невозможно.)

Итак, если территория Европейской части СССР даже несколько отстала от Месопотамии и Малой Азии, то независимо от того, был ли процесс восстановления железа и получения малых криц открыт у нас самостоятельно или заимствован извне (чего также нельзя полностью отрицать), он использовался уже в середине II тысячелетия до н. э., в разгар существования медных и бронзовых орудий. Это совпадает с количественным ростом железных вещей в Восточном Средиземноморье вообще, как это было у хеттов и в Египте. Решительное же наступление железа на бронзу на территории СССР относится к VIII и VII вв., т. е. как и в областях гальштатта, и, как там, побеждает вполне лишь к середине VII в. В это время из бронзы уже делаются только отдельные орудия и вещи: наконечники стрел (почти повсеместно), знаки власти — у скифов, священные орудия, например бритвы фециалов, серпы греческих знатоков целебных трав, некоторое оружие Олимпии и Эпидавра, «жертвенные» ножи в скифских курганах и т. п. Территория Европейской части СССР в этом отношении не отставала от территории Западной Европы, а во II тысячелетии, может быть, ее опережала в кричном деле, конечно, только там, откуда у нас есть disjecta membra нашей древнейшей черной металлургии.

Автор приносит благодарность за предоставление необходимых фотографий администрации ГИМ в лице А. П. Смирнова, а также А. Н. Москаленко (Воронеж) и И. В. Синицыну (Саратов).

---

[20] А. Н. Москаленко. Памятники эпохи бронзы на верхнем и среднем Дону КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 102, рис. 2, 3 и 4; стр. 106.

Г. И. АНДРЕЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ РАКОВИННЫХ КУЧ

До недавнего времени «раковинные кучи» считались самыми древними из известных на территории Приморья археологических памятников. Развернувшиеся с 1953 г. под руководством А. П. Окладникова работы Дальневосточной экспедиции значительно продвинули дело изучения истории Приморья. Работами этой экспедиции обнаружены предшествующие культуре раковинных куч (хотя и немногочисленные пока) памятники, которые отнесены исследователями к палеолитической и неолитической эпохам [1]. Тем самым определились как место этой культуры среди других древностей Приморья, так и ее относительная и абсолютная хронология.

Если в определении абсолютного возраста этой культуры в целом достигнута уже известная ясность и договоренность между исследователями, то этого никак нельзя сказать в отношении хронологического членения отдельных групп ее памятников.

Настоящая работа имеет своей целью предложить периодизацию памятников культуры раковинных куч Приморья и показать их в историческом развитии.

Проблема датировки раковинных куч привлекала к себе внимание самых первых исследователей. Еще М. И. Янковский рассматривал свои раскопки раковинных куч в Приморье в 1881 г. как «первое открытие кухонных остатков каменного периода на Сибирском взморье» [2]. Он, однако, затруднялся в определении их абсолютной хронологии. Основой хозяйства людей, оставивших раковинные кучи, М. И. Янковский считал собирательство, рыболовство и, в меньшей степени, охоту.

И. С. Поляков, производивший в 1881—1882 гг. исследования в Южно-Уссурийском крае, на Сахалине и в Японии, отличал раковинные кучи Приморья от раковинных куч, имеющихся на Сахалине, как по составу костей млекопитающих, так и по орудиям. Он писал, что если для сахалинских раковинных куч характерно наличие кремня и массы оббитых «околоченных» орудий, то раковинные кучи Приморья содержат «сточенные копья и стрелы», которые «весьма напоминают еще недавно бывшие в употреблении на Алеутских островах» [3]. В. П. Маргаритов, исследовавший несколько позже раковинные кучи на побережье Амурского залива, отнес их к периоду «полного неведения в металлах» [4], но полагал, что их можно датировать первой половиной I тысячелетия н. э. Он считал, что

[1] А. П. Окладников. Археологические исследования в Приморье в 1953 г. Сообщ. Дальневосточн. ФАН СССР им. В. Л. Комарова, вып. 8, Владивосток, 1955; его же. Приморье в I тысячелетии до н. э. (по материалам поселений с раковинными кучами). СА, XXVI, 1956, стр. 54—96; Г. И. Андреев. Поселение Зайсановка I в Приморье. СА, 1957, № 2, стр. 122—146.

[2] М. И. Янковский. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на п-ве, лежащем между Славянской бухтой и устьем р. Сидеми. ИВСОРГО, Иркутск, 1881, т. XII, вып. 2—3, стр. 92 сл.

[3] И. С. Поляков. Ответ об исследованиях на о-ве Сахалине, в Южно-Уссурийском крае и в Японии. Приложение к XLVIII тому «Записок Академии наук», № 6, СПб., 1884, стр. 16.

[4] В. П. Маргаритов. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива, близ реки Сидеми. Владивосток, 1887, стр. 5.

население культуры раковинных куч занималось в основном собирательством, охотой и рыболовством, было знакомо с ткачеством. Несколько позднее Ф. Ф. Буссе отнес раковинные кучи Приморья ко времени первобытного человека и полагал, что они доживают до VII в. н. э.[5]. В. К. Арсеньев, открывший и описавший в 10—20-х годах XX в. значительное число археологических памятников в Приморье[6], был в своих работах довольно близок к периодизации Ф. Ф. Буссе.

В 20-х годах XX в. раковинные кучи Приморья исследовал А. И. Разин[7], который отнес их к неолиту. Он сделал первую попытку классификации керамики раковинных куч по орнаментам.

В вопросах датировки раковинных куч А. И. Разин стоял на точке зрения своих предшественников, т. е. считал, что эти памятники существовали до VI—VII вв. н. э.

Н. Г. Харламов, посетивший в конце 20-х годов Хабаровский и Владивостокский музеи, писал, что знакомство с материалами из раковинных куч позволяет ему согласиться с А. И. Разиным о принадлежности их к неолитическому периоду[8].

Амурская экспедиция, начавшая под руководством А. П. Окладникова свои работы в 1935 г., дала материалы, позволившие выделить несколько этапов в древней истории Амура и, в частности, амурский неолит[9]. На основе этих работ Л. Н. Иваньев в 1951 г. сделал попытку передатировать археологические материалы, хранящиеся во Владивостокском музее, и отнес их ко времени от II—I тысячелетий до н. э. до XIV—XV вв. н. э.[10]. К сожалению, свои датировки древностей Л. Н. Иваньев не обосновал анализом материала. Определение «Амуро-приморского» неолита Л. Н. Иваньев ошибочно присвоил А. П. Окладникову: у последнего речь идет лишь об амурском неолите[11]. Для того чтобы доказать существование единого «амуро-приморского» неолита, Л. Н. Иваньев необоснованно приписывал культуре раковинных куч Приморья круглодонность посуды и спиральные узоры на керамике[12].

В 1952 г., работая над коллекциями Владивостокского музея, я установил, что в известных в настоящее время памятниках Приморья отсутствуют круглодонная посуда и спиральные узоры керамики[13], чем культуры Приморья и Приамурья во II—I тысячелетиях до н. э. существенно отличаются друг от друга. На это обстоятельство обратил внимание и А. П. Окладников[14].

---

[5] Ф. Ф. Буссе. Остатки древностей в долинах рек Лефу, Даубихэ и Улахэ. ЗОИАК, т. I, Владивосток, 1888.

[6] В. К. Арсеньев. Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края. Зап. Приамурск. отдела Общ-ва Востоковедения, вып. 1, 1913, стр. 31; его же. Обследование Уссурийского края в археологическом и археографическом отношениях. Изв. Южно-Уссурийск. отд. Приамурск. отд. РГО, г. Никольск-Уссурийский, № 4, апрель, 1922, стр. 55, 56; его же. Отчет о раскопках в Приморском крае. Архив ЛОИИМК, 1924, дело № 161.

[7] А. И. Разин. Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива. Советское Приморье, № 8, Владивосток, 1925; его же. Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива. Советское Приморье, №№ 3—4, 1926.

[8] Н. Г. Харламов. Археологическая поездка в Сибирь и на Дальний Восток в 1928 году. Дневник. Архив ЛОИИМК, 1929, № 135.

[9] А. П. Окладников. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре. СА, I, 1936, его же. Неолитические памятники как источники по этнологии Сибири и Дальнего Востока. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 12.

[10] Л. Н. Иваньев. Изучение древностей Приморья. «Красное Знамя», № 120, Владивосток, 24 мая, 1951 г.

[11] А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники..., стр. 12.

[12] Л. Н. Иваньев. Раковинные кучи Приморского края. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 136.

[13] Г. И. Андреев. Керамика Приморья и Приамурья до XIII в. н. э., стр. 11. Дипломная работа, защищенная в мае 1953 г. на кафедре археологии исторического факультета МГУ. Хранится на кафедре археологии МГУ.

[14] А. П. Окладников. Археологические исследования в Приморье в 1953 г.; его же. Приморье в I тысячелетии до н. э.; его же. У истоков культуры народов Дальнего Востока. Сб. «По следам древних культур». М., 1954.

Археологические работы, развернувшиеся в Приморье в 1953 г. под руководством А. П. Окладникова, позволили установить общую дату памятников типа раковинных куч (конец II тысячелетия до н. э. — I тысячелетие до н. э.). Новые находки дают возможность говорить о датировке раковинных куч в основном I тысячелетием до н. э.; в частности, об этом свидетельствуют находки зеленых и голубовато-зеленых цилиндрических сверленых яшмовидных бус, а также ряд нефритовых изделий, которые, по мнению Г. Г. Леммлейна, являются китайскими и датируются им серединой I тысячелетия до н. э.

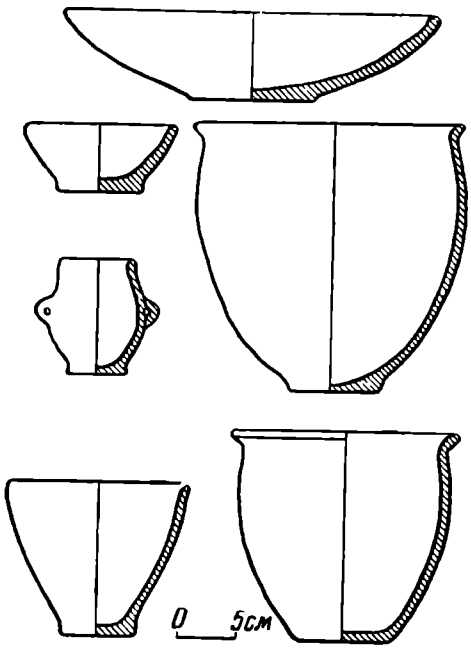


Рис. 1. Формы сосудов из раковинных куч I этапа

Тем самым новые данные подтвердили выводы, сделанные А. П. Окладниковым, М. В. Воробьевым [15] и мною.

Изучение значительного числа памятников типа раковинных куч по коллекциям, хранящимся в фондах Владивостокского музея и в хранилищах ИИМК, показало, что имеющиеся материалы позволяют произвести их периодизацию и выделить два этапа в истории их развития. Предлагаемая периодизация является пока предварительной и в дальнейшем будет, вероятно, уточняться и исправляться.

Так как раковинные кучи следует считать остатками единой культуры, то естественно, что оба этапа очень тесно связаны. Как в ранних, так и в поздних раковинных кучах наблюдается много общих признаков.

В керамике к таким общим признакам относятся: лепка сосудов ручным способом и их плоскодонность, превосходное лощение, налепные валики, орнаменты в виде прочерченных горизонтальных линий и в виде различных сочетаний геометрических элементов — углов, меандров и т. д. Отсутствуют узоры, образующие спирали, овалы, волюты. Очень часто сосуды покрыты ангобом малинового или светло-коричневого цвета.

В каменном инвентаре общими чертами являются наличие сланцевых шлифованных ножей, наконечников стрел, дротиков, копий. Топоры и тесла обычно прямоугольные в сечении.

Довольно часты находки костяных орудий, среди которых преобладают проколки, шилья, иглы.

Первый этап может быть охарактеризован памятниками типа раковинных куч, расположенных на узком перешейке, соединяющем мыс Бринера с полуостровом Янковского [16], а также некоторыми стоянками на узком перешейке, соединяющем мыс Басаргин с полуостровом Муравьева-Амурского [17]. Сюда же относится раковинная куча, находящаяся рядом с узким перешейком, соединяющим полуостров Большой с о. Попова [18].

Керамика раннего этапа наряду с общими признаками, отмеченными выше, характеризуется специфическими чертами: на ангобированной по-

---

[15] М. В. Воробьев. Каменный век стран Японского моря. Автореферат диссертации. Л., 1953.

[16] В основу положены материалы из моих раскопок в 1955 г., а также коллекции, хранящиеся в фондах Владивостокского краеведческого музея им. В. К. Арсеньева.

[17] Те же материалы.

[18] Материалы из произведенных мною в 1954 и 1955 гг. разведок. Хранятся в ИИМК АН СССР.

верхности ряда сосудов наблюдаются остатки краски черного или темно-серого цвета. Профили сосудов плавные, венчики либо прямые, либо слегка отогнутые наружу, или, напротив, загнутые внутрь. Много мисок, тарелок и сосудов горшковидных форм (рис. 1, 2). Очень невелик процент украшений в виде маленьких шишечек и ушек без отверстий.

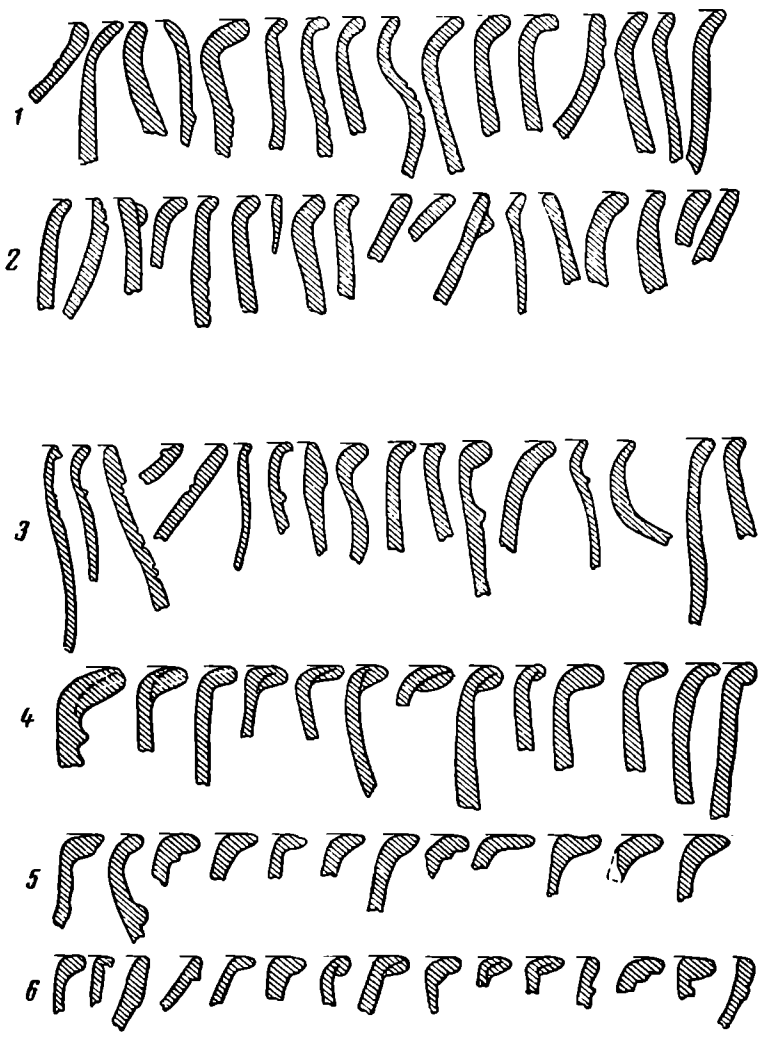


Рис. 2. Профили венчиков сосудов I и II этапов

Среди топоров и тесел преобладают сравнительно короткие и массивные экземпляры (рис. 3, *1, 2*). Наконечники стрел удлиненно листовидные, с ромбическим в сечении острием и слегка уплощенным основанием или же узкие, длинные, с почти прямыми параллельными сторонами, шестигранные в сечении [19].

Кинжалы с оформленными рукоятями лишены перекрестий [20]. Есть ножи и кинжалы, близкие по своим формам к карасукским образцам [21]. На стоянках обилен костяной инвентарь.

Второй этап представляют стоянки типа раковинных куч, расположенные между пос. Южный и мысом Седловинным [22], на мысе Виноградном,

---

[19] Колл. 412, №№ 14, 69, 71. Хранится во Владивостокском краеведческом музее.

[20] Колл. 412, №№ 78, 108. Хранится там же. В. П. Маргаритов. Ук. соч., табл. II—III, рис. 42.

[21] А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока, стр. 252; его же. Приморье в I тысячелетии до н. э., рис. 18.

[22] Раскопки Ж. В. Андреевой в 1955 г. Она также относит памятники подобного рода к позднему этапу развития (см. доклад Ж. В. Андреевой на заседании археологического отдела ГИМ от 26.XI.1956 г.).

близ бывшей рыбалки Попова [23], а также стоянки близ устья р. Сейфун у колхоза им. Чапаева [24] и на полуострове Песчаном [25].

В керамике второго этапа появляется ряд новых черт. Прежде всего это отогнутый венчик (рис. 4, 2-й и 3-й ряды), который часто образовывался путем прилепа. Подобное явление на первом этапе отсутствует совершенно. Очень важным признаком является также перемещение валика на шейку сосуда ближе к венчику, а также насечки на валиках и венчиках (рис. 4, 1-й, 2-й и 3-й ряды). Значительно возрастает число налепных украшений: различного рода шишечек, налепных ушек без отверстий. Резко увеличивается количество узоров из налепных валиков в виде поясков с вертикалями [26], иногда образующих острые углы (рис. 5, 4-й ряд). В геометрических узорах появляются решетки и двойные косые кресты. Совершенно исчезает краска, накладывавшаяся поверх ангоба, на части сосудов первого этапа (рис. 6).

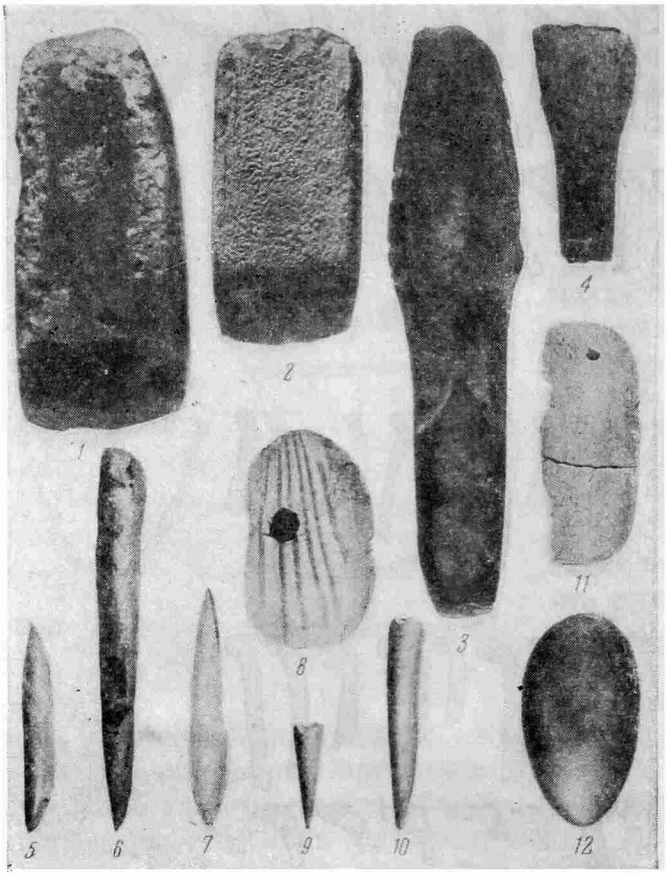


Рис. 3. Орудия из раковинных куч I этапа
1—4 и *12* — камень; *5*, *6*, *7*, *9*, *10*, *11* — кость; *8* — раковина

В каменном инвентаре также появляются новые черты. Топоры и тесла удлиняются и утончаются в сечении (рис. 5, *1—5*). Среди наконечников стрел появляется новый тип с желобком в основании (рис. 5, *16—17*). Появляются каменные сланцевые кинжалы с перекрестиями (рис. 5, *8*).

Новыми для раковинных куч позднего этапа являются также находки яшмовых сверленых бус (рис. 5, *23, 24*) и нефритовых украшений (колец, привесок).

Судя по всему, несколько падает значение костяного инвентаря.

Очень близко к памятникам второго этапа примыкает своеобразная стоянка на мысе Седловинном, на которой отсутствуют раковинные кучи. Керамика этой стоянки многообразна и наряду с общими элементами, присущими обоим этапам раковинных куч, сочетает в себе черты, присущие лишь второму этапу. Найденные здесь кинжалы с перекрестием (рис. 6), цилиндрические каменные бусы, ряд топоров и тесел и другие предметы также довольно близки к подобным же категориям находок из раковинных куч позднего этапа.

Решить вопрос — существовали ли стоянки типа мыса Седловинного несколько позднее стоянок с раковинными кучами или и те и другие стоянки сосуществовали в конце позднего этапа культуры раковинных

---

[23] Сборы автора в 1955 г. Хранятся в ИИМК АН СССР.
[24] Сборы автора в 1955 г.
[25] Колл. 514. Хранится во Владивостокском краеведческом музее.
[26] А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии до н. э., рис. 5, *1, 2*.

куч, когда уже начались изменения в хозяйстве населения и собирательство стало утрачивать прежнее значение — пока не представляется возможным.

Обоснование нашей периодизации раковинных куч Южного Приморья мы начинаем с позднего этапа этой культуры, так как здесь имеются наиболее хорошо датируемые вещи.

Мы не случайно обратили внимание на наличие в поздних раковинных кучах таких признаков, как резко отогнутый венчик и валик, поднимающийся ближе к венчику. В средневековой керамике эти черты уже окончательно оформились, а здесь мы имеем лишь как бы начало их развития, продолжающегося в памятниках переходных, каковыми являются стоянки в районе АртемГРЭСа.

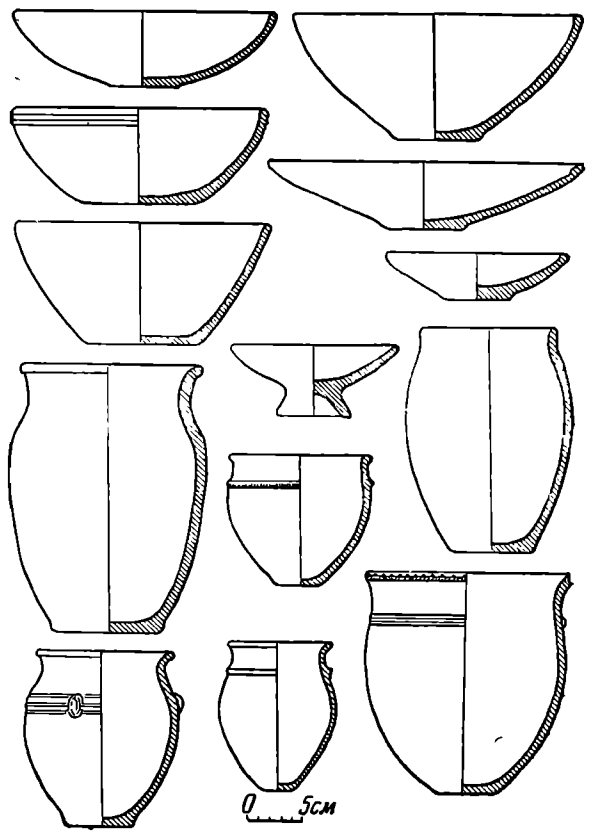


Рис. 4. Формы сосудов из раковинных куч II этапа

Не менее важно отметить, что в поздних раковинных кучах отсутствуют материалы, указывающие на связи с Китаем ханьского времени. Трудно предположить, чтобы связи Приморья с Китаем, прослеживающиеся еще с первой половины II тысячелетия до н. э., оборвались именно в ханьское время, когда территория Ханьского государства простиралась вплоть до Южного Приморья. Правильнее предполагать, что культура раковинных куч в ханьское время уже не существовала и ее исчезновение в Приморье прямым образом связано с китайскими походами на Север. Ведь именно в это время исчезают раковинные кучи и в Южной Маньчжурии [27] и происходят крупнейшие изменения в хозяйстве и культуре населения Кореи, Маньчжурии и Японии [28].

В этом отношении весьма любопытно сообщение А. В. Гребенщикова, основанное на данных китайских летописей. Он пишет: «В период с 8 по 5в. до Р. Х. восточная часть северной Маньчжурии и порубежная с ней наша окраина отмечается на исторических китайских и японских атласах, как местожительство тунгусских поколений и, в частности, как местонахождение сушэней. В 3 и во 2 веке до Р.Х. (в период династий Цинь и Хань) сушэни отодвинулись на северо-запад к побережьям Сунгари и Амура» [29].

Однако было бы неправильно связывать исчезновение раковинных куч на побережье Южного Приморья лишь с различными перемещениями племен III—II вв. до н. э., ибо между керамикой раковинных куч и керамикой стоянок переходной эпохи от бронзы к железу существует ряд черт, позволяющих предполагать генетическую преемственность. Вероят-

[27] Mu-Yang Ch'ēng. Han and Pre-Han Sites at the Foot Mount Lao' Tien in South Manchuria. Archaeologia Orientalis, т. I, II, Tokyo and Kyoto, 1931, стр. 12, 13,

[28] А. П. Окладников. О древнейшем населении Японских островов. СЭ, 1946, № 4; М. В. Воробьев. Ук. соч.

[29] А. В. Гребенщиков. К изучению истории Амурского края по данным археологии. Юбилейный сборник XXV. Музей Общества изучения Амурского края за первые 25 лет его существования. Владивосток, 1916, стр. 51.

нее всего, исчезновение раковинных куч связано с изменением форм хозяйства. Китайские летописи отмечают для рубежа нашей эры развитие скотоводства и пашенного земледелия у племен, которые предположитель-

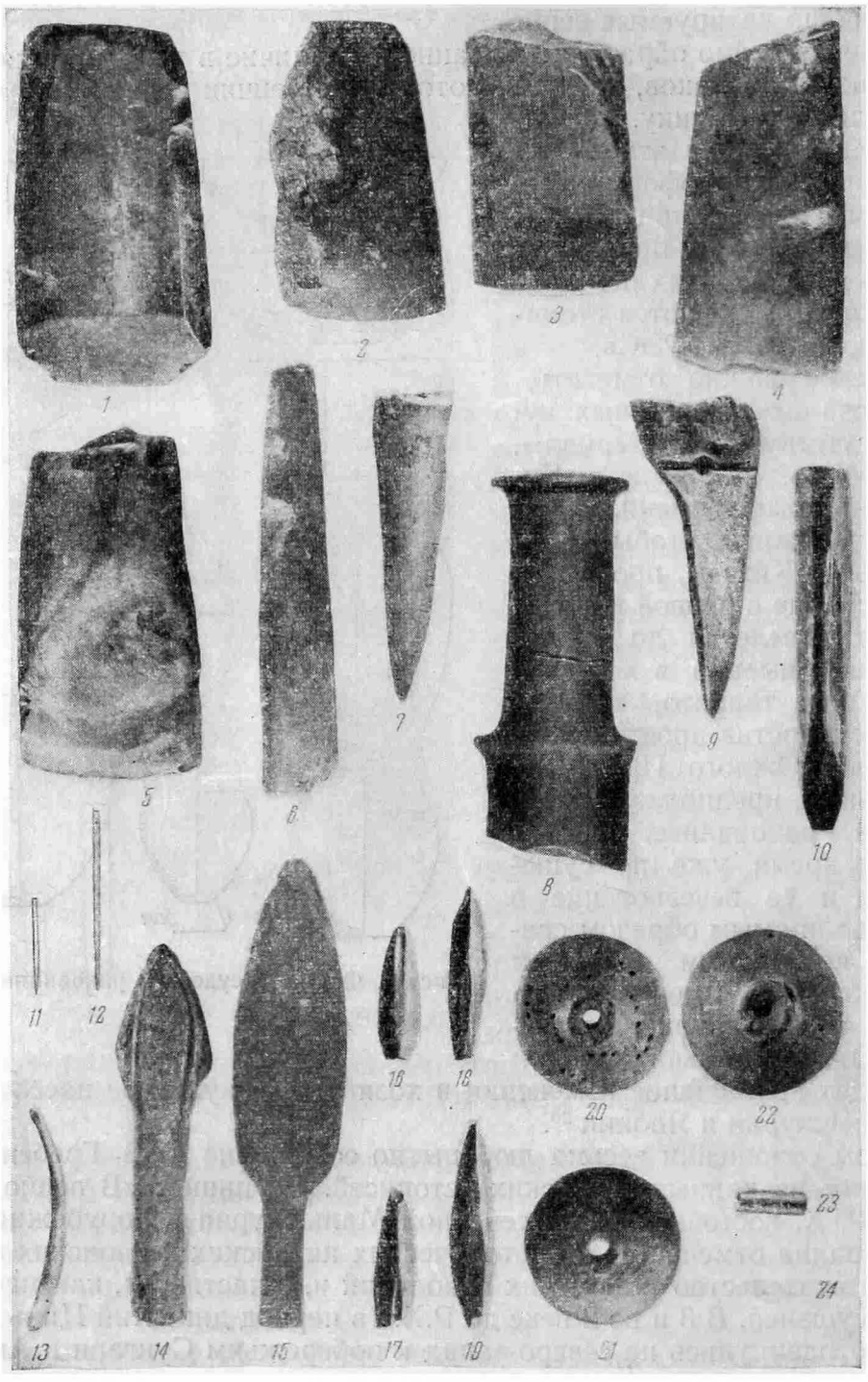


Рис. 5. Орудия из раковинных куч II этапа

1—6, 8, 10, 14—19, 23, 24 — камень; *7, 9, 11—13* — кость; *20—22* — глина

но можно помещать на рассматриваемой территории и несколько севернее. Изменение хозяйства привело к тому, что стоянки с побережья переносятся в глубь континента, в места, удобные для земледелия и скотоводства, а в ряде случаев и близкие к залежам железа. Изменения в хозяйстве могут быть поняты и объяснены лишь в том случае, если признать, что именно в это время, т. е. в самом конце эпохи раковинных куч, в Приморье начинается освоение железа.

Распространенная вплоть до 30-х годов XX в. точка зрения относительно существования культуры раковинных куч в течение всей первой половины I тысячелетия н. э. бездоказательна и могла возникнуть лишь вследствие малой изученности Приморья.

Наличие же только в поздних раковинных кучах таких вещей, как каменные шлифованные кинжалы, подражающие бронзовым оригиналам определенных типов, дает нам датировку второго этапа. Известно, что кинжалы с перекрестиями бытуют в так называемое «скифское время» на огромной территории, в зоне степей, протянувшейся от Центральной Европы до берегов Тихого океана [30]. Каменные кинжалы, находимые в Приморье, ближе всего можно сопоставлять с валиковыми, рубчатыми и отчасти с крылато-эфесовыми кинжалами скифо-тагаро-суйюаньского времени [31]. Находки подобных кинжалов в Приморье могут служить хорошим аргументом в пользу того, что данные памятники относятся к позднему этапу и не могут датироваться ранее VII—VI вв. до н. э. Отсутствие же, как указывалось выше, в раковинных кучах вещей, которые как-то связали бы их с ханьским Китаем, также имеет датирующее значение.

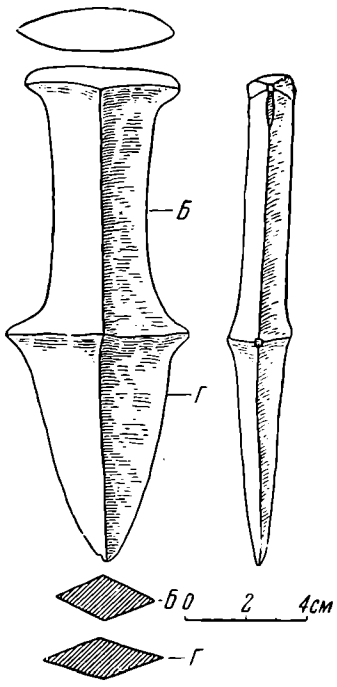


Рис. 6. Каменный кинжал из поселения на мысе Седловидном

Не противоречат этому и находки в поздних раковинных кучах сверленых яшмовидных цилиндрических бус и нефритовых украшений. Таким образом, мы имеем основание предложить для раковинных куч позднего периода дату VII—VI—III—II вв. до н. э.

Значительно сложнее определение времени первого этапа, вернее, его начала. Как мы уже отмечали, за последние годы стали известны памятники, датируемые периодом до появления в Приморье раковинных куч. Стратиграфия показывает, что в верхнем перемешанном слое поселения Зайсановка I[32] имеется довольно много обломков керамики, принадлежность которых к раковинным кучам не вызывает сомнений, тем более что поселение расположено в непосредственной близости к раковинным кучам. Поселения типа Зайсановки I мы датируем XVI—XII вв. до н. э. Нам пока неизвестны памятники на побережье залива Петра Великого, которые занимали бы место между стоянками типа Зайсановки I и раковинными кучами. Между тем их материал настолько различен, что смену памятников, можно объяснить либо большим хронологическим разрывом, либо сменой населения на указанной территории. Теперь, когда уже собраны значительные материалы с побережья, нам представляется, что отсутствие промежуточных памятников здесь не случайно. Вероятнее всего, смена памятников типа Зайсановки I культурой раковинных куч может объясняться сменой населения, тем более что хозяйство тех и других различно. Зайсановцы — в основном охотники и рыболовы, а племена, оставившие раковинные кучи,— прежде всего собиратели морских моллюсков, рыболовы и скотоводы, а затем уже охотники. Обитатели Зайсанов-

---

[30] O. Janse. L'empires des steppes et les relations entre l'Europe et l'Extrême Orient dans l'Antiquité. Revue des Arts Asiatiques, Paris, 1935, т. IX, № 1.

[31] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XXV; T. R. Martin. L'âge de bronze au Musée du Minoussinsk, Stockholm, 1893; Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. Archaeologia Orientalis, Series B., т. I, Tokyo and Kyoto, 1935; Corpus II; табл. XXXIX, рис. 17.

[32] Г. И. Андреев. Поселение Зайсановка I...

ки I пользовались обсидиановыми орудиями, а орудия, находимые в раковинных кучах, сделаны из мягких пород камня.

Не следует забывать и того, что именно XII—XI вв. до н. э. являются временем значительных перемещений племен, связанных с падением шанińской династии, указания на что мы находим в китайских летописях [33].

Встает вопрос, можно ли найти подтверждение тому, что именно в это время, т. е. в конце II тысячелетия до н. э., впервые появились на берегах Приморья новые племена, с неизвестным до тех пор в этих районах хозяйством, связанным с морем.

Таких данных пока мало, но они все же есть. Среди опубликованных А. П. Окладниковым материалов с о. Попова и других мест имеются кинжалы иньско-карасукского времени [34]. В. П. Маргаритовым найден миниатюрный шлифованный нож, напоминающий карасукские коленчатые ножи [35]. Кроме того, среди коллекций, хранящихся во Владивостокском музее, имеется довольно много каменных шлифованных кинжалов без рукоятей, с перекрестиями, которые можно сопоставлять с бронзовыми оригиналами конца II — начала I тысячелетия до н. э.

В памятниках Ганьсу крашеная керамика существует на протяжении всего II тысячелетия до н. э. [36]. Окраска наблюдается и на ряде сосудов первого этапа раковинных куч. Исходя из всей совокупности указанных данных, мне кажется обоснованной дата первого этапа раковинных куч: конец II — первая половина I тысячелетия до н. э. (примерно до VII—VI вв. до н. э.).

Рассмотрев вопросы датировки и произведя выделение двух основных этапов в развитии культуры раковинных куч Южного Приморья, остановимся на некоторых вопросах хозяйственной деятельности племен, оставивших эти памятники.

Все исследователи Южного Приморья согласны в том, что хозяйство этих племен характеризуют собирательство, охота и рыболовство.

Собирательство хорошо представлено остатками раковин, среди которых предварительно определено 23 вида [37]: Ostrea gigas Thun; Corbicula flumina (Müll.); Mytilus grayanus Dunker; Maktra sachalinensis Schr.; Chlamys laetus (Gould); Venerupis philippinarum (Ad et Reeve); Pecten yessoensis Jay; Rapana bezoar; Arca boucardi Jouss; Natica janthostoma Desh; Glycymeris albolineatus (Lischke); Mya arenaria L.; Saxicava arctica (L.); Litterina sp.; Venus stimsoni (Gould); Arca Inflata Reeve; Balanus (rostratus Pilsbry); Aloidis amurinsis (Schr.); Neptunea sp.; Tellina lutea Gray; Protothaka staminea euglipta (Sow.); Chlamys swiftii (Bern); Desinia japonica (Reeve).

Как видно из приведенного нами списка моллюсков, который совпадает с определениями О. А. Скарлато [38], все эти виды типичны для литоральной фауны; среди них отсутствуют глубоководные моллюски. Довольно многочисленны также остатки крабов, найденные почти во всех раковинных кучах. Вероятно, собирали и других представителей морской фауны и флоры, от которых либо вовсе не оставалось ничего, либо остат-

---

[33] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. II, стр. 8.

[34] А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока, стр. 252; его же. Приморье в I тысячелетии до н. э.

[35] В. П. Маргаритов. Ук. соч., табл. III, № 42.

[36] J. G. Andersson. Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu. The Geological Survey of China. Memoirs, Series A, № 5, Peking, 1925; N. Palmgren. Kansu Mortuary Urns of the Pan Shan and Ma Chang Groups. The Geological Survey of China. Palaeonthologia Sinica, Series, D, т. III, рис. 1.

[37] Определение раковинных моллюсков и других видов фауны, собранных мною в 1955 г., произвел Я. И. Старобогатов.

[38] Г. С. Ганешин и А. П. Окладников. О некоторых археологических памятниках Приморья и их геологическом значении. Материалы Всесоюзн. научн.-иссл. геол ин-та. Геология и полезные ископаемые, вып. I, М., 1956.

ки их до нас не дошли. Кроме продуктов моря, собирались, вероятно, орехи, виноград, ягоды, корни.

О рыболовстве можно судить как по находкам массы грузил и остаткам стерженьков от составных рыболовных крючков, так и по значительному количеству костей рыб, собранных нами в 1955 г. Хотя ихтиологические материалы находятся еще в стадии обработки, однако наряду с теми видами рыб, которые уже определены А. Таранцом [39], обнаружен и ряд других, в том числе и пресноводных [40].

Предварительные определения показывают отсутствие глубоководных рыб, не подходящих близко к берегу. По мнению специалистов, определяющих остатки ихтиофауны, здесь представлены рыбы, для ловли которых не требовался выход в открытое море.

Хотя ловля рыб и сбор моллюсков производились вблизи берега, без выхода в открытое море, необходимо предположить самое широкое применение лодок. Каковы были лодки в рассматриваемое время, сказать пока нельзя, но вряд ли они были так сложны, как об этом пишет А. П. Окладников.

Об охоте на животных можно судить как по многочисленным остаткам наконечников стрел, дротиков, копий, так и по костным остаткам, среди которых найдены кости изюбря, косули, лисицы, медведя, кабана [41].

В трех раковинных кучах найдено по одной кости тюленя. Есть ли это свидетельство охоты на них на припаях или это результат выброса моря, судить пока трудно.

Собрана также небольшая, но очень интересная коллекция костей птиц [42], среди которых большинство водоплавающих. Определены следующие породы: 1) гусь гуменник (Anser fabalis Lath) (?); 2) утка (Anas sp.); 3) кряква (Anas platyrhynchos L, возможно Anas poecilorhychna Forster); 4) серая утка (Anas strepera L., возможно Anas falcata Georgi); 5) широконоска (Anas clypeata L.); 6) свиязь (Anas penclope L.); 7) гоголь (Clangula clangula L.); 8) гагара (Gavia sp.?); 9) морянка (Clangula hycmalis L.); 10) морская чернеть (Niroca marila L.); 11) черношейная поганка (Colymbus nigricollis Chr. L. Brehm); 12) большая поганка (Colymbus cristatus L.); 13) краснолицый баклан (Phalacrocorax urila gm.); 14) большой баклан (Phalacrocorax carbo L.); 15) чайка (род Larus sp.?); 16) дикуша (Falcipennis falcipennis Hartlaub) (?); 17) фазан (Phasianus colchicus L.); 18) курица домашняя (?); 19) большеклювая ворона (Corvus levaillantii Leison).

При дальнейших работах список этот, вероятно, еще больше увеличится.

До работ А. П. Окладникова вопрос о знакомстве населения культуры раковинных куч со скотоводством никем не ставился. А. П. Окладников высказал мысль о разведении свиней в эпоху раковинных куч, но предполагал, что это были полудомашние свиньи. На основании определений В. И. Цалкина нам представляется, что можно с уверенностью говорить об одомашнении свиньи, произошедшем в это время. Кости свиньи не только присутствуют во всех раковинных кучах Приморья, но и преобладают над костями других животных [43].

---

[39] А. Таранец. О костях рыб, найденных в кухонных остатках племени Илоу. Вестник Дальневосточного филиала АН СССР, Владивосток, 1936, № 18.

[40] Определение костей рыб производится в Институте океанологии АН СССР Л. Н. Беседновым под руководством проф. Т. С. Расса.

[41] Определение костей животных произведено В. И. Цалкиным, которому приношу свою благодарность.

[42] Определение костей птиц произвел доцент кафедры позвоночных животных биофака Киевского государственного университета М. А. Воинственский, которому, пользуясь случаем, приношу свою благодарность.

[43] Г. И. Андреев. Отчет о раскопках в Приморье в 1955 г. Хранится в архиве ИИМК.

На втором месте среди костных остатков стоят кости собаки [44], в связи с чем В. И. Цалкин высказал мысль о возможности разведения собак на мясо. Подобное явление имело место в неолите Северо-Восточного Китая [45]. Известно также, что в Корее и до настоящего времени собак употребляют в пищу.

Рассмотрим вопрос о земледелии в эпоху раковинных куч и его характере. А. П. Окладников указывает, что в раковинных кучах находят зернотерки, серпы и мотыги. Достоверно из раковинных куч нам известны только терки, тогда как прочие категории орудий происходят лишь из случайных сборов или являются подъемным материалом. Терки же могли служить для растирания корней или красок, а вовсе не для растирания зерна.

Вопрос о шиферных серпах-ножах с отверстиями также необходимо тщательно изучить, ибо на различных территориях в различное время и в различных условиях эти орудия применялись различно. У эскимосов они были связаны с обработкой мяса и шкур, а в Китае являлись орудиями земледелия. В Приморье подобные находки исчисляются единицами в сборах, поэтому мы полагаем, что впредь, до накопления новых материалов из раскопок, вопрос о подобных орудиях следует считать открытым.

Те орудия, которые А. П. Окладников считает мотыгами, могли быть орудиями землеройными, а не только земледельческими, т. е. могли использоваться для постройки землянок, рытья ям и т. д.

Отсутствие находок зерен и небольшое количество находок предметов, связанных с обработкой земли (да к тому же происходящих из случайных сборов), не дают, конечно, права для отрицания факта существования земледелия, но они еще недостаточны для решения этого вопроса. Тем более спорным остается вопрос о характере земледелия, так как сопоставление земледелия в Приморье в эпоху раковинных куч с земледелием культуры Яншао или типа Яншао вряд ли возможно, хотя бы потому, что между культурой Яншао и культурой раковинных куч существует хронологический разрыв примерно в 1000 лет [46], к тому же природные и климатические условия разбираемых областей совершенно различны.

Проблема хозяйственной деятельности населения культуры раковинных куч включает еще целую группу связанных между собой вопросов: о развитом гарпунном комплексе, о морском промысле как основе хозяйства и о развитии морского рыболовства.

А. П. Окладников определяет людей времени раковинных куч как отважных морских зверобоев, выходивших далеко в морские просторы. Это утверждение базируется на данных, содержащихся в статьях А. И. Разина и А. Таранца. Первый говорит о наличии среди находок раковин глубоководных видов и причисляет к ним «волнистых рожков» (Buccinum Undatum). Однако известно, что указанный вид раковин не обитает в Японском море в настоящее время и, судя по определению специалистов [47], не обитал и в прошлом. Указанный вид характерен для северных морей и типичен для литоральной фауны. Выше мы уже отмечали, что все определенные виды также типичны для литоральной зоны, т. е. для сбора их вовсе не требуется выездов в открытое море.

В статье А. Таранца, посвященной изучению остатков рыб из раковинных куч, упоминаются позвонки тунцов, добыча которых, по мнению автора, требовала выхода в море [48]. Эти данные и легли в основу поло-

[44] Г. И. Андреев. Отчет о раскопках в Приморье в 1955 г.

[45] БСЭ, т. 21, изд. 2-е, Китай, Археолог. очерк, стр. 197.

[46] Как А. П. Окладников, так и я считаем, что культура раковинных куч начинается в конце II тысячелетия до н. э., тогда как культура Яншао кончается в конце III тысячелетия до н. э. См. Р. Ф. Итс. Культуры Яншао и Луншань и их соотношение. СА, XXIV, 1955.

[47] Об этом см. выше определения О. А. Скарлато и Я. И. Старобогатова.

[48] А. Таранец, Ук. соч.

жения А. П. Окладникова о морском промысле как основе хозяйства племен.

В связи с этим мы рассмотрим прежде всего вопрос о тунцах. Действительно, в ряде раковинных куч на побережье залива Петра Великого находят отдельные позвонки тунцов двух видов. Однако нужно ли было за тунцами выходить в открытое море и каковы были орудия их добычи?

Вот что сообщают, например, А. И. Румянцев и И. В. Кизеветтер о восточном тунце: «Восточный тунец предпочитает плыть против течения и во время отлива заходить в бухты и устья, из которых при приливе уходить в открытое море» [49]. Еще более интересные сведения находим у П. Орла: «Наблюдения, произведенные в августе месяце 1924 года сотрудниками Дальгосрыбпрома и с 1917 по 1925 г. сотрудниками Промыслового надзора Дальрыба, подтверждают рассказы рыбаков о том, что тунцы, действительно в большом количестве, в определенное время (с конца мая по сентябрь месяц), группируясь в огромные стаи, подходят почти к самому Владивостоку» [50]. И далее: «В 1921 году в заливе «Посьет» в рейде «Паллады» на рыбалке у м. «Астафьев» — (полуостров «Краббе»), к неводу подошло несколько десятков тунцов, часть их зашла в невод. Спасая невод, который в конце концов был изорван, рыбаки, вооружившись кольями и топорами, убили 22 тунца, общим весом примерно в 200 пудов» [51].

О том, какая масса тунцов подходит иногда к берегу, можно судить по следующему сообщению: «20 августа 1924 года с маяка на острове «Аскольд» видели большое количество крупных тунцов, весом примерно от 10 и выше пудов. Эти тунцы, дойдя до бухты «Наездник» (на о. «Аскольде»), заполнили собою всю бухту и заняли еще около мили в открытом море. Эта масса рыбы наблюдалась около получаса, а затем она скрылась по направлению к югу» [52].

Не случайно в 1925 г. японская фирма «Фудзихико Кудоо» через своего представителя во Владивостоке добивалась предоставления ей в аренду на 5—10 лет район залива Петра Великого для ведения неводного промысла тунца. По мнению А. П. Окладникова, орудием лова тунца для населения раковинных куч служил поворотный гарпун. Однако вот что пишет П. Орел о ловле тунца в XX в: «Охота на тунцов местным населением при помощи гарпунов положительных результатов не дала, т. к. гарпуны рвали мясо, а удержать тунца не могли. Мясо тунца настолько нежно, что такие орудия лова для него не пригодны» [53].

Распространенный в настоящее время лов тунца на удочку также вряд ли мог существовать в то время. Очевидно, тунец не был промысловым животным для населения раковинных куч, о чем говорят и единичные находки его костных остатков.

Таким образом, мы не можем согласиться с мнением А. П. Окладникова, полагавшего, что «добыча глубоководных моллюсков и рыб была невозможна без выхода в открытое море. Она требовала соответствующего технического оснащения — в первую очередь больших, устойчивых на морской волне лодок, возможно уже с парусом и балансиром-аутригером. Нужны были морские сети, а также специальные удочки с грузилами, опускающимися на большую глубину, и многое другое, на чем держалось морское рыболовство у различных племен Тихого океана в момент их первоначального соприкосновения с европейцами» [54].

Выше было уже отмечено, что для лова обнаруженных рыб не требовался выход в открытое море. Некоторые виды рыб, в частности тресковые и бычки, могли ловиться на удочку; камбала и ряд других рыб лови-

[49] А. И. Румянцев и И. В. Кизеветтер. Тунцы. Владивосток, 1949.
[50] П. Орел. Тунцовый промысел. Советское Приморье, № 5, 1926, стр. 59.
[51] Там же, стр. 60.
[52] Там же, стр. 61.
[53] Там же.
[54] А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока, стр. 250.

лись в сети в бухтах; пресноводные и некоторые морские рыбы могли ловиться с помощью установленных сетей в устьях рек. В реках же могли ставиться и верши, морды, устраиваться «заколы» и другие приспособления.

Для добычи всех указанных выше видов рыб вовсе не были нужны лодки с парусом и аутригером.

Последним вопросом, связанным с морским промыслом эпохи раковинных куч, является вопрос о наличии развитого гарпунного комплекса в Приморье.

Мы выяснили, что для добычи тунцов гарпунный комплекс не был нужен. Малое количество костей тюленей убедительно говорит о том, что добыча тюленей не была сколько-нибудь распространенным занятием населения. А для того, чтобы иногда добывать тюленей на припае, не требовалось сложного гарпунного комплекса.

В раковинных кучах до сих пор не найдены наконечники гарпунов открытого или закрытого типа, нет и гарпунов простейших форм.

В тех случаях, когда морской промысел играл большую роль или составлял основу хозяйства, на стоянках обычно обнаруживается масса наконечников[55], а также всегда в большом количестве находятся и кости промысловых животных. Ничего подобного в раковинных кучах нет.

А. П. Окладников считает наконечниками поворотных гарпунов, встреченные единицами, каменные шиферные дротики с одним или двумя отверстиями[56]. Эти наконечники сопоставляются им с некоторыми из наконечников, найденных на стоянках берингоморской культуры. С. И. Руденко считает их копьецами от наконечников гарпунов, ножами или копьями[57]. Специалисты, занимающиеся вопросами рыболовства, и в частности гарпунами, не склонны рассматривать подобные находки как поворотные гарпуны[58].

Таким образом, нам представляется, что для утверждения наличия развитого гарпунного комплекса в эпоху раковинных куч и того, что основу хозяйства племен, населявших в это время Южное Приморье, составлял морской промысел, пока еще слишком мало данных.

Итак, раковинные кучи появляются на территории Южного Приморья по-видимому, не ранее конца II тысячелетия до н. э. и существуют почти все I тысячелетие до н. э. (вплоть до ханьского времени). Хозяйственная деятельность племен, оставивших раковинные кучи, была многообразной. Собирательство и рыболовство (как речное, так и прибрежно-морское), охота и свиноводство — вот что лежало в основе их хозяйства. Не исключена возможность развития земледелия, но отличного от культур типа Яншао. Знакомство племен, оставивших раковинные кучи, с металлом начинается, вероятно, с конца II тысячелетия до н. э.

Если учесть такие производства, как ткачество, изготовление прекрасной лощеной посуды, лодок и ряд производств, связанных с обработкой шкур и шитьем одежды, то становится ясно, что жители раковинных куч стояли на довольно высоком уровне культурного развития.

Не принимая в расчет все эти факты, а также не учитывая связи с таким центром культуры, как Китай, нельзя объяснить появление уже на рубеже VII—VIII вв. н. э. первого государства на территории Южного Приморья и Северо-Восточного Китая, а именно Бохайского государства.

---

[55] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947, табл. 5, 7, 8, 9, 10; его же. Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов. Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. II, М.—Л., 1947.

[56] А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока, стр. 249.

[57] С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря, табл. 17, *5*; табл. 20, *5*.

[58] Выступление В. В. Федорова на заседании в секторе палеолита в Ленинграде, посвященное докладу А. П. Окладникова о раковинных кучах Приморья. В. Н. Чернецов в беседе со мной также выразил сомнение в их подобном применении.

К. В. САЛЬНИКОВ

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ БАШКИРИИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ н. э.

В археологической литературе неоднократно отмечались связи сармато-аланских племен с Прикамьем. В ананьинское время сарматское влияние наблюдается в материалах из городищ по р. Белой [1]. Сарматские кочевья прохоровского этапа обнаруживаются непосредственно в районе г. Уфы [2]. В ананьинско-пьяноборском уфимском бескурганном могильнике, открытом на территории современного города Уфы, отмечаются некоторые связи с югом. В последующих погребениях степного типа встречается уже большое число предметов южного происхождения [3].

К IV в. н. э. племена с сармато-аланской культурой появляются еще севернее и доносят до верховьев Камы курганный способ погребения и соответствующий инвентарь, доказательством чего служат памятники харинской культуры [4].

Проникновение сарматских элементов в бассейн р. Белой и Камы неизбежно должно было повести к изменению этнического состава населения.

У некоторых авторов создалось даже ошибочное представление о том, что этот процесс привел к поглощению местных племен сарматскими в низовьях рек Белой и Уфимки еще в III—II вв. до н. э. [5].

Как показывают материалы Стерлитамакского могильника VIII—IX вв., сармато-аланская культурная среда в Юго-Западной Башкирии в конечном итоге побеждает [6]. Но можно ли говорить о завершении ассимиляционного процесса в столь раннее время, как последние века I тысячелетия до н. э., тем более, что и в Стерлитамакском могильнике проявляются элементы культуры угро-финноязычных племен Прикамья и Поволжья?

В более ранних памятниках это сочетание двух культурных элементов выявляется значительно сильнее. Своевременно поставить ряд вопросов: как далеко на юге складывались сарматские племена, на какой базе происходило это сложение и в какую этническую среду и когда проникали сарматы в Южной Башкирии?

---

[1] Г. В. Юсупов. Археологические разведки в Башкирии. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 92.

[2] П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Отчет о работах на линии Уфа — Ишимбай. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М., 1941.

[3] Р. Б. Ахмеров. Древние погребения в г. Уфе. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 113—117; его же. Уфимские погребения VI—VIII веков нашей эры. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 125—137.

[4] О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1950 г. КСИИМК, вып. XLIX, стр. 102; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 80.

[5] Р. Б. Ахмеров. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 34.

[6] Его же. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955, стр. 153—176.

Памятники, изученные за последние годы по среднему течению р. Белой, позволяют высказать по этому поводу некоторые соображения. Существует мнение, что в сложении сарматских племен значительную роль сыграли племена срубной культуры Нижнего и Среднего Поволжья[7]. Работами Южно-Уральской археологической экспедиции Уральского университета и экспедиции Башкирского филиала Академии наук СССР памятники срубной культуры открыты в Башкирии по всему среднему и нижнему течению р. Белой. Однако раннесарматские памятники на этой территории неизвестны. Нет основания предполагать, что район сложения

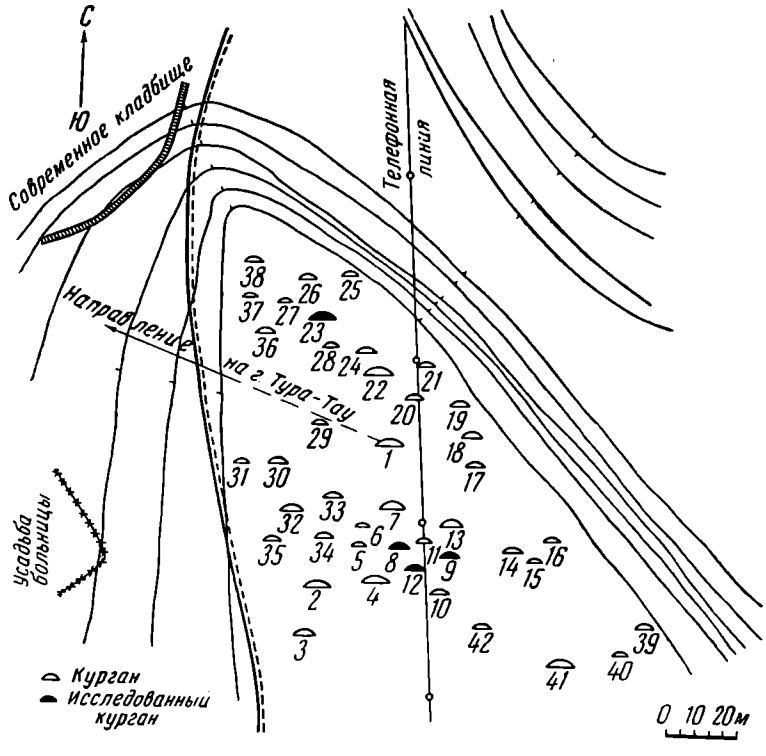


Рис. 1. План курганного могильника у с. Салихова

сарматских племен можно расширить за счет Юго-Западной Башкирии. По-видимому, проникновение сарматских кочевых племен в степи Юго-Западной Башкирии началось лишь в прохоровское время и шло в основном по левобережью р. Белой. На правобережье и в более позднее время продолжали обитать оседлые племена, имеющие глубокие местные корни. Их поселения открыты работами Южно-Уральской археологической экспедиции Уральского университета в нескольких пунктах на правом берегу р. Белой в районе г. Стерлитамака.

В 1952 г. в 300 *м* ниже с. Урняк Макаровского района в обрыве высокого берега возле южной подошвы горы Куш-тау разведочным отрядом этой экспедиции[8] было открыто селище Куш-тау южное. В 1953 г. экспедицией здесь была заложена траншея. В культурном слое на глубине 0,17—0,35 *м* найдено 60 обломков керамики и глиняное пряслице.

Керамика грубой лепки с примесью песка серого, желтого, бурого цветов. Орнамент ограничивается косыми насечками по внешнему краю венчика; часть сосудов вообще не имела орнамента. Сосуды представляли собою плоскодонные горшки с низким широким горлом и плечиками различной степени выпуклости. В находках 1952 г. один фрагмент выделяет-

---

[7] К. Ф. Смирнов. Проблемы происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3, стр. 9—14.

[8] Руководитель отряда В. П. Викторов.

ся тщательностью выработки и, по-видимому, является обломком высокого горла кувшина.

Пряслице усеченно-биконической формы имело с одной стороны поясок из наколов. Подобные пряслица известны в Кошибеевском могильнике [9].

В 1953 г. в 250 *м* к югу от предыдущего селища открыто другое поселение — селище Урняк II. (Расположено приблизительно в 100 *м* к северо-северо-востоку от абашевского селища Урняк). Керамика, найденная на селище, трех типов: два близки срубно-хвалынским и абашевским, третий тип представлен горшками грубой формовки с прямым горлом и выпуклыми плечиками. По обрезу венчика нанесены насечки. По-видимому, есть и чашки, также с насечками по краю. Эта керамика может быть отнесена к типу Куш-тау южное. Обломки таких же сосудов обнаружены на селище, находящемся на правом берегу р. Селеук в 200 *м* от впадения ее в р. Белую [10].

Описанная керамика датируется находками аналогичных сосудов в курганах II—IV вв., раскопанных Южно-Уральской археологической экспедицией в 1953 г. у с. Салихова Макаровского района [11].

Исследованные экспедицией четыре кургана входят в состав группы из 42 насыпей, расположенных у северо-восточной окраины села на непаханном участке степи (рис. 1). Курганы невелики: диаметр их равен 5—12 *м*, высота насыпи от 0,30 до 0,80 *м*. На вершине некоторых курганов заметна выкладка из камней (рис. 2).

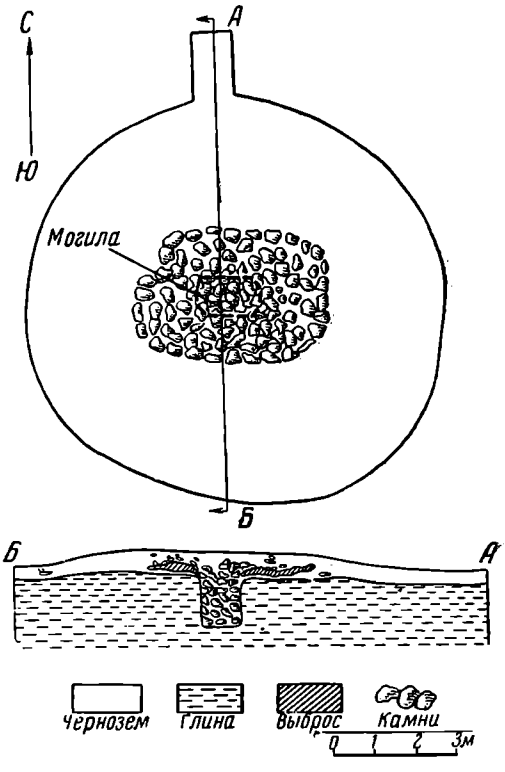


Рис. 2. Могильник у с. Салихова. План и профиль кургана № 23

Курган № 8. Под насыпью кургана № 8 обнаружена узкая могильная яма длиной 1,65 *м*, шириной 0,55 *м* со скругленными углами, ориентированная по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Погребение было потревожено грабителями, и части костяка обнаружены на разных уровнях в насыпи над могилой и в ее заполнении. Бо́льшая часть костей лежала в беспорядке в центральной части дна могилы; ключицы и череп теменем вниз — в северо-северо-восточном ее конце. Среди костей в центре могилы собраны бусы (рис. 3, *1—6*) и медные мелкие изделия: обломки полушарных полых бляшек, кольцевидная обоймица с несомкнутыми концами, крючочек из проволоки, квадратной в сечении. Найдено четыре бусины: две кольчатые — черная и белая и две квадратные (4 × 4 × 2,5 *мм*) — бурого цвета. Квадратные бусины снабжены каждая двумя отверстиями, которые проходят через узкие стороны в двух противоположных углах. Здесь же найдено 15 экземпляров стеклянного бисера разных типов: кольчатый белого, серо-бурого, черного цветов, боченкообразный серо-бурого цвета, цилиндрический зеленый, кольчатый двойной и тройной.

---

[9] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901, табл. VII, рис. 1 и 15.

[10] Открыто в 1951 г. разведочным отрядом В. П. Викторова. Находится в нескольких километрах от селища Урняк.

[11] В работах экспедиции, кроме автора, принимали участие В. П. Викторов, В. Д. Викторова, В. С. Стоколос, Л. Г. Попкова.

Курган № 9. В насыпи кургана встречены отдельные камни. В западной поле на глубине 0,30 *м* от современной поверхности на площади в 1 $м^2$ оказалось скопление черепков, относящихся к трем сосудам. Второе, меньшее скопление найдено в северной поле кургана. Засыпка могилы состояла из камней, глины и чернозема. Сохранились следы грабительского хода, который шел наклонно с юго-востока.

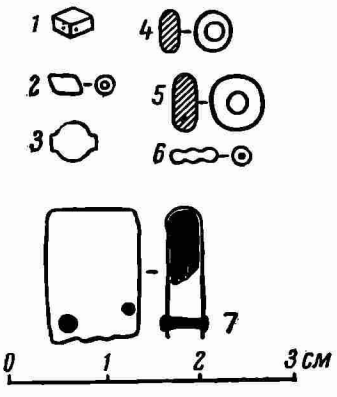


Рис. 3. Украшения из Салиховских курганов

1—6 — бусы и бисер из кург. № 8; *7* — бронзовая обойма из кург. № 9

Могила подчетырехугольной формы со скругленными углами (длина — 2,15 *м*, ширина — 0,83 *м*, глубина — 0,88 *м*) была ориентирована с северо-востока на юго-запад. Засыпка могильной ямы в верхней части состояла почти целиком из одной глины, а ниже — с большей примесью камней.

На дне могильной ямы обнаружены остатки костяка в непотревоженном положении, но плохой сохранности. Покойник лежал головой к востоку, череп его был деформирован.

Справа от таза обнаружен распавшийся на мелкие обломки железный нож. Вдоль левых берцовых костей с внешней стороны лежал железный кинжал такой же плохой сохранности со следами деревянных ножен синего цвета. В области рукоятки собрано несколько обломков крупных медных выпуклых пластинок, составлявших, видимо, обкладку верхней части ножен, а также две квадратные бронзовые обоймицы с кусочками кожи внутри, возможно от портупеи (рис. 3. *7*).

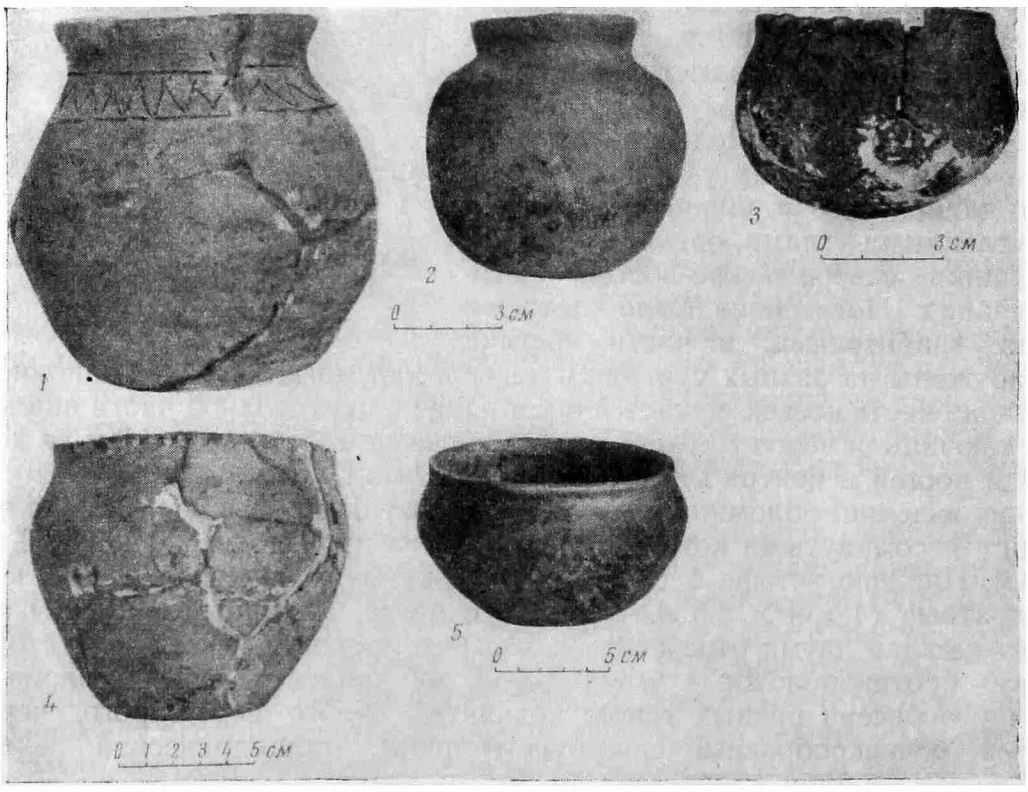


Рис. 4. Сосуды из курганов у с. Салихова

1 — кург. № 23; *2* — кург. № 9; *3—5* — кург. № 12

В северной стенке могилы найдена крупная костяная пряжка с кружковым орнаментом (рис. 5, *2*). Между коленями костяка стоял цельный небольшой глиняный горшок с плоским дном (рис. 4, *2*), хорошо выра-

женным невысоким горлом, несколько расширяющимся кверху, выпуклыми плечиками и почти вертикальными стенками. Поверхность неровная, буро-красного цвета; в глине небольшая примесь песка. Орнамент отсутствует.

В груде черепков, найденных под западной полой кургана, определяются три сосуда: 1) кувшин с высоким, узким, прямым, несколько расширенным вверху горлом и уплощенным дном и прямоугольной ручкой с шишечкой (рис. 5, *1*); поверхность буро-серого цвета хорошо залощена и обожжена, орнамент отсутствует; 2) горшок с низким, широким горлом и сильно выпуклыми плечиками, плоским дном, поверхность желто-бурого цвета, неровная, в глине примесь дресвы, по краю горла нане-

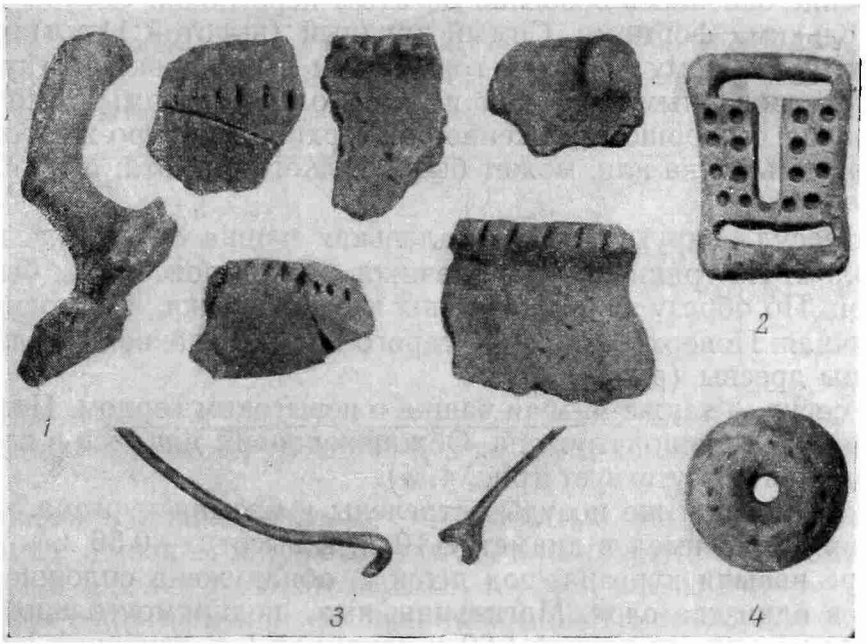


Рис. 5. Вещи из курганов у с. Салихова и с поселения Куш-тау южное

1 — керамика из насыпи курганов; *2* — костяная пряжка из кург. № 9; *3* — концы бронзовой гривны из кург. № 12; *4* — глиняное пряслице (Куш-тау южное).

сены насечки; 3) сосуд, представленный небольшим числом обломков и близкий по типу к предыдущему. В северной поле кургана найдены обломки чашки, вылепленной из глины с примесью дресвы, с прямыми стенками и отогнутым наружу краем.

Из северо-западной части насыпи происходит фрагмент сосуда, по составу теста и форме близкий описанным выше, орнаментированный по плечикам горизонтальным пояском из насечек.

Курган № 12. На вершине кургана, под дерном, находилась каменная обкладка диаметром 4—5 *м*, а к северо-востоку от центра насыпи — груда камней, щебенки и глины.

В насыпи в разных местах найдено 18 черепков не менее чем от двух глиняных сосудов. Прорезанная к северу траншея позволила обнаружить у основания кургана небольшой ровик и в нем череп лошади.

Могила, ориентированная по линии север — юг, состояла из входной ямы и подбоя под западной стенкой. Длина входной ямы — 2,25 *м*, ширина — 0,80 *м*, глубина от древней поверхности — 1,50 *м*. Входная яма была заполнена крупными каменными глыбами и плитами весом до 2—4 пудов, а также глиной и черноземом.

Подбой, устроенный под западной стенкой входной ямы, имел длину 1,75 *м*, максимальная ширина сохранившейся его части — 0,40 *м*; он был

заполнен землей без камней. Дно подбоя было углублено в сравнении с дном входной ямы на 0,40 *м*.

В подбое помещался костяк девушки, лежавший вытянуто на спине, головой к северу. Череп и кости грудной клетки лежали на каменной плите, такая же плита была положена под ноги. У ног стояли два сосуда, там же найдены астрагалы барана, составлявшие, по-видимому, игральный набор. На кисти правой руки стоял раздавленный маленький сосудик. Незначительные остатки четвертого сосуда находились слева от черепа. На шее костяка оказались обломки бронзовой проволочной гривны с крючком на одном конце и петелькой на другом (рис. 5, *3*). В области таза обнаружены две округлые маленькие серебряные бляшки — пластинки диаметром 0,10 и 0,15 *см*, с отверстиями.

Погребение оказалось особенно богатым керамикой. Сосуды представлены несколькими формами. Самый крупный (высотой 11 *см*) имел горшечно-баночную форму с низким горлышком и несколько отогнутым краем, орнаментированным насечкой подтреугольной формы. Дно плоское. Стенки тонкие с хорошо сглаженной поверхностью буро-желтого цвета. В глине примесь песка или, может быть, мелкого шамота; обжиг хороший (рис. 4, *4*).

Второй сосуд — круглодонная маленькая чашка со слегка выделяющимся горлом. На грани горла и плечиков резной поясок как бы от перевязи ниткой. По обрезу горла нанесены косые насечки. Формовка грубая, асимметричная. Поверхность темно-серого цвета, неровная. В глине крупные частицы дресвы (рис. 4, *3*).

Третий сосуд — также низкая чашка с невысоким горлом. Поверхность ее бурого цвета, хорошо сглажена. Обжиг хороший; примеси в глине незаметны. Орнамент отсутствует (рис. 4, *5*).

Черепки подобной же посуды встречены в насыпи кургана.

Курган № 23 имел в диаметре 10 *м*, в высоту — 0,55 *м*.

В центре насыпи кургана, под дерном, обнаружена сплошная кладка из камней в один-два слоя. Могильная яма, подпрямоугольной формы, с округленными углами длиной 1,60 *м*, шириной 1 *м*, глубиной 1,40 *м*, ориентирована с востока на запад. Вся яма была заполнена сплошным завалом камней. Местами стенки ямы обложены плитняком. Погребение потревожено грабителями. В анатомическом порядке сохранились только кости одной голени и ступни. Погребенный был ориентирован головой к востоку; череп его был деформирован.

В западном конце могилы обнаружен небольшой глиняный сосуд с плоским дном, несколько расширенным кверху горлом и выпуклыми плечиками. Поверхность хорошо сглаженная, красно-бурого цвета. Стенки тонкие, хрупкие. По верху плечиков резной орнамент: зигзаг между двумя горизонтальными поясками (рис. 4, *1*).

В засыпке могильной ямы и в насыпи кургана найдены черепки различных сосудов, близких сосудам из кургана № 12.

Кроме описанных выше четырех курганов, экспедицией раскопан одиночный курган того же типа на восточной окраине села.

В восточной поле кургана найдено несколько раздробленных костей животных. В западной поле помимо костей обнаружено 34 черепка глиняных сосудов.

Большая могильная яма прямоугольной формы находилась юго-западнее центра кургана, была ориентирована по линии восток-юго-восток — запад-северо-запад и имела длину 2,40 *м*, ширину 1,50 *м*, глубину 0,40 *м*. В могиле оказались остатки разрушенного грабителями костяка человека. Непотревоженными сохранились лишь ступни и берцовые кости, по которым видно, что покойник лежал вытянуто на спине, головой к востоку.

Никаких предметов в могиле не обнаружено.

Керамика, встреченная в насыпи кургана, того же типа, что и в курга-

нах предыдущей группы. Среди фрагментов встречено два обломка, видимо, одного низкого, широкого, слегка отогнутого кнаружи горла сосуда со слегка выпуклыми плечиками. По краю горла нанесены насечки — вмятины. На одном обломке от бока сосуда ясно заметен след отломанной ручки. Пять обломков принадлежат очень крупным сосудам со стенками толщиной до 0,20 *см*. Характер днищ не выяснен.

Все пять исследованных курганов, несмотря на некоторые различия в погребальном обряде, оставлены, несомненно, одним племенем. Под курганными насыпями было только по одной могиле, ориентированной в широтном или меридиональном направлении, иногда с отклонением. Для женских костяков типична, по-видимому, северная ориентировка, для мужских — восточная. Скопления керамики в насыпях курганов следует, очевидно, рассматривать как остатки тризны.

№№ курганов	Ориентировка		Камни		Сосуды в могилах	Керамика в насыпях	Пол погребенного
	могил	костяков	в насыпи	в заполнен. могил			
8	ССВ—ЮЮЗ	ССВ	—	—	—	—	Ж
9	ВСВ–ЗЮЗ	ВСВ	X	X	X	X	М
12	С—Ю	С	X	X	X	X	Ж
23	В—З	В	X	X	X	X	М
Одиночный	ВЮВ—ЗСЗ	В	—	—	—	X	?

В единый комплекс связывает все погребения однотипность керамики. (Исключением является курган № 8, в котором не обнаружено ни одного черепка).

Керамика представлена не менее чем пятью типами сосудов.

1. Горшки с низким широким горлом, плоским дном (рис. 4, *4*).
2. Горшки с более высоким и узким горлом, плоским дном (рис. 4, *1*).
3. Чашки с круглым или уплощенным дном (рис. 4, *3, 5*).
4. Узкогорлый маленький горшок с плоским дном (рис. 4, *2*).
5. Кувшины с ручками, с высоким, узким, несколько расширенным кверху горлом, плоским дном.

Ряд сосудов отличается хорошо сглаженной поверхностью, по-видимому, затертой жидкой глиной. В глине в одних случаях примесь не устанавливается, в других она ограничивается небольшим включением песка и совсем редко — дресвы.

Большинство сосудов не орнаментировано. Орнамент ограничивается насечками по краю или пояском из насечек по плечикам. Только один сосуд снабжен более сложным орнаментом: зигзагом между двух поясков (рис. 4, *1*).

Керамика хорошо разбивается на две группы.

Кувшины и горшки с более узким горлом находят себе аналогию в погребениях сарматов начала нашей эры. Посуда, составляющая вторую группу,— горшки с низким широким горлом, часто с насечками по краю и на плечиках, и круглодонные чашки — характерна в бассейне среднего течения р. Белой для описанных выше поселений: Куш-тау южное, Селеук, Урняк II и другие.

Дата курганов хорошо определяется по предметам украшений. Проволочные гривны с крючком и петелькой на концах известны в могильниках первой половины I тысячелетия н. э. (Кошибеевском, Борковском, Кузьминском) [12], на городище Березняки на р. Сонохте [13]; близкие формы

[12] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 140, рис. XXXIV, *6*; А. А. Спицын. Ук. соч., табл. X, рис. 3.

[13] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, рис. 37, *3*.

имеются и в более ранних могильниках Камы — Котловском [14] и Зуевском [15]. Костяные пряжки, близкие по форме салиховской, найдены на Гляденовском костище [16] и в Башкирии на городище Курман-тау середины I тысячелетия до н. э. [17].

Бисер и другие бусы, найденные в могиле кургана № 8, а также и часть сосудов аналогичны находкам в погребениях сармато-алан Нижнего Поволжья первых веков н. э. Обычай деформации черепов, встреченный у погребенных в салиховских курганах, подтверждает датировку памятника II—IV вв. н. э.

К этой эпохе надо отнести и описанные выше поселения из района Стерлитамака, посуда которых, характеризуемая насечками по венчику и на плечиках, а также фрагмент сосуда типа кувшина однотипны керамике салиховских курганов.

Таким образом, на среднем течении р. Белой можно констатировать наличие поселений и курганов, оставленных оседлыми племенами, обитавшими здесь в первой половине I тысячелетия н. э.

Курганная форма захоронения, в особенности подбой в кургане № 12, сосуды и украшения сарматских типов позволяют рассматривать эти племена как относящиеся к степному сармато-аланскому кочевому миру. Однако наличие оседлых поселений и типы основной керамики на поселениях, так же как часть посуды и гривна из курганов, заставляют искать предков рассматриваемых племен среди оседлого населения лесных областей Волго-Камья.

Насечки по краю и на плечиках сосудов — широко распространенное явление. В Среднем Поволжье грубая керамика с резным орнаментом обычна наравне с «рогожной» в памятниках городецкой культуры [18]. Сосуды с насечками мы видим также в могильниках: Кошибеевском, Борковском, Кузьминском [19] первых веков нашей эры.

В Верхнем Поволжье грубая керамика с насечками по краю встречена В. П. Смирновым в культурном слое, перекрывающем фатьяновские погребения на Говядиновском могильнике. Автор раскопок относит названную керамику к мерянскому селищу [20]. Сосуд этого типа был найден в Чувашии на Криушинской дюне в погребении с гривной середины I тысячелетия н. э. [21]. Следовательно, керамика с насечками широко бытовала у финно-угорских племен Поволжья и Приуралья на протяжении огромного периода в I тысячелетии до н. э. и I тысячелетии н. э.

Ссылаясь на аналогии в находках на Бельском скифском городище и в ранних сарматских погребениях Заволжья и рассматривая этот тип посуды как влияние со стороны скифо-сарматских соседей, Н. В. Трубникова считает, что возникновение керамики с насечками на городецких городищах надо относить к VI в. до н. э. Вместе с тем ею же подмечено, что в поволжских (нижневолжских) городецких городищах сосуды с насечками и защипками по краю хронологически не поддаются выделению, а в окских городищах они встречаются в комплексах более поздних.

Не является ли это наблюдение доказательством того, что зарождается этот тип керамики в южных, поволжских городищах, а позднее распространяется на Оку и вообще к северу — на Верхнюю Волгу и в Чувашию?

---

[14] Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. МАВГР, т. III, М., 1899, табл. 12, рис. 1.

[15] Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., Л., 1933, табл. IV, рис. 6.

[16] А. А. Спицын. Гляденовское костище. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, новая серия, СПб., 1901, табл. XI, рис. 12.

[17] Центральный Башкирский музей, инв. № 390/6.

[18] Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Тр. ГИМ, т. XXII, М., 1953.

[19] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XII и XX.

[20] В. П. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, IX, 1947, стр. 219.

[21] П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, рис. 27.

Генетическая зависимость поволжских городецких племен от срубной культуры весьма вероятна [22]. Керамика с насечками без труда может быть выведена из посуды срубной культуры. Косые насечки по венчику, под венчиком и на плечиках — нередкий элемент орнамента на сосудах срубной культуры Среднего Поволжья [23].

Отсюда делается понятным, почему описываемый вид городецкой керамики появляется в окских городищах позднее — там срубной местной подосновы не было. В этой связи трудно согласиться с тем, что сосуды с насечками являются заимствованием от скифо-сарматских племен. Сейчас считаются доказанными генетические связи скифской материальной культуры, в том числе и керамики, с позднесрубной культурой [24]. Следовательно, родственность городецкой посуды со скифской по форме и орнаменту объясняется общими их корнями в срубной культуре.

Керамика с насечками в салиховских курганах и на связанных с ними поселениях на р. Белой отражает близость оставивших их племен с городецкими племенами. Видеть в этом продвижение городецких племен к востоку нет оснований. И здесь — по среднему течению р. Белой — керамика с насечками могла вырасти из керамики срубной культуры, памятники которой теперь известны далеко к северу от Уфы. Правда, может показаться, что нет промежуточных памятников между срубным временем и первыми веками нашей эры. Думается, что эта лакуна полностью ликвидируется дальнейшими исследованиями. Но и сейчас известны из тех же районов отдельные случаи находок близкой к интересующей нас керамики среди материалов I тысячелетия до н. э. Насечки по краю сосудов — нередкое явление среди керамики на правобережье р. Белой на городищах Михайловское, Курман-тау и других [25].

В кургане у с. Киишки в 20 *км* к югу от Уфы, содержавшем сарматские погребения прохоровского времени, сосуд № 1 из погребения № 7 по форме близок круглодонному сосуду из салиховского кургана № 12, но более вытянутых пропорций и с насечками на венчике [26].

При раскопках Уфимского могильника была встречена вне погребений яма глубиной около 1 *м* и такого же диаметра, заполненная черепками и костями животных. Среди обломков керамики оказался фрагмент с насечками по венчику [27]. Нельзя ли в яме с культурными остатками видеть отражение того же обычая совершения тризны или последующих приношений погребенным, который в салиховских курганах выражен костями животных и скоплениями керамики в насыпи?

На территории Юго-Западной Башкирии развитие позднесрубных племен протекало, очевидно, в тех же формах, что и на правобережье Нижнего Поволжья. И здесь в эпоху железа на базе позднебронзовой культуры сложились племена, близкие городецким. Может быть, их поселения составляли вначале сплошной массив от берегов Волги (в Ставропольском районе известны и городища и погребения городецкого типа) [28] до предгорий Урала. Сложившиеся в более южных районах в условиях кочевого скотоводческого хозяйства сарматские племена в прохоровское время на-

---

[22] Н. В. Трубникова. Некоторые поселения эпохи бронзы по течению реки Усы в Куйбышевском Поволжье. МИА, № 42, 1954, стр. 38; А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 46.

[23] Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья, МИА, № 42, 1954; Н. В. Трубникова. Ук. соч.

[24] А. И. Тереножкин. Памятники предскифского периода на Украине. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 3—14; Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954.

[25] Г. В. Юсупов. Ук. соч., стр. 88, 91.

[26] П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Ук. соч., табл. XXIII, рис. 3.

[27] В. В. Гольмстен. Могильник близ г. Уфы. М., 1913, табл. VI.

[28] Н. Я. Мерперт. Археологические памятники у села Хрящевка. (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС). КСИИМК, вып. L, 1953, рис. 20, *12*; рис. 22, *2*.

чали проникать к северу в среду оседлых племен Юго-Западной Башкирии. Слияние двух культурных элементов и отражают погребения в салиховских курганах. Но отсюда еще рано делать вывод о том, что в культуру населения среднего течения р. Белой эпохи раннего железа от предшествующей эпохи вошли лишь элементы срубной культуры. Бронзовый век на юге Башкирии представлен также памятниками абашевской культуры, следы которой проявляются и в более позднее время. В женском костюме ряда финно-угроязычных народов сохранились элементы, корни которых уходят в эпоху бронзы. Укажем, в частности, на полушарные медные бляшки в составе женского головного венчика. Древнейшие их находки известны в абашевских памятниках. В начале I тысячелетия до н. э. мы их видим в прединаньинском могильнике культуры Курман-тау в с. Урняк, где в погребении № 1 они были найдены у черепа [29]. Позднее полушарные бляшки встречены вокруг головы погребенных в Уфимском могильнике [30]. Наконец, в первые века нашей эры они представлены в салиховских курганах. Начало долгого пути полушарных бляшек уходит в эпоху бронзы, но не в среду срубных племен, в могилах которых такого украшения не обнаружено, а к абашевским племенам.

Таким образом, как керамика (с насечками), так и некоторые виды украшений (гривна, полушарные бляшки) указывают на генетические связи оседлого населения правобережья р. Белой в I тысячелетии н. э. с местными племенами эпохи бронзы и раннего железа. Явно сарматские элементы культуры — курганный способ погребения, наличие в составе погребального инвентаря кувшинов и горшков с узким горлом, а также бисера — указывают на участие сарматов в формировании местных племен начала I тысячелетия н. э. Трудно говорить об этнической (языковой) принадлежности последних, так как здесь в постоянном общении находились ираноязычные кочевники, сарматы и, по всей вероятности, финно-угроязычные оседлые племена.

---

[29] К. В. Сальников. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. СЭ, 1954, № 4, стр. 17.

[30] В. В. Гольмстен. Ук. соч.

И. П. РУСАНОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э. НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВЛЯН

1

Для изучения восточнославянских племен — их расселения, быта и культуры — особенно большое значение имеют археологические памятники середины и второй половины I тысячелетия н. э., т. е. того времени, когда эти племена еще сохраняли свою целостность и своеобразие. Археологические памятники этого времени представлены остатками поселений и многочисленными своеобразными курганами, содержащими обычно по нескольку трупосожжений под одной насыпью. Такие курганы известны у ряда племен: сопки — у словен новгородских, длинные курганы — у кривичей, курганы с деревянными домовинами — у вятичей и северян. Памятники этого же времени известны и у древлян, племени, обитавшем на территории к северо-западу от Киева с центрами в Коростене и Овруче.

В данной статье мы попытаемся кратко суммировать все известные в настоящее время сведения о погребальных памятниках и о поселениях древлян, относящихся ко второй половине I тысячелетия н. э.

Один из крупнейших исследователей древлянских курганов, В. Б. Антонович, считал, что трупосожжение не было характерно для древлян. Раскопанные им курганы с трупосожжением в уроч. «Грубск» он приписал «случайно проживавшим в Грубске иноземцам» [1]. В недавнее время такого же мнения придерживался Р. И. Выезжев [2]. Ввиду этого курганы с трупосожжением, известные в пределах Житомирщины и по ее периферии, не изучались. Интерес к этим памятникам был проявлен лишь в последнее время. На многочисленные курганы и бескурганные погребения с трупосожжением, известные по раскопкам С. С. Гамченко и И. Ф. Левицкого, обратил внимание Ю. В. Кухаренко, который датировал эти памятники V—IX вв. и рассматривал их в качестве связующего звена между культурой полей погребений зарубинецкого типа и древлянской средневековой культурой [3].

В настоящее время погребальные памятники с трупосожжением известны в 42 пунктах, находящихся в различных частях территории древлян. Трупосожжения открыты как в бескурганных могильниках, так и в курганах. Последние удается подразделить на два типа, относящиеся к различным хронологическим периодам.

В бескурганных могильниках и в курганах, относящихся к древнему типу, найдена своеобразная керамика. Это высокие, слегка расширяющиеся вверх лепные сосуды с округлыми плечами и невысоким, почти вертикальным или слегка отогнутым наружу венчиком. Орнамент отсутствует, лишь иногда по краю венчика сосуда имеются косые насечки.

---

[1] В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. МАР, т. 11, 1893, стр. 10.

[2] Р. І. Виєзжев. Розкопки курганів у Коростені та поблизу Овруча в 1911 р. Археология, т. IX, Київ, 1954, стр. 152.

[3] Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 37 сл.

По месту первых раскопок, где была найдена такая керамика, С. С. Гамченко назвал ее керамикой типа Корчак. Ю. В. Кухаренко называет этот тип сосудов житомирским [4].

Бескурганные погребения с керамикой житомирского типа известны главным образом в районе Житомира по берегам р. Тетерев и ее притоков. Так, в уроч. «Вилы» в устье р. Кощи при корчевке пней на глубине 0,26 *м* была найдена лепная урна житомирского типа, наполненная сожженными

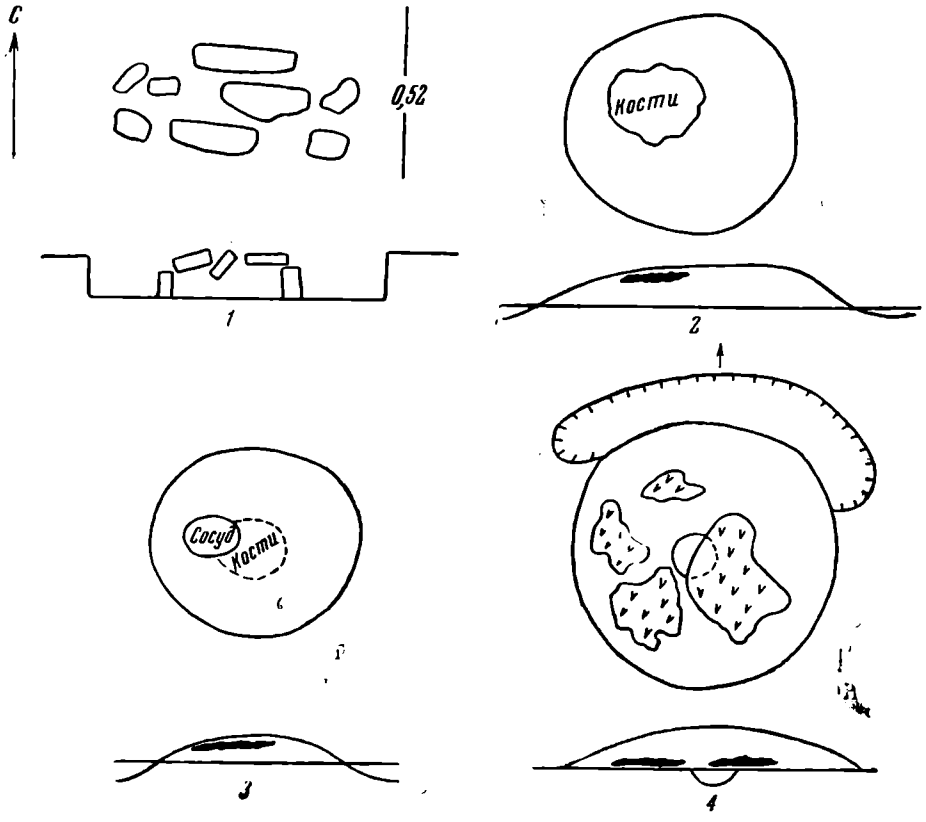


Рис. 1. Типы погребальных сооружений (по С. С. Гамченко и И. Ф. Левицкому)

1 — бескурганное трупосожжение у дер. Катериновки; *2* — курган у дер. Корчак; *3* — курган в уроч. «Цыганские Лески»; *4* — курган у дер. Селец

костями, углем и золой [5]. У с. Шумск на р. Гнилопяти такая же урна была положена вверх дном в ямке глубиной 0,26 *м*[6]. Урны найдены у дер. Барышевки на р. Лесная Каменка (на глубине 0,5 *м*) и в уроч. «Селисько» (на глубине 0, 65 *м*) [7], в уроч. «Стрелец» у с. Буда Шеецкая [8], у с. Тетеревка [9]. Бескурганные погребения имелись будто бы и у с. Городск, где на огородах не раз находили глиняные горшки с сожженными костями [10]. Между деревнями Корчак, Перлевка и Катериновка С. С. Гамченко открыл несколько бескурганных могильников, которые располагались цепью на

---

[4] Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 36, рис. 10.

[5] С. С. Гамченко. Пятилетие археологических исследований на Волыни (1919—1923 гг.). Архив Института Археологии АН УССР, ф-з, 0—1, д. 24, стр. 146.

[6] Там же, стр. 155.

[7] Там же, стр. 92 и 193.

[8] Там же, стр. 95.

[9] Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 36.

[10] П. Н. Третьяков. Древлянские «грады». Сб. «Акад. Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 65.

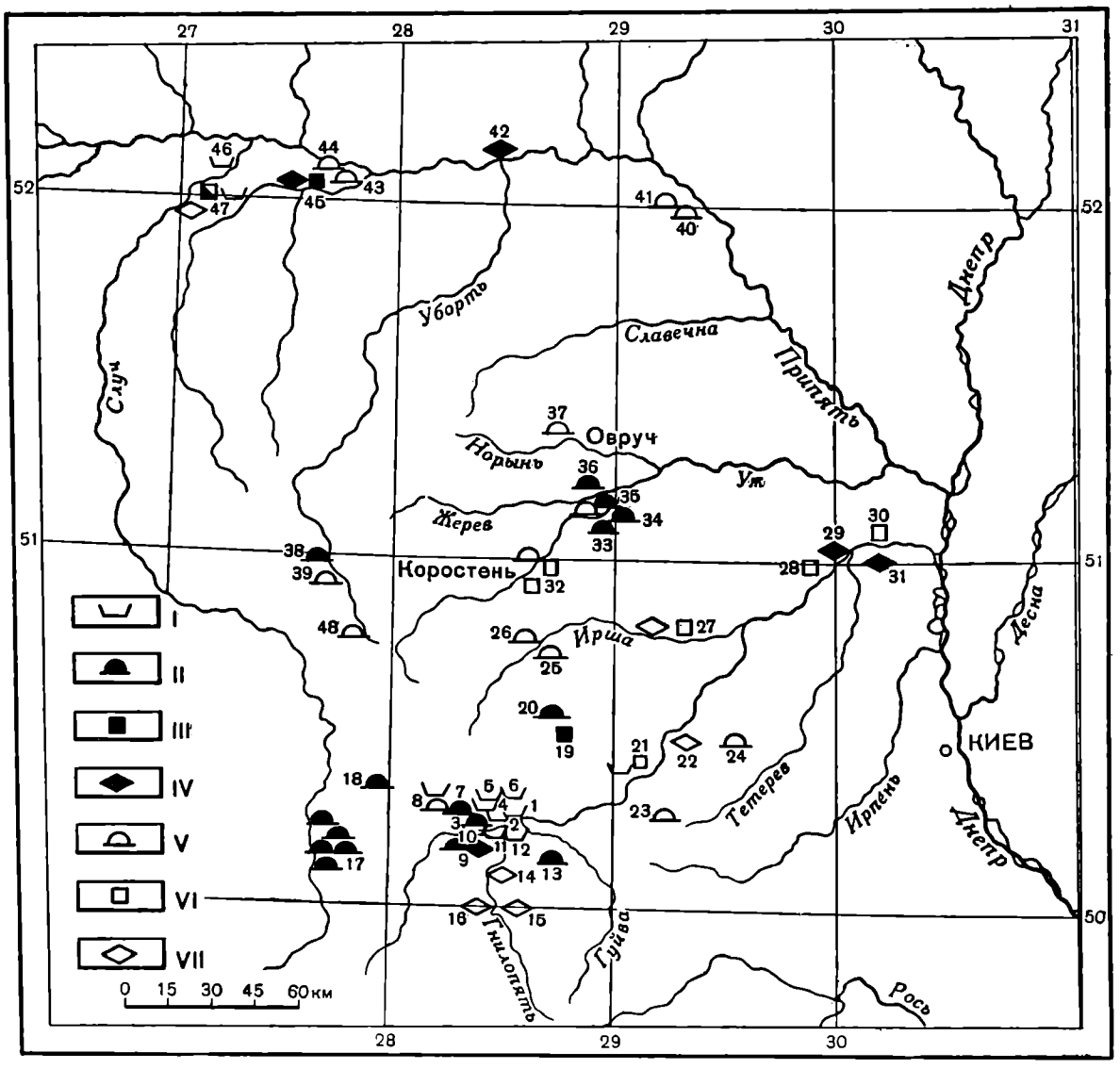


Рис. 2. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян

I—бескурганные трупосожжения; II — курганы с керамикой житомирского типа; III — городища с керамикой житомирского типа; IV — селища с керамикой житомирского типа; V — курганы с трупосожжением конца I тысячелетия н. э.; VI—городища конца I тысячелетия н. э.; VII — селища конца I тысячелетия н. э.

Житомирск. р-н., Житомирск. обл.: *1* — с. Тетеревка, *2* — д. Катериновка, *3* — д. Корчак, *4* — д. Перлевка, *5* — ур. «Селиськo», у д. Барышевка, *6* — д. Барышевка, *7* — ур. «Цыганские Лески» у. с. Денеши, *8* — ур. «Стрелец» у с. Буда Шеецкая; Трояновск. р-н, Житомирск. обл.: *9* — ур. «Дзюба» у д. М. Шумск, *10* — ур. «Вилы», *11* — д. Папирня, *12* — с. Шумск, *13* — д. Янковцы, *14* — с. Троянов; Бердичевск. р-н, Житомирск. обл.: *15* — ур. «Лука Райковецкая» у с. Райки, *16* — ур. «Запасека» у с. Райки; Дзержинский р-н, Житомирск. обл.: *17* — с. Мирополь-Ульха, *18* — ур. «Волчье Болото»; Черняховск. р-н, Житомирск. обл.: *19* — с. Бежев, *20* — с. Стырты, *21* — с. Городск; Коростышевск. р-н, Житомирск. обл.: *22* — с. Мык-Городок, Радомысльск. р-н, Житомирск. обл.; *23* — ур. «Грубск» у с. Быково, Корнинск. р-н, Житомирск. обл.; *24* — Нежиловичи, Макаровск. р-н, Киевск. обл.; *25* — д. Рудня Боровая, Володарско-Волынск. р-н, Житомирск. обл.; *26* — с. Ковали, Коростеньск. р-н, Житомирск. обл.; *27* — д. Городище, Малинск. р-н, Житомирск. обл.; Иванковск. р-н, Киевск. обл.: *28* — с. Демидов, *29* — с. Приборск; *30* — с. Фрузиновка; Чернобыльск. р-н, Киевск. обл.; *31* — ур. «Груды», Дымерск. р-н, Киевск. обл.; *32* — г. Коростень, Коростеньск. р-н, Житомирск. обл.; Народичск. р-н, Житомирск. обл.: *33* — с. Гутки, *34* — с. Лозница, *35* — д. Селец, *36* — д. Бабиничи; *37* — д. Речица, Овручск. р-н, Житомирск. обл.; Емильчинск. р-н, Житомирск. обл.: *38* — ур. «Крушники» у с. Зубковичи, *39* — с. Подлубы; Мозырск. р-н, Гомельск. обл.: *40* — ур. «Городзинка» у с. Борисковичи; *41* — д. Скригаловская Слобода; *42* — г. Петриков, Петриковск. р-н, Гомельск. обл.; Туровск. р-н, Гомельск. обл.: *43* — д. Рычево, *44* — ур. «Казаргац». у д. Буйразь, *45* — д. Хильчицы; Давид-Городокск. р-н, Брестск. обл.: *46* — с. Хорск., *47* — д. Хотомель; *48* — ур. «Княже» у с. Андреевичи, Емильчинск. р-н, Житомирск. обл.

протяжении 5 *км*[11]. В двух могильниках С. С. Гамченко производил раскопки; в могильнике у дер. Корчак им было раскопано 11 бескурганных погребений и в могильнике у дер. Катериновки — три погребения[12]. В этих могильниках урны с пережженными костями находились в ящиках сложенных из каменных плиток. Ящики были поставлены в неглубокие ямы (0,2—0,5 *м*), имевшие прямоугольные очертания (стороны ям — от

[11] С. С. Гамченко. Ук. соч., стр. 50.
[12] Там же, стр. 67—86.

0,4 до 1 *м*) (рис. 1). Бескурганные погребения известны также на Нижней Горыни — у дер. Хотомель и около Давид-Городка, где также были найдены лепные урны с пережженными костями [13]. Всего, таким образом, бескурганные могильники на территории древлян известны в 12 пунктах. В большинстве случаев они расположены на некотором расстоянии от крупных рек, по берегам их мелких притоков (рис. 2).

С. С. Гамченко не был твердо уверен в том, являются ли открытые им бескурганные погребения памятниками особого типа или они представляют собой остатки разрушенных курганов. Подробное рассмотрение всех данных позволяет отбросить второе предположение. В бескурганных могильниках урны помещались в неглубоких ямах, в курганах же урны с костями встречались обычно в насыпи курганов или на горизонте. Лишь в одном кургане у дер. Корчак (где всего раскопано восемь курганов) урна находилась в ямке, вырытой в грунте. Открытый в другом кургане у дер. Корчак каменный ящик стоял на горизонте и имел гораздо бо́льшие размеры (2 × 1,25 *м*), чем ящики бескурганных погребений, опущенные в землю. В остальных курганах этой группы и других близлежащих групп все урны были найдены в насыпи курганов. Погребения без курганных насыпей не являлись остатками уничтоженных курганов, а представляли собой особый, по-видимому, более древний тип погребальных памятников древлян.

Курганы с трупосожжением и урнами житомирского типа (курганы первого типа) представляют собой небольшие расплывчатые насыпи, имеющие высоту около 0,5 *м* и лишь изредка достигающие 1 *м*. Они образуют группы, состоящие из 10—30 насыпей, располагающихся обычно на высоких берегах рек [14]. Распространены курганы довольно широко. В районе Житомира они занимают в основном ту же территорию, что и бескурганные могильники (группы курганов у дер. Корчак, уроч. «Цыганские Лески», дер. Стырты, дер. Янковцы, уроч. «Волчье Болото», уроч. «Дзюба») [15]. Известны курганы такого же типа на р. Случь (в пяти группах в районе Мирополь-Ульха) [16], на р. Уж (деревни Селец, Гутки, Лозница [17]), на р. Уборть (уроч. «Крушники», около с. Зубковичи) [18]. Всего насчитывается 16 групп курганов с трупосожжением первого типа (рис. 2). Число курганов, раскопанных в этих группах, равняется 56.

Все курганы этого типа очень близки друг к другу по обряду погребения и по инвентарю. Все они содержат трупосожжения в урнах, помещенных чаще всего в насыпи кургана, реже — на горизонте или в ямке, ниже горизонта. По некоторым особенностям погребального обряда курганы можно подразделить на три территориальные группы. Так, в бассейне р. Случь (с. Мирополь, уроч. «Волчье Болото») урны находились в насыпи кургана или на горизонте, на котором прослеживалось кострище. На р. Тетерев в районе Житомира (дер. Корчак, уроч. «Цыганские Лески») урны чаще встречались в насыпи курганов, кострища не прослеживались. По р. Уж и Уборть (дер. Селец, уроч. «Крушники») урны во многих курганах были помещены в ямках ниже горизонта; во всех курганах имелись кострища.

Часто в курганах всех трех групп содержалось по нескольку урн с костями. Так, в кургане № 7 у Корчака обнаружены две урны, стоявшие в

---

[13] Сведения получены от Ю. В. Кухаренко.

[14] С. С. Гамченко. Раскопки в бассейне р. Случи. Тр. XI АС, т. I. М., 1901, стр. 361—363.

[15] Его же. Пятилетие археологических исследований, стр. 51—65 и др.

[16] Раскопки С. С. Гамченко в 1896, Ю. В. Кухаренко в 1954 г.

[17] И. Ф. Левицкий. Археологічні досліди в районі Народичі, Ст. Шарно, Уманці, Булев, Селець, Болотніца року 1925. Архив Житомирского музея, д. № 58; Ю. В. Кухаренко. Отчет об археологической разведке в Ровенской и Житомирской обл. летом 1953. Архив ИА АН УССР, д. 1953/17.

[18] Я. В. Яроцкий. Могильники по среднему течению р. Уборть. АЛЮР 1903, № 3—4, Киев, 1904, стр. 180.

каменном ящике под южной полой кургана. По своему назначению этот ящик напоминает деревянные домовины боршевских курганов. В двух курганах у Мирополя встречено по две урны, а в одном кургане даже три урны. В кургане уроч. «Крушники» на р. Уборть также обнаружено три урны (одна в насыпи кургана и две в ямках в материке).

Эти сведения далеко не полны, так как при незначительной высоте курганов урны находились почти на поверхности и, конечно, во многих случаях оказывались уничтоженными. Часто курган раскапывался колодцем, при этом некоторые погребения могли оставаться невыявленными. При определении количества погребений в курганах эти обстоятельства необходимо учитывать.

Все приведенные выше данные указывают, что курганы с трупосожжением были широко распространены у древлян. Они представляли собой погребальные памятники того же характера, что и курганы со многими сожжениями, известные у кривичей, словен и вятичей [19], хотя и отличаются от них по своим размерам и инвентарю. Курганы подобного же типа известны и на территории западных славян — в Польше [20] и в Чехословакии [21]. С курганами западнославянских племен древлянские курганы имеют больше общих черт, их сближает и сходство погребальных урн.

Курганы с трупосожжением второго типа относятся к более позднему времени. В этих курганах содержатся единичные трупосожжения, обычно безурновые. Сожжение часто бывает неполным, встречаются большие куски обгорелых костей, которые образуют удлиненное пятно, ориентированное в направлении запад — восток. Иногда под костями заметны остатки пережженных досок или деревянных колод, железные гвозди (курганы у дер. Речица, около Овруча [22], курганы №№ 32 и 61 в уроч. «Грубск» [23]). В трех курганах у Нежилович из бревен были сложены четырехугольники длиной в 2 *м* и шириной в 0,5 *м* [24]. В курганах встречаются посуда, сделанная на гончарном круге, и проволочные височные кольца со сходящимися концами.

В противоположность курганам первого типа эти курганы не образуют самостоятельных групп. Иногда они встречаются вместе с курганами первого типа (Селец, «Цыганские Лески»), но чаще входят в состав курганных групп с трупоположением, относящихся ко времени Киевской Руси. Всего они известны в 14 пунктах.

Локальные различия в курганах второго типа незаметны.

В одних и тех же курганных группах или в группах, расположенных рядом («Цыганские Лески», Рудня Боровая и Ковали) [25], встречаются кострища как в насыпи курганов, так и на горизонте. Своеобразными являются лишь некоторые курганы у Грубска на р. Здвиж, где пережженные кости в двух случаях были помещены в ямах ниже горизонта Глубина ям доходила до 1,5 *м*. В этих курганах найдены черепки сосудов, обломок бронзовой гривны и оружие — железные копья и стрелы. На территории древлян трупосожжения в таких глубоких ямах обычно не встречаются; оружие в курганах также отсутствует, тогда как на земле поляк такие погребения есть. Они известны и в самом Киеве [26]. Курганы у Груб

---

[19] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941.

[20] См., например, S. Nosek. Cialopalne mogiły z okresu wczesnohistorycznego w Małopolsce zachodniej, WA, XVI, 1939.

[21] J. Poulik. Staroslowanská Morava. Praha, 1948, стр. 69.

[22] Я. В. Яроцкий. Краткий отчет о раскопках курганов Речицкого могильника. Тр. Общества исследователей Волыни, т. I, Житомир, 1902.

[23] В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 41 сл.

[24] М. К. Якимович. Раскопки могильника у с. Нежилович Радомысльского у. Киевской губ. АЛЮР, № 2, 1900, Киев, стр. 201—203.

[25] Ф. Р. Штейнгель. Раскопки курганов в Волынской губ., произведенные в 1897—1900 г. АЛЮР, 1904, № 4—5.

[26] Л. А. Голубева. Киевский некрополь, МИА, № 11, 1949, стр. 105, 106.

ска имеют ряд особенностей, присущих как древлянским, так и полянским курганам. Они расположены на юго-востоке древлянской земли и, возможно, уже находились в пограничной полосе между двумя племенами.

Время существования курганов с трупосожжением второго типа, судя по архаичным толстостенным сосудам с линейным и волнистым орнаментом,— IX—X вв. Такая посуда известна с городища Плиснеск [27], с городища Курган у с. Волынцева [28], из нижнего слоя Чернигова [29], из курганов Шестовицкого [30] и Гнездовского [31] могильников и др.

Для датировки бескурганных трупосожжений и курганов с урнами житомирского типа пока еще нет достаточных данных. Каких-либо датирующих предметов при трупосожжениях не найдено, и основанием для датировки может служить лишь характер керамического материала. Ю. В. Кухаренко обратил внимание на близость житомирской керамики к керамике пражского типа, широко распространенной на территории Польши [32], Чехословакии [33] и известной в Югославии [34], которая датируется V—VIII вв. Приблизительно этим же временем должна датироваться керамика житомирского типа на территории древлян, что подтверждается материалом раскопок на городище Хотомель. На время появления этой керамики указывают находки черных лощеных мисок, характерных для полей погребений черняховского типа, в кургане у Корчака и в бескурганном погребении у Катериновки [35].

2

Изучение поселений на территории древлян началось лишь в советское время. В работе П. Н. Третьякова «Древлянские „грады"» приведены сведения о ряде городищ, возникших в VIII—IX вв. [36]. Славянская археологическая экспедиция в 1940 и 1946 гг. обследовала многие из этих городищ и некоторые неукрепленные поселения по рекам Тетереву и Здвижу. Поселения в южной части древлянской земли изучались экспедициями Института археологии АН УССР во главе с В. К. Гончаровым [37], а на северо-западе — отрядом Славянской экспедиции под руководством Ю. В. Кухаренко. В результате этих работ памятники второй половины I тысячелетия н. э. выявлены в различных местах древлянской земли, но большая ее часть остается еще не исследованной. Кроме того, все работы носили в основном разведывательный характер; более крупными являются лишь раскопки на селище Лука Райковецкая на р. Гнилопять (раскопки В. К. Гончарова) и на городище и селище Хотомель на р. Горыни (раскопки Ю. В. Кухаренко).

С поселений в основном происходит керамический материал, который можно разделить на два типа. Наиболее примитивные лепные сосуды с поселений аналогичны сосудам житомирского типа из погребений. Лепная керамика более развитых видов, встречающаяся вместе с ранней

[27] І. Д. Старчук. Раскопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 267.

[28] В. И. Довженок. Раскопки біля с. Волинцевого, Сумськой области. АП, т. III, стр. 390, табл. II.

[29] В. А. Богусевич. Работы Чернігівської експедиції. АП, т. III, стр. 115, табл. I.

[30] Д. І. Бліфельд. Дослідження в с. Шестовицях. АП, т. III, стр. 129, табл. II.

[31] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. МАР, т. 28, 1902, рис. 73—75 и др.

[32] J. Marciniak. Przyczynki do zagadnienia ciągłości osadnictwa na ziemiach Polskich, WA, т. XVI, 1939 (48).

[33] J. Poulik. Ук. соч.; его же. Jižni Morava země davnych slovanů. Brno, 1948—1950.

[34] L. Vinski. Gibt es frühslawische Keramik aus der Zeit der südslawischen Landnahme? Archaeologia Jugoslawica, I, Beograd, 1954.

[35] Ю. В. Кухаренко. Славянские древности..., стр. 34.

[36] П. Н. Третьяков. Древлянские «грады».

[37] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950; его же. Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. АП, т. I, 1949, стр. 31—46.

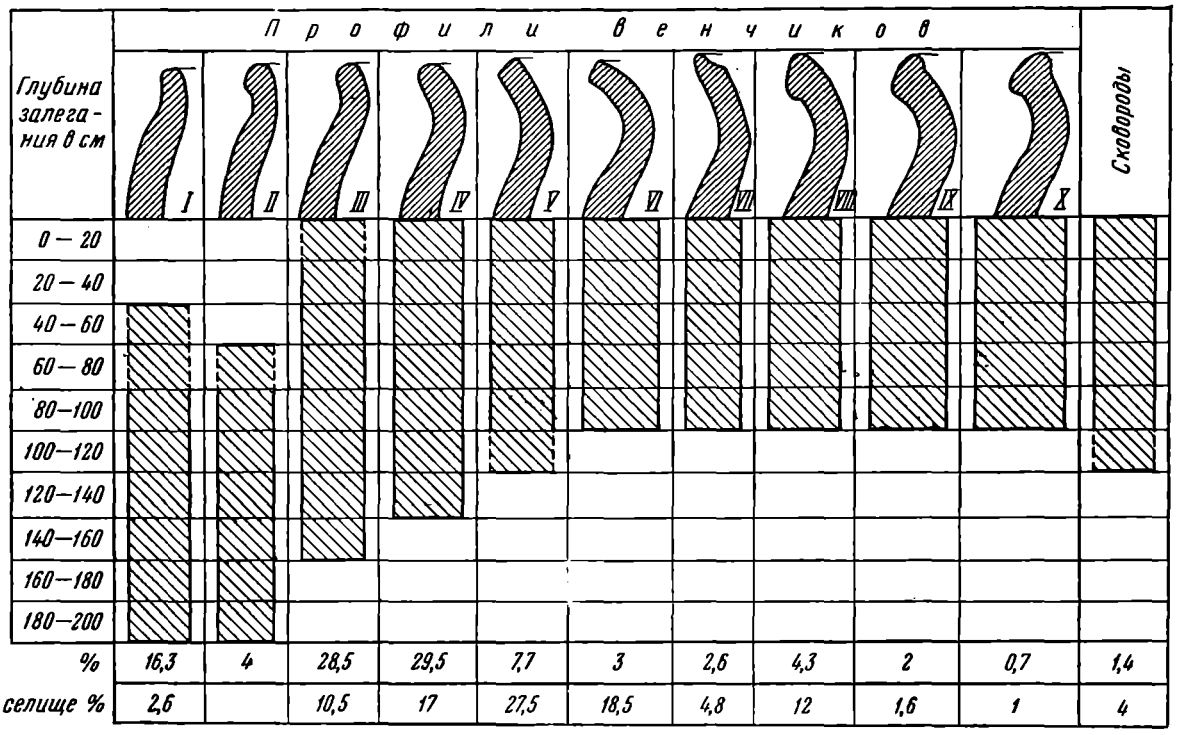


Рис. 3. Лепная керамика с городища Хотомель

гончарной керамикой, получила название керамики типа Луки Райковецкой (по месту первых крупных раскопок).

Наиболее интересный и богатый керамический материал происходит с городища и селища Хотомель. Этот материал положен в основу классификации керамики на всей древлянской земле. Городище и селище Хотомель[38] (Брестская обл., Давид-Городокский р-н, БССР) занимает оконечность большой песчаной гряды, возвышающейся над поймой р. Горыни. Городище находится на холме, расположенном на самом краю этой гряды, и отделено со стороны поля двойной системой валов и рвов. Форма городища почти округлая, площадь его около 1000 *м*². В 1954 г. вскрыта бóльшая часть городища (932 *м*²). Центральная часть городища представляет собой довольно ровную площадку размером около 250 *м*². Толщина культурного слоя на ней не превышает 0,2—0,4 *м*; находок почти нет. К краям городища, вдоль вала, мощность культурного слоя доходила до 2,5 *м*; здесь же встречена подавляющая часть керамических и других находок. Культурный слой здесь разделяется на два горизонта угольной прослойкой. Следы построек нижнего горизонта обнаружены в виде корытообразных углублений в материке, расположенных по кругу. Позднее на городище существовали наземные сооружения столбовой конструкции. В этот период жизнь на городище протекала более интенсивно, о чем свидетельствует толщина культурного слоя над угольной прослойкой и насыщенность его керамическим материалом.

Селище Хотомель расположено на пологом склоне той же песчаной гряды и окружает городище с юго-востока и юга. Площадь селища около 1 *га*. На нем в 1955 г. было вскрыто 716 *м*². При этом были открыты остатки 11 жилищ, слегка углубленных в материк[39]. Стенки жилищ состояли из двойного ряда столбов, от основания которых сохранились ямки в материке. В углу каждого жилища находились круглые глинобитные печи, сделанные на деревянном каркасе. Жилища были расположены двумя параллельными рядами, почти примыкающими друг к другу.

[38] См. Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 90—97.

[39] Раскопки на селище были продолжены в 1956 г.

На городище и на селище найдена лепная и гончарная керамика[40]. Лепная керамика резко преобладала, на городище она составляла 82% и на селище — 70% всей керамики. Лепные сосуды относятся к житомирскому типу и типу Луки Райковецкой. В основном все лепные сосуды имеют одинаковую форму — они расширяются вверх, имеют округлые плечи, плавно переходящие к невысокому горлу. Различия между ними заключаются в форме и степени отогнутости венчика, в составе теста и наличии орнамента. На основании этих признаков лепные сосуды из Хотомеля подразделяются на десять видов (рис. 3).

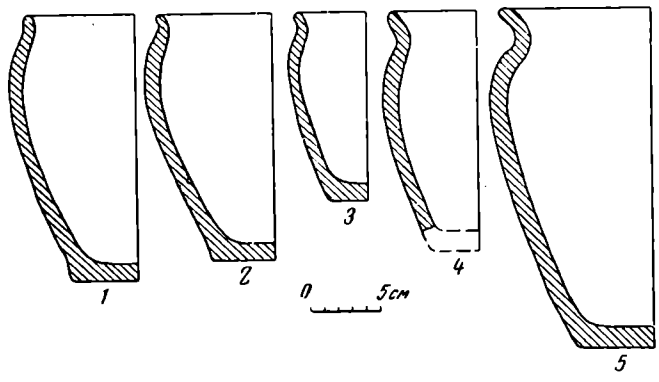


Рис. 4. Эволюция лепной керамики Хотомеля

Вид I. Сосуды имеют короткий, почти вертикальный венчик, округлые, слабо выступающие плечи. Тесто с примесью песка и мелкой дресвы, поверхность шероховатая. Орнамент отсутствует.

Вид II. В отличие от первого вида, сосуды имеют некоторое утолщение — валик на краю венчика. Этот вид встречается редко.

Вид III. Сосуды имеют короткий слегка отогнутый наружу венчик и слабо выступающие плечи.

Вид IV. Венчик сосудов несколько длиннее и более отогнут наружу.

Вид V. Венчик еще более удлинен и более отогнут. Иногда край венчика бывает срезан или имеет ямочные вдавления. Среди сосудов этого вида встречаются образцы из более грубого теста (на поверхности выступают крупные зерна кварца и куски шамота).

Вид VI. Венчик резко отогнут наружу. По его краю часто бывают сделаны ямки (овальные, диаметром 4—6 *мм*) или вдавления пальцем. Плечи выступают более сильно. Тесто, как правило, грубое; поверхность бугристая. Довольно часто встречается примесь шамота.

Вид VII. Венчик также отогнут, но край его несколько оттянут вверх и косо срезан. Тесто обычно не имеет крупных примесей, поверхность стенок ровная. Иногда на верхней части сосудов заметна подправка на кругу. По профилю сосуды этого вида близки гончарным сосудам.

То же самое относительно теста сосудов, техники их изготовления и близости к гончарной керамике можно сказать о следующих VIII—X видах лепной керамики.

Вид VIII. Венчик отогнут, край его утолщен и оттянут вниз, отчего образуется карнизик. По краю венчика часты ямочные вдавления.

Вид IX. Венчик отогнут и по его краю с внутренней стороны имеется утолщение — валик.

Вид X. Венчик отогнут и имеет валики с внешней и с внутренней сторон.

Подразделение всей лепной керамики на виды является несколько условным. Имеется целый ряд переходных образцов, создающих непрерывный эволюционный ряд лепной керамики. Развитие ее происходило от

[40] Материал хранится в Краеведческом музее Пинска, в Гос. Эрмитаже и лаборатории ИИМК АН СССР.

сосудов с почти вертикальным и коротким венчиком к сосудам со все более отогнутым наружу венчиком и удлиненной шейкой (рис. 4). Последовательность этого развития доказывается стратиграфией Хотомельского городища и керамическими аналогиями с других памятников.

Керамику первых четырех видов можно отнести к житомирскому типу. Среди сосудов этих видов имеются аналогии почти всем известным сосудам житомирского типа из погребений с трупосожжением. Но сосуды из Хотомеля принадлежат уже к более развитым вариантам этого типа: они сделаны тщательнее, тесто их более плотное и лучше обожжено, формы правильнее, чем у сосудов из погребальных памятников.

На городище Хотомель керамика житомирского типа господствует в нижнем горизонте культурного слоя, ниже угольной прослойки, где совсем нет гончарной керамики. В верхнем горизонте, над пожарищем, появляются более развитые виды лепной керамики (V—X), вместе с которыми встречается и гончарная посуда. В этом же верхнем слое в небольшом количестве найдена и посуда житомирского типа, что является свидетельством того, что жизнь на городище не прекращалась после пожара.

На селище решительно преобладают развитые виды лепной керамики (V—X). Ранние виды (III—IV) найдены в незначительном количестве и только в заполнении жилищ первого, восточного ряда. Эти жилища почти не содержали гончарной посуды и относились, по-видимому, к более раннему времени, чем жилища второго, западного ряда. В целом керамика селища и верхнего слоя городища Хотомель имеет много общего с посудой селища Лука Райковецкая. Лепные сосуды на этом селище представлены теми же видами; редко встречающийся орнамент имеет тот же характер — насечки и ямки по венчику, иногда ямочный и волнистый узор — по стенкам. Керамика этого типа непосредственно сменяет керамику житомирскую и является следующей ступенью ее развития. Гончарная посуда из Луки Райковецкой также близка хотомельской, но она в большей степени представлена грубыми и примитивными сосудами. В процентном отношении ее больше, чем в Хотомеле.

Керамика типа Луки Райковецкой распространена по всей земле древлян (рис. 2). Она характерна и для более широкой территории на правобережье Днепра. Близкие формы сосудов известны и в западных областях — в Польше и Чехословакии. Здесь они являются дальнейшим развитием керамики пражского типа и на основании типологических и стратиграфических данных датируются VIII—IX вв.[41]. Но керамика западных областей не тождественна керамике типа Луки Райковецкой, она более разнообразна по формам и богаче орнаментирована. Лишь на единичных обломках посуды типа Луки Райковецкой, происходящих с селища Хотомель, встречен орнамент, характерный для посуды западных областей. Это — ряды ямок, расположенных под углом друг к другу (рис. 5), орнамент, процарапанный в виде стебля с отходящими от него отростками[42], или в виде неровной вертикальной волны и скопления ямок, наколотых тонким орудием[43].

Керамика типа Луки Райковецкой имеет много общих черт с роменско-боршевской керамикой, на что обратил внимание И. И. Ляпушкин[44]. Близкими являются техника изготовления сосудов и состав их теста. Встречаются и общие типы орнамента — насечки и ямки по краю венчика, иногда волнистый орнамент по стенкам. Одинаково распространены лепные глиняные сковороды. Несомненно, что как та, так и другая кера-

[41] J. Poulik. Staroslowanská Morava, стр. 89—101.

[42] A. Knorr. Die slawische Keramik zwishen Elba und Oder. Lipsk, 1937, рис. 77, табл. 12, *b*.

[43] Там же, рис. 79; K. Jażdżewski. Kujawskie przyczynki do zagadnienia tubylczości słowian na ziemiach polskich. WA, т. XVI, табл. XVIII, рис. 3, 9.

[44] И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. Вестник ЛГУ, № 20, Ленинград, 1956.

мика принадлежат к одному и тому же периоду, предшествовавшему Киевской Руси; однако керамика правобережья Днепра представляет собой самостоятельный, локальный тип. Ярче всего это проявляется в форме сосудов. Среди посуды типа Луки Райковецкой совершенно нет

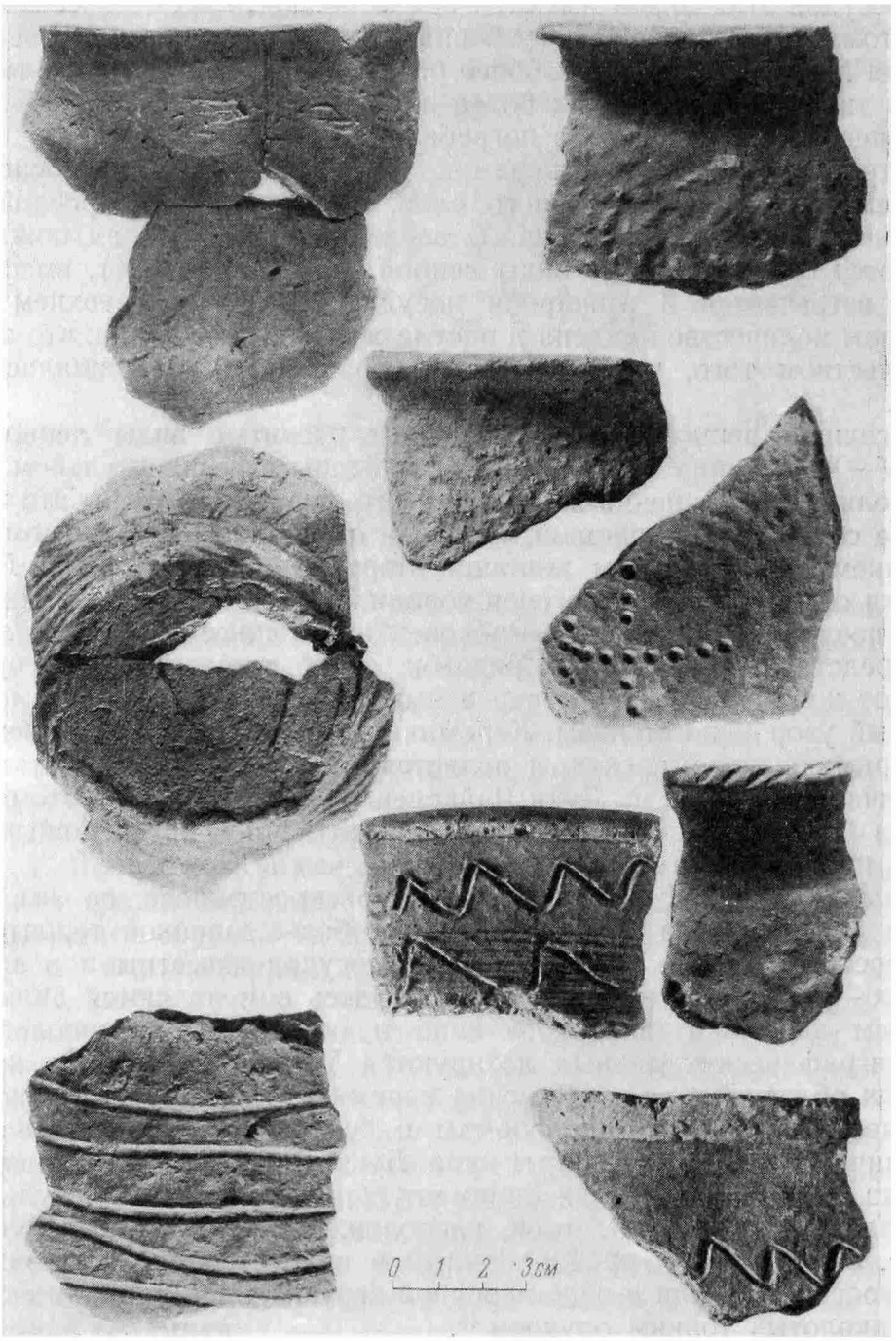


Рис. 5. Керамика с селища Хотомель

характерных для левобережья горшков с сильно выступающими плечиками, часто имеющими резкий изгиб (на Большом Боршевском городище эти сосуды составляли около 50% всей керамики [45]). Не типичны для правобережья также более низкие и широкие горшки и миски с таким же резким перегибом к шейке, распространенные на роменско-боршевских памятниках. Совершенно не свойствен керамике типа Луки Рай-

[45] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 36.

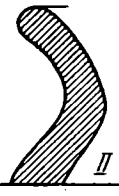
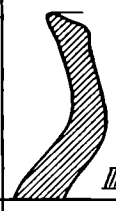
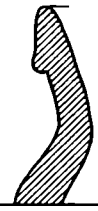
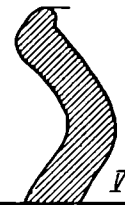
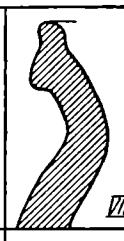
Глубина залегания в см	Профили венчиков						
	I	 II	 III	 IV	 V	VI	 VII
0–100							
%		3	3	34,5	6	36	17,5
На селище %	10,5	9	1,5	45	3	18	13

Рис. 6. Гончарная керамика с городища Хотомель

ковецкой характерный роменско-боршевский орнамент в виде отпечатков веревочки (этот орнамент встречен только на трех обломках керамики из Хотомеля [46]). Различия в керамике правобережья и левобережья Днепра являются, по мнению И. И. Ляпушкина, «особенностями этнического порядка» [47].

На керамике типа Луки Райковецкой, происходящей с городища и селища Хотомель, прослеживается постепенный переход к гончарной технике изготовления сосудов. Иногда на днищах несомненно лепных сосудов заметны следы подставок. Существование таких подставок отмечено Б. А. Рыбаковым на материале Гочевского городища. По его мнению, от таких подставок оставался лишь один шаг к вращающемуся гончарному кругу [48].

На некоторых развитых видах лепной керамики заметна подправка верхней части на гончарном круге. Изредка на них появляется характерный для гончарной керамики линейный и волнистый орнамент. Интересно, что некоторые виды лепной керамики (VII—X) по профилю напоминают соответствующие виды гончарной керамики.

Итак, развитие лепной керамики, выявленное на материале с городища и селища Хотомель, происходило следующим образом: венчики сосудов постепенно удлиняются и все больше отгибаются наружу, появляются сосуды с обточенным на гончарном круге ве́рхом и затем сосуды, целиком обточенные на круге. Этот путь эволюции лепной керамики известен по материалам Чехословакии [49].

Гончарная керамика на городище Хотомель составляет лишь 18% всей керамики и встречается только в верхней части культурного слоя, выше угольной прослойки. На селище количество ее возрастает с 20% в нижнем предматериковом слое до 60% в верхнем слое. Сосуды сделаны на ручном гончарном круге, тесто довольно грубое, с примесями песка и дресвы, что сближает их с лепными сосудами. Некоторая часть гончарной посуды сделана из более плотного теста, без примесей, лучше обожжена.

Гончарная керамика представлена горшками с высоким слабо отогнутым горлом, округлыми, выступающими плечами и конусовидным туловом. Линейный и волнистый орнамент обычно покрывает весь сосуд и часто бывает расположен по горлу.

По форме венчика гончарные сосуды делятся на семь видов (рис. 6).

Вид I. Горло сосудов высокое и слабо отогнуто. Край его срезан. Плечи выступают слабо. Тесто грубое. Профиль сосудов близок профилю лепной керамики V вида.

---

[46] Пинский краеведческий музей, инв. №№ 25, 69, 110.
[47] И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 57.
[48] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 75.
[49] J. Poulik. Staroslowanská Morava.

Вид II. Венчик округло отогнут наружу, край его срезан. Близок VI виду лепной керамики.

Вид III. Горло высокое и слабо отогнутое, край косо срезан, плечи выступают сильнее. Близок VII виду лепной керамики.

Вид IV. Горло высокое, отогнутое наружу. Венчик утолщен и оттянут вниз, образует карнизик. Плечо округло выступает. Встречаются сосуды с четким профилем, сделанные из чистого теста, а также более грубые образцы, с менее четким профилем, в тесте которых заметны крупные примеси. Этот вид близок VIII виду лепной керамики.

Вид V. Горло отогнуто, с внутренней стороны по краю венчика проходит валик. Близок IX типу лепной керамики.

Вид VI. Край венчика имеет утолщения с внешней и с внутренней сторон. Близок X виду лепной керамики.

Вид VII. Венчик такой же, как и у VI вида, но более усложнен и изогнут.

Три первых вида гончарной керамики с простым венчиком, в основном повторяющим форму венчика лепных сосудов, являются наиболее ранними. Тесто сосудов этих видов почти такое же, как и тесто лепных сосудов. Среди керамики следующих IV—VII видов есть более совершенные образцы, вероятно, привозные.

Гончарные сосуды из Хотомеля принадлежат к очень распространенным типам ранней гончарной керамики. Особенно часто встречаются гончарные сосуды с утолщением венчика в виде карнизика. Такая посуда известна из курганов Гнездовского [50] и Шестовицкого [51] могильников, из курганов с трупосожжением у Коростеня [52], в нижних слоях ряда городов (IX—X вв.) [53]. Очень близкими по форме и орнаментации являются ранние гончарные сосуды в Польше и Чехословакии. В Чехословакии гончарная керамика такого типа получила название блучинской, и ее появление Й. Поулик относит к VIII—IX вв. [54].

Найденные на Хотомельском городище металлические предметы (наконечники стрел, серебряный браслет с утолщенными концами, семилучевое височное кольцо с орнаментом, воспроизводящим зернь, и др.) относятся ко времени не позднее X в., некоторые датируются более ранним временем — VI—VIII вв. [55]. Большинство их найдено в верхнем горизонте культурного слоя, который может быть датирован VIII—IX вв. В нижнем горизонте найден лишь один хорошо датированный предмет — обломок черешковой трехлопастной стрелы VI—VIII вв. По-видимому, нижний горизонт культурного слоя может быть отнесен к концу VII или самому началу VIII в. н. э.

На селище, где найдены преимущественно орудия труда — ножи, обломки серпов, остроги, два лемеха и чересло,— датирующих предметов нет. Находка пряслица из розового шифера (наряду с четырьмя глиняными) указывает как будто бы на более позднее время его существования, хотя некоторые факты, по мнению М. Ю. Брайчевского, свидетельствуют о появлении шиферных пряслиц уже в VIII—IX вв. [56]. По керамическому материалу селище датируется тем же временем, что и верхний слой городища. Большое количество гончарной керамики, особенно в жилищах второго ряда, заставляет предполагать, что жизнь на селище продолжалась до начала X в.

---

[50] В. И. Сизов. Ук. соч., рис. 73, 74 и др.
[51] Д. І. Бліфельд. Ук. соч.
[52] Р. І. Виєзжев. Ук. соч.
[53] В. А. Богусевич. Ук. соч.
[54] J. Poulik. Staroslowanská Morava, гл. V, стр. 94—100.
[55] Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель, стр. 94—97, рис. 34.
[56] М. Ю. Брайчевський. Про датування шиферных пряслиць. Археологія, т. IV, 1950, стр. 91—98.

Таким образом, материал с городища Хотомель подтверждает, что керамика житомирского типа на территории древлян существовала в VII—VIII вв. н. э. Однако появление ее, судя по более примитивным образцам из погребальных памятников и по находкам сосудов полей погребений черняховского типа, относится к более раннему времени.

3

Поселения на территории древлян по керамическому материалу могут быть отнесены к двум хронологическим периодам. К раннему периоду — VI—VIII вв.— принадлежат поселения с керамикой житомирского типа. Они представляют собой небольшие селища, расположенные на склонах песчаных дюн в некотором отдалении от реки, часто рядом с городищами-убежищами (у дер. Бежев, в уроч. «Дзюба» [57], дер. Приборск, уроч. «Груды» [58] на р. Тетерев, дер. Хотомель [59] на р. Горынь, деревни Хильчицы [60], Петриков [61] на р. Припять, возможно у Мирополя на р. Случь [62]) (рис. 2). Площадь городищ очень невелика — не больше 1000 *м*^{2}. При раскопках и разведках жилых сооружений на них не обнаружено.

Поселениям этого периода соответствуют погребальные памятники — бескурганные трупосожжения и курганы с урнами житомирского типа. Они располагаются небольшими группами в непосредственной близости от поселений (у Бежева, Мирополя, Хотомеля, Дзюбы).

Характер поселений и погребальных памятников позволяет говорить о существовании в этот период патриархально-родовых отношений. (Вероятно, эти отношения у древлян находились уже на стадии распада, о чем свидетельствует сравнительно небольшое количество погребений в курганах и малое число самих курганов с несколькими трупосожжениями. Одновременно были распространены и курганы с одиночными трупосожжениями).

В следующий период — VIII—X вв. — признаки патриархально-родового строя исчезают. Вероятно, в это время древляне переходили к территориально-общинным отношениям. К этому времени относятся селища с керамикой типа Луки Райковецкой. Неукрепленные поселения имели гораздо бо́льшие размеры, чем в более раннее время; на них открыты многочисленные остатки жилищ [63]. Курганов с коллективными погребениями в это время уже нет (рис. 2).

В конце периода (в IX—X вв.) на территории древлян снова распространяются городища. С этих городищ известна в основном гончарная керамика ранних видов и в меньшей степени лепная керамика (городища у Коростеня, Городска, Малина и др.). Все городища невелики — их площадь около 2000—3000 *м*^{2}. Расположены они на высоких берегах рек, в труднодоступных местах. В противоположность более ранним на городищах конца I тысячелетия открыты жилые сооружения. На первом городище Коростеня [64] и на третьем городище Городска [65] они представляли

---

[57] С. С. Гамченко. Пятилетие археологических исследований..., стр. 196 и дело 21/13 в Архиве ИА АН УССР.

[58] Раскопки П. Н. Третьякова в 1940 г. Материал хранится в Гос. Эрмитаже.

[59] Раскопки Полесского отряда Славянской археологической экспедиции АН СССР в 1954 г. под руководством Ю. В. Кухаренко.

[60] А. З. Коваленя и С. С. Шутау. Матер'ялы з дагісторыі Тураушчыны. Працы археолёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930, стр. 363.

[61] Раскопки А. З. Коваленя в 1932 г. Материал находится в ИИ АН БССР.

[62] С. С. Гамченко. Раскопки в бассейне р. Случи, стр. 357—367.

[63] Раскопки селищ производились в Луке Райковецкой, Запасеке и в Хотомеле. С остальных селищ известен лишь подъемный материал.

[64] Ф. А. Козубовський. Записки про досліди археологічни коло м. Коростеня року 1925. Коростень, 1926.

[65] М. Ю. Брайчевський. Розкопки на третьому Городському городищі. АП, т. III, стр. 187—196.

собой очень небольшие, немного углубленные в материк жилища. На втором городище Коростеня жилыми являлись клети, расположенные в земляном валу, где они чередовались с городнями [66]. На городищах найдены сельскохозяйственные орудия, предметы вооружения, кости домашних и диких животных. Данных о развитии ремесел в ранний период нет.

Эти хорошо укрепленные небольшие городища с населением, занимавшимся земледелием и в то же время хорошо вооруженным, являлись, по-видимому, укрепленными усадьбами, где сидели князья или «лучшие» мужи с «родами своими» [67]. В летописи о древлянских градах X в. говорится как о хорошо укрепленных пунктах, жители которых занимались земледелием — «делають нивы своя и землѣ своя» [68]. Под 977 годом об одном из этих градов, Вручии, сообщается как об укреплении, окруженном рвом с перекинутым через него мостом. В это время Вручий являлся резиденцией князя [69].

Таким возникающим «градом», возможно, являлось городище Хотомель. Если в ранний период оно было лишь убежищем для окрестного населения, то позднее характер его меняется. В поздний период на городище существовало постоянное население, за что говорит толщина культурного слоя, насыщенность его остатками бытовых предметов, остатки жилища. В отличие от селища, на городище почти нет орудий труда, но найдено большое количество оружия и дорогие украшения, чего совсем нет на селище. Вероятно, уже в VIII—IX вв. выделяется более богатый и хорошо вооруженный слой населения, позднее превратившийся в дружину феодала.

Изучение археологических памятников второй половины I тысячелетия, распространенных на территории древлян, позволяет сделать пока еще предварительный вывод о характере культуры древлян этого времени. По-видимому, их культура была очень близка роменско-боршевской, но имела свои отличия и была более тесно связана с культурами западных славянских областей. Западные связи особенно сильно ощущаются на материале середины I тысячелетия и прослеживаются вплоть до начала II тысячелетия (по материалам курганов с трупоположением).

Развитие общественных отношений и в связи с этим изменение погребальной обрядности и характера поселений у древлян происходило в основном так же, как и у других восточнославянских племен: в середине I тысячелетия н. э. у них распространяются курганы с несколькими трупосожжениями, которые к концу I тысячелетия уступают место курганам с одиночными сожжениями, являвшимися переходной ступенью к курганам с трупоположением. В конце I тысячелетия у древлян, по-видимому, появляются феодальные замки. Непрерывность и последовательность этого развития хорошо прослеживается по керамическому материалу, связывающему памятники середины I тысячелетия н. э. с памятниками эпохи Киевской Руси.

---

[66] И. М. Самойловский. Древний Коростень (945—1945 гг.). Архив ИА АН УССР, ф. 12. № 218.

[67] П. Н. Третьяков. Древлянские «грады», стр. 67.

[68] Повесть временных лет, т. I, 1950, стр. 42.

[69] Там же, стр. 53.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

РУССКИЕ ШЛЕМЫ X—XIII вв.

1

В доспехе средневекового воина шлему принадлежало важнейшее место. Кроме боевого назначения, шлем часто служил знаком рыцарского ранга и соответственно этому украшался.

Об этом виде защитного доспеха писали почти все, кто занимался изучением древнерусского оружия. Одним из первых предметов, с которых началось систематическое изучение не только оружия, но и русских древностей вообще, был т. н. шлем князя Ярослава Всеволодовича, найденный в 1808 г. и определенный А. Н. Олениным [1], широко известный в исторической литературе. Долгое время основное внимание исследователей привлекали шлемы позднего русского средневековья, разнообразно представленные в Оружейной палате Московского кремля и других музеях. Лишь в конце XIX — начале XX в. после больших курганных раскопок стали известны шлемы древнейшего периода русской истории. Попытку обобщить этот материал предпринял Н. Е. Бранденбург. Как показывают документы архива Артиллерийского исторического музея, последние годы жизни этот ученый усиленно собирал рисунки, чертежи, фотографии древних шлемов [2]. С этой же целью Н. Е. Бранденбург посетил многие музеи и частные собрания. Он оставил ценные заметки и обширную переписку [3]. В Артиллерийском музее им была собрана редчайшая коллекция оружия из южнорусских раскопок. Эта работа еще на стадии сбора материала была прервана со смертью ученого и оказалась надолго погребенной в архиве.

Много занимался шлемами оружиевед Э. Ленц. К данной теме Э. Ленц обращался неоднократно. Специально шлемам посвящена его последняя статья на немецком языке [4]. Среди дореволюционных русских археологов Э. Ленц являлся самым последовательным сторонником восточного происхождения русского оружия, в том числе и шлемов. В основу классификации боевого наголовья исследователь положил такой признак, как способ защиты лица. В результате было выделено четыре группы: 1) шлемы с наносником (представляющим одно целое с тульей), 2) с прикрепленным наносником, 3) без наносника, 4) шлемы с маской. Классификация

---

[1] А. Н. Оленин. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Трояна и русских до нашествия татар. СПб., 1832, стр. 57 и сл.

[2] Н. Е. Бранденбург. Рисунки и фотографии к археологическим исследованиям, 1902 (116 лл.). Архив АИМ, ф. 30, оп. 1, ед. хр. № 119 (В дальнейшем — фонд Н. Е. Бранденбурга, № 119).

[3] Его же. Материалы к истории вооружения России в домонгольский период, 1890—1902 (181 лл.), Архив АИМ, ед. хр. № 90. (В дальнейшем — фонд Н. Е. Бранденбурга, № 90).

[4] E. Lenz. In Russland gefundene frühmittelalterliche Helme. ZWK, NF, т. I (10), Berlin, 1924, стр. 1—17; его же. Hjälmer fran tidig medeltid, funna Russland, Avhandlingar, Stokholm, 1919.

оказалась весьма формальной и искусственно объединяла памятники, разделенные по времени несколькими столетиями, а по месту находки тысячами километров (Смоленск и Керчь; Киев и Тобольск). Картографирование находок, которое наглядно обнаруживало непримиримые недостатки предложенной схемы, Ленц отверг.

Положения Э. Ленца о восточном происхождении русских шлемов продолжил и углубил В. В. Арендт. Он расположил раннесредневековые шлемы Восточной Европы в определенном хронологическом порядке и проследил их генезис в течение широкого отрезка времени, а также удачно реконструировал ряд образцов [5]. Однако все изданные им шлемы В. В. Арендт трактовал как кочевнические, отбрасывая все находки, противоречащие его классификации. Таким образом, в статьях как Э. Ленца, так и В. В. Арендта древнерусские шлемы совершенно не выделялись и были обезличены среди восточных древностей вообще. Решительный сдвиг в изучение рассматриваемой темы внесли советские ученые. Работами А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова и др. было показано существование на Руси собственного оружия и такого вида защитного доспеха, как шлем. Вопрос об исследовании шлемов, однако, часто ограничивался немногими широко известными памятниками; специальной разработки эта область оружиеведения не получила.

Материал о шлемах очень разнороден как в количественном, так и в хронологическом отношении. Известны образцы и X и XII—XIII вв., но почти отсутствуют экземпляры XI в. [6].

В настоящей работе рассматривается 27 шлемов X—XIII вв. (в том числе и неполностью сохранившиеся), найденных на территории древней Руси. 23 экземпляра известны по музейным собраниям или изображениям, четыре классифицированы только по описанию.

2

Плавно изогнутые и вытянутые шлемы известны на территории СССР со времен Урарту [7]. Отвесный удар, нанесенный по такому сфероконическому (если назвать его точным геометрическим термином) шлему, безвредно скользил вниз, по плоскости тульи. Преимущество формы обеспечило ей многовековое существование. Классическим примером сфероконического шлема является образец, найденный в 1869 г. в кургане вблизи р. Оскола [8] вместе с прямым однолезвийным мечом, частью кольчуги и византийскими монетами VIII в. Корпус шлема склепан из четырех частей.

---

[5] W. Arendt. Der Nomadenhelm des frühen Mittelalters in Osteuropa. ZWK, NF, т. V, Berlin, 1935, стр. 26—34.

[6] О некоторых находках имеется только упоминание. В 1887 г. на кладбище дер. Жуковки, бывш. Духовщинского уезда, Смоленск. губ., найдено погребение воина с конем, мечом и шлемом. В 1863 году в г. Муроме найден «серебряный шишак» (см. А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, т. XI, СПб., 1899, стр. 184, 185, 217). Два шлема, вероятно X в., найдены в Киеве: один в погребении конного воина на усадьбе Марра близ Иорданской церкви (см. В. Б. Антонович. Археологические находки и раскопки в Киеве и Киевской губ. в 1886. ЧИОНЛ, кн. I, Киев, 1888, стр. 252—253; однако скорее всего это умбон), другой — в погребении дружинника на Б. Житомирской ул. (любезно сообщено М. К. Каргером). Шлем, найденный в кургане 34 Михайловского могильника близ Ярославля (раскопки И. А. Тихомирова, 1898 г.), в действительности оказался железным котелком с полукруглой дужкой (Фонд Н. Е. Бранденбурга, № 90, лл. 80—83, рис. л. 85). Шлем и кольчуга найдены в пределах бывш. Бельского уезда (Тр. VII АС, т. II. М., 1891, стр. 268). Может быть, наиболее интересным является шлем, найденный в 1892 г. у дер. Немии, бывш. Могилевского уезда, Подольской губ. Он конусообразный, без переносицы, по краю бронзовая вызолоченная кайма с плетеным орнаментом (см. Е. Сецинский. Опись предметов музея Подольского церковного историко-археологического общества. Каменец-Подольск, 1909, стр. 12).

[7] А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII в. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 4, М., 1946, стр. 7 и сл.

[8] Бывш. Воронежская губ. Бирючинский уезд, Староивановская волость, имение Муравьевой. Дело АК, 1869, № 19.

Навершие обломано. К передней части прикреплен наносник, переходящий в дуговые надбровные валики. Бармица привешивалась к шлему при помощи прута, пропущенного в прямоугольные петельки [9]. Такая совершенная система прикрепления бармицы, в дальнейшем обычная для русских памятников, вошла в употребление в Западной Европе лишь в XIII в. [10]. Происхождение оскольского комплекса не выяснено. По мнению Б. А. Рыбакова, шлем был привозным [11]. Можно высказать предположение, что русские оружейники в период создания Киевского государства были знакомы с образцами вроде оскольского и, очевидно, восприняли их внешнюю форму. Однако в целом вопрос о происхождении раннесредневекового русского шлема значительно сложнее. Его легче осветить, познакомившись с самими образцами.

Древнейшие русские шлемы найдены в курганах с сожжением, причем, как правило, в самых больших и самых богатых. Обзор лучше начать с севера.

В большом гнёздовском кургане с «самым грандиозным обрядом погребения», раскопанном в 1885 г. В. И. Сизовым, наряду с другим оружием, был найден и шлем. Он прикрывал собой копье и меч, возле лежал умбон от щита. Захоронение датирует диргем 903 г. Шлем подвергся сильному действию огня (рис. 1, *1*), но его форму, даже детали, удалось восстановить. Корпус его, по-видимому, состоит из четырех частей, склепанных четырьмя крестообразно наложенными накладками; кроме того, каждая четверть делится еще продольной рубчатой полоской на две части. Сверху приклепана втулка для плюмажа или султана [12]. Нижний край опоясывает обруч, выходящий на наносник. Края обруча и накладок вырезаны «городком» и имеют сердечковидные прорези. Накладки сохранили следы золотой насечки. К шлему прикипела бармица с оторочкой из медных колец [13]. Уже издатель шлема отметил, что нельзя не признать его местного своеобразного характера. Нарядные «кружевные» орнаменты шлема не позволяют сравнить его ни с восточными [14], ни с западными аналогиями. Второй шлем найден в том же Гнёздовском могильнике в кургане 86 (18) (раскопки С. И. Сергеева в 1901 г.). Он находился на огнище вместе с кольчугой и прикрывал меч и нож, вертикально воткнутые в землю (рядом было копье). Сохранность его лучше, чем предыдущего шлема; орнамент отсутствует (рис. 2, *1*). Тулья составлена из двух половин, соединенных наклепанной полосой с двойным рядом часто расположенных заклепок. Нижний край стягивает широкий обруч с рядом крупных петель для бармицы [15]. Кольца бармицы 4—5 *мм* в диаметре (при толщине 1 *мм*). Под шлемом встретилось несколько мелких шариков золота и серебра (вероятно, остатки украшений). Погребение датируется по типу меча, относящегося, судя по норвежским аналогиям, скорее всего к группе V (первая половина X в.) [16].

От предыдущего образца шлем отличается конической формой, а также отсутствием навершия-втулки и орнаментального убора.

Следующая группа шлемов связана с Черниговым, где в 1872—1873 гг. Д. Я. Самоквасов раскопал богатейшие княжеские и боярские курганы. Повторное изучение черниговского дружинного некрополя Б. А. Рыбаковым облегчает понимание и датировку этих памятников [17].

Шлем из кургана Гульбище X в. состоит из четырех треугольных пластин, причем передняя и задняя лежат на боковых (рис. 2, *2*). На передней сохранились следы полукруглой медной набивки (позолоченной?) [18]. В свое время Н. Е. Бранденбург

---

[9] Э. Ленц. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демяновки, Мелитопольского у. ИАК, вып. 2, СПб., 1902, стр. 89, рис. 11 и 12; Архив ИИМК. Дело АК 1869, № 19; Н. Кондаков. Указатель Эрмитажа по отд. средних веков. СПб., 1891, стр. 272; Н. М. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губ. в 1905 г. СПб., 1906.

[10] E. Lenz. In Russland gefundene..., стр. 15.

[11] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.— Л., 1948, стр. 72, 233.

[12] Судя по средневековым персидским миниатюрам, во втулку не всегда вставлялись украшения; см. SPA, т. V, London — New York, 1939, рис. на стр. 862.

[13] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 9, рис. 1; стр. 66—67, рис. 17.

[14] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 234.

[15] А. Спицын. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 50—51, рис. 91, 118, 120, 121. Оружие комплекса описано Э. Ленцом в работе В. И. Сизова «Курганы Смоленской губ...», стр. 97 и сл.

[16] J. Petersen. De norske vikingesverd. Videnskapsselskapets Skrifter. II. Hist. filos. Klasse, 1919, № 1, Oslo, 1919, стр. 154—156, табл. III.

[17] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, М.— Л. 1949, стр. 22 и сл.

[18] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1917, стр. 36—37, рис. 44—45.

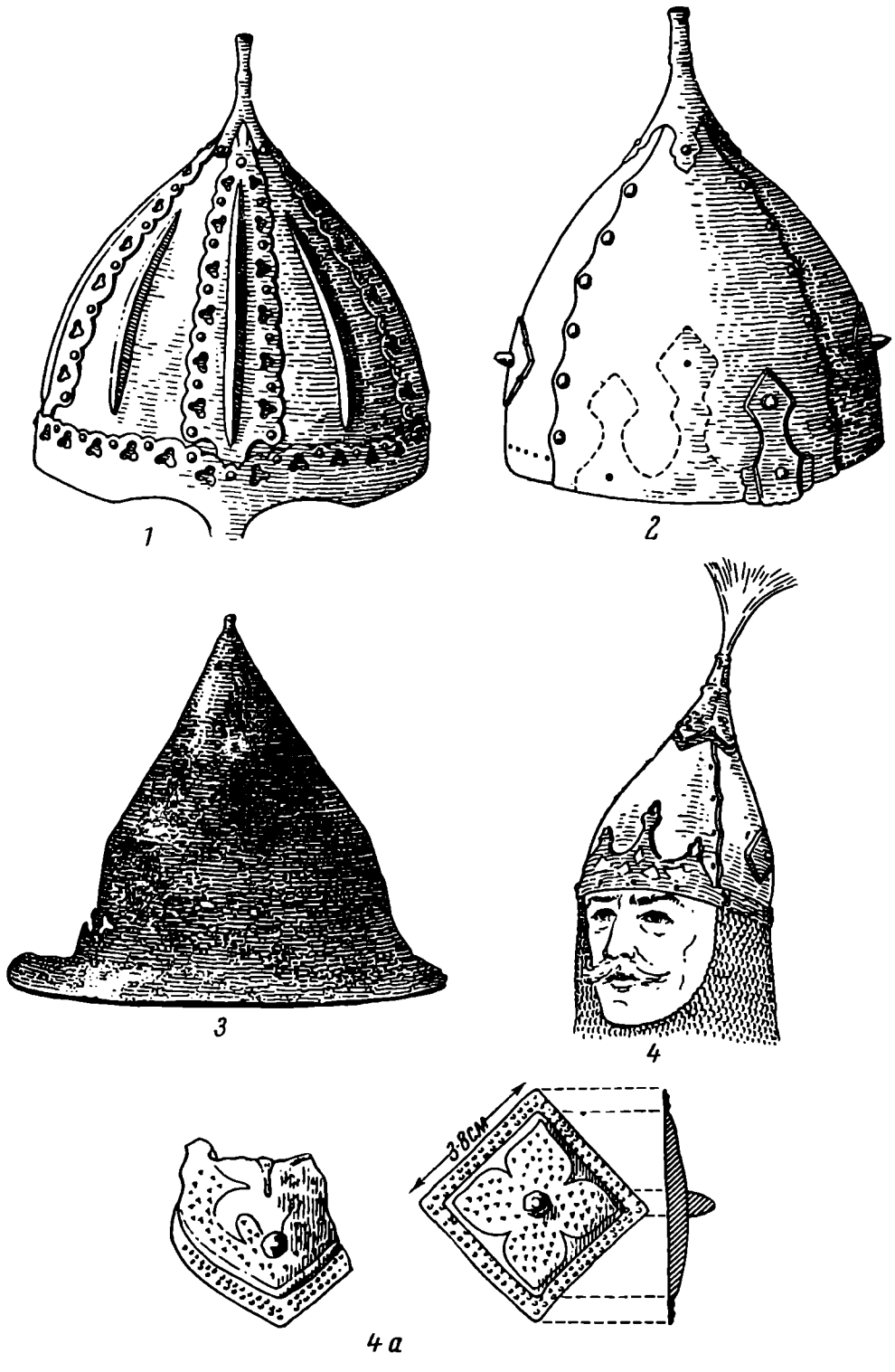


Рис. 1.

1 — Гнёздово, большой курган (реконструкция В. Арендта); *2* — Черная могила (реконструкция В. Арендта); *3* — из курганов IX в. (по В. Прохорову); *4* — дер. Гожухи (реконструкция З. Бохенского); *4а* — основание навершия и боковая бляшка шлема из Гожухи

также отмечал бронзовую обтяжку шлема [19]. Шлем увенчан втулкой, оснащение его дополняла бармица. Экземпляр сильно поврежден и происходит, вероятно, из насыпи над кострищем [20].

Еще два шлема найдены в кургане Черная могила вместе с огромным количеством погребенного оружия. Согласно Б. А. Рыбакову, вероятной датой захоронения являются 960-е годы — эпоха князя Святослава [21]. Шлемы оказались в центре насыпи, над

[19] Фонд Н. Е. Бранденбурга, № 90, л. 44.
[20] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 34—35.
[21] Там же, стр. 29.

кострищем вместе с двумя кольчугами, ножами-скрамасаксами, турьими рогами. Один шлем был отдан Д. Я. Самоквасовым в музей Киевского университета и остался неописанным. Сохранность его плохая, но судя по форме и навершию [22], он, очевидно, почти не отличался от лучше известного второго шлема. Этот последний склепан из четырех пластин (так же, как и шлем из Гульбища), т. е. передняя и задняя накрывают боковые; край их волнистый, на каждом мыске по заклепке. Шлем увенчан уже ставшей обычной втулкой (рис. 1, *2* и рис. 2, *3*). Поверхность наголовья обтянута медным золоченым листом. Поверх листа на лобной части имеются остатки одной и следы двух других железных фигурных листовидных полос, по рисунку схожих

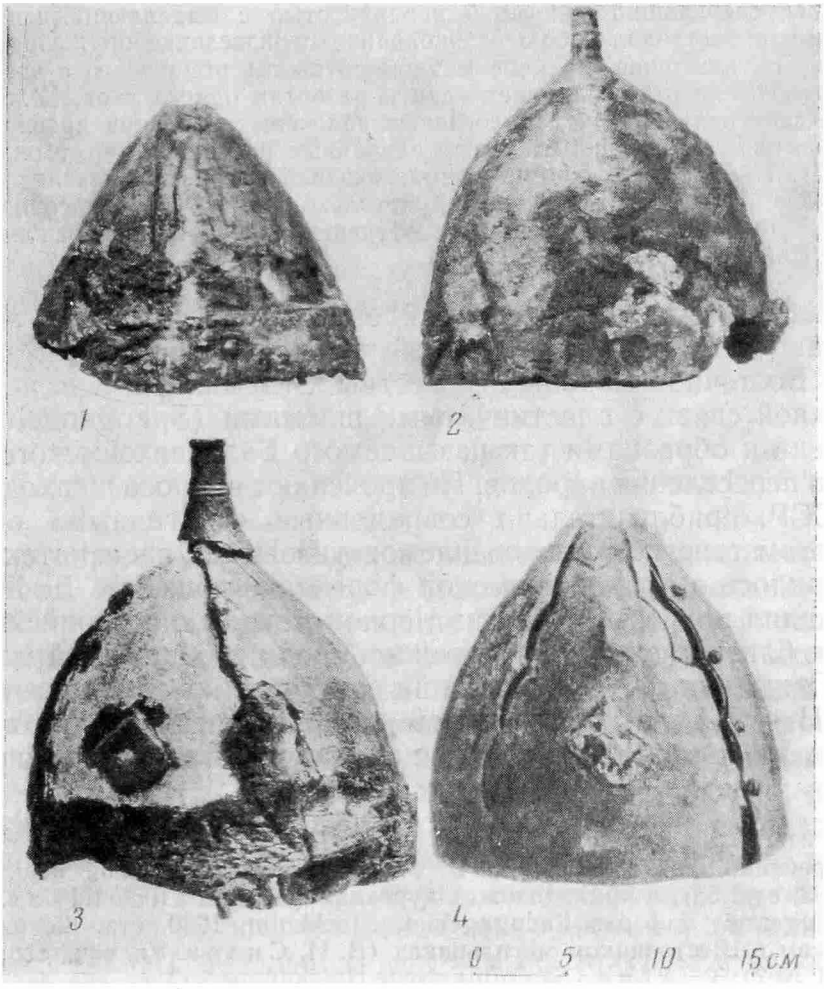


Рис. 2.

1 — Гнёздово, курган № 86; *2* — Гульбище; *3* — Черная могила (по Д. Я. Самоквасову); *4* — дер. Мокрое у г. Дубно

с такими же в основании навершия. В центре боковых сторон прикреплены две четырехугольные бляшки с небольшим стержнем посредине. По краю соединения пластин корпуса, вдоль листовидных накладок и четырехугольных бляшек пущена медная золоченая прокладка с двойным рядом выпуклостей, выбитых изнутри. Таким образом, прокладка декоративно оформляет швы склепки и края бляшек и пластин. Внизу шлем охватывает обруч, на котором сохранились остатки бармицы [23].

Фигурные листы на передней пластине В. Арендт трактовал как своеобразные петли для привешивания маски [24]. Скорее всего они представляли собой верхнюю часть наносника, являясь в то же время оригинальным начельным украшением. Это обстоятельство правильно понято при реконструкции шлема в ГИМ [25]. Боковые квад-

[22] Д. Я. Самоквасов. Ук. соч., стр. 36, рис. 43. Может быть, остатком шлема является навершие, хранящееся без номера в Киевском Государственном историческом музее (рисунок его любезно предоставлен Г. Ф. Корзухиной).

[23] Там же, стр. 10, рис. 7 на стр. 8; Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 40—41.

[24] W. Arendt. Ук. соч., стр. 31.

[25] М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. М., 1953, табл. X, № 80. На всех реконструкциях шлема количество заклепок и волнообразных выступов передней и задней пластин корпуса неоправданно увеличено на 1—2.

ратные бляшки в форме четырехлистника с небольшим выступом, по-видимому, предохраняли бармицу от сноса [26] и представляли собой как бы маленькие умбоны, предназначенные для парирования бокового удара.

Налобный трехлистник, бляшки и обруч шлема железные. Трудно представить себе, однако, чтобы на сплошь вызолоченном шлеме оставались открытыми железные части. На примере аналогичных образцов мы можем утверждать, что первоначально железные детали были покрыты серебром и украшены растительным орнаментом. Распознать орнамент бляшек помогают совершенно такие же бронзовые бляшки с отверстием посредине, встречающиеся в черниговских и других дружинных древностях X в. [27]. Орнамент их составляли четыре геральдические лилии или крина, расположенные крестообразно, основаниями к центру. В своем первоначальном виде шлем из Черной могилы, сверкавший золоченой поверхностью с выделяющимися высеребренными деталями, представлял собою великолепное произведение оружейного искусства. Ряд черт (форма, навершие, наличие медной обтяжки) роднят его с экземпляром из Гульбища, следовательно, речь может идти о развитии одного типа. Шлем из Черной могилы открывает целую серию аналогичных золоченых образцов древних наголовий. Такой же экземпляр найден в 1925 г. при случайных работах в дер. Мокрое у г. Дубно (рис. 2, *4*). При костяке, кроме шлема, оказались три наконечника стрел, копье и ножницы. Совпадение обоих образцов настолько полное, что описание становится излишним [28]. Дубненскую находку польские ученые без серьезных оснований считали импортом из Польши [29].

Несомненно, что виды шлемов, найденных в курганах X в., возникли не вдруг. Однако для VI, VII и большей части VIII в. находки шлемов на территории Восточной Европы неизвестны. Экземпляры X в. не имеют непосредственной связи с пластинчатыми шлемами (Spangenhelm) сарматского времени и образцами так называемого Бальденхеймского типа эпохи великого переселения народов. Не проясняют вопроса и находки на юго-востоке СССР, приблизительно современные «курганным» образцам [30]. При всем этом генезис русских шлемов указывает на азиатский Восток. Выше говорилось о сфероконической форме шлемов. Еще Д. Я. Самоквасов сопоставлял по форме шлем из Черной могилы с ассирийскими образцами. Более близкие аналогии встречаем среди изображений манихейской живописи Синьцзяна VIII—IX вв. и на согдийской росписи древнего Пенджикента VII—VIII вв. Шлемы здесь плавно изогнутые со втулками [31]. У некоторых на лобной части имеется накладка «строенный» лист [32]. Шлем

---

[26] W. Arendt. Ук. соч., стр. 31.

[27] В погребении, раскопанном Д. В. Милеевым у Десятинной церкви (ОАК за 1911 г., рис. 93, стр. 58), в приладожских курганах (W. J. Raudonikas. Die Normanen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, Stockholm, 1930, стр. 85, рис. 112—113) и в Гнездовском и Шестовицком могильниках (В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 45, табл. II, № 6, табл. XII, № 2); T. Arne, Skandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine. AA, т. II, 3, Kopenhagen, 1931, стр. 288, рис. 13. Считают, что эти бляшки происходят от «замков» кожаных сумок. Четырехчастная композиция из лилий, известная на многих русских вещах, имела, по-видимому, и символическое значение — обезопасить владельца вещи «со всех четырех сторон света». (См. Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 406—408, рис. 197).

[28] Шлем покрыт золоченым листом; край склепки волнистый, на передней части имеются остатки трех фигурных полос, на боковых — квадратные бляшки с шипом; вдоль краев проходит золоченая прокладка с выпуклостями, по краю — обруч для бармицы. От навершия сохранились следы на тулье.

[29] Z. Bochenski. Polskie szyszaki wczesnośredniowieczne. Prace komisji antropologji i prehiostorji, № 3, Kraków, 1930, стр. 8—9, табл. IV; R. Jakimowicz. Szlak wyprawy kyowskiej Bolesława Chrobrego w świetle archeologji, Rocznik Wołynski, т. III, Równe, 1934, стр. 71—72.

[30] Со шлемом из Гульбища сопоставляются: четырехчастный шлем Берлинского музея, найденный на юге России (A. Götz. Ostgotische Helme, Mannus, т. I, Berlin, 1909, стр. 23, рис. 1) и шлем, найденный близ Краснодара. Из ранних находок следует отметить экземпляры из Геленджика (VIII в.), Новороссийска (вторая половина IX в.) и из Туапсе (XI в.) (См. W. Arendt. Ук. соч., стр. 31—32, рис. 10, 10a, 11, 12).

[31] A. Le Coq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens, Berlin, 1925, стр. 14, рис. 63, стр. 57; Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, стр. 86 и сл., табл. 25.

[32] A. Grünwedel. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkestan. Berlin, 1912, рис. 451, стр. 200; A. Le Coq. Ук. соч., рис. 60—61, стр. 57; Живопись древнего Пянджикента, табл. 25.

фигурки воина из Шорчука имеет волнообразно вырезанные края склепанных пластин. На многих восточных наголовьях имеются сложнопрофилированные втулки (сравн. шлем из Гульбища) [33]. Все эти особенности живо напоминают русские образцы; однако они не дают права сделать вывод о непосредственной связи русских и центральноазиатских памятников. Речь может идти только о происхождении типа втульчатого сфероконического наголовья, господствовавшего на Среднем и Ближнем Востоке в те-

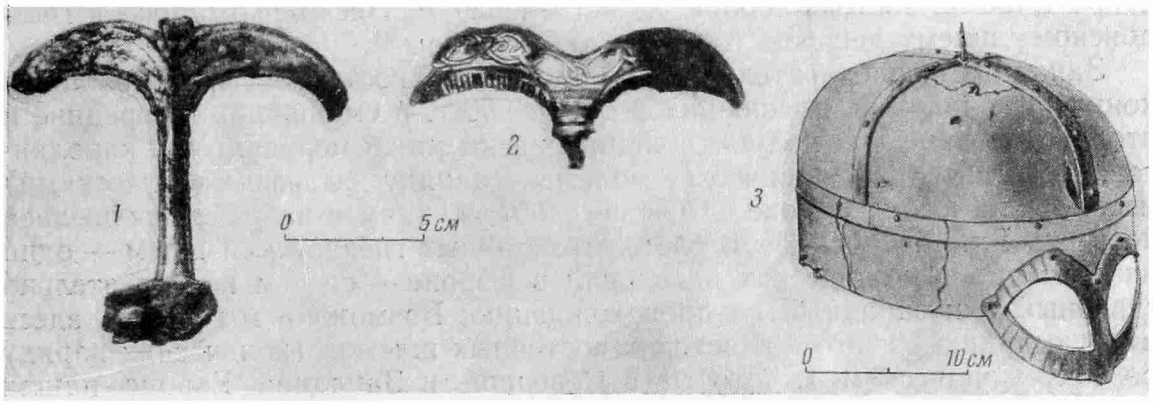


Рис. 3.

1 — Десятинная церковь; *2* — Locrume (о. Готланд); *3* — Gjermundbu (Норвегия)

чение всего средневековья [34]. Следует отметить, что детали орнаментального убранства, боковые «умбоны» и медно-золоченая техника древнерусских экземпляров пока не встречены на Востоке. Не исключено, что наиболее своеобразные нарядные экземпляры из Гнёздова и Черной могилы были сделаны местными мастерами, знакомыми с азиатскими моделями.

Второй гнёздовский шлем обычно относят к так называемому норманскому, или (по терминологии западных оружиеведов) франко-норманскому типу X—XI вв [35]. В самой Скандинавии ни одного конического шлема не найдено, хотя изображения их в камне и дереве сохранились [36]. Недавние исследования кургана с сожжением в Gjermundbu в Норвегии, наконец, обнаружили шлем X в., совершенно не соответствующий привычному представлению об остроконечных «норманских шишаках». Это плоская округлая каска с небольшим острием на макушке и наносником, переходящим в окологлазные выкружки (рис. 3, *3*) [37]. Данный образец, восходящий к куполовидным вендельским шлемам VII—VIII вв., не исключение. Стало понятно, что именно к данной разновидности относятся фрагменты двух носовых накладок с плетеным орнаментом из Locrume на Готланде (вторая половина X в.) (рис. 3, *2*) [38] и такая же накладка с серебряной инкрустацией геометрического рисунка, происходящая из усадьбы

---

[33] Живопись древнего Пянджикента, рис. 29, стр. 156.

[34] Известны по поздним персидским миниатюрам (XIV—XV вв.) и поздним же археологическим данным (см. А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I, М.— Л., 1955, рис. 74, стр. 247).

[35] О так называемых «норманских» шлемах (название условно; это общеевропейский тип) см. G. M. Demay. Le costume de guerre et d'apparat d'apres les sceaux du moyen age. Paris, 1875, табл. I и сл.; E. Violet le Duc. Dictionaire raisonné du mobilier Français, т. VI, Paris, стр. 102—103, рис. 9—10; A. Demmin. Die Kriegswaffen. Leipzig, 1886, стр. 365, рис. 12—13; W. Boeheim. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890, стр. 25 и сл., рис. 6.

[36] S. Grieg. Gjermundbufunnet, Norske Oldfunn, VIII, Oslo, 1947, стр. 34—48, рис. 28—33.

[37] Там же, стр. 44—45, табл. V, VI; B. Thordeman. Der nordische Helm in frühgeschichtlicher Zeit. ZWK, NF, т. 7, ч. 8—9, Berlin, 1943, стр. 217—224.

[38] P. Paulsen. Wikingerfunde aus Ungarn. AH, т. XIII, Budapest, 1933, стр. 43, 47, рис. 9.

Десятинной церкви в Киеве (рис. 3, *1*) [39]. Таким образом, шлемы Северной Европы существенно отличались от гнёздовского образца (равно как и от других русских находок). Этот последний отличается также и от западных остроконечных шлемов на ковре из Байё 1070—1090 гг. (некоторой изогнутостью тульи, отсутствием массивного наносника и пластин для защиты шеи и затылка, наличием бармицы вместо капюшона). Э. Ленц, которого никак нельзя заподозрить в незнании западного оружия, писал: «Насколько мне известно, чистого типа норманские шлемы ковра Байё на востоке вообще не встречены» [40]. Несколько ближе к гнёздовскому шлему чешские и венгерские образцы [41].

Западные исследователи не сомневаются в восточном происхождении конических шлемов, появившихся около 900 г. и сменивших в середине и второй половине X в. полушаровидные каски эпохи меровингов и каролингов. Действительно, конические шлемы (наряду со сфероконическими) известны на юге и востоке СССР по изображениям и находкам последней четверти I тысячелетия [42]. В свете этих данных гнёздовский шлем — один из древнейших конических наголовий в Европе — совсем не обязательно северный или западный по происхождению. Возможно, мы имеем здесь вторую линию развития азиатских восточных шлемов (конических наряду со сфероконическими), которые в Северной и Западной Европе нашли свою вторую родину.

Очень интересной является проблема распространения древнейших курганных позолоченных шлемов, незаслуженно оставленная без внимания в отечественной археологической литературе. За пределами древней Руси — в Польше, на территории бывшей восточной Пруссии, Венгрии — известна группа золоченых шлемов, представляющих собой нечто большее, чем простые аналогии русским образцам. По своей отделке и форме все они поразительно близки к шлему из Черной могилы, что и позволяет предельно сократить их описание [43].

Шлемы из Польши. Шлем, найденный в 1866 г. в болоте у дер. Гожуха в Калишской земле (рис. 4, *1*), состоит из четырех пластин, обтянутых золоченой медью. Передняя и задняя пластины находят на боковые и имеют волнистый обрез. На боковых пластинах имеются бляшки. Сохранилась часть налобного украшения (вероятно, представляющая верхнюю часть наносника) в виде трехлистной короны (рис. 1, *4*). Основание навершия, бляшки, края склепки, очертания «короны» обведены золоченой оконтуривающей прокладкой с выпуклостями. На основании навершия — следы серебряной насечки с гравировкой пальметовидного орнамента, на боковых бляшках — подготовленная насечка для набивки серебряного листочка (рис. 1, 4 *а*). Верх навершия позолочен. Кругом шлема обруч с ушками для прикрепления бармицы (как на шлеме с р. Оскол). Шлем реконструирован З. Бохенским без учета существования наносника; однако вряд ли начельная железная накладка, достигающая половины высоты шлема, являлась только орнаментальной композицией; она могла быть связана с наносником. Об остальных шлемах, идентичных описанным, приведем только краткие сведения.

Экземпляр из Гич известен с 1858 г. Он сохранился хуже. Форма более изогнутая, чем у предыдущего (рис. 4, *2*).

Шлем из Гнезно сохранился в виде сплошной железной массы с остатками бармицы.

Находка 1919 г. у дер. Димитрово (Туренский уезд, Калишская земля) (рис. 4, *3*) отличается тем, что золочение произведено непосредственно по железу; нет также медной «выпушки» по швам склепки. Относительно хорошо сохранился начельный

---

[39] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1907, табл. XXXVI, № 1134.

[40] E. Lenz. In Russland gefundene..., стр. 13.

[41] L. Niederle. Rukověť slovanských starožitnosti. Prahe, 1953, стр. 414, рис. 124, № 1—3, рис. 125; J. Szendrej. Ungarische Kriegsgeschichtliche Denkmäler. Budapest, 1896, стр. 69—70, № 180.

[42] Э. Ленц описывает конические шлемы из Тобольска, ст. Тифлисской Кубанской обл., бывш. Таврической или Екатеринославской губ. (см. E. Lenz. In Russland gefundene..., стр. 2—4 и 9, рис 3—6; 16—17). Такие же по форме шлемы изображены на восточных серебряных блюдах VII—VIII вв. (см. W. Arendt. Ук. соч., стр. 28, рис. 5), на иконе из дер. Мравалдзали (МАК, вып. IV, М., 1894, стр. 123, рис. 99).

[43] См. Z. Bocheński. Ук. соч., стр. 3—8, табл. I—VII; рис. 1—3.

трехлистник. Центральный лист, как и в других экземплярах, выше боковых. Украшение склепано с обручем.

Находки из Восточной Пруссии. Шлем из Фридрихсберга (1 миля к западу от Кенигсберга) (рис. 4, *4*) полностью сохранил свою совершенную сфероконическую форму. Найден в погребении конного воина с мечом, наконечником копья,

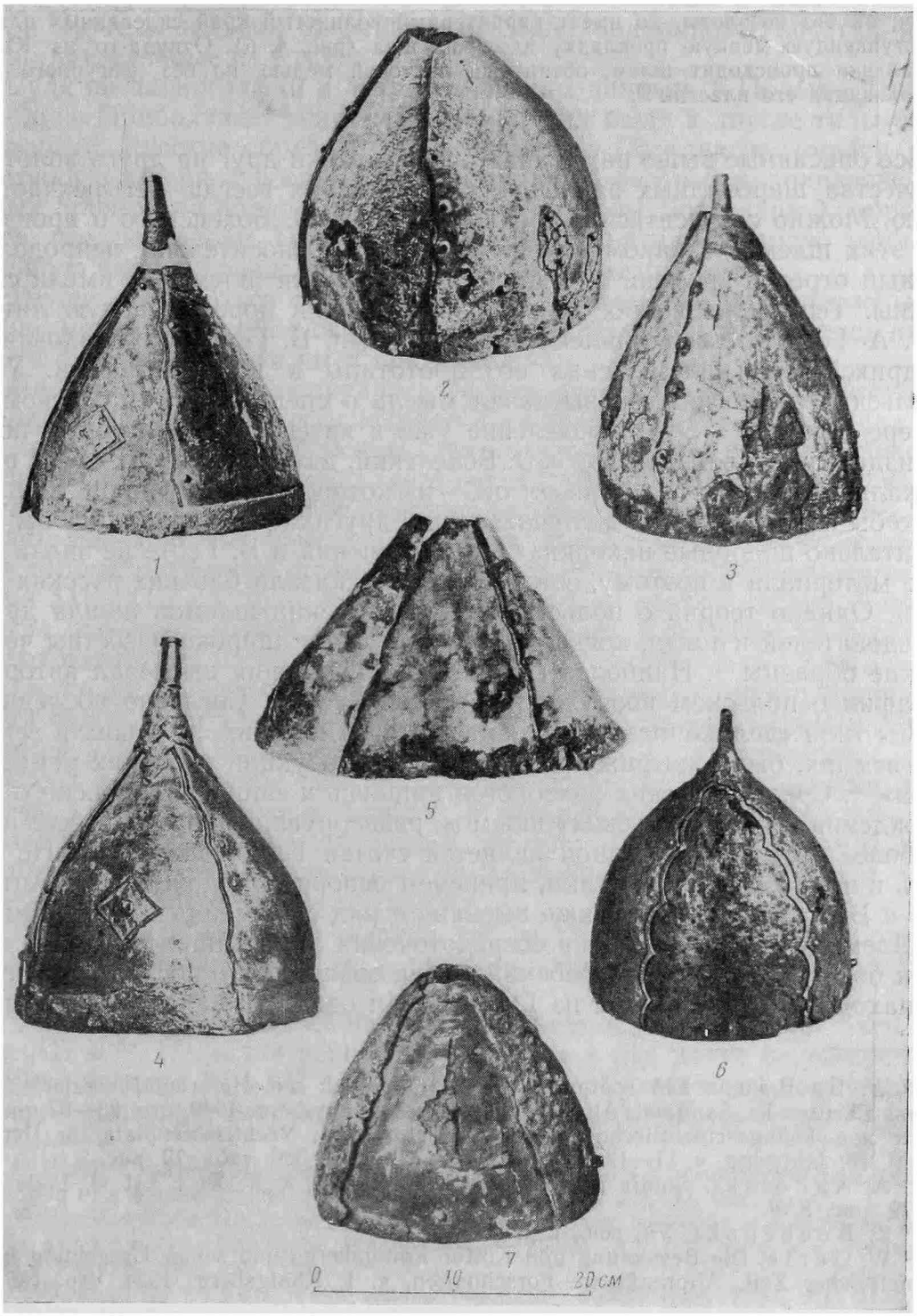


Рис. 4.

1 — Гожуха; *2* — Гич; *3* — дер. Димитрово; *4* — Фридрихсберг; *5* — Экриттен; *6* — г. Печ; *7* — Райковецкое городище

стременами. Налобное украшение с пальметовидным орнаментом почти не сохранилось. Втулка приклепана на четырех фигурных лапках. Железные детали имели гравированный на серебре растительный орнамент, утраченный вскоре после находки в 1889 г. Немецкие археологи датировали этот памятник XI—XII вв.[44].

[44] W. Gerte. Ein altpreussischer Helm. ZWK, т. 1 (10), ч. 2/3, Berlin, 1923, стр. 41, 42, табл. III.

Другой шлем найден в 1938 г. в погребении № 12 могильника Экриттен в Самбии вместе с двумя копьями, удилами, стременем и шпорой (рис. 4, *5*). Шлем не имеет боковых квадратных бляшек. Издатель был склонен датировать захоронение XII в.[45]. Однако копья с серебряной насечкой, удила с прямыми стержневидными псалиями, стремя арочной формы с вытянутой вверх петлей позволяют, очевидно, отнести комплекс к первой половине XI в. Техника изготовления золоченых шлемов, очевидно, оказала влияние на местные западные образцы. Таков один венгерский шлем из г. Печ; он без позолоты, но имеет характерный волнистый край склепанных пластин и выступающую медную прокладку вдоль их шва (рис. 4, *6*). Откуда-то из Южной Прибалтики происходит шлем, обтянутый листовой медью, но без фигурного края составляющих его пластин[46].

Все описанные выше памятники очень похожи друг на друга вплоть до количества шаровидных заклепок, скрепляющих всегда четырехчастную тулью. Можно согласиться с предположением З. Бохенского о производстве этих шлемов в каком-то одном центре в относительно непродолжительный отрезок времени[47]. Однако долгое время шлемы не имели своей родины. Теперь же вопрос о их происхождении породил целую литературу. А. Гётц считал эти шлемы монгольскими. В. Герте, опубликовавший фридрихсбергский шлем, искал его прототипы в Южной России. Узнав о польских аналогиях, он высказал мысль о специфически польском характере шлемов[48]. Это определение уже в категорической форме повторил издатель польских находок З. Бохенский, датировав их XI—XIII вв.[49]. «Локализование центра — писал он,— из которого вышли наши шишаки, могло бы измениться в том случае, если в других краях появились бы приблизительно подобные находки»[50]. З. Бохенский и В. Герте не знали русского материала и поэтому, естественно, не указали близких русских аналогий. Однако теория о польском происхождении шлемов нашла других последователей и тогда, когда за рубежом стали широко известны черниговские образцы[51]. Наиболее крайнюю точку зрения высказал автор монографии о польском вооружении А. Надольский. Согласно последнему, шлемы типа «великопольских», найденные на русских, прусских и венгерских землях, были «выражением экспорта продукции польских ремесленников»[52]. Среди польских археологов нашлись и защитники русского происхождения «великопольских» шлемов, развернувшие острую дискуссию[53]. Наиболее аргументированной является статья Е. Антоневича[54]. Не вдаваясь в подробности полемики, приведем основные положения Е. Антоневича и В. Сарновской, а также выскажем ряд собственных замечаний.

Шлемы найдены в районе сосредоточения древнейших польских городов и богатых военных погребений, но не совпадают с последними по месту находки (кроме шлема из Гнезно). Ни одна из находок не связана

---

[45] W. La Baum. Ein spätpreussisches Reitergrab mit Helm und verzierten Lanzen aus Ekritten kr. Samland, Alt — Preußen, ч. 4, Königsberg, 1940, стр. 83—87, рис. 1—3; его же. Frühgeschichtlische Helme aus Ostpreußen, Nachtrichtenblats für Deutsche Vorzeit, 15, Jahrgang, ч. 11—12; Leipzig, 1939, стр. 299—300, табл. 79, рис. 3.

[46] A. Nadolski. Studia nad uzbrojeniem Polskim w X, XI i XII w. Lodź, 1954, стр. 72, рис. 8, *9*.

[47] Z. Bocheński. Ук. соч., стр. 9.

[48] W. Gerte. Die Besiedlung und Kultur Königsbergs und seiner Umgebung in vorgeschichtlicher Zeit, Altpreußische Forschungen, ч. I, Königsberg, 1924, стр. 135—141, рис. 8.

[49] Позднее под воздействием статьи В. Арендта он передатировал польские шлемы X—XI вв.

[50] Z. Bocheński, Ук. соч., стр. 17.

[51] W. Dziewanowski. Zarys dziejów uzbrojenia w Polsce. Warszawa, 1935, стр. 146; R. Jakimowicz. Ук. соч., см. также его рецензию на книгу Костржевского «Kultura prapolska» в «Rocznik Historyczne», вып. XVIII, Poznań, 1949, стр. 396.

[52] A. Nadolski. Ук. соч., стр. 75.

[53] W. Sarnowska, О t. zw. «polskich» szyczakach wczesnosredniowiecznych. WA, т. XVI, Warszawa, 1939 (редакция 1948), стр. 316—320, табл. LX—LXI.

[54] J. Antoniewicz. Niektóre dowody kontaktäw slowiańsko-pruskich w okrese wczesnośredniowiecznym w świetle żrodeł archeologicznych. WA, т. XXII, zesz. 3—4, Warszawa, 1955, стр. 250—262, рис. 10—17.

с каким-либо археологическим комплексом, в противоположность Руси, где такие находки точно датированы и связаны с дружинными курганами. Шлем из Дубно объявлен польским на основании теории (буржуазно-националистической) о сильном влиянии Польши на Волынь. Прусские образцы вряд ли сделаны польскими мастерами. В археологических источниках нет выразительных следов связи Великопольши и Самбии. Наоборот, в Пруссии найдены шиферные пряслица, энколпионы, крестик, несомненно привезенные из Руси.

Судя по иконографии и археологическим данным, в Польше, Пруссии, вообще в Прибалтике [55] наряду с золочеными были и другие типы боевых наголовий. Русские образцы могли попасть в Пруссию и Польшу путем торговли и в период военных столкновений. В частности, появление золоченых шлемов на западе связывается с походом Болеслава Храброго на Киев, где, по словам Титмара, последний захватил огромную добычу и большую часть ее разделил между сподвижниками [56].

Трудно согласиться с Е. Антоневичем, считающим, что золоченые шишаки имели не боевой, а скорее парадный характер и не носились пястовскими феодалами, хотя им и принадлежали.

Польская версия не опиралась на весь известный археологический материал. В. Сарновская, обосновывая «русскую гипотезу», указывала на то, что на Руси есть ряд образцов, представляющих последовательное развитие рассматриваемого типа, чего нет в Польше. Действительно, на Руси представлено как начальное развитие золоченых шлемов (Гнёздово, Гульбище), так и их последующее развитие. Насколько устойчивым на Руси был тип черниговского шлема, показывает образец из Райковецкого городища XII—XIII вв. (рис. 4, 7) [57]. Последний во многом сходен «с курганными» шлемами: передняя и задняя пластины наклепаны на боковые и имеют волнистый изгиб по краю; на каждом выступе шаровидная заклепка (всего их пять-шесть); по краю — стягивающий обруч с прямоугольными петельками для прикрепления бармицы (как у шлема с р. Оскол); имеется длинная кованая стрелка — наносник. Четыре пластины шлема собраны под навершие (оно не сохранилось); на двух боковых частях шлема медно-золоченая набивка [58]. В отделке шлема есть ряд черт, говорящих об упрощении черниговского образца. Золоченой медью не покрыты передняя и задняя пластины, отсутствуют квадратные бляшки, нет золоченых прокладок в местах склепки.

Подводя итоги, можно сказать, что из 12 известных в Европе шлемов типа Черной могилы пять (т. е. почти половина) найдены на русских землях (рис. 5).

Большинство западных находок датируется X—XI, может быть началом XII в. [59]. Польские вещи этого периода у нас почти неизвестны, зато русские изделия XI—XII вв. встречаются при раскопках древнепольских городов (писанки, погремушки, пряслица, трехбусинные серьги, колты) [60].

---

[55] В. И. Сизов. Предварительный отчет о поездке с археологической целью летом 1895 г. в Курляндскую губ. АИЗ, т. IV, М., 1896, стр. 37, рис. 5.

[56] Русское происхождение великопольских находок признает и Костржевский. См. J. Kostrżewski, Pradziejie Polski, Posnań, 1949, стр. 270; его же. Kultura Prapolska. Posnań, 1949, стр. 333.

[57] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XV. При указании места находки шлема автор допускает неточность. На стр. 97 он пишет, что шлем обнаружен возле скелета, лежащего у ворот детинца, а на стр. 41—42 сообщает, что шлем найден в юго-восточном углу клети № 8 в западной части детинца.

[58] Левая пластина, судя по продольным разрезам на медной обтяжке, носит следы ударов сабли или меча. Однако это могут быть также разрывы медной оболочки вследствие окисления железа. При осмотре мною шлема в Житомирском музее в 1956 г. наносник и навершие отсутствовали.

[59] A. Nadolski. Ук. соч., стр. 73. Датировка прусских находок не может считаться удовлетворительной, а сами публикации их имеют чаще всего предварительный характер.

[60] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 478; Z. Hilczerówna. Przyczynki do handlu Polski z Rusią Kijowską. Przegląd Archeologiczny, т. IX, zesz. 1., Poznań, 1951, стр. 8—23.

Путь распространения золоченых шлемов с Востока на Запад в общем не вызывает сомнений. Совершенно одинаковые приемы обработки не могли возникнуть одновременно в местах, разделенных сотнями километров. Вероятным центром изготовления золоченых шлемов было Киевское государство, так как наиболее древние экземпляры найдены в богатейших княжеско-боярских курганах X в. Нельзя, конечно, утверждать, что все зарубежные шлемы сделаны в русских городах, однако, если говорить

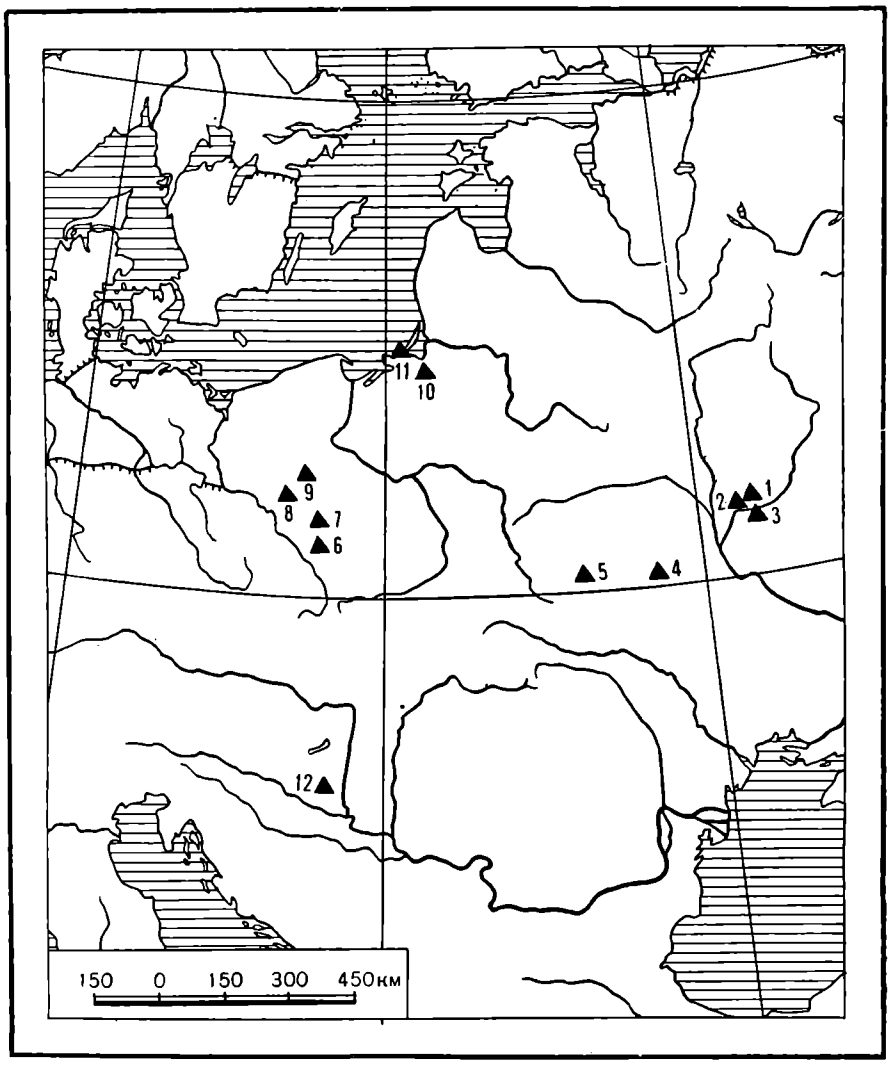


Рис. 5. Находки шлемов типа Черной могилы в Европе

1—3 — Чернигов; *4* — Райковецкое городище; *5* — дер. Мокрое у г. Дубно; *6* — Гожуха; *7* — Димитрово; *8* — Гич; *9* — Гнезно; *10* — Фридрихсберг; *11* — Экриттен; *12* — Печ

о генезисе таких памятников, то, очевидно, нельзя и отрицать того положения, что сам тип сфероконического золоченого наголовья, сложившийся под восточным влиянием, в X в. бытовал на Руси. Отсюда он мог проникнуть на Запад и вызвать там местные подражания.

Подведем некоторые итоги по истории шлемов «курганного периода». Из семи рассмотренных находок с территории Руси по крайней мере шесть относятся в X в. По сравнению с количеством раскопанных погребений воинов находки шлемов крайне малочисленны. Как правило, они встречаются в погребальных комплексах, содержащих самый полный и богатый набор вооружения.

Характерно положение боевого наголовья в центре кургана, на вершине первичной насыпи. Можно предположить, что во время сожжения шлем не всегда надевался на голову покойного, а находился где-то рядом, в груде оружия. Обычай захоронения шлемов был очень редок не только

на Руси, но также (в еще большей степени) в Польше, Скандинавии и других странах [61]. Все известные образцы, судя по богатству отделки, принадлежали, по-видимому, феодальной знати. О шлемах рядовых дружинников ничего определенного сказать нельзя. Однако эта часть боевого доспеха имелась не только у предводителей, но и у дружины. Лев Диакон сообщает о «твердых шлемах» русских, воевавших на Балканах.

3

Золоченые шлемы «курганного периода» надолго пережили свою эпоху. Наряду с ними в XI—XII вв. появились новые образцы. О новых путях развития средневекового шлема свидетельствует группа южнорусских памятников. Большинство из них добыто раскопками, еще в конце прошлого столетия, но осталось неопубликованным. Речь идет о шлемах, найденных в Поросье, в погребениях воинов с конем, принадлежавших черным клобукам, осевшим во второй половине XI—XII вв. на южных пограничьях Руси с кочевой степью [62].

Включение боевого доспеха осевших замиренных кочевников в обзор русского материала может быть мотивировано следующими причинами. Район Поросья — неотъемлемая часть Киевского государства. Здесь наряду с пришельцами издавна находилось русское население и созданные им города. Курганный обряд погребения «своих поганых» сохранил весьма большое количество вооружения XI и главным образом XII в., чего мы не имеем для других мест. По составу оружие черных клобуков во многом похоже на оружие, найденное при раскопках южнорусских городов. Это и неудивительно: черные клобуки входили в состав русского войска и много снаряжения получали от русских ремесленников [63]. Рассмотрение «поросских» шлемов (очень показательной части доспеха) позволит поставить проблему взаимоотношения русского и кочевнического вооружения. Немногочисленность находок шлемов на русской территории также не позволяет пройти мимо этого материала.

Бóльшая часть находок происходит из богатых погребений. Неизменно встречаются кольчуга, сабля, копье, иногда лук и стрелы, стремена и удила. Инвентарь могил очень сходен. Датировка главных комплексов определяется по стременам одинаковой формы XII—XIII вв. [64] и удилам с перегибом, отличающихся от более ранних односоставных удил IX—XI вв. [65]. Наиболее хорошо сохранился шлем из кургана в урочище «Королевно» у мест. Таганча бывш. Каневского уезда (рис. 6, *1*). Высокая колоколовидная двухчастная тулья с легким изломом посредине увенчана шпилевидным навершием, отделенным от своего основания маленьким шариком — «яблоком». Форма шлема очень сходна с той, которая в Московской Руси получила название шишака. К передней части приклепан наносник с глазными вырезами. На лобной части следы серебряной платировки. По венцу сохранились петельки для бармицы. Издатель относил шлем к «князю россов» VIII—IX вв. [66]. В. Сарновская, изучавшая оружие из Таганчи в Варшаве, датировала его второй половиной X в. [67]. Впервые

[61] A. Nadolski. Ук. соч., стр. 70; Л. П. Семенов. Шлемы северной Осетии. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 68.

[62] А. Спицын. Курганы киевских торков и берендеев. ЗРАО, т. XI, вып. 1 и 2, новая серия, СПб., 1899, стр. 156—160; Д. А. Расовский. Печенеги, торки, берендеи на Руси и в Угрии. Seminarium Kondakovianum, VI, Praha, 1933, стр. 53 и сл. К. В. Кудряшов. О местоположении половецких веж в Северном Причерноморье в XII в. Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. I, М.—Л., 1947, стр. 98—112.

[63] С. А. Плетнева. Кочевники южно-русских степей IX—XIII вв. М., 1952, автореферат.

[64] Э. Ленц. Предметы вооружения, стр. 82, рис. 1; В. К. Гончаров. Ук. соч., стр. 38, рис. 27, стр. 36, рис. 24; А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ м. Смелы, т. III, СПб., 1901, табл. XXI.

[65] С. А. Плетнева. Ук. соч., стр. 5.

[66] И. Хойновский. Археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, стр. 118—120, табл. VI.

[67] W. Sarnowska. Wczesnohistoriczany kurhan z Korolewina pod Tahańczą. Swiatowit, т. 20, Warszawa, 1949, стр. 240—241. Автор неправильно отождествляет этот комплекс с могилой «князя полян» Ярополка (ок. 980 г.).

правильно определил данный шлем XII в. Б. А. Рыбаков. К такому же виду относится шишак из кургана близ с. Бурты (бывш. Каневского уезда) (рис. 6, *2*). На рисунке из фонда Н. Е. Бранденбурга еще видно основание навершия. Отчетливо заметны также глазные вырезы и наносник. На середине тульи имеется едва заметный перегиб, нарушающий плавную линию ската. Шлем был поставлен возле головы погребенного конного воина в кольчуге, с саблей, копьем, стрелой и луком [68]. На выставке XI Археологического съезда в Киеве демонстрировался также шлем в обломках из с. Зеленки [69] того же Каневского уезда (вместе с кольчугой, частями колчана, саблей, наконечниками стрел и копий). По словам Н. Е. Бранденбурга, экземпляр приблизительно схо-

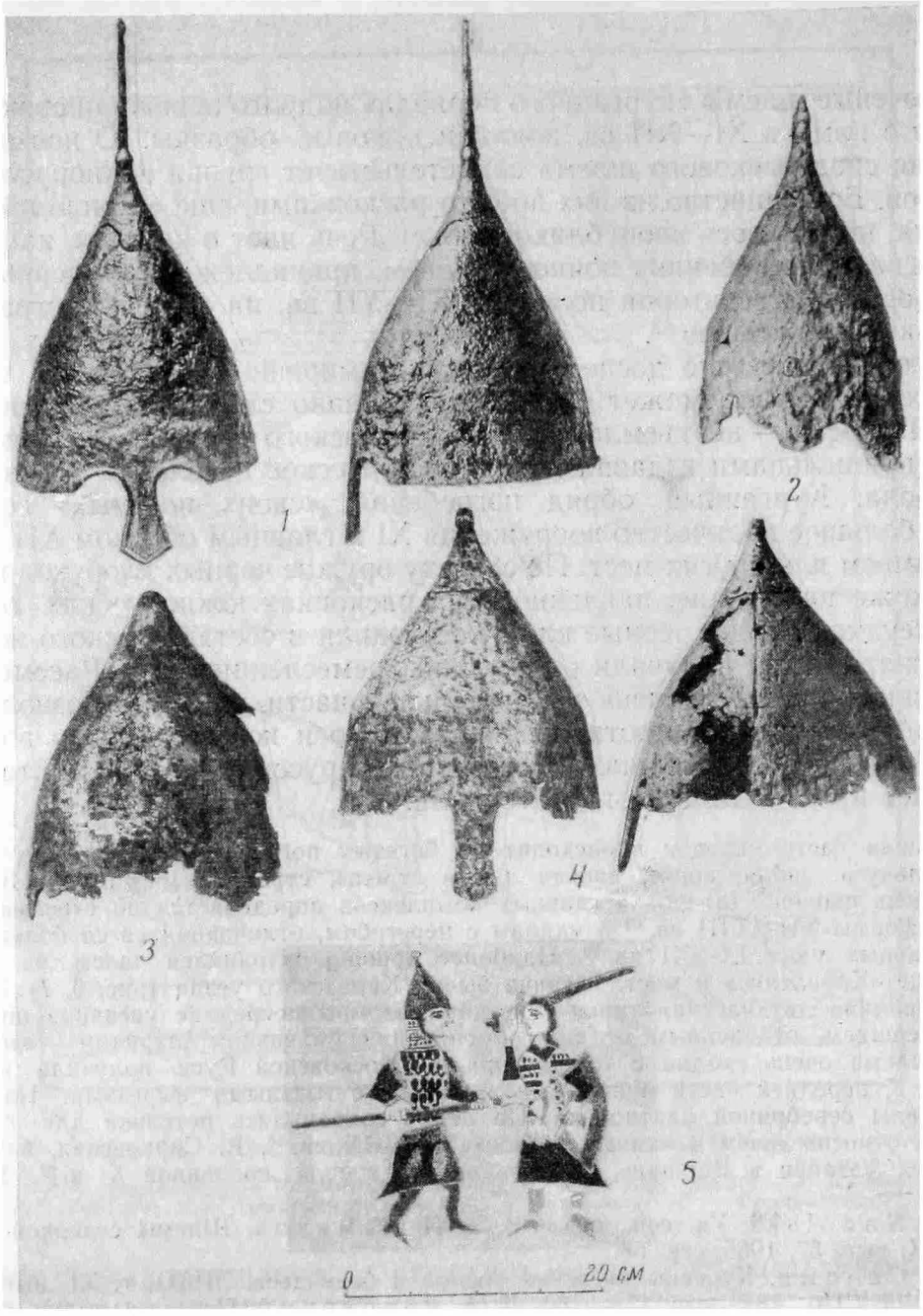


Рис. 6.

1 — Таганча; *2* — Бурты; *3* — Мировка; *4* — местонахождение неизвестно, хранится в Эрмитаже; *5* — заглавная буква из Новгородской псалтыри XIV в.

[68] Н. Е. Бранденбург. Путеводитель по СПб-скому Артиллерийскому музею, I, Отд. доисторический, СПб., 1902, стр. 55, № 138; его же. Журнал раскопок 1888—1902. СПб., 1908, стр. 69—70, № 106.

[69] Каталог выставки XI АС в Киеве. Киев, 1899, № 494—504, стр. 103—104. Раскопки В. Б. Антоновича (?) в 1887 г.

ден с найденным у с. Бурты[70]. Железный конический шлем и сабля найдены также в кургане у с. Антоновки бывш. Васильковского уезда[71]. В Киевском государственном историческом музее имеется частично сохранившийся шлем из разграбленного кургана у с. Мировки бывш. Киевского уезда (найден вместе с саблей и кольчугой)[72] (рис. 6, *3*). Форма шлема и особенно основание навершия (стержень обломан) с четырьмя фигурными лапками для приклепки к тулье позволяют отнести находку к той же типологической группе.

Очень близок к описанным шишак неизвестного происхождения, переданный в 1894 г. в Эрмитаж из Археологической комиссии[73]. Корпус его составлен из двух частей. Линия тульи имеет характерный перегиб в середине высоты. Навершие оканчивается «яблоком», вероятно переходившим в шпиль (рис. 6, *4*). По сторонам прямого широкого наносника, выкованного из одного с тульей куска, сделаны небольшие вырезы для глаз. По нижнему краю на расстоянии 7—8 *см* расположены петли бармицы. Там же проделаны дырочки (на расстоянии 2 *см* одна от другой), служившие, очевидно, для прикрепления подкладки. Наконец, обломки двух стержневых шлемов, вероятно того же времени, происходят с городища Княжая гора. Все данные экземпляры имеют стержень для флажка-яловца. Эта деталь, хорошо известная для XV—XVI вв.[74], по-видимому, восходит к XI—XII вв. Цвет яловцев был обычно красный. В описании Мамаева побоища сказано, что яловци «аки поломя огняное пашется»[75]. Шлемы данной группы с круглым «яблоком» на макушке встречаются и позже (в XIII—XIV вв.), но уже без наносника[76]. Относительная многочисленность находок указывает на их распространенность в XII—XIV вв. Находки и изображения показывают, что шлемы с яловцами были и в русском войске. Я имею в виду рисунок на одной из миниатюр Радзивилловской летописи, восходящей к XII—XIII вв. (л. 10, верх). Шлем с «яблоком» (но без яловца) имеет также левый сражающийся воин, изображенный в заглавной букве «И» на Новгородской псалтыри XIV в. (рис. 6, *5*)[77].

Если предыдущую группу памятников можно связать с Русью, то, по-видимому, специфически кочевническими являются шлемы с масками, закрывавшими все лицо, обнаруженные на Каневщине. Первая такая находка происходит из кургана с конным воином у с. Ковали (раскопки Е. А. Зноско-Боровского). На лобной части шлема имеется прямоугольный вырез для прикрепления маски-личины (рис. 7, *1*). Таким образом, боевое наголовье скрывало не только голову, но и лицо. Маска, снабженная прорезями для глаз и носовыми отверстиями, скульптурно реалистически изображает лицо горбоносого усатого человека без отличительных восточных признаков. На маске два бронзовых уха; на левом ухе и на подбородке два кольца, вероятно, для скрепления с кольчугой. От шпиля до половины высоты на тулье шлема симметрично расположены четыре желобчатых углубления[78]. Второй подобный экземпляр шлема происходит из кургана близ с. Липовец бывш. Каневского уезда (раскопки О. Н. Макаревича в 1892 г.). Шлем стоял у головы погребенного воина. Маска повернута и откинута на тулью (рис. 7, *2*, *3*). Над круглым основанием высится конический четырехгранник тулова с жолобом на каждой грани. Шпиль обломан. На лобной части вырез для личины. По краю остатки бармицы. Маска портретно реалистична и напоминает личину первого шлема[79]. Железная с позолотой маска с шарниром в лобной части найдена у местечка Ротмистровка бывш. Черкасского уезда Киевск. губ.[80]. Форма и детали высоких шлемов с личинами можно сравнить с наголовьями на каменных бабах половецкого типа (правда, сама маска здесь неизвестна)[81]. Шлемы с личиной являются самым поздним вариантом развития кочевнического шишака. Позднее шлемы с маской унаследует монгольское войско (несколько таких наголовий XV в. хранится в собрании Оружейной палаты).

Наряду со шлемами вытянутой формы на территории черных клобуков найден также образец полусферической формы. В раскопках Н. Е. Бранденбурга близ

---

[70] Фонд Н. Е. Бранденбурга, № 90, л. 63 и об.

[71] Э. К. Витковский. Раскопки курганов и археологические находки в Васильковском у. Тр. III АС, т. II, Киев, 1872, приложение, стр. 23—30.

[72] КГИМ, № 18323. В музейном каталоге значится как дар И. О. Книповича.

[73] Э. Ленц. Предметы вооружения..., стр. 89—90, рис. 13; E. Lenz. In Russland gefundene..., стр. 4—5, рис. 2.

[74] Например, на рельефах царского места Ивана Грозного в Успенском соборе Московского кремля.

[75] М. Саввaитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов. СПб., 1896, стр. 34.

[76] ОАК за 1902, стр. 74—75, рис. 158; ОАК за 1903, стр. 76, рис. 154.

[77] В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, табл. LXXI, *6*.

[78] А. Б. Бобринский Ук. соч., стр. 122—124, табл. XXI; Фонд Н. Е. Бранденбурга, № 90, лл. 5—8; 51—52; № 119, л. 69; Brandenburg. Eine alte Rüstung, gefunden in einem der Hugelgräber Südrussland. ZWK, т. I, ч. 11, 1897, стр. 288 (рис.).

[79] Н. Е. Бранденбург. Путеводитель, стр. 54, № 132, 1897, стр. 288.

[80] В. Б. Антонович Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 104.

[81] Н. И. Веселовский. Статуи воинов из категории каменных баб. ИТУАК, вып. 45. Симферополь, 1911, табл. II, *2*.

с. Пешки (Каневск. уезда) был встречен полушарный четырехчастный шлем [82], стоявший в кургане у головы погребенного (рис. 7, *4*). Скрепляют тулью четыре крестообразно расположенные полосы и обруч по нижнему краю. На пластинах имеется

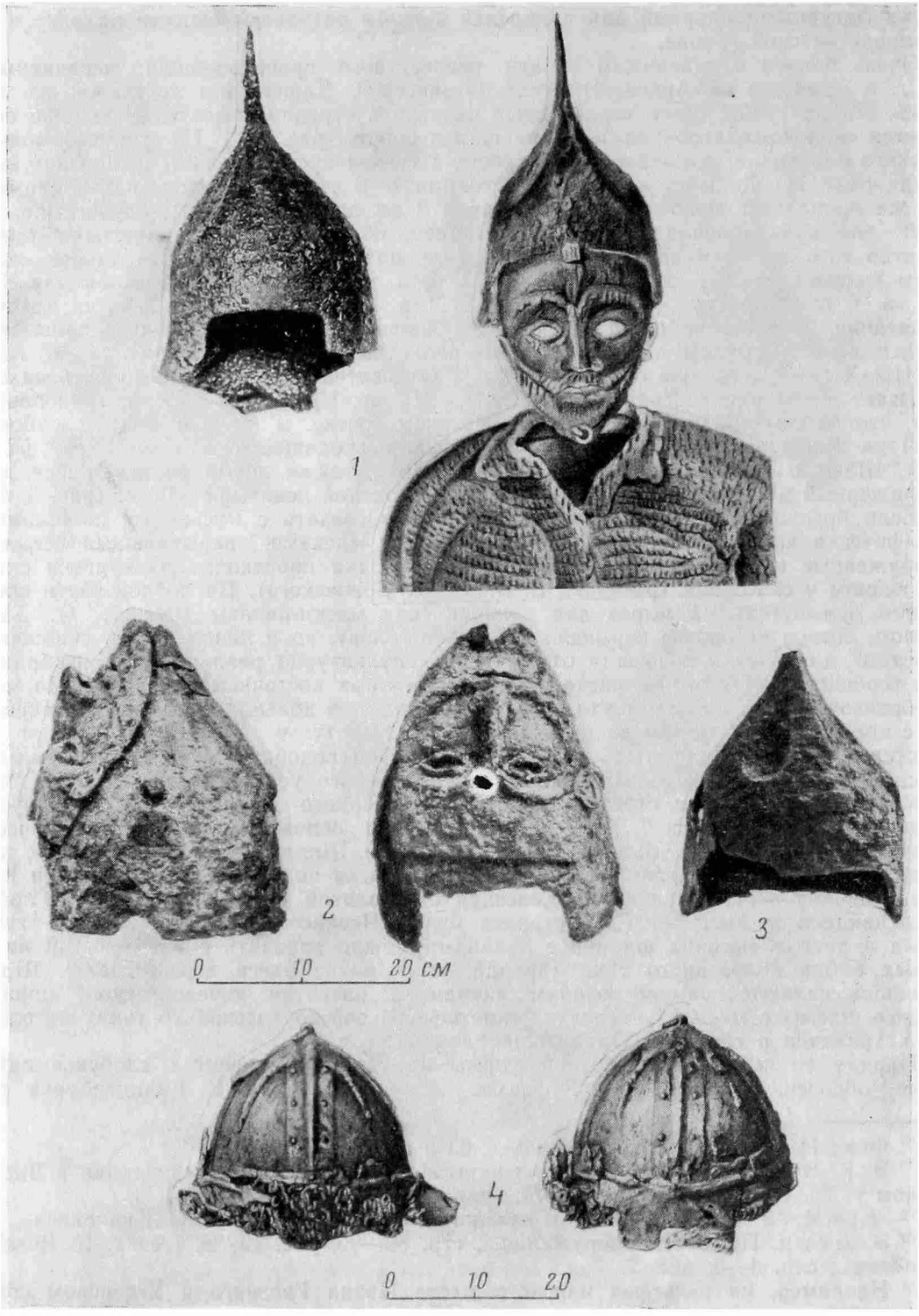


Рис. 7.

1 — Ковали; *2,3* — Липовец; *4* — Пешки

долевой жёлоб, вместо навершия — теменная пластинка с колечком, от которой спускаются четыре узких выпуклых полоски. Таким образом, корпус шлема продольно делится на восемь частей восьмью усиливающими полосками (способ, известный нам

[82] Н. Е. Бранденбург. Путеводитель, стр. 55—56, № 183; его же. Журнал раскопок..., стр. 88—89, № 133.

по одному из гнёздовских образцов). По окружности заметны куски «прикипевшей» бармицы и пластинчатый козырек (вероятно, назатыльник). О происхождении данного экземпляра судить трудно[83]. Для XII—XIII вв. полусферические наголовья известны на Западе и еще раньше — в Византии[84].

Почти все железные шишаки из Южной Киевщины лишены богатых украшений и проще шлемов X в.[85]. Однако и они найдены в захоронениях знатных воинов. Из 65 погребений, раскопанных Н. Е. Бранденбургом и содержавших оружие или части конской упряжи, шлемы оказались только в трех. Пожалуй, самым интересным из коллекции Н. Е. Бранденбурга является шлем из размытого водой и разграбленного кургана у с. Бабичи бывш. Черкасского уезда Киевской губ.[86]. Вместе с ним сохранились два овальных стремени, четыре ромбовидные стрелы, огниво, удила из двух звеньев, несколько обломков кольчуги. Стремена, судя по плоской овальной форме, приближаются к типу XIII в., что не решает еще вопроса о дате шлема. Последний сплошь покрыт золоченой медью и отличается от ранних золоченых образцов (рис. 8, *1*). Венец по нижнему краю шлема сохранил гравированный растительный орнамент в виде вьющейся ветви с листочками. Фон расчеканен мельчайшими углублениями. Корпус увенчан цельной медно-золоченой розеткой, держащейся на четырех заклепках и оформленной в общем в том же стиле, что и венец. Орнамент ее разделен на четыре секции; к растительным завиткам здесь добавлены ромбы, вырастающие из ветвистого побега (рис. 8, *1а*). Края розетки и венца прочерчены мелким зигзагом. В центре верхушки имеется отверстие от небольшого несохранившегося стерженька. По нижнему краю венца — ряд мелких неровных отверстий от сорванной бармицы. Лицевая часть обозначена небольшим прямоугольным вырезом. Никаких следов наносника не заметно. Растительный орнамент венца шлема представляет редкую возможность для датировки. Он полностью совпадает с рисунком древнерусского Евангелия 1164 г. из собрания бывш. Румянцевского музея в Москве[87]. Совпадение рисунков полное, вплоть до «капелек» в изгибах листа. На основании этого памятник может быть отнесен к XII или первой половине XIII в. Шлем резко выделяется из серии «кочевнических» золоченой набивкой и не имеет вытянутости. Именно такие по форме образцы шлемов без наносника и с выделяющимся венцом представлены на миниатюрах «Сказания о Борисе и Глебе», восходящего к XII в.[88], а также на резном деревянном блюде рубежа XII—XIII вв. из новгородских раскопок А. В. Арциховского 1955 г.[89]. Наносник и шпиль отсутствуют также на многих рисунках шлемов Радзивилловской летописи. Все эти сопоставления говорят, по нашему мнению, в пользу русского происхождения черкасского шлема, очевидно попавшего затем в среду «своих поганых».

С разновидностью неглубоких шлемов без наносника сопоставляется экземпляр из тайника Десятинной церкви[90]. Внутри шлема — обуглившаяся масса, среди которой различаются кожа и ткань (вероятно, от подкладки). Находка принадлежала какому-то представителю киевской знати, искавшему убежище в тайнике во время штурма Киева монголами (рис. 8, *2*).

Среди древнерусских шлемов наиболее поздними являются крупные крутобокие боевые наголовья, появившиеся, по-видимому, в ходе феодальных междоусобиц. Новые шлемы, самые крупные в истории домонгольского доспеха, полностью закрывали голову и лицо. Их возникновение свидетельствует об известном утяжелении предохранительного вооружения. (Процесс этот в гораздо более ощутимой форме протекал в Западной Европе и привел там к появлению громоздких и неуклюжих шлемов). К упомянутому выше типу относится прежде всего шлем Ярослава Всеволодовича (найденный близ с. Лыкова в 20 верстах от места Липицкой битвы), неоднократно изданный и описанный. Одни исследователи определяют время его изготов-

---

[83] В одном из курганов XIII—XIV вв. близ местечка Межерички, бывш. Балтского уезда Подольской губ. вместе с саблей, кольчугой, булавой, двумя стременами оказался железный полушарный шлем (см. А. Спицын. Обозрение некоторых губ. и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, т. XI, СПб., 1899, стр. 280—281).

[84] A. Demmin. Ук. соч., стр. 376, рис. 90; Г. Вейс. Внешний быт народов, т. II, ч. 1, М., 1871, стр. 91—93, рис. 61—62. По-видимому, цельнокованый сферический половецкий шлем из Екатеринодара в собрании ГИМ отличается от данного образца.

[85] В литературе упоминаются еще несколько шишаков, по-видимому, XII—XIII вв. с территории Южной Киевщины, но об их внешнем виде ничего неизвестно (см. В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ., стр. 47, 51).

[86] Н. Е. Бранденбург. Путеводитель, стр. 57, № 326. Архив АИМ, Опись Артиллерийского музея (Красная книга), ч. V, № 326, л. 99, об., Дар Н. Я. Тарновского, 1897 г.

[87] В. И. Бутовский. История русского орнамента. СПб., 1870, табл. XXIII.

[88] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, стр. 163, рис. 46.

[89] Любезно сообщено А. В. Арциховским.

[90] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 122—123, рис. 81.

Рис. 8.

1 — с. Бабичи ; *1,а,б* — детали шлема из Бабичи; *2* — тайник Десятинной церкви; *3* — с. Лыково, *4* — с. Никольское ; *5* — Киев

ления началом XIII, другие — 40—60-ми годами XII в.[91]. Дорогая отделка вещи (рис. 8, *3*) сравнима разве только с «курганными» образцами шлемов X в. Корпус

[91] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 292; В. Л. Янин. О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича. СА, 1958, № 3, стр. 60.

обит серебряным листом и украшен позолоченными серебряными чеканными накладками: на вершине — звездчатой пластиной с изображением Спаса, Св. Георгия, Василия, Федора и на челе — образом архангела Михаила с черневой посвятительной надписью. По краю проходит орнаментная кайма с изображением грифонов, птиц и барсов, разделенных лилиями и листьями. Чеканная отделка близка к Владимиро-Суздальской белокаменной резьбе [92], что, может быть, указывает место изготовления памятника. К макушке прикреплено небольшое навершие, на кайме ряд дырочек, пробивших орнамент и корпус. Возможно, что они служили для прикрепления подкладки. Кроме того, кругом по ободу в пяти местах имеются сломанные ушки для бармицы [93]. К тулье прикреплен клювовидный посеребренный наносник с позолоченным надбровьем, образующим вырезы для глаз. Носовая пластина снабжена двумя отверстиями для дыхания. Первоиздатель шлема, А. Оленин, отмечал следы железной полуличины [94]. Думаем, что за маску были приняты теперь не существующие и, по-видимому, хрупкие нижние выкружки для глаз. До сих пор еще виден их облом по бокам верхней части наносника. О первоначальном виде лицевой части так называемого шлема Ярослава Всеволодовича можно судить по другому образцу, найденному в 1866 г. у с. Никольского, близ ст. Змиевки бывш. Орловской губ. Среди русских древностей шлем не фигурировал и ошибочно был отнесен к татарским [95]. На самом деле, ряд существенных признаков сближает находку с липицким шлемом (рис. 8, *4*). Тулья этого шлема состоит из трех частей, выкована для увеличения прочности продольными желобками. К передней части прикреплена накладка с вырезами для глаз и горбатым заостренным наносником. Края накладки — своеобразной полумаски — и обрез наносника снабжены мелкими дырочками для бармицы, закрывавшей, кроме шеи, всю нижнюю часть лица. По низу корпуса — остатки восьми-девяти петель для тыльной части бармицы. Обруч не сохранился. Весь шлем покрыт тонким серебряным вызолоченным листом, который во многих местах поврежден и выкрошился [96]; форма его крутобокая, без вытянутости и шпиля. Третий подобный «крутобокий» шлем найден в детинце древнего Киева в 1833 г. в развалинах церкви св. Ирины [97]. Время его определяется, очевидно, монгольским разгромом Киева (рис. 8, *5*). Памятник испытал на себе все превратности в развитии русского оружиеведения. Его называли норманским, немецким, скандинавским, полянским, но по-настоящему не издали ни разу. К трехчастной тулье этого шлема прикреплен длинный узкий наносник с выкружками для глаз, частично сохранивший серебряную набивку. Следов нижних окологлазных выкружек не сохранилось, но наличие их очевидно. На макушке помещен небольшой стерженек. Основные размеры и детали устройства совпадают с шлемом, найденным близ с. Никольского. Безусловно, к шлемам данного типа относится и полуличина, украшенная золотом и серебром, происходящая из богатого дома середины XII в. во Вщиже [98]. По-видимому, к этой же группе относится шлем из грабительских раскопок кургана в г. Ногайске (бывш. Таврической губ.). При костяке оказались также кольчуга, стремена, остов лошади. К передней части шлема была прикреплена медная пластинка длиной около 13 *см* с изображением св. Прокопия и с надписью «Св. Прокоп» [99].

Описанные экземпляры настолько своеобразны, что исключают мысль о каком-либо заимствовании. От своих западных современников они, между прочим, отличались круговой бармицей (западные образцы или упирались боковыми, длинными стенками в плечи и стесняли движение головы, или не имели бармицы, заменявшейся кольчужным капюшоном) [100].

Характерными чертами данной группы является полное прикрытие головы и лица и рыцарская эмблематика в качестве украшения. Эти два признака можно усмотреть,

---

[92] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 292.

[93] Фонд Н. Е. Бранденбурга, № 90, л. 70—71.

[94] А. Оленин. Ук. соч., стр. 57; его же. Литографированные рисунки к опыту о славянах. СПб., 1833, рис. XI, A и B.

[95] Архив ИИМК. Дело АК, № 16 (рис.); ИАК, вып. III, 1902, прибавление, стр. 36; Э. Ленц. Вооружение из Демьяновки, стр. 91—92.

[96] Э. Ленц. Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия. СПб., 1908, табл. IV. Шлем выставлен в Эрмитаже в отделе монгольского вооружения.

[97] И. Фундуклей. Обозрение Киева в отношении к древности. Киев, 1847, стр. 91, рис.; М. Погодин. Древняя русская история до монгольского ига, т. III, отд. 1, М., 1871, табл. 38, стр. 22. Год и место находки шлема указывались различно. Самые точные данные удалось обнаружить в «Книге для записи вещей музея Древностей университета св. Владимира», л. 2 об. (КГИМ): «найден в 1833 г. при открытии в Киеве церкви св. Ирины и преподнесен К. Лохвицким музею в день основания в 1834 г.».

[98] Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный Вщиж. По следам древних культур. М., 1953, рис. на стр. 104.

[99] Н. Е. Бранденбург. Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губ., в которых вместе с покойником погребены остовы убитых лошадей. Тр. X АС, 1896, т. I, М., 1899, стр. 13.

[100] Э. Ленц. Эрмитаж. Указатель средних веков и эпохи возрождения, ч. 1. Собрание оружия, СПб., 1908, стр. 23.

как мне кажется, и в летописных известиях. Так, в 1151 г. Изяслава Мстиславовича, упавшего с коня, хотели убить свои бойцы, не узнав его. Один из пехотинцев уже ударил мечом по шлему князя, где «написан святой мученик Пантелеймон злат...», «... и тако вшибеся шелом до лба». Изяслав успел снять шлем и был узнан [101]. Во время похода на половцев Игорь Святославич пытался остановить дрогнувший полк ковуев и, чтобы быть увиденным, «сонма шолом погнаше опять к полку» [102].

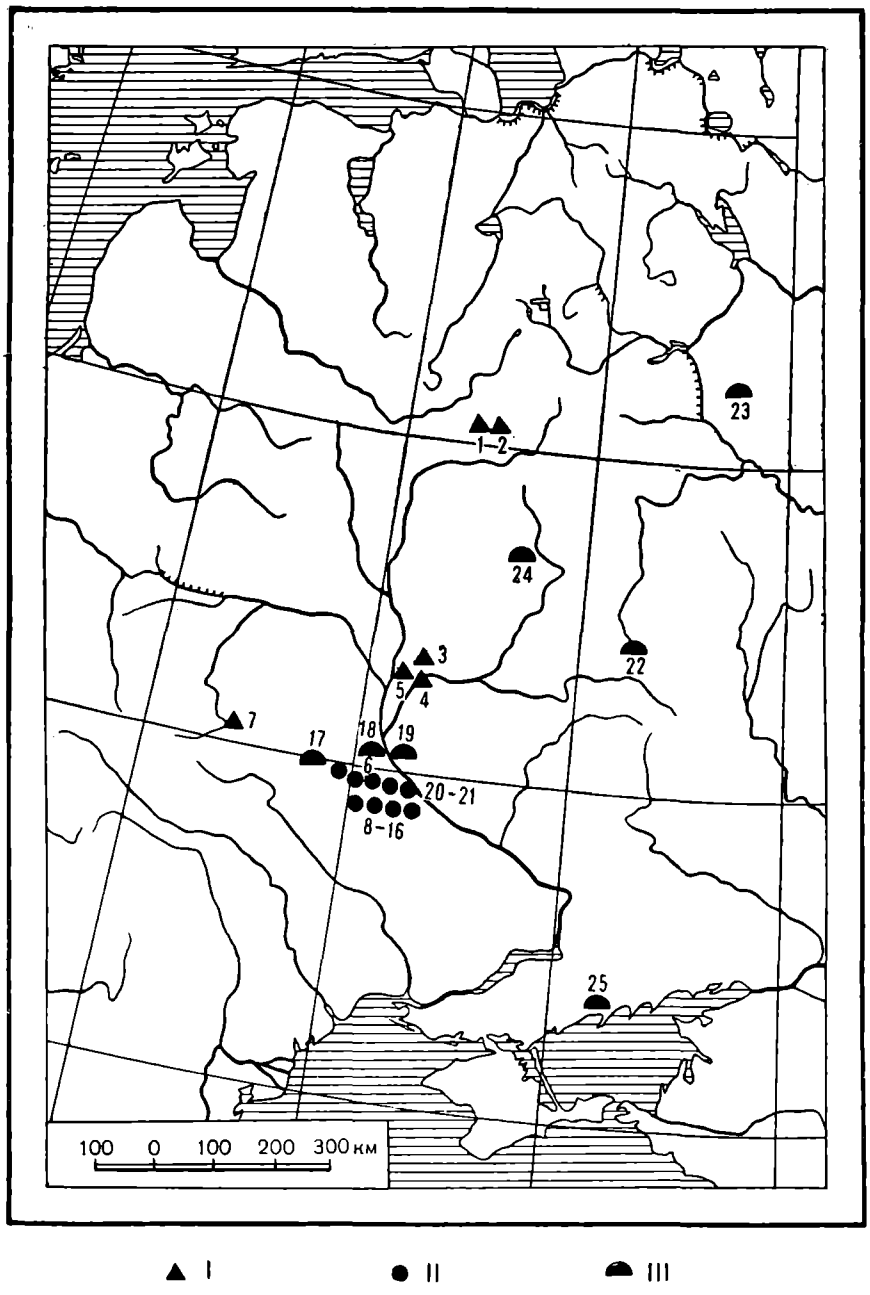


Рис. 9. Находки шлемов X—XIII вв. на территории древней Руси

I—X в.; II — конец XI — начало XIII в.; III—XII—XIII вв. *1,2* — Гнездово; *3—5* — Чернигов; *6* — Киев; *7* — с. Мокрое близ г. Дубно; *8—16* — курганы «Черных клобуков» (с. Антоновка, с. Бурты, с. Липовец, с. Зеленки, с. Мировка, с. Ковали, м. Таганча, с. Пешки, с. Бабичи); *17* — Райковецкое городище; *18, 19* — Киев; *20, 21* — Княжая гора; *22* — с. Никольское б. Орловской губ.; *23* — с. Лыково близ г. Юрьев-Польский; *24* — с. Вщиж; *25* — Ногайск (на карте не показан знак треугольника возле № 6 и знак полукруга возле № 20—21)

Несмотря на феодальное дробление земель, боевые наголовья последнего типа, судя по находкам, одинаковы как на севере, так и на юге страны.

Сейчас нельзя учесть все разнообразие типов и разновидностей домонгольских шлемов. К последним, например, относятся экземпляры колоколовидной формы с полями. В альбоме В. Прохорова приводится такой образец IX в. из курганных раско-

[101] Ипатьевская летопись, под 1151 г.

[102] Там же, под 1185 г.

пок (рис. 1, *3*)[103]. Проверить данный факт мне не удалось. Однако в шлеме с полями нарисован Андрей Боголюбский на 185 л. Радзивилловской летописи[104]. В собрании Московской Оружейной палаты сохраняется греческая железная шапка с пышной золотой и серебряной насечкой и изображением деисуса, двух ангелов, двух херувимов, двух евангелистов и Николая чудотворца[105]. Стиль исполнения фигур не древнее первой половины XIII в.[106]. Традиция связывает шлем с Александром Невским. Еще А. Оленин сопоставил форму данного памятника с шапкой на печати новгородца Ивана Иремьнича на договоре 1317 г.[107]. Судя по изображениям, в русских княжествах были известны и западные латинские шлемы, бармицу которым заменял кольчужный капюшон, представлявший одно целое с кольчугой[108]. Ничего нельзя сказать о мягкой подкладке шишаков. Согласно одному арабскому наставлению XIV в., для шлема необходима войлочная выстилка, чтобы «лучше рассеять силу удара»[109]. Возможно, под железную тулью надевались волчьи или барсучьи прилбицы, впервые упоминаемые под 1172 г. В московское время прилбица означает вид шишака[110]. Вместе со шлемом из с. Пешки оказалась небольшая продолговатая пряжка от подбородочного ремня.

Большинство русских шлемов домонгольского периода представляли собой дорогостоящие предметы, свидетельствующие о высоком положении их владельцев — феодалов-военачальников. Расточительная роскошь в отделке шлемов с первого взгляда вызывает сомнение в их боевом назначении. Однако сверкающий позолотой шлем и красный яловец выделяли князя или воеводу, делали заметным его действия. Золоченый убор служил для рядовых воинов ориентиром при движении войска и в сражении блеск шлема был виден издалека. Этот момент подчеркивается в «Слове о полку Игореве». О храбром князе Всеволоде говорится: «Камо турь поскочяше, своим златым шеломом посвечивая, тамо лежать поганые головы половецкия...»[111]. Ратники Данила Галицкого имели во время похода на ятвягов шлемы «яко солнцю восходящю»[112]. По словам немецкой рифмованной хроники, шлемы новгородцев «бросались в глаза», «блестели как зеркало»[113]. В связи с развитием военного дела защита головы воина становилась общей необходимостью. Русские воины на десятках рисунков Радзивилловской летописи сплошь в шлемах. Однако простые ополченцы часто шли в бой без этой необходимой, но слишком дорогой принадлежности.

Монгольское нашествие тяжело отразилось на русском оружейном ремесле. Меднозолоченые шлемы, а также крутобокие шлемы с чеканной религиозной рыцарской эмблематикой не получили дальнейшего развития в позднем средневековье. Подводя общий итог эволюции шлемов X—XIII вв., можно сказать следующее. Русские домонгольские шлемы восходят к древним восточным образцам. Уже в ранний период эти шлемы отличались большим своеобразием, и многие их типы не имеют аналогий ни на Востоке, ни на Западе. Очевидно, русские оружейники создали самостоятельные варианты боевого наголовья, восхищавшие современников своими отличными качествами и красотой; это обеспечило русским шлемам распространение за пределами родной земли.

---

[103] В. Прохоров. Материалы по истории русской одежды. СПб., 1883, вып. 2, табл. VIII, *1*.

[104] Похожий шлем изображен на листе 12, низ.

[105] Древности российского государства. М., 1853, отд. III, № 19, стр. 21. Опись Московской Оружейной палаты, ч. 3, кн. 1, М., 1884, стр. 32—33, табл. 337

[106] W. Arendt. Der Griechische Eisenhut aus der Moskauer Rustkammer. ZWK, т. 4 (13), ч. 1, 1932, стр. 1—3.

[107] Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, М., 1813, стр. 17.

[108] Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 62, 1956, рис. 17, стр. 31—32; О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на територіі захидных областей УРСР. Київ, 1957, табл. XIII, рис. 15.

[109] L. A. Mayer. Saracenic Arms and Armor. Ars Islamica, т. X, Ann Arbor, 1943, стр. 7.

[110] П. Саввaитов. Ук. соч., стр. 111 (на польском языке «przylbca» — шлем).

[111] А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.— Л., 1948, стр. 68.

[112] Ипатьевская л. под 1251 г.

[113] М. Г. Рабинович. Из истории русского оружия IX—XV вв. Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, ч. 1, М.— Л., 1947, стр. 75.

Сведения о находках шлемов и

№№ пп	Место находки	Год находки	Обстоятельства находки
1	Гнёздово. Большой курган	1885	Раскопки В. И. Сизова
2	Гнёздово. Курган № 86	1901	Раскопки С. И. Сергеева
3	Гульбище, Чернигов	1872—1873	Раскопки Д. Я. Самоквасова
4	Черная могила. Чернигов	1872—1873	» »
5	Д. Мокрое у Дубно	1925	Случайная находка
6	Райковецкое городище в окрестностях Бердичева	1934 (?)	Раскопки Ин-та археологии АН УССР
7	Д. Гожухи. Польша. Калишская земля	1866	Случайная находка
8	Гич. Польша	1858 (?)	» »
9	Димитрово б. Туренский у. Польша	1919	» »
10	Фридрихсберг б. Восточн. Пруссия	1889	Случайные работы
11	Ур. «Королевно» у м. Таганча б. Каневск. у.	1894	Кладоискательские раскопки
12	У с. Бурты б. Каневского у.	1892	Раскопки Н. Е. Бранденбурга
13	С. Мировка б. Киевского у.		
14	Место находки неизвестно	1894	
15	С. Ковали б. Каневского у. .	1897	Раскопки Е. А. Зноско-Боровского
16	С. Липовец б. Каневского у.	1892	Раскопки О. Макаревича
17	С. Пешки б. Каневского у.	1894	Раскопки Н. Е. Бранденбурга
18	С. Бабичи б. Черкасского у. Киевск. губ.	1897	Кладоискательские раскопки
19	Киев. Тайник Десятинной церкви	1939	Раскопки М. К. Каргера
20	С. Лыково у г. Юрьева Польского	1808	Случайная находка
21	С. Никольское б. Орловской губ.	1866	Случайная находка
22	Детинец древнего Киева]	1833—1834	Раскопки К. Лохвицкого
23	Наносник. Вщиж	1947	Раскопки Б. А. Рыбакова
24	Наносник. Усадьба Десятинной церкви		

ПРИЛОЖЕНИЕ

их измерительные данные

Место хранения	Высота корпуса (в *см*)	Диаметр шлема (в *см*)	Другие измерительные данные (в *см*)
ГИМ			
»	18	22	Ширина венца 4,5. Окружность шлема 64, толщина в хорошо сохранившихся местах 0,3—0,4 *мм*
»	20	22×25	Общая высота 23. Высота навершия 3, окружность 71
»	22	23×19	Общая высота 25,5. Окружность 67. Высота навершия 4, 5. Ширина обруча 2. Сторона квадратной бляшки 3,8
Находился в музее г. Дубно	22	22	Сторона квадратной бляшки ок. 4
Житомирский музей	18	18×22,5	Наносник длиной 9. Его ширина 3—4 Ширина обруча 1,5
Народный музей в Кракове	20	21	Высота с навершием 27. Сторона бляшки 3,8. Ширина обруча 1,9
Археологический музей в Познани	22,1	23	
Находился в народн. музее Варшавы	ок. 22	ок.20	Высота втулки (частично обломана) ок. 3
Находился в музее Кенигсберга	25,5	ок. 23	Высота с втулкой 29,3. Втулка 3,8×0,5
Находился до 1939 г. в Военном музее в Варшаве	26 (до яблока)	22	Вся высота 39. Стержень 13. Наносник выступает за нижний обрез шлема на 7. Его ширина в самой нижней части 5
АИМ	21	25×20	
КГИМ. Дар Книповича	23	19	Высота основания навершия 7
Эрмитаж	21 (до яблока)	19,5×23	Вся высота 23. Окружность 66. Высота навершия с яблоком 5,5. Наносник выступает за нижний обрез тульи на 6,5. Его наибольшая ширина 3. Вес до очистки 1290 *г*, после очистки — 990 *г*
Неизвестно	23	20	Вся высота со шпилем 29. Окружность 66,5. Маска 23×18
Эрмитаж	28	22	Окружность 69. Вырез на передней части 14×5
»	18	25	Окружность 71. Ширина накладных пластин 5,5—6
»	18	22	Ширина обруча 2. Прямоугольный вырез в венце 3,6×0,3. Высота розетки 3. Диаметр 9, окружность 70,2
КГИМ	18	17	
Оружейная палата	19	21	Общая высота 21,5. Высота навершия 3,5. Пластинка с Михаилом Архангелом 9×12,5. Размер носовой накладки 14×10. Наносник выступает за нижний обрез на 7. Его ширина в широкой части 3,5
Эрмитаж	20,5	23	Окружность 73. Размер носовой накладки 14,5×14. Наносник выступает за линию обреза шлема на 7. Его ширина в широкой части 4.
КГИМ	20,5	23	Размер носовой накладки 16×14. Наносник выступает за линию обреза на 7,4. Ширина наносника в широкой 3, в узкой части 2,5. Высота навершия 2
ГИМ			Высота 13. Ширина 15
КГИМ			Высота 11. Ширина 12
Колл. Ханенко			

Н. Н. ВОРОНИН

ПОКРОВ НА НЕРЛИ

(Новые данные раскопок 1954—1955 гг.)

1

Советские археологи за последнее десятилетие обогатили науку открытием десятков неизвестных замечательных памятников древней и средневековой архитектуры народов СССР. Много нового дало и археологическое исследование памятников, давно и широко известных и вошедших в историю искусства. Раскопочные работы по таким памятникам не раз меняли старое, устоявшееся, привычное представление об их первоначальном облике, порой вызывая изумление исследователей.

К числу таких всемирно известных памятников принадлежит храм Покрова на Нерли, созданный зодчими князя Андрея Боголюбского в 1165 г. (рис. 1). Полный сказочной поэтичности образ этого храма с его устремленными ввысь изящными формами и прозрачной системой резного убора сохраняется в памяти каждого видевшего эту подлинную жемчужину русского архитектурного гения.

Храм был посвящен празднику Покрова богоматери, учрежденному Андреем Боголюбским и владимирским духовенством без согласия митрополита и патриарха. Основная идея праздника — покровительство и заступничество богоматери за Русь и, в особенности, за Владимирскую державу, за владимирского князя и поддерживавших его политику борьбы с дроблением Руси горожан. Эта идея была развита в созданных во Владимире в 60-х годах XII в. церковно-литературных произведениях [1], а княжеские зодчие воплотили ее в первом храме, посвященном русскому празднику Покрова. В этом здании все, от общего замысла до мельчайших деталей, настолько гармонично и целостно, что не возникало сомнений в том, что храм был изначально таким, каким мы видим его сейчас.

Однако с храмом Покрова на Нерли, как и с другими памятниками владимиро-суздальского зодчества, был связан один нерешенный вопрос — о ходе на его хоры. Сейчас в западном членении южной стены храма имеется первоначальный арочный проем, вводящий на хоры и перерезающий аркатурно-колончатый пояс (так как хоры здесь опущены; рис. 1). Нижняя часть проема заложена в позднейшее время кирпичом, и вход превращен в окно. Кладка проема выступает из плоскости стены одним рядом камня. Очевидно, первоначально к входу снаружи примыкал какой-то переход, предполагающий, в свою очередь, стоящую где-то рядом пристройку с лестницей.

Вопрос об этой пристройке привлекал внимание исследователей давно. В 1858 г. владимирский епархиальный архитектор Н. А. Артлебен произвел раскопки около юго-западного угла храма. Он открыл «у южной стены фундамент с закруглением к западной стене; в этом закруглении, вероятно, и была лестница, подобная боголюбовской (т. е. лестничной башне Боголюбовского дворца.— *Н. В.*). Цоколь этот (т. е. от-

[1] О владимирской литературе 60-х годов XII в. автор готовит специальную работу

крытой пристройки.— *Н. В.*) складен обыкновенным в древности способом, т. е. с забуткой в середине булыжником... при отрытии земли найдены были на глубине от $1^1/_2$ до 2 ар. украшения какого-то здания, бывшего при церкви, а именно 3 капители, все разных величин и прекрасного стиля, несколько отличающихся от капителей церкви (разрядка здесь и ниже моя.— *Н. В.*), 3 тонкие каменные плиты 12 вер. ширины и 1 ар. вышины или около того, с изображением грифона и крылатых собак фантастической формы. По бокам плит высечены четверти, что показывает, что плиты вставлялись в пазы тумб и составляли какой-нибудь парапет. Все это указывает на существование значительного и изящного здания близ церкви»[2]. В кратком виде эти сведения были повторены исследователем в особом примечании к его докладу, опубликованному в «Трудах I археологического съезда». Здесь он высказал предположение, что резные плиты принадлежали висячему переходу (так как против хода на хоры были найдены в земле «тесанные по арочному шаблону камни») и что «здание, в котором находилась лестница, было, как видно, от церкви отставлено»[3]. В газетной заметке об этих исследованиях Н. А. Артле

Рис. 1. Церковь Покрова на Нерли. Общий вид с южной стороны

[2] Н. А. Артлебен. Пояснительная записка к проекту реставрации церкви Рождественского монастыря (рукопись из бумаг К. Н. Тихонравова, переданная его внуками автору).

[3] Тр. I АС., т. I, М., 1871, стр. 299.

бена сообщалось, что в это же время был открыт «окружающий церковь с трех сторон терем (?)» и «обнаружилось основание терема, сложенное из тесанного белого камня, идущее на глубину аршина на два»[4]. Эти сведения подтверждает В. Доброхотов, сообщающий, что ход на хоры храма шел «из боковых приделов» его, обходивших церковь с трех сторон и имевших «одинаковый вид с теми, какие находились при Димитриевском соборе... При юго-западном угле церкви, где виден ее древний выход (с хор.—*Н. В.*), придел состоял из более обширного квадратного отделения»[5].

Изложенные сведения местных авторов о галереях у Покрова на Нерли не привлекали внимания его позднейших исследователей. Я также полагал, что описанные владимирскими учеными галереи были результатом позднейшего строительства и играли роль «папертей»; равно позднейшими я считал и «паперти» Димитриевского собора. Вход же на хоры храма Покрова на Нерли я мыслил по аналогии с собором Боголюбовского дворца, т. е. в виде лестничной башни и перехода к арочному проему на хоры[6].

Проведенные мною в 1954—1955 гг. раскопки дали интереснейший материал для нового решения этого вопроса.

2

Раскопочные работы 1954 г. начались с участка у южной стены, против входа на хоры, исходя из предположения, что здесь могли сохраниться остатки аналогичной Боголюбовской лестничной башни. Однако была обнаружена не башня, а широкая белокаменная стена, шедшая параллельно стене храма. В связи с этим раскоп был

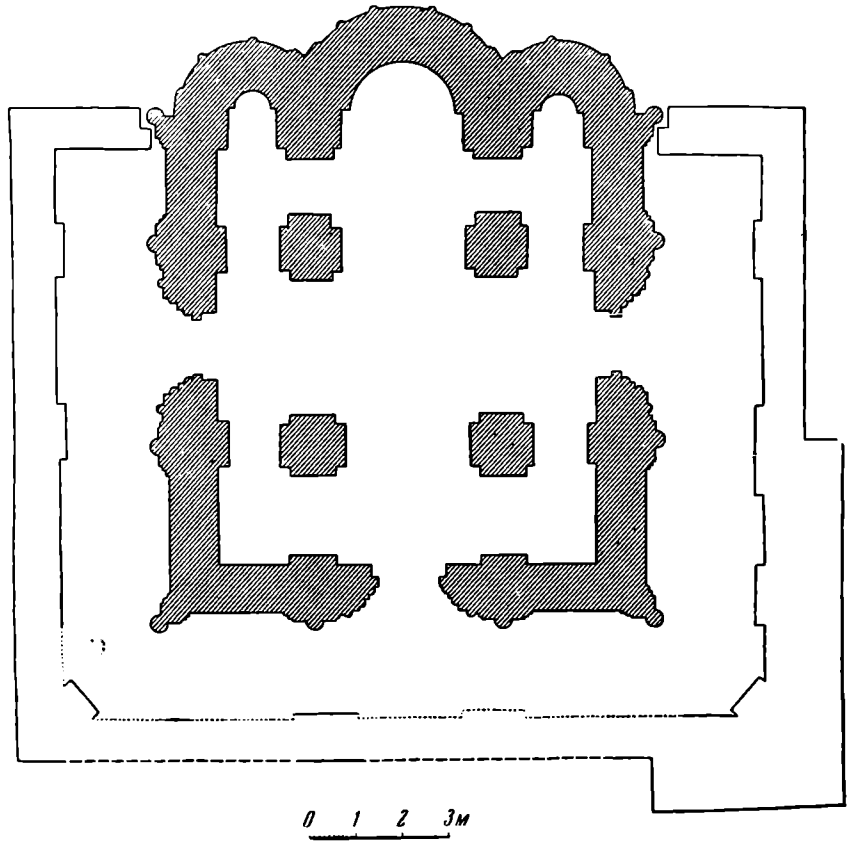


Рис. 2. План церкви Покрова на Нерли с галереями

продолжен на запад и восток, сделан также раскоп против западного портала и вдоль всей северной стены храма[7]. В итоге выяснилось, что с северной, западной и южной

[4] Владимирские Губернские ведомости, 1859, № 25.

[5] В. Доброхотов. Древний Боголюбов город и монастырь с окрестностями. М., 1852, стр. 79.

[6] Н. Воронин. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв. М., 1945, стр. 33.

[7] Раскопы около храма приходилось вести с большой осмотрительностью, чтобы возможно меньше разрушать холм. Поэтому я отказался от сплошного раскопа на склоне у западного фасада, наиболее близкого к воде, а также не доводил раскопа у стен храма до материка, за исключением раскопа у юго-западного угла храма, доведенного до подошвы фундамента.

сторон храма в земле лежат надложенные поздней кирпичной кладкой древние белокаменные основания галереи разной ширины с лопатками на внутренней стороне и с гладкой наружной поверхностью (рис. 2). Ширина галереи невелика — в среднем 2,5 *м* (несколько уже центрального нефа храма). У южной галереи три лопатки: две против пилястр храма по сторонам портала (восточная — 1,26 *м*, средняя — 1,96 *м*) и западная против угла храма — 1,42 *м*. В юго-западном углу — лопатка, повернутая под углом 45°. Внутренняя облицовка западной галереи оказалась разобранной. Раскоп против западного портала обнаружил лишь основание лопатки слева от портала. Размещение остальных лопаток определяет схематический чертеж оснований галерей, сделанный при их вскрытии Н. А. Артлебеном в 1858 г.[8] (на рис. 2 они показаны пунктиром). На северной стене — две лопатки, почти равные по ширине (1,17 *м* и 1,21 *м*); против северо-западного угла храма лопатки нет. Толщина основания галереи также неодинакова: юго-восточного — 1,06 *м*, южного — 0,86 *м*, в юго-западном углу основание расширяется до 1,69 *м* — 1,74 *м*, толщина западного — 0,92 *м*, северного и северо-восточного — 0,99 *м*. Сложенные из прекрасно тесаного крупного камня вышиной 39—42 *см* с заполнением внутренней полости бутом с очень тонкими швами, основания галереи примыкают к восточным углам храма впритык, оставляя осадочный шов (рис. 3). Забутка состоит из булыжника средней величины и обломков известняка на жирном растворе (весовое отношение извести и песка — 2 : 1) с примесью древесного угля[9].

Рис. 3. Стык основания галереи с юго-восточным углом храма

Выяснилась и любопытная подробность кладки основания галереи. В уровне верхних постелей квадров поверхность забутки оказывалась горизонтальной, как бы «затертой» в плоскости камня. При этом известковый раствор содержал тонкие (до 1 *см*) и прочно с ним связавшиеся прослойки сероватой глины. Видимо, когда данный участок был сложен, по нему двигались каменщики, работавшие на смежном участке, или же забутка велась по мере выкладки белокаменной коробки и каждый ряд кладки последовательно забучивался и забутка выравнивалась. По четкости и совершенству техники кладки основания галереи идентичны кладке самого храма (рис. 4), хотя ряды кладки оснований храма и галереи не везде совпадают по уровню.

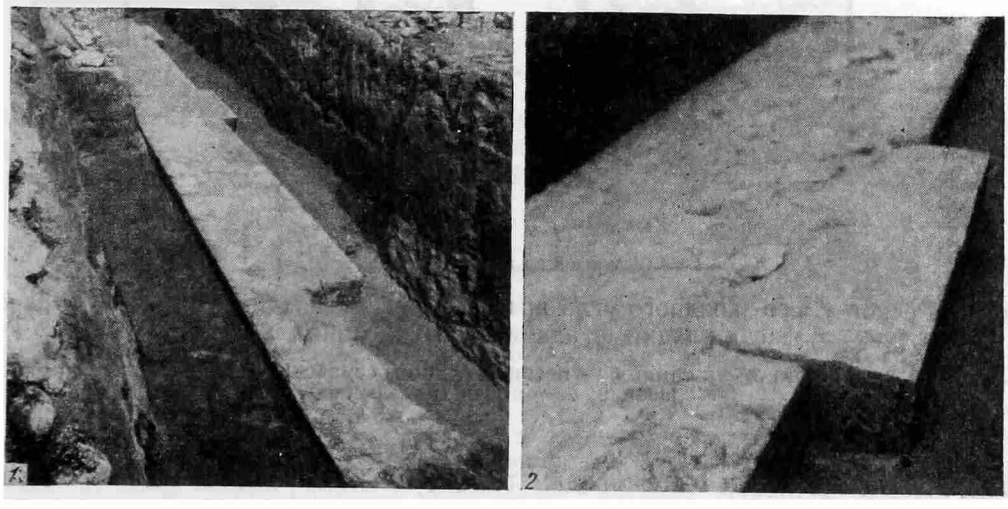


Рис. 4.

1 — основание северной галереи, *2* — деталь кладки

[8] Архив ЛОИИМК. Разряд 1, архит. 13, №№ 110, 111.

[9] Приводимые в статье анализы исполнены химиком-технологом М. П. Янтиковой.

При первых же обсуждениях работ 1954 г. я встретил почти единодушные возражения оппонентов против трактовки открытых оснований как подземной части, опоясывавшей храм с трех сторон наземной галереи. Я понимал, что как моим товарищам, так и мне самому очень трудно отказаться от привычного облика прославленного памятника. Мои оппоненты предлагали различные решения вопроса о назначении открытых фундаментов (об этом будет сказано ниже), но главным доводом было предположение, что галереи окружили храм позднее, что первоначально он

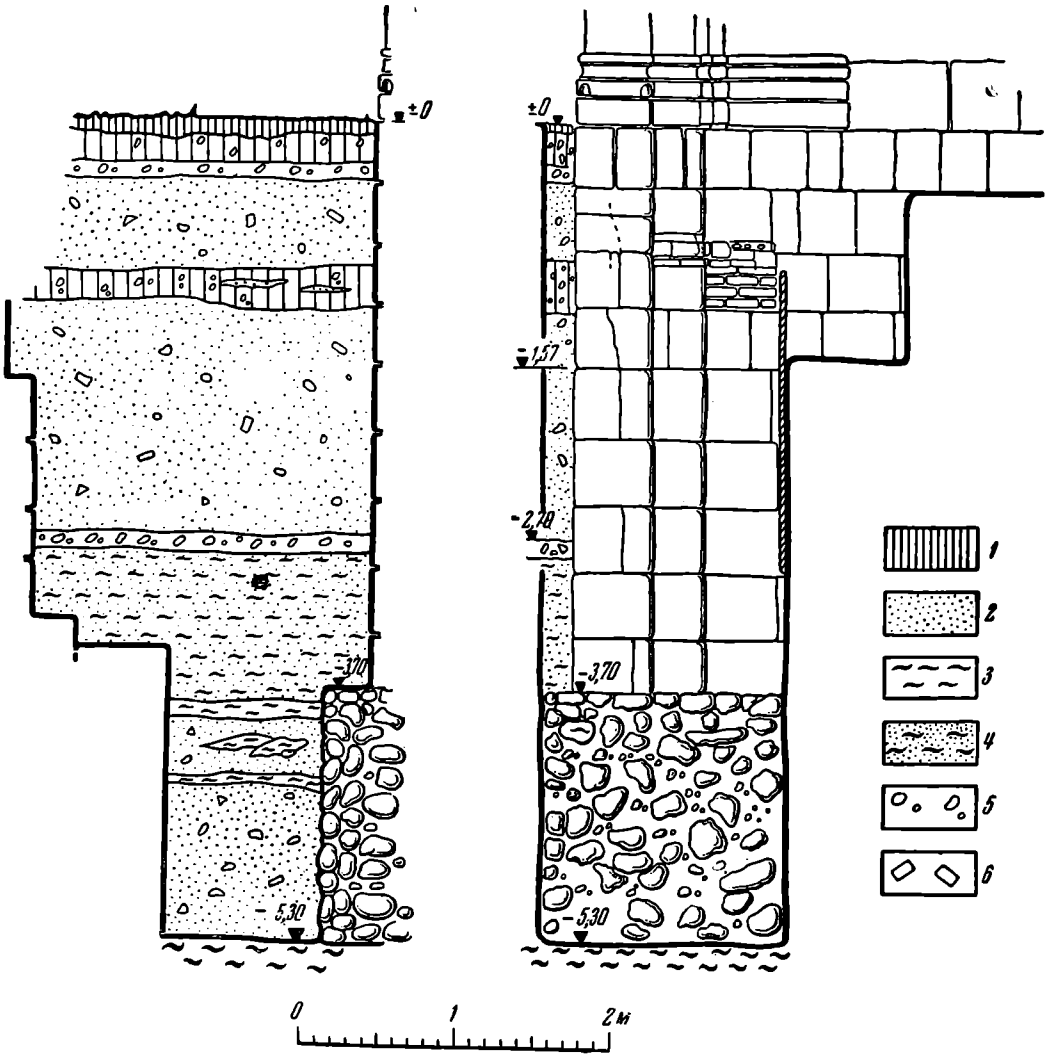


Рис. 5. Раскоп у юго-западного угла храма. Слева — западный профиль, справа — фасад кладки фундамента и основания храма

1 — гумус; *2* — песок; *3* — глина; *4* — песок с глиной, супесь; *5* — известь, известковый щебень; *6* — кирпичный щебень

был задуман таким, каким мы его видим теперь, т. е. без галереи. Однако одновременность сооружения галереи и храма с бесспорностью доказывается установленной раскопками 1954 г. и, особенно, 1955 г. интереснейшей историей строительства церкви Покрова на Нерли.

Храм стоит теперь среди равнинной нерльско-клязьминской поймы на пологом холме, подпрямоугольной формы, поднятом над летним зеркалом реки примерно на 6,02 *м*. Во время весеннего разлива храм остается на небольшом островке, едва выступающем над уровнем воды. При сильных же половодьях вода подходит к самым стенам здания и льдины порой бьют его цоколь. Казалось, что зодчие избрали естественный холм в устье Нерли и на нем поставили храм.

Однако раскопки 1954 г. выявили совершенно необычную конструкцию и мощность подземной части этого сравнительно небольшого и изящного здания. Раскоп у юго-западного угла храма (рис. 5) показал, что на глубину 3,70 *м* от плинта цокольного профиля (принятого за 0 для всех раскопов) вниз идет девять рядов великолепной «стенной» кладки из чисто тесанных блоков (высотой 38—46 *см*) с тонкими швами и с раскреповкой под базами фасадных пилястр. Кладка исключительно четкая с сильной перевязкой рядов. Ниже из плоскости кладки выступает платформа обычного фундамента из булыжника средней величины на тощем известковом растворе (весовое

соотношение извести и песка — 1 : 5) с сильной примесью угля (от кусочков в 3 *см*³ до угольной крошки). Бутовый фундамент имеет глубину 1,60 *м*; его подошва лежит на глубине 5,30 *м* от плинта цоколя. Общая глубина скрытого в земле основания храма равна почти половине высоты фасада храма — от плинта цоколя до середины аркатурно-колончатого пояса.

Стратиграфия на этом участке была нарушена, так как пространство между основанием храма и галереи с западной и юго-западной сторон было в позднейшее время использовано для устройства хозяйственных подвалов, а затем засыпано песком и мусором. Поэтому загадка необычной конструкции основания храма не была разгадана.

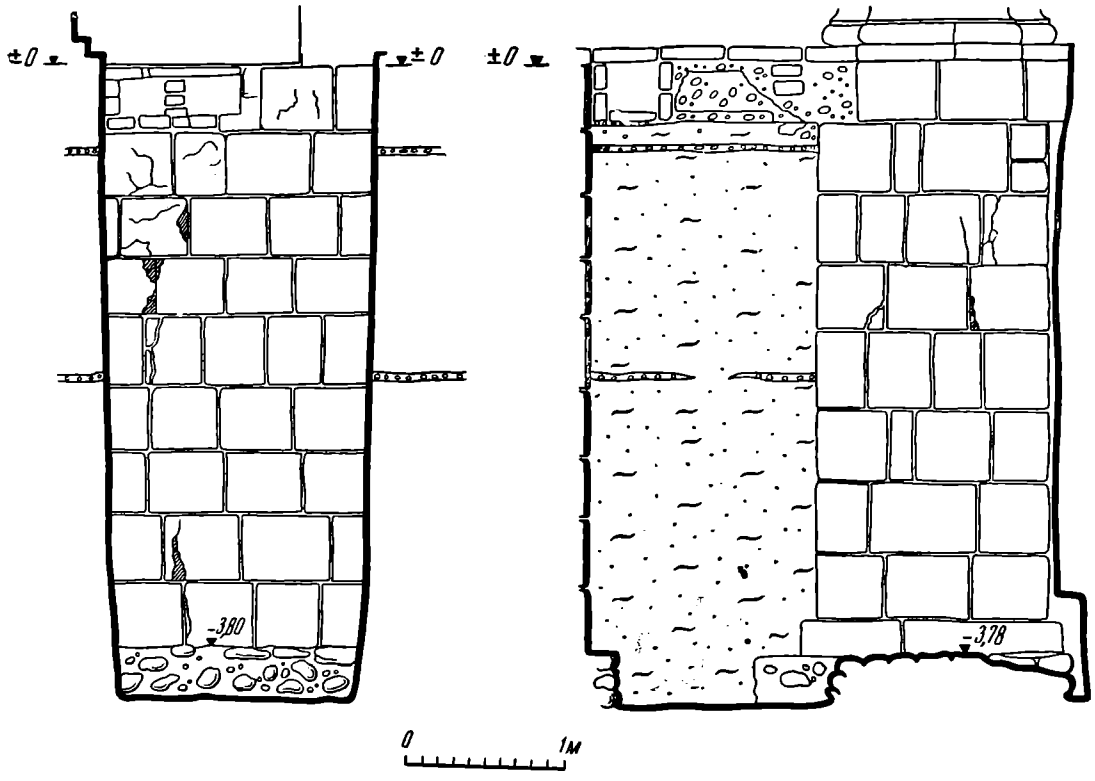


Рис. 6. Раскоп в южном нефе храма. Слева — фасад кладки основания храма; справа — западный профиль. (Видна кладка основания столба и ленточного фундамента; в заполнении —две прослойки от двух этапов сооружения храма)

При обсуждении материалов раскопок 1954 г. специалистами высказывались увлекательные предположения, что храм первоначально стоял на высоком «пьедестале» и имел высокие лестницы к порталам, что внутри его должна быть либо усыпальница-крипта, либо крытое сводами помещение для хранения ценностей и т. п. Это заставило провести в 1955 г. исследование внутри храма.

Раскоп в южном нефе храма против южного портала (рис. 6) показал, что все пространство от существующего пола до платформы бутового фундамента заполнено плотным совершенно стерильным темно-коричневым глинистым супесчаным грунтом, сходным по своей консистенции с береговыми супесями Нерли. В уровне платформы фундамента, в желтовато-зеленом суглинистом материковом грунте, обнаружены сгнившие кусочки веток и коры ивняка-тальника, покрывающего и сейчас нерльские берега. Следовательно, платформа фундамента лежала в уровне дневной поверхности, и место, где строился храм, было в 1165 г. почти равнинным пойменным берегом. В его грунт и был уложен обычный для владимирских построек этой поры бутовый фундамент храма, причем основания стен и столбов были перевязаны ленточным фундаментом (из хорошо подобранного, уложенного плашмя плоского булыжника), образовавшим прочный каркас основы здания.

Но зодчим надлежало поднять основания храма до отметки весеннего половодья, высоко заливавшего низменную пойму. Поэтому строители стали возводить на платформе фундамента геометрически четкие «стены» из чисто тесанного камня и, выведя их на четыре ряда кладки, засыпали внутреннее пространство чистым береговым грунтом и утрамбовали его. Этот момент строительства убедительно зафиксирован в стратиграфии засыпи тонкой прослойкой белокаменной крошки меж основаниями стены и столбов. Она расположена на уровне четвертого ряда камня, т. е. на высоте 1,60 *м*, позволявшей каменщику вести первую «захватку» кладки без подмо-

стей. Следующие четыре ряда кладки каменщики возводили, стоя на насыпном грунте заполнения внутренней площади храма. На уровне восьмого с низу ряда кладки этот грунт перекрыт более значительным слоем отесков камня, отложившимся в процессе возведения стен, столбов и сводов самого храма.

Таким образом, строители очень просто решили сложный вопрос обеспечения прочности постройки, заложенной в условиях затопляемой местности. Именно прием постепенной засыпки оснований храма плотным грунтом заставил мастеров возводить их из чисто тесанного камня. Это обеспечивало геометрическую четкость плана оснований и строгую вертикальность их поверхностей, что было бы почти невозможно при обычной бутовой кладке и ее постепенной засыпке.

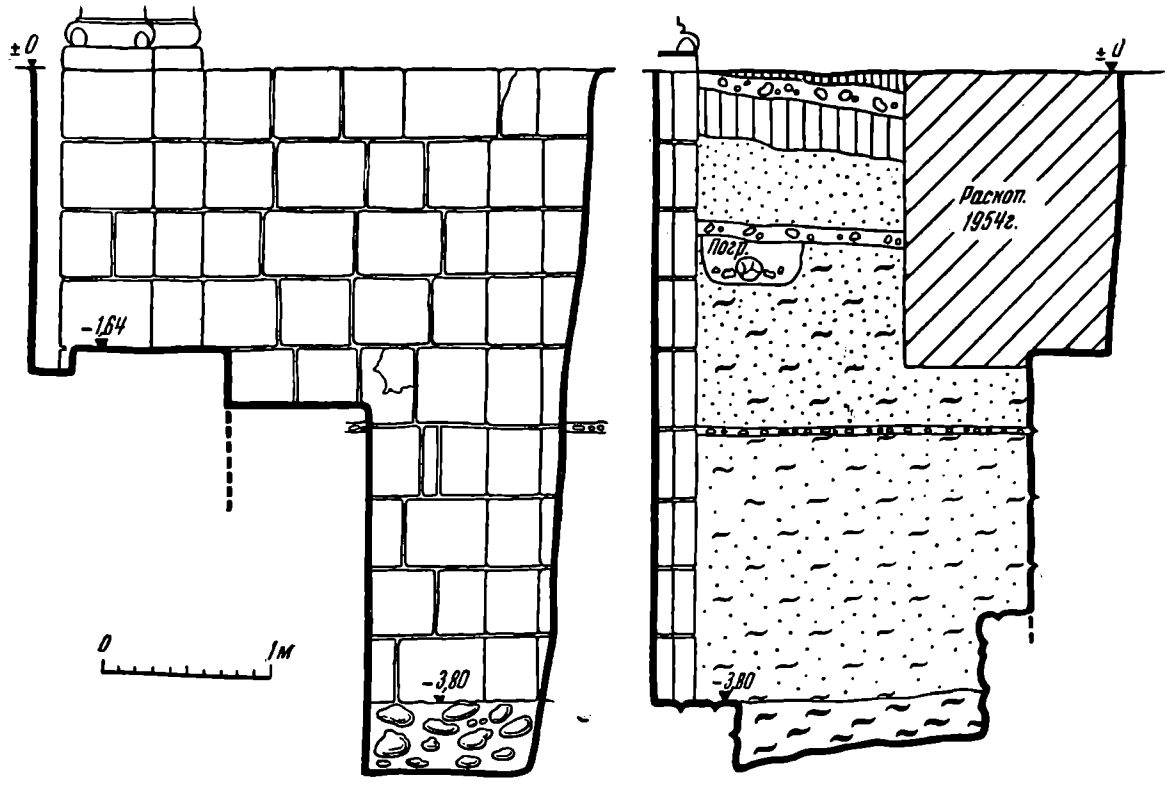


Рис. 7. Раскоп у северо-восточного угла храма. Слева — фасад кладки основания храма; справа — западный профиль. (В заполнении видна строительная прослойка, свидетельствующая об единовременности сооружения оснований храма и галереи)

Раскоп у северо-восточного угла храма (рис. 7) вскрыл совершенно аналогичную картину засыпки оснований храма с внешней стороны. Здесь также в грунте у платформы фундамента найдены кусочки истлевших веток тальника, отмечающие дневную поверхность 1165 г. В том же уровне четвертого снизу ряда регулярной кладки идет слой белокаменных отесков, отмечающий границу начала второй «захватки». Особенно существенно, что этот слой подходит к кладке оснований галереи. Это доказывает, что они возводились одновременно с основаниями самого храма. Основания галереи выполнены, как уже сказано, в той же самой технике кладки, что и основания храма, но, рассчитанные на меньшую нагрузку, они заложены несколько мельче: подошва бутового фундамента лежит на глубине 4,57 *м* от плинта храмового цоколя, т. е. заложена на 70—73 *см* выше, соответственно выше и уровень платформы фундамента (3,17 *м*).

Одновременно с возведением оснований храма и галереи и засыпкой их внутренней полости производилась подсыпка грунта и снаружи здания, постепенно образовавшая пологий искусственный холм.

Раскопки участка к северу от храма показали [10], что под стерильными намывными слоями песка и ила, в которых прослежено несколько поздних погребений, лежит древняя поверхность описанного насыпного искусственного холма. Его склон шел параллельно северной стене храма и против его северо-восточного угла закруглялся и поворачивал на юго-восток. Холм имел, видимо, довольно регулярную форму плоской

[10] Раскопки на участке к северу от храма были начаты с целью проверить любопытное свидетельство В. Доброхотова, который писал: «Шагах в 11 от с.-в. угла (храма.— *Н. В.*) видны еще основания из белых и из диких камней какого-то, вероятно, древнего здания: длина его до 5 саж., но ширину без раскопки земли определить невозможно» (В. Доброхотов. Ук. соч., стр. 84).

усеченной пирамиды с мягко скругленными углами. Поверхность холма была предохранена от размыва вымосткой из туфовых и белокаменных плит, вдавленных в грунт и политых известковым раствором (рис. 8 и 9). Против северо-восточного угла храма и галереи, где с их покрытий водометы сбрасывали дождевую воду, в вымостку были вмазаны тесанные из белого камня желоба. Два таких камня уцелели на месте. Несколько восточнее их, на повороте холма, сохранилось бутовое основание, возможно предназначавшееся для каменного креста или какого-либо изваяния. Вымостка холма тождественна по своей технике с мостовой дворцовой площади Боголюбовского замка. Она в нескольких местах была нарушена упомянутыми поздними погребениями.

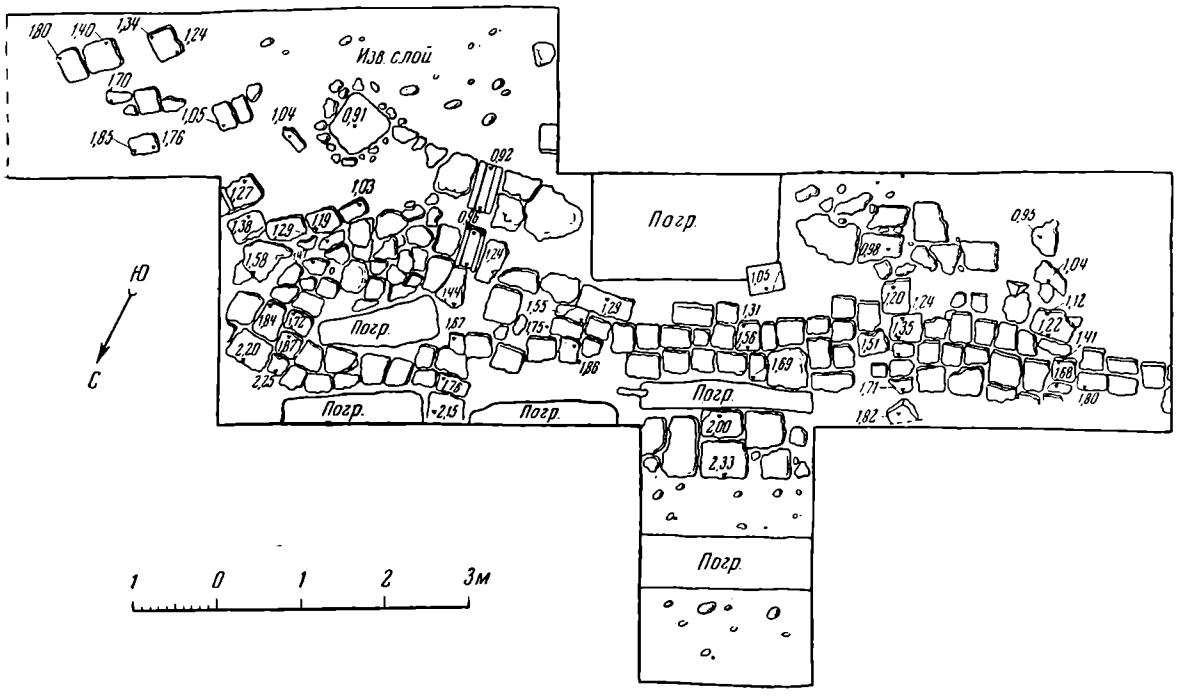


Рис. 8. Северный раскоп. План вымостки северного склона холма

Северная кромка замощенного холма шла параллельно северной стене галереи на расстоянии 6,0 *м*, его подошва — на расстоянии 9,30—9,50 *м*. Отметка горизонтальной площадки холма несколько ниже шва второго ряда камней цоколя храма (90 *см*). Длина склона к северу — 3,30—3,50 *м*, его общая высота здесь незначительна — всего 1,60 *м*. Далее к северу насыпь была почти горизонтальной, и на ее поверхности сохранился лишь слой известкового раствора, на котором лежала исчезнувшая вымостка. Подобный же известковый слой был прослежен в разведочных шурфах, на склоне холма против западного портала храма и к востоку от апсид. Здесь он также лежал на слое насыпного темно-коричневого супесчаного грунта. Верхняя кромка западного склона холма находилась всего в 2 *м* от наружного контура галереи, а обрез водного зеркала, судя по современному его положению, лежал в 14 *м* от верхней кромки склона; его падение на этом расстоянии равнялось 5,0—5,10 *м*. Этот склон был, конечно, также покрыт камнем до обреза воды. Можно думать, что от реки по склону холма были устроены каменные лестницы, подводившие к входам в галерею и храм. С южной стороны не сохранилось и такого слоя. Разрушенность облицовки холма с востока объясняется тем, что с этой стороны во время разлива его размывало течение Нерли, а с юго-запада — сильное течение Клязьмы. Здесь, против западного склона холма, дно старицы буквально завалено белокаменными и туфовыми плитами, сорванными со склона и сползшими в реку. Следовательно, в древности все склоны искусственного пирамидального четырехугольного холма, на котором возвышался храм, были прикрыты белокаменным панцирем [11].

В свете изложенных данных история постройки храма рисуется теперь следующим образом. Место его сооружения было, видимо, указано Андреем Боголюбским, строившим храм в память сына Изяслава, скончавшегося в 1165 г. от ран, полученных

---

[11] В. Доброхотов писал, что в 1848 г., «когда при продолжительных летних жарах озеро значительно понижалось, подле самого берега, против церкви, видимы были черные дубы, высовывавшиеся со дна озера в прямом стоячем положении» (В. Доброхотов. Ук. соч., стр. 68). Если описываемые автором дубы не были остатками частых в Клязьме стволов естественных дубов, то весьма вероятно, что это остатки ряжей, крепивших подошву искусственного холма под храмом и какой-либо пристани.

в победоносном болгарском походе 1164 г. Храм был построен в один сезон 1165 г.[12]. Его строили, видимо, те же мастера, которые сооружали Боголюбовский замок и дворец (1158—1165). Об этом свидетельствует, в частности, мастерство кладки, сходство известкового раствора с примесью угля и техника устройства вымостки. Участок пойменного берега, намеченный князем под постройку, примерно на 2,5 м возвышался над уровнем летнего зеркала реки, тогда как отметка разлива подымалась над уровнем этого участка еще на 2—3 *м*[13]. Строители не отказались от выполнения исключительно сложного и опасного княжеского заказа. Они отрыли рвы для фундамента храма и его ленточных фундаментов и галереи в плотном слое пойменного мелкозернистого четвертичного песка с илистыми связующими линзами, заглубив рвы храма на 1,60 *м* (несколько выше летнего уровня реки) до черной тугопластичной верхнеюрской глины с включениями вивианита и неминерализованной древесины, обнаружив хорошие знания строительной геологии[14]. Далее они в два приема вывели из чисто тесанного камня высокие основания стен и столбов храма и галереи до отметки разлива, дважды обсыпав их снаружи и внутри жирным илистым супесчаным грунтом с плотной утрамбовкой. Превосходная кладка оснований и прочность грунтового «корсета» гарантировали их устойчивость, так что зодчие не сделали никаких подземных арочных перемычек, дополнительно связывающих основания столбов и стен. Искусственный холм высотой 2,9—3 *м* был облицован белокаменной и туфовой вымосткой, предохранявшей его от размыва вешними водами. Существенно отметить, что два ряда кладки под плинтом цокольного профиля храма оставались над поверхностью холма. Местами на этих рядах камня сохранилась поздняя окраска в северовато-стальной тон. Насыпь холма поднималась почти до нижнего шва второго ряда кладки цоколя. Таким образом, первоначально храм был выше на 0,80—0,84 *м*, и его основной объем был еще стройнее, чем теперь.

Рис. 9. Северный раскоп. Общий вид вымостки холма с востока

Такова строительная история Покрова на Нерли.

Обратимся к вопросу об открытой раскопками окружавшей храм галерее.

3

Белокаменная кладка основания галереи сохранилась на разную высоту. Выше всего она у юго-восточного угла, где ее верхний ряд лежит на уровне 0,86 *м*, т. е. доходит до нижнего шва второго ряда камня цоколя или, иначе, до дневной поверхности холма. На остальных участках она разобрана глубже: южная сторона — до 1,67 *м*, в юго-западном углу — до 2,82 *м* (последний ряд кладки) и до 1,63 *м*, западная сторона — до 1,34 *м* и северная — до 1,64 *м*. Таким образом, вся наземная часть галереи исчезла, и мы лишены твердых и бесспорных оснований для ее реконструкции.

Прежде всего надо сказать о широкой юго-западной части галереи. Не может быть сомнений в том, что она была связана с ходом на хоры. Внутри этой широкой части помещалась лестница, начинавшаяся в северном ее торце и оканчивавшаяся в ее восточной части, против арочного проема в южной стене храма. Несомненно, что юго-западная часть галереи поднималась до уровня хор. Следовательно, вход на хоры был решен своеобразно — не в виде лестничной башни, а в виде Г-образной «лестничной стены». Известно, что в ряде древнерусских храмов XII в. лестница на хоры помещалась в толще стены самого храма. Строители Покровской

[12] По словам позднего жития Андрея Боголюбского, князь «оную церковь единым летом соверши» (В. Доброхотов. Ук. соч., стр. 70).

[13] Разливы рек в древности достигали меньшего подъема, чем теперь. Обилие лесов замедляло таяние снегов и половодье сходило постепенно. Об этом говорит и закономерность расположения разнообразных археологических памятников по отношению к берегам рек: более древние лежат на нижних террасах пойм, более поздние — поднимаются выше.

[14] Определение грунта сделано геологом А. А. Добролюбовым.

церкви повторили тот же прием, но они как бы «вынули» кусок стены с лестницей и поставили его рядом с храмом. Весьма вероятно, что к сводчатому перекрытию лестницы и относятся найденные здесь Н. А. Артлебеном «тесанные по арочному шаблону камни».

Сложнее решение вопроса об остальной части галереи. Я уже говорил, что при обсуждении этой темы большинство специалистов высказало мне-

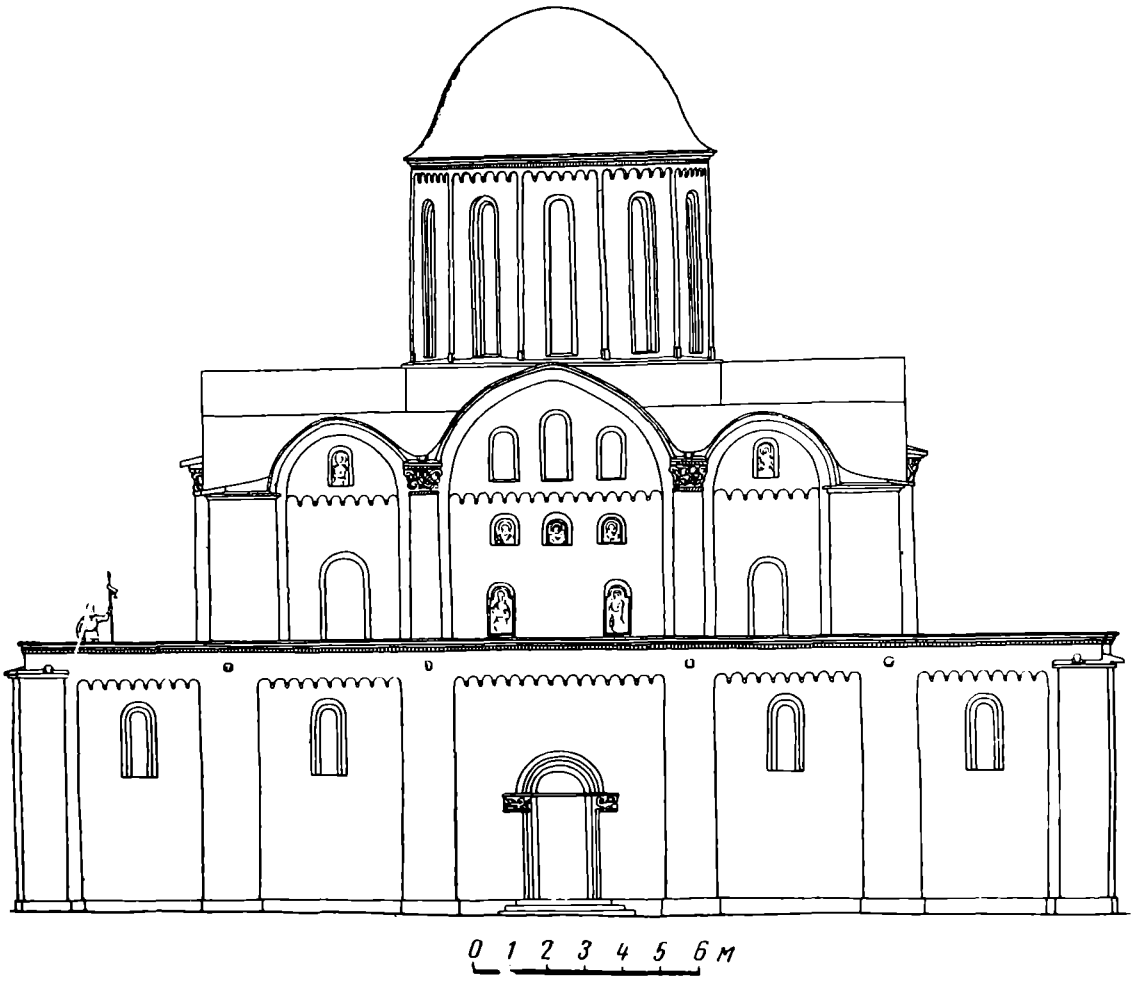


Рис. 10. Борисоглебский собор в Чернигове XII в. Реконструкция архитектора Н.В. Холостенко

ние, что открытые основания не могли принадлежать галерее, так как формы храма законченны и совершенны, явно рассчитаны на их свободное обозрение и мысль о закрывающей храм галерее недопустима. Поэтому мои оппоненты предполагали, например, что на открытых раскопками основаниях шел всего лишь невысокий парапет до уровня цокольного профиля, так что храм оставался всесторонне обозримым. Мощность фундамента при этом объяснялась желанием зодчих дополнительно обеспечить прочность оснований храма. Другие, соглашаясь, что это была галерея, считали ее, однако, «позднейшей обстройкой» и «искажением» первоначального образа храма. Однако последнее возражение, как указывалось, отпало после раскопок 1955 г., показавших, что основания галерей закладывались одновременно с храмом.

Я считаю, что храм был опоясан именно галереей-гульбищем, связанной с лестничной стеной. Соображение, что храм без галереи «лучше» и что он не был рассчитан на его обноску одноэтажной обстройкой, легко отводится указанием на постепенную обстройку дворцового собора в Боголюбове примкнувшими к нему с обеих сторон переходами, причем каждая часть ансамбля обрабатывалась всесторонне, хотя было

известно, что данная часть фасада заведомо будет закрыта пристройкой: у собора — переходом, у перехода — башней, у башни — снова переходом. Такова была совершенно «нелогичная», с нашей, современной, точки зрения, система работы владимирских мастеров. И если бы до наших дней сохранился только дворцовый собор Боголюбовского замка, а башню и переход реконструировал археолог, то и относительно этого памятника, несомненно, говорили бы, что собор «лучше» без пристроек. Однако эти одновременные пристройки — факт, и с ним приходится считаться.

Рис. 11. Дмитриевский собор во Владимире до уничтожения галереи и лестничных башен

Мощные фундаменты вокруг Покрова на Нерли были рассчитаны, конечно, не для установки легкого парапета. К тому же таких устройств вокруг храмов того времени мы пока не знаем. Предположение, что эти глубокие фундаменты имели смысл дополнительного обеспечения оснований храма, совсем невероятно, так как конструкция этих последних достаточно солидна, чтобы гарантировать здание от любых случайностей. Если бы обноска храма глубоко заложенными стенами имела это чисто инженерное значение, то они могли бы быть сложены в виде бутовой стенки. Однако они велись в той же технике, что и основания храма, т. е.

с расчетом на выведение стен на поверхность. Напомню, что и насыпной холм был одет прочным панцирем — каменной вымосткой, так что храм совершенно не нуждался в дополнительных инженерных устройствах.

В то же время мы знаем, что тип храма с галереями был характерным для XI—XII вв. от Десятинной церкви и Софийского собора в Киеве до ближайших современников Покрова на Нерли — Борисоглебского собора в Чернигове (рис. 10) и церкви во Вщиже. В последующие столетия галереи исчезают из архитектурной практики, возрождаясь вновь в XVI—XVII веках в виде папертей при храмах. Если в черниговском храме галерея была глухой, так как она служила усыпальницей [15], то во Вщиже галерея была открытой; такой ее и представил в своей интересной реконструкции Б. А. Рыбаков [16]. Эту реконструкцию можно и должно детализировать и уточнить. Думаю, однако, что галерея Вщижской церкви строилась также одновременно с храмом и не была последующей обстройкой, как полагал Б. А. Рыбаков. Несомненно, изначальной галереей был опоясан и грандиозный Благовещенский собор 1186 г. в Чернигове [17]. Поэтому я не вижу ничего неожиданного в том, что и храм Покрова на Нерли изначально был опоясан галереей. Вероятнее всего, она имела характер открытой аркады, гармонировавшей с общим строем форм храма.

Думаю, что в этом отношении Покров на Нерли был не одинок и в кругу владимиро-суздальского зодчества. В. Доброхотов очень метко сопоставил галереи Покрова с обстройками Дмитриевского собора, которые позднейшие исследователи (среди них и автор данной статьи) единодушно относили к его искажениям в XVI в. Внимательно вглядываясь в старые рисунки (рис. 11), убеждаешься, что «реставраторы» Николая I уничтожили не только древние двухчленные лестничные башни, но также древние, хотя и очень искаженные позднейшими ремонтами, белокаменные глухие галереи. Видимо, древними были и галереи не дошедшего до нас собора Рождественского монастыря во Владимире (1192—1195). Собственно галерея была создана и при обстройке Всеволодом III Успенского собора во Владимире; только здесь она была закрытой и «двухэтажной».

Если факт наличия галереи у Покрова на Нерли легко доказуем, то конкретная реконструкция ее облика, конечно, надолго останется предметом споров и гипотез. Тем не менее попытку такой реконструкции следует сделать.

Публикуемый ниже эскиз реконструкции Покрова на Нерли, как и вспомогательные чертежи (рис. 13—15), разработаны на основе данных раскопок 1954—1955 гг. совместно с архитектором Б. П. Дедушенко, детально изучившим и обмерившим памятник в 1947—1951 гг., и архитектором Я. Н. Трофимовым, осуществившим дополнительные изменения в реконструкции [18]. Как сказано выше, я полагаю, что галерея имела характер открытой аркады, наилучше гармонирующей со строем форм самого храма. В этом направлении и разрабатывался эскиз реконструкции [19].

План храма с галереями, дополненный в части западной галереи по данным чертежа 1858 г. (рис. 2), показывает, что внутренние лопатки галереи согласованы с вертикальными членениями храма: они сделаны

[15] Исследования Н. В. Холостенко.

[16] Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж, в сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 119—120; А. С. Уваров. Древний храм на Вщижском городище. Сборник мелких трудов, т. I, М., 1910, стр. 387.

[17] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 76, 82, рис. 45.

[18] Ниже, где я привожу соображения Б. П. Дедушенко, изложенные в его пояснительной записке к реконструкции, они отмечены сокращенным обозначением в скобках — (ПЗ).

[19] Б. П. Дедушенко считает в равной мере законным и вариант закрытой галереи, хотя указывает, что нижние окна западного фасада храма, освещавшие пространство под хорами, требовали светлой галереи-аркады (ПЗ).

против фасадных пилястр храма по сторонам порталов. В части лестничной стены, представлявшей глухой массив, сделана широкая лопатка против юго-западного угла храма и угловая лопатка, повернутая под 45° к стенной плоскости. Эти лопатки, видимо, имели главным образом конструктивный смысл и, может быть, были связаны с устройством перекрытия галереи в части около входа на хоры; в то же время они членили глухую плоскость лестничной стены. Подобная угловой юго-западная лопатка

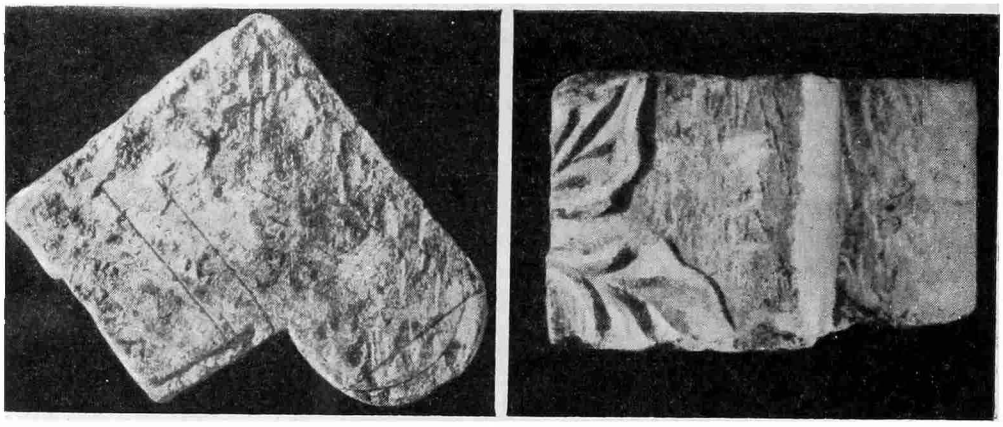


Рис. 12. Камень от опоры аркады галереи

была и в противоположном, северо-западном углу. Можно думать, что угловые пролеты аркады галереи здесь были также глухими, перекликаясь с глухим массивом лестничной стены и замыкая отвечающую тройному членению фасадов храма открытую трехпролетную часть западной галереи. Открытыми были и три пролета с северной стороны, замкнутые с запада глухой аркой.

Основание аркады галереи могло решаться двояко. Его кладка могла подниматься на два ряда камня над землей, достигая уровня плинта цоколя храма и образуя внешне аналогичный храму приподнятый сплошной цоколь. При этом решении под галереей возникал бы обход со сплошным «парапетом» в основании. Этот вариант мало вероятен, так как при этом вокруг храма образовался бы своеобразный «лоток», в котором задерживались бы осадки. Кроме того, такой цоколь галереи сокращал бы высоту опор аркады, делая их более грузными, противоречащими общему легкому строю форм самого храма. Поэтому более вероятно иное решение, при котором основание галереи лишь немного выступает над поверхностью земли, не образуя высокого парапета, закрывающего цоколь храма, и обусловливая бо́льшую высоту опор аркады. Таким образом галерея образовала крытый обход вокруг храма. Вероятно, он был вымощен, так же как и холм, белокаменными плитами, так как лишь немного поднимался над уровнем мостовой. К порталам же должны были подводить небольшие лестничные площадки.

Для суждения о характере самой аркады решающее значение имеет белокаменный фрагмент, найденный в контрольном шурфе к востоку от северо-восточного угла храма и галереи и не находящий, как и рельефы, открытые Н. А. Артлебеном, места в убранстве храма. Это камень с полуколонкой [20] на одной стороне и частью крупного растительного мотива на смежной плоскости (рис. 12) [21].

---

[20] Называем так условно, так как колонка меньше полуокружности.

[21] На торцовой части камня сохранились следы графьи — грубой наметки каменотеса, работавшего над этим блоком.

Характер полуколонки, ее скошенность и размер не позволяют считать ее лицевой фасадной полуколонкой, которая должна быть симметричной и более крупной. Это, бесспорно, элемент косяка проема типа портала, где полуколонка помещается в углу и должна быть сравнительно тонкой и асимметричной. Данный камень был крайним внутренним камнем проема, так как смежная с полуколонкой плоскость занята началом развивавшегося далее на соседнем камне растительного побега. По аналогии с применением подобной угловой колонки в порталах и профилировке пилястр владимиро-суздальских храмов можно с уверенностью предполагать, что с другой, фасадной стороны помещалась более крупная полуколонна на плоскости фасада. На это указывает и наличие внутренних лопаток галереи. Как правило, во владимиро-суздальском зодчестве внутренним лопаткам отвечают лопатки или полуколонны фасадов. При этом отнюдь не обязательно, чтобы в основании этих членений-лопаток, или полуколонн, были соответственно выступы в кладке цоколя [22]. Описанный камень входил в конструкцию опорного столба аркады. Схема его реконструкции представлена на рис. 13.

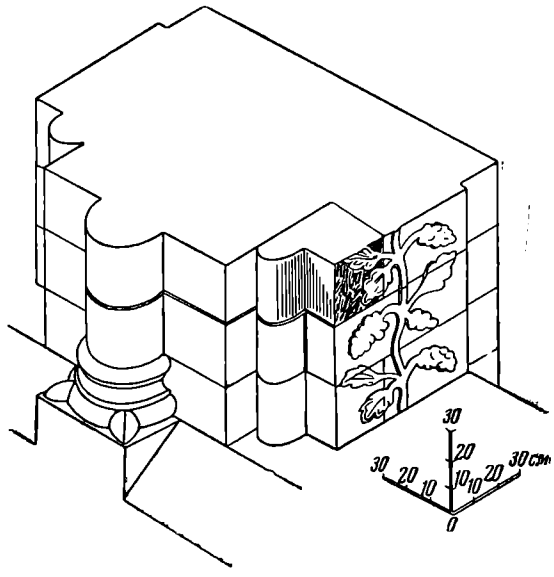


Рис. 13. Схема реконструкции столба галереи

Что подобные полуколонны имели место в составе элементов декора галереи, подтверждает сообщение Н. А. Артлебена о находке им при раскопках у юго-западного угла храма трех капителей «прекрасного стиля, несколько отличающихся от капителей церкви» [23]. На рис. 14 представлена схема реконструкции плана Покрова на Нерли с размещением столбов галереи. Эта схема убеждает в органичности замысла сооружения в целом и логической взаимосвязи плана храма и галереи.

Правомерность реконструкции опор галереи подтверждается и ближайшими аналогиями. Пилястр дворцового собора Боголюбовского замка имеет рядом с лопаткой, несущей полуколонну, угловую полуколонку [24]. Проем входа в помещение дворцовой стражи под северным переходом к дворцу был обрамлен, видимо, одной угловой колонкой, подобной нашему фрагменту [25]. Предлагаемая реконструкция опоры аркады оправдана и согласованностью ее с формами самого храма: опора характеризовалась теми же элементами вертикальности, перекликаясь с пучками вертикалей пилястр храма. В этой связи можно думать, что и орнаментация вертикальной плоскости арочного пролета должна реконструироваться не в виде расположенных друг над другом статичных изолированных растительных мотивов, как в убранстве Дмитриевского собора, а в виде единого развивающегося по вертикали, как бы растущего ввысь побега. Легкость опор и арок аркады, их вытянутые пропорции, гармонировавшие со строем форм самого храма, усиливались развитием по вертикали как бы «вышитого» растительного мотива.

Аркада завершалась горизонталью парапета. Он закрывал колончатый пояс храма — существеннейший элемент системы его фасада. Поэто-

[22] Ср., например, упомянутые обстройки Дмитриевского собора.
[23] Н. А. Артлебен. Пояснительная записка...
[24] Н. Н. Воронин. Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 83, рис. 35.
[25] Там же, стр. 82.

му можно думать, что на парапете этот мотив был повторен. Это предположение подкрепляется ближайшей аналогией переходов к хорам в Боголюбовском дворце. Пояс галереи, скорее всего, имел колонки не «висячие», а врезанные в плоскость стены (как на переходах Боголюбовского дворца и на фасаде второго этажа лестничной башни). Здесь пояс приобретал значение как бы «балясин», перил деревянной постройки.

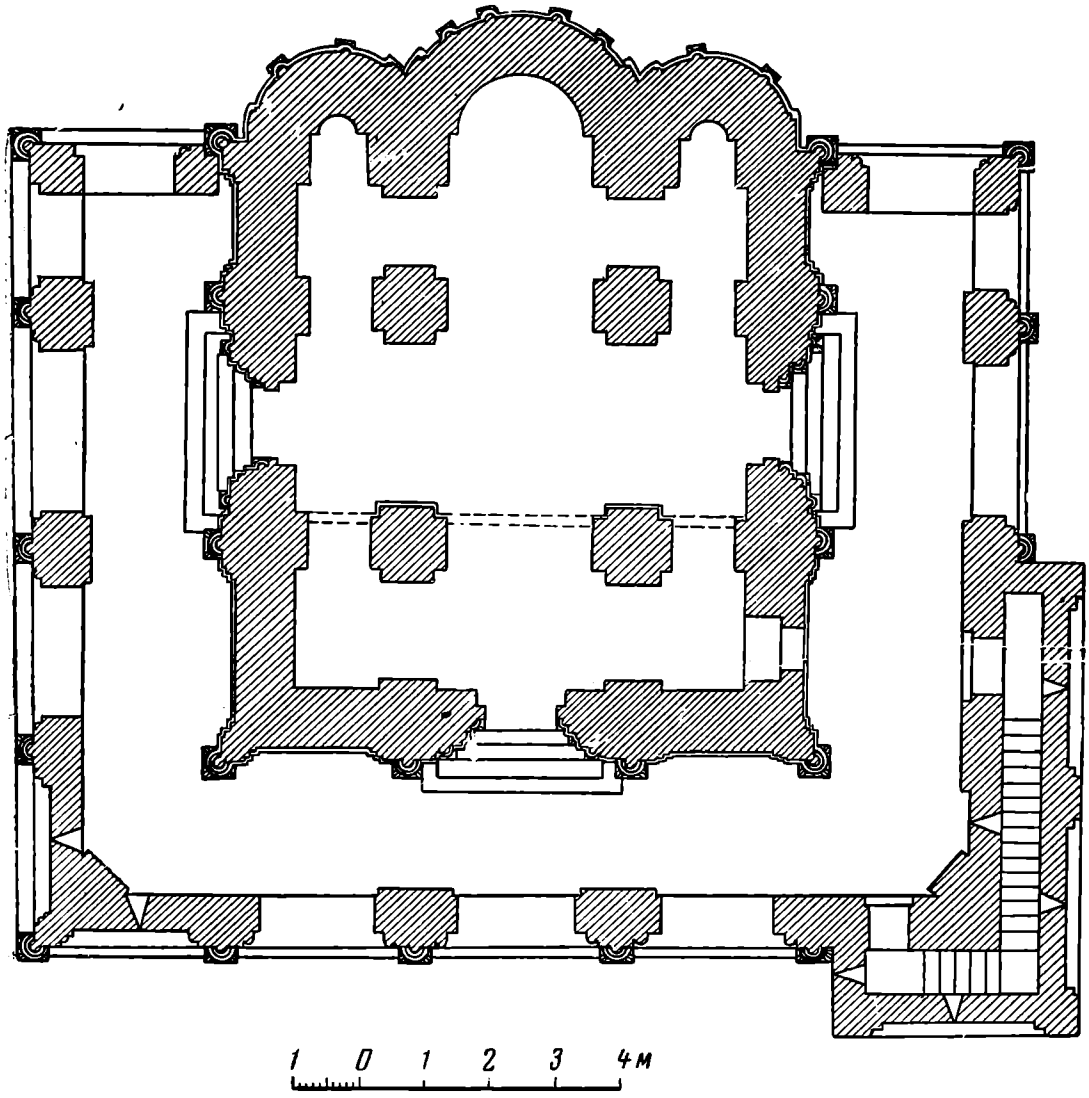


Рис. 14. План церкви Покрова на Нерли с галереей и лестничной стеной

Однако размеры (высота) пояса не лимитировались высотой собственно парапета и уровня пола гульбища; при зависимости от величины парапета пояс образовал бы горизонтальную полосу коротких колонок, что резко противоречило бы устремленным вверх формам храма. Как на самом храме пояс был помещен безотносительно к уровню хор, так, помещая пояс на фасадах галереи, мастера могли не считаться с уровнем ее пола. Длинные и стройные колонки образовали ритм частых вертикалей, восполняя закрытый парапетом колончатый пояс храма. Возможно, что в оформлении фасада галереи была повторена и лента поребрика. Едва ли она была сплошной. Вероятнее, что она имела цезуры, вторя разрывам поребрика пилястрами на фасадах храма (ПЗ).

Подтверждением гипотезы о наличии в уборе парапета галереи колончатого пояса служит обломок фуста колонки пояса, аналогичный по размерам колонке храма; он найден вдавленным в разрушенном участке вымостки северо-восточного угла холма. Колонки апсиды жертвенника и

восточного деления северного фасада храма сохранились доныне неразрушенными. Следовательно, колонка могла принадлежать только галерее. Очевидно, что к этому же поясу принадлежал и найденный в восточном шурфе (против восточного торца северной галереи) обломок капители колончатого пояса, идентичный по рисунку капителям пояса храма.

Сложнее вопрос о перекрытии галереи, образовавшем открытую площадку-балкон вокруг храма, на которую можно было попасть через стенную лестницу. Каков был характер перекрытия, мы не знаем. Это, во всяком случае, не было арочно-сводчатое перекрытие. Сопряжение арок со сложно профилированными фасадными пилястрами храма было трудно осуществимо и потребовало бы глубоких вырубок для арочных пят; следов же таких вырубок нет. Поэтому я полагаю, что перекрытие было деревянным — на балках. В древнерусском зодчестве мы знаем случаи устройства хор не на каменных сводах, а на деревянном накате. В этом решении меня убеждает и то, что перекрытие могло примкнуть к стене храма лишь в единственном месте — узкой горизонтальной полосе меж консолями колончатого пояса и архивольтами порталов. Правда, здесь нет следов гнезд балок. Следует, однако, вспомнить, что западные деления боковых фасадов Дмитриевского собора, где были целые арочные проемы входов на хоры, теперь так мастерски покрыты перенесенными с башен рельефами и прорезаны новыми сложно профилированными окнами, что если бы мы не знали точно (по натурным данным и источникам) о первоначальных дверных проемах, то мы бы никогда не поверили в их существование. На стенах Дмитриевского собора также нет никаких следов от арок или балок перекрытия окружавшей его галереи.

В пользу изложенной гипотезы говорит и то, что угловые лопатки, грани которых расположены под углом в 45° к смежным стенным плоскостям, не могли служить опорой для коробовых сводов. Как и другие лопатки, они свободно поднимались почти на всю высоту глухих стен. С внутренними лопатками галереи наиболее рационально как в конструктивном, так и в художественном отношении сочетается плоское перекрытие из дубовых брусьев-балок с деревянным накатом. Предлагаемая на рис. 15 схема конструкции этого перекрытия предусматривает систему, требующую минимального количества гнезд в стенах храма: их всего три — по одному в середине каждого фасада, куда заложены концы несущих балок. Вдоль стен храма и галереи уложены продольные балки, опирающиеся как на поперечные балки, так и на внутренние лопатки галереи; в ее восточных углах следует предположить закладку концов балок в гнезда, а в западных углах концы балок опирались на угловые лопатки. Балки могли быть орнаментированы резьбой или росписью. Центральные поперечные балки были приподняты по отношению к углам галереи, образуя необходимый для отвода осадков уклон пола гульбища к угловым водометам (ПЗ).

Снаружи настил, вероятно, был изолирован от осадков. Эту задачу княжеские зодчие могли успешно разрешить, так как они обладали рецептом водонепроницаемого известкового раствора, который, в частности, обеспечил от проникновения мощных грунтовых вод пол Ростовского Успенского собора 1162 г.[26]. Плотная заливка подобным раствором надежно изолировала деревянное перекрытие от влаги. Существенно, что при раскопках галереи как внутри нее, так и снаружи найдено несколько обломков поливных половых плиток, свидетельствующих о наличии майоликового пола на гульбище. Обломки желтых и зеленых плиток найдены также и в слое, прикрывающем вымостку северной части холма. Учитывая упругость деревянного перекрытия и возможность быстрого растрес-

---

[26] Наши раскопки 1954 г.

кивания известковой основы плиточного пола, мастера могли применить укладку плиток на глине, также хорошо обеспечивавшей водонепроницаемость покрытия. Однако при всем этом деревянная конструкция не была долговечной и должна была быстро обветшать, тем более, что после разрушения Боголюбовского замка сначала рязанскими войсками, а потом монголами храм Покрова на Нерли был, видимо, в длительном запустении.

Таким образом, консоли колончатого пояса храма, явно рассчитанные на свободное рассмотрение их снизу (вспомним, что их маски наклонены к зрителю), оказывались на уровне пола, и их смысл пропадал. Эта вопиющая, с нашей точки зрения, «нелогичность» работы зодчих может быть

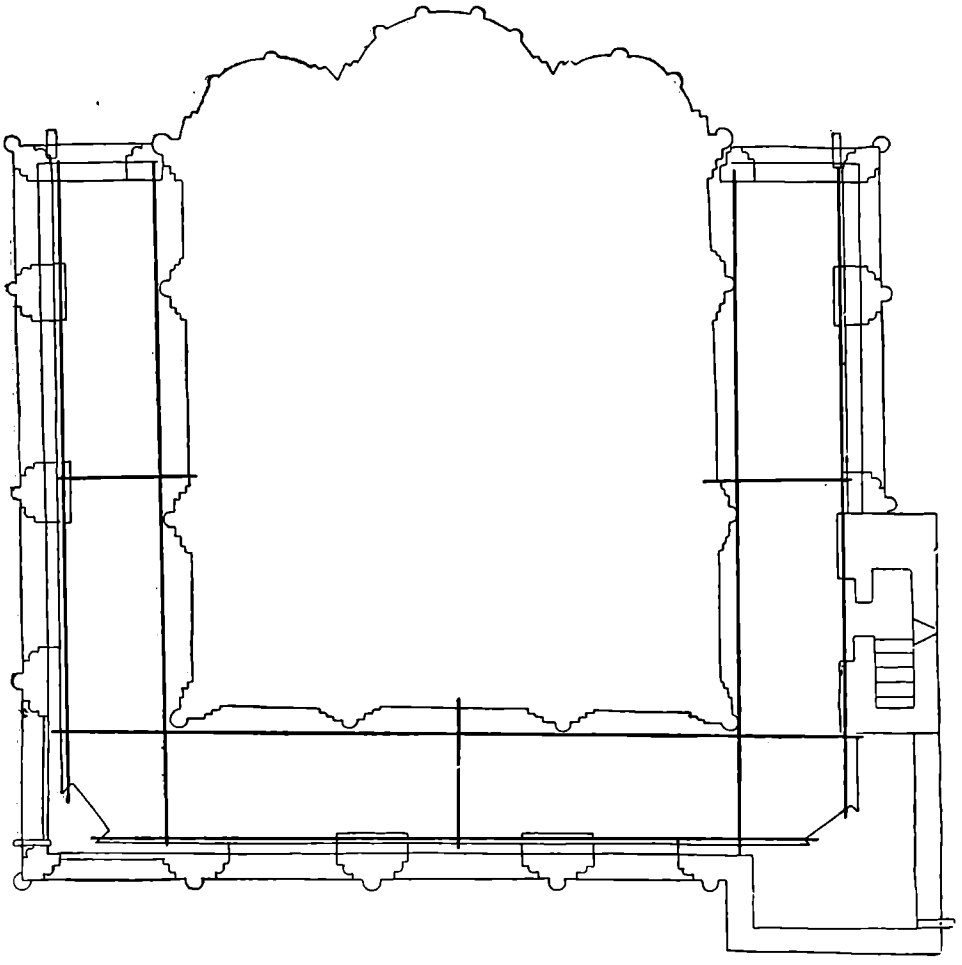


Рис. 15. Схема предполагаемой конструкции деревянного перекрытия галереи

лишь вновь сопоставлена с историей строительства ансамбля Боголюбовского дворца, о которой упоминалось выше. Там пояс колонок храма был прикрыт переходом, так что консоли оказались под его аркой, а наружный пояс северного торца перехода оказался внутри верхнего помещения лестничной башни. Таким образом, эта «нелогичность» строительства является на деле его своеобразной системой и не может служить возражением против существования галереи у Покрова на Нерли.

Пол галереи был ниже уровня пола хор. Поэтому к входу на хоры вела небольшая лесенка. Весьма вероятно, что ее марши шли не только прямо к двери, но и в стороны — к востоку и к западу, чтобы к двери можно было подойти с любой стороны. Возможно, что в связи с этим здесь и были сбиты колонки пояса (теперь они здесь новые — литые из раствора). Такая же лестница к хорам, ведшая с открытого перехода к храму, известна из рассказа Ипатьевской летописи о смерти князя Вла-

димира Галицкого. Когда посол Изяслава Петр Бориславич был с бесчестием выгнан Владимиром, князь пошел по переходам на хоры дворцовой церкви Спаса к вечерне; отсюда — сверху — он увидел уезжавшего посла и выругался ему вслед. После вечерни «Володимир же поиде от божници и якоже бы на том месте на степени (разрядка моя.— *Н. В.*) идеже поругася Петрови, и рече: «оле те некто мя удари за плече» и не може с того места ни мало поступити, и хоте летети, и ту подъхытиша и под руце и несоша и в горенку...» [27]. Из этого живого рассказа совершенно ясно, что перед входом на хоры была лестничная площадка и князь чуть не упал, когда его постиг удар, так что его едва успели подхватить. Такая лестница была, конечно, также деревянной.

4

Если галерея имела характер сквозной аркады, легкие пропорции которой созвучны строю пропорций самого храма, то массив лестничной стены резко контрастировал с ней: его фасады были глухими, их прорезывали узкие щелевидные окна, освещавшие лестницу на хоры. Можно думать, что этот контраст зодчие сохранили сознательно: особая обработка фасадов лестничной стены выделяла эту функционально особую часть здания. Здесь, видимо, не было фасадных полуколонн. В этом отношении фасад лестничной стены напоминал также глухой и строгий фасад северного перехода Боголюбовского дворца [28] и также более скупую, чем у храма, обработку фасадов башен и галереи Дмитриевского собора (рис. 11).

Лестничная стена, скорее всего, завершалась, как и галерея, парапетом. Вероятно, что он также был украшен колончатым поясом. В реконструкции здесь дан пояс иного типа, чем на парапетах галереи,— с колонками на консолях, как и на самом храме. Такое решение также оправдано аналогией с ансамблем Боголюбовского дворца, где лестничная башня, как и самый собор, в отличие от переходов, имеет пояс из колонок на консолях [29].

Над восточной половиной южной стены следует предполагать возвышающуюся надстройку-палатку, прикрывавшую щель внутристенной лестницы. Вопрос о характере ее покрытия может решаться двояко: оно могло быть прямолинейной двухскатной кровлей (по аналогии с горизонтальными перекрытиями переходов Боголюбовского дворца), или же палатка завершалась закомарой. В реконструкции принят последний вариант. Существенно, что в западном членении южного фасада храма не помещены две женские маски, которые проходят по всем остальным фасадам. Здесь зодчие, видимо, учли, что рельефы при взгляде снизу не будут видны из-за этой надстройки.

Весьма вероятно, что на парапете противоположного, северо-западного угла галереи, имевшего глухие арки, была звонница. Колокола упоминаются во Владимире в третьей четверти XII в. [30]. Они были очень невелики и, как полагал Е. Голубинский, вешались на особых стенках, надстраивавшихся «на прилегавшие здания» [31]. Звонница могла иметь характер легкой двух- или трехпролетной аркады, вторившей аркаде галерей. В то же время она вносила равновесие в композицию храма в целом, отвечая возвышавшейся над галереей с юга лестничной палатке, и придавала как бы «конструктивный» смысл прочным глухим аркам северо-

[27] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 462, 463.

[28] Н. Н. Воронин. Основные вопросы..., стр. 82, и рис. 36.

[29] Можно предположить и иной вариант обработки фасадов лестничной стены, а именно, слепыми арками, как у пилона северного перехода Боголюбовского дворца. Однако это решение плохо вяжется с горизонталью парапета.

[30] Когда епископ Федор наложил интердикт на Владимир «не быть звонения... по всему граду» (ПСРЛ, т. II, стр. 552).

[31] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 2, М., 1904, стр. 152, 153, 158.

Рис. 16. Резной камень из раскопок Н. А. Артлебена. Барс

западного угла, несшим звонницу. На реконструкции звонница не показана ввиду отсутствия точных данных о ее характере.

Лестничная стена имела большие внутренние и внешние стенные плоскости, несомненно имевшие какой-то декоративный убор.

Думаю, что к их убранству и принадлежат рельефы, найденные при раскопках Н. А. Артлебена именно здесь, у юго-западного угла храма. Три из них сохранились полностью, один — фрагментарно; это парные рельефы. На одной паре изображены поднявшиеся в прыжке барсы (рис. 16; размеры 79 × × 54 × 11 *см* и 79 × 51 × 12 *см*), на другой — грифоны (рис. 17; размеры — 59 × 47 × 11 *см* и 65 × 45 × 9 *см*). По словам Артлебена, у первой пары по краям были вытесаны четверти, что и дало ему повод считать, что они были вставлены в парапет[32]. Характерно, что рельефы изготовлены на плитах, не кратных нормальному размеру камня (38 × 42 *см*), т. е. обнаруживают ту же систему, что и рельефы закомар храма. Некратность величины рельефов ряду кладки скрадывала ее ритм и содействовала впечатлению высоты. Точно так же стиль стесанных рельефов совпадает со стилем резьбы храма: барсы сходны с рельефами главных закомар, грифоны своей более обобщенной трактовкой сближаются с рельефами боковых закомар. Следовательно, рельефы делались т е м и

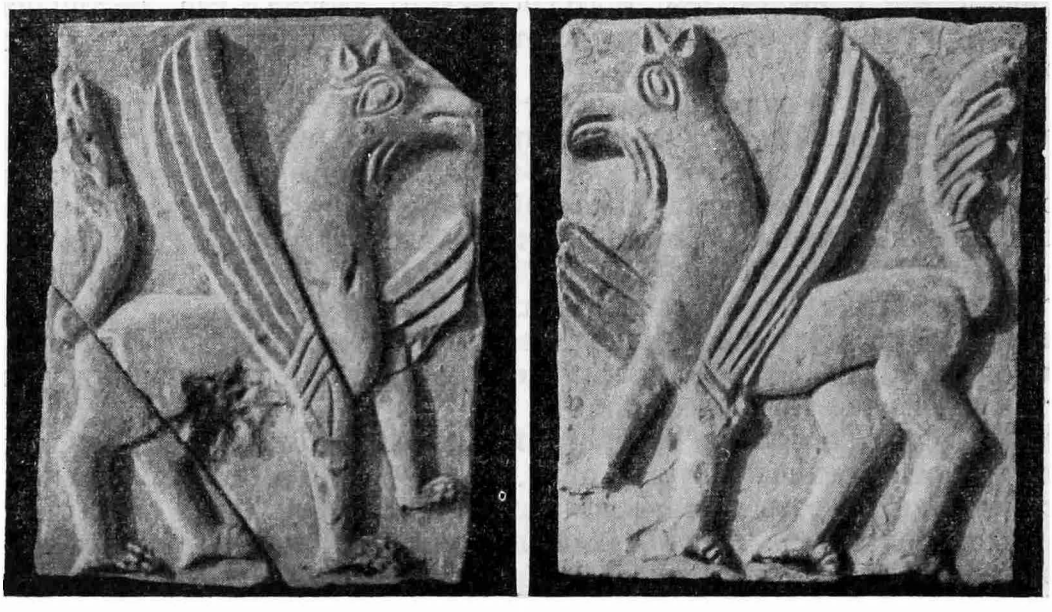


Рис. 17. Резные камни из раскопок Н. А. Артлебена. Грифоны

[32] Так изображен камень в «Атласе» к «Трудам первого археологического съезда». При установке этих резных камней в фасады новой колокольни четверти, видимо, были стесаны.

же мастерами, которые украшали резьбой и самый храм. Рельефы располагались, очевидно, попарно, образуя симметричные группы.

Четыре других рельефа, видимо небольшого размера (они, возможно, были той же величины, что и плиты с грифонами, изображенные на рис. 17), не дошли до нас и известны лишь по рисунку Н. А. Артлебена, явно искажающему их стиль в сторону «классической», реальной трактовки мускулатуры, лап и пр. (рис. 18, *а*—*г*).

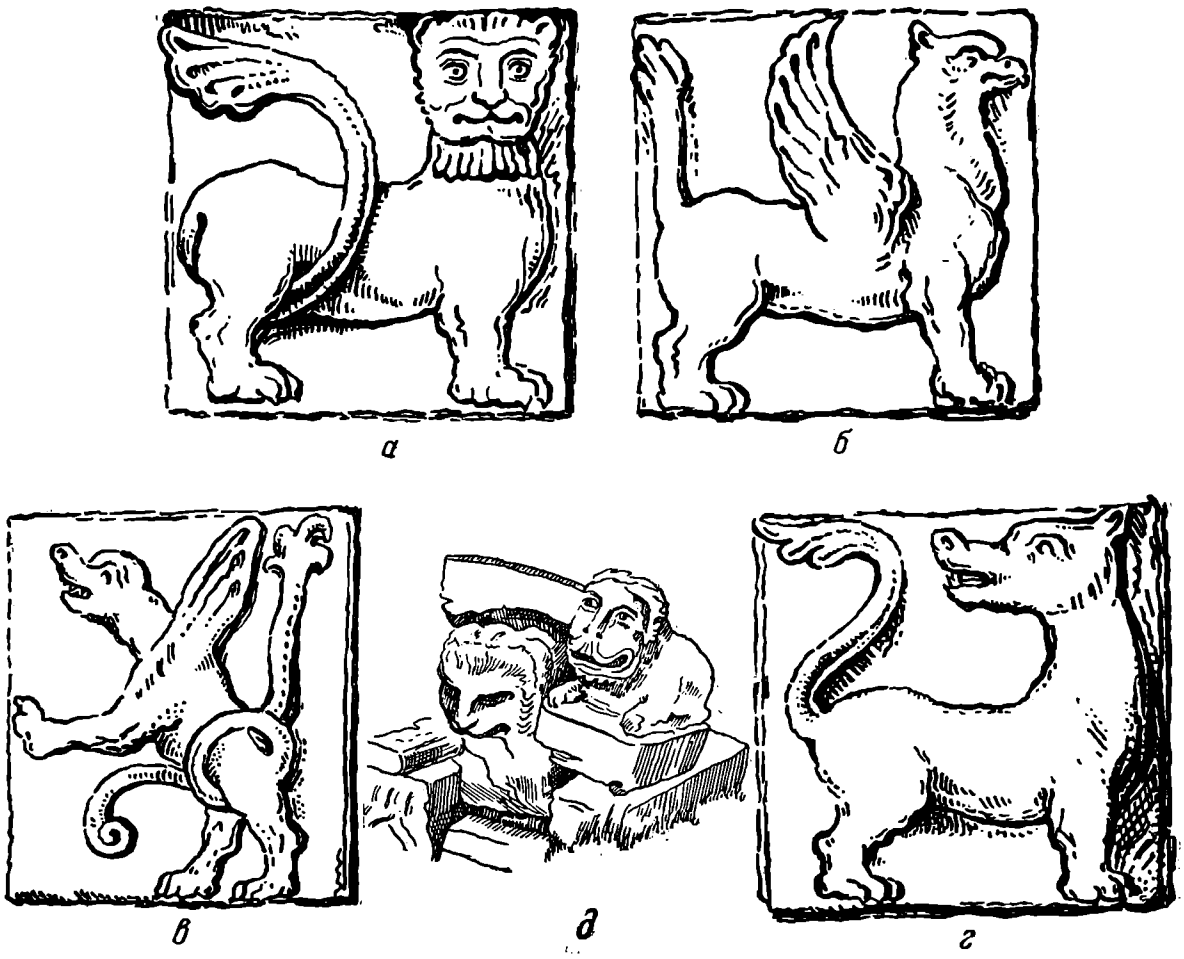


Рис. 18. Резные камни из раскопок Н. А. Артлебена

Кроме того, В. Прохоров издал в очень примитивном рисунке, сделанном по фотографии М. Н. Настюкова, резные камни, найденные «в развалинах около Покровской церкви» (рис. 18, *д*) [33]. Один из них (левый), видимо, маска-консоль, второй — явно трехмерная скульптура лежащего льва с характерной, в виде восьмерки, пастью, напоминающей как маски консолей Покрова на Нерли, так и маски дворцового собора в Боголюбове.

Все эти рельефы не находят места в системе убранства храма. Думаю, что их следует относить к убранству галереи и, прежде всего, больших плоскостей лестничной стены. Вопрос об их размещении может иметь самое разнообразное решение. Мы не знаем, сколько было таких рельефов; очень вероятно, что их было больше. Думаю, что рельефы меньшего формата (рис. 17 и 18) могли быть помещены и с внутренней стороны лестничной стены, где был вход на лестницу; в частности, они могли быть вставлены в верхней части лопаток, подобно тому как резные парные львы лежали в пятах арок княжеских храмов.

---

[33] В. Прохоров. Археологический обзор древнейших архитектурных памятников во Владимире и Суздале. «Христианские древности», вып. 3, СПб., 1875, стр. 40, прим.

Что касается парных больших плит с изображением поднявшихся на задние лапы барсов (рис. 16), то их положение должно быть особым. По своей иконографии и стилю фигуры барсов очень близки изображениям барсов на щитах св. Георгия (патрона Юрия Долгорукого) в рельефе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском [34] и на щите Федора Стратилата в миниатюре ярославского Федоровского евангелия 1321—1327 гг. (рис. 19) [35]. Различие двух названных изображений барсов с плитами из Покрова на Нерли состоит лишь в постановке задних лап зверя: в узком поле низа миндалевидного щита две лапы барса не уместились, и одна оказалась приподнятой. Значение данного изображения барса как эмблемы владимирской княжеской династии достаточно четко выяснено в науке [36]. Таким образом, два интересующих нас рельефа имели особый смысл — это символы владимирской державы и ее воинской силы. Барс изображен на двух парных рельефах в прямом и симметричном зеркальном изображении. На особое значение рельефов с барсами указывает и их величина: она лишь на 5—6 *см* меньше фигур пророка Давида, занимающих в резном уборе храма центральное положение. Как рельеф, изображающий Давида, так и плиты с барсами резал лучший мастер. Вероятно, что эти парные рельефы размещались на южном фасаде лестничной стены в ее верхней части. Следует помнить, что именно южной стороной храм был обращен к плывущим с низа судам послов и купцов. Сюда и смотрела суровая плоскость лестничной стены с ее барсами, перенесенными с княжеских боевых щитов.

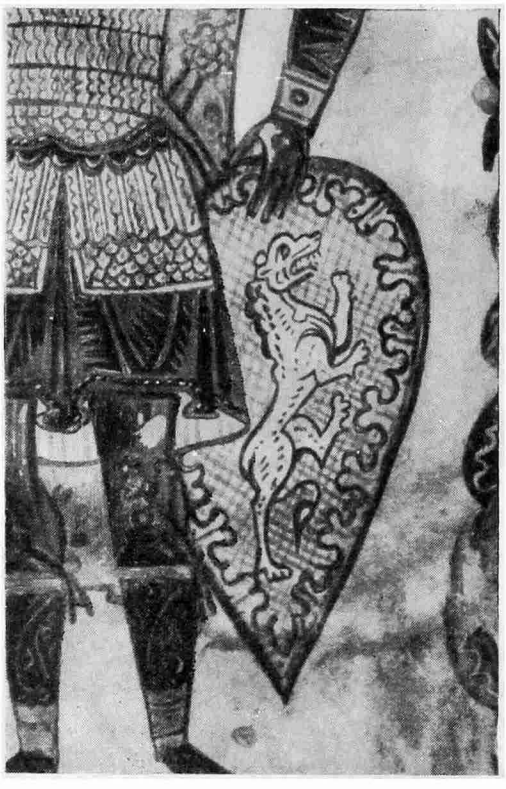


Рис. 19. Деталь миниатюры Федоровского евангелия

Мы не знаем, применялась ли в обработке фасадов тонкая золоченая медь, как это было в постройках Боголюбовского замка и Владимирском Успенском соборе. При раскопках северной вымостки холма был найден один маленький кусочек медного листа с прикреплявшим его гвоздем. Можно почти уверенно говорить, что и здесь, как во Владимирском Успенском и дворцовом Боголюбовском соборах, «по комарам и около», т. е. над обрамленными прорезными из золоченой меди подзорами закомарами, были поставлены прорезные же из золоченой меди «поткы золоты», «кубкы» и «ветрила», усиливавшие впечатление легкости и стройности здания.

5

Таковы все фактические данные и гипотетические соображения, позволяющие реконструировать первоначальный облик храма Покрова на Нерли. Их словесное изложение гораздо проще, нежели любая попытка создать их графическое воплощение, так как любая реконструкция ц е л о-

[34] А. А. Б о б р и н с к и й. Резной камень в России. М., 1916, табл. 34, рис. 20.

[35] А. И. Н е к р а с о в. Возникновение московского искусства. М., 1929, стр. 139, рис. 74.

[36] Е г о ж е. О гербе суздальско-владимирских князей. «Сборник в честь А. И. Соболевского», Л., 1927, стр. 406—409.

го будет несравненно менее убедительна, чем сохранившаяся подлинная часть памятника. Это необходимо подчеркнуть, предлагая эскиз реконструкции первоначального облика Покрова на Нерли (рис. 20). В ней полностью использованы все изложенные выше данные для решения той

Рис. 20. Церковь Покрова на Нерли (Эскиз реконструкции*).

или иной детали, многие из которых корректировались нами в процессе самого графического построения реконструкции[37]. Она дает ясное и, на мой взгляд, близкое к истине представление о замысле композиции и своеобразном первоначальном облике прославленного памятника. Галереи

* **От редакции.** Редакция не считает реконструкцию удачной.

[37] В реконструкции перекрытие углов постамента под барабаном показано не в виде двускатных кровелек, а в виде покрытой свинцом кривой, концентричной дуге подпружной арки (предложение Д. П. Сухова). Глава представлена шлемовидной по данным исследований А. И. Власюка. См. А. И. Власюк. Первоначальная форма купола церкви Покрова на Нерли. Сб. «Архитектурное наследство», т. II, М., 1952, стр. 67—68.

и лестничная стена, казалось способные только резко противоречить привычному образу памятников, хорошо согласуются с общим строем форм храма — пропорции аркады легки, а их пространство воздушно; строгость фасадов лестничной стены и глухие арки северо-западного угла галереи подчеркивают ажурность аркады. Вполне естественно, что новый облик храма Покрова на Нерли встретит много возражений, связанных с привычным представлением о нем, или с позиций «абсолютных» эстетических критериев, тем более, что публикуемый эскиз реконструкции памятника в целом никак не может быть конгениальным его подлинной части — сохранившемуся храму. Отражением этих естественных сомнений является примечание редакции к публикуемой реконструкции. Но рано или поздно с этим новым образом Покрова на Нерли придется «примириться» и ввести его в историю русского зодчества, так как в основном он — факт, и спорить можно лишь о деталях.

Предлагаемая реконструкция существенно меняет наше представление и об идейном содержании образа Покрова на Нерли.

В своем существующем виде образ скромного и стройного храма может быть сопоставлен с лирическими, если можно так выразиться, и фольклорными аспектами культа Покрова и девы Марии, как покровительницы владимирских людей и владимирского князя, которая «дары от бога приняла... всех крестьян недуги исцелити, и от бед избавляти»[38].

Теперь перед нами встает существенно отличный образ Покрова на Нерли. Столь же стройный, но более сильный, опоясанный торжественной аркадой и как бы прикрытый с юго-запада лестничной стеной, храм энергично вздымается к небу с одетого белокаменным панцирем холма, отражаясь в зеркале вод вместе с плывущими в небесной синеве облаками. Композиция храма отмечена ясно подчеркнутой торжественной ярусностью, столь характерной для древнерусского зодчества; в этом образе Покрова на Нерли больше царственности и торжественности, что соответствует представлениям церковной литературы XII в. о богоматери, как о «царице и владычице всех»; она — «царствию неразоримая стена, церкви неподвижный (т. е. твердый, прочный.— *Н. В.*) столп»; ее силой «даются победы и врази падають». В этом смысле весьма существенно, что житие князя Андрея связывало постройку храма с памятью о победоносном походе 1164 г. владимирских полков на болгар. Его успех был тогда же истолкован как «чудо новое» взятой в поход иконы Владимирской богоматери[39]. Храм и был якобы построен из «десятого камня», который возили для построек Владимира побежденные болгары. В то же время храм был и памятником сыну Андрея Боголюбского Изяславу, погибшему от ран, полученных в битве с болгарами[40]. Восстановленный нами первоначальный облик храма отвечает всем своим существом главному политическому аспекту культа Покрова — идее небесного патроната над деятельностью «владимирских самовластцев», пытавшихся порвать с гегемонией Византии, подчинить своей могучей деснице дробившуюся феодальную Русь и воинственных волжских соседей — болгар. Этому кругу идей отвечает такая деталь, как перенос княжеских барсов с воинского княжеского щита на южный фасад лестничной стены, который уподоблялся белокаменному щиту, прикрывавшему храм и вход на его хоры. Эта стена, видимо, и понималась буквально как «за-щита», «покров».

Храм поставлен не на случайном месте, и его «одиночество» в пустынной пойме кажущееся. Он высится при устье Нерли, у ворот Владимирской земли. Мимо него шли суда из Суздаля и Ростова, корабли иноземных послов и гостей с Волги и Оки. Возможно, здесь эти гости останавли-

[38] Здесь и ниже цитирую составленную во Владимире в 60-х годах XII в. «Службу на Покров» по пергаменному сборнику XIV в. собрания рукописей Гос. исторического музея. Синод. III, № 431.

[39] Сказание о чудесах Владимирской иконы божией матери. С предисловием. В. О. Ключевского. СПб., 1878, стр. 12.

[40] В. Доброхотов. Ук. соч., стр. 70.

вались, чтобы присутствовать на богослужении; вспомним, что князь Андрей любил демонстрировать чужеземцам великолепие своих храмов и приказывал вводить их на хоры. Здесь лестница на хоры шла прямо от белокаменной площадки холма (при храме не было дворца или иных зданий). Здесь, около устья Нерли, величавый язык архитектуры впервые говорил пришельцам о могуществе Владимирской земли. Храм Покрова, выросший среди равнинных пойм и гордо стоявший над бурными водами разливов, производил на современников, несомненно, впечатление «чуда». Он являлся как бы «архитектурным предисловием», за которым открывался белокаменный ансамбль Боголюбовского замка и далее стольного Владимира. Широта архитектурной мысли владимирского князя и его зодчих была сродни замыслам великого новгородского мастера Петра, создавшего на подступах к Новгороду соборы Антониева и Юрьева монастырей.

Сама постановка храма на белом холме отвечает образцам того же цитированного выше поэтического произведения XII в. «Службы на Покров». Его автор в первой же строфе песнопения вспоминает, что еще в древности «дивный пророче Исаия, будеть, рече, в последняя дни яве гора господня и храм господень на верх горы», а пророк Аввакум сравнивал богоматерь «с горой усыренной (т. е. побеленной, подобной по цвету творогу-сыру.— *Н. В.*) точащей верным целебную сладость» [41]. Такая кажущаяся слишком прямой и «примитивной» связь литературы и зодчества отнюдь не случайна, а закономерна. В другой своей работе я показываю, что владимирские зодчие, осуществлявшие строительные планы Андрея Боголюбского, разрабатывая проекты своих построек, привлекали письменные источники, сообщающие о прославленных зданиях библейской древности, в частности текст Георгия Амартола о храме Соломона в Иерусалиме [42]. Конечно, они должны были быть в курсе литературного творчества владимирских церковных витий, работавших над прославлением нового праздника в честь богоматери, которой приписывали «чудо» болгарской победы.

Новый облик храма Покрова на Нерли теснейшим образом связывается с событиями 60-х годов XII в., с идеями и образами владимирской литературы, посвященной культу Покрова. Писатели и зодчие разрабатывали одну тему и создавали в слове и камне родственные произведения. Возможно также, что их творчество взаимно обогащалось: литературные образы будили фантазию зодчих, а созданное зодчими рождало или оттачивало литературные образы.

В плане истории древнерусского зодчества Покров на Нерли в его реконструированном нами виде приобретает еще большее, чем раньше, значение. Во-первых, он позволяет утверждать, что «паперти» Дмитриевского и, вероятно, Рождественского соборов во Владимире являлись в основе древними галереями (в Дмитриевском соборе аркада галереи была закрытой). Во-вторых, нельзя не отметить, что в Покрове на Нерли — последнем памятнике строительства Андрея Боголюбского — расширяется применение резного камня в форме коврового растительного узора на плоскостях проемов аркады, имеющее большое значение для последующего развития владимиро-суздальской пластики. В-третьих, тип храма с галереей и ясно выраженной ярусностью композиции еще прочнее связывает владимирское зодчество с русской традицией XI в. и архитектурой XII в. и еще более ослабляет возможность говорить о владимиро-суздальском зодчестве как о «русском варианте романского стиля».

---

[41] Интересно, что вода в озере-старице у Покрова на Нерли до недавнего времени считалась у местных деревенских богомолок «святой» и «целебной». Вода старицы пополняется не только разливом, но и обильными и холодными донными ключами, так что в древности холм под храмом, возможно, и реально «точил» воду, которой приписывали «целебную сладость».

[42] Н. Н. Воронин. Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих. Труды отдела древнерусской литературы, т. XIII, М.— Л., 1957, стр. 365—367.

6

Когда же началось разрушение окружавших храм древних аркад галереи и исчезли последние следы лестничной стены? На эти вопросы также можно ответить с относительной точностью.

Существен, прежде всего, характер стратиграфии над белокаменной вымосткой холма, изученный в процессе проведения северного раскопа. Слой состоит в основном из двух зон. Непосредственно над вымосткой лежит сравнительно тонкий черный слой жирного перегноя, достигающий в горизонтальной части холма толщины 5—10 *см;* по склону к северу он быстро утолщается до 0,50—0,90 *м.* Немногочисленные находки XII—XV вв. связаны только с нижней зоной этого слоя. Это обломки майоликовых плиток пола галереи, курганной керамики, железного серпа, рыболовные глиняные грузила и крючки XII—XIII вв.; вместе с ними найдены фрагменты красной лощеной керамики XIII—XIV вв. Выше слой почти стерилен и носит характер насыпного или намывного. Основу слоя составляют горизонтальные линзы песка с темной гумированной верхней зоной. Наиболее ранние находки — обломки черной лощеной керамики (не ранее начала XVI в.). Таким образом, можно предполагать, что разрушение памятника началось рано; его, возможно, следует связать сначала с налетом войск Глеба рязанского, а затем с монгольским нашествием. Во всяком случае, часть колотых майоликовых плиток от разбитого пола галереи лежала почти непосредственно на вымостке или в ее выбоинах. Стратиграфия, изученная раскопками у Покрова на Нерли, в общих чертах аналогична стратиграфии двора Боголюбовского замка. Там также ранний тонкий слой черного перегноя прикрывал мостовую, и над ним следует сравнительно мощный слой позднейших отложений XV—XVIII вв. Оба памятника переживали, видимо, одинаковую историю длительного запустения и постепенного разрушения зданий.

Когда же была уничтожена галерея? Надо думать, что ее разрушение началось вскоре после постройки. Прежде всего перестал действовать ход на хоры через лестничную стену, так как деревянные перекрытия галереи быстро обветшали. В связи с этим позднее арочный проем хода превратили в окно, заложив его снизу кирпичом. Кирпич закладки имеет размеры 8 × 12 × 28 *см* и отличается от кирпича упоминавшейся кладки над белокаменными основаниями галереи (размер кирпича 8 × 12 × × 25 *см*). Эта кирпичная кладка, особенно хорошо сохранившаяся с южной стороны, является остатком стенок поздней паперти, окружавшей храм. Соотношение кирпичной стенки с древней свидетельствует о том, что строители паперти прекрасно знали направление древней кладки и уверенно шли по ее периметру. При этом они были не очень добросовестны: сохраняя и облицовывая древнюю забутку, они оставляли внутри новой стенки и местами наросший над бутом культурный слой. С западной стороны пространство между основаниями храма и галереи было освобождено от древнего заполнения супесчаным грунтом и превращено в хозяйственный подвал с кирпичными сводами, пяты которых были врублены в кладку основания храма (см. рис. 5).

Можно думать, что именно строители паперти и разобрали древнюю разрушавшуюся галерею. Датировать момент разборки галереи и сооружения кирпичной паперти точнее позволяют находки и стратиграфия.

В примыкающих к кладке слоях наблюдается постоянное непосредственное соседство верхней зоны кирпичных осколков с нижней из белокаменного щебня. В этом слое у юго-восточного угла галереи найдена серебряная монета «московка» времени Алексея Михайловича [43]. В кирпичном щебне над основанием северной галереи были найдены обломки зеленых изразцов и один обломок красного изразца с растительным орнаментом. При ремонте храма в 1858—1860 гг. под его престолом и полом были найдены вещи XVII в.— медные кувшины, подсвечник, ключи, а при разборке кирпичных закладок меж закомар храма был вынут обломок надгробной плиты с надписью XVII в. [44].

Во второй половине XVII в. Покровский монастырь получил ряд значительных пожалований на сенокосы и рыбные ловли. Наряду с грамотами на эти угодья в архиве храма еще в XVIII в. хранилась «грамота в столбце святейшего Питирима патриарха об освящении церковнем 7181 [1673] году сентября 6 дня», а также уставная грамота монастырю 1677 г. [45] Все эти данные позволяют утверждать, что в начале 70-х годов XVII в. происходили крупные ремонтные работы, во время которых храм получил четырехскатную кровлю. Тогда же были отломаны и обветшавшие древние галереи, на основании которых была устроена кирпичная паперть со сводчатым подвалом в южной части меж основанием храма и галереи. Устройство кровель паперти было причиной разрушений аркатурно-колончатого пояса храма. После этих работ храм и был освящен в 1673 г.

Новая кирпичная паперть конца XVII в. просуществовала недолго. Монастырь у церкви Покрова запустел, а в 1764 г. был упразднен, и на его здания начали смот-

---

[43] Определение В. Л. Янина.

[44] Архив ЛОИИМК, фонд Археологической комиссии, 1860, № 9; Владимирские Губернские ведомости, 1859, № 25.

[45] Н. В. Малицкий. Покровский упраздненный монастырь на р. Нерли. Из прошлого Владимирской епархии, вып. III, Владимир, 1912, стр. 14.

реть как на источник строительного материала. В 1784 г. игумен Боголюбова монастыря Парфений просил разрешения «Покровскую церковь разобрать и по близости места расстояния перевезть в оной Боголюбов монастырь для употребления в новостроющиеся святые врата». Однако сломка храма, разрешенная невежественным владимирским епископом Виктором, не состоялась лишь потому, что подрядчики назначили слишком высокую цену за разборку древнего здания [46].

Кирпичная паперть была разобрана, видимо, несколько позднее — в 1803 г., когда по храму были проведены некоторые ремонтные работы. Южный портал был заложен и превращен в окно. У северного и западного входа в храм были сделаны кирпичные крыльца с навесами на двух колоннах; они изображены на рисунке Ф. Солнцева [47], а основания западного входа были прослежены нашими раскопками. Тогда же была сделана существующая луковичная глава храма [48], скрывшая первоначальное шлемовидное покрытие [49].

Но и после разборки паперти древние кладки галереи и лестничной стены местами еще сохранялись и не были закрыты наросшим культурным слоем. Об этом свидетельствуют приведенные выдержки из работ местных историков и краеведов XIX в. Так, В. Доброхотов видел выступавшие над поверхностью земли камни кладки лестничной стены. Он же принял за остатки огромного здания каменную вымостку холма, которая также была еще не скрыта под толщей земли. Таким образом, описанная выше и почти стерильная верхняя зона культурного слоя принадлежит, как я и говорил, к очень позднєй поре. Возможно, что частично она является результатом планировочных работ времени экспедиции академика Ф. Солнцева и Н. А. Артлебена (1858—1860). В эти годы толща культурного слоя, наросшего внутри храма до середины высоты порталов, была срыта и вынесена наружу.

Думаю, что ко времени этих работ (середина XIX в.) следует относить и появление с северной стороны от храма кирпичных «святых ворот» с колокольней наверху. До 1784 г. здесь стояли деревянные святые ворота со звонницей, разобранные на топливо для кирпичных сараев Боголюбова монастыря [50]. Кирпич существующей колокольни частично сходен с кирпичом паперти XVII в. вокруг храма; цоколь ворот сложен из белого камня; в их фасады были вставлены описанные выше рельефы, найденные при раскопках Н. А. Артлебеном; детали — аркатура, штуковые маски — подражают владимиро-суздальским. В этом «святые ворота» у Покрова на Нерли сходны с пристроенным тем же Н. А. Артлебеном к владимирскому Успенскому собору теплым Георгиевским храмом. Все это позволяет относить проект колокольни и ее постройку к деятельности Н. А. Артлебена. Видимо, он не оставил в земле и найденные им остатки кирпичных и белокаменных кладок галереи, а выбрал их на значительную глубину. Существенно, что очень глубоко и ровно выбрана кладка именно ближайшей к воротам северной галереи и внутренняя облицовка западной (где был подвал), тогда как более удаленные от колокольни южная галерея и лестничная стена сохранили даже кирпичную кладку. Доказательством того, что разборка облицовки западной галереи и засыпка подвала между нею и основанием храма были произведены именно в это время, является находка на дне засыпи при раскопках обломков граненого стеклянного стакана. Об этой работе помнили старожилы еще в XX в., рассказывая, что здесь был открыт «подземный ход», тут же засыпанный [51].

В 1877 г. в результате варварского ремонта здания, предпринятого церковниками без ведома органов охраны памятников и архитектора Н. А. Артлебена, облик храма был сильно искажен. Выехавший на место А. С. Уваров писал, что «приступлено к полной переделке церкви». Были сбиты остатки древних фресок в барабане и куполе [52]. «Сверх того,— писал Уваров,— безобразными подделками изваяний заменяли утраченные и даже в своем усердии помещали их там, где их не было; а так же обвязали всю церковь снаружи железными связями, что по состоянию церкви совсем не требовалось» [53].

В этом же году четырехскатная кровля была заменена позакомарной, при этом под шарообразно вспученным у барабана покрытием был скрыт первоначально выступавший наружу сложенный из туфа и облицованный белым камнем постамент барабана, а его окна были укорочены кирпичной закладкой на 36 *см* [54]. Такова позднєйшая история Покрова на Нерли.

---

[46] Н. В. Малицкий. Ук. соч., стр. 18—19.

[47] С. Строганов. Димитриевский собор во Владимире на Клязьме. М., 1849, табл. XXXI.

[48] Владимирский Обл. Гос. Архив, фонд Боголюбова монастыря, № 7.

[49] А. И. Власюк. Ук. соч.

[50] Н. В. Малицкий. Ук. соч., стр. 19, 20.

[51] Владимирские Епархиальные ведомости, 1916, № 20—21, стр. 362.

[52] Их примитивные зарисовки сохранились в рисунках Ф. Солнцева.

[53] Древности. Труды МАО, т. VII, вып. 1, М., 1877, протоколы, стр. 19. Грубые подделки 70-х годов, однако, вводили в заблуждение новейших исследователей. См. А. И. Некрасов. Из владимиро-суздальских впечатлений. Среди коллекционеров, 1924, № 3—4, стр. 33.

[54] А. И. Власюк. Ук. соч., стр. 68.

Н. В. МИНКЕВИЧ-МУСТАФАЕВА

О РЕМЕСЛЕННОМ КВАРТАЛЕ БАЙЛАКАНА

IX—X века в Закавказье — эпоха возрождения старых и формирования новых феодальных городов. Это обстоятельство отражало общий процесс развития производительных сил феодального общества и, в частности, процесс отделения ремесла и торговли от земледелия. Города становятся центрами торговли и ремесленного производства. В IX—X вв. торговля в Северном Закавказье, завязавшаяся в VIII в., достигла наибольшего развития [1]. Арабские и армянские авторы указывают на ряд городов в Северном Азербайджане, известных своими торговыми рынками, таких, как Бердаа (Партав), Ганджа (Гандзак), Байлакан, Шамхор, Берзендж и др. [2]. Через эти города проходили пути международной торговли. Так, через Байлакан, Бердаа шли торговые дороги в Тбилиси и Дербент (Баб-ул-Абваб) [3]. Международная торговля способствовала процветанию городов Азербайджана в IX—X вв.

Феодальные города Азербайджана еще недостаточно изучены. Археологические раскопки велись на городищах Старая Ганджа, Орен-Кала, на территории старого города в Баку, в Мингечауре. Имеются подъемные материалы (в основном керамика) с городищ Шаберана (Ширвана), Гюлистана, Нахичевана и др., но археологические исследования здесь не проводились. Систематические раскопки Старой Ганджи дали огромный материал (главным образом XI—XIII вв.) в виде керамических, стеклянных, мелких медных и железных изделий, монет [4]. Раскопки на территории дворца ширваншахов в Баку выявили слои IX—XV вв. [5]. Разведочными раскопками в Кабале исследованы слои VIII—XIII вв., хорошо датируемые монетами [6]. Среди материалов из Старой Ганджи обращают на себя внимание глиняные стержни, треугольные подставки, куски производственного брака, указывающие на местное керамическое производство. Находки днищ глазурованных чаш с разнообразными клеймами в Гандже, Шаберане, Мингечауре также свидетельствуют о местном гончарном производстве. Очень много подобных находок было обнаружено в Орен-Кала, за пределами городских стен. На юго-западной окраине городища, около гончарных печей, были найдены обломки сфероконических сосудов с клеймами, содержащими надписи, прочитанные Л. Т. Гюзальяном и глася-

[1] Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, стр. 199.

[2] Ал-Якуби. История. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927; Ал-Баладзори. Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927; Ибн-Хордадбех. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа (СМОМПК), вып. XXXII, Тифлис, 1903; Ибн-ал-Факих ал-Хамадани. Книга о странах. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXI, Тифлис, 1902; Моисей Каганкатваци. История Агван. Пер. К. Патканова, СПб., 1861.

[3] Я. А. Манандян. Ук. соч., стр. 197, 250—252.

[4] И. М. Джафарзаде. Историко-археологический очерк Старой Ганджи. Баку, 1949, стр. 34, 99.

[5] В. И. Левиатов. Археологические раскопки 1945 г. при дворце ширваншахов в г. Баку. ИАН АзССР, № 1, 1948, стр. 121—122.

[6] Его же. О типах глазурованной керамики Азербайджана VII—XIV вв. ИАН АзССР, № 7, 1946, стр. 37.

щие, что сосуды сделаны Фадлуном в Байлакане. Эти эпиграфические данные наряду с археологическими исследованиями и анализом сведений восточных авторов, проделанным А. А. Иессеном[7] и Е. А. Пахомовым впервые дают достоверные основания считать городище Орен-Кала средневековым городом Байлаканом.

Городище Орен-Кала, расположенное в Мильской степи и в 15 *км* к северо-западу от г. Ждановская, Ждановского района Азербайджанской ССР, сравнительно хорошо сохранилось[8]. Тщательное археологическое обследование городища показало, что город, почти квадратный в плане, состоял из двух неравных частей. Меньшая из них, тоже почти квадратная, с северо-востока и юго-востока ограничена частями наружных стен, а с северо-запада и юго-запада отделена от остальной площади городища внутренними стенами и рвом. Эта меньшая часть — цитадель («хасар» или «кала») — в процессе раскопок была условно названа малым городом, а вся территория городища — большим городом (рис. 1).

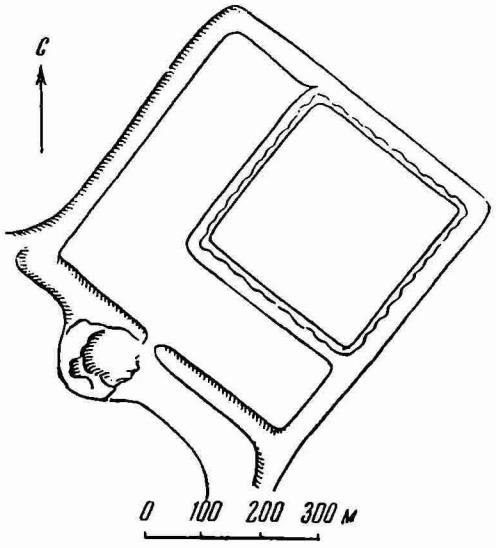


Рис. 1. Схематический план городища Орен-Кала

Вероятно, уже в IX в. малый город был отделен от большого стеной и рвом, разрушившим часть северо-восточной стены большого города и большой башни. Очевидно, тогда же взамен большой башни для укрепления северо-восточной стены города была возведена новая, малая башня.

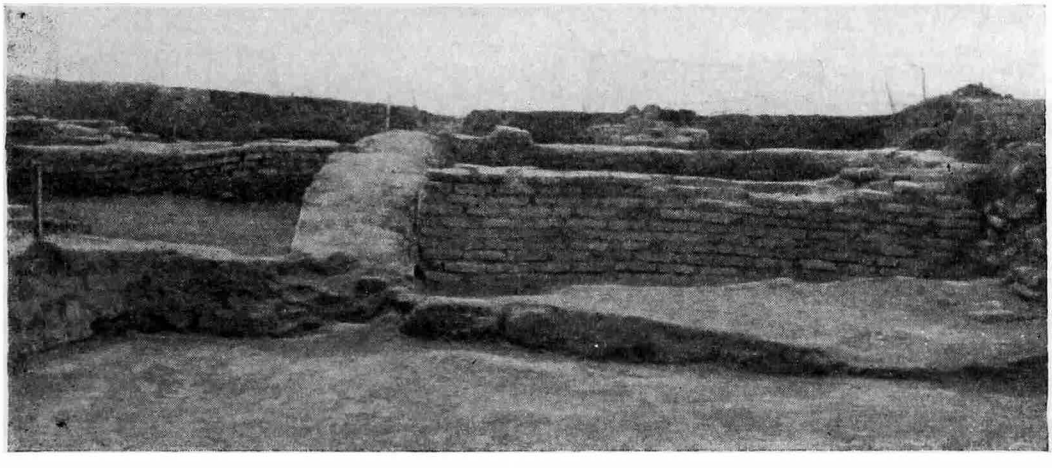


Рис. 2. Жилища XII—XIII вв. на развалинах городской стены Байлакана

В XII—XIII вв. на разрушенной к этому времени северо-восточной стене большого города были сооружены жилища (рис. 2).

---

[7] А. А. Иессен. Общий отчет о работах Азербайджанской (Орен-Калинской) экспедиции в 1953 г. Научный архив Ин-та истории АН АзССР, № 3140, стр. 37, 38.

[8] Схематический план городища Орен-Кала был впервые снят и опубликован И. П. Щеблыкиным в статье «Средневековые азербайджанские города Орен-кала и Кабала» (Сборник Низами, IV, Баку, 1947). План Орен-Кала дан в работе И. М. Джафарзаде «Археологические раскопки городища Орен-кала в 1951 г.» (Тр. Ин-та истории и философии, IV, 1954). Топографическая съемка городища была выполнена в 1953 г. экспедицией, проводимой совместно ИИМК АН СССР и Ин-том истории АН АзССР под руков. А. А. Иессена, и хранится в научном архиве Ин-та истории АН АзССР.

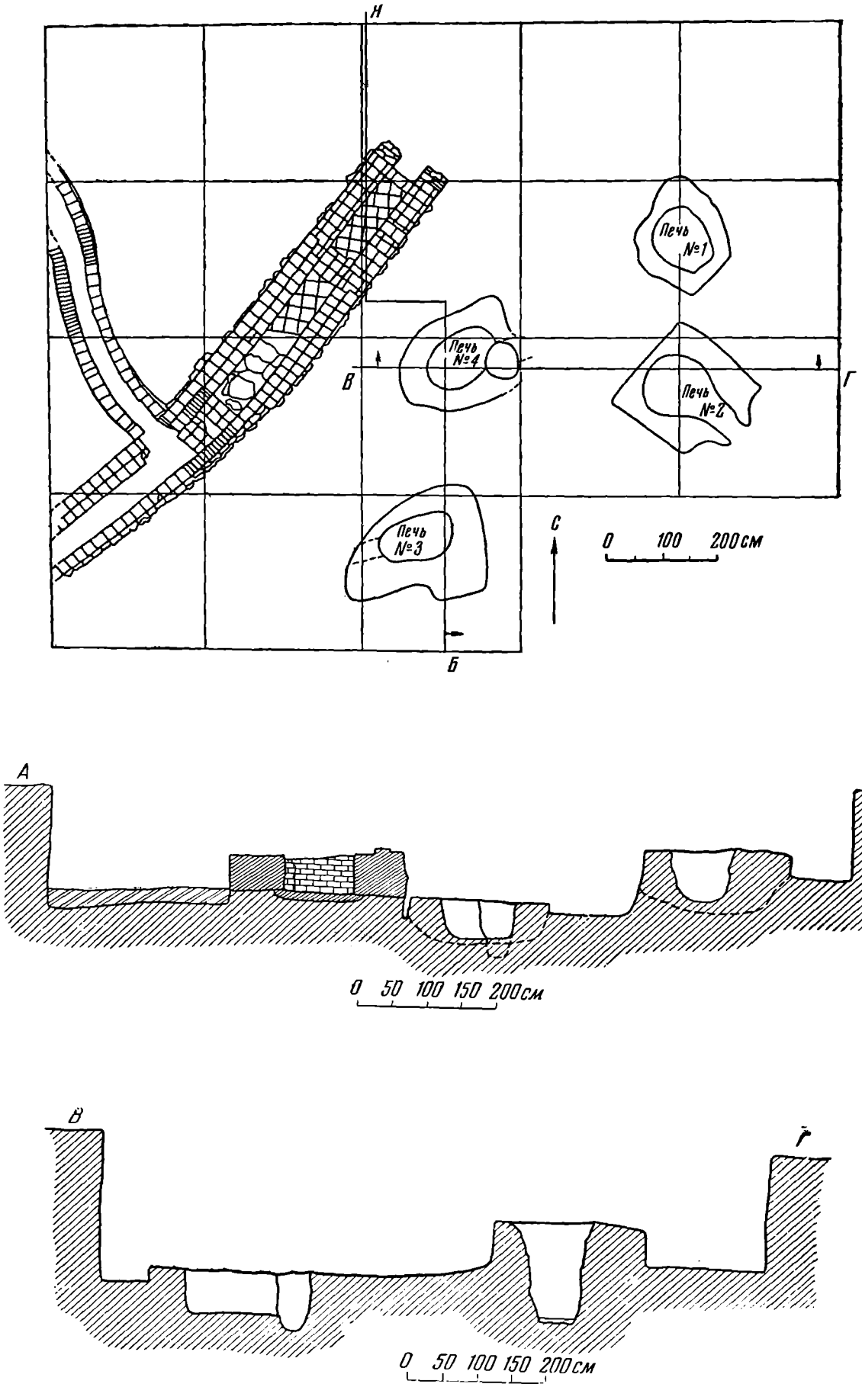


Рис. 3. План и разрезы раскопа IV на городище Орен-Кала (район гончарных печей)

Малый город занимал более высокую часть городища и являлся, очевидно, местом обитания феодальной городской знати, почему и был отделен внутренними стенами и рвом от остальной части города. Описывая поход арабов в Азербайджан при халифе ар-Рашиде (786—809 гг.) для усмирения восставших жителей, в частности, байлаканцев, Якуби указывал, что посланный халифом во главе двенадцатитысячного войска Яхья ал-Хараши захватил Байлакан, даровал его жителям аман и разрушил его укрепленный замок [9]. Вероятно, укрепленный замок Байлакана в VIII—начале IX в. и находился в этой части города, условно нами называемой «малым городом».

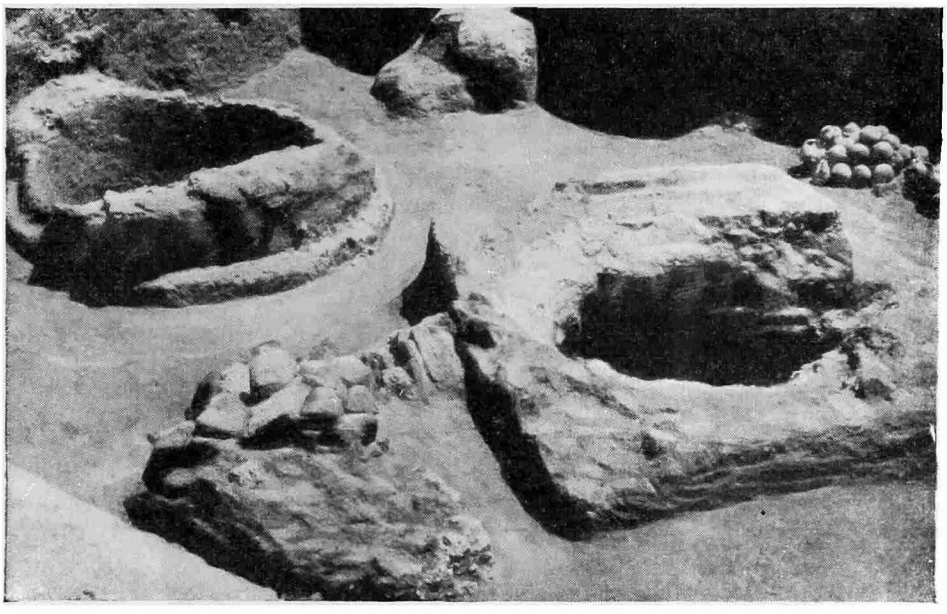


Рис. 4. Гончарные печи №№ 1 и 2. Вид с юго-запада

С юго-запада и юго-востока около городских стен и за их пределами сохранились всхолмления и западины, обозначающие места разрушенных ремесленных мастерских. Об этом свидетельствуют скопления золы, обломки производственного керамического брака и шлака. Известно, что такие ремесла, как гончарное, кожевенное, медно-литейное, кузнечное, обычно размещались за пределами городских стен, подальше от жилищ (рис. 3).

Работами 1955—1956 гг. на юго-западной окраине города выявлены две гончарные печи (№№ 1 и 2), служившие для изготовления бытовой посуды и сфероконических сосудов (рис. 4). Печи были сложены из сырцового кирпича размером 32 × 32 × 8 *см* (такого же размера, как и кирпичи в кладке городской стены в том месте, где она ремонтировалась не раньше IX в.) [10]. Обе печи двухъярусные, внутри подковообразной формы; печь № 2 была дополнительно заключена в четырехугольную кладку из сырцовых кирпичей, а печь № 1 и снаружи была подковообразная. Обе печи по своему устройству похожи на печи в старом Тбилиси; последние сооружены позже и датируются XII—XIII вв. [11]. Около печей обнаружены большие отвалы керамического производственного брака, шлака и боя. Находка именно здесь обломков бракованных сфероконических сосудов с именами мастеров бесспорно свидетельствует о местном производ-

[9] Ал-Якуби, стр. 11.

[10] Н. В. Минкевич-Мустафаева. Отчет о раскопках на городской стене Орен-кала. Рукопись хранится в научном архиве Ин-та истории АН АзССР, № 3141.

[11] Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Тбилиси 1948 г. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I, Тбилиси, 1955, стр. 165, 166, рис. 10, 12, 13, табл. II, *4*.

стве сфероконусов. Обнаружено четыре обломка и один целый сфероконический сосуд с надписью «сделано Фадлуном в Байлакане» (рис. 5, *а*), четыре обломка также с именем Фадлуна (неполные надписи) (рис. 5, *б*), три обломка с именем Ахмеда, сына Фадлуна (рис. 5, *в*). Все эти обломки найдены около гончарных печей.

Рис. 5. Клейма на бракованных сфероконических сосудах
а — № 4-56; *б* — № 4-55; *в* — № 40-55

По форме извлеченных из печей круглых сфероконических сосудов (рис. 6), по простой глазурованной керамике с ангобной росписью (рис. 7) и медным аббасидским монетам VIII—IX вв. [12], найденным в отвалах керамического брака, печи датируются VIII—IX вв. [13]. В отвале оказались преимущественно обломки узкогорлых кувшинов с ленточными ручками и чаши со слегка загнутыми внутрь краями. Такая же простая и глазурованная керамика была найдена в малом городе, в слоях, датируемых А. Л. Якобсоном IX—X вв. [14] По палеографическим особенностям печатей на орен-калинских сфероконических сосудах Л. Т. Гюзальян относит последние также к IX в. Подобные сфероконические сосуды были об-

[12] Определение монет из раскопок 1955—1956 гг. сделаны проф. Е. А. Пахомовым.
[13] Н. В. Минкевич-Мустафаева. Гончарные печи на средневековом городище Орен-кала. Тр. Музея истории Азербайджана, т. II, Баку, 1957, стр. 145.
[14] А. Л. Якобсон. Отчет о раскопках 1953—1954 гг. на городище Орен-кала. Рукопись. Научный архив Ин-та истории АН АзССР, № 3142.

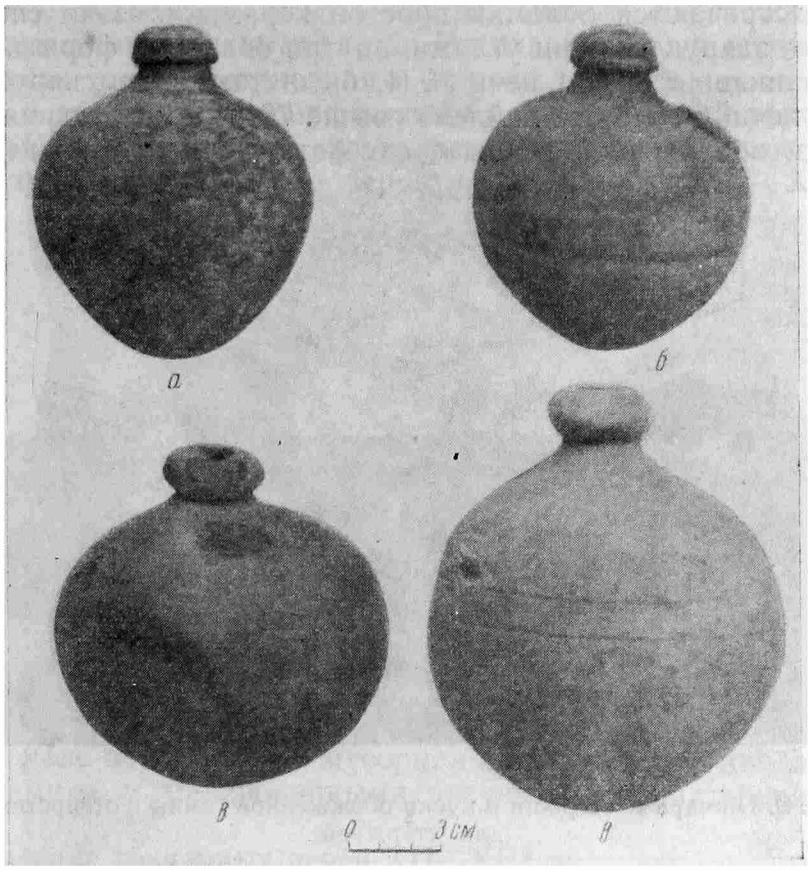


Рис. 6. Бракованные сфероконические сосуды
а — из печи № 1; *б* — из печи № 2; *в* —около печи № 2

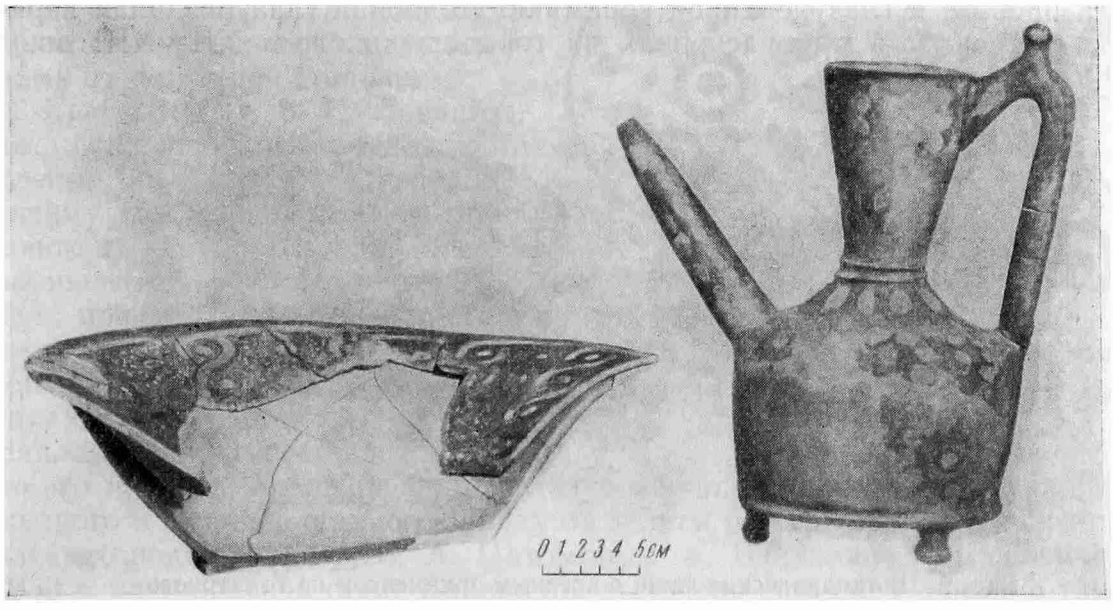


Рис. 7. Предметы умывального набора — кувшин и чаша (с росписью ангобом по краснокрашенному фону)

наружены в Двине; по форме, черепку и месту находки они датировались Б. А. Шелковниковым IX в. [15].

Неподалеку от печей VIII—IX вв. были открыты гончарные печи (№№ 3 и 4), сооруженные не из сырцовых кирпичей, а из глинобита,

[15] Б. А. Шелковников. Керамика и стекло из раскопок города Двина. Тр. Гос. истор. музея Армении, т. IV, Ереван, 1952, стр. 33—34.

в котором встречаются обломки простой керамики. Печи снаружи продолговатые с закругленными углами, внутри овальной формы. Печь № 3, лучше сохранившаяся, чем печь № 4, была также двухъярусной, как и первые две печи. Около нее найдено свыше 70 обломков глиняных стержней [16], куски обожженной глины с отверстиями для стержней (рис. 8),

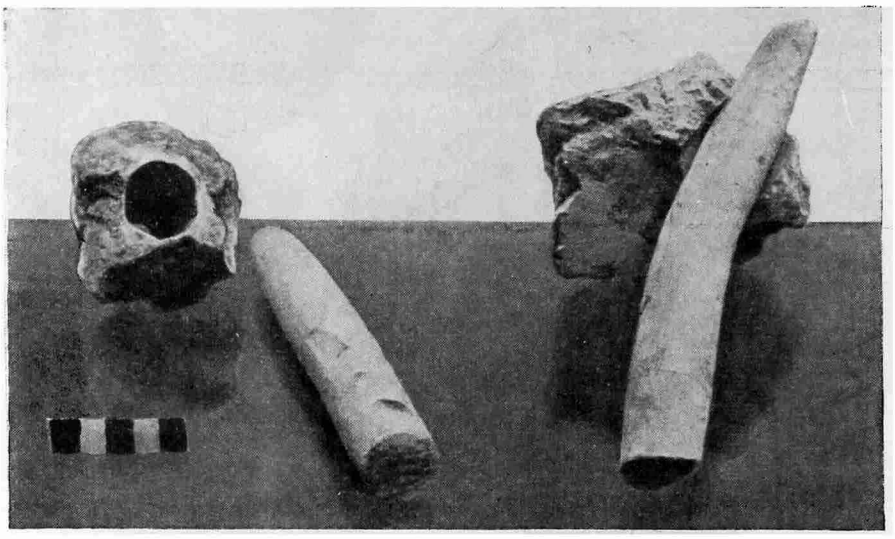


Рис. 8. Гончарные стержни и куски обожженной глины с отверстиями для стержней

обломки простой керамики, низкие бракованные чашки цилиндрической формы с врезным орнаментом и следами глазури (рис. 9), обломки бракованных, еще не покрытых глазурью чаш и чаш, расписанных тонкими марганцевыми линиями по ангобу. Очевидно, печь № 3 служила для обжига простой и глазурованной керамики. Подобная глазурованная керамика встречалась при раскопках на городище в слоях XII—XIII вв. [17]

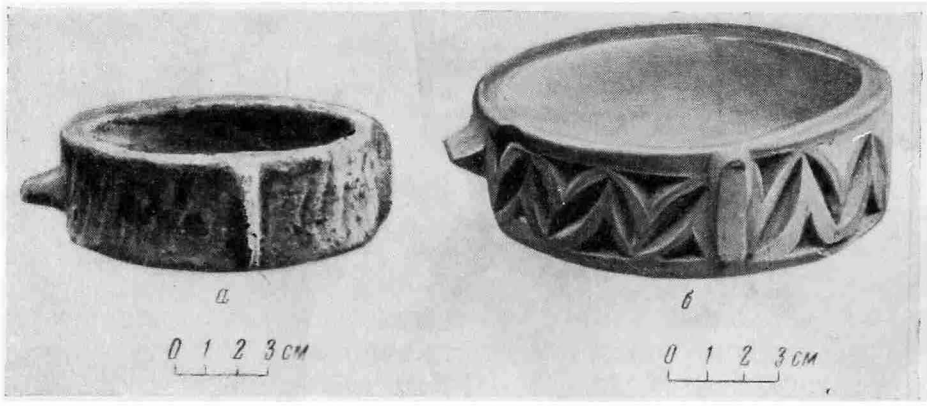


Рис. 9. Цилиндрические чаши с врезным орнаментом из гончарного брака около печи № 3 (*а*, *б*)

В верхнем слое над печью № 3 найдена медная монета, чеканенная от имени хулагуида Мусы (1336); в засыпи печи № 3 — медная монета, чеканенная эльдегизидом Абубекром (1191—1210 гг.) или Узбеком (1210—1225 гг.), а глубже, около этой же печи, в слое керамического брака

[16] Стержни, как это показали раскопки тбилисских печей, закладывались подряд на одном уровне в стены обжигательной камеры печи; на выступавшие концы стержней навешивались сосуды для обжига.

[17] А. Л. Якобсон. Ук. соч.; Н. В. Минкевич-Мустафаева. Отчет о раскопках на городской стене Орен-кала.

и боя,— аббасидские фельсы VIII—IX вв., монеты, чеканенные в Арране от имени наместника Мухаммеда ибн-Иезида (802 г.) и от имени наследника ал-Махди, также чеканенная в Арране (770 г.).

Печь № 3 датируется по бракованной, глазурованной керамике и монете XII—XIII вв. Печь № 4, сильно разрушенная, но такого же устройства, как и предыдущая, также, вероятно, относится к XII—XIII вв. В ее

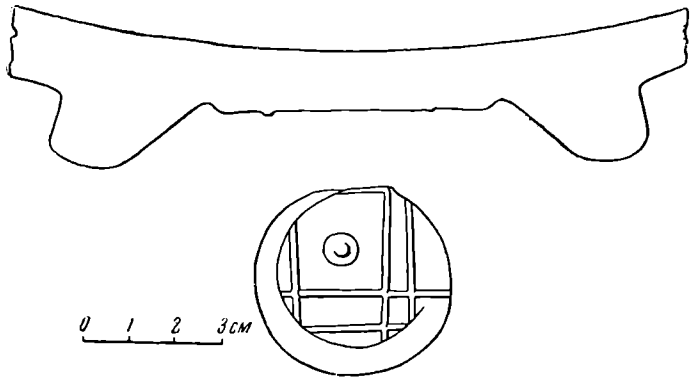


Рис. 10. Днище и клеймо глазурованной чаши из раскопок Орен-Кала 1933 г.

топочном канале образовалась мусорная яма, в которой найдена глазурованная керамика с гравированными рисунками, характерная для XII—XIII вв.

Расположение гончарных печей XII—XIII вв. в непосредственной близости от печей VIII—IX вв. свидетельствует об устойчивости и продолжительности гончарного ремесла на юго-западной окраине Байлакана. Раскопками на самом городище в слоях XII—XIII вв. найдено много днищ глазурованных чаш с клеймами на наружной стороне.

Еще в 1947 г. В. Н. Левиатов, на основании тождественности клейма на чаше из Байлакана [18] клейму п. о. № 121/1946) из раскопок на территории дворца ширваншахов в Баку (рис. 10), высказал предположение о возможности привоза в Баку глазурованной посуды из Орен-Кала — Байлакана [19]. Экспорт этой посуды из Байлакана подтверждался также, по его мнению, находкой днища глазурованной чаши с клеймом, обнаруженного в Нефтечала, к юго-западу от дельты р. Куры. Клеймо идентично клейму, подобранному Е. А. Пахомовым в Байлакане [20]. Раскопками 1953 г. на городской стене Байлакана выявлено еще одно днище с таким же клеймом (№ 4193/53) (рис. 11, в) [21]. Наличие в Байлакане гончарных печей XII—XIII вв. для обжига глазурованной посуды и тождество некоторых клейм на днищах байлаканских чаш (из раскопок 1953—1954 гг.,

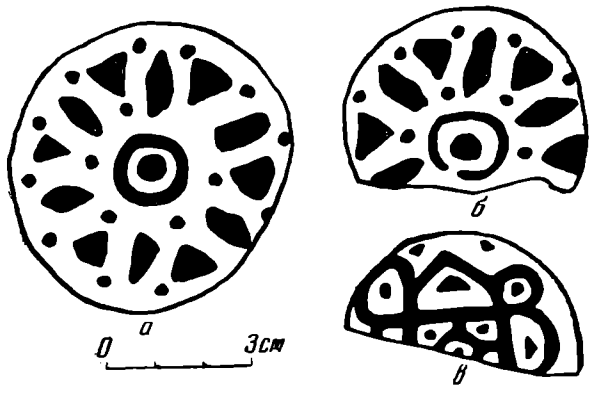


Рис. 11. Клейма на глазурованных чашах
а — из Байлакана (4886); *б* — из Старой Ганджи; *в* — из Байлакана (4193).

---

[18] Из раскопок 1933 г. (рук. И. И. Мещанинов).

[19] Б. Н. Левиатов. Керамика эпохи Низами. Сб. Низами, IV, Баку, 1947, стр. 236—240, рис. 1, 2.

[20] Там же, стр. 240, рис. 3.

[21] Н. В. Минкевич-Мустафаева. Отчет о раскопках на городской стене Орен-кала, № 3141, стр. 37.

№№ 4193, 4688 и др.) [22] клеймам из Старой Ганджи [23], Баку [24] и Нефтечала [25] (рис. 11,*а, б*) подтверждают ранее высказанное нами предположение о том, что глазурованная посуда, изготовленная в Байлакане, предназначалась не только для местного рынка, но и для вывоза в другие города средневекового Азербайджана [26].

Байлакан, как и другие средневековые города, расположенные на торговых магистралях, делился на кварталы. Ремесленники селились в отдельных кварталах, называвшихся «махалле». Если же в «махалле» размещались разные ремесленные мастерские, то квартал делился на несколько частей («джерге») и в каждой из них располагались мастерские, объединенные по производственному признаку. Ремесленное производство Байлакана в XII—XIII вв., по-видимому, росло вместе с ростом города. В этом отношении показательно появление жилищ на крепостных стенах большого города, открытых раскопками на северо-восточном участке его оборонительной линии. Стены эти в то время, видимо, полностью утратили свое оборонное значение, пришли в упадок и разрушались, в то время как крепостные стены цитадели (малого города) продолжали функционировать и поддерживаться. Жилища на крепостной стене, несомненно, принадлежали городской бедноте. Небольшие комнаты с узкими террасами перед ними, остатки маленьких двориков с площадками, занятыми тендирами, достаточно ясно указывают на социальное положение их обитателей. Находки в этих жилищах орудий труда — железных секачей, лопат — позволяют предполагать, что обитатели одного из помещений (VI) занимались садоводством. Напомним, что о богатых плодородных садах Байлакана писали арабские авторы Ибн-Истахри (X в.) [27] и Ибн-Хаукаль (вторая половина X в.) [28]. С другой стороны, находки глиняных литейных форм для ручек котлов, кусков медного шлака около жилищ на стене свидетельствуют о меднолитейном производстве. Видимо, среди обитателей жилищ на стене имелся и ювелир, так как здесь обнаружены бронзовая льячка, камень для пробы кислот, медные и бронзовые украшения (серьги, кольца, браслеты, пряжки). Такие недорогие украшения из меди и бронзы найдены и в жилищах малого города.

В Байлакане, несомненно, было развито и кузнечное дело. В жилищах города неоднократно встречались железные изделия — сошник, лопата, секачи, ножи, подковы, гвозди и т. д.,— которые вряд ли были привозными. Кстати отметим, что лопата и секачи, найденные в одном из жилищ на стене (помещение VI), имеют такую же форму, как и лопаты и секачи, изготовлявшиеся кустарным способом и употреблявшиеся в Азербайджане еще в начале XX в. Раскопки одного из холмов на юго-западной окраине Байлакана, неподалеку от гончарных печей, обнаружили остатки кузнечного производства в виде железных криц и скопления золы в комплексе с хорошо известной глазурованной керамикой XII—XIII вв. Последняя представлена в основном чашами, украшенными гравированными рисунками птиц среди растительных побегов (типа «зенджан»). Очевидно, в XII—XIII веках в «махалле» Байлакана поблизости от гончаров работали кузнецы.

Для гончарного, кузнечного и медно-литейного ремесленных производств была необходима в большом количестве проточная вода. Рас-

---

[22] Там же, стр. 36, 37.

[23] В. Н. Левиатов. Керамика Старой Ганджи. Баку, 1940, стр. 39, рис. 42.

[24] Его же. Керамика эпохи Низами. Сборник Низами, IV, стр. 237, рис. 1.

[25] Там же, стр. 241, рис. 3.

[26] Н. В. Минкевич-Мустафаева. К изучению керамики из Орен-кала. Тр. Ин-та истории и философии АН АзССР, т. III, Баку, 1953, стр. 115.

[27] Ибн-Истахри. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXIX, Тифлис, 1901, стр. 17, 18.

[28] Ибн-Хаукаль. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 85. 92.

копками 1955—1956 гг. на юго-западной окраине города в непосредственной близости к гончарным печам VIII—IX веков, в слое керамического брака и боя, была вскрыта часть сооружения, сложенного из обожженного кирпича и напоминающего водный канал или бассейн (рис. 12). Он разделен на части тремя перемычками, позволявшими регулировать приток и уровень воды в канале. Возможно, что части канала, отделенные перемычками, служили ваннами для отмучивания глины, так как в этих местах ложе канала вымощено камнями и обожженными кирпичами. Над большой перемычкой сохранились следы сводчатого перекрытия канала. Толщина его стенок 46 *см*, они возведены на обломках крупных глиняных сосудов. Выявленная часть канала, протяженностью до 10,5 *м*, шириною 0,60 *м* и глубиною 1,03 *м*, шла с юго-запада на северо-восток и являлась, очевидно, частью основного канала, проведенного на юго-западную окраину для нужд ремесленных мастерских. От него, выше первой большой перемычки, отходил более узкий отвод, шириною 0,50 *м*, также со следами сводчатого перекрытия. Он выявлен на протяжении 5 *м* в северо-западном направлении и продолжается дальше.

Рис. 12. Вид на канал (ориентация вост.-сев.-вост.) около гончарных печей

Находки внутри канала, а также местоположение самого канала в слое керамического мусора VIII—IX вв. дают основание отнести время его сооружения к IX веку. В верхних слоях земли, засыпавшей канал, встречалась керамика XII—XIII вв., в нижних слоях засыпи найдена медная монета, чеканенная в Арране в 800 г., и глазурованная керамика с росписью ангобом по черепку, характерная для слоев IX в. на городище[29]. Дальнейшие раскопки позволят уточнить дату канала и проследить его головную часть. Возможно, что канал брал начало от Гяур-арха, часть русла которого прослежена к юго-западу от Байлакана.

Несомненно, что проведение водного канала и его отвода на юго-западную окраину связано с гончарным производством и до некоторой степени дает представление о размерах и характере гончарного ремесла в Байлакане в IX в. Не исключено, что водой канала в то время пользовались не только гончары, но и кузнецы, мастерские которых, возможно, располагались также неподалеку, как это имело место в XII—XIII вв.

Находки в верхних слоях городища медных монет, чеканенных хулагуидами в XIV в., относительно частые находки таких монет на юго-западной окраине показывают, что даже после разрушения Байлакана монголами в 1221 г.[30] на юго-западной окраине города некоторое время продолжалась жизнь. Вероятно, ремесленный квартал продолжал функционировать до тех пор, пока город окончательно не потерял своего торгового и ремесленного значения вследствие разрушения монголами оросительной системы Гяур-арха в окружающей Байлакан степи.

---

[29] А. Л. Якобсон. Ук. соч.

[30] Ибн-ал-Асир. Тарих-ал-Камил, XII, 158. Пер. под ред. А. А. Климова, Баку, 1940, стр. 140.

Изучение ремесленного квартала Байлакана уже сейчас дает возможность установить непрерывность гончарного ремесла с VIII по XIII в. и выявить остатки кузнечного производства в XII—XIII вв. Наличие системы водоснабжения в ремесленном квартале, созданной в IX в. для нужд гончарных и других мастерских, указывает на то, что здесь производство носило не временный, а постоянный характер, рассчитанный на сбыт продукции не только в городе, но и за его пределами. О стабильности гончарного ремесла говорят надписи с именами мастеров на глиняной посуде, причем мастерство, как показывают эти надписи, передавалось от одного поколения к другому. Помимо имен мастеров Фадлуна и его сына Ахмеда, известно также около десятка имен мастеров по надписям на глазурованных чашах также местного производства. Эти данные значительно расширяют имеющиеся сведения о зодчих, строителях, мастерах архитектурного декора и художественного ремесла средневекового Азербайджана [31]. Следы кузнечного, медно-литейного и ювелирного ремесел настойчиво требуют дальнейших работ по изучению окраин города Байлакана и жилой его части за пределами цитадели. Именно в этих районах города, условно названного нами «большим», очевидно, селились ремесленники, составлявшие трудовое население феодального города Байлакана.

[31] Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана. Искусство Азербайджана, т. V, Баку, 1956.

С. В. КИСЕЛЕВ

ДРЕВНИЕ ГОРОДА ЗАБАЙКАЛЬЯ

Археологические исследования в МНР, осуществленные в послевоенные годы монгольскими и советскими учеными, показали, что прежнее представление об этой части Центральной Азии как о районе многотысячелетнего безраздельного господства кочевничества нуждается в серьезных поправках. Выявленные 240 пунктов долговременных земледельческих поселений, крепостей, замков и городов показывают, что оседлость наличествовала там издавна и что, несмотря на все своеобразие местных условий при преимущественном распространении кочевого скотоводческого хозяйства, все же закономерности общественного процесса, характерные для развития феодализма, проявились и в Центральной Азии. Возникновение средневековых городов является особенно наглядным тому доказательством [1].

В этой связи представилось необходимым изучить те северные окраины центральноазиатской ойкумены, которые находятся в пределах СССР. С этой целью еще в 1947 г. были произведены первые обследования в Тувинской автономной области, давшие первые сведения о наличии в бассейне Верхнего Енисея средневековых укрепленных поселений [2]. В настоящее время благодаря систематическим работам Л. Р. Кызласова изучен в верховьях Элегеста обширный город киданьской эпохи и открыт к северу от Танну-Олы ряд городов и крепостей уйгурского и киданьского времени. Наличие укрепленных городищ — центров ремесла, торговли и землепашества,— относящихся еще к гуннскому времени, блестяще подтвердили многолетние исследования Г. П. Сосновского, А. П. Окладникова и А. В. Давыдовой на Нижне-Иволгинском городище в Бурятской АССР [3]. Оставался неясным обширный район южной части Читинской области, откуда имелись лишь весьма ограниченные сведения [4]. Поэтому в ИИМК АН СССР было решено направить туда в 1957 г. отряды Монгольской археологической экспедиции с целью выяснения вопроса о

---

[1] С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2, стр. 91—101; Х. Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии. СА, 1957, № 3, стр. 43—53.

[2] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 120—127.

[3] Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. ПИДО, 1939, № 7—8, А. П. Окладников. Работы Бурято-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 40—47; История Бурято-Монгольской АССР, т. I, изд. 2. Улан-Уде, 1954, стр. 30—36; А. В. Давыдова и В. П. Шилов. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г. Зап. БМНИИК, вып. XIII—XIV. Улан-Удэ, 1952; А. В. Давыдова. Иволгинское городище. СА, XXV, 1956, стр. 261—370.

[4] М. А. Зензинов. Буряты. Русский вестник, 1842, апрель; Г. Спасский. О достопримечательнейших памятниках Сибирской древности. Зап. РГО, 1857, кн. XII; А. Павлуцкий. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющихся близ Кличкинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах Нерчинского Горного округа. Зап. Сибирск. Отд. РГО, 1867, кн. IX и X, отд. II; Нестеров. Могила Кара-Баяна. Изв. Сибирск. отд. РГО, т. XVI, № 1—3, 1885; А. К. Кузнецов. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Зап. Забайкальск. отд. РГО, вып. XVI. Владивосток, 1925; А. П. Окладников. Ук. соч. стр. 46—47, рис. 21.

наличии мест оседлости и городских поселений. В этих работах приняли также участие Читинский музей и Читинский педагогический институт. Обследования, проведенные отрядами экспедиции, показали, что и на этой окраине Центральной Азии обнаруживаются те же явления, которые имели место и в более южных и западных ее районах.

Если охарактеризовывать открытые памятники в их хронологической последовательности, то прежде всего нужно остановиться на городе, расположенном на правом берегу ручья Коктуй, около дороги, идущей от рудника Абагайтуй к ст. Отпор и Мациевской (развилка дороги к этим

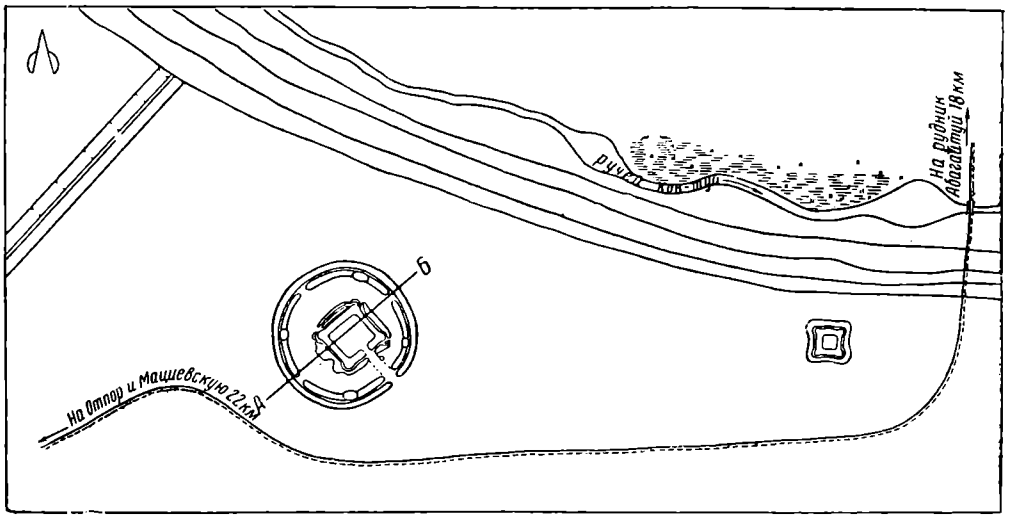


Рис. 1. План Коктуйского городища XII в.

станциям находится от городища километрах в двух к юго-западу). Город находится в 175 *м* к юго-востоку от проходящего здесь с юго-запада на северо-восток так называемого «Вала Чингис-хана» (рис. 1). Коктуйский город обнесен по кругу рвом и стеной, превратившейся теперь в широко расплывшийся вал. Ширина рва — 9 *м*, глубина — 1 *м*. Ширина вала — 8 *м* и высота — 1,5 *м*. В четырех местах вал несколько расширяется и повышается. Очевидно, здесь были четыре башни внешней обороны города. С восточной стороны во внешней круглой стене города имеется перерыв в валу; очевидно, это следы ворот, но без каких-либо признаков надвратных укреплений. В этом месте наблюдается перерыв и у рва, отвечающий проему ворот. Вал имеет еще три других проема на юго-западе и северо-западе. Однако ров там не прерывается. Очевидно, в этих местах были калитки, служившие для выхода обороняющихся на уступ, идущий вдоль внешней стороны вала надо рвом. Диаметр площади круглого городища внутри вала — 93—95 *м*. Всю центральную часть городища занимает окруженная рвом квадратная цитадель, от стен которой сохранился вал высотой до 2 *м*, шириной до 10 *м*. По углам вала цитадели, ориентированным по странам света, заметны выступы башен. Посередине юго-восточной стены имеется проем ворот шириной 9 *м;* ему соответствует перерыв рва. От этих ворот цитадели и до ворот во внешней круглой стене города идет возвышение; по-видимому, это остаток полотна дороги. С северо-восточной стороны этой дороги, в 10 *м* от ворот цитадели, имеется подквадратный холмик, возможно, от какого-то здания вроде караульного. Ни на территории внешнего города, ни на площади цитадели никаких следов других зданий не заметно. Однако находки мелких обломков серой черепицы и кирпича говорят о том, что какие-то постройки на Коктуйском городище были. Возможно, это были крытые черепицей деревянные каркасно-щитковые домики, до сих пор встречающиеся в монгольских городах и служащие летними жилищами горожан.

Ограниченное время не позволило произвести шурфовки Коктуйского городища. Однако собранный на его площади подъемный материал оказался весьма выразительным. Здесь были найдены главным образом обломки серой глиняной посуды со штампованным орнаментом в виде мелких четырехугольных штриховых углублений, нанесенных роликовым штампом (рис. 2). Керамика эта полностью совпадает с керамикой, найденной на городищах XI—XII вв. в Монголии, таких, как Зуун-хэрэм, Чин-Тологой и Ходасан [5]. Все эти городища представляют собой остатки

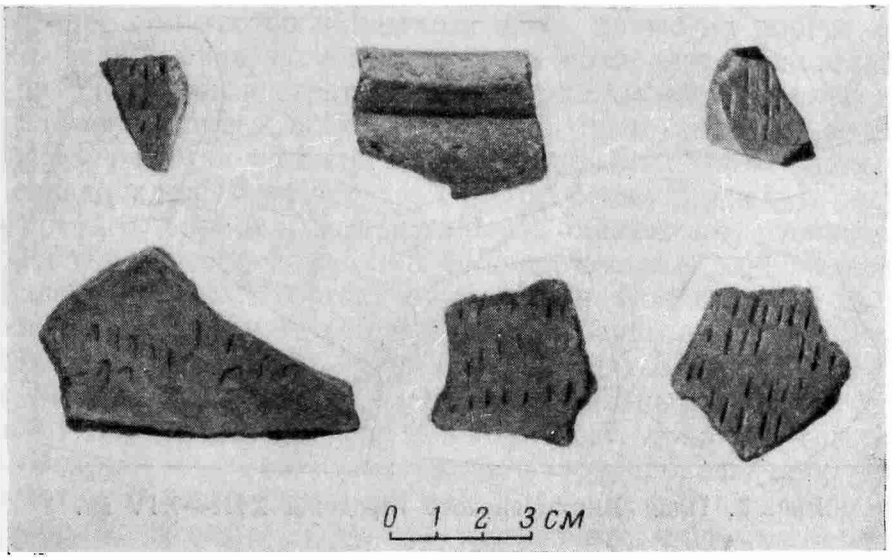


Рис. 2. Керамика Коктуйского городища

городов, возникших в Монголии после вытеснения кыргызов силами киданей, поддержанных местным населением и, прежде всего, уйгурами — жителями старых, разрушенных кыргызами городов IX в. Таким образом, город у ручья Коктуй оказывается весьма важным памятником. Он свидетельствует о том, что возрождение городской жизни, которое произошло в северной части Центральной Азии в XI—XII вв., одинаково характерно и для Халхи, и для Северо-Восточной Даурии и для Тувы, где, как уже говорилось выше, Л. Р. Кызласов обнаружил развалины крупного города XII в. Эпоха, предшествовавшая сложению древнемонгольского государства Чингисхана, была для этой части Центральной Азии временем особенно большого градостроительства, развития городов — центров ремесла и торговли. Это необходимо учитывать при исследовании сложных процессов развития феодальных отношений, приведших к образованию государства Чингизидов.

Значительность роли города в истории древнемонгольского государства была показана исследованиями Монгольской историко-этнографической экспедиции АН СССР и КН МНР развалин столицы империи Каракорума, а также недавними раскопками монгольских археологов в крепости Тогон-Тимура, Барс-Хот и в ряде других мест [6].

Теперь можно сказать, что даже на окраине монгольского мира, какой была в свое время южная часть Читинской области, также возникали в XIII—XIV вв. города и замки. Очевидно, здесь была историческая преемственность и внутренняя закономерность.

В этой связи прежде всего нужно остановиться на развалинах большого города, расположенных на левом берегу р. Урулюнгуй, у впадения

---

[5] С. В. Киселев. Ук. соч., рис. 2 и 3; Х. Пэрлээ. Ук. соч., рис. 5.
[6] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 97—101; Х. Пэрлээ. Ук. соч., стр. 49—50.

в нее р. Хир-Хира (в настоящее время до Урулюнгуя не доходит, иссякая в 2 *км* к северу).

Развалины Хирхиринского городища (рис. 3) занимают пространство с востока на запад — 1500 *м* и с севера на юг — до 300 *м*. Таким образом, их площадь достигает 450000 *м*^{2}. Этот город состоял из ряда укрепленных замков, располагавшихся к западу и востоку от цитадели. Возле каждого замка группировались постройки рядового населения. К северу от цитадели дома горожан особенно многочисленны. Замечательно, что Хирхирин-

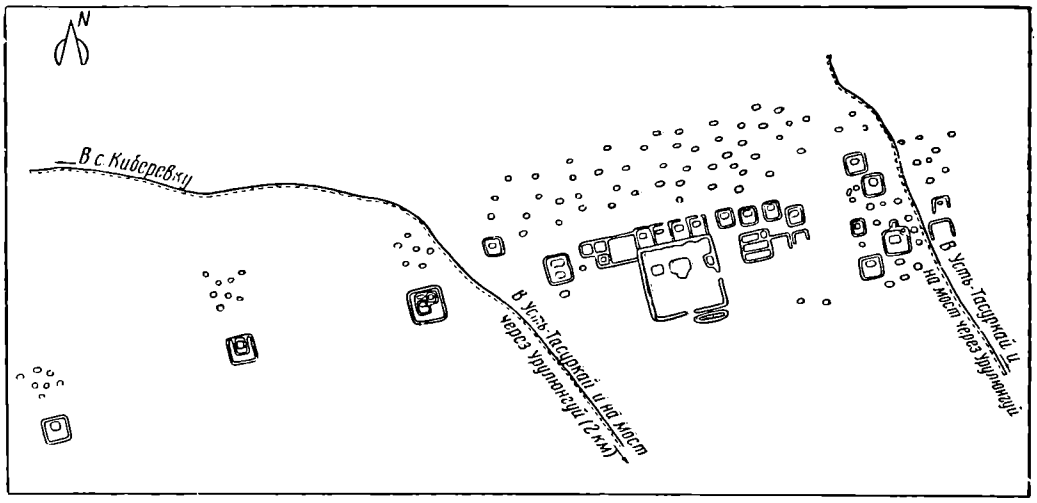


Рис. 3. План Хирхиринского городища XIII—XIV вв.

ский город не был обнесен какой-либо общей стеной. Очевидно, он строился в ту эпоху могущества древнемонгольского государства, когда внешние укрепления городов были не нужны, когда и столица монголов Каракорум была окружена лишь легкой стеной, вероятнее всего таможенного, а не военного значения.

Цитадель Хирхиринского города (расположенная между двумя дорогами, идущими из с. Усть-Тасуркай в с. Киберевку и на поля в низовьях р. Хир-Хиры) представляет собой почти правильный квадрат, ориентированный сторонами на северо-северо-запад, восток-северо-восток, юго-юго-восток и запад-юго-запад. Укрепления цитадели, по-видимому, состояли из глинобитных стен, в настоящее время сохранившихся в виде вала высотой до 2 *м* и шириной до 15 *м*. Стороны вала равны 100—110 *м*. Посередине восточной и южной сторон вала ясно видны проемы ворот шириной до 20 *м*. Никаких внешних признаков надвратных сооружений здесь не заметно. Ров, возможно, некогда окружал цитадель, однако ясно видная его впадина сохранилась лишь у восточной половины южной стены. Может быть, ров был засыпан, когда с северной стороны к цитадели были пристроены какие-то дворы, окруженные невысокими дувалами с небольшой постройкой в каждом. Тогда же к северо-западному углу примкнул сложный комплекс двориков (а может быть, и садов). Лишь в одном из них соорудили при этом небольшой домик [7]. В какой-то связи с сооружением северных дворов стоят и изменения в конфигурации внутренней стороны северной стены цитадели. Изнутри к ней были пристроены пять каких-то выступов, три из которых точно совпадают с тремя двориками. Для более ясного определения здесь, конечно, нужны раскопки. Возле восточных ворот цитадели к северной части ее восточной стены изнутри пристроено какое-то квадратное помещение, может быть служившее ка-

[7] Эти участки можно считать садами благодаря их близости к садам, примыкающим с востока к крепости уйгурского Харабалгаса на р. Орхоне (см. С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 93).

раульней. Посередине цитадели, несколько ближе к ее северной стене, возвышается на 2 *м* подчетырехугольный холм с полого спускающимся к югу выступом (несомненно, остатком лестницы, некогда ведшей наверх). Там, на вершине платформы, стояло главное здание цитадели — дворец правителя города. Пока об этом здании можно сказать лишь, что оно было деревянным (каркасно-щитовым), крытым неглазурованной черепицей. Каких-либо остатков каменных или кирпичных стен на холме не видно. Между этим главным холмом и западной стеной виден еще один подквадратный холмик, на котором, очевидно, стояло небольшое здание. Вся остальная площадь цитадели не имеет следов постоянных построек. Однако значительное количество найденных здесь прямо на поверхности почвы черепков и обломков чугунных изделий позволяет предполагать, что на дворе цитадели могли стоять юрты дворцовых кухонь, слуг и воинов.

Метрах в пятидесяти к востоку от цитадели, к северу от ее ворот, заметна сложная решетка валиков от невысоких стен (по-видимому, также остатков оград садовых участков). Они особенно близки к регулярным садам уйгурского Харабалгаса. Остальные обнесенные стенами (теперь валами) участки явно представляют собой отдельные укрепленные усадьбы. Особенно много их к востоку от цитадели. Большинство из них подквадратные — 30×30 или 40×40 *м* с подчетырехугольным холмом от здания в северной половине. Только одна из них, находящаяся возле полевой дороги из Усть-Тасуркая, отличается более сложным планом. У нее есть квадратный выступ вала к северу и квадратная оградка в северо-восточном углу. Вокруг этих маленьких «замков» разбросаны небольшие холмики — остатки некогда стоявших здесь хижин. На площади «замков», хотя и в небольшом числе, постоянно встречаются обломки черепицы. На холмиках вне «замков» их крайне мало. Это заставляет думать, что кровлей последних служила кора, тонко наколотые дощечки, солома или камыш, смазанный глиной.

К западу от цитадели «замки» располагаются уже не кучно, как на востоке, а в одну линию и далеко друг от друга (расстояние между ними 170—400 *м*). Холмики от мелких домиков также не покрывают сплошной площади, а располагаются отдельными группами к северу от каждого «замка». Создается впечатление, что западная часть Хирхиринского городища — это район более новый, где еще не образовалось сплошной застройки. Зато «замки» здесь более крупные и в плане более сложные, чем на востоке. Два из них помимо внешних стен имеют внутренние стены, окружающие стоявшие внутри здания. Таких построек две-три. Высота стен, судя по размерам валов, здесь была значительно большей, чем в восточной части городища, и приближалась к стенам цитадели. Эти «замки» образовывали целую линию укреплений, как бы выдвинутую далеко на запад. Назначение западных укрепленных усадеб, конечно, можно будет разгадать лишь при помощи раскопок. Однако тот факт, что на них, так же как и на цитадели и на всей остальной площади Хирхиринского городища, в большом количестве присутствует подъемный материал (обломки посуды, чугунных котлов и других бытовых предметов), ясно показывает, что и здесь била ключом повседневная жизнь большого города.

Весь этот город принадлежит к одному времени. Об этом прямо говорит единство находок, собранных нашей экспедицией во время осмотра территории Хирхиринского городища. Помимо всюду одинаковой темной неполивной черепицы с отпечатками ткани на вогнутой стороне, везде находились обломки темно-серых глиняных горшков, расписных сосудов типа Цычжоу, голубых чаш Цзюнь-Яо и крупных сосудов, покрытых темно-коричневой поливой. Найдены также отдельные обломки селадоновых чаш. В одном месте, в северо-западном углу стены «замка», расположенного южнее остальных, около полевой дороги, оказались обломки почти целого крупного сосуда с темно-коричневой поливой (рис. 4). В ряде мест найдены обломки чугунных котлов и куски перламутровых раковин.

Все эти находки целиком совпадают с найденными при раскопках Каракорума Монгольской историко-этнографической экспедицией в 1948—1949 гг. Сходство большинства предметов столь велико, что их нельзя отличить от каракорумских. Особенностью Хирхиринского комплекса является лишь то, что в нем отсутствуют позднейшие находки, характеризующие в Каракоруме слои XV—XIX вв. и относящиеся к периоду упадка бывшей столицы Чингизидов и росту монастыря Эрдени-Цзу. Это позво-

Рис. 4. Керамика Хирхиринского городища

ляет утверждать, что Хирхиринский город существовал только в XIII—XIV вв. и не пережил, как и большинство древнемонгольских городов Халхи, эпохи Юаньской империи. Вероятнее всего, он был разрушен во времена упадка древнемонгольского государства. Однако самое его существование в XIII—XIV вв. на далекой северо-восточной окраине государства Чингизидов особенно ясно показывает неизбежность наличия городской жизни в условиях развивающегося феодального строя, даже при преобладании кочевого скотоводческого хозяйства. В Хирхиринском городище выражены особенности именно раннефеодального города, представляющего собой целый комплекс небольших замков мелких феодальных владельцев, часто, может быть, и враждебных друг другу, но все же группирующихся вокруг городской цитадели, городского рынка и ремесла.

Весьма важен вопрос — кому принадлежала Хирхиринская цитадель. А. К. Кузнецов, положивший немало сил на изучение древностей долины Урулюнтуя, в своей неоднократно упоминавшейся работе 1925 г. сделал одно очень важное замечание по поводу того, где стояла известная каменная плита с надписью 1225 г. в честь Исунке (племянника Чингисхана), перевезенная в 1832 г. из Нерчинского завода в Эрмитаж. «На основании моих расспросов на месте,— пишет А. К. Кузнецов,— теперь можно безошибочно утверждать, что плита вывезена управляющим рудником Чевкиным в 1830 г. из Киркиринского городка в Нерчинский завод»[8]. Таким образом, Хирхиринский город следует считать резиденцией одного из ближайших родственников Чингисхана, которому, очевидно, и была выделена в управление южная часть современной Читинской области, так как там, на Ононе, Чингисхан родился и провел свое раннее детство[9].

Третий объект работ Монгольской экспедиции 1957 г. вводит нас в жизнь древнемонгольской аристократии, знатнейшие представители которой уже бросали старые многорешетчатые юрты, по-новому устраивая свой быт.

«Кондуйский городок» неоднократно описан в историко-археологической литературе. Однако даже подробное описание этого памятника, произведенное А. К. Кузнецовым, посетившим в 1889 г. Кондуй, страдает многими неточностями, а его интерпретация развалин, и, прежде всего, главного здания, не более достоверна, чем предположения обследовавшего этот памятник в 1867 г. инженера А. Павлуцкого[10]. Впрочем, эти неудачи вполне объяснимы, если принять во внимание ограниченный объем раскопок обоих исследователей, явно несоизмеримый со сложной структурой грандиозного сооружения, скрытого на главном холме кондуйских развалин. Поэтому представляется целесообразным привести здесь описание всего комплекса кондуйских сооружений и дать их интерпретацию на основе обширных раскопок 1957—1958 гг.

Кондуйские развалины резко отличаются от хирхиринских (рис. 5). Если там перед исследователем предстает сложный комплекс строений, группирующихся около цитадели, то здесь основной архитектурный ансамбль составляет дворец, обширный двор перед которым ограничен с юга остатками входных ворот, а с запада и востока — парными павильонами. С севера площадь главной усадьбы отграничивают остатки трех павильонов, расположенных по линии запад — восток. Кроме того, к северо-западу и северо-востоку от дворца имеются остатки более мелких строений, а к востоку от дворца прослеживается некогда облицованный камнем бассейн. Вполне возможно, что в этот бассейн поступала вода из канала,

[8] А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 56; Надпись Исунке в переводе Доржи Банзарова: «Когда Чингисхан после нашествия на народ Сартагуль возвратился и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Сечугае, то Исунке получил в удел триста тридцать пять воинов Хондагорских» (Доржи Банзаров. Объяснение Монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингисхана. Собрание сочинений, М., 1955, стр. 199—200).

[9] В 1957 г. нам удалось разыскать урочище «Делюн-Болдок», в котором, согласно Рашид-Эддину и «Сокровенному сказанию», жена Есугайбогатура Хоэлунь родила Темучина. Урочище находится на правом берегу р. Онон, в 5 *км* выше с. Верхний Цасучей Ононского района Читинской области (ср. В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. Труды Вост. отд. Археологич. общества, ч. IV, СПб., 1859, стр. 140).

[10] А. Павлуцкий считал, что главное здание кондуйских развалин является кумирней, в которой на гранитных постаментах были расставлены гранитные же идолы (см. А. Павлуцкий. Ук. соч., стр. 490 и сл.). А. К. Кузнецов также признает его кумирней, каменные изваяния с изображением драконов считает идолами, а в массивных гранитных постаментах с цилиндрическими выступами видит «седалища для лам». Между тем, как показали наши раскопки, так называемые идолы являются украшениями балюстрад, а гранитные постаменты служили базами деревянных колонн, поддерживавших всю сложную композицию стен и тяжелой черепичной кровли. Эти исследователи не задавались даже вопросом об архитектурной конструкции здания, многотонная крыша которого, если исходить из их объяснений, просто висела бы в воздухе, ни на что не опираясь (ср. А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 36).

шедшего из р. Кондуй. Его трасса могла совпадать с ныне заброшенным, но действовавшим еще в прошлом веке арыком, который поддерживали кондуйские казаки. Остальные постройки кондуйского комплекса планировкой мало связаны с основной усадьбой. Только небольшой ансамбль построек, в котором можно угадывать ворота, два боковых павильона и главное здание, находящееся в 100 *м* к северу от дворцовой усадьбы, может быть, как-то с ней связан, поскольку его планировочная ось совпадает с осью разбивки дворца и окружающих его построек.

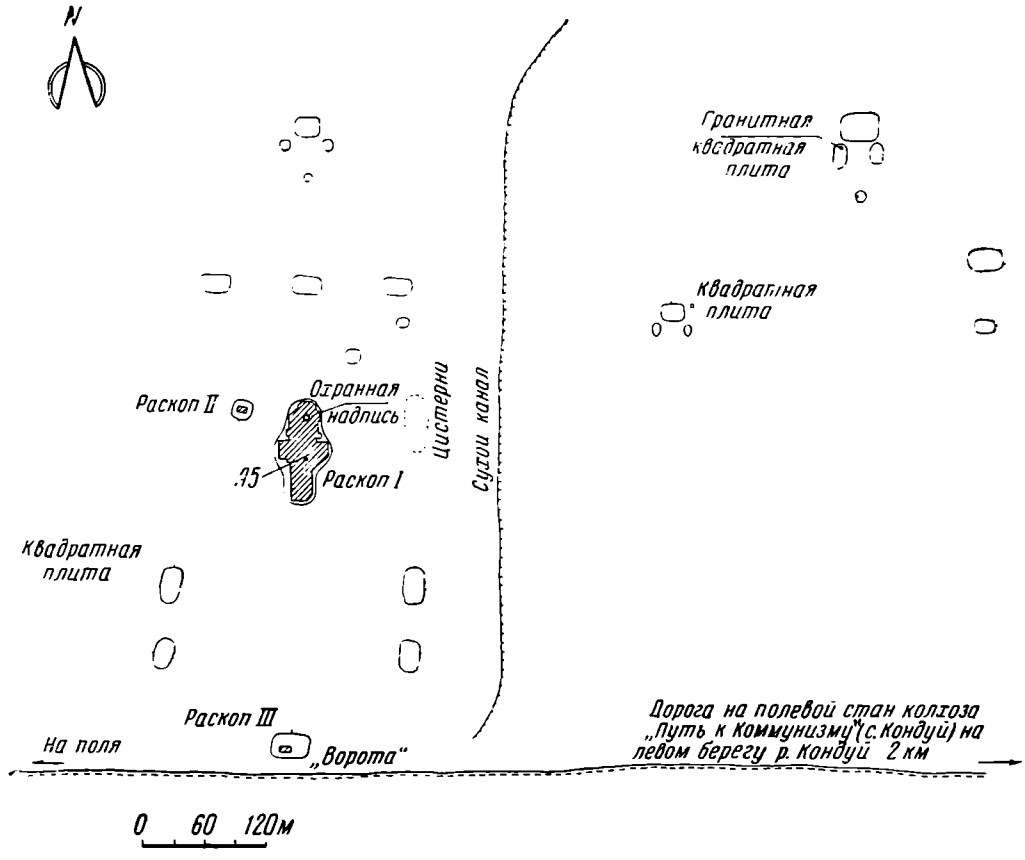


Рис. 5. План развалин дворцового комплекса у с. Кондуй XIV в.

Остатки всех найденных зданий дошли до нас в виде холмов подчетырехугольной усеченно-пирамидальной формы. Высота большинства из них колеблется от 1 до 1,5 *м*. Исключение составляет лишь холм дворца, достигающий 2,5 *м* высоты. Все холмы (пока судя по раскопкам двух из них) представляют то же, что и центральный холм. Они являются прежде всего искусственными платформами, на возвышении которых сооружались здания. Уже эта особенность заставляет видеть в кондуйских зданиях сооружения, аналогичные тем, которые были исследованы Монгольской историко-этнографической экспедицией АН СССР и КН МНР в комплексе построек дворца Угэдэя в Каракоруме в 1949 г. [11].

Это сходство особенно подтверждается данными, полученными от раскопок на главном Кондуйском холме [12]. Этот холм, имеющий с севера на юг свыше 100 *м* и с запада на восток до 60 *м*, всех побывавших на нем привлекал не только своими размерами, но и особенностями плана, который в упрощенном виде представлялся некоторым исследователям как почти правильный крест. Заинтриговывали также проступавшие на его поверхность массивные гранитные блоки с цилиндрическими выступами по верху и различные гранитные квадратные плиты, некоторые с квад-

[11] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 97—101.

[12] Здесь, в соответствии с темой статьи, лишь вкратце сообщаются результаты раскопок главного Кондуйского холма. Детальное описание и опыт реконструкции готовится автором для опубликования отдельно.

ратным сквозным отверстием в центре или с наклонно углубленным четырехугольным пазом. Наконец, особое внимание уделялось гранитным изваяниям, в которых видели идолов, бурханов, отличали их по «форме головных украшений, драпировок одежды, выпуклости груди и т. п.» [13], но никто, включая и А. К. Кузнецова, не смог разгадать их истинного назначения.

Нам удалось уже в 1957 г. почти целиком исследовать главный Кондуйский холм, вскрыв 2500 $м^2$. Выяснилось, что его верхний горизонт на глубину 0,4—0,7 *м* и все его склоны на еще более значительную толщу представляют собой остатки поливной черепичной кровли, каменной забутовки и кирпичной облицовки стен и подпорных стенок террас, окружавших здание, а также раздробленных глазурованных рельефов, некогда украшавших стены снаружи. Все это сильно фрагментировано и перемешано как кондуйскими казаками во время добычи строительных материалов для сооружения местной церкви, так и бурятами, доставлявшими камень для ремонта Цугульского дацана.

После снятия толщи этих строительных остатков, произведенного поквадратно и послойно до уровня пола, представилось возможным по сохранившимся нетронутым фрагментам сооружения уяснить себе многие его архитектурные особенности. При этом, как и при изучении планировки всего ансамбля зданий, выявилось как общее сходство, так и различия в деталях Кондуйского дворца с дворцом Угэдэя в Каракоруме.

Прежде всего удалось установить, что почти двухметровая платформа, на которой воздвигался дворец, была сооружена теми же приемами, что и платформа дворца Угэдэя. Отличие заключалось лишь в том, что платформа дворца Угэдэя состояла из прослоек супеси и плотно набитой глины, а первоначальная часть платформы Кондуйского дворца — из прослоек суглинка и мелкого колотого камня. Зато внешнее оформление кондуйской платформы было гораздо сложнее каракорумской. Там она завершалась по сторонам простыми откосами. В Кондуе же платформа была уступчатой. Отвесная стенка высотой до 1 *м* образовывала первую, шедшую вокруг всего здания террасу, шириной до 3 *м*, выстланную квадратными кирпичами 30 × 30 *см*. Отвесная бутовая стенка, облицованная серым кирпичом, поднимаясь на 70—80 *см*, образовывала вторую террасу уже на уровне пола дворца. Обе террасы украшала покрытая красным лаком деревянная балюстрада, столбики которой были укреплены в квадратных пазах специальных гранитных плит. Кроме того, по нижней террасе, выступая личинами наружу, были расставлены гранитные изваяния, изображающие морды драконов, кабановидных и с рогами лани (рис. 6). Они весьма напоминают тех чудовищ, мраморные изваяния которых украшают террасы пекинского дворца [14]. Нам удалось найти 17 целых и 11 фрагментированных изваяний, лежавших у основания нижней террасы. Местный житель А. Эпов нашел два, из которых одно передано в Нерчинский музей. Два еще в 40-х годах прошлого столетия были отправлены в Петербург, и 64 каменных изваяния вделаны в стены Кондуйского храма [15]. Таким образом, всего сейчас известно 96 драконовидных изваяний. Изучая их, можно установить, как они были расположены относительно балюстрады нижней террасы. Большинство из них были положены перпендикулярно ее линии так, что в прямоугольный вырез, имеющийся у их задней половины, входит нижний брус балюстрады. Расстояние между ними было примерно 2 *м*. Но были, так же как и у пекинских дворцовых балюстрад, и угловые чудовища, располагавшиеся в вершине внеш-

[13] А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 22, 23.

[14] Eva Siao. Peking. Dresden, 1956, Taf. «Weisser Marmor leuchtet in der Sonne». Альбом видов Пекина. Пекин, 1957, рис.: «Каменная скульптура» и «перила из драгоценного камня у зала Баохэ в Гугуне». Это те самые извания, в которых А. Павлуцкий и А. Кузнецов видели идолов.

[15] А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 22 и 26, табл. IV и V.

него угла террасы. Так как в них укреплялся уже не брус, а угловой столбик балюстрады, они в задней половине имели не вырез, а квадратный паз, высеченный углами по основным осям изваяния. Два таких камня, длиной в 1,2 *м*, вделаны в стену Кондуйского храма по обеим сторонам западного входа [16].

Балюстрада нижней террасы с ее яркой окраской, сложным, вероятно ажурным, рисунком деревянных частей и выступающими из-под нее драконовидными химерами имела и живописный, и в то же время устрашающий путника вид.

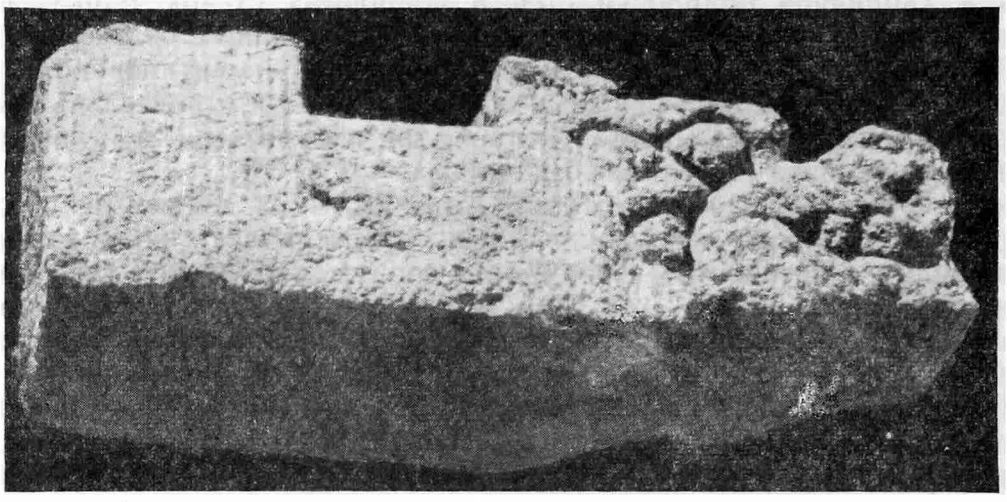


Рис. 6. Гранитное изваяние дракона, украшавшее балюстраду нижней террасы дворца в Кондуе

На платформу дворца Угэдэя вела всего одна лестница с юга, со стороны ворот. В Кондуе лестницы были заменены выстланными кирпичом пологими пандусами, огражденными балюстрадой. Каждый пандус состоял из двух маршей. Один вел на первую террасу, второй приводил на верхнюю площадку. Таких пандусов мы обнаружили пять: южный, со стороны ворот, и по два с восточной и западной сторон дворца. Следует отметить, что с северной стороны ни при первоначальной постройке дворца, ни при осуществлении позднейшей перестройки никаких лестниц, а следовательно, и выходов построено не было. С юга на платформе, сейчас же за верхним маршем пандуса, располагалась обширная передняя открытая терраса шириной 13 *м* и глубиной (до стены дворца) 13 *м*. Затем начинался аванзал, длиной с юга на север 16,5 *м*. Его стены, как и стены других помещений дворца, в нижней части состояли из забутовки и кирпичной облицовки. В толще стены скрывались вертикальные деревянные колонны, на которые и опиралась вся конструкция перекрытия. Пространство между этими опорами в верхней части стен, вероятно, было забрано деревянными щитами с окнами, чтобы обычно для старинных китайских зданий. Внутри аванзал был трехнефным, так как на некотором расстоянии от его наружных стен стояли деревянные колонны, поддерживавшие центральную часть перекрытия. Колонны опирались на массивные гранитные блоки, в верхней части которых была высечена цилиндрическая база. Расстояние между колоннами аванзала по ширине, очевидно, равнялось 5 *м*; что касается расстояний по длине, то это остается неизвестным, так как все базы, кроме одной, в этой части дворца были вывезены казаками в Кондуй, где в основание стен храма и в пол его вделано 18 массивных гранитных блоков. Весь аванзал, как и другие части двор-

[16] Один из них крайне неточно изображен на табл. V работы А. К. Кузнецова. Однако и на этом рисунке ясно видно особое расположение квадратного паза.

ца, был вымощен хорошо отполированными серыми квадратными кирпичами, и вдоль стен был выведен кирпичный плинтус.

Аванзал приводил к основной части дворца [17], где было установлено 20 колонн, образовывавших шесть боковых нефов и центральный зал примерно в 131 $м^2$. На запад и восток из этой части дворца вели двухмаршевые пандусы. Колонны и здесь опирались на массивные гранитные споры, врытые в толщу платформы и до сих пор поражающие точностью

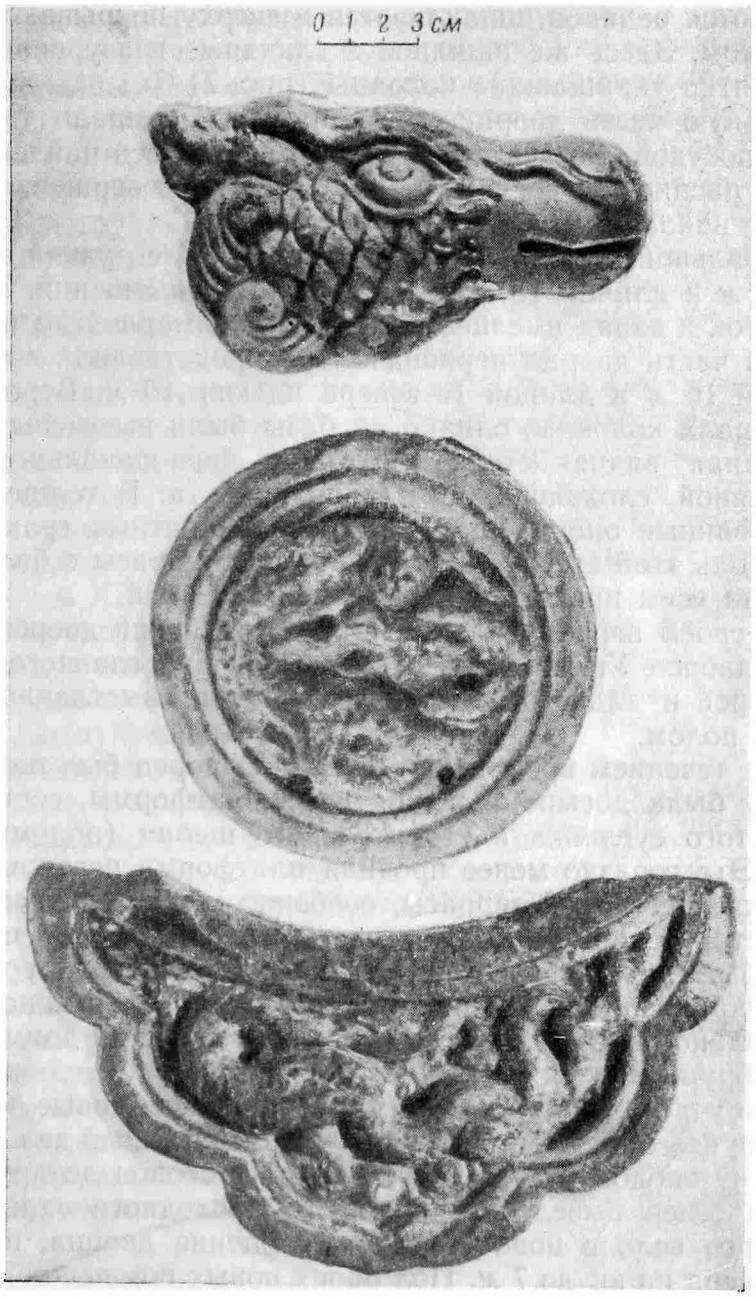


Рис.7. Рельефные поливные украшения колонн и узорчатая черепица кровли Кондуйского дворца

горизонтального положения верхней плоскости и почти полным единообразием высоты над горизонтом (колебания по нивелировке 3—5 *см*). Была ли эта часть дворца разгорожена на отдельные помещения деревянными перегородками, ширмами или занавесями,— вероятно, навсегда останется неизвестным. Можно только сказать, что изнутри эта часть

[17] Размеры основной части дворца с запада на восток — 37 *м*, с севера на юг — 16 *м*. Размеры центрального зала — 12,5 × 10,5 *м*. Расстояния между колоннами в нефах — 2 и 4 *м*.

дворца была особенно богато украшена. Во многих местах встретились обломки богато окрашенной красками штукатурки. На одном фрагменте сохранились следы росписи по красному черным. Около гранитных баз колонн находились куски красного лака. Это заставляет вспомнить зафиксированный А. К. Кузнецовым рассказ бурята Башектуя о том, что при разборке кирпича, который он возил в Цугульский дацан, попадались деревянные столбы, обернутые грубой материей — дабой, «обмазанной замазкой» [18]. Это — обычный китайский прием строительства колонн, которые обшиваются рединой, шпаклюются и сверху покрываются блестящим красным лаком. Здесь же нашлись и глиняные глазурованные фигурки зверей, вероятно украшавшие колонны (рис. 7) [19]

Центральную часть дворца, по-видимому, украшали также поставцы с парадной посудой. Во всяком случае, только здесь найдены обломки от прекрасных расписных сосудов типа Цычжоу, совершенно аналогичные тем, которые находились в Каракоруме.

Из центральной, парадной, части дворца более узкий проходной зал шириной 11 *м* и длиной 15 *м* вел в северные помещения. Из проходного зала на восток и запад имелись выходы к двухмаршевым пандусам.

Северная часть дворца первоначально представляла собой обширный зал шириной 16 *м* и длиной (с севера на юг) 10 *м*. Вероятно, этот зал также украшали колонны, однако их базы были вывезены в Кондуйский храм. Северная, задняя стена этого зала первоначально была глухой, очень массивной, сложенной из кирпича и бута. В толще и этой стены стояли деревянные опоры на массивных квадратных гранитных плитах. Снаружи вдоль этой стены также проходили террасы с балюстрадой, укрепленные на всем протяжении кирпичной стенкой.

В таком своем первоначальном виде Кондуйский дворец очень близко напоминал дворец Угэдэя, также состоявший из главного корпуса, проходной галереи и заднего жилого помещения, выстланного для тепла деревянным полом.

Однако с течением времени Кондуйский дворец был перестроен. С севера к нему была досыпана новая часть платформы, состоящая из прослоек углистого суглинка и строительного щебня (обломков кирпича и черепицы). Эта гораздо менее прочная платформа перекрыла подпорную стенку прежней северной террасы, особенно хорошо сохранившуюся в ее рыхло-слоистой толще. При строительстве этой северной платформы, по-видимому, были сохранены старые формы — устроены террасы с балюстрадами, украшенными гранитными изваяниями драконовидных чудовищ. Но сделано все это было гораздо менее прочно и дошло до нас лишь в жалких обрушившихся остатках.

На новом участке платформы были воздвигнуты новые помещения. Для этого прежде всего проломили среднюю часть прежней задней стены дворца на ширину около 5 *м* от одного опорного столба до другого. От этого пролома на север вывели стены нового проходного зальца шириной в 4,5 *м*, которое вело в новое заднее помещение дворца, шириной 8 *м* и длиной с севера на юг до 7 *м*. Пол обоих новых помещений выстлали кирпичом того же размера, что и в основных залах дворца. Однако качество его было гораздо хуже; он быстро стирался и дошел до нас в виде почти слившейся вымостки. Худшего качества и более тонкой была кладка стен. Здесь также применялись опоры, колонны, но они тоньше, и меньших размеров были их гранитные базы. Но и эта облегченная постройка оказалась тяжелой для рыхлой северной части платформы. На ней видны следы осадки и обрушений.

Весь Кондуйский дворец покрывала узорчатая черепичная крыша зеленой и желтой расцветки. Крыша, вероятно, была многоярусной, соответ-

[18] А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 26.

[19] Тот же Башектуй отмечал, что куски колонн были обложены со всех сторон глиняными кружками с изображением зверей (см. А. К. Кузнецов. Ук. соч., стр. 26).

ственно различным высотам колонн, как это обычно и бывает в китайских постройках такой же парадной архитектуры. Крышу по конькам украшали фигуры драконов и птиц, фрагменты которых найдены при раскопках. Особенно красочными были края кровель, украшенные узорчатыми сливами вогнутых черепиц и дисками полуцилиндрических черепиц, их перекрывающих. И сливы и диски сверкали разноцветными рельефными изображениями причудливо свившихся драконов (рис. 7). Многоярусные кровли Кондуйского дворца на фоне окрестных гор, несомненно, представляли яркое зрелище.

Так же ярки были и окружавшие дворец флигели и павильоны. Начатые раскопки одного из них (к западу от дворца — раскоп II) уже дали прекрасные образцы многокрасочной поливной кровельной черепицы. Находки на поверхности других холмов говорят о том же. Весь этот сверкающий красками ансамбль, по-видимому, погиб внезапно от пожара, следы которого встречаются постоянно при раскопках то в виде обугленных деревянных конструкций, то в виде ошлаковавшихся от жара обломков кирпича и черепицы. Нужно думать, что гибель Кондуйского дворца произошла в те смутные для монгольского государства годы XIV в., когда народно-освободительное движение против Юаньской династии в Китае, перекликаясь с аналогичной борьбой в Средней Азии и на Руси, привело к падению империи Чингизидов. Тогда пылали не только дворцы и города на окраинах Монголии, но был разрушен Каракорум и его знаменитый дворец Угэдэя. Сравнивая с ним Кондуйский дворец, приходится признать, что последний, наверное, был построен в более позднее время. За это говорят гораздо более изысканные формы его планировки и украшений сравнительно с большей простотой первого дворцового здания Монголии 30-х годов XIII в.

Если от Каракорумского дворца веет суровостью военной империи, то дворец в Кондуе говорит об изнеженной жизни монгольских феодалов в эпоху Юань. Эти сравнения, убеждающие нас в более позднем времени сооружения Кондуйского дворца, еще раз подтверждают, что стела племянника Чингиса Исунке действительно стояла в Хирхиринском городе, который возник в более раннее время, когда, по-видимому, на месте будущего Кондуйского дворца была еще нетронутая цветущая Урулюнгуйская степь.

Таковы наши первые результаты изучения «городского вопроса» на северо-восточной окраине центральноазиатских пространств. Они убедительно показывают, что возникновение городов и замков было широко распространенным явлением в определенные периоды сложения и развития феодальных государств в этой части Азии. Дальнейшие археологические и источниковедческие исследования должны ответить на ряд важнейших вопросов о месте, значении и характере взаимоотношений городского строя и оседлых форм жизни во дворцах и усадьбах знати в общем процессе развития центральноазиатского феодализма, который и в интересующей нас области едва ли можно теперь считать только кочевым.

ПУБЛИКАЦИИ

Е. Е. КУЗЬМИНА

БРОНЗОВЫЙ ШЛЕМ ИЗ САМАРКАНДА

В 1953 г. в Самаркандский историко-краеведческий музей были переданы бронзовый шлем, обломки сильно кальцинированных костей и два фрагмента керамики [1]. Эти находки были сделаны в Самарканде при земляных работах на территории суперфосфатного завода, расположенного вблизи городища Афрасиаб у арыка Сиаб. Наибольший интерес среди доставленных в музей предметов представляет бронзовый шлем (рис. 1) [2]. Он прекрасной сохранности, покрыт темно-зеленой патиной. Форма шлема горшковидная, боковые стенки несколько сжаты (расстояние между ними 18 *см*), задняя часть спускается вниз почти вертикально, передняя — более отлого. Спереди шлем имеет вырез для лица высотой 8,2 *см*, в виде двух надглазничных дуг, образующих над переносьем выступ. На затылке идет дугообразная выемка высотой 2,5 *см*. Шлем, очевидно, плотно прилегал к голове, прикрывая уши. От выступа над переносьем к вершине шлема поднимается волнистый гребень, имеющий на вершине острый отогнутый вперед выступ. На высоте 9,5 *см* от края тыльной части гребень сходит на нет. С внутренней стороны гребню соответствует небольшое углубление в виде желобка. Общая высота шлема до вершины гребня — 24,5 *см*.

Край шлема утолщен круглым в сечении валиком, служившим для повышения прочности. С обоих боков в нижней части шлема над бортиком горизонтально расположены выпуклые валики — ребра длиной 12 *см*. Под каждым из ребер имеется по три сверленых отверстия, вытянутых в горизонтальный ряд; еще два отверстия находятся в нижней части тыльной стороны шлема. Эти отверстия, по-видимому, служили для прикрепления кожаных или войлочных нащечников и оплечья.

Массивность шлема (толщина стенок достигает 0,6 *см*), отсутствие с внутренней стороны углублений, соответствующих наружным рельефам, бугристая структура внутренней поверхности позволяют заключить, что шлем был цельнолитым. Для его изготовления, очевидно, была применена многосоставная литейная форма.

Ближайшую аналогию рассматриваемому шлему из Самарканда составляют три шлема из станицы Келермесской, два шлема из станицы Крымской [3], а также шлем из с. Старые Печеуры Саратовской области [4] и шлем с Верхнего Енисея [5].

---

[1] Один — незначительный обломок донца лепного сосуда, розового в изломе и черного снаружи; другой — фрагмент стенки толстостенного красного сосуда, изготовленного на круге; характер теста и отсутствие лощения позволяют сопоставить его с керамикой стадии Афрасиаб I (VII—V вв. до н. э.).

[2] Инв. № КП 1784/1. Приношу благодарность музею за разрешение опубликовать шлем. На рис. 1 выемка на нижнем крае шлема получилась из-за дефекта оригинала рисунка.

[3] Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. Тр. Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1940.

[4] Там же, стр. 112—113; ОАК за 1895 г., стр. 75, рис. 192.

[5] Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 113—114; Н. М. Ядринцев. Описание сибирских курганов и древностей. Тр. Московского археологического общества, т. IX.

Б. З. Рабинович объединил их в одну группу, которую датировал временем не позднее VI в. до н. э. и, исходя из того, что из семи известных шлемов пять были найдены на Кубани, определил этот тип как специфически кубанскую форму защитного вооружения, указав на его своеобразие [6].

За последние годы стал известен еще ряд архаических шлемов этого типа, происходящих из восточных областей: шлем с городища Кысмычи Курдайского района Джамбульской области [7], шлем из савроматского погребения в кургане Черная гора у с. Абрамовка Оренбургской области [8].

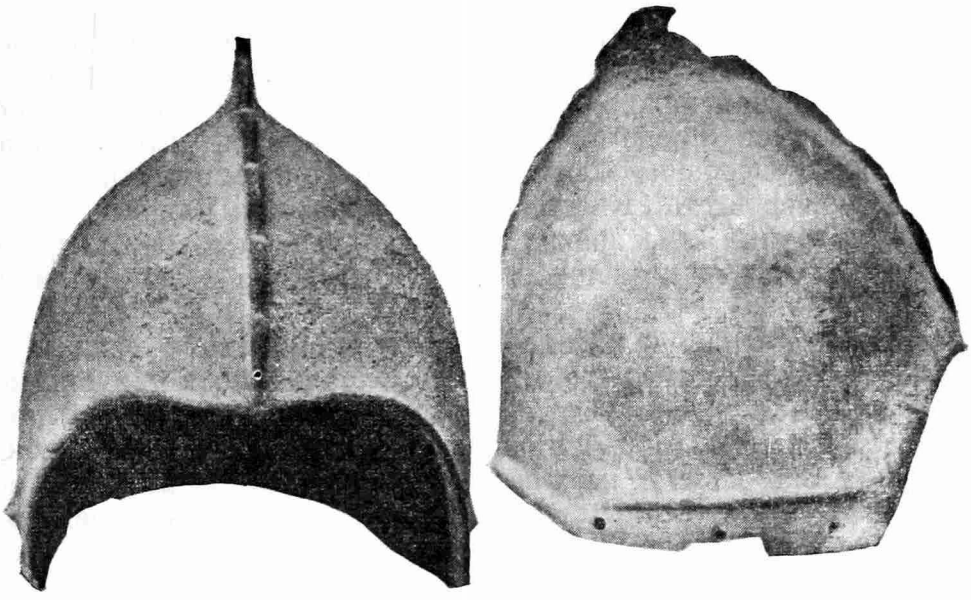


Рис. 1. Бронзовый шлем из Самарканда (вид спереди и сбоку)

Серия шлемов архаического скифского типа, найденных в отдаленных от Прикубанья восточных областях, позволяет заново поставить вопрос о происхождении этого типа. Б. З. Рабинович отрицал возможность их связи со Средней Азией или Ираном, ссылаясь на то, что в раннюю эпоху шлемы в этих районах не были известны [9]. Однако не только новые находки, но и некоторые отрывочные письменные данные позволяют заключить, что среднеазиатские народы были знакомы с этим видом защитного вооружения с глубокой древности.

Так, несколько раз упоминание шлемов встречается в Авесте: Митра изображается в сверкающем золотом шлеме, бог ветра — Вайю — в серебряном, а фраваши снаряжены бронзовыми шлемами [10]. По кратким отрывкам в Авесте нельзя судить о форме шлема, но известно, что к шлему привязывались оплечье и нащечники [11]; следовательно, он отличался от обычных восточных шлемов с металлическими нащечниками [12] и в ка-

---

вып. 2. М., 1883, табл. III, рис. 4, *5*; М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 13, рис. 5, *11*.

[6] Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 114; А. А. Иессен. Ранние связи Приуралья с Ираном. СА, XVI, стр. 225.

[7] И. И. Копылов. Находка скифского шлема в Семиречье. Уч. зап. Алма-Атинского пед. ин-та, вып. XIV, 1957, стр. 303, 304, табл. VIII, *1—5*.

[8] Хранится в Гос. Эрмитаже.

[9] Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 217. Б. З. Рабинович основывался на данных M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, т. X, стр. 80.

[10] Авеста, yt. 13, 45; yt. 15, 57. Хотя вопрос о месте происхождения и датировке отдельных частей Авесты до сих пор остается спорным, бо́льшая часть ученых склоняется к тому, что Авеста сложилась где-то на территории Средней Азии в эпоху ахеменидов.

[11] W. Geiger. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1888, стр. 444.

[12] H. Bonnet. Die Waffen der Völker des Alten Orients. Leipzig, 1926.

кой-то мере может быть сопоставлен с раннескифскими шлемами, также предполагающими употребление привязывающихся кожаных или войлочных частей. Следует отметить, что, по Авесте, шлемы — это оружие лишь очень небольшой, наиболее знатной части войска. По-видимому, в Средней Азии, как и в Причерноморье [13], защитное вооружение употреблялось весьма редко и только наиболее богатыми представителями родовой аристократии, поэтому неудивительно, что в описаниях полного комплекса вооружения рядовых среднеазиатских воинов (см., например, Геродот, I, 215; Страбон, XI, 8, 6, 8), как и в описаниях европейских скифов, упоминание о шлемах отсутствует.

Еще одним доказательством широкой распространенности шлемов архаического скифского типа в среде кочевников Северной и Средней Азии является интересная находка в северном застенном Китае своеобразных бронзовых шлемов, представляющих собой как бы имитацию архаических скифских. Особенно близки к рассматриваемому типу шлемы из собрания университета Киото и из коллекции Давида Вейля. Они относятся к группе суйюанских бронз, связанных своим происхождением с азиатскими кочевниками, и датируются временем начиная от 500 г. до н. э. [14].

Возвращаясь снова к рассмотрению самаркандского шлема, следует отметить, что единственное его отличие от прочих шлемов кубанской группы — несколько большая высота (24,5 *см* до вершины гребня, по сравнению с высотой в 18—21,5 *см*) и орнаментальное завершение гребня.

При полном тождестве всех остальных деталей это различие не может быть признано существенным, однако, как нам кажется, характер оформления гребня в виде волнистой линии в сочетании с отгибом — «запятой» на вершине проливает некоторый свет на вопрос о происхождении данного экземпляра. В Скифии и в архаическую эпоху, и позднее этот орнамент отсутствует совершенно. В то же время в восточных областях — от Сибири (рис. 2, *4—6, 8—10, 13, 14*) [15] и вплоть до Северного Китая (рис. 2, *7, 15, 16*) [16] — волна в сочетании с «запятой» является характернейшим орнаментальным мотивом. Но безусловно господствует этот вид орнаментации в памятниках Алтая, где он применяется постоянно и в простом орнаменте, и в составе контуров многочисленных изображений самых разнообразных сюжетов, вне зависимости от материала и назначения вещи (рис. 2, *11, 12*) [17]. Следует отметить, что на Алтае, так же как и в Сибири, этот орнаментальный мотив получил особенное распространение в более поздних памятниках. Однако исследователи сибирского и алтайского искусства считают, что орнамент в виде «запятой» и волны

---

[13] А. И. Мелюкова. Войско и военное искусство скифов. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 39.

[14] Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. Tokyo — Kyoto, 1935, т. II, стр. 12, рис. 33, *1, 2*.

[15] Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Атлас. Томск, 1886, табл. VI, *10, 11*; VII, *9*; VIII, *28*; В. Радлов. Сибирские древности, т. I, СПб., 1888, табл. III, *24*; F. R. Martin. L'age du bronze à Musée du Minoussinsk. Stockholm, 1893, табл. 3, *2*; *30, 36, 39*; 31, *69*; A. M. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, табл. III, *2*, рис. 21—24, 26, 28a, 46; М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Тр. Первобытного отдела Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1940, стр. 251, 264—265, рис. 2, *38*; табл. I, *8*; V, *5*; VIII, *1*.

[16] O. Sirén. Histoire des arts anciennes de la Chine. Paris — Bruxelles, 1929, т. I, табл. 88, A. C. H.; т. II, табл. 12, *H*, 88, *H, C* и др.; A. V. Pradenne. L'étomage des armes de bronze en Chine. L'Antropologie, 1924, № 6, т. 34, рис. 13; М. И. Ростовцев. Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Скифика, I, Прага, 1929; A. Salmony. Sino-Sibirian Art. Paris, 1933, стр. 45, 46, табл. XIV, стр. 49, табл. XVII, *4*; B. Karlgren. Exhibition of Early Chinese Bronzes. The Museum of Far Eastern Antiquities. Bulletin, № 6, Stockholm, 1934, табл. XXXVII, *3—5*; XXXVIII, *10*. Inner Mongolia..., т. II, рис. 11, табл. XLV, *5*.

[17] С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, рис. 35*a*, 51a, 64, 86*b*, 111, 114, 122, 123*a* и др.; его же. Культура населения горного Алтая и скифы. М.— Л., 1953, стр. 64, табл. XVII, XIX и др.

был на данной территории местным, восходящим к глубокой древности [18], что подтверждается находкой ряда ранних вещей, украшенных им (рис. 2, *13, 14*) [19].

Несмотря на крайнюю скудость сведений о ранней культуре среднеазиатских сакских племен, известно, что в их среде волнистый орнамент иногда в сочетании с «запятой» был распространен. Он служил для оформления рукояти кинжала скифского времени из Кокчетава, который М. П.

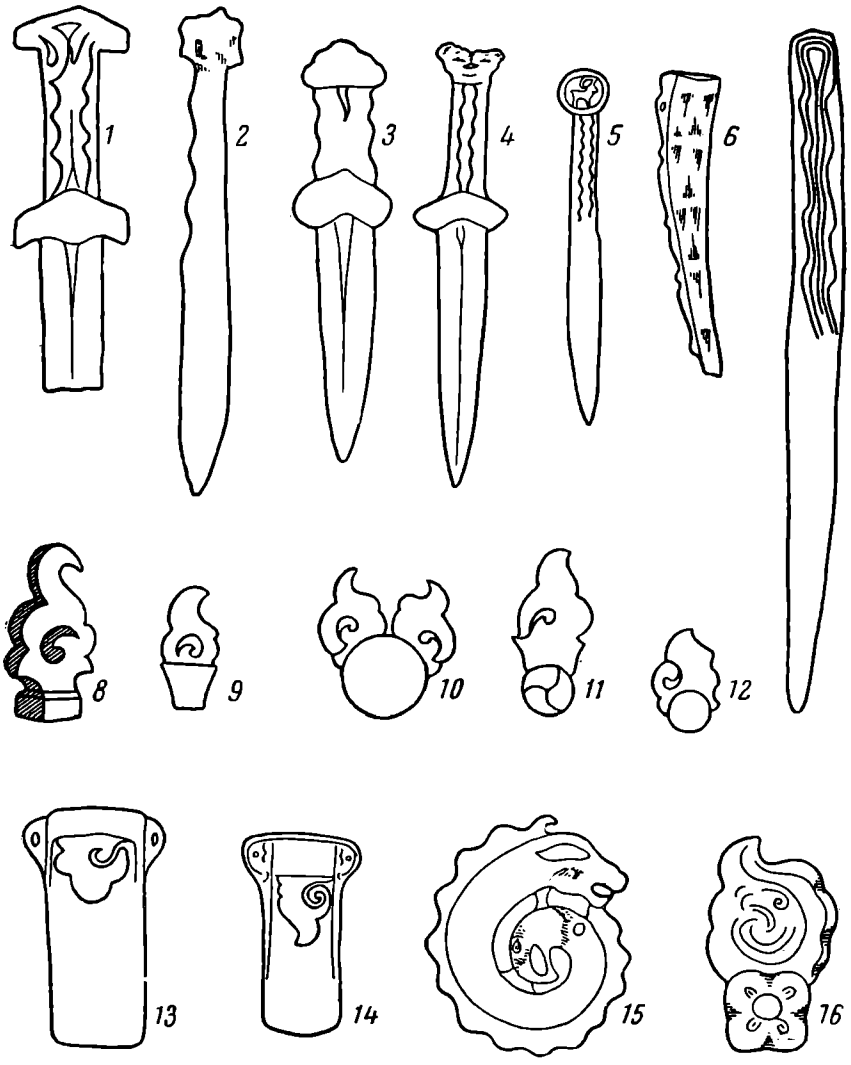


Рис. 2. Применение орнамента в виде волны и волны, сочетающейся с «запятой», на предметах разного типа

1—3 — из Средней Азии; *4—6, 8—10, 13, 14* — Из Сибири; *11, 12* — с Алтая; *7, 15, 16* — из Северного Китая.

Грязнов относит к среднеазиатскому типу (рис. 2, *3*) [20], и рукояти бронзового ножа с оз. Иссык-Куль, датируемого А. Н. Бернштамом VI—V вв. до н. э. (рис. 2, *2*) [21]. На рукояти ножа, найденного А. И. Тереножкиным в с. Беш-Баш на Ташкентском канале и датированного второй половиной

[18] С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы, стр. 142; М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.

[19] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Тр. Отд. ист. первобытн. культуры Гос. Эрмитажа, т. I, стр. 264, 265. Следует указать, что и некоторые исследователи северокитайских бронз относят возникновение волнистого орнамента (стиль «хуай») к VII—V вв. до н. э. См., например, A. Salmony. Ук. соч., стр. 30, 46, 49; B. Karlgren. Ук. соч., стр. 78; Inner Mongolia..., стр. 12; М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930, стр. 7, табл. I, рис. *78*.

[20] М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 12, рис. 3, *2*.

[21] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 35, рис. 14, *1*.

I тысячелетия до н. э., волна в сочетании с «запятой» является контуром зооморфного изображения (рис. 2, *1*) [22]. Мотив волны, сочетающейся с «запятой», встречается и на изделиях из Аму-Дарьинского клада, относимых Дальтоном к VI—V вв. до н. э., хотя там он, безусловно, связан с самим изображением менее органически [23]. Следовательно, у нас есть некоторая возможность на основании стилистического анализа относить бронзовый шлем из Самарканда к числу изделий, изготовленных в среде среднеазиатских саков; гипотезу же об импорте данного экземпляра из Прикубанья следует, безусловно, отвергнуть, поскольку там этот вид орнаментации не применялся.

Стилистический анализ самаркандского шлема позволяет принять датировку, предложенную Б. З. Рабиновичем для всей группы так называемых кубанских шлемов,— VI в. до н. э. Однако при этом надо оговориться, что в то время как в Прикубанье и повсеместно в Скифии архаические скифские шлемы были полностью вытеснены и заменены греческими уже с начала V в. до н. э., в Средней Азии, по свидетельству античных авторов [24], вооружение, в том числе и защитное, довольно долго оставалось весьма архаичным и изготовлялось преимущественно из бронзы. Поэтому в настоящее время будет осторожнее отнести самаркандский шлем к раннесакскому периоду (VI—V вв. до н. э.).

Таким образом, в архаическую эпоху от Кубани до Енисея употреблялись шлемы одного типа: Безусловно, что весьма своеобразная и развитая форма этих шлемов должна была иметь какой-то прототип. Однако Б. З. Рабинович справедливо указывал, что архаические скифские шлемы не находят себе аналогий в защитном вооружении ни в Европе, ни на Востоке [25].

Для ответа на вопрос, как выработалась форма архаических скифских шлемов, необходимо обратиться к сравнению с формой столь распространенных в сако-скифской среде войлочных колпаков [26]. В то время как о шлемах в письменных источниках не содержится почти никаких сведений, упоминание колпака встречается весьма часто. Так, Геродот говорит: «Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо» [27].

О том, насколько широко были распространены эти головные уборы в сакской среде, свидетельствуют многочисленные изображения. В подобных колпаках представлены саки на персепольских рельефах [28], на ахеменидской печати с изображением пленников [29], на другой ахеменидской

---

[22] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. Уз. ФАН СССР, 1940, № 3, рис. 2.

[23] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1926, рис. 74, № *192*; стр. 47, 48, рис. 73, № *190*; стр. 46, рис. 70, № *111*; стр. 39, 30, рис. 46, № 723; стр. 11. Часть из этих предметов должна быть, видимо, отнесена не к V в. до н. э., а к более позднему времени.

[24] Геродот. История, I, 215; Страбон. География, XI, 8, 8.

[25] Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 127.

[26] Мы не будем здесь касаться самых ранних изображений людей в остроконечных шапках на греческих вазах (См. E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 53—55, рис. 89; И. М. Дьяков. История Мидии. М., 1956), поскольку до сих пор не решен вопрос, считать ли изображенных скифами. Укажем только, что головные уборы всадников с понтийской вазы сходны с остроконечным колпаком сака Скунхи: они островерхи и, что особенно важно, имеют характерную лицевую выемку с выступом на переносье. Относительно же всадников с барельефа IX в. до н. э. из Нимруда нет никаких данных за то, чтобы считать их скифами, как это делает Т. Сулимирский. (См. T. Sulimirski. Scythian Antiquities in Western Asia. Artibus Asiae, т. XVII, 3—4, рис. 1, стр. 290).

[27] Геродот, VII, 64.

[28] F. Sarre, E. Herzfeld. Iranische Felsreliefs. Berlin, 1910, стр. 37, рис. 7; стр. 39, рис. 8; стр. 54, 256; Атлас по истории искусства и культуры древнего Востока под ред. Б. А. Тураева, М., 1915, табл. 99; Flandin et Coste. Voyage en Perse, т. II, 95, 96, 97, 100; E. Minns. Scythians and Greeks, стр. 60, рис. 12.

[29] W. Ward. The Seal Cylinders of Western Asia. Washington, 1910, стр. 328, № 1052; J. Junge. Saka-Studien. «Klio», Beiheft XLI, Leipzig, 1939, табл. II,

печати, представляющей сцену сражения персов с «иностранцами» [30]. Сака в остроконечном колпаке изображает золотая статуэтка колесничего из Аму-Дарьинского клада; на двух бронзовых плакетах и на гравированном диске оттуда же также представлены саки в остроконечных колпаках с отогнутым назад верхом [31]. Этот головной убор, видимо, настолько прочно вошел в быт саков, что они не изменили ему, даже оказавшись за тысячи километров от своей родины — в Мемфисе, где конные саки-наемники входили в состав персидского гарнизона [32].

Колпаки европейских скифов, среднеазиатских саков и других среднеазиатских народов очень близки между собой [33]. Так же как и шлем, колпак плотно прилегал к голове, прикрывая уши, отчасти шею и щеки; от переносья к верхушке колпака проходил шов, благодаря чему колпак стоял прямо; задняя часть колпака спускалась вниз почти вертикально, передняя — более полого; особенно существенно то, что лицевая выемка у колпака была оформлена в виде двух сходящихся на переносье дуг. В некоторых случаях, например на куль-обских колпаках, на колпаке с печати Варда № 1051, на мемфисских статуэтках, по краю колпака вдоль лицевой выемки шли какие-то украшения или утолщенный бортик.

Такое большое сходство позволяет предположить, что шлемы являлись имитацией в бронзе сако-скифского колпака, подобно тому, как раннефракийские шлемы воспроизводили форму распространенных фракийских головных уборов [34].

В настоящее время еще не представляется возможным решить, где именно — на Кубани, на Алтае, в Средней Азии или одновременно на всем пространстве степей, занятых скифами,— выработалась форма архаических шлемов по прототипу колпака. Однако следует обратить внимание, что у сако-среднеазиатских племен колпак, по-видимому, был более распространен, чем в среде европейских скифов; одна из групп среднеазиатских саков даже носила название, происходящее от их головного убора — тиграхауда [35]; изображения сакских колпаков гораздо многочисленнее, чем европейских скифских; в то время, как в Причерноморье колпак не вошел прочно в быт местных племен и просуществовал сравнительно недолго, в Средней Азии эта форма головного убора бытовала почти без изменений в течение ряда веков [36].

Еще более важен вопрос о последующих судьбах архаических шлемов. В геродотовой Скифии и на Кубани они не получили дальнейшего развития. Что касается Средней Азии, то здесь с IV в. до н. э. широко распространились шлемы так называемого бактрийского типа, форма которых складывалась под сильным греческим влиянием. Многочисленные изображения этих шлемов имеются на среднеазиатских монетах и в торевтике [37].

стр. 63—64; В. В. Струве. Поход Дария I на саков-массагетов. Изв. АН СССР, СИФ, № 3, 1946, стр. 238.

[30] W. Ward. Ук. соч., стр. 328, № 1051; E. Minns. Ук. соч., стр. 61, рис. 13.

[31] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1926, рис. 49, стр. 15, № 36; табл. XIV, стр. 48, 49; табл. XV, стр. 70; табл. IV, *7*, стр. XXXVIII—XL.

[32] W. M. Flinders. Petrie, Memphis, т. I. London, 1909, табл. X, *42, 46*, стр. 17; Memphis, т. II, London, 1909, табл. XXIX, *80, 84*, стр. 17; Memphis, т. III, London, 1910, табл. XLII, 11, *136, 137, 138*, стр. 56.

[33] Подробнее о разных типах головных уборов саков см. J. Junge. Saka-Studien.

[34] Т. Иванов. Предпазно въоръжение на тракиец от Асеновград. Разкопки и проучвания, № 1, София, 1948, стр. 99—101, 107.

[35] M. Ebert. Reallexikon, ορθοκρίβαντιοι.

[36] См. коллекции кушанских терракот, аршакидские монеты, росписи Пенджикента и др.

[37] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940, стр. 18, 45, 80, 120, 135, 139, 140, табл. 1, *2*; 15, *17*; 36, *1*; 38, *1, 2, 7, 8*; A. Narain. The Indo-Greeks. Oxford, 1957, табл. II, *1, 6*; III, *3, 6*; V, 1; P. Gardner. The Coins of Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886, табл. 3, 4, 6, 7; Я. И. Смирнов. Атлас серебряной и золотой посуды восточного происхождения.

Однако шлемы бактрийского типа, по-видимому, не прижились на среднеазиатской почве, поскольку более поздние местные шлемы не связаны с ними генетически. Среднеазиатские шлемы позднего типа известны по росписям Пенджикента [38], по изображениям Аниковского блюда [39]. Большой интерес представляют также шлемы более ранних, приблизительно III в. н. э., раскрашенных статуэток воинов «шакья» из Карашарского оазиса в Синьцзяне [40]. Они составляют своеобразную замкнутую среднеазиатско-восточнотуркестанскую группу и, как совершенно справедливо указал С. П. Толстов, не имеют ничего общего с сасанидскими иранскими шлемами [41]. Вместе с тем, как нам кажется, нет достаточных оснований вслед за С. П. Толстовым выводить эти шлемы из древнеассирийских [42], с которыми они не сходны ни в чем, кроме конической формы, и не имеют никаких связующих звеньев ни в пространстве, ни во времени. Гораздо ближе поздние среднеазиатские шлемы к архаическому самаркандскому шлему. Их роднит и округло-коническая форма и то, что наушники слиты с основным телом шлема, и особенно характерный прием оформления очелья в виде сходящихся дуг. Сопоставление поздних среднеазиатских шлемов с раннесакскими дает некоторое основание предполагать, что в среде группы среднеазиатских племен, не столь сильно подвергшихся эллинизации, продолжали существовать, постоянно развиваясь и трансформируясь, шлемы архаического типа.

Все это подтверждает высказанное на основании стилистического анализа гребня предположение о местном, среднеазиатском происхождении самаркандского шлема.

Окончательный ответ на вопрос о месте происхождения всей группы архаических шлемов может быть дан только в результате накопления нового материала и проведения анализа металла шлемов. Сейчас можно только отметить, что по данным металлургического анализа второго, происходящего из Средней Азии шлема, кысмычинского, он должен быть отнесен к числу сакских бронз [43].

СПб., 1909, стр. 7, табл. CXIII, *284*, CXX, *47*; А. С. Фалары Южной России. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 49, рис. 75—76.

[38] Сб. «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954, табл. X, XII.

[39] А. И. Тереножкин. Рельеф «сасанидского» блюда и архитектурные памятники Хорезма, Искусство, 1939, № 2; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 215. Спорный вопрос о происхождении Аниковского блюда в данном случае не существен, поскольку вооружение всех среднеазиатских народов было весьма близко.

[40] A. von Le Coq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925, рис. 64—67. Статуэтки относятся к периоду согдийской колонизации Синьцзяна. Манера изображения, костюм и оружие изображенных типично согдийские.

[41] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 216, 217.

[42] Там же, стр. 226.

[43] И. И. Копылов. Находка скифского шлема в Семиречье. Уч. зап. Алма-Атинского пед. ин-та, серия общественных наук, 1957, вып. XIV, стр. 303, 304. табл. VIII, *1—5*.

А. Н. КАРАСЕВ, Е. И. ЛЕВИ

ОЛЬВИЙСКАЯ АГОРА

(По раскопкам 1946—1957 гг.)

Еще первые исследователи Ольвии пытались определить местонахождение агоры. На плане И. М. Муравьева-Апостола выделена «полуовальная торговая площадь», занимающая всю территорию Нижнего города [1]. А. С. Уваров также полагал, что «народная площадь», агора, находилась в Нижнем городе [2]. К этому присоединялся и Б. В. Фармаковский, считавший прибрежную часть Ольвии наиважнейшей частью города [3]. Но до раскопок 1946 г. вопрос о местоположении ольвийской агоры оставался открытым.

Нет никакого сомнения в том, что вблизи гавани находилась торговая площадь: на это имеется даже прямое указание в декрете в честь Протогена [4]. Однако хорошо известно, что в древнегреческих городах нередко имелось две агоры: одна — в приречной, другая — в нагорной части города [5]. Раскопки, начатые в 1946 г. на верхнем плато, на территории, ограниченной с юга — рвом перед оборонительными сооружениями первых веков нашей эры [6], с севера — балкой новейшего происхождения, показали, что здесь была расположена главная площадь города догетской эпохи [7]. По топографическим условиям эта территория является наиболее отвечающей требованиям расположения агоры (рис. 1). Находясь в вершине полуэллипса склонов к Нижнему городу, агора была хорошо видна как со стороны Буга, так и с большей части Верхнего города. Она лежала на линии городской магистрали, шедшей от главных северных ворот города; вблизи нее находились и западные ворота, около которых был сосредоточен узел проселочных дорог.

---

[1] И. М. Муравьев-Апостол. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823 На чертеже «Ольвиополя» (между стр. 30 и 31) помечена литерой «Р».

[2] А. Уваров. Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях южной России и берегов Черного моря. Вып. 1, СПб., 1851—1853, табл. IX и X.

[3] Б. В. Фармаковский. Ольвия. М., 1915, стр. 21, 25. См. также ОАК за 1909—1910 гг., стр. 2.

[4] IOSPE, I², № 32.

[5] Например, в Милете, Пергаме и других городах.

[6] Так называемая «вторая поперечная балка».

[7] При возобновлении раскопок Ольвии после Великой Отечественной войны было решено начать исследование склона к Нижнему городу, в месте предполагаемого нахождения древнего театра. По топографическим условиям наиболее вероятным местоположением последнего являлся склон в центральной части Ольвии догетского периода. Поверхность склона была прорезана с запада на восток. Вскоре по снятии гумуса появился материк, ступенчато спускавшийся вниз. Характер и размеры ступенчатого склона указывали на то, что в этой части города никогда не возводили жилых домов, располагавшихся на террасах. Ступенчатость (с небольшими остатками камня) могла образоваться только в результате подготовки склона к сооружению рядов сидений театра. Но, как и следовало ожидать, театр, расположенный за пределами города первых веков нашей эры, был разобран еще в древности. В силу специфических условий работы на склоне, требующих значительного технического оснащения и больших средств для консервации плохо сохранившихся остатков театра, временно пришлось отказаться от его полного раскрытия. Работы были перенесены на изучение ближайшего окружения театра. На территории верхнего плато, прилегающего к склону (участок «Е»), и была открыта древняя агора. Последнее подтверждает также правильность определения местоположения театра, который обычно в древнегреческих городах находился в непосредственном соседстве с главной городской площадью.

Уже в результате первых лет работ стала ясной особая роль данного района в жизни города[8]. К 1953 г. была изучена северо-восточная часть агоры и ее планировка, была намечена и западная граница, к систематическому раскрытию которой приступили с 1956 г.[9].

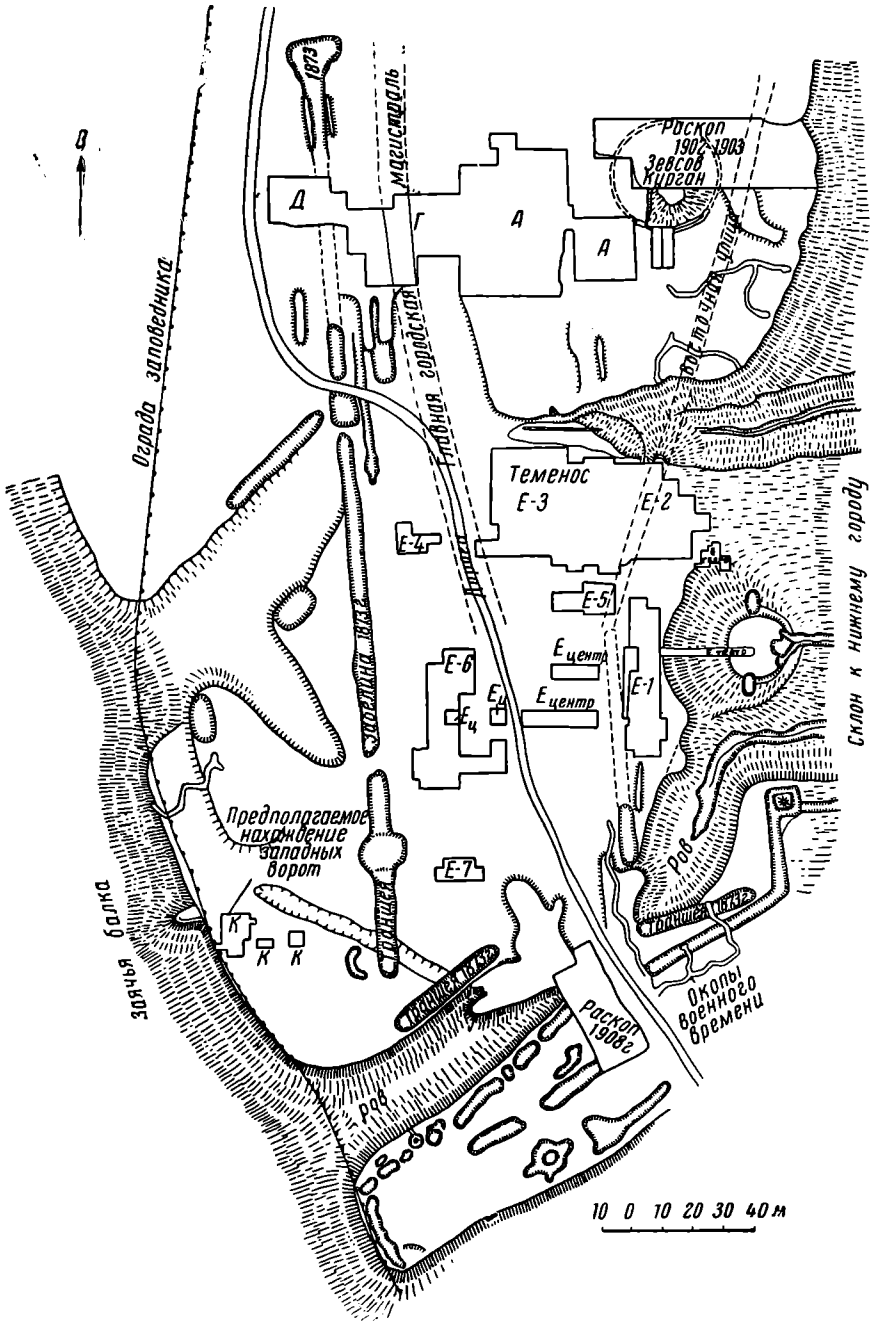


Рис. 1. План центральной части Верхнего города (буквами обозначены участки, цифрами — раскопы)

В процессе раскрытия древней агоры первоначальное представление об ее размерах несколько изменилось. Выяснилось, что северная часть, первоначально принятая за территорию городской площади, являлась особым огражденным участком, примыкавшим к агоре. Определено и значение этого участка как священной округи, теменоса, где были сосредоточены храмы и другие культовые сооружения. Очертилась территория собственно агоры, размером в 1,5 *га*.

[8] Е. И. Л е в и. К вопросу об Ольвийской агоре. СА, XXI, 1954, стр. 320 сл.

[9] Раскопки западной части агоры ведутся с 1956 г. под руководством Л. М. Славина экспедицией Института археологии АН УССР. Остальная часть агоры систематически раскрывается с 1946 г. отрядом ЛОИИМК АН СССР.

Ольвийская агора и примыкающий к ней теменос возникли еще в конце VI — начале V в. до н. э. и существовали почти четыре столетия. От VI в. до н. э. сохранились полуподвальные помещения (см. рис. 3, Ю, Ц), вырытые в материке, выемки (рис. 3, Я, Т) и ряд ям. Наиболее ранние из открытых строительных остатков относятся к V в. до н. э.— времени особенно интенсивного строительства агоры, связанного с общим экономическим и политическим расцветом города. В это время северная часть площади выделяется в особый священный участок и обносится оградой. Новые большие строительные работы на агоре наблюдаются в конце IV в. до н. э., когда Ольвия, выдержавшая осаду Зопириона, вновь переживает период подъема. В это время большое строительство ведется во всех частях города; границы города расширяются предельно. Возводятся новые оборонительные сооружения, общественные здания, создаются новые жилые кварталы; агора, заново отстроенная после перепланировки, достигает своих максимальных размеров [10].

Застройка агоры продолжается и в III в. до н. э. Однако уже к концу II в. до н. э. большинство сооружений агоры оказалось разрушенным и вновь не восстанавливалось. Агора теряет значение общественно-политического центра, и в первые века нашей эры на заброшенной территории древней агоры, оказавшейся за пределами оборонительных стен города послегетской эпохи, возникает производственный район.

Во все периоды существования агоры основные здания ее располагались по краям площади, оставляя центр свободным, что характерно для планировки агоры в древнегреческих городах [11]. Исследование агоры началось с восточной части, прилегающей к склону Нижнего города (рис. 1, *Е-1*). Здесь был раскрыт подвальный этаж большого здания IV—II вв. до н. э. и незначительные остатки его наземной части. Планировка здания и комплекс находок, среди которых особо следует отметить большое количество монет, позволили предположить наличие в нем торговых помещений, обрамлявших обычно открытую площадь [12]. Длина здания, вытянутого вдоль склона, равнялась примерно 50 *м*. Открыто восемь подвалов и частично — девятый. Полная изолированность их друг от друга указывает на то, что каждое помещение имело специфическое назначение. Подвалы служили в основном для хранения товаров, и только два помещения имели особое назначение, связанное с культом. Над каждым подвалом находилось наземное помещение, несколько превышавшее его по размерам.

Стены наземной части были, очевидно, сырцовыми и стояли на каменном цоколе. Остатки цоколя не имеют фундамента, это указывает на то, что здание было невысоким, одноэтажным. Только средняя часть его, над помещениями №№ 6 и 7, выделяющимися по своим размерам, могла несколько возвышаться. Малая высота здания может быть объяснена тем, что при сооружении его старались по возможности не заслонять вида с востока на здания агоры, расположенные в западной и северной ее частях. Остатки обрамленной обочиной вымостки из плит, тянувшейся вдоль здания, позволяют полагать, что фасад, обращенный к площади, был украшен портиками (рис. 2). Здание, неоднократно перестраивавшееся, погибло от пожара; это видно из того, что на стенах отдельных помещений отчетливо выступают следы большого пожарища, окрасившего плиты известняка в розоватый цвет.

К востоку от южных помещений наблюдалось большое скопление заготовок для чеканки монет, медных шлаков. По всей вероятности, в этой части агоры в дальнейшем будет раскрыт монетный двор.

Одновременно с раскрытием восточного здания велось изучение центральной части площади (рис. 1, *Е*-центр). Было заложено семь разведоч-

[10] Еще на основании раскопок 1946—1949 гг. удалось установить картину перестройки агоры в IV в. до н. э. Но особенно яркой стала эта картина, когда с 1951 г. начали раскрывать примыкавший к агоре священный участок.

[11] R. Martin. Recherches sur l'Agora grecque. Paris, 1951; S. Parnicki-Pudelko. Agora. Warszawa, 1957.

[12] Е. И. Леви. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 53—86.

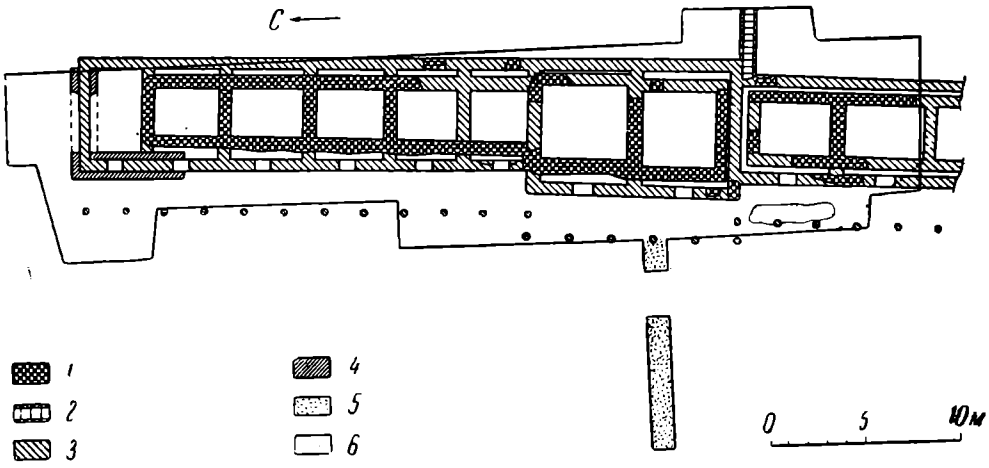


Рис. 2. План восточного здания с торговыми рядами

1 — сохранившиеся каменные кладки стен; *2* — кладка из сырцовых кирпичей на каменном цоколе; *3* — восстанавливаемые стены; *4* — слоевые субструкции; *5* — вымостка из черепков; *6* — вымостка из мелкой гальки

ных квадратов, и везде была обнаружена черепяная вымостка. Таким образом, выяснилось, что центральная часть агоры являлась открытой площадью. Однако имеющиеся местами ямы и небольшие участки, свободные от черепяного покрова, указывают на то, что здесь могли стоять отдельные небольшие сооружения или памятники: алтари, статуи, надписи и др. Центральная часть агоры несколько раз ремонтировалась, вследствие чего ее уровень постепенно повышался: наиболее поздняя вымостка II в. до н. э. находится выше вымостки V в. до н. э. примерно на 1 *м*.

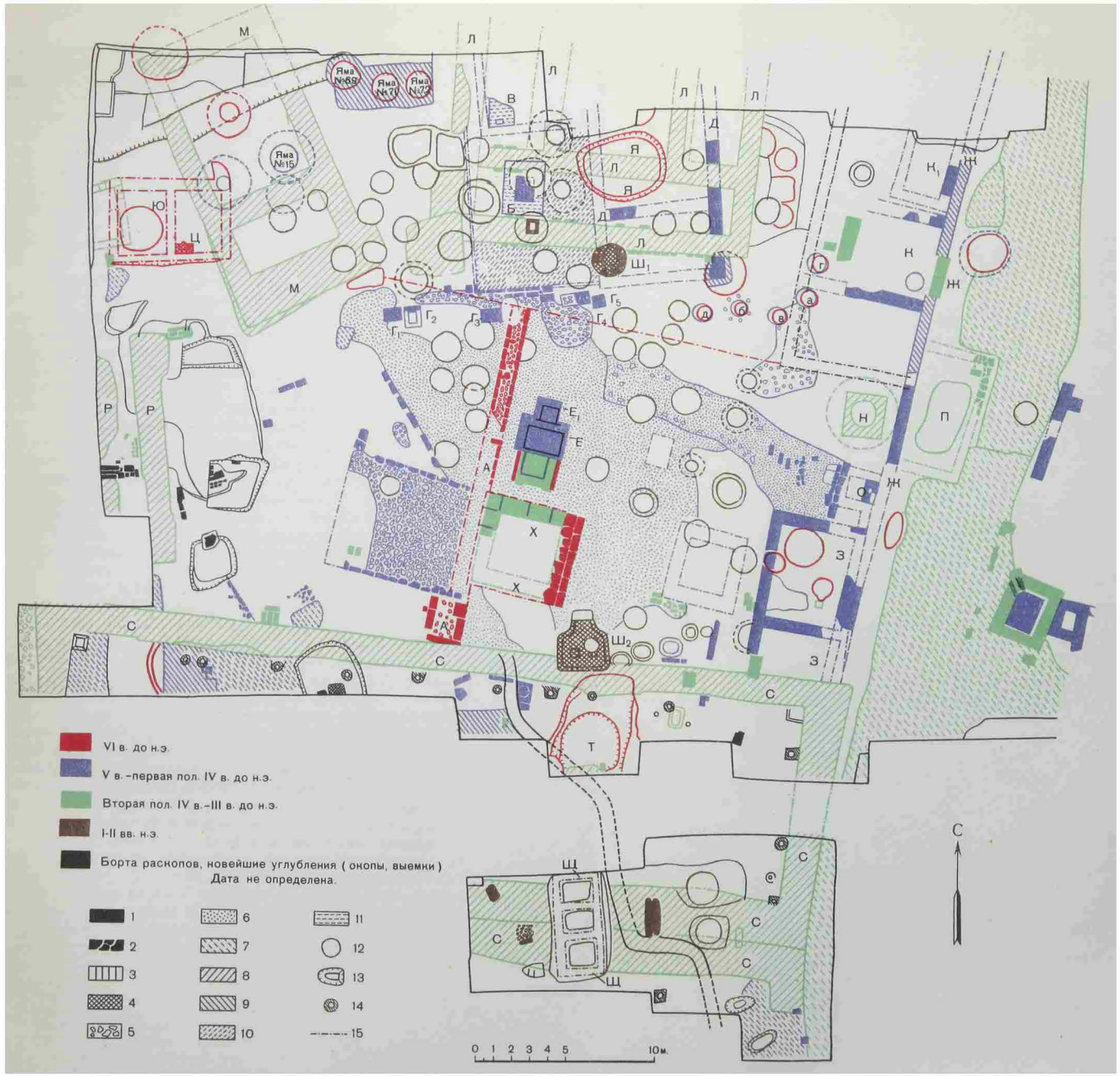
С запада, как и с востока, к открытой площади примыкало большое здание с подвальным этажом; открыты остатки семи помещений подвального этажа, расположенных, как и в восточном здании, по одной линии (рис. 1, *Е-6*). Местоположение здания и его планировка, сходная с восточным зданием, заставляют высказать предположение об однородности их назначения [13].

Однако план западного здания намного сложнее простого и ясного плана восточного торгового ряда и отдельные помещения больше по размерам; все здание более монументально и, очевидно, было более высоким. Стены, сложенные из прекрасно обработанных квадров известняка, местами сохранились до 2 *м*, т. е. на всю высоту подвального этажа. Западное здание было сооружено одновременно с восточным — в период реконструкции агоры,— но к концу II в. до н. э. оно было засыпано. Если ниже фундаментов подвального этажа на восточной стороне обнаружены лишь крайне незначительные остатки кладок предшествующего периода, то на западной стороне довольно хорошо сохранились строительные остатки более раннего времени, частично использованные при постройке здания IV в. до н. э. Это говорит о том, что западная граница, очевидно, начала застраиваться ранее восточной, а здания, расположенные в этой части агоры, имели большее значение, чем и объясняется монументальность их сооружения.

[13] Общий характер комплекса находок также сближает его с последним, хотя при раскопках отдельных подвалов и не было обнаружено того количества монет, которое дало раскрытие подвального этажа здания восточной стороны агоры.

Рис. 3. (Цветная вклейка). План темеиоса

1 — каменные кладки; *2* — отдельные камни; *3* — сырцовые кладки; *4* — печи, очаги; *5* — вымостка из мелкой гальки; *6*— вымостка из щебня и крошки; *7*— вымостка из черепков; *8*— слоевые субструкции; *9* — трамбовки; *10* — погребенная почва (роща); *11*— известковые растворы; *12*— ямы (пунктиром обозначены размеры дна ям); *13* — углубления в материке; *14* — ямы от деревянных столбов с трамбовкой; *15* — восстановление плана строительных остатков.


Яма №68
Яма №70
Яма №72
Яма №15
VI в. до н.э.
V в. –первая пол. IV в. до н.э.
Вторая пол. IV в.–III в. до н.э.
I-II вв. н.э.
Борта раскопов, новейшие углубления (окопы, выемки)
Дата не определена.
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
0 1 2 3 4 5 10м.
С

На агору выходил ряд улиц, соединявших ее с различными районами города. Кроме главной магистрали (к раскрытию которой уже подошли в конце экспедиции 1957 г.), открыто еще четыре улицы. Одна из них, условно называемая нами «восточной», находится в северо-восточной части агоры, три другие — в западной. Три почти параллельные «западные» улицы ориентированы с северо-востока-востока на юго-запад-запад, в направлении к западным городским воротам. «Первая западная» улица [14] имеет четкое направление от ворот к священной округе. На расстоянии около 50 *м* от нее открыта «вторая западная» улица [15], а еще южнее, также на расстоянии около 50 *м*,— «третья западная» [16]. Все они покрыты черепяной вымосткой. Особенно хорошей сохранностью отличается вымостка третьей улицы.

«Восточная» улица шла с севера на юг, почти параллельно склону, примыкая к северо-восточному углу агоры, и некогда объединяла агору с жилыми кварталами района Зевсова кургана. На западе она направлялась вдоль ограды теменоса, и вход в теменос был именно с этой улицы; по другую сторону на нее выходил ряд зданий агоры. Здесь раскрыты остатки общественных сооружений V—IV вв. до н. э., в том числе и остатки гидротехнической системы [17]. Водоем, сложенный из тщательно обработанных, плотно пригнанных плит известняка, прекрасно сохранился до наших дней [18]. Открыты два помещения, связанные с гидросистемой. В одном из них находилась вертикальная шахта, от которой на глубине 4 *м* от дневной поверхности по направлению к склону шел горизонтальный подземный ход [19], прослеженный нами на протяжении 21 *м*; на дне его имелись заплывы глея — следы длительного действия воды. Сохранились также некоторые детали устройства каменных водостоков, по которым вода с водоема поступала в гончарные трубы подземной галереи. Раскрытая гидросистема подавала воду с верхнего плато на нижележащую террасу [20]. К концу IV в. до н. э. гидросистема прекратила свое действие; при реконструкции агоры она была засыпана и перекрыта черепяной вымосткой. Водоем, построенный в эллинистический период, превратился в водосборный бассейн и продолжал существовать до времени гибели агоры. Водоем заполнялся водой с крыш рядом стоящих зданий. Очевидно, в целях предохранения от загрязнения и во избежание сильного испарения воды он всегда был перекрыт кровлей, на что указывают следы основания ограды, раскрытые к югу и западу от водоема.

К северу от гидросистемы находилось здание общественного назначения, построенное также в V в. до н. э. и прекратившее существование во второй половине IV в. до н. э. За столетний период оно претерпело перестройку, видоизменившую его первоначальную планировку [21]. Здание было возведено из сырцовых кирпичей на цоколе из прекрасно отесанных крупных плит известняка. Стены помещений были покрыты штукатуркой, окрашенной в красный и белый цвета, мелкие детали были розового и черного цвета. Любопытной особенностью этого здания, ориентированного с востока на запад, является то, что оно расположено на начале склона к Нижнему городу и вход в него был с улицы, шедшей несколько ниже уровня верхнего плато. Остальная же часть здания лежала ниже дневной поверхности, т. е. была полуподвальной. Такое заглубление здания, имевшего общественное значение, может быть объяснено только стремлением не заслонять расположенных сзади него храмов теменоса. После реконструкции агоры это здание, разрушенное в своей верхней части, было пере-

[14] Открыта на раскопе Е-4 в 1952 г.
[15] Открыта на раскопе Е-6 в 1956 г.
[16] Открыта на раскопе Е-7 в 1957 г.
[17] Раскоп Е-2, который в настоящее время слился с раскопом Е-3.
[18] Е. И. Леви. Ольвийская агора, стр. 46, 47, рис. 10 и 11.
[19] Е е ж е. К вопросу об Ольвийской агоре, стр. 329, рис. 8.
[20] Мы полагаем, что она обслуживала находившийся на террасе театр.
[21] Е. И. Леви. Ольвийская агора, стр. 87—92.

крыто черепяной вымосткой после предварительной нивелировки всего участка. Новое здание, сооруженное в III в. до н. э., отодвигается несколько к северу [22]. Таким образом, между водоемом и новым зданием III в. до н. э. образовалась свободная от построек площадь, в которую частично влилась «восточная» улица. Эта небольшая площадь находилась как раз против входа в теменос, что, конечно, не является случайным. Очевидно, при перепланировке агоры было предусмотрено создание свободной площади перед входом в священную округу.

Как упоминалось выше, теменос примыкал к северной части агоры. Раскрытие его дало новый, особенно важный и интересный для Ольвии материал [23]. В настоящее время открыты восточная и южная границы округи и определено местоположение западной границы, которая доходила до главной улицы города. На севере теменос сильно разрушен балкой новейшего образования.

Если в настоящее время мы войдем в теменос со стороны древнего входа, направо от нас окажется цистерна, в которой было найдено около 2 000 обломков терракот, налево — остатки общественного здания. В северной части находятся мощные слоевые субструкции, служившие фундаментами двух храмов. В центре, на открытой площади, стоит монументальный алтарь из известняка (рис. 3, Е). Однако следует подчеркнуть, что открытые памятники разновременны, и только изучение их истории и гибели помогает правильно воссоздать общий вид священного участка на различных этапах его существования.

Самым ранним ядром святилища являлась небольшая рощица, находившаяся в северной части. На это указывает необычайно мощный слой погребенного чернозема, толщиной 0,40 *м*. Кроме того, в северной части сохранились небольшие ямки, заполненные темным рыхлым грунтом без находок (рис. 3 а, б, в, г, д). Они, очевидно, вырыты специально для посадки деревьев [24]. Каковы были размеры засаженной деревьями площади, сказать трудно, так как в дальнейшем она неоднократно застраивалась; очевидно, ширина рощицы с востока на запад была более 30 *м*. В центре рощицы, вероятно, стоял жертвенник. С юга к ней вела очень хорошо выложенная каменная дорожка (рис. 3, А).

Строительные остатки двух храмов относятся к более позднему времени, но о том, что на месте их и ранее (еще в конце VI — начале V в. до н. э.) могли находиться храмы, свидетельствует материал, найденный в их непосредственном окружении. Так, например, в окружении храма III в. до н. э., от которого сохранились фундаменты в виде слоевых субструкций, был обнаружен ряд глубоких ям, служивших в конце VI — начале V в. до н. э. местом сброса пришедшего в негодность храмового имущества. В одной из ям (рис. 3, № 15), открытой в 1952 г., найдены обломки большого жертвенного блюда, расписная амфора своеобразной формы, культового назначения [25]. В этой же яме оказались обломки двух краснофигурных аттических килико в V в. до н. э., на одном из которых частично сохранилось граффити (рис. 4, *б*) [26]. Совершенно отчетливо читаемое первое слово Ζηνός, т. е. «Зевса», свидетельствовало, что килик был посвящен Зевсу (конец надписи в 1952 г. расшифрован не был). Посвящения Зевсу сохранились частично еще на нескольких фрагментах киликов. Эти материалы служили основанием для утверждения, что в конце VI — начале V в. до н. э. в северо-западной части округи находился храм, посвященный Зевсу.

---

[22] От этого здания, лишь частично открытого, сохранились только фундаменты в виде слоевых субструкций.

[23] С 1953 г. все силы Ольвийской экспедиции ЛОИИМК АН СССР по изучению агоры были сосредоточены на этом участке (раскоп $Е_3$).

[24] Вокруг одной из таких ям (*б*) сохранились следы семи деревянных кольев, диаметром 10—12 *см*, служивших оградой дерева; в древности их было восемь.

[25] Е. И. Л е в и. К вопросу об Ольвийской агоре, стр. 335, рис. 14.

[26] Второй обломок килика издан. См. Е. И. Л е в и. К вопросу об Ольвийской агоре, стр. 336, рис. 15, *2*.

Особенно яркие, интересные граффити дали раскопки 1956 г. К востоку от храма, в непосредственном соседстве с ним, открыты три смежные ямы (№ 69, 71, 72; см. рис. 3). Еще в древности, когда на этом месте стали возводить новые постройки, ямы были выбраны (в целях укрепления грунта), забиты глиной и перекрыты щебнем. Насыпь их первоначального заполнения сохранилась только по периметрам ям. В этой насыпи и найден ряд фрагментов краснофигурных киликов аттического производства,

Рис. 4

а — обломок краснофигурного килика из раскопок 1956 г.; *б* — обломок краснофигурного килика с граффити из раскопок 1952 г.; *в* — обломок краснофигурного килика с граффити из раскопок 1956 г.

относящихся еще к последним десятилетиям VI в. до н. э. В медальоне одного из киликов частично сохранилось изображение юноши: в вытянутой левой руке он держит ойнохою, в опущенной правой — мех (рис. 4, *а*). По краю другого килика, между изображениями глаз и пальметок, помещено изображение бегущего юноши с киликом в руках.

Особенный интерес представляет обломок дна килика, в медальоне которого частично сохранилась фигура обнаженного юноши, держащего два перекрещенных копья (рис. 4, *в*). По туловищу, начиная от левого плеча и переходя на правую ногу, была вырезана надпись, последнее слово которой читается совершенно четко: Ἀθηναίηι, т. е. «Афине». Восстановление первого слова вначале вызывало затруднение, но при сопоставлении этой надписи с граффити на килике 1952 г. стало совершенно очевидным,

что она должна быть восстановлена как Z]ηνὶ κ(αὶ) Ἀθηναίῃ, т. е., что этот килик был посвящен Зевсу и Афине, а неясное окончание граффити на килике 1952 г. следует расшифровывать как начало союза καὶ и начало имени Афины, т. е. Ζηνὸς κ(αὶ) Ἀθη[ναίης. Здесь же найден ряд граффити с отдельными посвящениями Зевсу и Афине. Новые находки краснофигурных киликов являются ценными образцами искусства первоклассных аттических мастеров конца VI в. до н. э., чрезвычайно редкими для Северного Причерноморья, а в частности для Ольвии.

Надписи, вырезанные на этих киликах, и скопление их в определенном участке агоры указывают, что, очевидно, уже в конце VI — начале V в. до н. э. здесь находился храм или святилище, посвященное Зевсу. Находки граффити в непосредственном окружении остатков храма III в. до н. э. дают основание предполагать, что последний был посвящен Зевсу [27], ибо в древности существовал обычай возводить новые храмы на месте более ранних храмов.

Рис. 5. Чернофигурный килик с посвящением Дельфинию

Восточнее храма Зевса располагался второй храм, наиболее ранние остатки которого относятся к V в. до н. э. О том, что второй храм был посвящен Аполлону Дельфинию, свидетельствуют не только граффити, но и ряд надписей на мраморе, найденных вокруг. Первая надпись с упоминанием храма Аполлона обнаружена в 1951 г. В заключительной формулировке почетного декрета II в. до н. э. храм Аполлона упоминается дважды [28]. Уже в 1951 г. встал вопрос — о каком храме Аполлона сказано в декрете [29]. Некоторое указание дал фрагмент посвятительной надписи конца V в. до н. э., найденный при раскопках 1953 г.; частично сохранившееся слово второй строки ...ΦΙΝΙ... давало основание восстанавливать ее как посвящение Аполлону Дельфинию [30]. В последующие годы были найдены граффити с посвящением Дельфинию. Так, например, в 1954 г. найден почти целый чернофигурный килик с изображениями пальметок конца VI в. до н. э., по краю которого вырезано Δελφινίο(υ) (рис. 5). Наконец, в 1955 г. обнаружены фрагменты серомраморного блюда с частично сохранившимися именем Аполлона Дельфиния, а затем и верхняя часть мраморной базы для статуи с посвятительной надписью V в. до н. э., в которой имя Аполлона Дельфиния сохранилось полностью.

Граффити с именем Δελφίνιος, часть которых относится к концу VI в. до н. э., заставляют ставить вопрос, не стоял ли на месте храма V в. до н. э. храм Аполлона, относящийся еще к концу VI — началу V в. до н. э. [31]. Территория теменоса в VI в. до н. э., по-видимому, еще не была отделена от территории агоры.

[27] Следует отметить, что название «храм Зевса» — чисто условное. Мы дали это наименование храму по материалам 1952 г., когда были найдены граффити с именем этого бога. В настоящее время, может быть, следует ставить вопрос о храме, посвященном одновременно Зевсу и Афине.

[28] Е. И. Леви. Ольвийская агора, стр. 102, рис. 65.

[29] Там же, стр. 104.

[30] А. Н. Карасев. Основные результаты работ на Ольвийской агоре в 1953 г. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 127, рис. 62.

[31] Следует, однако, заметить, что вопрос о наличии в теменосе в конце VI — начале V в. до н. э. храмов Зевса и Аполлона Дельфиния пока нельзя считать окончательно решенным. Может быть, этим богам были посвящены жертвенники, находившиеся в рощице. Ясно лишь, что какие-то культовые сооружения в честь этих богов имелись на территории теменоса еще в конце VI в. до н. э.

В V в. до н. э. начинается интенсивная застройка священного участка; в это время вдоль восточной улицы возводится каменная ограда, от которой сохранились плиты нижнего ряда (рис. 3, Ж) [32]. Тогда же древняя рощица, сокращенная наполовину, ограждается невысоким бордюром (рис. 3, И) из поставленных на ребро плит (сохранился юго-западный угол).

В V в. возводится самый ранний из раскрытых раскопками храм Аполлона Дельфиния (рис. 3, Д), ориентированный на юг. Храм, построенный из известняка, был небольшим и, вероятно, имел форму храма in antis.

Рис. 6. Вымостка теменоса с постаментами

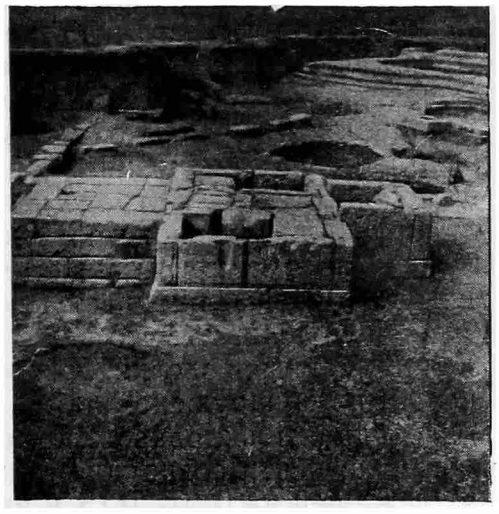


Рис. 7. Алтарь из известняка V в. до н. э.

К западу от этого храма, на засаженной деревьями площади, в V в. до н. э. был сооружен жертвенник (рис. 3, Б), первоначально сложенный из известняка и предназначенный для сжигания жертвоприношений (о чем говорят следы длительного действия огня). В дальнейшем в связи с тем, что известняк быстро разрушался от огня, каменные стенки были заменены сырцовыми. Сохранились четыре ряда белой штукатурки, тонким слоем покрывающей стенки жертвенника. Вокруг него была площадка из известкового раствора, окрашенная в черный, красный и белый цвета.

К северу от вышеописанного жертвенника обнаружены остатки юго-западного угла площадки из известкового раствора (рис. 3, В), окрашенной в ярко-красный цвет. Площадка слегка наклонена к югу, где находилось прямоугольное углубление, которое, скорее всего, являлось приемником. Каменные кладки полностью выбраны. Плохая сохранность памятника не позволяет определить его назначение [33].

В V в. до н. э. вся свободная от застройки площадь теменоса к югу от храма Аполлона Дельфиния (рис. 3, Д) и ограждения (рис. 3, И) замощается крошкой и щебнем известняка, образовавшимися от отески блоков камня при сооружении культовых построек. Вымосткой перекрывается и ранняя дорожка (рис. 3, А), которая вела к рощице. Устраиваются новые дорожки; по краю дорожки, шедшей с востока на запад, были установлены статуи и надписи, от которых сохранилось пять постаментов (рис. 3, $Г_1$—$Г_5$; рис. 6) [34]. Здесь же стояли два маленьких алтарика

---

[32] Несмотря на дальнейшие перестройки, восточная ограда теменоса всегда шла по одной и той же линии.

[33] Не исключена возможность, что это остатки второго жертвенника V в. до н. э., предназначавшегося не для сжигания жертвоприношений, а для возлияний.

[34] На верхней поверхности двух из них сохранились следы заливки свинцом.

(рис. 3, $У_1$, $У_2$). Самым замечательным памятником на открытой площади перед храмами является великолепно сохранившийся монументальный алтарь из известняка (рис. 3, Е), стоявший против входа в теменос. Сохранился цоколь и все плиты — орфостаты стен (рис. 7). С севера к нему была сделана небольшая пристройка (рис. 3, $Е_1$) — возможно, постамент для мраморной статуи. Алтарь был сооружен из известняка высокого качества и тщательно обработанного. К югу от алтаря сохранились незначительные остатки раннего, квадратного в плане, сооружения (рис. 3, Х), к западу от которого находилась особо выделенная площадка из мелкого камня [35].

К V в. относятся и остатки здания (рис. 3, З), находившегося слева от входа в теменос и вплотную примыкавшего к его восточной ограде. От него частично сохранились крупные плиты фундамента и каменный цоколь из вертикально поставленных плит известняка с забутовкой внутреннего пространства. Это здание, видимо, имело служебное назначение, оно состояло из двух помещений, вход в которые был с запада.

Справа от входа к ограде примыкали здания (рис. 3, К и $К_1$), от которых сохранились незначительные остатки каменного фундамента и следы выборки стен. Внутри здания «К» было обнаружено большое количество медных шлаков, мелких частиц меди, прослойка золы с углем. Все это позволяет предполагать, что здесь в V в. до н. э. была мастерская по изготовлению медных изделий. К сожалению, никаких предметов из меди в помещении не обнаружено.

Свободная площадка теменоса, замощенная в V в. до н. э. отесками известняка, почти совпадала с дневной поверхностью площади VI в. до н. э., лежащей на 0,10—0,15 *м* выше уровня материка. Незначительно повысился он и к середине IV в. до н. э.; лишь местами заметны следы небольших ремонтов, преимущественно в районе входа и дорожек, ведущих к храмам. Иное явление наблюдается за пределами теменоса, где строительные периоды сменялись чаще, и, следовательно, рост культурного слоя и вызываемое этим повышение дневной поверхности были довольно быстрыми. Постоянное большое движение на агоре и улицах также приводило к быстрой изнашиваемости черепяных вымосток и необходимости частых ремонтов. В результате к середине IV в. до н. э. разница в уровнях вымостки теменоса и прилегающих к нему улиц и площади оказалась столь значительной, что потребовалось устройство специальной лесенки: сохранились остатки трех ступеней. Между началом ступеней и оградой имеется небольшая ровная площадка. Это дает основание полагать, что новый вход (рис. 3, О) был сделан в виде небольшого пропилона, размером 3 × 3,5 *м*, украшенного колоннами. Первоначально вход, по-видимому, был оформлен скромнее. В одной из плит раннего входа имеется сквозное отверстие диаметром 12 *см*; по всей вероятности, в этом отверстии стоял деревянный столб, на который навешивалась створка двери (или, правильнее, полотнище ворот).

Совсем иной облик принимает теменос после коренной реконструкции во второй половине IV в. до н. э. Очевидно, старые культовые сооружения пришли к этому времени в состояние, требующее капитального ремонта или замены их новыми сооружениями. Кроме того, эти здания оказались уже недостаточно высокими ввиду появившейся разницы в уровнях теменоса и агоры. Поэтому было решено повысить общий уровень внутри священной округи примерно на 0,60 *м*. До начала работ были сняты все ранние памятники с постаментов, а сами постаменты (если они были не из мрамора) остались нетронутыми. Нетронутым остался и алтарь V в. до н. э. (рис. 3, Е): были удалены только плиты венчающей части. Некоторые старые постройки были почти полностью разобраны, как, например, храм Аполлона Дельфиния V в. до н. э.; другие, как, например, здание (рис. 3,

[35] А. Н. Карасев. Ук. соч., стр. 126, рис. 1.

3), претерпев перестройку, продолжали существовать некоторое время и после реконструкции. Весь участок перед засыпкой был выровнен: специальные установленные на ребро плиты известняка, расположенные по одной линии и на одном уровне, служили своего рода реперами [36].

Слоем чистого лёсса, взятым, вероятно, из котлована, выкопанного для водохранилища в северо-западной части города, засыпались все вышеупомянутые памятники, жертвенники V в. до н. э., остатки лестницы. Старая рощица при реконструкции теменоса была полностью ликвидирована.

Новые постройки отличаются от более ранних сооружений несравненно большими размерами и более дорогими материалами. Взамен небольшого храма Аполлона Дельфиния V в. до н. э. (размером около 7 × 15 *м*) во второй половине IV в. до н. э. строится большой периптеральный храм (рис. 3, А) размером около 16 × 30 м [37], от которого сохранились лишь остатки его фундамента из слоевых субструкций [38]. Невысокое качество, а также другие технические признаки говорят о том, что эти субструкции являются одними из наиболее ранних слоевых субструкций Ольвии. К сожалению, никаких следов от каменных кладок не сохранилось, поэтому мы не можем сказать, из какого материала и в каком ордере храм Аполлона Дельфиния был построен [39]. Храм IV в. до н. э. также был ориентирован на юг, но ось его несколько отклоняется на запад. Любопытно, что при сооружении нового храма строители сделали все возможное, чтобы не разрушить остатков старого жертвенника.

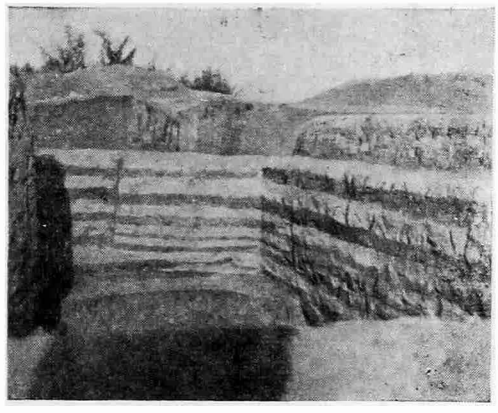


Рис. 8. Слоевые субструкции храма Зевса III в. до н. э.

Второй новый храм, храм Зевса (рис. 3, М), сооружается в начале III в. до н. э.; от него также сохранились лишь остатки фундамента, возведенного из мощных слоевых субструкций (рис. 8). Там, где субструкции проходили над древними культовыми ямами, их опускали до дна этих ям, вследствие чего глубина фундаментов храма достигает местами 5 *м*. Северная часть храма срезана рвом первых веков нашей эры. Но благодаря тому, что субструкции опускались до дна древних ям, удалось проследить направление фундамента западной стены храма, уловить его поворот на восток и, исходя из этих данных, реконструировать размеры храма и его план. Храм Зевса III в до н. э. размером 8 × 16 *м*, ориентированный на юго-юго-восток, был, по всей вероятности, простилем с четырьмя колоннами на главном фасаде. Судя по ширине фундамента, стереобат храма не был ступенчатым, ступени были только на его восточном фасаде, где ширина слоевых субструкций достигает 2,5 *м*. По сохранившимся обломкам барабана колонны можно сказать, что храм был построен в дорийском ордере из привозного известняка, очень хорошего качества. Храм Зевса существовал, очевидно, сравнительно недолго, так как был разобран еще до гетского разгрома.

[36] Открыты в южной части теменоса.

[37] Длина храмов дается примерно, так как раскопками открыты только южные части храмов. Далее на север балка новейшего происхождения уничтожила все строительные остатки. Не исключена возможность, что по другую сторону балки в дальнейшем будут раскрыты остатки северной части храма Аполлона Дельфиния IV в. до н. э.

[38] А. Н. Карасев. Ук. соч., стр. 126, рис. 61.

[39] Полное отсутствие каких-либо остатков наземной части может быть объяснено тем, что храм был полностью разобран в более позднее время, но не исключено, что постройка этого храма не была доведена до конца. Слабые, еще несовершенные слоевые субструкции, служившие фундаментом, могли не выдержать нагрузки высоких стен и колонн, и, возможно, поэтому храм не был достроен.

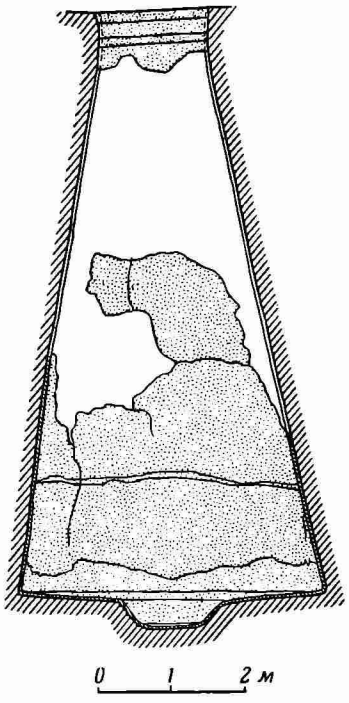


Рис. 9. Цистерна (разрез)

В начале III в. до н. э. на месте засыпанного алтаря из известника соорудили новый алтарь из белого мрамора, который был разбит на мелкие части при разрушении агоры [40]. Сохранившиеся архитектурные детали свидетельствуют о том, что мраморный алтарь не уступал по своему оформлению лучшим памятникам того периода. Новый алтарь полностью повторял размеры и форму засыпанного алтаря из известняка.

Ко времени перестройки теменоса относится и сооружение цистерны (рис. 3, Н), расположенной к северу от входа. Эта цистерна является самой глубокой и вместительной из всех подобных цистерн, открытых в Северном Причерноморье. Каменный водосток, подходивший к цистерне, был разобран. По всей вероятности, вокруг цистерны имелся круглый каменный парапет. Цистерна конусообразной формы, с округлым отстойником на дне, постепенно расширяется книзу (рис. 9) [41]. Она предназначалась для сбора дождевой воды, стекавшей, вероятно, с крыши храма Аполлона или других зданий теменоса. Стены ее покрыты известковым раствором, поверх которого нанесен очень тонкий, в 3—4 *мм*, водоупорный слой розового цвета. При огромных размерах цистерны поражает простота и совершенство ее конструкции.

Несмотря на предельную простоту устройства, цистерна служила около 100 лет; в течение этого периода она несколько раз ремонтировалась. Но ко II в. до н. э., очевидно, из-за больших трещин, исправить которые уже не представлялось возможным, она теряет свое первоначальное назначение и превращается в яму для сбрасывания пришедшего в негодность храмового имущества. Во второй половине II в. до н. э. она была уже засыпана [42]. Эту дату подтверждают и монеты (их всего две), найденные в засыпи цистерны на глубине 6 *м* и ниже, которые относятся к середине II в. до н. э. [43].

В цистерне найдено огромное количество обломков керамики, относящейся в основном к III—II вв. до н. э. Но особенное значение этого

Рис. 10. Терракотовая статуэтка Кибелы

[40] Почти полностью дошла до нас только одна из плит, украшенная овами.

[41] Диаметр горловины 1,5 *м* диаметр дна — около 4 *м*. Горловина, вероятно, была сложена из камня. Цистерна сохранилась с уровня материка.

[42] В верхней части, до глубины 2 *м*, цистерна была использована и в первые века нашей эры.

[43] С изображением Деметры на лицевой стороне и надчеканом головы Афины.

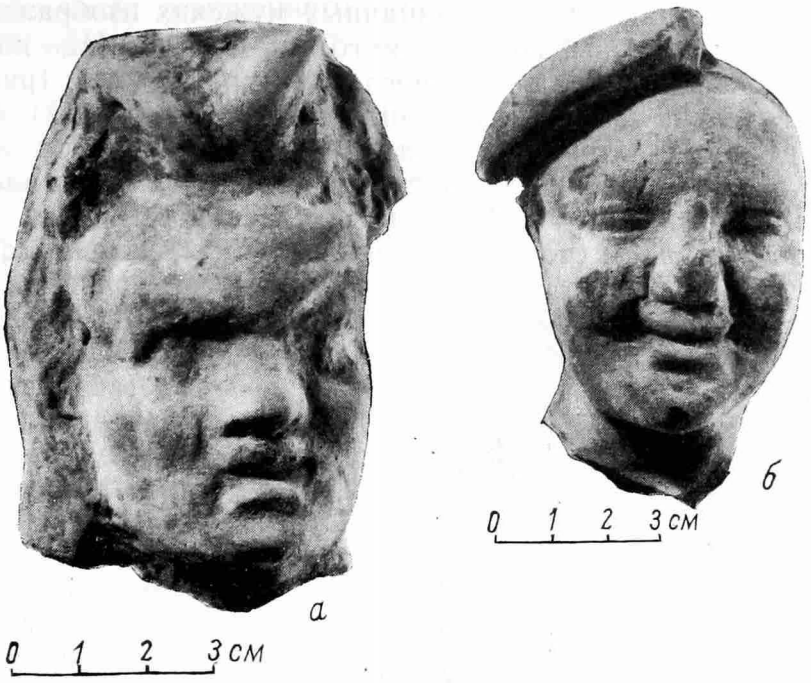


Рис. 11.

а — терракотовая головка Сатира; *б* — терракотовая головка юноши

комплекса находок заключается в новом собрании терракот. Количество обломков терракот из цистерны доходит до 2000; среди них наряду с небольшими фрагментами встречаются и хорошо сохранившиеся экземпляры.

Подавляющее большинство терракот изображает богиню Кибелу, сидящую на троне, со львенком на коленях (рис. 10). Имеются протомы Афродиты, Деметры. Многочисленны фигурки крылатого гения, вотивные алтарики с рельефными изображениями мифологических сюжетов. Раз-

Рис. 12. Форма и оттиск терракотовой женской фигуры

нообразно представлена группа стоящих женских фигур. Женские изображения преобладают. Среди единичных мужских изображений следует отметить чрезвычайно выразительную голову Сатира, лицо которого было окрашено в красный, а волосы и рога — в черный цвет (рис. 11, *а*). Не менее выразительна головка улыбающегося юноши (рис. 11, *б*). Найдены и обломки форм для терракот, указывающие на местное производство части статуэток (рис. 12). Так, например, в цистерне оказался фрагмент формы для оттиска протомы Деметры, обломок формы статуэтки Кибелы, форма с изображением стоящего Силена, стоящей женской фигуры и др.

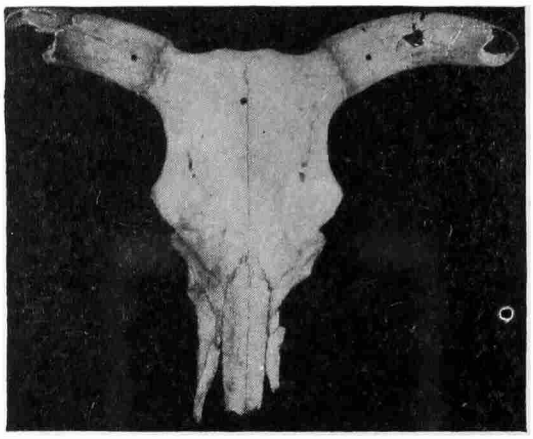


Рис. 13. Череп жертвенного быка

Число фигурок животных незначительно, среди них представлен только бычок. Есть несколько изображений птиц (вероятно, голубей).

Некоторые терракоты, как, например, алтарики, протомы Деметры, встречались и ранее в Ольвии, но фигурки крылатых гениев, хорошо известные по материалам Херсонеса, в Ольвии встречены впервые. Изображения Кибелы имелись и ранее среди ольвийских терракот [44], однако статуэтки Кибелы из цистерны дают новые варианты изображения этой богини.

Большое количество однотипных божеств, алтариков и др., плоскостность большинства терракот, наличие отверстий для подвешивания свидетельствуют о том, что эти терракоты являлись вотивными, предназначались для подношений в храм. На вотивный характер всего комплекса указывает и находка восьми бычьих черепов. В центре лба и у основания рогов у них были сделаны специальные отверстия для укрепления розеток, гирлянд из цветов, лент (рис. 13). Нет никакого сомнения, что это черепа жертвенных быков, которые висели на стенах храмов и вместе с имуществом последних были сброшены в цистерну [45].

Новая коллекция терракот, необычайная по характеру и количеству, является ценным материалом не только для изучения местной коропластики, но и для истории ольвийских культов. Терракоты подчеркивают большое значение культа Кибелы в Ольвии в эпоху эллинизма.

Значительное количество терракот, в том числе и целиком сохранившаяся форма, очевидно, с изображением юного Аполлона Кифареда (рис. 14), было найдено также к востоку от храма Аполлона Дельфиния. Здесь находилась мастерская по изготовлению терракот, от которой частично сохранились остатки кладок и их выборки. Огромное количество чистейшего песка, обнаруженное в специально огражденном углублении (рис. 3, П), вплотную примыкавшем к ограде теменоса, являлось, очевидно, своего рода складом для хранения запасов сырья мастерской; для нужд мастерской могли пользоваться водой из находившейся поблизости цистерны.

От теменоса V в. до н. э. сохранились лишь остатки восточной ограды (рис. 3, Ж), но границы теменоса после его реконструкции выявляются довольно четко и с запада и с юга. По соседству с храмом Зевса (к юго-западу от него) раскрыты остатки слоевых субструкций (рис. 3, Р). Судя по их положению и характеру, надо полагать, что скорее всего они принадлежали портику, расположенному вдоль западной ограды теменоса.

---

[44] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 67, рис. 75.

[45] Кроме черепов быков, в цистерне найдено большое количество костей животных, возможно, также связанных с жертвоприношениями или являющихся остатками от жертвенных пиров.

В южной части священного участка начато раскрытие здания (рис. 3, С) IV—III вв. до н. э., от которого также остались лишь слоевые субструкции. Субструкции этого здания являются самыми длинными из известных нам памятников Ольвии: их длина равняется 45 *м*. Любопытно, что здание полностью заполняет пространство между главной городской и «восточной» улицами. Дойдя до указанных улиц, фундамент поворачивает под прямым углом к югу, уходя в неисследованную часть городища. Полностью раскрыта северная субструкция здания и частично восточная и южная: последнее дало возможность определить ширину здания, первоначально равную 14,5 *м*, а после перестройки — 17,5 *м*. Слоевые субструкции южной части здания отличаются необычайной шириной — 4,5 *м*. Так как здание раскрыто менее чем наполовину, определить его назначение в настоящее время не представляется возможным. Не является ли оно остатками большой стои, отделявшей теменос от агоры?

Мы уже упоминали, что восточная ограда всегда шла по одной и той же линии; очевидно, то же правило соблюдалось и при перестройке западной и южной границ, т. е. размеры теменоса начиная с V в. до н. э. оставались без изменений.

Свободная торговая площадь, примыкавшая к теменосу, в эллинистический период занимала около 4000 $м^2$, имела в плане форму, близкую к квадрату, но слегка расширяющуюся к северу; средняя ширина с востока на запад — 65 *м*. В более раннее время свободная площадь агоры, по всей вероятности, была несколько меньше.

Рис. 14. Форма для терракоты

Среди отдельных находок агоры следует отметить ряд клейм с именами агораномов, довольно редко встречающихся в Северном Причерноморье. При раскопках агоры найдено уже восемь клейм [46]. На обломке стенки ойнохои, происходящей из засыпи цистерны, рядом с клеймом агоранома помещен оттиск геммы с изображением Амура, сидящего перед Психеей.

Особенно интересный материал дали комплексы ранних культовых ям, открытых на территории теменоса. К серии граффити на краснофигурных и чернолаковых киликах 1952—1956 гг. в 1957 г. прибавилась новая коллекция граффити из углубления с материалом конца VI — начала V в. до н. э. [47]. Найдено около 80 обломков киликов с граффити. На одном из киликов сохранилась надпись ἱρὴ Ζηνός (рис. 15,б), т. е. священный килик Зевса, посвящен Зевсу; в медальоне помещено изображение менады, исполненное в чернофигурной технике (рис. 15, *а*). На другом было вырезано посвящение Афине. Однако большинство киликов посвящено Аполлону Дельфинию. Интересно, что если в северо-западной части теменоса сосредоточивались преимущественно посвящения Зевсу и Афине, в восточной части преобладают посвятительные надписи Аполлону Дельфинию. Новое собрание граффити представляет исключительную ценность для истории ольвийских культов раннего времени.

Не меньшее историческое значение имеют и надписи, подавляющее большинство которых было установлено в пределах священного участка.

---

[46] Преимущественно при раскрытии западной стороны.

[47] Углубление (Т), занимающее площадь 25 $м^2$, глубиной около 3 *м*.

С 1946 по 1957 г. найдено 59 обломков надписей и два целых декрета [48]. Наряду с хорошо читаемыми или поддающимися расшифровке надписями имеются незначительные сколы плит лишь с отдельно сохранившимися буквами. Однако и эта последняя группа, принадлежащая различным надписям, является свидетельством того, как много их стояло около храмов. Все надписи относятся ко времени от конца V до II в. до н. э. включительно. Среди них имеются посвятительные надписи и декреты; одна надпись — стихотворная.

Рис. 15. Чернофигурный килик с посвящением Зевсу (диаметр 24 *см.*)

Посвятительных надписей найдено семь обломков, причем три из них, на которых сохранилось имя божества, являются посвящениями Аполлону Дельфинию. Почетных декретов шесть: среди них — декрет в честь сыновей херсонесца Аполлония, декрет в честь родосца, с изображением рельефной головы Гелиоса, и др. Наибольшее количество их принадлежит декретам о проксении. Эта группа надписей дала особенно много новых данных для суждения об экономических связях Ольвии в IV—III вв. до н. э. Исключительный интерес среди них представляют целиком сохранившиеся декреты IV в. до н. э. в честь афинян, в честь гераклеотов, фрагменты декретов в честь жителя Византия, в честь охроменца. Они не только документально подтверждают уже известные по другим материалам связи Ольвии с Афинами, Гераклеей, но и впервые устанавливают наличие сношений Ольвии с Византием и Орхоменами в ранний период ее истории.

Два декрета о проксении — IV и конца III вв. до н. э. — были поставлены в честь жителей Херсонеса. Вместе с почетным декретом в честь сыновей Аполлония мы имеем уже три документа, свидетельствующих о тесных взаимосвязях этих двух крупных центров Северного Причерноморья.

Характерно, что почти все надписи найдены в слое, связанном с разрушением агоры. Куски одной и той же надписи иногда лежали на значительном расстоянии друг от друга. Это обстоятельство, наряду с огромным количеством осколков от мраморных плит, ярко свидетельствует о тех больших разрушениях, создающих впечатление не случайного, а нарочитого уничтожения, которым еще в древности подверглись храмы и памятники, стоявшие около них. Напомним, что на мелкие части был разбит и мраморный алтарь. Те же разрушения наблюдались и при раскрытии общественных зданий с торговыми рядами, особенно в западной части агоры.

В послегетский период древняя агора уже не существовала. Производственный район, возникший на ее территории, уже за пределами стен нового города, был отделен специально вырытым рвом от заброшенной северной части старого города. На месте священного участка в I в. н. э.

---

[48] Надписи частично изданы См. Е. И. Леви. Ольвийская агора, стр. 93—112; ее же. К истории торговых сношений Ольвии в IV—III вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958. Некоторые обломки надписей удалось соединить, поэтому количество последних не совпадает с количеством найденных фрагментов.

устраивается большое зернохранилище: его ямы способствовали разрушению более ранних памятников. Здесь же открыты остатки двух гончарных печей (рис. 3, $Ш_1$ и $Ш_2$); особенно интересна печь для изготовления черепицы ($Ш_2$). В центре агоры открыты остатки винодельни того же времени (рис. 3. Щ).

Раскопки агоры и священного участка убедительно показывают, насколько необходимо проведение дальнейших, более широких работ по раскрытию этого городского района, дающего так много нового для понимания истории и культуры древней Ольвии. Открывается первая агора Северного Причерноморья с единым архитектурным ансамблем. Строительные остатки позволяют реконструировать целый ряд сооружений, в том числе здания с торговыми рядами, храмы, алтари, жертвенники. Впервые мы знакомимся с подобного рода памятниками архитектуры Северного Причерноморья.

На материалах агоры мы убедились, что большим строительным работам в конце IV в. до н. э. предшествовало сильное разрушение более ранних сооружений. Это является новым для истории Ольвии. Большие разрушения, происшедшие во второй половине II в. до н. э., отражают кризис Ольвии еще задолго до гетского разгрома.

В. В. БОРИСОВА

ГОНЧАРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ХЕРСОНЕСА

(По материалам раскопок 1955—1957 гг.)

Известный исследователь Херсонеса К. К. Косцюшко-Валюжинич, обследуя в 1900 г. перибол юго-восточного участка оборонительных стен вблизи башни Зенона, открыл здесь остатки гончарных печей. Часть мастерской, к которой относятся эти печи, позднее, видимо, была перекрыта протейхизмой [1]. Однако этот участок и прилегающая к нему площадь с тех пор не обследовались. В 1952 г., во время строительных работ, примерно в 50—60 м к юго-западу от башни Зенона, т. е. за внешней линией оборонительных стен и по соседству с участком, где вел раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинич, были обнаружены остатки гончарных печей или горнов, составляющих, по всей вероятности, продолжение большого комплекса гончарных мастерских, открытого в 1900 г.

Раскопками 1955—1957 гг. в Херсонесе были раскрыты остатки двух рядом расположенных гончарных мастерских (рис. 1). Залегание их под некрополем, относящимся ко времени начиная с середины II в. до н. э., надежно датирует комплекс печей III — первой половиной II в. до н. э. Датировка находит подтверждение и в обильном керамическом материале, собранном в самих печах и дворах мастерских. О том, что загородный комплекс гончарных мастерских прекратил свое существование в середине II в. до н. э., свидетельствует и находка 28 амфор с клеймами херсонесского астинома Истрона, сына Аполлонида, обнаруженная в 1900 г. [2] Разрушение мастерских в это время связано, вероятно, с началом войн со скифами.

Первая гончарная мастерская (рис. 1, *I*) занимала площадь около 130 *м*^{2} и состояла из двух смежных отделений, размещенных в открытом дворе (помещения «А» и «Б»). Двор ограждается сейчас невысокими стенами из камня-дикаря, поставленными на скалу и сложенными на зеленоватой глине. Сохранность стен на всем их протяжении (16 *м* по периметру) неодинакова, наибольшая высота их едва достигает 0,5 *м*.

В юго-западной части производственного двора (помещение «А») размещено шесть печей: две большие и четыре малые (№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6).

Общим признаком первых пяти печей в первой мастерской является округлая в плане форма и двухкамерность, шестая печь в плане четырехугольной формы имела только одну камеру.

Печь № 1 расположена в западном углу помещения «А», внутренний диаметр ее достигает 2,90 *м*, сохранившаяся высота печи — 1,15 *м* (рис. 2). Нижняя часть печи вырублена в скале, устье топки выходит на юго-восток. С юго-западной и северо-западной сторон печь имеет кожух, образованный стенами помещения «А», а со стороны устья и с восточной

---

[1] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1900 г. ИАК, вып. 2, СПб., 1902, стр. 18—26.

[2] См. ИАК, вып. 2, стр. 23.

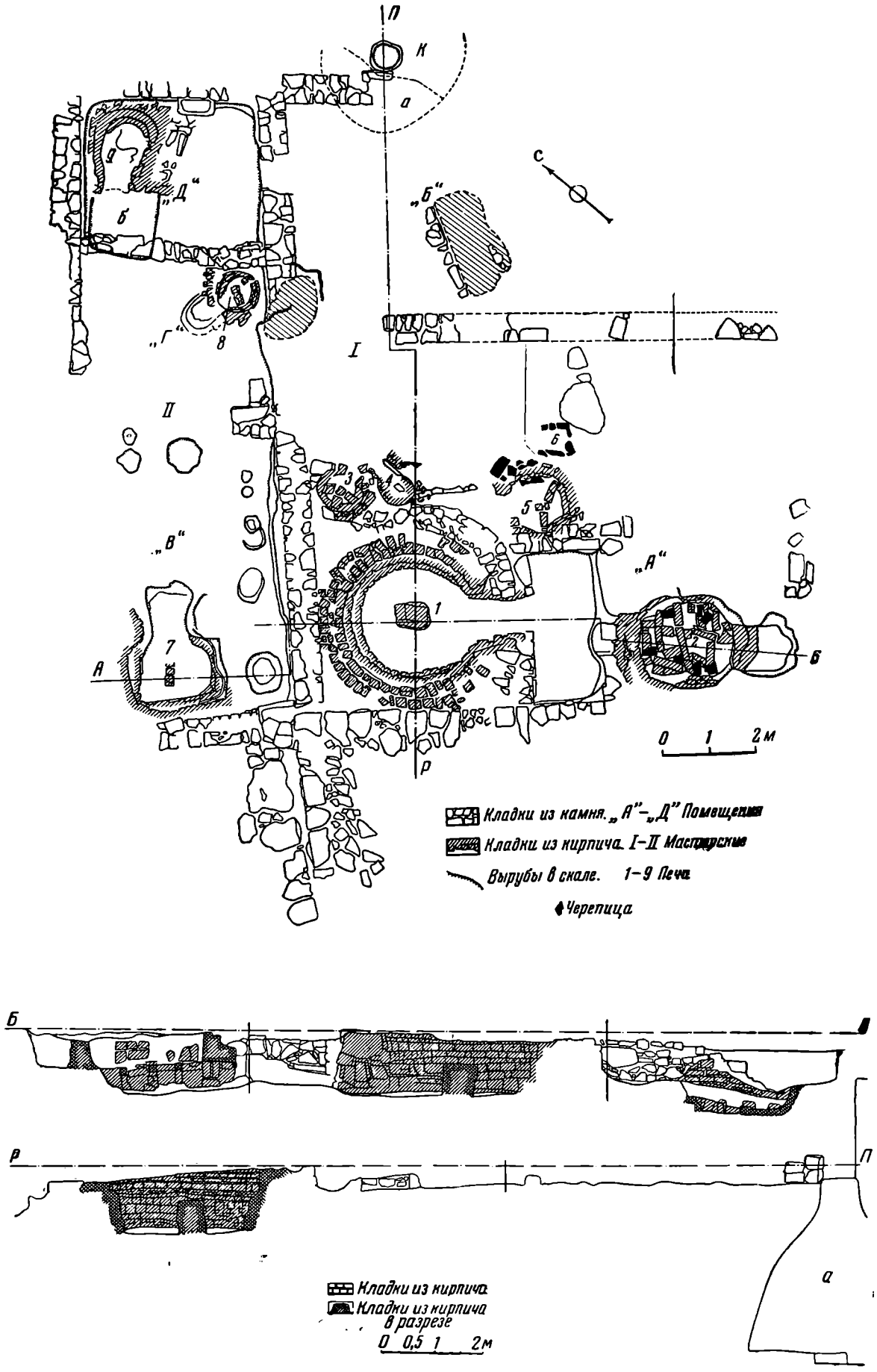


Рис. 1. План и разрезы гончарных мастерских Херсонеса (раскопки 1955—1957 гг.)

Штриховкой обозначены обгорелые пятна

Рис. 2. Гончарная мастерская 1. Обжигательные печи № 1 и № 2

стороны кожух идет кольцом по внешней окружности печи, как бы охватывая ее. С внутренней стороны корпус печи облицован сырцовыми кирпичами неправильной прямоугольной формы, сложенными на растворе. Внутри печи, по всему ее периметру, тянутся два кольцевых выступа, соответствующие двум различным уровням пода обжигательной камеры и свидетельствующие о двух периодах в строительстве печи. В центре топки расположен квадратный подпорный столб, сложенный из крупных кирпичей на глиняном растворе; его размеры у основания — 0,70 × 0,50 *м*, высота — до 0,70 *м*[3]. Верхняя часть столба переходит в свод. Он был обмазан глиной, на которой видны следы пальцев. Под обжигательной камеры не сохранился; по-видимому, он опирался на боковые кольцевые выступы и подпорный столб.

В заполнении печи четко прослеживаются три слоя — следы последовательного разрушения печей двух строительных периодов, содержащие битый кирпич, камни, обломки керамики, часто ошлакованной.

Под топки печи первого строительного периода лежал на скале. Округлая часть кожуха печи, видимо, была сооружена во второй строи-

Рис. 3. Свод над устьем печи № 2

[3] Размеры некоторых кирпичей подпорного столба: 0,70 × 0,20 × 0,10 *м*; 0,50 × × 0,10 *м*, при ширине одной стороны — 0,30 *м*, другой — 0,36 *м*.

тельный период, так как часть его со стороны устья печи стоит не на скале, а на насыпи, уровень которой соответствует горизонту топки второго строительного периода.

Керамический материал, найденный при зачистке печи № 1, в основном однороден. Он состоял из обломков амфор, кувшинов, лутериев, пирамидальных грузил, относящихся к III — первой половине II в. до н. э. Интересны находки керамического брака и сырца (ручки амфор и кувшинов, ножка амфоры), уточняющие некоторые детали процесса производства.

Устье печи № 1 выходило в очень небольшое предтопочное помещение, площадь которого едва достигала 5 *м*². В это же помещение выходило устье печи № 2.

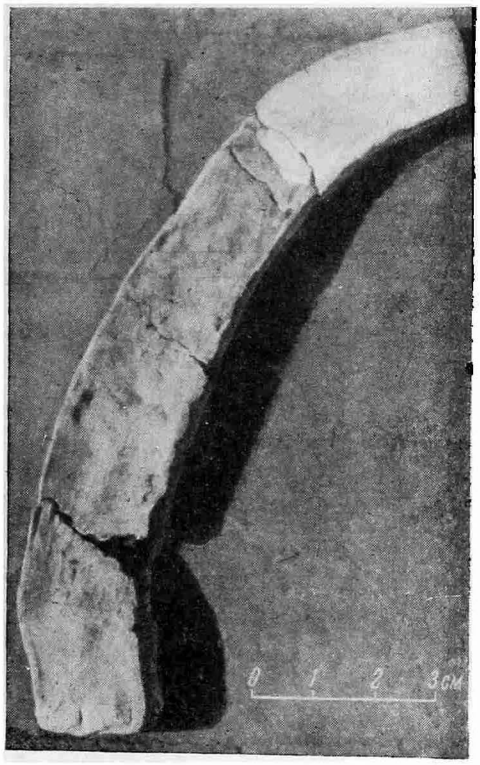


Рис. 4. Изогнутый кирпич из печи № 2

Печь № 2 расположена на южном углу помещения «А». Она сохранилась значительно лучше других (рис. 2). Полностью уцелела чашевидная топка печи со сводом над устьем, под обжигательной камеры и нижняя часть обжигательной камеры (рис. 3). Диаметр печи — до 2,0 *м*, сохранившаяся высота — до 1,15 *м*. Вся эта часть печи вырублена в скале. Топка облицовочных кирпичей не имеет, почти нет их и в обжигательной камере. В нижней топочной камере проходит центральный канал. От него по обе стороны ответвляются четыре пары боковых, более узких каналов. Как под обжигательной камеры, так и поддерживающая его конструкция сооружена из длинных (иногда до 1 *м*) сырцовых кирпичей прямоугольных в сечении (0,15 × × 0,17 *м*). Под этот поддерживался шестью опорами, большие промежутки между кирпичами закладывались плоской черепицей и хрупкими фрагментами керамики. Сверху для прочности все это промазывалось глиной. Жаропроводные отверстия (продухи) имели неправильную форму. Снизу кирпичи пода и опоры сильно оплавились, до состояния стекловидной зеленой массы. Топка печи была заполнена глинистой, натечной, плотно слежавшейся землей.

Большой интерес представляют изогнутые сырцовые кирпичи (ребра), длиной 1,20 *м*, найденные в завале обжигательной камеры (рис. 4). Однако длина их, вероятно, была не одинаковой, в соответствии с неправильной формой самой печи. Изготовлялись кирпичи по шаблону. У одного конца кирпич тоньше, но шире (7 × 20 *см*), у другого — он несколько толще, но у́же (9 × 15 *см*). Изгиб увеличивается к более узкому концу. Из нескольких обломков таких кирпичей полностью удалось реконструировать только один. Найдены обломки от 14 кирпичей, а от семи кирпичей имеются изогнутые узкие части. Форма и размеры этих кирпичей, степень обжига их различных частей и положение их в завале обжигательной камеры позволяют реконструировать обвалившийся свод печи, где эти кирпичи служили нервюрами.

На поду обжигательной камеры найдено шесть раздавленных амфор, стоящих под стеной (рис. 5); по-видимому, они находились в печи в момент ее разрушения. Муфтообразные подставки, обычно употреблявшиеся для установки амфор, здесь не найдены; амфоры, по всей вероятности,

были поставлены на горло под стену камеры, и только одна из шести стояла на ножке. Все найденные в печи амфоры могут быть отнесены ко II в. до н. э. По типам и размерам они делятся на две группы. Три амфоры первой групы имеют яйцевидное тулово, высокую ножку с кольцевой подставкой, покатые плечики, постепенно переходящие в цилиндрическое горло с полукруглым в сечении венчиком. Ручки — средней высоты, овальные в сечении. Несколько таких амфор было найдено в 1953 г. при раскопках клера усадьбы № 25 [4]. Три амфоры другой группы имеют коническое тулово, резко переходящее в плечики и затем в цилиндрическое высокое горло, с полукруглым в сечении венчиком. Ручки массивные, высокие, овальные в сечении. Ножка высокая (рис. 6,; высота амфор: *1* — 55 *см; 2* — 70 *см*).

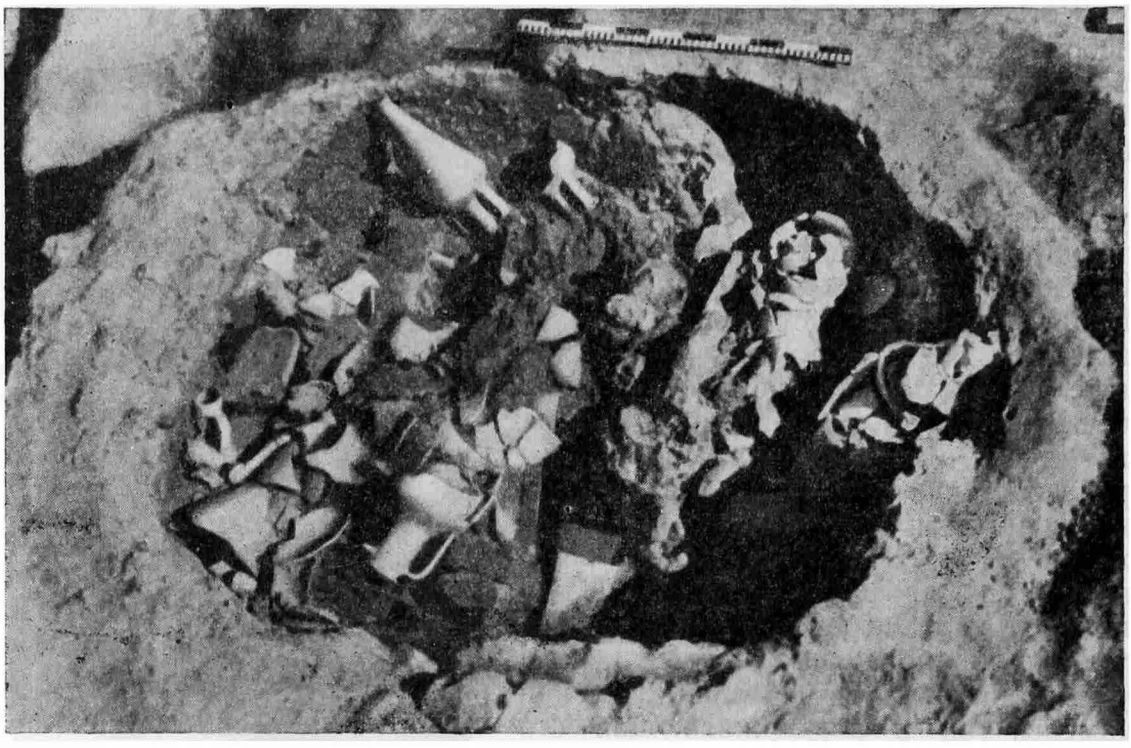


Рис. 5. Амфоры в печи № 2

Сверху амфоры были покрыты пережженной землей, немногочисленными обломками керамики, кусками глиняной обмазки и кирпичами. Обломков амфор обоих типов на площади раскопа собрано очень много.

К кожуху большой печи № 1 с северо-востока примыкают три малые печи.

Печь № 3 примыкает к северо-западной стене помещения «А» с одной стороны и граничит с кожухом печи № 1 (рис. 1). Внутренний диаметр ее — до 1 *м*, сохранившаяся высота печи — до 0,40 *м*. Корпус печи сооружен в грунте, устье топки ориентировано на восток. С внешней стороны имеется кожух, сложенный из камня на глине. С внутренней стороны корпус печи облицован поставленными на ребро кирпичами и обломками плоской черепицы. У устья и северо-восточной стороны для облицовки использованы обломки толстых сырцовых кирпичей. Стены корпуса обмазаны глиной. Подом топки служила скала. В центре топочной камеры имеется четырехугольный подпорный столб, сложенный из двух обломков

[4] С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках на Гераклейском полуострове в 1953 году. Рукопись, Архив ГХМ.

толстых кирпичей [5]. Сохранилась часть пода обжигательной камеры, сделанная из плоских, тонких, прямоугольных кирпичей, опирающихся на столб и стены печи. Большие отверстия между кирпичами закладывались плоской черепицей и крупными обломками керамики, маленькие отверстия оставлялись свободными и служили продухами. При расчистке топки печи найдено несколько обломков керамики III—II вв. до н. э.

Рис. 6. Амфоры из печи № 2

Печь № 4 примыкает к кожуху печи № 1 с одной стороны и к печи № 3 с другой стороны (рис. 1). Диаметр пода топки — до 0,70 *м*. Печь плохо сохранилась, так как была разрушена более поздней могилой. Сохранились только под топки, следы облицовочной кладки в топке и основание прямоугольного (0,13 × 0,02 × 0,10 *м*) подпорного столба, стоящего в центре топки. Устье печи ориентировано на север и соприкасается с устьем печи № 3.

Печь № 5 расположена почти в центре помещения (рис. 1). Наибольший диаметр ее равен 1,20 *м*, высота достигает 0,50 *м*. Корпус печи сделан в грунте, устье ее ориентировано на северо-запад. С внешней стороны печь имела кожух, сложенный из бутового камня. Внутри она облицована сырцовым кирпичом и обломками плоской черепицы, поставленными на глиняном растворе на ребро на скалу. В центре топки находился подпорный столб, сделанный из одного кирпича, имеющего в сечении полукруглую форму (0,33 × 0,16 × 0,04 *м*). Подом топки служила скала, подом обжигательной камеры — длинные тонкие кирпичи прямоугольной формы. Как и в печи № 3, отверстия между кирпичами пода были заложены обломками плоской черепицы. При зачистке пода топки

[5] Размеры подпорного столба 0,17 × 0,23 × 0,30 *м*. Размеры кирпичей пода: 0,30 × × 0,20 × 0,05 *м*; 0,25 × 0,20 × 0,05 *м*; 0,30 × 0,20 × 0,5 *м*.

обнаружено несколько фрагментов керамики и ошлакованного брака.

Печь № 6 примыкает к печи № 5 с северо-востока. Она имеет почти квадратную форму в плане, со сторонами в 0,50 *м*. Корпус печи устроен в грунте, подом топочной камеры служила скала, устье ее ориентировано на северо-запад. Печь сделана из обломков плоской черепицы, поставленных

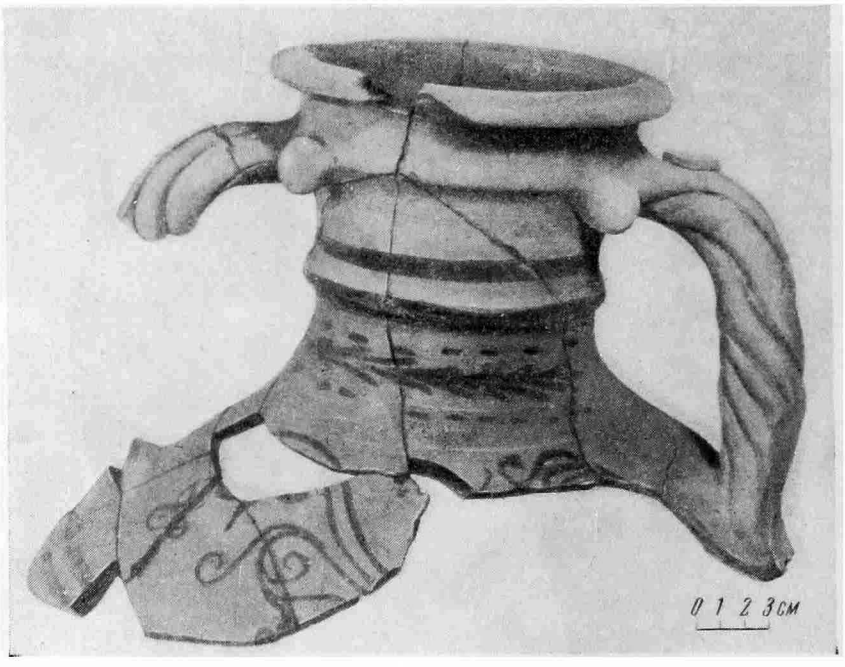


Рис. 7. Горло херсонесской расписной амфоры

на ребро. Никаких признаков подпорного столба внутри топочной камеры нет. Печь была заполнена золой; много ее найдено и около устья топки. Принимая во внимание малые размеры печи и то обстоятельство, что, по-видимому, она не имела двух камер, можно предположить, что она не была обжигательной, а скорее имела хозяйственное значение. Но не исключено, что эта однокамерная печь могла быть обжигательной, как все остальные.

В этой же мастерской в помещении «Б» имеются следы еще двух печей, о чем свидетельствуют обгорелые пятна на скале. Печи эти к моменту действия печей в помещении «А» уже не функционировали. Между устьем печи № 3 и кожухом печи № 1 найден обломок расписной херсонесской амфоры (рис. 7). Роспись нанесена красной краской по светлому ангобу и состоит из растительного орнамента, пальмет, волют и поясков. Фрагментов подобных расписных амфор при раскопке собрано несколько экземпляров. Часто красная краска наносилась прямо на глину. Многие амфоры украшались белыми поясками по красной глине на горле или выше ножки.

В помещении «Б» первой мастерской печей не обнаружено. Здесь были размещены, по всей вероятности, станки с гончарным кругом, чаны для замеса глины и площадки для просушки формованной продукции. К северо-восточной стене помещения примыкает устье цистерны (а) диаметром 0,70 *м*, имеющей колоколовидную форму[6] (рис. 1). К устью цистерны ведет канальчик, вырубленный в скале. В цистерне найдено большое количество обломков посуды, несколько терракот, обломки кирпича, брак производства.

---

[6] Глубина цистерн — 3,40 *м*, диаметр дна — 3,30 *м*.

Среди найденных в цистерне предметов интересны две высокие муфтообразные подставки, имеющие хорошо выраженные валикообразные венчики и зоны горизонтальных поясков (на одной — две, а на другой — три). Боковые отверстия у одной из муфт круглые, у другой — прямоугольные. Подставки сделаны на гончарном круге (рис. 8) [7].

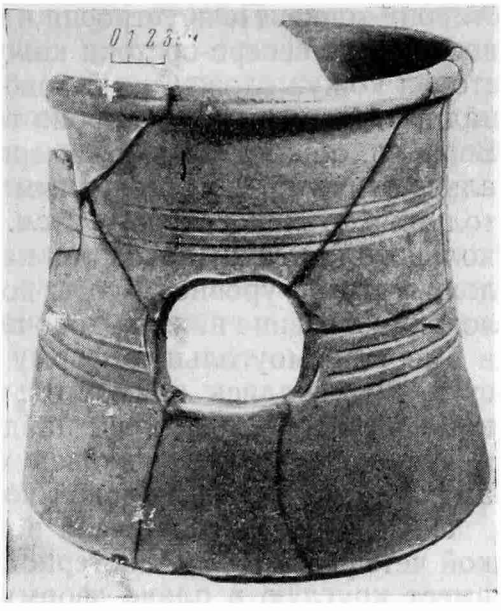


Рис. 8. Муфтообразная подставка

Вторая мастерская (рис. 1, II), смежная с первой, была расположена во дворе и имеет три отдельных помещения «В», «Г» и «Д». Общая площадь мастерской — около 52 *м*². Пол в мастерской II несколько ниже (на 0,50 *м*), чем в мастерской I. Сохранность стен и перегородок в ней неодинакова. В помещениях «В» и «Г» размещено по одной печи. Помещение «Д» было, видимо, подсобным в момент функционирования печей № 7 и № 8. В помещении «В», кроме печи, были сделаны пять воронкообразных вырубов в скале, служивших, по всей вероятности, для установки в них пифосов, и два глубоких, но узких выруба (диаметр 0,24—0,28 *м*, глубина — 0,35 *м*), возможно, для укрепления столбов, поддерживающих навес над печью. В одной из воронок найдена красная обожженная глина (вероятно, слабо обожженная часть кирпича), в другой — нижняя часть амфоры, наполненная необожженной глиной зеленоватого цвета.

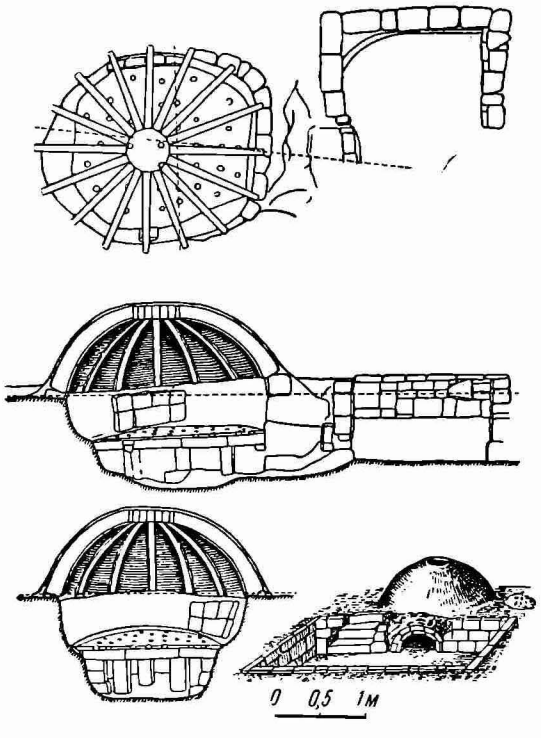


Рис. 9. Гончарная печь № 2. Схема реконструкции

Печь № 7 одной своей стороной примыкает к юго-западной стороне помещения «В» (рис. 1). Устье ее ориентировано на северо-восток. В плане она имеет четырехугольную форму (1,80 × 1,40 *м*). Топка печи вырублена в скале и облицована кирпичом. Сохранившаяся часть обжигательной камеры (северо-восточная ее сторона) также была облицована кирпичом. Примерно посредине топки сохранились остатки основания подпорного столба или остатки перегородки. Необычной является находка горла амфоры, обмазанного с внешней стороны глиной, а внутри заполненного какой-то рыхлой массой черного цвета. Возможно, что это часть конструктивной детали печи.

Печь № 8 обнаружена в восточном углу помещения «Г». Она имеет в плане круглую форму, диаметром в 0,95 *м*, наибольшая сохранившаяся высота равна 0,95 *м*. Устье ее ориентировано на запад и имеет наклон в

[7] Высота одной подставки — 0,30 *м*; высота другой — 0,26 *м*; диаметр обеих — 0,26 *м*.

сторону топки. Печь устроена в грунте, подом топки служила скала. С юго-востока и с северо-востока кожухом служат стены помещения, а с других сторон кожух сложен из бутового камня и обломков кирпича. Устье, свод над ним и внутренняя сторона топочной камеры печи выложены кирпичом. Верхняя, обжигательная камера с внутренней стороны облицована специально, видимо, изготовленным незамкнутым керамическим цилиндром, толщина стенки которого 2 *см*. Внутри печи по всему периметру тянется кольцевой выступ (такой же, как и в печи № 1, только там их два), расположенный на уровне высоты подпорного столба. Подпорный столб расположен посредине нижней топочной камеры. Он образован из двух кирпичей и имеет прямоугольную форму в сечении. На этот столб и кольцевой выступ и опирались прямоугольные тонкие кирпичи пода обжигательной камеры. Около этой печи найдена терракотовая женская головка, фрагментированная чернолаковая солонка и большое количество обломков амфор, простой и расписной посуды.

Печь № 9 расположена в северном углу помещения «Д», над глубокой четырехугольной цистерной б, вырубленной в материковой скале. Она имеет круглую в плане форму; диаметр 1,40 *м*, наибольшая сохранившаяся высота ее равна 0,80 *м*. Устье печи ориентировано на юго-запад. Топочная камера устроена в верхней части цистерны. Внутренняя сторона корпуса в некоторых местах облицована кирпичом. Затем вся внутренняя часть печи была обмазана глиной. Печь несколько раз ремонтировалась, о чем свидетельствуют неоднократные глиняные подмазки. В центре топочной камеры имеются остатки подпорного столба. Эта печь наиболее ранняя из всех описанных, так как она построена над цистерной, единовременная засыпь которой состоит из материала IV — середины III в. до н. э., а сверху она была перекрыта площадкой, связанной с печами №№ 7 и 8.

Как показывает приведенный материал, производство в гончарных мастерских, раскопанных в 1955—1957 гг., так же как и гончарных мастерских, раскопанных в предшествующие годы, носило смешанный характер. Наряду с бытовой посудой ремесленники-гончары выпускали художественные изделия и терракоты. Однако производство тары для перевозки продуктов имело гораздо большее значение для Херсонеса, где само хозяйство — торговля вином и соленой рыбой — требовало развития этого вида производства. Исходя из размеров обследованных печей, можно считать, что в больших печах (№№ 1 и 2) обжигались крупные керамические изделия: амфоры, кувшины, миски, лутерии. В печи № 7 скорее всего обжигали посуду средних размеров, печи же №№ 3, 4, 5, 8 служили для обжига очень небольших кувшинчиков, флакончиков, пирамидальных и чечевицеобразных грузил и, вероятно, терракот.

Новые раскопки гончарных мастерских в Херсонесе хотя не охватили еще всей территории, занятой гончарными мастерскими, однако позволили выяснить основные черты планировки печей и рабочих помещений. Расположение печей, а главное изучение их конструктивных особенностей дали интересные и бесспорные материалы для реконструкции керамических горнов. По данным раскопок можно реконструировать, например, внешний облик и внутреннее устройство печи № 2. Изучение строительного завала позволяет достаточно точно восстановить наименее исследованную часть обжигательного горна — его купольное перекрытие (рис. 9). Каркас купольного перекрытия печи состоял, видимо, из 16 кирпичей-ребер, причем пустоты между ними были заложены кирпичом, плоской черепицей и обмазаны глиной. На вершине свода, где кирпичи-ребра не сходились свободными концами, оставлялось загрузочное отверстие диаметром около полуметра, служившее вместе с тем и дымовым отверстием. Этот диаметр был вполне достаточен, чтобы через него в печь могли спускать амфоры, через него же спускался и сам гончар или его подмастерье для расстановки посуды в печи. Большие размеры печи делают такое предпо-

ложение вполне правдоподобным. Можно, однако, предположить наличие загрузочного отверстия сбоку в куполе печи. Подсчеты показывают, что высота печи была около 2 *м*, из них около 1,30 *м* приходится на высоту обжигательной камеры. Диаметр обжигательной камеры доходит до 2 *м*. Все другие печи, открытые раскопками, не отличаются от печи № 2 по принципу устройства, хотя все они имеют свои архитектурные и конструктивные особенности.

Судя по предложенной реконструкции эллинистической керамической печи из Херсонеса, последняя в принципе аналогична такого рода сооружениям в других центрах античного времени, в том числе и далекой периферии античного мира — Хорезме[8].

[8] Kultura materialna starożytney Grecji. Warszawa, 1956, стр. 222—224; М. Г. Воробьева. Гончарные печи античного Хорезма. КСИЭ, вып. XXVI, М., 1957, стр. 113—121.

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

УСАДЬБЫ КЛЕРОВ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО II в. до н. э.

Усадьбы клеров Херсонеса Таврического античной эпохи обнаружены на всей территории Гераклейского полуострова, за исключением его восточной части (рис. 1) [1]. Каждый клер имеет свою усадьбу, представляющую собой комплекс жилых и хозяйственных помещений. Разрушенные монументальные башни усадеб эффективно выделяются на холмах и склонах балок, привлекая к себе внимание.

Исключительно большую работу по учету, составлению планов и описанию этих усадеб осуществили в 20-х годах севастопольские краеведы под руководством П. П. Бабенчикова [2]. С 30-х годов вся работа по учету и охране памятников Гераклейского полуострова сосредоточилась в Гос. Херсонесском музее, которым в настоящее время зарегистрировано 149 античных усадеб, не считая находящихся на Маячном полуострове (рис. 1).

Намного слабее были организованы археологические исследования этих усадеб. Первые такие раскопки произведены в 1924 г. И. Н. Бороздиным [3]. В 1928—1929 гг. К. Э. Гриневич вел исследования на трех усадьбах в балке Бермана [4]. В 1937 г. В. П. Лисин раскопал усадьбу первых веков нашей эры у Камышевой бухты [5], а А. К. Тахтай — усадьбу эллинистического времени у Стрелецкой [6]. Кроме того, на усадьбах в Александриаде, в Верхне-Юхариной балке и на двух усадьбах в балке Бермана раскопаны башни. На основном раскопе в балке Бермана усадьба не доследована [7]. Таким образом, материалы из перечисленных раскопок не позволили сделать окончательных выводов относительно характера и вида затронутых памятников.

В послевоенное время Гераклейской экспедицией Гос. Херсонесского музея были раскопаны усадьбы клеров №№ 25 и 26. На обеих усадьбах

---

[1] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. Приложение III, ИАК, вып. 21, СПб., 1907, стр. 192, примеч. 1.

[2] Основная работа выполнена сотрудниками сектора истории материальной культуры Севастопольского музея краеведения, в которую входили: А. Н. Бернштам, Б. В. Веймарн, Е. В. Веймарн, Г. Г. Волобуев, Г. А. Кулагин, Г. И. Миронов, В. И. Роде, С. Ф. Стржелецкий, В. Н. Чепелев, К. Д. Чернов, А. М. Шишмарев и др.

[3] И. Н. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму. М., 1925.

[4] К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г. «Крым», № 2(8), вып. II, 1928, стр. 34—71; его же. Социалистические проблемы исследования прошлого Севастопольского района (по материалам раскопок 1928—1929 гг.). «Крым», № 2(10), 1929, стр. 44—48; его же. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова под руководством К. Э. Гриневича (7 авг.— 4 сент. 1929 г.). Севастополь, 1929.

[5] В. П. Лисин. Отчет об археологических исследованиях древних памятников на Гераклейском полуострове в районе Камышевой бухты в 1937 г. Архив ГХМ, дело № 358; его же. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. ВДИ, 1939, № 2, стр. 138 сл.

[6] А. К. Тахтай. Дневник раскопок 1937 г. у Стрелецкой бухты. Архив ГХМ, дело № 351; В. П. Лисин. Обзор археологических раскопок, стр. 137—138.

[7] Усадьба у Стрелецкой бухты раскопана на очень низком уровне методики полевых работ, и невозможно установить план сооружения ни первого, ни второго строительного периода.

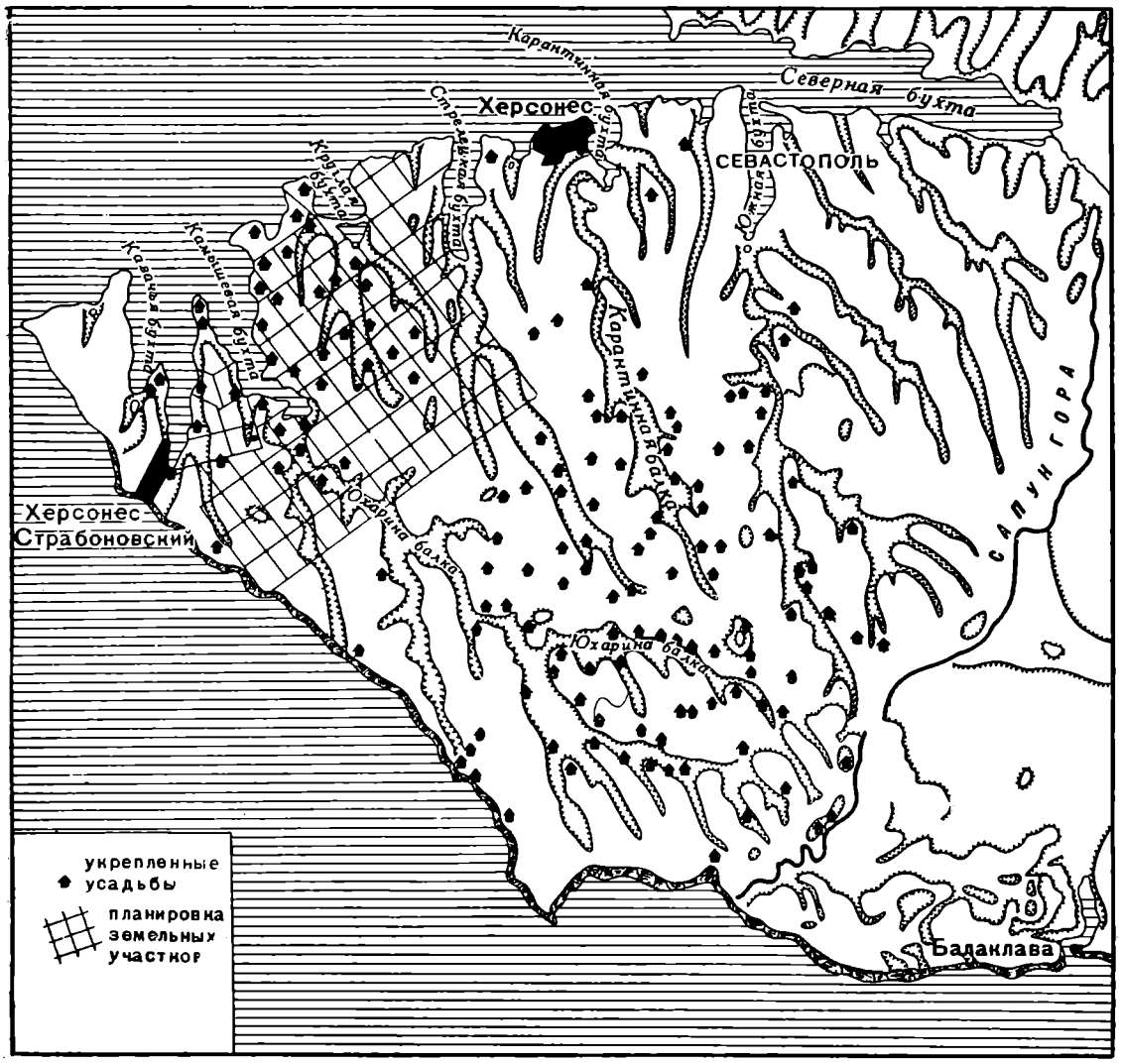


Рис. 1. Археологический план Гераклейского полуострова с сельскими усадьбами Херсонеса Таврического античной эпохи

выявлены два строительных периода: III и II вв. до н. э. Соответственно этому мы имеем планы четырех усадеб: двух — III в. и двух — II в. до н. э. Сохранность первых значительно хуже вследствие перестройки их во II в. до н. э.[6].

Усадьба клера № 25

Усадьба расположена в середине клера, почти у самой его верхней точки, на водоразделе двух отрогов балки[9]. С трех сторон она окружена виноградниками, с четвертой имеет широкий проезд (34 *м*) к внешней границе клера.

На рубеже III—II вв., вероятнее в начале II в. до н. э., усадьба клера подверглась капитальной перестройке. Внутренняя планировка усадьбы второго строительного периода произведена заново. Общая площадь усадьбы вместе с наружным двором осталась прежней (около 2000 $м^2$).

Здание усадьбы в плане квадратное; площадь усадьбы — около 1200 $м^2$. Толщина наружных стен — 0,90 *м*, внутренних — 0,75 *м* (рис. 2).

[8] В настоящей статье описываются две усадьбы II в. до н. э. Ранние усадьбы сооружены на рубеже IV—III вв. до н. э., вероятнее даже в начале III в. до н. э. Усадьба III в. до н. э. на клере № 25 сильно разрушена во время перестройки. Усадьба этого же времени на клере № 26 пока еще не докопана.

[9] План клера см. С. Ф. Стржелецкий. Пять клеров Херсонеса Таврического в III—II вв. до н. э. СА, 1957, № 3, стр. 37, рис. 4.

Центр усадьбы занят большим двором, вокруг которого вдоль наружных стен расположены различные помещения. Двор квадратный в плане — 24 × 23 *м*. Северо-восточная его половина разделяется на две почти равные части тремя помещениями (№№ 18—20) хозяйственного назначения, выстроенными в одну линию. В свою очередь северная половина из указанных двух частей, примыкающая к жилым помещениям (№№ 11—14), отделена от юго-западной половины двора внутридворовым забором, небрежно сложенным из небольших камней. В центре двора обнаружены остатки фундамента большого домашнего алтаря Зевса [10].

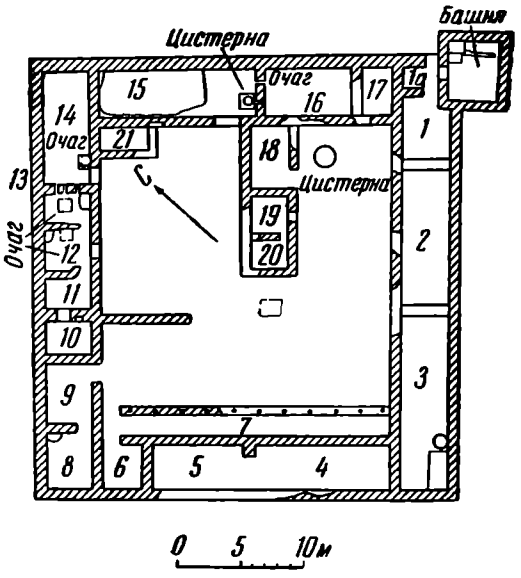


Рис. 2. План усадьбы II в. до н. э. на клере № 25

1, 1а — башня—помещение вилика; *2*—кухня; *3—6* — хлевы для скота; *7* — навес на скотном дворе; *8—14* — жилые помещения; *8* — эргастул (?); *15—21*—склады и хозяйственные помещения

Планировка двора показывает, что он расчленялся на три части: большой скотный двор, занимающий юго-западную половину всего двора, двор у жилых помещений — в северной части и двор хозяйственный — в восточной части [11]. Все три части объединяются общим жертвенником, расположенным в центре усадьбы.

Наружный вход на усадьбу находился с ее северо-восточной стороны, со стороны проезда на усадьбу. Дверной проем примыкал к стене башни усадьбы и находился рядом с входом в башню (рис. 3). На первоначальном этапе существования усадьбы II в. до н. э. выход из нее и вход на башню отделялся от помещений № 1 внутренним тамбуром (№ 1а), который затем уничтожили.

Судя по остаткам дверного проема, дверь была одностворчатой, массивной, не могла иметь в ширину больше 0,86 *м* и, несомненно, открывалась внутрь усадьбы.

Как видно на плане, наружный вход вел в помещение № 1, а из него уже можно было пройти во двор усадьбы. Вход находился под наблюдением башни, дверь которой выходила в то же помещение № 1. Таким образом, башня и помещение № 1 составляли единый комплекс, обеспечивающий надзор за выходом и входом в усадьбу. Квадратная башня усадьбы встроена в ее восточный угол, который относится еще к первому строительному периоду (рис. 4). Толщина ее стен невелика — от 0,65 до 0,70 *м*, отличается тщательностью кладки. Стены поставлены непосредственно на скалу без фундамента. Сложены они на глине из крупных, хорошо отесанных камней. В северном углу башни находилась каменная лестничная площадка, с которой по деревянной лестнице поднимались на второй этаж.

Помещение № 1 служило кухней. В пол втоптано значительное количество угольков, золы и различных обуглившихся семян: пшеницы, ячменя, проса, гороха, винограда и других, пока еще не определенных. В северном углу помещения обнаружены остатки очага. В восточном углу, у башни,— яма для пифоса. Близ южного угла, под юго-восточной стеной,— каменная цилиндрическая ступа.

Здесь же найдены обломки различных сосудов, кухонных горшков, каменных корыт, каменные круглые «пробки» от пифосов и амфоры, глиняное пряслице.

[10] I l., XI, 772—775; Od., XXII, 332—337; K. Lange. Haus und Halle. Leipzig, 1885; В. П. Лисин. Отчет об археологических исследованиях...

[11] Ср. Colum., I, 6, 1.

Как мы уже отмечали, башня и помещение № 1 составляют один изолированный комплекс. Наличие кухни (помещение № 1) подчеркивает жилой характер этого комплекса. Несомненно, что башня (в особенности второй ее этаж) служила жильем. Особое значение башни в жизни усадьбы (как наблюдательного пункта за работами на клере в мирное

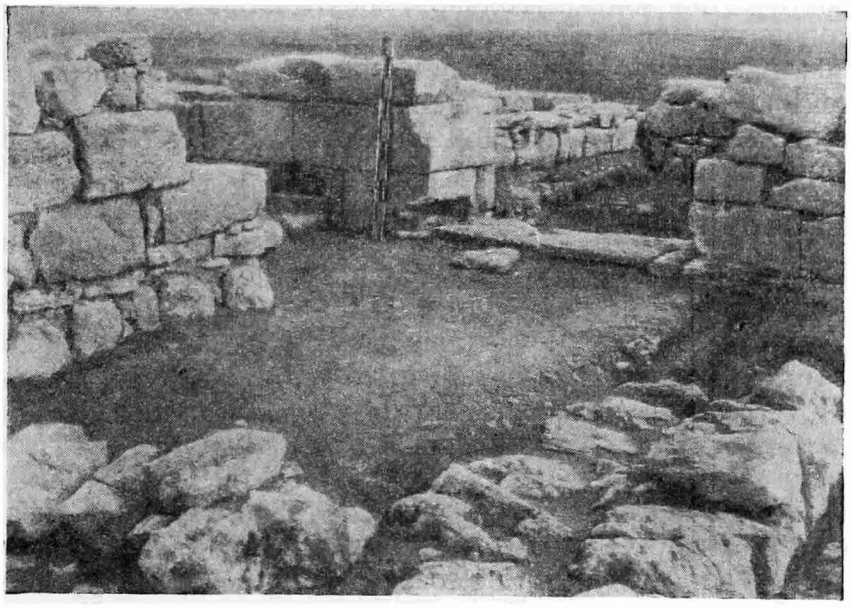


Рис. 3. Дверные проемы входов в усадьбу клера № 25 и в башню

время и основного оборонительного сооружения при нападении) очевидно. Соседнее помещение (№ 2) являлось общей кухней для рабов. Наконец, как мы уже отмечали, помещение № 1 и башня контролировали проход через наружные двери усадьбы. Подобная планировка полностью соответствует требованиям, предъявлявшимся античными авторами к по-

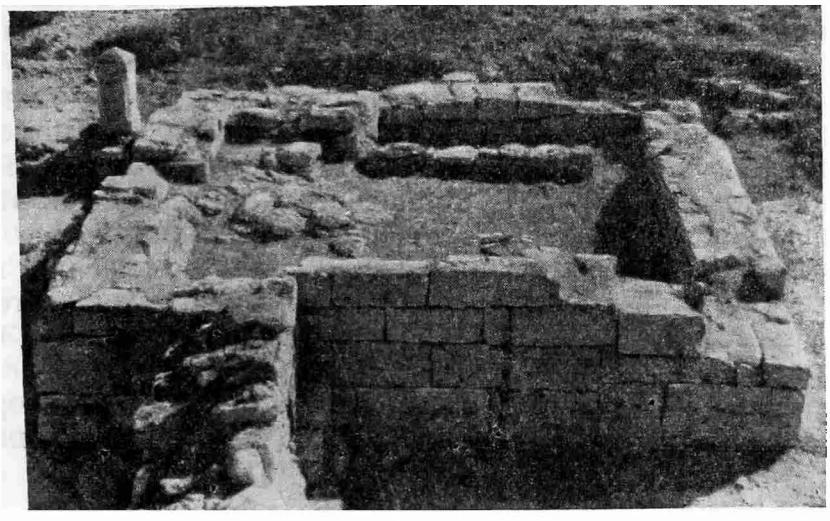


Рис. 4. Башня усадьбы клера № 25

мещению, занимаемому виликом и его женой [12]. Совпадение столь поразительное, что мы с уверенностью рассматриваем башню и помещение № 1 как жилище управляющего усадьбы.

Помещение № 2 большое, длиною 10 *м*, площадью в 37 *м*^{2}, что соответствует указаниям Колумеллы и Варрона в отношении кухни для

[12] Var., 1, 13, 2; Colum., 1, 6, 7.

рабов [13]. С одной стороны к ней примыкает помещение вилика (№ 1) [14], с другой — хлев для волов [15]. Кроме того, размещение кухни вдоль южной стороны усадьбы совпадает с обычным размещением кухонь, прослеженным нами в городских домах Херсонеса эллинистического времени [16].

Отличительной чертой помещения № 2 являются сильно выжженная поверхность пола (в результате размещения на нем нескольких очагов), большое количество золы, угольков, обуглившихся семян, втоптанных в пол, закопченные и обгорелые обломки различных сосудов. Среди семян определены: пшеница, ячмень, горох, просо, рожь, виноград и, по-видимому, семена яблони или груши. Перечисленные пищевые остатки наглядно характеризуют пищевой рацион рабов на херсонесских клерах эллинистического времени.

Помещения №№ 3—6 и навес № 7 составляют, по-видимому, второй комплекс усадьбы, тесно связанный с большим двором в ее юго-западной части. Помещение № 3, явно нежилого характера, отличается очень большими размерами. На полу найдены лишь отдельные обломки различных сосудов. В южном углу помещения находилась каменная площадка, приподнятая над полом помещения, и рядом с нею пифос. С этой мало значащей, на первый взгляд, деталью помещения отчетливо перекликаются советы Катона о лечении волов. Указывая методы лечения волов, Катон сопровождает свои советы подробными, многочисленными предписаниями: «Все следует собирать, растирать и давать, стоя на помосте. Дающему хорошо быть натощак... Вели, чтобы и сам вол и тот, кто его поить будет, стояли на помосте» [17]. Та же процедура соблюдалась при лечении больного вола: «Растирать нужно, стоя на помосте; поить из деревянной посудины; и сам вол и тот, кто его поит, должны стоять на помосте. Сам будь натощак и натощак вола пои» [18].

Помещение № 3 служило хлевом для волов; это соответствует как советам Витрувия помещать коровники рядом с кухней [19], а также Палладия — размещать волов поближе к очагу [20], так и его положением среди других помещений. Ширина помещения (3,70 *м*) соответствует также указаниям античных писателей относительно ширины коровников [21].

Большие помещения №№ 4 и 5 сильно разрушены при сооружении батареи в XIX в. Сохранившийся остаток фундамента стены между этими помещениями показывает, что они соединялись между собой дверью или проходом.

Очень хорошо сохранилось небольшое изолированное помещение № 6, имевшее в северном углу вход. В западном же углу помещения, на уровне пола, сквозь наружную стену усадьбы был выведен каменный желоб для стока жидкостей. Пол помещения имел наклон к этому стоку. Перед дверью в помещение со стороны двора был навес.

Никаких следов водостока ни во дворе, ни в помещении не обнаружено. Можно думать, что сток сделан для удаления жидкостей, скапливающихся в самом помещении. С наружной стороны усадьбы, близ ее западного угла, обнаружена свалка.

На расстоянии 1,80 *м* перед помещениями №№ 5 и 6 во дворе усадьбы обнаружен фундамент стены, толщиной 0,55 *м* (равной толщине фунда-

---

[13] Colum., I, 6, 3; Var., I, 13, 2.

[14] Там же.

[15] Vitr., VI, 6, I; Pal., I, 21.

[16] Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий. Кварталы XV и XVI (раскопки 1957 г.). МИА, № 34, 1953, стр. 68; С. Ф. Стржелецкий. Херсонес — Корсунь. Путеводитель по раскопкам. Симферополь, 1950, стр. 59, рис. 24.

[17] Cato., 70, 1—2.

[18] Cato., 71.

[19] Vitr., VI, 6, 1. Как мы уже видели, соседнее помещение, № 2, являлось кухней.

[20] Pal., I, 21.

[21] Vitr., VI, 6, 2, не менее 10 и не более 15 фут. (соответственно, 3—4,5 *м*); Colum., I, 6, 6: 9—10 фут. (соответственно 2,7—3 *м*).

мента под столбы навеса в усадьбе первого строительного периода). Дальше, в юго-восточном направлении, этот фундамент разрушен при сооружении батареи XIX в.

Анализ археологических данных показывает, что помещения, расположенные вдоль северо-западной стороны усадьбы, были жилыми, а вдоль северо-восточной — складскими и хозяйственными, вдоль юго-восточной стороны находились помещение вилика, кухня и хлев для волов. К последнему примыкают рассмотренные нами помещения и навес. Указанное обстоятельство при сопоставлении его с античными источниками не оставляет сомнения в том, что эти помещения предназначались для размещения скота. Так, Витрувий рекомендует обращать хлевы к востоку [22]. Рассматриваемые помещения обращены к северо-востоку. Колумелла [23], Плиний [24], Палладий [25] говорят о размещении хлевов обязательно подальше от винных складов; на нашей усадьбе этот склад расположен на противоположной стороне двора (помещ. № 15). Для скота во дворе, «чтобы умерить летний зной, должны быть устроены навесы..., крытые гонтом, черепицей..., осокой или дроком» [26]. На нашей усадьбе мы имеем такой навес вдоль тех же помещений. Этот навес (шириной 2,50 *м*) соответствовал требованиям античного времени [27] и, обращенный к северо-востоку, укрывал скот от зноя. Под этим навесом находились летние стойла [28], а хлевы в это время просушивались.

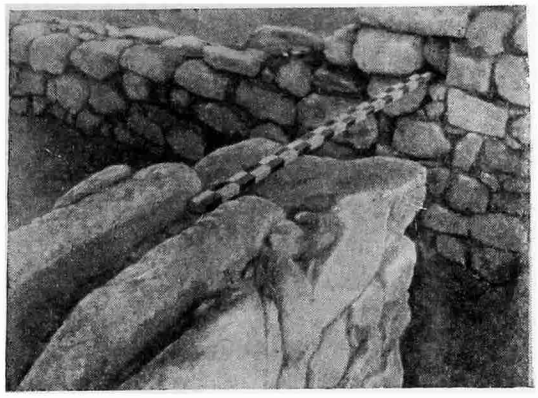


Рис. 5. Сохранившиеся остатки устройства дверного запора в помещении №8 (эргастуле) на усадьбе клера № 25

Следующий комплекс, включающий в себя жилые помещения усадьбы (№№ 8—14), расположен вдоль северо-западной стороны усадьбы, входы и окна комнат обращены к югу. Характерно, что такое расположение жилых помещений обычно и для городских домов Херсонеса этого времени [29]. Подобное размещение жилых помещений хозяйственной части усадьбы мы наблюдаем на вилле под Боскореале и в долине Сарно близ Помпей. Колумелла считал, что зимние спальни господской половины виллы должны быть обращены на юго-восток, а для рабов лучше всего делать помещения, обращенные окнами на юг [30]. Таким образом, основной принцип античной планировки дома, базирующийся на учете стран света и назначения помещений, строго соблюден и на нашей усадьбе.

Одним из наиболее интересных жилых помещений на усадьбе является помещение № 8, занимающее западный угол усадьбы и имеющее один вход из соседнего помещения № 9. Дверной проем сохранил интересную деталь — остатки запора двери деревянным брусом (рис. 5) [31]. Учитывая несомненно жилой характер помещения, его изолированность и крепкий дверной запор, а также то обстоятельство, что для работ на виноградниках

---

[22] Vitr., VI, 6, 1.
[23] Colum., I, 6, 11.
[24] Pl., XIV, 21, 27.
[25] Pal., I, 18.
[26] Pal., I, 22.
[27] Vitr., VI, 6, 2; Colum., I, 6, 6.
[28] Cato., 14, 1; Colum., 1, 6, 4.
[29] Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий. Ук. соч., стр. 68; С. Ф. Стржелецкий. Херсонес — Корсунь, стр. 59.
[30] Colum., I, 6, 1.
[31] Аналогичный запор имели городские ворота Херсонеса III в. до н. э. ОАК за 1899 г., стр. 15, рис. 22, *Г*; 24 СПб., 1902.

использовались закованные рабы [32], для которых сооружались специальные помещения — узилища [33], мы считаем возможным рассматривать помещение № 8 как эргастул для таких рабов.

Помещение № 9 связано только со скотным двором и изолировано от всей остальной усадьбы. По всей вероятности, это помещение занимали рабы, обслуживавшие скот [34].

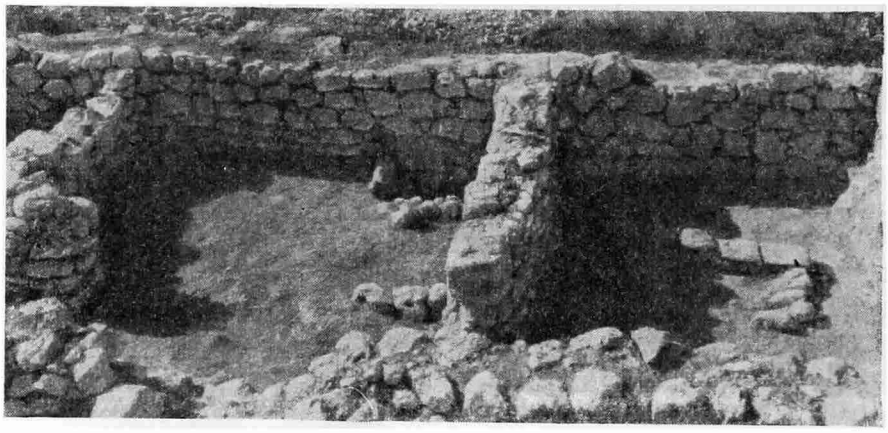


Рис. 6. Жилые помещения №№ 12,13 на усадьбе клера № 25

Помещения №№ 10—13 связаны друг с другом входами, имеют одну общую дверь во двор из помещения № 12 и также изолированы от остальных жилых помещений усадьбы.

Собственно жилыми являлись помещения №№ 11—13; помещение № 10 служило при них кладовкой, где на полу вдоль стен лежали пять раздавленных амфор херсонесского производства II в. до н. э., донная часть небольшого пифоса и круглодонный кубок — мерка.

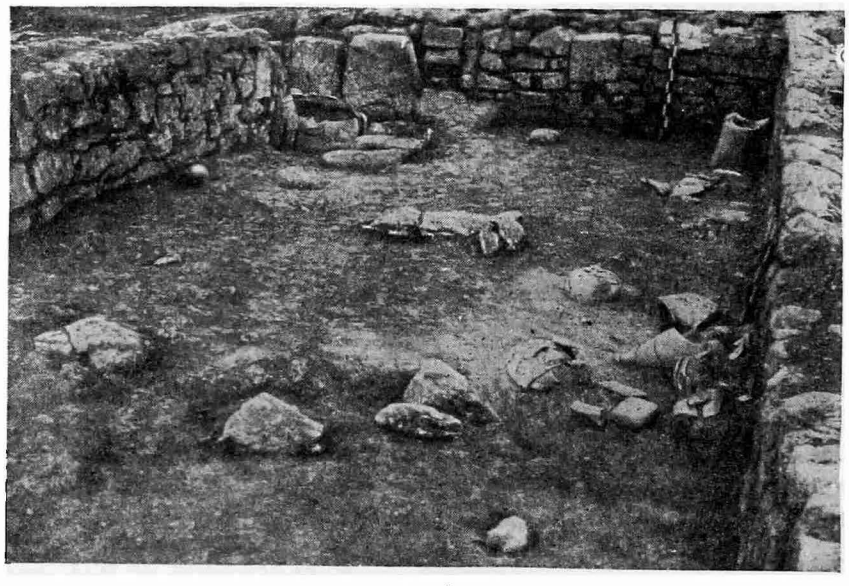


Рис. 7. Общий вид жилого помещения № 14 на усадьбе клера № 25

Помещения №№ 11—13 разделены только внутренними каменными перегородками. Помещение № 11 имело сильно утрамбованный пол, частично вымощенный мелким камнем; при его зачистке найдены обуглившиеся зерна пшеницы и косточки винограда.

[32] Colum., I, 9, 4.
[33] Там же, I, 6, 3.
[34] Там же, I, 6, 8.

В помещении № 12 пол был земляной. Под юго-западной стеной, близ прохода в помещение № 11, находилось очажное пятно, при зачистке которого найдено значительное количество виноградных косточек, несколько зерен пшеницы и две горошины. Напротив этого очага, под северо-восточной стеной комнаты, обнаружены разрушенные остатки второго, более раннего очага (может быть, жаровни) для обогревания помещения. В северном углу помещения находится углубление (0,80 × 0,65 *м*), назначение которого неясно. Аналогичные углубления отмечены в помещениях №№ 8 и 13.

В центре помещения № 13 на земляном полу расчищен поврежденный очаг или жаровня (рис. 6). В восточном углу помещения находится яма. В яме найдено несколько сосудов, в одном из них была известь, в другом — толстый слой остатков от виноградных ягод, в том числе несколько сморщенных сгнивших ягод, много перегнивших косточек.

Помещение № 14 занимает северный угол усадьбы. Вход со двора расположен в его южном углу и первоначально имел две ступеньки. У самого входа находился очаг полусферической формы, отгороженный от входа двумя вертикально поставленными плитами. В центре помещения лежала разбитая каменная жаровня прямоугольной формы с низкими бортами и большое количество разных предметов (рис. 7), главным образом вдоль северо-западной стены (среди них — цилиндрическая каменная ступа, небольшой кувшинчик, дно чернолакового блюда, точильный камень, скопление обломков пифоса, два кувшина, три амфоры, точильные камни и оселки). Кроме того, найдены мелкие предметы: глиняные пирамидальные грузила от рыболовных сетей, обломки оселков, обломок каменного топора вторичного употребления, железный предмет (возможно, вертел). В северном углу помещения найдена фрагментированная протома Деметры и здесь же обуглившиеся зерна пшеницы и косточки винограда. У юго-восточной стены, неподалеку от очага, стоял кувшин, и вокруг него при зачистке пола обнаружены обуглившиеся зерна, очень напоминающие гречиху. Перед очагом лежали три плоские каменные плиты, раковины устриц и раковины мидии. В насыпи над полом найден обломок зернотерки, обломки двух каменных корыт — кормушек (?), обломки кухонных сосудов, большое количество обломков простых красноглиняных сосудов.

Комплекс жилых помещений №№ 10—14 дополняется примыкающим к нему двором, как бы выделенным из общей площади двора усадьбы. В северном углу двора находится небольшое кладовое помещение № 21.

Помещения хозяйственного назначения и для хранения продуктов расположены вдоль северо-восточной стороны двора усадьбы. К их числу относятся помещения №№ 15—20. В свою очередь помещения, как жилые, так и предназначенные для содержания скота (за исключением помещения № 15), расположены вокруг своего двора, занимающего восточную часть всего двора усадьбы. К этому же двору примыкают помещения вилика (№ 1) и кухня (№ 2).

Помещение № 15 отличается большими размерами (46 $м^2$); вход в него у южного угла, со стороны жилого двора. Первоначально оно имело большой подвал. Позже последний был заменен громадной цистерной (заглубленной в землю на 5 *м*, диаметром — 3,20 *м*). На дне пустой цистерны, в небольшой земляной насыпи, найдены обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя, ржи (?), гороха, проса (?), косточки винограда и других пока еще не определенных растений. Как и во всех случаях находок зерен, преобладает мелкозернистая пшеница, составляющая немногим большую половину всего найденного зерна. На втором месте по количеству стоит ячмень, за ним виноградные косточки, горох, просо и рожь. Горох, по-видимому, двух сортов.

Крупные размеры помещения, основное скопление обломков пифосов,

наличие подвала, а также цистерны для хранения продуктов, которым не опасна сырость, наконец, расположение самого помещения на усадьбе [35] позволяют усматривать в нем хранилище для вина.

Остальные хозяйственные помещения связаны со своим двориком, на который и выходили их двери. Помещение № 16, судя по его местоположению на усадьбе [36], могло служить для хранения зерна.

Большой интерес представляет находка кровельной черепицы с «окном» из раскопок 1937 г. у Стрелецкой бухты [37]. Комментируя Георгики (IV, 298), Сервий рассматривает «obique luce fenestres» как окна, которые «...льют свет косо, как мы видели в житницах».

Не являлось ли окно из эллинистической усадьбы у Стрелецкой бухты таким окном наземного зернохранилища житницы?

Помещения №№ 18—20, судя по связи их с хозяйственным двориком, имели такое же назначение. Особенно четко это прослеживается на помещении № 18, имевшем подвал, вырубленный в скале.

Хозяйственный комплекс усадьбы дополняется второй цистерной, расположенной во дворе, близ помещения № 18. Цистерна в плане круглая, сильно расширяется ко дну. В разрезе — колоколовидная, с плоским дном. Дно без облицовки — скала. Глубина цистерны до подошвы двора — 3,35 *м*. Диаметр вверху (в сохранившейся части) — 0,80 *м*, у дна — 1,82 *м*. Цистерна тщательно облицована тесаным камнем. На уровне дна в облицовке имеются три прямоугольные нишки, расположенные на одинаковом расстоянии одна от другой. Назначение нишек в цистерне и назначение самой цистерны остается не определенным.

В итоге четырех лет археологических работ собран большой материал, освещающий целый ряд важных вопросов истории, экономики и быта исследованной усадьбы. За четыре года было собрано свыше 26 500 различных предметов, главным образом обломков различных сосудов. Изучение последних показывает, что 66% обломков принадлежало таре: пифосам и амфорам (соответственно 5,5% и 60,2%).

Общая масса хозяйственных сосудов увеличивается до 86%, если к ней прибавить кувшины (17%) и простые красноглиняные чаши, так называемые лутерии (3,6%). Кухонные сосуды составляют 2,4%, а чернолаковые — 1,3%. Таким образом, весь материал отчетливо выявляет хозяйственный характер открытого сооружения, что полностью соответствует его местонахождению, планировке, облику помещений и их назначению.

Не менее характерно распределение сосудов различного назначения между помещениями усадьбы. Основная масса обломков пифосов найдена в винном складе; на втором месте по находкам обломков пифосов — предполагаемое хранилище для зерна (или какое-то складское помещение) № 16, на третьем — кладовка № 10. Аналогичная картина наблюдается и в распределении обломков амфор. Не менее отчетливо соотношение обломков кухонной и чернолаковой посуды. Отмеченное нами распределение сосудов определенного назначения между отдельными частями усадьбы и ее помещениями является еще одним доказательством правильности объяснения ее плана.

Весь материал укладывается в хронологические рамки эллинистической эпохи, точнее с рубежа IV—III вв. по II в. до н. э. включительно. Это прослеживается по чернолаковой посуде [38], по формам херсонесских ам-

[35] Vitr., VI, 6, 2; Pl., XIV, 21, 27; Colum., I, 6, 11; Pal., I 18.

[36] Var., I, 57, 1; Vitr. VI, 6, 4; Colum., I, 6, 10; Pl., XVIII, 30, 73.

[37] А. К. Тахтай. Античная черепица с кровельным окном из окрестностей Херсонеса. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 32, 33.

[38] Ср. Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий. Ук. соч., стр. 46, рис. 15; стр. 52, рис. 31 (кроме среднего фрагмента в верхнем ряду); стр. 60, рис. 29 (кроме обломка так называемой мегарской чаши); стр. 65, рис. 32 (кроме обломка мегарской чаши); Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947—48 гг.). МИА, № 34, 1958, табл. VII и VIII (верхний ряд); Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Симферополь, 1938, стр. 13, рис. 7; стр. 208, рис. 56 и 57 (кроме правого фрагмента)

фор [39], кувшинов [40] и лутериев [41], по клеймам на ручках амфор, по количественному соотношению между местной гончарной продукцией и привозной [42], по тому же соотношению в импортной таре [43] и т. д. Наряду с этим отсутствуют типы керамики, характерные для хорошо датируемых городских, херсонесских комплексов конца II, рубежа II—I вв. до н. э. [44] Учитывая вышеизложенное, конец существования усадьбы можно отнести к третьей четверти II в. до н. э. Таким образом, возникнув на рубеже IV—III вв. до н. э., усадьба существовала относительно непродолжительное время, приблизительно 150—175 лет.

Во время раскопок не обнаружено никаких следов пожара ни в одном из помещений усадьбы. Нет и других признаков ее катастрофической гибели, а целый ряд наблюдений свидетельствует, что усадьба была оставлена ее владельцем; стены ее еще долгое время стояли после снятия кровли и только спустя значительный промежуток времени были разобраны для строительства, но уже на новом месте.

Усадьба клера № 26

Усадьба расположена в северо-западной части клера, в 52 *м* от его границы, на небольшой террасе восточного склона одного из отрогов балки, впадающей в Круглую бухту [45]. К усадьбе примыкает обширный наружный двор, который во втором строительном периоде, по-видимому, был разделен на две части (рис. 8). Основное здание усадьбы II в. до н. э. раскопано полностью [46]. Площадь его по наружному обмеру — 570 $м^2$ (рис. 9). Эта усадьба сооружена совершенно заново. Техника кладки ее стен совершенно иная, чем у нижней усадьбы III в. до н. э. Рустованные блоки сухой кладки нижней усадьбы отсутствуют даже во вторичном использовании. Это позволяет думать, что они уже были разобраны до сооружения новой усадьбы.

Для строительной техники усадьбы II в. до н. э. характерна кладка стен из огромных нетесаных блоков, положенных в основании без фундамента, на насыпь, на уровне дневной поверхности времени существования усадьбы. Наружный вход на хозяйственный двор усадьбы находился с северо-восточной ее стороны и непосредственно примыкал к северному углу башни. Дверь была далеко отодвинута внутрь усадьбы и имела с наруж-

[39] Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 167, табл. II, *1*.

[40] Там же, табл. III, *5—6*, стр. 167. См. также С. Ф. Стржелецкий. Камышевский клад античных монет Херсонеса. X сб., вып. IV, стр. 108 и сл., рис. 1; там же аналогии и литература.

[41] Ср. Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Ук. соч., табл. IV, стр. 113, рис. 3; I. Д. Белов. Ук. соч., стр. 21, рис. 13; стр. 223, рис. 63; стр. 244, рис. 85а.

[42] Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 163, 164, 170. Ср. С. Ф. Стржелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. Херсонесский сб., вып. IV. Симферополь, 1948, стр. 78, 86. Тогда впервые удалось заметить отсутствие херсонесской керамики в слое IV в. до н. э. Эта картина резко изменяется с III в. до н. э., когда херсонесская керамическая продукция заняла главенствующее положение на местном рынке.

[43] Это соотношение для IV в. до н. э. см. Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Ук. соч. Начиная с III в. до н. э. оно сильно изменяется; на первое место выдвигается Синопа, на втором месте находится Фасос, с первого на третье место перемещается Гераклея. Во II в. до н. э. появляются Родос и Кос, значение которых увеличивается к рубежу II—I вв. до н. э. Это же подтверждается и клеймами на амфорах.

[44] Нет поздних форм канфаров на низких подставках с простыми ручками с двумя налепами по бокам на перегибе, остроребериых чаш, обычно покрытых буро-красным лаком, прототипов чаш первых веков нашей эры. Не найдено ни одного обломка так называемых мегарских чаш. Отсутствует VI группа синопских клейм и нет поздних херсонесских клейм.

[45] План клера см. С. Ф. Стржелецкий. Пять клеров..., стр. 38, 39, рис. 5.

[46] На наружном дворе в двух местах намечаются остатки каких-то сооружений, которые относятся к этому же периоду.

ной стороны глубокую нишу. Ширина дверного проема — 0,95 *м*. Дверь была одностворчатая и открывалась внутрь усадьбы.

Башня занимает восточный угол усадьбы и имеет в плане квадратную форму (9,50 × 9,50 *м*). Реконструируемая толщина стен — 2,25 *м* [47]. Стены сложены из крупных необработанных блоков разной величины, иногда

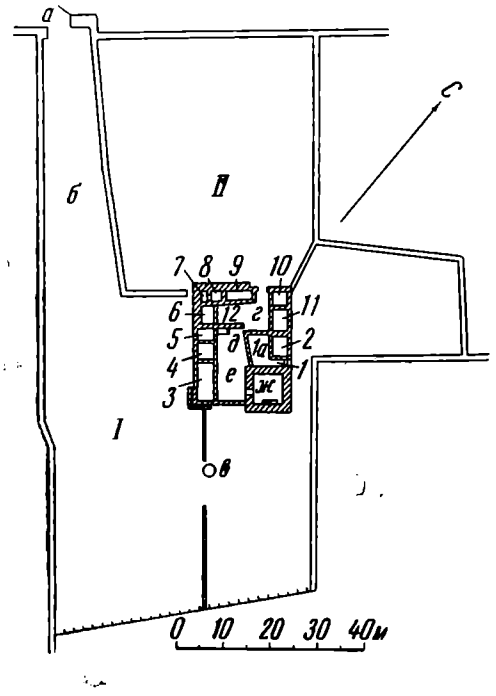


Рис. 8

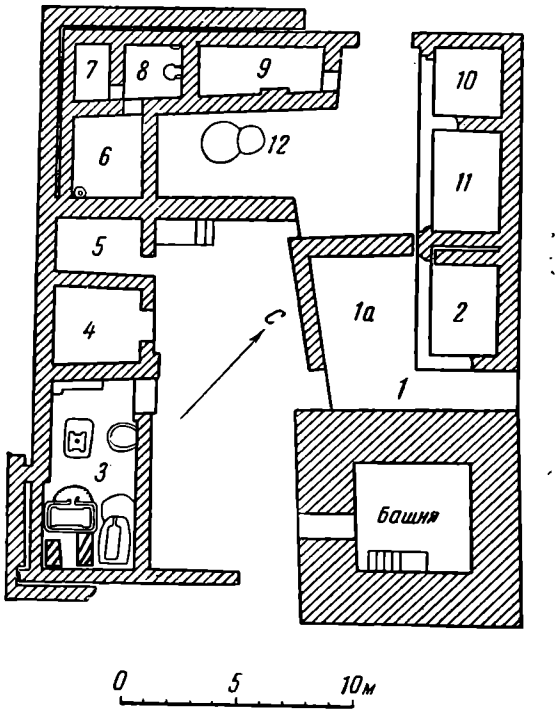


Рис. 9

Рис. 8. План усадьбы II в. до н. э. на клере № 26 с внешними дворами

а — ворота усадьбы; *б* — проезд на внешний двор усадьбы; *в* — цистерна для сбора дождевой воды; *г* — скотный двор; *д* — лестничная площадка на второй этаж жилой части усадьбы; *е* — хозяйственный двор; *ж* — башня усадьбы;
I—II — внешние дворы усадьбы; *1—12* — жилые и хозяйственные помещения усадьбы

Рис. 9. План усадьбы II в. до н. э. на клере № 26

башня — жилье вилика; *1* и *2* — хозяйственные помещения; *3* — винодельня; *4* и *5* — помещения невыясненного назначения; *6, 7 8,*— жилые помещения; *9* —кухня; *10, 11* — хлевы; *12* — навес для скота

до 2 *м* длиною и 1,50 *м* шириною (рис. 10). Вход в башню — посредине юго-западной стены. Пол вымощен каменными плитами. У юго-восточной стены находится лестничная площадка, с которой по деревянной лестнице можно было подняться во второй этаж башни. Башня имела наблюдательное, сторожевое и оборонительное назначение: контролировала вход и выход из усадьбы и служила жильем для вилика, как и башня усадьбы клера № 25.

Помещение № 2 площадью 4,75 × 9,10 *м*, возможно, служило для хранения продуктов или сельскохозяйственного инвентаря.

Помещение № 1а. По-видимому, тогда же, когда помещение № 2 было разрушено, на его развалинах была сооружена юго-западная стена помещения № 1а, а вместе с этим и само помещение. Дверной проем этого помещения находится у западного угла башни, дверь открывалась в сторону двора. Судя по большим размерам и отсутствию следов подпорных столбов для кровли, помещение, вероятнее всего, не перекрывалось. Учитывая большое количество обломков пифосов и амфор, можно предполагать, что помещение служило для хранения вина. Такое предположение

[47] Такую толщину стен можно наблюдать у башен многочисленных усадеб Гераклейского полуострова, например на клерах №№ 7, 31, 33, в балке Бермана (раскопки К. Э. Гриневича), в Александриаде (раскопки И. Н. Бороздина) и в других местах.

хорошо согласуется с советами античных писателей относительно размещения винных складов на усадьбах.

Помещение № 3. В южном углу усадьбы, вдоль ее юго-западной стены, расположена большая винодельня, очень хорошо сохранившаяся. Здесь обнаружены два тарапана — давильные площадки, детали крепле-

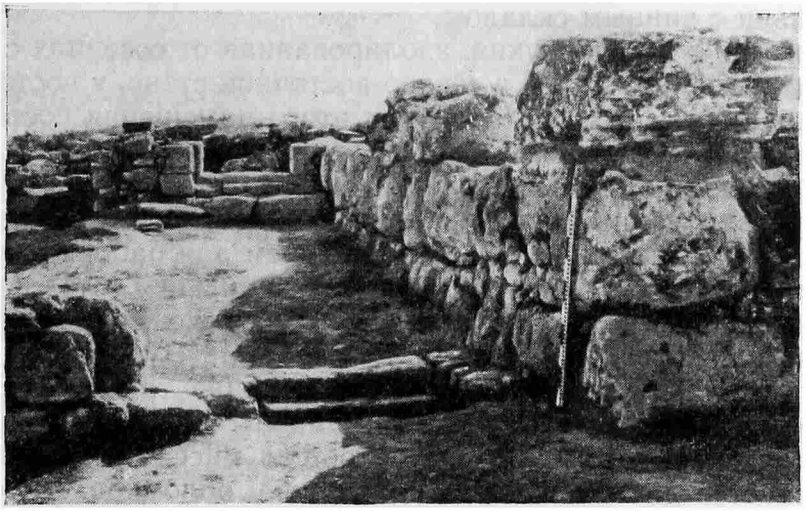


Рис. 10. Башня усадьбы II в. до н. э. на клере № 26

ния рычагов пресса, его каменный груз, нижняя половина пифоса и т. д. Вход в винодельню со двора находится близ ее северного угла (рис. 11).

Помещения №№ 4 и 5. Помещение № 4 с северо-запада примыкает к винодельне. Из него дверной проем с каменным порогом ведет во двор. Рядом с ним расположено помещение № 5, из которого тоже был выход во двор и в помещение № 6 (в жилой части усадьбы).

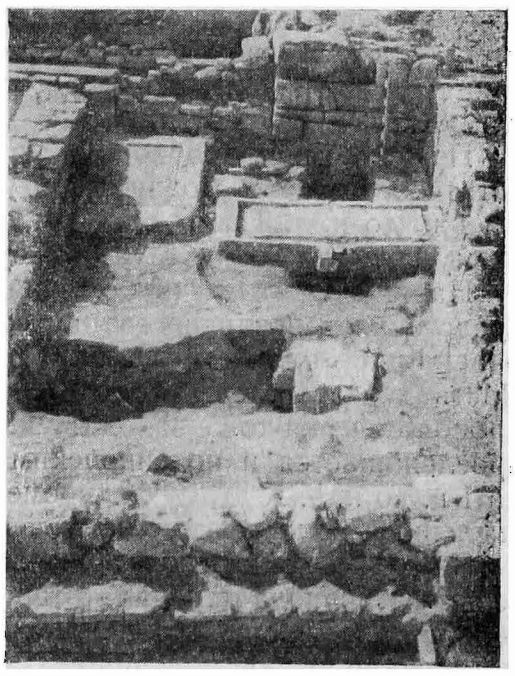


Рис. 11. Винодельня усадьбы II в. до н. э. на клере № 26

Жилая часть усадьбы. Жилые помещения №№ 6, 7 и 8 были изолированы от скотного двора и имели выход только в хозяйственную часть усадьбы. Второй этаж значительно увеличивал площадь жилых помещений. Расположение помещений в северо-западной части усадьбы согласуется с практикой домостроительства в херсонесских городских домах, с практикой античного домостроительства и находит аналогию как на усадьбах Гераклейского полуострова, так и на виллах древней Италии.

Помещения №№ 6—8 составляли один комплекс, так как соединены между собой дверными проемами. Самое большое из них, помещение № 6, расположено вдоль юго-западной стены усадьбы. С одной стороны оно соединялось дверью с помещением № 5 хозяйственной половины усадьбы, с другой — с помещением № 8. Это помещение имеет вымостку из каменных плит, а в северном углу, под северо-восточной стеной — очаг. Это жилое помещение соединялось дверью с маленькой каморкой в самом западном углу усадьбы.

Второй двор усадьбы являлся скотным двором, а примыкающие к нему помещения №№ 10 и 11 были хлевами. От двора были изолированы жилые помещения первого этажа, а сам он имел большие ворота, предназначенные для въезда и выезда. Открытое помещение № 12 под вторым этажом жилого дома представляло собой навес с летними стойлами для скота. При таком расположении скотный двор был изолирован от жилых комнат и от винодельни с винным складом.

Помещение № 9 — кухня, изолированная от соседних с ней жилых комнат. Вход в нее находился в северо-восточной стене, у восточного угла, напротив входа в хлевы. Земляной пол этого помещения состоит из множества слоев, перекрывавших один другой. Каждый такой слой сильно затоптан и состоит из золы, древесных угольков и жирной черной сажи.

В итоге рассмотрения плана мы видим, что и усадьба клера № 26 разделялась на три части: жилую — с помещением для рабов (нижний этаж) и для хозяев (верхний), хозяйственную — с давильней, кладовыми и башней (жильем вилика) и, наконец, скотный двор с хлевами, летним навесом и общей кухней для рабов.

Анализ материала показывает преобладание тары над остальными типами сосудов (55,5% найденных обломков). С прибавлением кувшинов и чаш (так называемых лутериев) общая масса хозяйственных сосудов увеличивается до 76% общего количества обломков. В то же время обломки чернолаковых сосудов составляют лишь 1,4% всех находок. Таким образом, и эти показатели подчеркивают хозяйственное назначение раскопанного сооружения.

В хронологическом отношении весь добытый материал не выходит из пределов эллинистического времени. Начальная его дата подтверждается техникой кладки стен ранней усадьбы, сложенных из великолепно обработанных рустованных блоков. Этот тип кладки может быть датирован в пределах второй половины IV — первой половины III в. до н. э. В Херсонесе эта кладка хорошо представлена в его оборонительной стене начала III в. до н. э.[48] и в наружных стенах городских домов этого же времени на северном берегу городища. Последняя дата, по-видимому, наиболее вероятна для сооружения первой усадьбы. Время окончания жизни на усадьбе клера определяется более четко благодаря большому количеству материалов.

Прежде всего необходимо отметить полное отсутствие вещественных остатков, которые можно было бы датировать временем позже середины I в. до н. э. Таким образом, мы можем твердо констатировать, что к этому времени усадьба уже не существовала.

Наряду с этим подавляющее количество чернолаковых обломков представляет позднюю группу сосудов, часть которых может быть датирована рубежом II—I вв. до н. э., может быть даже началом I в. до н. э. Часть херсонесских и синопских амфор, судя по коническим ножкам, хронологически тоже заходит уже в начало I в. до н. э. Эта же дата четко прослеживается и по синопским астиномным клеймам конца II — начала I в. до н. э. К этому же времени могут быть отнесены довольно многочисленные обломки так называемых мегарских чаш.

Значительно труднее определение даты конца усадьбы первого строительного периода и начала второго. Сейчас весьма приближенно окончательное разрушение усадьбы первого строительного периода может быть датировано второй половиной II в. до н. э. Гибель этой усадьбы в сильном пожаре несомненна.

Усадьба первого строительного периода была крупнее по размеру и богаче усадьбы второго периода. Это подтверждает дорогая кладка стен из рустованных блоков, прекрасная кладка большой цистерны для воды, фрагмент тщательно профилированного каменного карниза, остатки шту-

---

[48] С. Ф. Стржелецкий. Херсонес — Корсунь, стр. 31, 34.

катурки в жилых помещениях ранней усадьбы и, наоборот, полное отсутствие чего-либо подобного в поздней.

Больше того, приемы кладки стен поздней усадьбы, ее башни указывают не только на обеднение, но, пожалуй, и на иные строительные приемы, которые возможно сопоставить с аналогичными приемами в строительстве каменных стен у тавров [49].

* * *

В заключение позволим себе сделать ряд замечаний в отношении усадеб клеров Гераклейского полуострова эллинистического времени.

1. Исследование клеров Маячного полуострова и остальной площади Гераклейского устанавливает, что каждый из них имел свою собственную усадьбу, составляющую его неотъемлемую часть, и что усадьбы херсонесских клеров входят в средиземноморский круг сельских усадеб античного времени типа villae rusticae, описание которых мы имеем в сочинениях Катона, Варрона, Колумеллы и Палладия [50]. Указанные факты не оставляют никаких сомнений в частновладельческом характере усадеб Гераклейского полуострова [51].

2. Выбор места для сооружения усадьбы прежде всего зависел от расположения клера и его величины.

Местоположению усадьбы в античное время придавалось большое значение [52]. Такое же внимание выбору места для постройки усадьбы уделяли и хозяева херсонесских клеров. Так, на всех приморских клерах усадьбы расположены на самом берегу моря [53].

В большинстве случаев владельцы клеров стремились строить свои усадьбы непосредственно у самых дорог, ограничивающих их наделы, зачастую на перекрестках этих дорог. Как правило, расположение усадеб на клерах обусловлено экономической целесообразностью и рельефом клера. Обычно они расположены на середине склонов балок и холмов [54] и никогда — на дне балок [55]; редко мы их видим на господствующих холмах и высотах [56].

3. В соответствии с этой же экономической целесообразностью находится и размер усадеб. Эту зависимость усиленно подчеркивают античные авторы. Наиболее лаконично и четко это положение сформулировано Катоном: «Стройся так, чтобы усадьба была по имению, а имение по усадьбе» [57].

Не случайно поэтому усадьбы клеров Херсонеса разделяются по своей величине на две основные группы: усадьбы Маячного полуострова и усадьбы остальной части Гераклейского полуострова. Малые клеры первого (4 *га*) имеют сооружения площадью 300—360 *м*^{2}.

Сооружения больших клеров остальной части Гераклейского полуострова (26,5 *га*) соответственно увеличиваются. Без учета наружных дворов минимальная площадь этих усадеб — около 600 *м*^{2} (клер № 26,

---

[49] Оборонительная стена на Уч-баше, на горе Кошка на Южном берегу и в других местах. См. также В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 163 и сл.

[50] На Гераклейском полуострове был и второй позднеантичный тип усадеб, служивших местом отдыха, аналогичных италийским villae urbanae.

[51] Ср. Е. Г. Суров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, т. XXVII, вып. 1, М., 1942, стр. 123 и сл.; Богуш-Сестренщевич. История Таврии, т. 1. СПб., 1806, стр. 290; В. Д. Блаватский. Ук., соч., стр. 29 и сл., 125 и сл.

[52] Cato., I, 3—4; Var., I, 11, 2; I, 12, 1—5; I, 4, 9; Colum., I, 4, 9—10; 1, 5; Pal., I, 8—9.

[53] Colum., I, 5, 5.

[54] Colum., I, 4, 10.

[55] Var., I, 12, 5.

[56] Ср. Var., I, 12, 4.

[57] Cato., 3, 1. Ср. там же, 3, 2; Var., I, II, 1; I, 18, 6; Pal., I, 8.

поздняя усадьба). Как правило, площадь их колеблется в пределах 1000 *м*². Например, усадьба клера № 25 первоначально имела около 700 *м*², а затем увеличилась до 1200 *м*² [58].

4. Определенное единство схемы внутренней распланировки хорошо прослеживается на примере раскопанных усадеб клеров №№ 25 и 26 [59]. Обе они разделяются на три части: жилую, хозяйственную и для содержания скота. Скотные дворы старательно изолированы от жилой части усадьбы; они имели навесы для летнего содержания скота, максимально удалены, в одном случае — от винодельни, в другом — от винного склада. Величина скотных дворов, несомненно, находится в прямой зависимости от величины усадеб и от экономической мощности всего хозяйства. Жилая часть помещений во всех случаях примыкает к северной стороне усадеб. Общая кухня для рабов располагается либо на скотном дворе, либо примыкает к нему.

Связь этой схемы с планировкой сельскохозяйственных усадеб античного мира хорошо проявляется при сопоставлении ее с планировкой вилл и с известиями античных авторов [60].

Так, например, Колумелла указывает на зависимость количества частей усадьбы и их размеров от размера и состоятельности всего имения в целом. Последнее обстоятельство хорошо иллюстрируется планами небольших усадеб клеров Маячного полуострова, которые разделяются только на две части — жилую и хозяйственную (из которых каждая занимает отдельное здание), объединяемые одним двором.

5. Различие между усадьбами Маячного полуострова и остальной части Гераклейского, помимо размеров и планировки, обусловленных величиной клеров, состоит еще и в том, что первые не имеют башен, так как клеры и их усадьбы на Маячном полуострове были хорошо защищены от нападений оборонительными стенами городского поселения, расположенного на его узком перешейке.

Совершенно иную картину мы наблюдаем на остальной части Гераклейского полуострова, открытого для нападения на протяжении 14—15 *км* его сухопутной границы, за пределами которой сразу же начинались земли тавров. Этим только и может быть объяснено, что все без исключения усадьбы клеров имеют сторожевые, оборонительные башни, которые и послужили причиной различных предположений, определяющих военнооборонительный характер «поселений» и «укрепленных пунктов» Гераклейского полуострова. Эти предположения были обусловлены недостаточным изучением памятников античного земледелия — клеров Херсонеса.

Раскопки усадеб клеров №№ 25 и 26 если и не решили окончательно вопрос о назначении так называемых башен Гераклейского полуострова, то, во всяком случае, значительно приблизили нас к правильному пониманию его. В течение двух строительных периодов этих усадеб только одна из четырех башен имела исключительно толстые стены (около 2,25 *м*), сложенные из громадных блоков (усадьба № 26 второго строительного периода). Остальные имели толщину 0,65, 0,70 и 0,90 *м*.

На примере этих башен мы видим, что они не всегда были особенно укреплены, т. е. не всегда имели оборонное значение. Несомненно, оба типа башен сосуществовали. Больше того, раскопки усадьбы второго строительного периода на клере № 26 блестяще подтвердили предположение В. Д. Блаватского, усматривающего в этих крупноблочных «мощных» кладках иные, не античные строительные навыки [61].

---

[58] Иную картину мы наблюдаем на усадьбах первых веков нашей эры. Некоторые из них увеличиваются по площади до 5000—6000 *м*².

[59] Попутно отметим, что к обеим примыкал большой наружный двор для различных хозяйственных целей; ср. Var., 1, 13, 3—4.

[60] Вилла под Боскореале, вторая вилла — в долине Сарно (обе — близ Помпей). Ср. Colum., I, 6, 1.

[61] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 163, 164.

Наряду с этим позволим себе обратить внимание на тот факт, что сооружение башен на сельских усадьбах характерно отнюдь не только для херсонесских клеров. Судя по известиям античных писателей, они обычны и обязательны и на усадьбах в древней Италии [62].

Если античные землевладельцы Средиземноморья вынуждены были строить башни, оберегая себя от нападений разбойников, то тем более это необходимо было делать херсонесцам, учитывая дополнительное окружение их таврами, военно-демократический строй которых даже в мирное время обусловливал «закономерность» походов отдельных дружин с целью военного грабежа. Вероятнее всего, такой «набег», который «совершили внезапно соседние варвары», отмечен в херсонесской надписи III в. до нашей эры [63].

---

[62] Var., III, 7, 1; Sen., Epist., 86; Marc., Epigr., III, 58, 46—47. В условиях древней Греции башни были столь же необходимы, как и в Италии. См. В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 125, прим. 5, 6 и 7; стр. 126, прим. 1. Аналогичное явление мы наблюдаем и на древнем Востоке. См. Евангелие от Марка, 12, 1.

[63] IOSPE, I², № 348.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ГОРОДИЩА-СВЯТИЛИЩА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ СМОЛЕНЩИНЫ

Археологические исследования на левобережной Смоленщине, проведенные за последние годы, привели к интересному открытию — к выявлению неизвестных до сих пор своеобразных городищ I тысячелетия н. э., отличающихся особым планом и устройством, а самое главное — расположенными в их пределах языческими святилищами.

Судя по некоторым данным, городища такого же или близкого им характера распространены на обширной территории, охватывающей Смоленское Поднепровье, верховья Сожа и Десны и, возможно, бассейн Угры. Аналогичные городища имеются, несомненно, и на западе от Смоленщины — в Белорусской, Латвийской и Литовской ССР. Вполне вероятно, что городища Смоленщины представляют собой восточную ветвь обширной группы городищ, известных в Литве и Латвии под именем пилькальнисов и принадлежавших балтийским (лето-литовским) племенам.

Вместе с тем при всем своем своеобразии смоленские городища отнюдь не выпадают из круга известных ныне славяно-русских древностей Поднепровья и его периферии, относящихся к рубежу I и II тысячелетий н. э. Они свидетельствуют о сложном составе культуры в тех областях Верхнего Поднепровья, коренное балтийское население которых было поглощено родственными ему восточнославянскими племенами.

Новые исторические и этногонические вопросы, выдвигаемые открытыми на Смоленщине городищами, побудили нас выступить с настоящей предварительной публикацией.

О своеобразии смоленских городищ можно было судить уже давно, до наших раскопок, на основании некоторых внешних особенностей городищ, хорошо известных по работам А. Н. Лявданского [1].

Первой такой особенностью являются крайне незначительные размеры городищ. Их площадка, имеющая обычно подтреугольную или овальную форму, редко превышает по площади 800—1 000 $м^2$. По своим размерам смоленские городища примерно в два раза меньше одновременных им городищ других областей лесной полосы Европейской части СССР.

Второй бросающейся в глаза особенностью смоленских городищ является обилие у них валов и рвов, а также специальная обработка склонов. В отличие от городищ других областей, сохраняющих обычно естественную конфигурацию той возвышенности, на которой они были сооружены, смоленские городища несут на себе следы больших земляных работ. На них нередко имеются валы, окружавшие площадку со всех сторон; часто городищам придавалась правильная симметричная форма; на половине высоты склонов нередко делался уступ, что особенно сближает смоленские городища с литовскими пилькальнисами [2].

---

[1] А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губ. Тр. Смоленских Гос. музеев, вып. I, 1924; его же. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. известия Смоленского Гос. университета, т. III, вып. 3, 1936, стр. 226; его же. Археолёгічныя досьледы у вадазборах р.р. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губ. Працы археол. камісіі Беларускай акад. навук, т. II, Менск, 1930.

[2] E. Brastins. Latvijas Pilskalni, т. I—III. Riga, 1926, 1930; P. Tarasenka, Lietuvos Archeologijos Medziaga. Kaunas, 1928.

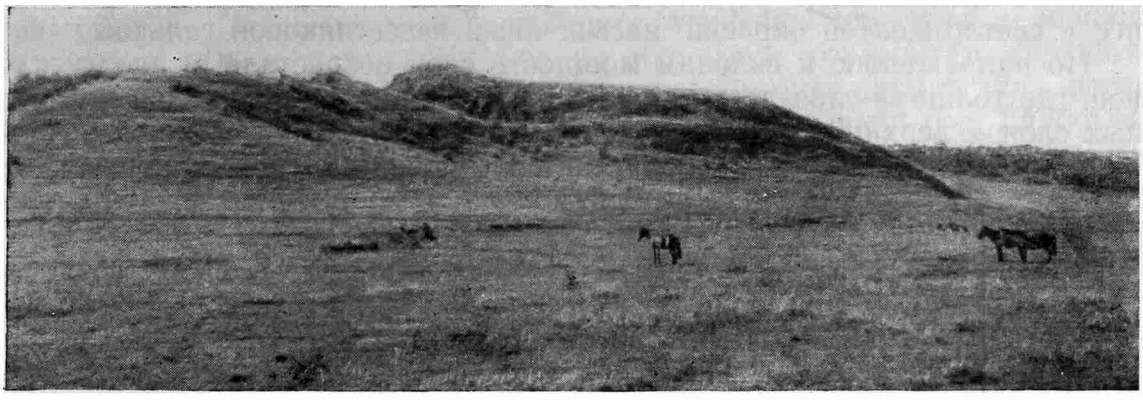


Рис. 1. Городище Тушемля. Вид с северо-запада

Но эти особенности смоленских городищ, выделяющие их среди других городищ Средней России, до проведения раскопок не могли получить надлежащего объяснения.

Главным объектом наших раскопок на левобережной Смоленщине являлось городище в низовьях р. Тушемли, правого притока Сожа, у дер. Мокрядино Княжевского сельсовета Починковского района Смоленской области. От Смоленска городище находится в 50 *км* в южном направлении. По имени речки, на берегу которой оно находится, городище было названо нами Тушемлей. В результате раскопок 1955—1957 гг. площадка городища исследована полностью.

Мыс коренного берега, на котором расположено городище, образован двумя оврагами, вершины которых близко подходят одна к другой (на 18—20 *м*). Площадка городища, ориентированная с востока — северо-востока на запад — северо-запад, имеет овально-ромбические очертания. Ее длина от основания первого вала до стрелки составляет 35 *м*, ширина в средней части — 32 *м*. Над уровнем поймы городище возвышается на 17—18 *м*. Площадка имеет некоторый наклон к стрелке (рис. 1 и 2).

Вершины оврагов, образующих мыс, на котором находится городище, при сооружении укреплений были соединены между собой рвами и высоким валом. До настоящего времени хорошо сохранились три вала и такое же число рвов. На поле за городищем видны следы еще двух распаханных валов, свидетельствующих о значительной мощности возведенных здесь некогда укреплений. В настоящее время высота первого самого высокого вала над уровнем площадки городища составляет около 3 *м* при ширине основания, равной 10 *м*; над дном первого рва, обнаженном в ходе раскопок, вал возвышается на 5 *м*.

Кроме основных валов, ограничивавших городище со стороны плато коренного берега, оно имело невысокий вал, окружавший площадку со всех сторон и примыкавший к первому основному валу. Второй вал городища также имел продолжение в виде валообразной насыпи, спускающейся по обеим склонам городища и переходящей в горизонтальный уступ шириной 2—3 *м*, опоясывающий склоны городища на половине их высоты (рис. 1 и 2).

Таким образом, маленькое по площади (около 800 $м^2$) городище Тушемля имело мощную систему укреплений. В результате раскопок было выяснено, что укрепления создавались не сразу, а постепенно и достигли наибольшего развития в третьей четверти I тысячелетия н. э., перед большим пожаром. После этого жизнь на городище не возобновлялась.

На приведенных здесь частях одного из поперечных профилей культурных наслоений городища (рис. 3) видно, что в центральной части площадки залегал однородный культурный слой, по мощности не превышающий 0,20—0,40 *м*. Слой этот песчаный, углистый, черного цвета, содер-

жал небольшое число обломков керамики. Ниже лежит материковый песок светло-желтой окраски, насыщенный известняковой галькой.

По направлению к склонам мощность слоя возрастала, а вдоль склонов, где толщина слоя достигала 1—1,5 *м*, отчетливо видны два культурных слоя — верхний и нижний, местами перекрытый погребенной почвой. Нижний слой черный (с коричневатым оттенком), содержит большее

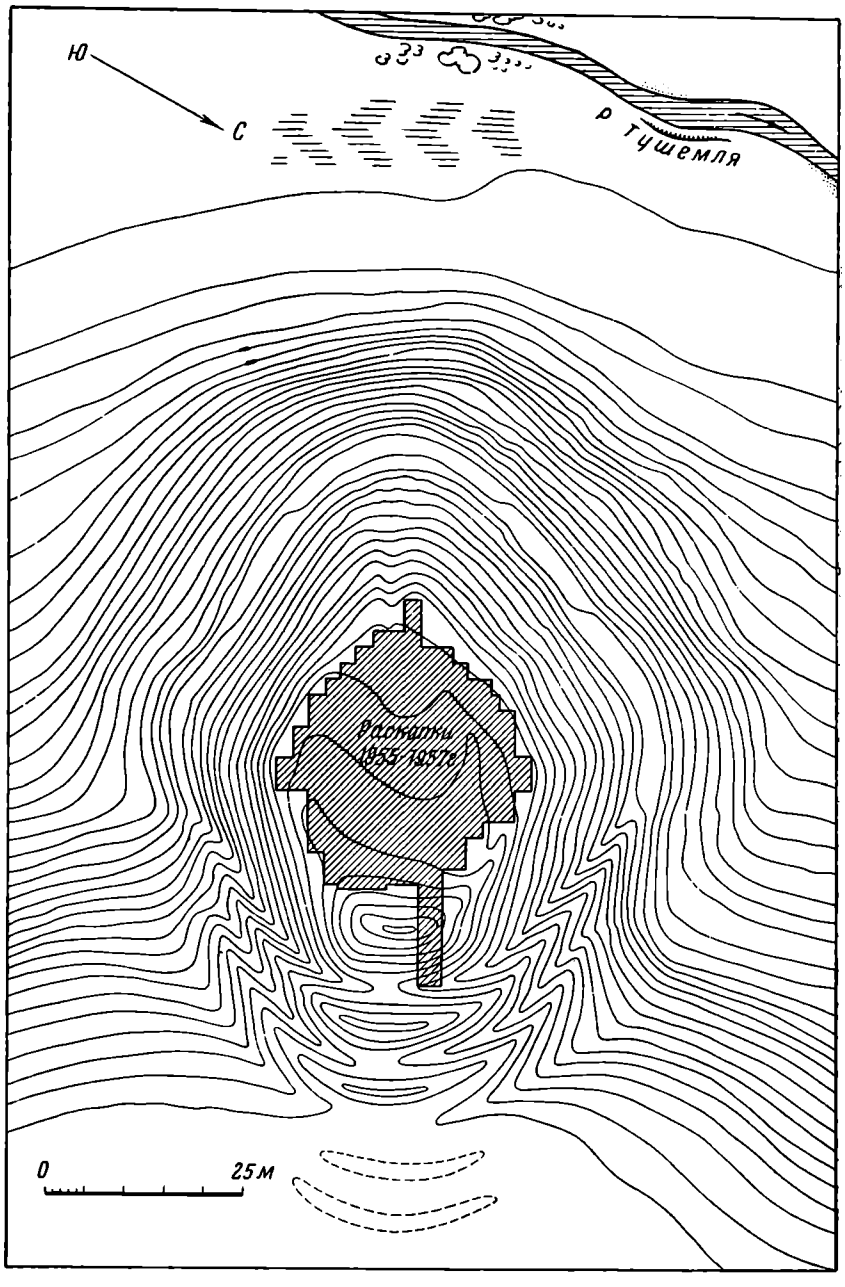


Рис. 2. План городища Тушемля. Сечение горизонталей через 0,5 *м*

число известняковой гальки. Между нижним и верхним слоями в ряде мест на склонах имеется прослойка коричневатой супеси почти без культурных остатков. На ее поверхности, а местами и в ее толще кое-где также виден горизонт погребенной почвы.

Верхний слой городища распадается на два горизонта. Нижний горизонт не имеет особых признаков. Это — аморфный черный слой, песчаный по структуре. В верхнем горизонте, имеющем такой же характер, лежат песчаная насыпь, представляющая собой остатки вала, окружавшего площадку городища со всех сторон, и остатки сгоревших деревянных построек в виде обуглившихся бревен, угля, золы и камней от развалившихся очагов или печей.

Нижнему культурному слою соответствуют остатки древнего вала — невысокой насыпи с напольной стороны, сложенной из песка и дернин. Снаружи к валу примыкал неглубокий ров. Двум горизонтам верхнего культурного слоя соответствуют два верхних горизонта насыпи вала, перекрывших не только первоначальную насыпь, но и древний ров. Глубокий первый ров, сохранившийся до настоящего времени, был сооружен людьми, оставившими нижний горизонт верхнего культурного слоя. Они засыпали старый ров и подняли насыпь вала более чем на 1 *м*. Наконец, перед пожаром, при сооружении кругового вала на площадке, вал был подсыпан еще раз, и на его вершине сооружена какая-то конструкция из толстых бревен, также сгоревшая во время пожара. Все это было выявлено в результате разреза первого вала траншеей шириной 3 *м*.

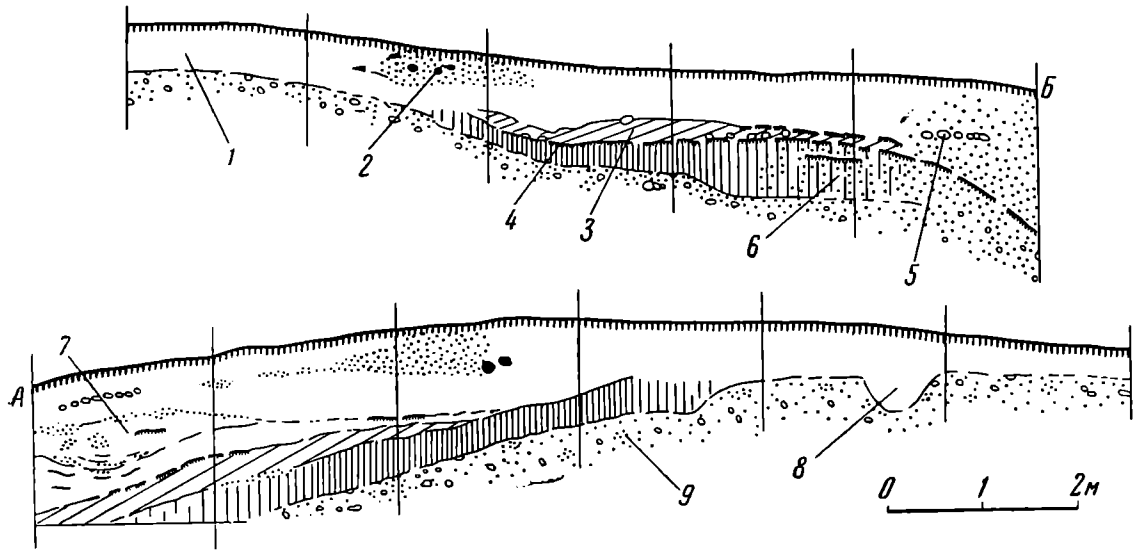


Рис. 3. Городище Тушемля. Профили культурных наслоений по краям площадки

1 — культурный слой; *2* — песчаная насыпь и обгоревшее дерево; *3* — слой коричневатой супеси; *4* — нижний культурный слой; *5* — камни; *6* — слабо гумусированный слой; *7* — то же, с прослойками песка и угля; *8* — яма нижнего слоя; *9* — материк

Нижний слой на городище Тушемля сохранился, как указано выше, лишь по краям площадки и около вала. При его разборке найдено значительное количество культурных остатков — предметов из глины, металла, кости и камня, а также остатки пищи — кости домашних и диких животных. Остатков каких-либо сооружений, бесспорно относящихся к нижнему культурному слою,— жилищ, очагов и др.— бонаружить в процессе раскопок не удалось. Но, по-видимому, к нижнему слою относится значительное число ям от вертикально стоявших столбов. На этом основании можно предполагать, что постройки первых обитателей городища имели столбовую конструкцию.

Время нижнего слоя определяется по найденным в нем бронзовым украшениям — прежде всего обломкам двух браслетов, которые условно можно назвать гальштатско-латенскими и датировать V—IV вв. до н. э. (рис. 4, *1, 2*). Браслеты такого рода не раз были встречены на древнейших городищах Поднепровья, относящихся к милоградской и юхновской культурам [3]. Они известны также по находкам на городищах верхнего течения р. Оки [4]. Очень интересным является найденный в нижнем культурном слое Тушемли обломок пластинчатого браслета, изготовленного по восковой модели, с зональным орнаментом в виде волнистых линий (рис. 4, *4*).

[3] О. Н. Мельниковская. Клад браслетов с городища в д. Горошков. ВДИ, 1956, № 1; ее же. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 36, 37.

[4] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги, М., 1899, стр. 72, табл. XIV, рис. 16.

Возможно, что в этом предмете следует усматривать отголосок очень древней традиции, восходящей в Поднепровье к предскифскому времени [5].

Изделия из железа, происходящие из нижнего слоя Тушемли, представлены небольшими железными ножами с горбатой спинкой (рис. 4, *5*) и двумя наконечниками. Все они весьма примитивны, асимметричны и не

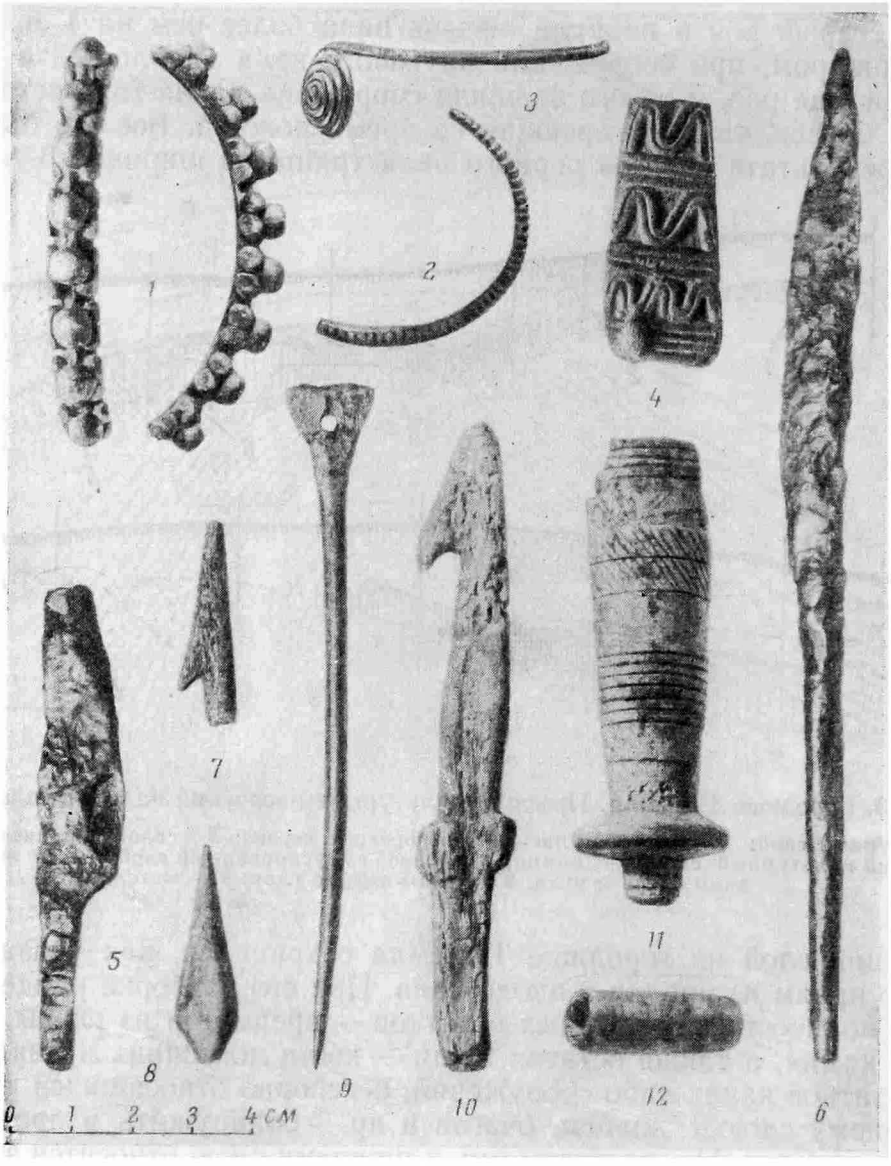


Рис. 4. Городище Тушемля. Находки из нижнего культурного слоя

ровны по толщине. Они как бы вышли из рук неумелого кузнеца. Особенно интересен в этом отношении кинжал или наконечник копья с круглой в сечении тыльной частью, постепенно переходящей в неправильное удлиненно-листовидное лезвие (рис. 4, *6*).

Примитивным железным изделиям сопутствует обилие изделий из кости и рога. Среди них отметим нарядную рукоятку ножа с зональным орнаментом из нарезных линий, близкую рукояткам из дьяковских городищ Волго-Окского междуречья (рис. 4, *11*). Близкие параллели к нашей рукоятке можно указать, например, среди материалов Старшего Каширского городища [6]. Раннедьяковские материалы напоминают также найден-

[5] А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне р. Тясьмин. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 87, 93, 95.

[6] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 20.

ные на Тушемле гарпуны архаического облика и наконечники стрел, как правило, очень миниатюрные, с шипом или ромбические (рис. 4, *7, 8, 10*), а также различные острия. Среди них имеются иглы для вязания сетей (рис. 4, *9*). В нескольких экземплярах найдены «тупики» — орудия в виде ножей, служившие для обработки кожи, изготовленные из лопаток крупных животных (рис. 5, *2*). Найдены костяные трубочки разного размера и диаметра. Одни из них (рис. 4, *12*) могли служить для прикрепления к древку описанных выше гарпунов. Другие, изготовленные из птичьих костей, являлись, возможно, «манками» для приманивания птиц.

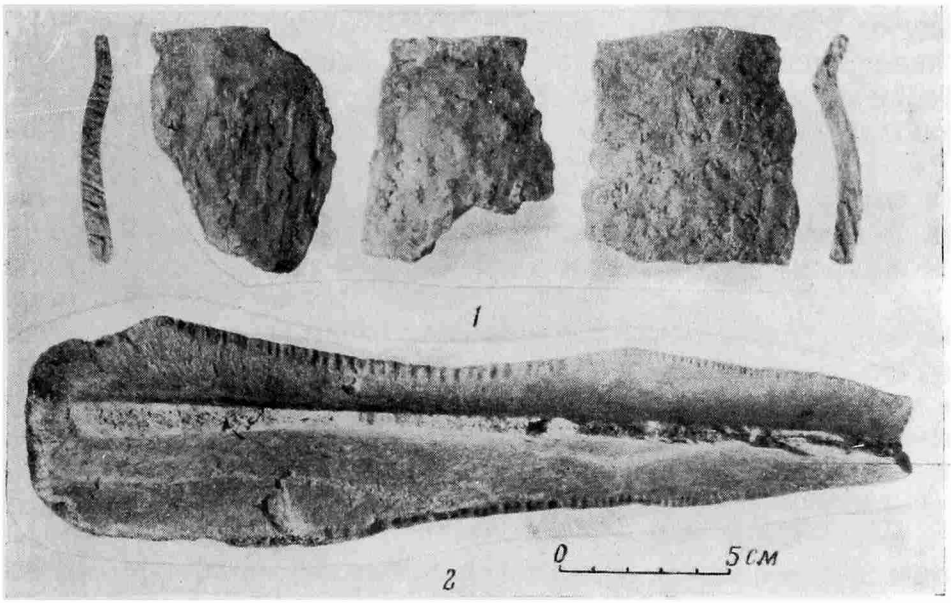


Рис. 5. Городище Тушемля. Обломки керамики и «тупик» из нижнего культурного слоя

Изделия из камня представлены в нижнем слое лишь одной находкой — маленькой зернотеркой. Интересно, что на городище не найдено каменных пестов, обычных для ранних городищ дьяковского типа.

Керамика нижнего культурного слоя очень однообразна. Она представлена обломками невысоких плоскодонных сосудов со слегка расширяющимися кверху стенками и слабо профилированным венчиком. Сосуды сравнительно тонкостенны (0,5 *см;* у венчика — 0,4 *см*), изготовлены из глины с примесью песка и дресвы; их поверхность — неровная, бугристая; цвет — бурый; обжиг — сравнительно сильный, но неравномерный; орнамент отсутствует (рис. 5, *1*). Лишь на некоторых сосудах по поверхности видна легкая штриховка. Из нижних горизонтов нижнего культурного слоя происходит несколько фрагментов глиняных сосудов, более толстостенных, чем обычные; их поверхность была покрыта штриховкой орнаментального характера. Такая посуда является типичной для древних городищ западной области Верхнего Поднепровья.

Никаких других изделий из глины — пряслиц, грузиков, глиняных фигурок,— обычных на древних городищах других областей лесной полосы Европейской части СССР, в нижнем слое Тушемли не найдено. Исключение составляет лишь продолговатая глиняная погремушка, близко напоминающая такие же предметы из Старшего Каширского городища [7], а также из лужицких городищ на территории Польши [8].

---

[7] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 16.

[8] См., например, Z. Kołosowna. Przedmioty kultu i zabawki z grodu kultury łużyckiej w Biskupinie, «III sprawozdanie z prac wikopalskowych w Biskupinie». Poznań, 1950, стр. 209.

Кости животных, найденные в нижнем культурном слое Тушемли, преимущественно вблизи склонов городища, принадлежали домашним животным (корове, лошади, свинье и овце) и диким (медведю, бобру, лосю, косуле), а также птицам (по-видимому, водоплавающим) и рыбам (щуке, судаку и др.).

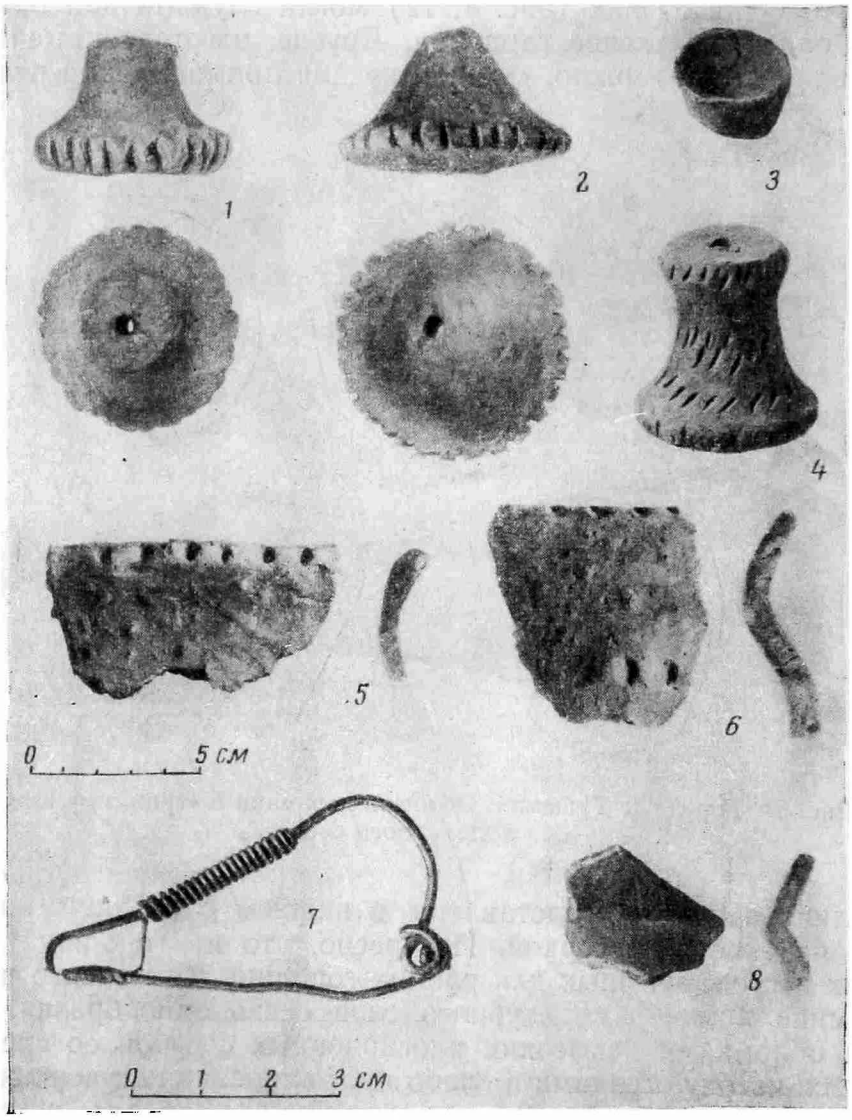


Рис. 6. Городище Тушемля. Находки из нижнего горизонта верхнего культурного слоя

Находки, сделанные в нижнем культурном слое Тушемли, являются первым материалом, характеризующим культуру древнейших городищ Смоленщины. На основе этого пока что очень небольшого материала можно сделать предварительный вывод о том, что древнейшие городища левобережной Смоленщины при наличии ряда черт сходства с милоградскими, юхновскими и раннедьяковскими городищами не могут быть отнесены ни к одной из названных групп и составляют своеобразную локальную группу. Судя по некоторым неопубликованным данным, в эту группу, кроме городищ левобережной Смоленщины, должны быть включены городища верховьев Десны и, возможно, городища Витебщины. По-видимому, очень близкими к этой группе являются отличающиеся от дьяковских древнейшие городища верховьев Оки и бассейна р. Угры [9].

[9] Т. Н. Никольская. Археологические исследования в Орловской обл. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 94—98; ее же. Городище у д. Свинухово. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 86—96.

Уже на основании данных стратиграфии можно утверждать, что между нижним и верхним культурными слоями Тушемли имеется значительный хронологический разрыв. Такой же вывод может быть сделан в результате сравнения вещественных материалов, происходящих из нижнего культурного слоя, с находками, обнаруженными в нижнем горизонте верхнего культурного слоя.

Прежде всего обращает на себя внимание керамика нижнего горизонта верхнего культурного слоя, совсем иная, чем в нижнем слое. Она представлена лепными сосудами со сравнительно узким плоским дном, расширяющимися кверху стенками, относительно крутыми плечами и отогнутым наружу венчиком. Посуда сравнительно толстостенная, изготовлена из глины с примесью дресвы и шамота; поверхность многих сосудов тщательно выглажена. Обрез венчика, как правило, орнаментирован косой насечкой или защипами (рис. 6, *5, 6*). Несложные узоры из насечек или ямочных вдавлений иногда встречаются и на тулове сосуда, опоясывая его в наиболее широкой части.

В числе нескольких десятков находок в нижнем горизонте верхнего слоя обнаружены обломки сосудов с черной или коричневой лощеной поверхностью. Одни из них имели форму горшков, другие — мисок с резким ребром в верхней части.

В целом посуда из нижнего горизонта верхнего культурного слоя Тушемли близко напоминает, с одной стороны, позднезарубинецкую керамику более южных областей Поднепровья, с другой — керамику мощинских городищ и соответствующих им курганов из области верхнего течения р. Оки [10]. Много общего она имеет также с позднедьяковской посудой Верхнего Поволжья, где грубая лепная посуда, как и на Тушемле, нередко сочетается с лощеной [11].

Другой характерной особенностью нижнего горизонта верхнего культурного слоя Тушемли являются «грузики дьякова типа», найденные в количестве около 50 (рис. 6, *1, 2, 4*). «Грузики» Тушемли ничем не отличаются от обычных позднедьяковских, происходящих, например, с Иваньковского, Санниковского [12] или Березняковского [13] городищ Верхнего Поволжья.

На основании аналогий с материалами зарубинецкой культуры, мощинских городищ и позднедьяковских городищ нижний горизонт верхнего культурного слоя Тушемли датируется первой половиной I тысячелетия н. э. Металлические изделия, найденные в этом горизонте, отнюдь не противоречат такой дате, а полностью ее подтверждают. Так, ко II—III вв. относится бронзовая фибула с обернутой ножкой (рис. 6, *7*), хорошо известная по южнорусским, в частности ольвийским, древностям [14]. К этому же времени принадлежит обломок бронзовой гривны из скрученной четырехгранной проволоки, известной по окским древностям [15]. Железные ножи и обломок серпа из нижнего горизонта верхнего культурного слоя Тушемли находят себе аналогии в материалах верхнего слоя Чаплинского городища зарубинецкой культуры и в позднедьяковских древностях.

При подчистке поверхности материка в северной части городища были обнаружены остатки круглого сооружения, связывающегося с нижним горизонтом верхнего культурного слоя. Они представляли собой хоро-

---

[10] Н. И. Булычев. Ук. соч. (Мощинский городец, курганы у деревень Шаньково и Почепок, а также с. Доброе).

[11] О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 105, 129 и др.

[12] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 90, 106—107 и сл.

[13] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 68, 126—132.

[14] А. І. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 80—84.

[15] Например, А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, 1901, табл. X, *4*.

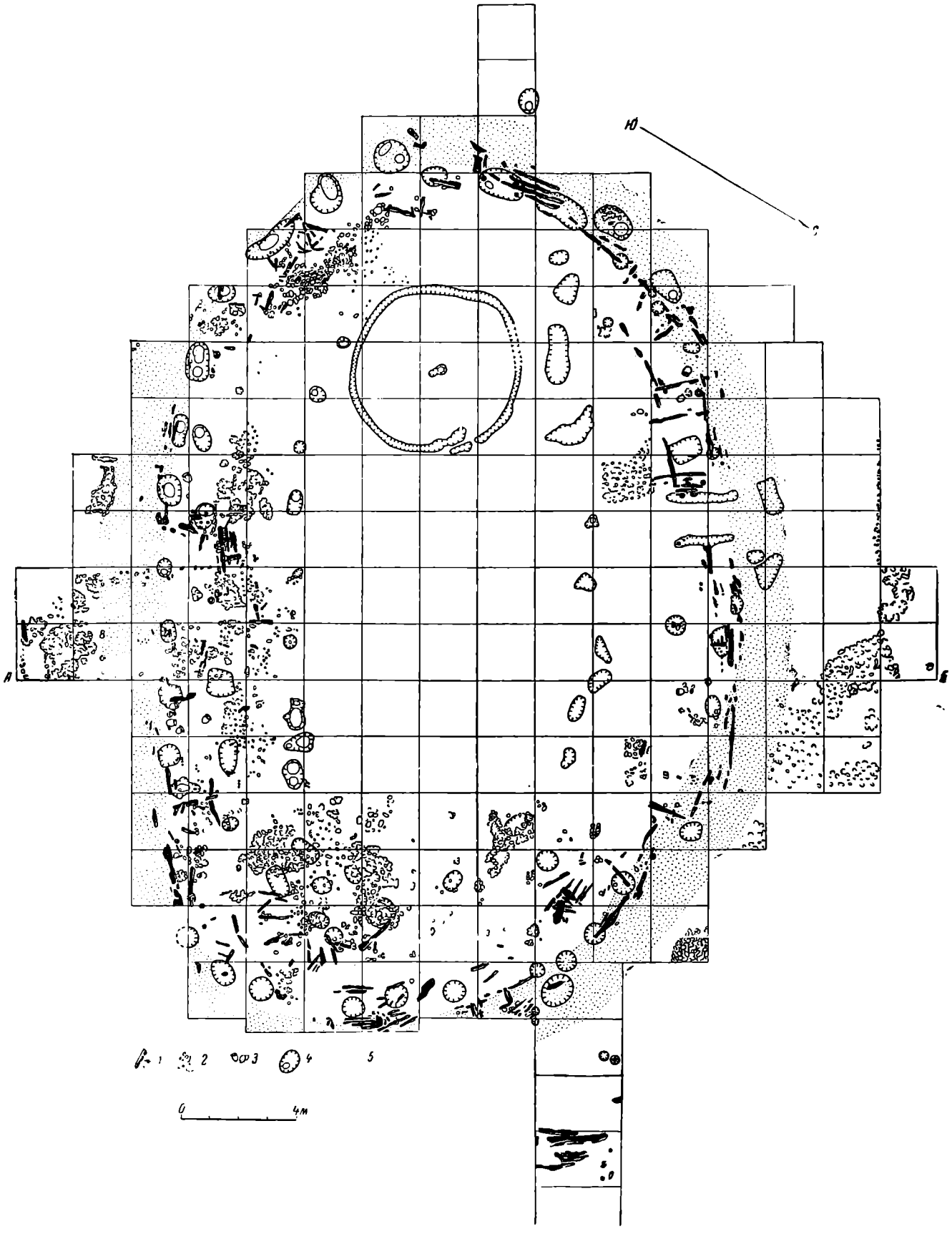


Рис. 7. Городище Тушемля. Схема остатков сооружений верхнего горизонта культурного слоя

1 — сгоревшие бревна; *2* — камни; *3* — керамика; *4* — ямы; *5* — песчаная валообразная насыпь

шо утоптанную горизонтальную площадку правильной круглой формы, диаметром 6 *м*. Непосредственно на ее поверхности лежало несколько обломков одного глиняного сосуда с орнаментом по венчику и плечику, характерного для нижнего горизонта верхнего культурного слоя.

По краю площадки шла канавка, шириной 0,10—0,25 *м* и глубиной в материке 0,15—0,30 *м*, состоящая как бы из цепочки соединенных между собой ям от вертикально стоявших столбов. Глубина некоторых из таких ям или гнезд для столбов достигала 0,50 *м*. Стоявшие здесь некогда столбы были толщиной от 0,15 до 0,20 *м*. Расстояние между ними, судя по наиболее сохранившимся частям канавки, составляло 0,25—0,35 *м*.

В середине площадки также имелся ряд ям от столбов разного размера. Большинство из них были неглубокими, небольшими ямами, отношение которых к круглому сооружению осталось не выясненным. Но, безусловно, с ним связывается коническая яма диаметром 0,50 *м* и глубиной 0,70 *м*, расположенная почти в самом центре круглой площадки. Следов очага в пределах площадки не обнаружено.

Все сооружение представляется нам в виде круглой, с большим вертикально стоявшим столбом в центре площадки, окруженной как бы оградой из часто поставленных столбов меньших размеров. Мы рассматриваем это сооружение как языческое святилище. Восточная часть этого сооружения была перекрыта остатками постройки, относящейся к верхнему горизонту культурного слоя.

В свете данных, полученных при исследовании верхнего горизонта культурного слоя в разных частях площади городища, становится очевидным, что многочисленные ямы от столбов, связанные с нижним горизонтом верхнего культурного слоя, принадлежали постройке или постройкам столбовой конструкции, которые располагались по краю площадки городища, оставляя середину ее свободной.

Наиболее интересным открытием, сделанным в результате раскопок на Тушемле, являются остатки сгоревших сооружений, относящихся к последнему периоду жизни на городище, к верхнему горизонту культурного слоя. Они состояли из ям от столбов, скоплений обгоревших бревен, развалов каменных очагов и насыпи вала, окружавшего площадку городища со всех сторон. Анализ остатков позволяет с достаточной полнотой восстановить облик Тушемли накануне уничтожившего ее пожара.

На прилагаемой схеме (рис. 7) видно, что жилые строения, обнаруженные на городище, представляли собой, по сути дела, одно сооружение — длинный дом, располагавшийся по овалу вокруг площадки городища, остававшейся свободной от построек.

Контуры сооружения определяются, прежде всего, ямами от вертикально стоявших столбов, расположенных двумя более или менее правильными рядами вдоль наружной и внутренней стен постройки. Ямы имели значительные размеры: их диаметр в среднем составлял около 0,60—0,70 *м*, достигая в отдельных случаях значительно большей величины. Глубина ям ниже слоя пожарища составляла в среднем 1 *м*. Ямы имели в ряде случаев коническую форму; многие из них до половины глубины были широкими, а затем резко сужались, образуя гнездо для столба, причем в нескольких случаях в таких ямах обнаружены гнезда для двух столбов.

Расстояние между ямами от столбов наружной стены постройки составляло 2,25—2,50 *м* (редко больше), а между ямами от столбов внутренней стены — несколько меньше. Расстояние между наружной и внутренней стенами (т. е. ширина постройки) равнялось 4,5 *м*. В большинстве случаев ямы, связанные с наружной и внутренней стенами, располагались одна против другой. В некоторых местах имелись дополнительные ямы, находящиеся или на линии стен, или внутри постройки. Во многих ямах сохранились остатки обгоревших столбов толщиной до 0,20—0,30 *м*.

Столбы, составлявшие основу стен, имели, очевидно, вертикальные пазы, в которых удерживались затесанные концы горизонтально расположенных бревен, составлявших стены постройки. Возможно, что постройка разделялась на ряд секций поперечными стенами, следами которых являются, по-видимому, некоторые из столбов, находящихся внутри постройки.

К наружной стене постройки на всем ее протяжении примыкала земляная насыпь, остатком которой является упомянутый выше невысокий вал, располагавшийся по краю площадки городища. Если мы еще раз обратимся к профилям культурного слоя (рис. 3), то нетрудно будет убе-

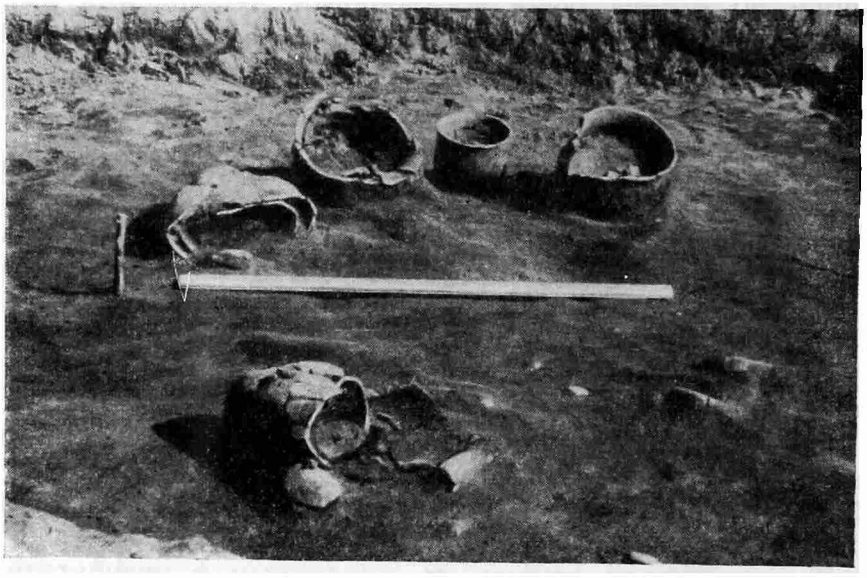


Рис. 8. Городище Тушемля. Группа сосудов в юго-восточной части площадки городища

диться, что осевшая песчаная насыпь во многих местах сохранила свою первоначальную форму. Там, где насыпь примыкала к наружной стене постройки, она круто обрывалась. В направлении к склонам городища насыпь постепенно выклинивалась.

Какую форму имела крыша данного сооружения, осталось невыясненным, но бесспорно, что она также была засыпана сверху землей или покрыта дерном. Об этом говорит характер обугленности стропил рухнувшего перекрытия. Во многих местах удалось установить, что бревна от перекрытия были сильно обуглены лишь снизу. Сверху же они были или слабо обуглены, так что на них сохранилась кора, или же не обуглены совсем, представляя собой коричневатую труху. В ряде случаев непосредственно поверх стропил лежали слабо обугленные толстые прутья лещины (орешника), также сохранившие на себе кору. Все это могло получиться лишь в том случае, если стропила и перекрывавшие их прутья были засыпаны сверху землей, предохранившей их от огня.

Приблизительно в середине северной стороны сооружения находились ворота или, точнее, вход, так как ширина проема составляла всего лишь 1,25 *м*. Следами входа являются две параллельно расположенные глубокие узкие ямы (длина 2,5 и 2,25 *м* и ширина 0,25—0,40 *м*), в которых сохранились остатки обугленных бревен, стоящих вертикально одно подле другого по всей длине ям. Снаружи входу соответствовали две большие столбовые ямы, внутри — также две ямы, расположенные на линии внутренней стены длинной постройки. Снаружи от входа дорога вела в направлении к краю основного вала.

Внутри постройки, преимущественно в южном ее крыле, были обнаружены скопления обгоревшего камня — остатки сильно разрушенных оча-

гов. Около них найдено большое количество глиняных сосудов, нередко целых, иногда же раздавленных и пострадавших от огня во время пожара. В юго-восточной части постройки стояли в ряд четыре сосуда; внутри трех из них было еще по одному сосуду меньшего размера; рядом на боку лежал большой сосуд с сосудом меньшего размера внутри (рис. 8.). Группа из четырех сосудов найдена в северо-западной части сооружения. В других местах сосуды встречались по одному или по два. Всего в пределах постройки обнаружено 25 сосудов.

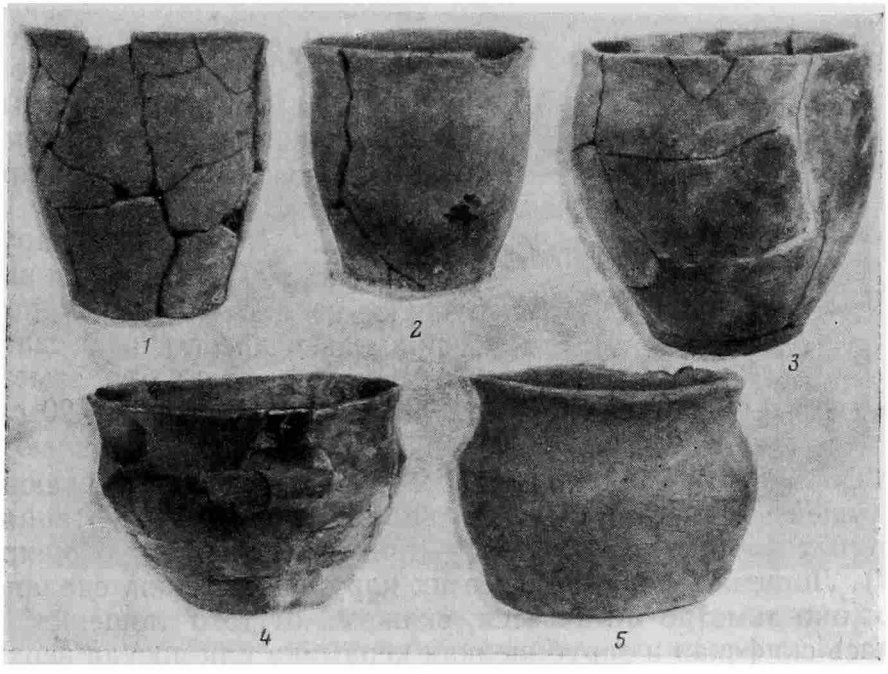


Рис. 9. Городище Тушемля. Сосуды из верхнего горизонта культурного слоя

На стрелке городища имелся лишь один ряд столбов, соответствующий наружной стене постройки. Здесь, следовательно, постройка не продолжалась; здесь имелась лишь ограда. В этой части городища встречены остатки святилища — круглого сооружения, такого же точно, как святилище, относящееся к нижнему горизонту верхнего культурного слоя. Его остатками была углубленная в материк канавка, шедшая по кругу диаметром 5,5 *м*. В центре круга находилась глубокая яма от большого вертикально стоявшего столба (рис. 7).

Остатки этого святилища сохранились значительно хуже, чем в первом случае, так как оно было сооружено на культурном слое толщиной 0,15—0,10 *м*, лежащем на рыхлом, переполненном гравием песчаном материке. Поэтому канавка второго святилища, шириной 0,20—0,25 *м*, углубленная в материк на 0,15—0,20 *м*, сохранилась очень плохо. Но и здесь в канавке были видны гнезда от отдельных столбов. Центральная яма, углубленная в материк на 0,70 *м*, сохранилась лучше. Вверху ее поперечник составлял 0,30 *м*, что, по-видимому, соответствует толщине стоявшего здесь столба (как мы полагаем, изображения божества).

Выше уже шла речь о том, что в пределах сгоревшей постройки было найдено 25 глиняных сосудов. Казалось бы, что и другие находки должны быть представлены здесь весьма обильно. В действительности же среди остатков пожарища не было сделано почти никаких других находок, если не считать половинки маленького глиняного биконического пряслица и обломка железной кольцевой застежки. Вне пределов постройки на северном крае городища найдены железный серп и верхний камень небольшого круглого жернова, пострадавший от огня.

По нашему мнению, отсутствие вещественных находок при наличии многочисленных глиняных сосудов получает объяснение в том, что пожар не был внезапным. Жилище перед пожаром было покинуто своими обитателями, которые унесли весь свой скарб, за исключением неудобной для переноски керамики. Сделанная нами раньше попытка объяснить отсутствие находок особым функциональным назначением городища как культового места не подтвердилась в процессе раскопок на других городищах левобережной Смоленщины (о чем будет сказано ниже).

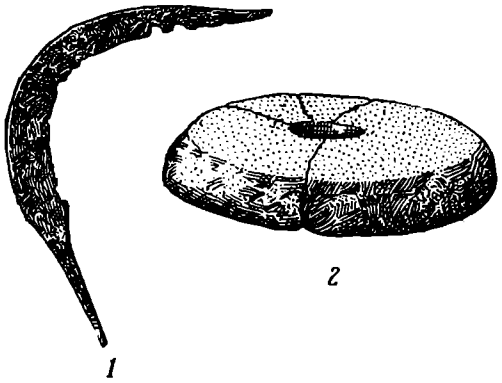


Рис. 10. Городище Тушемля. Серп и жернов из верхнего горизонта культурного слоя

Найденные в слое пожарища глиняные сосуды могут быть разделены на четыре группы. Наиболее многочисленную из них составляют сосуды средней и небольшой величны с плоским дном, слегка выпуклыми расширяющимися кверху стенками, несколько суженной горловиной и отогнутым наружу венчиком (рис. 9, *1, 2*). Сосуды вылеплены от руки из плохо промешанной глины с примесью дресвы и песка; поверхность шероховатая; они заметно ассиметричны; их высота 15—20 *см*.

Вторую группу составляют сосуды таких же форм с темно-бурой лощеной поверхностью, отличающиеся от первых лучшей выделкой и относительно правильными очертаниями. Венчик некоторых сосудов этой группы — прямой, почти непрофилированный (рис. 9, *3*). Лощение, покрывающее их наружные стенки, сделано весьма небрежно; оно заметно отличается, скажем, от того лощения, которым покрывалась скифская и зарубинецкая керамика или посуда верхнеокских городищ мощинского типа. Высота сосудов 20—25 *см*.

Третья группа представлена одним сосудом — лощеной миской черного цвета высотой 16 *см* (рис. 9, *4*).

И, наконец, в четвертую группу нами включен также один сосуд — низкий горшок или высокая миска — несколько реберчатый, хотя и сильно округленных очертаний (рис. 9, *5*). Его высота 16 *см*.

Мы рассматриваем данный керамический комплекс как дальнейшее развитие керамических типов, представленных в нижнем горизонте верхнего культурного слоя Тушемли, которые мы сравнивали с зарубинецкой посудой, с керамикой верхнеокских городищ мощинского типа и с посудой позднедьяковских городищ. По ряду признаков первая группа тушемлинской керамики соответствует посуде из верхнего культурного слоя известного Банцеревского городища вблизи Минска, исследованного А. Н. Лявданским в 30-х годах. На этом городище, как и на Тушемле, найдено большое число целых сосудов, причем некоторые из них были наполнены сгоревшим зерном. Возможно, что Банцеревское городище близко Тушемле не только по керамике, но и по общему характеру [16].

Железный серп, найденный в верхнем горизонте культурного слоя за пределами построек, заметно отличается от серпа нижнего горизонта верхнего культурного слоя, приближаясь по форме и размерам к средневековым серпам (рис. 10, *1*). То же самое следует сказать о круглом жернове из песчаника, который до сих пор был известен на севере лишь на средневековых памятниках. Его размеры: диаметр — 37 *см*, диаметр отверстия — 6,5—7 *см*, толщина в средней части — 10 *см*. Рабочая поверхность — плоская (рис. 10, *2*).

[16] А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. Сообщ. ГАИМК, 1932, №№ 7—8, стр. 54—61.

Вопрос о датировке горизонта пожарища пока что не может рассматриваться как вполне решенный. Судя по жернову и железному серпу, слой пожарища хотелось бы отнести к весьма позднему времени — последним векам I тысячелетия н. э. Этой дате противоречит, однако, одно обстоятельство, вытекающее из сопоставления материалов Тушемли с материалами «длинных курганов» Смоленщины, которые в ряде случаев могут быть датированы с достаточной точностью.

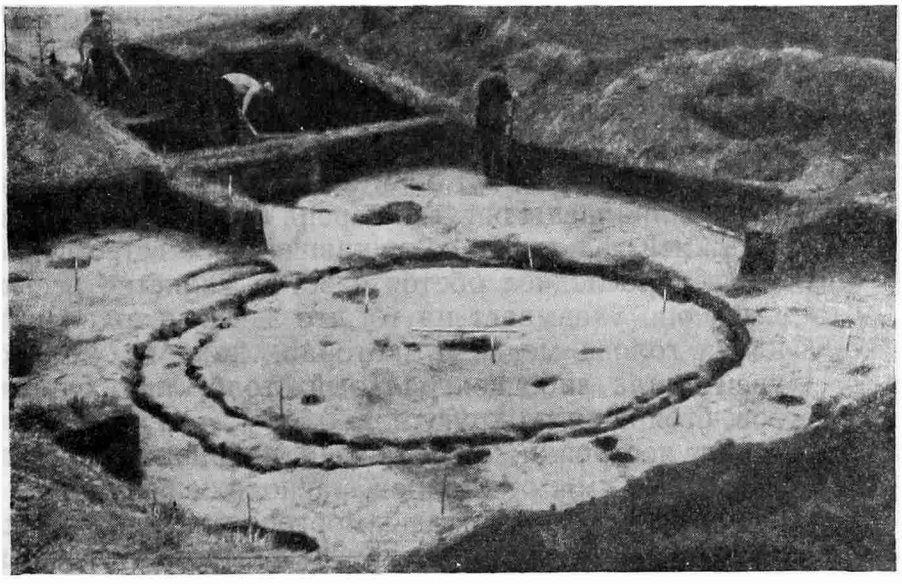


Рис. 11. Остатки круглого святилища на городище у дер. Городок

Оказалось, что керамика обеих горизонтов верхнего культурного слоя Тушемли заметно отличается от керамики из «длинных курганов» Смоленской земли, керамики, имеющей совсем иные формы, близкие известной роменской посуде более южных областей Поднепровья [17]. Одна из групп «длинных курганов» находится в 3,5—4 *км* от Тушемли, на левом берегу Сожа, у дер. Слобода-Глушица. По наблюдениям Е. А. Шмидта, ведущего раскопки этой курганной группы, некоторые курганы насыпаны здесь на культурном слое древнего селища с керамикой типа верхнего культурного слоя Тушемли. Длинные курганы у дер. Слобода-Глушица датируются VI—VIII вв. н. э., а это значит, что пожар на Тушемле придется отнести ко времени не позже VI—VII вв. н. э. Эти соображения будут проверены последующими раскопками у дер. Слобода-Глушица.

Для того чтобы окончательно разрешить вопрос о характере Тушемли — о том, являлось ли городище культовым местом или обычным для этой области поселением,— были предприняты небольшие раскопки на двух ближайших городищах такого же характера: в 20 *км* от Тушемли — на городище у дер. Городок и в 12 *км* от Тушемли — на городище у дер. Прудки. Оба пункта расположены в окрестностях г. Починок на мелких притоках р. Хмары, впадающей в Сож. По внешнему виду и размерам оба городища близки к Тушемле. На том и другом для раскопок были выбраны участки, расположенные ближе к стрелке, соответственно тому месту на Тушемле, где были открыты остатки святилища. Раскопки на обоих городищах увенчались полным успехом — в обоих пунктах оказались остатки круглых святилищ.

---

[17] См., например, А. Н. Лявданский. Археолёгічные досьледы у вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі..., стр. 281, табл. III.

На городище у дер. Городок была вскрыта площадь, несколько превышающая 100 *м*, захватившая, кроме святилища, еще и прилегающие к нему части столбовой постройки, точно такой же, как на Тушемле. Остатки святилища сохранились здесь очень хорошо благодаря плотному песчаному грунту (рис. 11). На одном и том же месте здесь оказались две, очевидно, разновременные круговые канавки почти одинакового диаметра (5 *м*) и частично совпадающие друг с другом. Центральная яма глубиной 0,95 *м* в материке была одна. В канавках обоих кругов хорошо видны гнезда от отдельных столбов в форме плах (бревен, расколотых вдоль пополам), поставленных вертикально, выпуклой стороной внутрь. Столбы стояли близко один к другому. На протяжении одного метра круга в среднем было по три столба толщиной до 0,20 *м*.

Рис. 12. Городище у дер. Городок. Фибула среднелатенской схемы

Внутри круга, в 1,50 *м* от центрального столба и в 1 *м* от края, найдены остатки черепа большого медведя вместе с нижней челюстью, сохранявшей свое естественное положение. Последнее обстоятельство является весьма важным: оно указывает на то, что здесь находилась некогда целая голова медведя, которая, как мы предполагаем, увенчивала либо центральный столб, либо один из столбов, стоявших по кругу.

От постройки, окружавшей площадку городища, сохранились ямы от столбов, расположенные точно так же, как на Тушемле, несколько обгорелых бревен и камни от разрушенных очагов. Снаружи постройка была засыпана землей. Среди камней от очагов найдены распавшийся глиняный сосуд типа керамики верхнего горизонта Тушемли и два обломка небольшого круглого жернова, такого же, как жернов, найденный на Тушемле.

В числе других немногочисленных находок отметим предметы, соответствующие нижнему горизонту верхнего культурного слоя Тушемли,— грузики дьякова типа и бронзовую фибулу среднелатенской схемы I в. до н. э.— I в. н. э. (рис. 12).

Городище у дер. Прудки оказалось непригодным для раскопок, так как в недавнее время здесь находилось кладбище. Поэтому примыкающая к стрелке часть площадки была прорезана лишь траншеей шириной 2 *м*, к которой впоследствии были сделаны небольшие прирезки. Среди могил на материке обнаружена часть горизонтальной площадки круглой формы, диаметром 7 *м*, с большой и глубокой центральной ямой и канавкой по краю. Как и на предыдущем городище, здесь хорошо сохранились гнезда от отдельных столбов. Они имели сравнительно небольшие размеры и округлую форму.

Обломки керамики, найденные на городище у дер. Прудки, вполне соответствуют посуде двух предыдущих городищ.

В свете всех этих материалов нами была просмотрена документация смоленских изысканий А. Н. Лявданского, производившего небольшие пробные раскопки на нескольких городищах типа Тушемли. Они убедили нас в том, что столбовые постройки, расположенные по краям площадок городищ и засыпанные снаружи землей, имели на Смоленщине широкое распространение.

Таким образом, можно предполагать, что городище Тушемля отнюдь не является чем-то особенным. Оно не отличается от многих других городищ левобережной Смоленщины, представляющих собой остатки до сих пор не известных археологам чрезвычайно интересных сооружений — хорошо укрепленных городков со своеобразными, в виде «жилых стен» столбовыми постройками и круглыми святилищами. Не приходится гово-

рить о том, какой глубокой архаикой и самобытностью веет от этих древних городков, служивших пристанищем сравнительно небольшим группам людей,— по-видимому, семейным общинам, жившим в своеобразных длинных домах и поклонявшимся своему божеству (вероятно, предку), в качестве которого, возможно, фигурировал и медведь.

О том, что на Смоленщине имелись когда-то человекообразные идолы, говорят известия о каменных «болванах», сохранявшихся там до сравнительно недавнего времени. Так, в 3—4 *км* от Тушемли находится бывшая усадьба «Болваничи», расположенная на отроге возвышенности. По сведениям 1882 г., там стояло каменное изваяние наподобие человека. Возможно, что об этом же пункте, а может быть, и о другом, говорится в одной рукописи XVII в., где сказано, что в 30 «поприщах» от Смоленска по Черниговской дороге стояли каменные изваяния, «аки люди стояще на поле там, видимы суть и доныне». На этом месте крестьяне собирались в день Ивана-Купалы [18].

Некоторой (хотя и далеко не полной) аналогией смоленским городищам-святилищам является городище юхновской культуры «Благовещенская гора» на Десне около Вщижа, раскопанное Б. А. Рыбаковым и определенное им в качестве языческого святилища. Там имелась длинная постройка, вплотную примыкающая к дугообразному валу, а также полукруг, образованный из вертикально стоявших столбов, и остатки огромного кострища [19]. Очень возможно, что к типу Тушемли относилось городище «Барсучья горка» на Днепре в районе Могилева, датированное V—VII вв. При раскопках, произведенных там В. Р. Тарасенко, вдоль краев городища были найдены остатки длинных домов с очагами, тогда как средняя часть площадки оказалась свободной от построек. Участок, лежащий ближе к стрелке городища, на котором, возможно, располагалось круглое святилище, остался не исследованным [20]. Среди неопубликованных материалов, происходящих из области Верхнего Поднепровья, бассейна Десны и верховьев Оки, имеются сведения еще о трех-четырех городищах, принадлежащих, возможно, к типу Тушемли или «Благовещенской горы».

Но значительно больше аналогий смоленским городищам-святилищам имеется среди славяно-русских древностей.

Отдаленной, но не случайной аналогией «жилым стенам», открытым на смоленских городищах, служат «жилые стены» раннесредневековых городищ Волыни и прилегающих к ней областей Поднепровья. Наиболее известным среди них является Райковецкое городище с его жилыми клетями, составлявшими одно целое с деревянной конструкцией валов [21]. Одним из наиболее ранних волынских городищ, ближе всего напоминающим Тушемлю, является городище Хотомель в низовьях р. Горыни, исследованное Ю. В. Кухаренко. Остатки построек располагались там кругообразно по краю площадки городища [22].

Не являются совсем одинокими также и круглые святилища смоленских городищ. Их можно сопоставить как с известным круглым каменным сооружением, открытым В. В. Хвойкой в Киеве, так и, особенно, со святилищем Перуна в Новгороде, представлявшим собой круглую площадку с деревянной статуей божества в центре [23]. Очень близки тушемлинскому

---

[18] Изв. Общ-ва любит. естеств., антропол. и этногр. при Московском университете, т. XLIX, вып. 3, М., 1886, стр. 61.

[19] Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 108—112.

[20] В. Р. Тарасенко. Раскопки на городище «Барсучья горка». КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 102 и сл.

[21] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 21 и сл.

[22] Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 90, 91.

[23] В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище на Перыни. КСИИМК, вып. 50, 1953, стр. 91—103.

святилищу круги из деревянных столбов, открытые при исследовании курганов IX—X вв. около Боршевского городища на Дону и в ряде пунктов в верхнем течении р. Оки. По нашему мнению, такое оформление погребальных сооружений было характерно для древних вятичей [24]. Сходство святилища и кургана не является, конечно, случайным. На близость новгородского святилища и древнерусских курганов правильно указывал В. В. Седов [25].

Языческое святилище древних русов, очень похожее на круглые святилища смоленских городищ, описал в своем сочинении Ибн-Фадлан. «Как только приезжают их корабли к этой пристани,— рассказывал он о русах, прибывших в Болгары,— каждый из них выходит и (несет) с собой хлеб, мясо, лук, молок и набид (хмельной напиток.— *П. Т.*), пока не подойдет к высокой воткнутой (в землю.— *П. Т.*) деревяшке [26] у которой (имеется) лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее, (куска дерева) — маленькие изображения, а позади этих изображений (стоят) высокие деревяшки, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом (он) говорит ему: «О, мой господин, я приехал из отдаленной страны и со мной девушек (рабынь.— *П. Т.*) столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур», пока не сообщит (упомянет) всего, что (он) привез с собой из (числа) своих товаров — «и я пришел к тебе с этим даром»; — потом (он) оставляет то, что (было) с ним, перед этой деревяшкой,— «и вот, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами,...» И вот, если для него продажа его бывает затруднительной и пребывание его задерживается, то он опять приходит с подарком во второй и третий раз, и если (все же) оказывается трудным сделать то, что он хочет, то он несет каждому изображению из числа этих маленьких изображений по подарку и просит их о ходатайстве и говорит: «это (эти) жены нашего господина и дочери его и сыновья его» [27]. Далее следует рассказ о том, что в случае удачи идолам — большому и маленьким — приносятся особые жертвы.

Приведенные выше данные из области славяно-русских древностей и рассказ Ибн-Фадлана о святилище русов отнюдь не означают, однако, что смоленские городища-святилища должны быть отнесены к памятникам древней славянской культуры. Необходимо иметь в виду, что смоленские городища значительно отличаются от поселений раннеславянской зарубинецкой культуры, известных в более южных областях Верхнего Поднепровья. Отдельные элементы зарубинецкой культуры, прослеживаемые в материалах нижнего горизонта верхнего культурного слоя Тушемли и на других городищах (керамика, фибулы), скорее всего следует рассматривать как результат влияния зарубинецкой культуры на местные племена. В то же время является вполне очевидным, что к концу I тысячелетия н. э. верхнеднепровское балтийское население вошло в состав древнерусских племен, передав им некоторые элементы своей культуры.

Но в настоящее время, когда в исследовании городищ левобережной Смоленщины сделаны лишь самые первые шаги, развивать данную сложную тему было бы преждевременным.

---

[24] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 50—52.

[25] В. В. Седов. Ук. соч., стр. 103.

[26] Т. е. к столбу.

[27] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М — Л., 1939, стр. 79—80.

Г. А. МАКСИМЕНКОВ, И. Н. ХЛОПИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В УСТЮЖНЕ И В ПРИЛЕГАЮЩИХ РАЙОНАХ

В литературе, посвященной исследованию железоделательного производства в России, Устюжна-Железнопольская неизменно упоминается как один из наиболее крупных и древних средневековых железоделательных центров, специализировавшихся в основном на изготовлении оружия и боеприпасов, возможно, с XIV—XV вв. [1].

В 1954—1955 гг. Артиллерийский исторический музей произвел в Устюжне и в прилегающих к ней районах Вологодской области археологические разведки, целью которых было выявление мест, связанных с добычей и обработкой железа в средние века [2].

* * *

Северная часть района Устюжны, где проходил один из маршрутов разведки, представляет собой болотистую местность, которая до XIX в. носила название «Железное поле» [3]. Здесь не было земли, пригодной для земледелия, если не считать незначительных ее участков, отвоеванных у болот и расположенных непосредственно около деревень. При проведении этого маршрута было встречено несколько мест с остатками железоделательного производства.

Наиболее значительными из них являются следующие.

1. Дер. Рожнево [4] расположена в 18 *км* на северо-запад от Устюжны, по Тихвинскому тракту, в 0,5 *км* к северу от него. На главной улице села и за его южной околицей находится пять куч размером в среднем 30 × × 10 × 2 *м*, состоящих из шлака, губчатых необработанных криц и сильно оплавленных воздуходувных трубок. По всей видимости, это не что иное, как свалка отходов производства. Из этих куч извлечены и хранятся в Устюженском музее кузнечные клещи, крицы, молотки [5]. Здесь же был собран незначительный керамический материал, представленный целыми соплами и серой лощеной керамикой XVI—XVII вв.

---

[1] Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского Музея, ч. I, СПб., 1877, стр. 48, 105, 119—121; В. Г. Федоров. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1949, стр. 106—110.

[2] Разведка проводилась группой научных сотрудников Артиллерийского исторического музея в составе Л. Н. Кужелевой, А. Н. Кирпичникова, Г. А. Максименкова и И. Н. Хлопина, под руководством К. А. Раевского.

[3] А. Щекатов. Словарь географический Российского государства. М., 1808, ч. VI, стр. 650.

[4] И. Романцев. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911, стр. 97. «В деревне сопки высотой до 2 аршин». Те памятники, которые автор называет сопками, в большинстве случаев оказались отбросами железоделательного производства.

[5] В 1953 г. директором Устюженского краеведческого музея Б. М. Яковцевским была частично разрыта одна из куч, внутри которой были обнаружены указанные предметы. По его словам, они находились в разрушенной домнице. Он считает, что эти кучи являются не просто свалкой, а выбросом из домниц, которые оказались погребенными под отходами производства.

За околицей села, в лесу, имеются ямы для выжигания угля размером 8 × 4 × 2 *м*.

2. Дер. Шалочь расположена по обоим берегам р. Шалочь, между болотами Рудинское и Большой Мох. На левом берегу реки, в 40—50 *м* от моста вверх по течению, находятся две кучи размером 35 × 30 × 5 *м* и 20 × 12 × 3 *м*, состоящие из железного шлака, необработанных криц и обломков сильно оплавленных керамических сопел. Происхождение их такое же, очевидно, как и в Рожневе. В 1629—1630 гг. из Шалочи было поставлено на устюженскую таможню 1,7% всего количества криц[6].

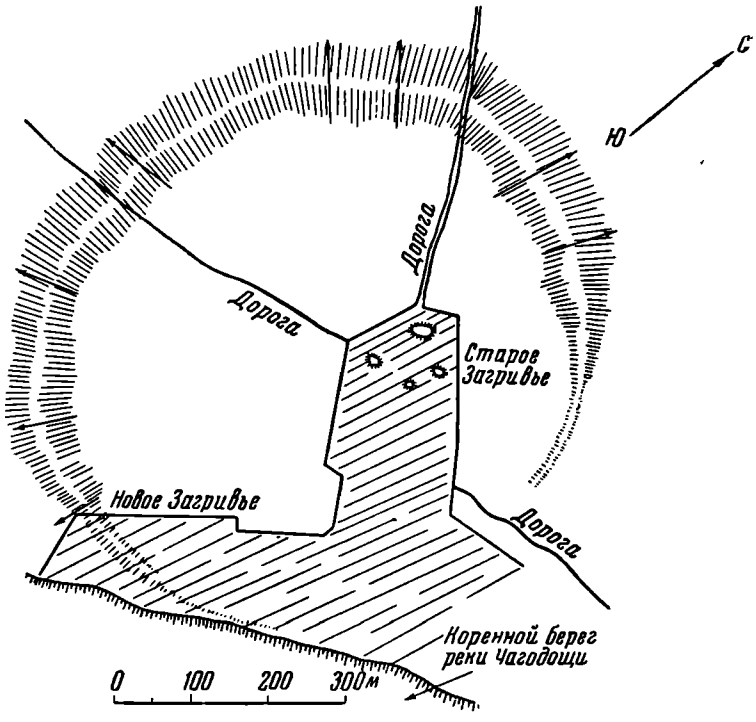


Рис. 1. Глазомерный план вала в местности Железная Дубровка

3. Село Ванское расположено на берегу р. Мологи, напротив с. Модно.

По дороге к перевозу через Мологу, в 600 *м* от села, в обрезе берега наблюдается большое скопление отходов железоделательного производства — шлаков, сопел, а также фрагменты сероглиняной гончарной керамики XVI—XVII вв. Село Ванское существовало некогда на этом месте и лишь в конце прошлого века переместилось на коренной берег реки. В 1629—1630 гг. из Ванского на устюженскую таможню было поставлено 4% криц[7].

4. Железная Дубровка (местность) расположена на левом берегу р. Чагодощи; она включает в себя несколько деревень и большой вал, внутри которого находятся деревни Старое и Новое Загривье[8]. Вал имеет длину около 1800 *м*, ширину — 10—12 *м* и высоту — до 5 *м*. Во многих местах он прорезан и распахан, но бо́льшая часть его поросла деревьями и кустарниками. Одной стороной он упирается в коренной берег г. Чагодощи, а другая теряется в поле; по очертаниям он приближается к кругу (рис. 1). На валу были собраны фрагменты серой лощеной керамики XVI—XVII вв. и куски железного шлака.

[6] ЦГАДА, ф. 137. Городовые книги Устюгу, № 16а, 1630.

[7] Там же

[8] И. Романцев. Ук. соч., стр. 123. Автор пишет: «В ½ версте от деревни древние могилы. К северу от деревни вал, версты 1,5 идет полукругом; высота до 5 сажен, есть два проезда».

Вал и заключенная внутри него территория представляют собой очень интересный памятник. У местных жителей существует предание, что он был насыпан в начале XVII века, в период обороны края от польской интервенции, и внутри него помещался лагерь значительного отряда. Однако, возможно, этот вал представляет собой остатки оборонительных сооружений какого-то древнего очень крупного городища. Проверить это предположение шурфовкой, к сожалению, не представилось возможным.

По сведениям таможенных книг, из района Железной Дубровки на устюженскую таможню поступало до 20% всех полуфабрикатов [9]. Следы добычи и первичной обработки железа представлены кучами отходов, находящихся рядом с селами.

У дер. Старое Загривье, в центре территории, окруженной валом, находятся четыре большие кучи размером в среднем 60 × 40 × 6 *м*, состоящие главным образом из шлака и оплавленных керамических сопел.

В дер. Селивестрово, в 2,5 *км* восточнее вала, на юго-восточной окраине, находится куча отходов размером 80 × 60 × 2 *м*.

В центре дер. Петряево, расположенной в 7 *км* от вала, вверх по течению р. Чагодощи, находится большая куча шлака и других отходов. В этой куче был найден обломок железного кованого ядра трех-, четырех фунтового калибра. Рядом с деревней находятся залежи болотных и дерновых руд.

В дер. Иевково, расположенной по обе стороны р. Рычицы, в 3 *км* от ее впадения в р. Чагодощу, правый берег реки на 250—300 *м* вниз по течению от моста покрыт отходами железоделательного производства. В обрезе берега видны развалившиеся горны для выплавки железа. Рядом с деревней находятся залежи красной охристой железной руды.

Таким образом, обследование Устюженского, части Бабаевского и Чагодощинского районов Вологодской области показало, что места, расположенные к северу и северо-востоку от Устюжны, по всей видимости, были заселены только к XVI—XVII вв., так как здесь отсутствуют более ранние памятники, которые в большом количестве были обнаружены к юго-западу от города [10].

Малочисленное население северного района почти не могло заниматься сельским хозяйством; его основными промыслами были охота, рыболовство и, в особенности, добыча и варка железа. Часть продукции изготовлялась на месте, как об этом свидетельствует найденное кованое ядро, основное же количество шло на рынок в Устюжну, куда железо доставлялось летом на лодках, а зимой санным путем [11].

* * *

Город Устюжна расположен по обоим берегам р. Мологи. Правобережная, бóльшая, часть города, делится на две части р. Ворожей и с запада ограничена р. Ижиной. Левый берег Мологи занят меньшей частью города.

Наиболее древним местом поселения является городище (рис. 2) на мысе, образованном слиянием рек Мологи и Ижины. Оно окружено с трех сторон валом высотой до 10 *м*. С четвертой стороны, обращенной к Мологе, вала нет. Валы насыпаны из песка, но в некоторых местах можно проследить вторичную подсыпку из щебня и шлаков, а местами под дерном виден слой угля до 10 *см* толщиной (возможно, от тарасов или тына). В южном углу имеется заплывшая впадина — остатки древ-

---

[9] ЦГАДА, ф. 137. Городовые книги Устюгу, № 16а, 1630.

[10] К юго-западу от Устюжны находятся памятники трех эпох: дьяковской культуры у с. Покров-Молога, Поддубье, Сафронцево и в устье р. Кать; курганы, по-видимому, X—XIII вв.— у сс. Давыдовское, Крутец и Пери; селища, давшие серую лощеную керамику,— у с. Перговище и Устье-Кировское.

[11] ЦГАДА, ф. 137. Городовые книги Устюгу, № 16а, 1630.

него въезда в городище. С наружной стороны находится заплывший ров глубиной до 2 *м*, шириной более 5 *м*. Поверхность городища возвышается над уровнем реки на 5 *м*. Оно не застроено и не распахано, но имеет множество заплывших ям от кладоискательных раскопок.

Для установления стратиграфии городища и примерной датировки его был заложен шурф площадью 2 × 0,5 *м* у северного обреза. Шурф

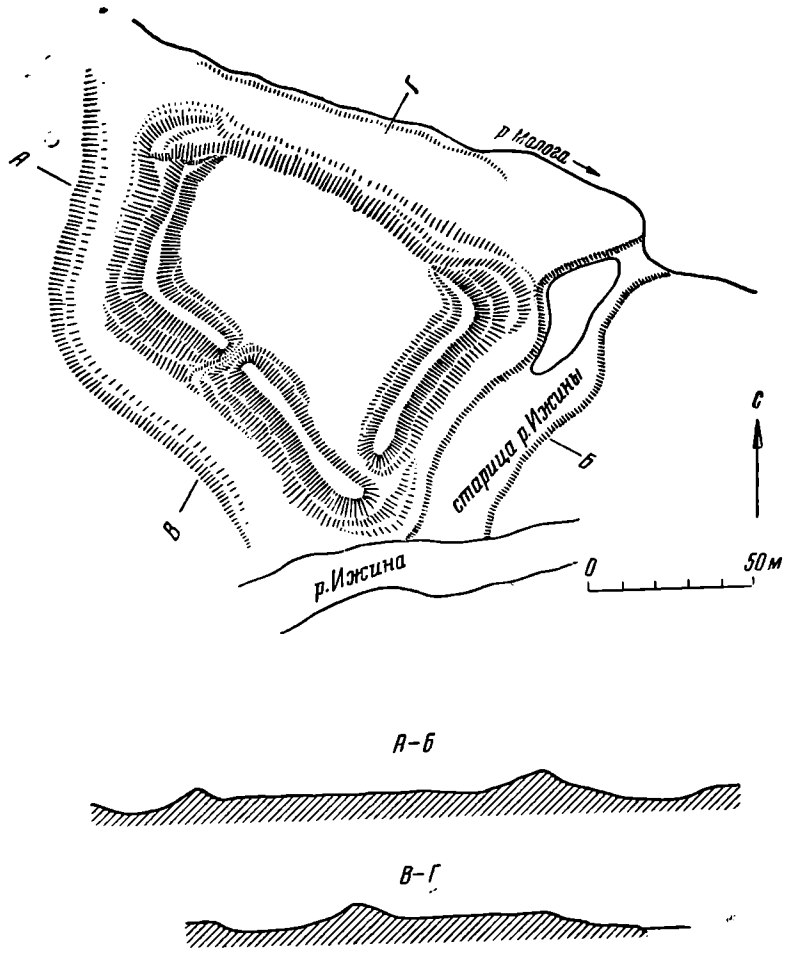


Рис. 2. План и разрезы Усть-Ижинского городища

показал, что сверху идет дерновый слой толщиной до 10 *см*, ниже до глубины 30—35 *см* — слой щебенки, затем до глубины 50—80 *см* — темный золистый культурный слой с обильным содержанием угля, ниже которого идет чистый наносный речной песок. В культурном слое были обнаружены керамика, железные шлаки, обожженные камни, кости животных и лезвие топора, изготовленное кузнечной сваркой из нескольких полос железа.

Керамика, собранная на городище, представлена обломками горшков и полностью совпадает с керамикой, найденной П. А. Раппопортом при обследовании московских городищ, которую он датирует XIV—XV вв.[12] По тесту и характеру обжига ее можно разделить на две группы.

Первая группа имеет тесто серо-красного цвета, мало примесей, хороший и равномерный обжиг. Внешняя поверхность черепка заглажена; отчетливо заметны горизонтальные штрихи от вращения на гончарном круге. Венчики отогнуты довольно сильно, и края их слегка утолщены. На фрагментах стенок этого типа сосудов встречается линейный и волнистый орнамент.

[12] П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 126—128; М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, № 12, 1949, стр. 60—61.

Вторая группа отличается от первой характером теста. Оно грубее, с большей примесью песка; обжиг неравномерный, поверхность сосудов не заглажена. Черепки имеют серый цвет. Нижние части донцев несколько выступают.

Отсутствие на городище более раннего материала согласуется с летописными сведениями об Устюжне. Самые ранние упоминания о ней относятся к 1340 и 1341 гг.; в них говорится, что «из Новагорода тогда ходища молодцы, воеваша Устюжну и пожгоша» [13]. Следующее сообщение относится к 1393 г., когда «князь великий взя у Новогорода пригород Тржек с волостями, и Волок Ламский, и Вологду, и волости много повоева, а новогородци взяша у княза великого Устюг город, Устижню, и много волости поимаша» [14].

Приведенные сообщения дают возможность предположить, что возникновение поселения относится к первой половине XIV в., и объясняют наличие в культурном слое городища следов пожарищ.

По Сведениям Сотной грамоты 1567 г. [15], на территории городища стояла церковь, дом священника, кельи и крестьянская усадьба, следами которых, видимо, и является слой щебенки. Уже в XVI в. городище как укрепление никакого значения не имело, возможно, вследствие присоединения Новгорода к Москве, когда отпала роль Устюжны в качестве форпоста против Новгорода.

В 1569 г. городище и заижинская сторона Устюжны вымерли из-за морового поветрия [16] и с тех пор не заселялись; поэтому на городище отсутствует более поздний материал, который в большом количестве встречается на территории современного города.

Современная Устюжна занимает то же место, что и город XVI—XVII вв. Письменные документы, в первую очередь Сотные грамоты 1567 и 1597 гг., характеризуют Устюжну как большой город, расположенный по обоим берегам Мологи и Ижины. На окраинах города были расположены кузнечные слободы, которые занимали довольно значительную его часть. Так, например, из 1000 дворов, упоминаемых в Сотной грамоте 1567 г., 123 принадлежали кузнецам и молотникам, а в 1597 г. из 245 ремесленников 100 были кузнецами и молотниками.

С тех пор как было заброшено городище, Устюжна не имела никаких укреплений. Они появляются только в начале XVII века в связи с польско-шведской интервенцией на севере. Деревянный острог был возведен в очень короткое время — между 5 января и 3 февраля 1609 г. [17]. В связи с тем, что острог строился спешно и подвергся в 1609 г. двукратному штурму интервентов, его стены и башни к 1630 г. были основательно разрушены, что послужило поводом для его перестройки. Новый острог, построенный между 1630 и 1632 гг., был значительно меньше прежнего и располагался только на правом берегу р. Ворожи, так что большая часть города находилась за его пределами [18].

При осмотре Устюжны в разных местах города были обнаружены следы первого острога. Остатки стен и башен видны по берегу Мологи, остатки рва — у церкви Благовещения и вдоль современной ул. Розы Люксембург. Следы острога и свидетельства письменных источников позволили восстановить его планировку (рис. 3). Он имел в плане вид почти правильной трапеции, обращенной длинным основанием к Мологе. Длина этой (северной) стены равнялась 459 саженям (ок. 922 *м*);

---

[13] ПСРЛ, т. III, стр. 79; т. VII, СПб., 1856, стр. 206.

[14] ПСРЛ, т. III, стр. 96.

[15] Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел, F-IV—695.

[16] ЦГАДА, ф. 137, № 1, 1597, л. 33.

[17] Сказание 1609 г. о нашествии поляков на Устюжну-Железнопольскую. Новгородские губернские ведомости, 1859, № 26—28.

[18] ЦГАДА, ф. 147, № 73, 1632, лл. 46—48.

она состояла из двух воротных и пяти глухих башен с прясламн между ними. Восточная стена, протяженностью 278 сажен (ок. 595 *м*), имела четыре глухие башни и одну воротную; у южной стены, длиной 304,5 сажени (ок. 650 *м*), были три глухие башни и одна воротная. Западная стена протяженностью 217 сажен (ок. 465 *м*) имела две глухие башни и одну воротную. Общая длина острога равнялась 1258,5 сажени (ок. 2700 *м*) [19]. Реконструкция планировки острога 1609 г. позволила связать

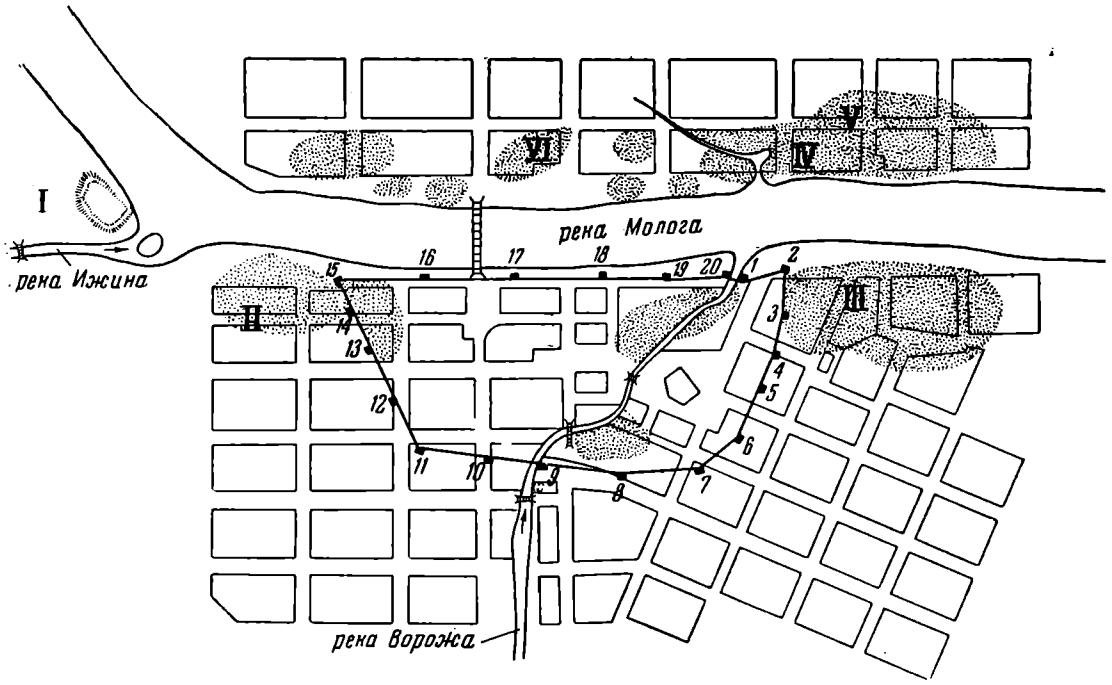


Рис. 3. План острога 1609 г. и мест производства на территории Устюжны

I — Заижинская сторона; II — Троицкий конец; III — Козьмодемьянская кузнечная слобода; IV — Покровская кузнечная слобода; V — Быков конец Покровской слободы; VI — Успенская кузнечная слобода

Башни острога: *1* — Покровские ворота; *2* — Нижняя угловая; *3* — Козьмодемьянская; *4* — Мониха; *5* — Микитская; *6* — Пречистенские ворота; *7* — Вепрнха; *8* — Старчиха; *9* — Красная; *10* — Благовещенские ворота; *11* — Корышиха; *12* — Шушаниха; *13* — Высокая; *14* — Дмитровские ворота; *15* — Верхняя угловая; *16* — Шалалиха; *17* — Успенские водяные ворота; *18* — Елисеиха; *19* — Слезиха; *20* — Богомолиха

местоположения упоминаемых в письменных источниках кузнечных слобод с видимыми на территории современного города следами мест производства. Они были обнаружены на территории 23 городских кварталов; это большие угольные пятна, насыщенные кусками шлака, большим количеством печины, обломками керамических сопел и фрагментами серой лощеной керамики XVI—XVII вв.

Наиболее значительные остатки, отмеченные в правобережной части города, находятся: между рынком и берегом Мологи (кварталы 1—4), где в XVI—XVII вв. была Козьмодемьянская кузнечная слобода; на левом берегу р. Ворожи, на 300 *м* вверх от ее устья (кварталы 49, 50 и 58); у места, где прежде находились Дмитриевские ворота, в черте древнего острога и в квартале 51, перед воротами вне стен острога и, наконец, в бывшем Троицком конце с напольной стороны городища.

В левобережной части города очень крупные угольные пятна были обнаружены в бывш. Покровской слободе (кварталы 93 и 94), в бывш. Быковом конце Покровской слободы (кварталы 91, 94, 106) и в бывш. Успенском четвертаке (кварталы 95 и 96). Особенно обращают на себя внимание остатки производства в бывш. Быковом конце, состоящие из холмов угля и шлака, достигающих 3—3,5 *м* высоты.

---

[19] ЦГАДА, ф. 147, № 73, 1632, лл. 31—33.

Такое количество остатков мест производства объясняется тем, что именно в XVI и в первой половине XVII в. Устюжна поставляла большое количество оружия и боеприпасов для русской армии.

С середины XVII в. значение Устюжны как «русского арсенала» постепенно падает: развивается новый железоделательный и оружейный центр — Тула. Жизнь в городе замирает, количество кузниц резко сокращается, кузнецы переселяются в другие города.

В начале XVIII в. Устюжна переживает свой второй расцвет: в 1703 г. на р. Ижине строится завод, остатки которого ясно видны у моста через Ижину; на этом заводе изготовляли якоря, цепи, артиллерию и боеприпасы для флота. К нему были приписаны оставшиеся в городе кузнецы.

Таким образом, места производства, обнаруженные на территории Устюжны, относятся ко времени до второй половины XVII в. Учитывая сведения письменных источников, можно установить их хронологическую последовательность. Ранее других (вторая половина XVI в.) были построены кузницы в Троицком конце, на берегу р. Ворожи, в Козьмодемьянской слободе и частично в Быковом конце. К концу XVI в. разрастаются Козьмодемьянская, Покровская и Успенская слободы. В начале XVII в. пустеет Троицкий конец, но появляются новые места у Дмитриевских ворот. Разведка Устюжны и ее района и данные письменных источников дают возможность установить, что начало интенсивной добычи и обработки железа падает на вторую половину XVI в. В это время широко осваиваются северные болотистые места, богатые рудой. Город сам по себе в XVI—XVII вв. является железоделательным центром, в то время как его периферия, особенно север, были районами добычи и первичной обработки железа.

Вследствие отсутствия в настоящее время каких бы то ни было данных о железоделательном производстве в Устюжне в XIV—XV вв. значение ее как железоделательного центра в этот период представляется маловероятным.

ЗАМЕТКИ

Д. Т. БЕРЕЗОВЕЦ

РИСУНКИ НА ЧЕЛЮСТИ БЫКА

В Путивльском краеведческом музее им. С. А. Ковпака хранится случайно найденная половина нижней челюсти быка с выгравированными на обеих сторонах разнообразными изображениями. Публикуемая челюсть обнаружена в 1948 г. в Молчановском болоте, находящемся в излучине р. Сейма, в 12—15 *км* от г. Путивля между сс. Юрьево и Линово, на глубине 2,40 *м* при торфоразработках. В этой местности известны многочисленные селища эпохи неолита, бронзы и последующих времен.

По словам находчика, работника торфоразработки А. П. Ильинского, передавшего челюсть в Путивльский музей, никаких иных вещей вместе с ней найдено не было.

Челюсть довольно хорошей сохранности. Немного ниже венечной части есть отверстие, проделанное еще в древности. Края отверстия ровные, заглаженные; создается впечатление, что в это отверстие продевалась веревка, загладившая его края. В челюсти сохранились два угловых зуба. Кость имеет темно-коричневый цвет и очень гладкую, как бы заполированную поверхность. Весьма возможно, что эта заполированность естественная и объясняется действием воды во время пребывания кости в торфе.

В наиболее узкой части челюсти не только заполирована плоскость кости, но и стерты выступающие части и острые грани челюсти. Такого рода стертость могла произойти в результате того, что челюсть, служившая для какой-то цели, удерживалась рукой человека за это наиболее узкое место.

На обеих сторонах челюсти и на нижней ее грани острым инструментом довольно четко вырезаны рисунки.

На внутренней стороне челюсти нанесены различные линии, треугольники и ромбы (рис. 1, *1*).

Внешняя сторона челюсти имеет более сложные рисунки (рис. 1, *2*). Здесь, кроме различных линий и треугольников, нанесены изображения четырех животных.

Изображения животных очень реалистичны. Несмотря на некоторую схематичность рисунка, его автору самыми скупыми штрихами удалось передать и динамику бега, и полный покой пасущегося животного. У одного из животных хорошо заметны уши и рога. Все животные имеют мощную переднюю часть туловища, толстые шеи с загривками и длинные тонкие хвосты. Все эти признаки дают основание считать, что мы имеем перед собой животных, близких к зубру или быку. Вернее всего предполагать, что это изображение домашних быков.

Труднее объяснить значение других изображений. Поперечные линии в узкой части челюсти, по-видимому, к сюжетной композиции не относятся, их назначение — отделить площадь, занятую гравюрами, от той части

челюсти, которая служила ручкой. Для объяснения заштрихованных полос и связанных с ними треугольников попробуем обратиться к этнографическим материалам.

Если мы сравним берестяные письма юкагиров [1] или рисунки на деревянных планшетах чукчей [2] с изображениями на публикуемой челюсти, то найдем тут целый ряд рисунков, выполненных в той же манере, а иногда и полностью совпадающих.

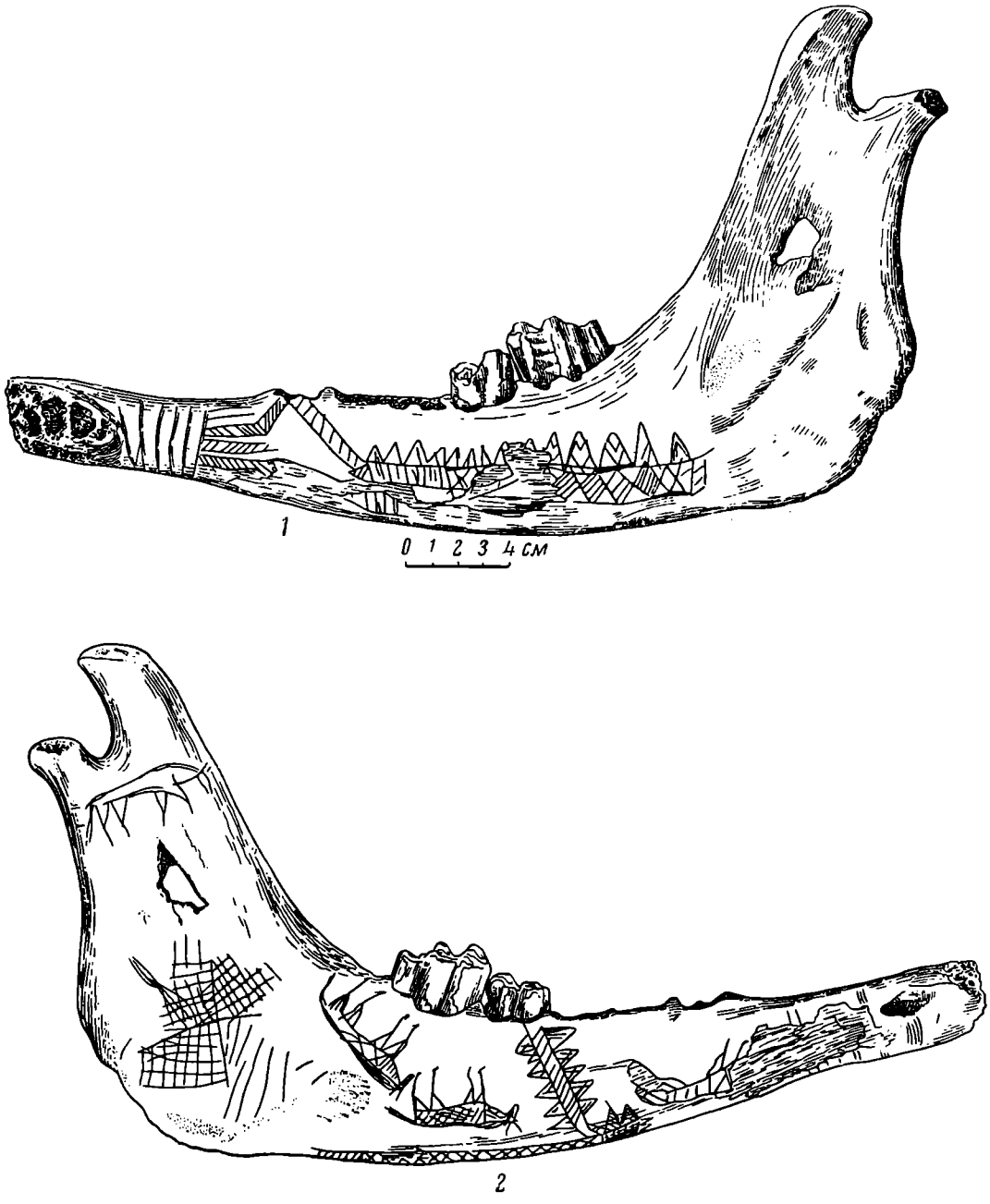


Рис. 1. Челюсть быка с рисунками

Для рисунков чукчей, коряков, юкагиров и других народов Севера характерны та же реалистичность, те же скупые штрихи, живо передающие характер предметов. Интересна их манера изображать местность. Река рисуется в виде полосы, ограниченной двумя линиями; дорога обозна-

[1] С. И. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX веков. М.— Л., 1954, стр. 522, 523.

[2] Там же, вклейка между стр. 456 и 457.

чается одной линией; предметы, находящиеся на берегу реки или дороги, рисуются как бы в плане [3].

Треугольники, изображающие чумы, на рисунках юкагиров почти аналогичны нашим. Сравнение этих изображений приводит нас к выводу, что на челюсти выгравировано изображение поселка с жилищами типа юрт или чумов. Заштрихованные полосы могут быть ручьями или протоками, на берегах которых стояли эти жилища, или же дорогами, или улицами.

Решетки в широкой части наружной стороны челюсти изображают, скорее всего, какую-то ловушку из сетей. Кстати сказать, в виде такой же решетки изображаются сети и у хантов [4]; такие же изображения, трактуемые как сети, есть на костяном наконечнике копья с о. Сурского [5]. Возможно, что вписанные в решетку два очень вытянутых овала изображают добычу, попавшую в эту ловушку, например рыбу или бобра. Полосы в незаштрихованном углу и за ним могут толковаться как вода, в которой и поставлена ловушка.

Говорить о назначении челюсти очень трудно. Это может быть документ с пиктографическим письмом, атрибут шамана или что-либо иное. Ясно лишь то, что нанесенные на ней изображения имеют какой-то совершенно определенный смысл и состоят из нескольких элементов.

Вопрос о датировке этого памятника сложен и вряд ли сейчас разрешим.

В изображениях на «конской плите» и под «ползучим камнем» [6] из Каменной Могилы можно найти некоторое сходство с нашими, но все это еще не дает оснований для датировки, тем более что петроглифы Каменной Могилы принадлежат к разным эпохам и пока не расчленены хронологически.

Некоторые реальные основания для датировки челюсти дает анализ на коллаген, проведенный в Институте зоологии АН УССР И. Г. Пидопличко по разработанному им методу [7]. Согласно этому анализу, челюсть быка может быть отнесена к концу неолита или периоду ранней бронзы. Такая датировка не противоречит и характеру рисунка.

[3] См. С. И. Иванов. Ук. соч., стр. 456, 520, 523.
[4] Там же, стр. 23, рис. 1, 3, 5.
[5] В. М. Даниленко. До питання про ранній неоліт південної Наддніпрянщини. Археологія, т. III, табл. I, *11*.
[6] О. М. Бадер. Петрогліфи Кам'яної Могили. Палеоліт і неоліт України, т. I, Київ, 1947, стр. 320, рис. 2; стр. 321, рис. 2.
[7] И. Г. Пидопличко. Новый метод определения геологического возраста ископаемых костей четвертичной системы. Киев, 1952.

Т. С. ХАЧАТРЯН, С. А. ЕСАЯН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В с. АПАРАН (АРМЯНСКАЯ ССР)

Характерным элементом культуры ранней бронзы в Закавказье является расписная керамика, давно уже известная по находкам Н. В. Федорова у Кизил-Ванка на Араксе и П. В. Чарковского в крепости Кизил-Кала (Тазакенд) [1] у р. Раздан. Раскопки Е. Байбуртяна на Муханнат-Тапе в 1935 г. дали стратиграфию слоев, где расписная керамика лежала выше слоя энеолита и ниже слоя эпохи бронзы [2].

Это были первые данные для датировки расписной керамики, которая к тому времени была изучена недостаточно и датировалась на основании далеких аналогий весьма ранним временем. Для установления прочной

[1] А. Спицын. Некоторые Закавказские могильники. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 1—17.
[2] Е. Байбуртян. Проблема крашеной керамики Армении. Изв. Ин-та литературы и искусства Армянской ССР, II, 1937 (на арм. яз.).

Рис. 1. Керамика из с. Апаран

1 — лощеный сосуд с резным орнаментом; *2,3* — красная керамика с черной росписью

датировки расписной керамики большое значение имеют раскопки в Триалети [3] и в Кировакане [4]. Там впервые расписная керамика была обнаружена в богатом комплексе предметов, часть которых связывается с хеттской культурой. В настоящее время расписная керамика известна на широкой территории Закавказья: в Грузии, Армении и Азербайджане. Для установления связей расписной керамики с более ранним периодом большой интерес представляют раскопки Азербайджанской экспедиции АН Азербайджанской ССР и ИИМК АН СССР на Узерлик-Тепе, около Агдама, где расписная керамика оказалась выше энеолитического слоя с черной керамикой [5].

Расписная керамика относится к той поре эпохи бронзы, когда в связи с интенсивным развитием скотоводства особенно возросла культура горных племен Закавказья. В июне 1957 г. от С. Мелкумяна из с. Апаран поступило сообщение о находке в песчаных карьерах древней керамики. По поручению Исторического музея АН Армянской ССР в указанный пункт были направлены авторы этой заметки. Никаких следов могильников на поверхности обнаружено не было. В юго-западном обрезе песчаного карьера были отчетливо видны три слоя — небольшой почвенный покров, слой черного и белого песка. По утверждению рабочих, именно в слое черного песка и были часты находки костей, глиняных сосудов. По-видимому, здесь находились древние погребения, в которых была обнаружена расписная керамика вместе с черной лощеной.

Черная лощеная керамика представлена тремя целыми сосудами и восемью фрагментами.

Один из сосудов представляет собой низкий открытый горшок с раздутыми плечами (диаметр — 25 *см*, высота — 14 *см*). Как наружная, так и внутренняя поверхности имеют прекрасное лощение. На плечиках нанесен орнамент из четырех параллельных волнистых линий, состоящих из точечных углублений. В наиболее широкой средней части сосуд опоясан желобком шириною 1 *см*.

Остальные два сосуда — шаровидные горшки диаметром 15 и 17 *см*, с узкой шейкой и отогнутым венчиком. Орнамент их сходен с орнаментом первого сосуда.

Особый интерес представляет лепной лощеный горшок с прямым краем и плоским дном (рис. 1, *1*). У края с двух сторон имеется по два отверстия. Любопытно, что эти отверстия сделаны после обжига, причем одно из них просверлено не до конца. Внутренняя сторона сосуда — без лощения. Своеобразный резной орнамент представляет собой волнистые линии, идущие наклонно от венчика ко дну. К линиям с обеих сторон по всему тулову сосуда примыкают маленькие дуги, слева от линий направленные вверх, а справа — вниз. Весь орнамент заполнен белой массой. Такой богато украшенный сосуд встречен впервые.

Другую группу керамики составляют расписные сосуды (рис. 1, *2*). Сюда относится миска красной глины со слабо выраженным венчиком, украшенная черной росписью. Под венчиком нанесена зигзагообразная линия, от которой отходят вниз спирали. К этой же группе относятся два фрагмента, один из которых имеет сложный орнамент из волнистых и прямых линий и ромбов (рис. 1, *3*).

Аналогичная первой группе керамика известна по ранее произведенным раскопкам и случайным находкам в Кизыл-Кале (Тазакенд) [6], в Севанском бассейне и на Узерлик-Тепе. В Севанском бассейне и на Узерлик-Тепе расписная керамика была также найдена вместе с черной лощеной.

---

[3] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

[4] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 46, 47.

[5] Доклад К. Х. Кушнаревой на сессии по археологии Кавказа в Ереване в октябре 1956 г.

[6] А. Спицын. Ук. соч., стр. 7—10.

Описанные нами красные расписные сосуды имеют широкое распространение. Апаранский материал связывается с тазакендским, где также имеется расписная миска со спиральным орнаментом [7]. На Муханнат-Тапе тоже были обнаружены фрагменты расписной керамики со спиральным орнаментом [8]. Наибольший интерес представляет севанский расписной сосуд, на тулове которого изображены плавающие утки.

Этот орнаментальный мотив находит аналогию и в урартской керамике: во время раскопок на Топрах-Кале был найден расписной сосуд с изображениями водяных птиц [9].

На основании большого сравнительного материала рассмотренную нами керамику следует датировать серединой II тысячелетия до н. э.

[7] А. Спицын. Ук. соч., стр. 7, рис. 7.
[8] Е. Байбуртян. Ук. соч., стр. 117.
[9] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 50.

С. Н. ИЛЬИН

БУЛАВОВИДНЫЙ ТОПОР ИЗ с. ПАРСКОГО ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Среди многих разновидностей фатьяновских каменных топоров своеобразием формы и тщательностью отделки особо выделяются топоры булавовидного типа.

Булавовидные топоры встречаются редко. До опубликования В. А. Городцовым его классификации «топоров фатьяновской культуры и соприкосновенных к ней» [1] было выявлено всего лишь шесть экземпляров этих орудий, включая один топор, найденный во Франции.

Публикуемый нами булавовидный топор (рис. 1) найден при земляных работах еще в 1879 г. в с. Парском Родниковского района Ивановской области [2].

Парский булавовидный топор полностью аналогичен орудиям этого типа, исследованным В. А. Городцовым [3].

Топор сделан из черного камня мелкокристаллической структуры; по определению геологов, это диабаз, пронизанный тонкими прожилками кварца светло-дымчатого цвета.

Острая часть лезвия, подобно алмазу, может резать стекло.

На гладкой, тщательно отшлифованной поверхности топора нет следов использования его в работе: по всей вероятности, топор был предназначен не для производственного применения.

Основные размеры топора: длина — 10,5 *см*, ширина — 8 *см*, толщина — 6,6 *см*. Вес топора — 0,715 *кг*. Грани короткого обуха на переходах к ударной площадке (круглой, диаметром 3,7 *см*) имеют сглаженные очертания, придающие топору в целом плавную обтекаемую форму. Нижняя часть обуха немного скошена к лобной стороне.

Проушное отверстие суживается к тыльной стороне (диаметр на лобной стороне — 3 *см*, на тыльной — 2,7 *см*). Короткое дуговидное лезвие срезано с лобной стороны.

Как известно, булавовидные топорики отличаются от других типов фатьяновских каменных топоров не только по форме и размерам, но и по наличию на некоторых из них орнамента. Из числа шести булавовидных топориков, отмеченных в труде В. А. Городцова, два украшены выпуклым орнаментом и один имеет обушок с выпуклым ободком.

[1] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, табл. VIII.
[2] В 1957 г. топор был передан автору сыном нашедшего — пенсионером А. И Мошковым, проживающим в г. Шуе Ивановской области.
[3] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 15, рис. 5.

Издаваемый нами топор в декоративном отношении выглядит весьма своеобразно: его украшает умело подобранное сочетание естественных прожилок кварца, вкрапленных в диабаз. Искусно использовано веерообразное направление кварцевых прожилок в камнезаготовке: светло-дымчатые прожилки наиболее густо расположены на площадке обушка, откуда они расходятся в направлении к лезвию, симметрично с обеих

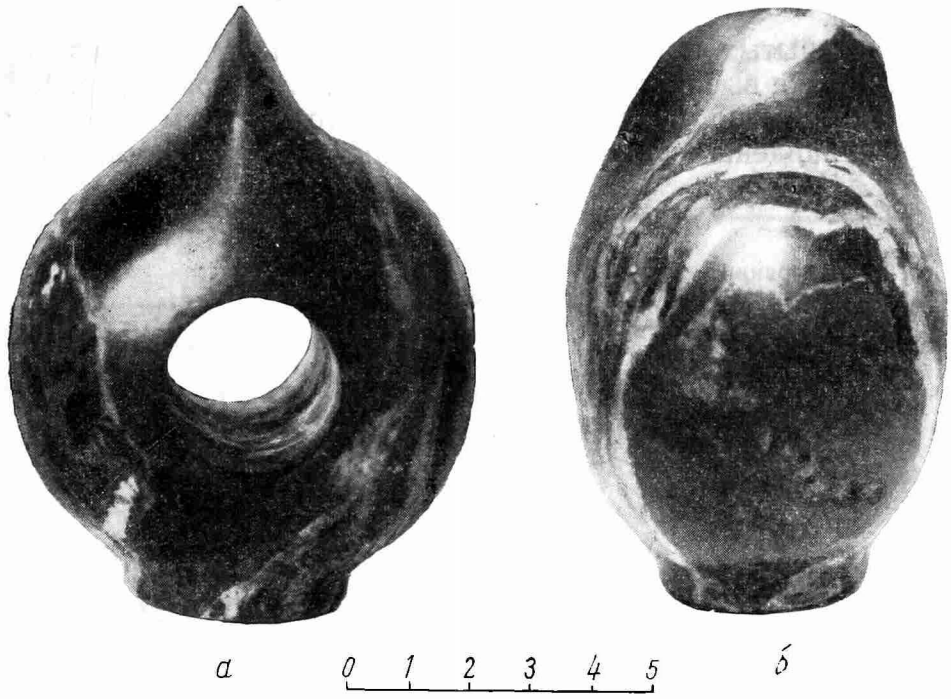


Рис. 1. Диабазовый булавовидный топор из с. Парского

сторон обтекая проушное отверстие. Использование в целях украшения кварцевых прожилок придало поверхности красивую мраморовидную расцветку, выделяющую наш топор из других фатьяновских сверленых топоров того же типа.

Своеобразие формы и изящность отделки, свойственные булавовидным топорам, при относительно малых размерах, вызывают предположение об особом назначении орудий этого типа. Отметив, что «назначение топора загадочно», В. А. Городцов первым высказал мнение, что булавовидные топоры, судя по их сходству с булавой — знаком власти — и по орнаменту на некоторых из них, могли применяться в качестве символа власти [4].

В археологической литературе и после В. А. Городцова высказывалось мнение об использовании каменных топоров в качестве парадного оружия родовой верхушки племен Причерноморья, Приазовья и соседних территорий во второй половине II тысячелетия до н. э. [5]. Серпентиновый топор, изданный И. К. Свешниковым, так же, как и наш булавовидный топор, украшен путем использования посторонних цветных вкраплений в основной породе камня [6].

Парадное оформление редко встречающихся булавовидных топоров свидетельствует не только о высокой культуре обработки камня в фатьяновскую эпоху, но и о социальных отношениях в племенной организации этой эпохи — о выделении внутри племен старейшин, нуждавшихся для укрепления авторитета в наличии внешних атрибутов власти, каковыми и являлись булавовидные топоры.

[4] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 15.

[5] И. К. Свешников. Серпентиновый топор в коллекции Львовского исторического музея. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 131.

[6] И. К. Свешников. Ук. соч., стр. 126.

П. Д. СТЕПАНОВ

НОВЫЕ ФАТЬЯНОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШСКОЙ АССР

Среди памятников, открытых экспедицией Саратовского педагогического института в 1954 г., особого внимания заслуживают три фатьяновских поселения.

Одно из открытых в 1954 г. поселений располагалось близ дер. Шокино, на площадке высокого древнего берега р. Сундырки (рис. 1, *8*). Это поселение, как обычно, позднее было перекрыто селищем [1], в культурном слое которого найдена керамика с текстильными отпечатками, датируемая

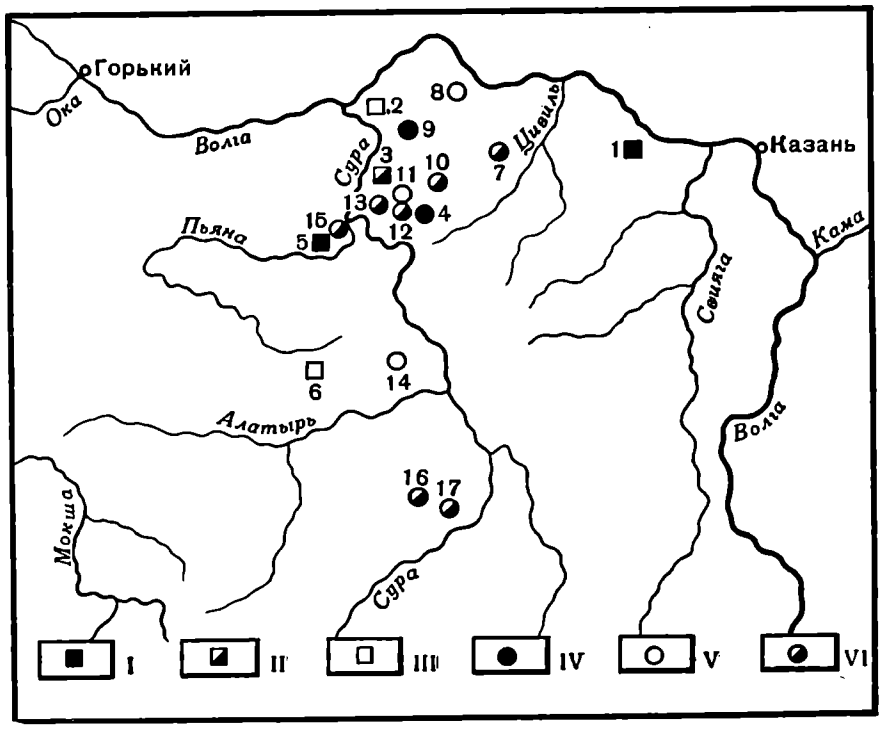


Рис. 1. Фатьяновские памятники Западного Поволжья

I — грунтовые могильники; II — курганное захоронение на горизонте; III — неопределенные могильники; IV — однослойные поселения; V — двуслойные поселения; VI — поселения на городищах: *1* — Балановo; *2* — Пайгусово; *3* — Атли-Касы; *4* — Хонки-Сёт; *5* — Сергач; *6* — Чукалы; *7* — Эндимеры; *8* — Шокино; *9* — Мурза-Касы; *10* — Изванкино; *11*, *12* — Таганаши; *13* — Калугино; *14* — Старое Ардатово; *15* — Добровольевка; *16* — Ош-Пандо; *17* — Ашна-Пандо

I тысячелетием до н. э. Присутствие фатьяновского поселения определено по находкам соответствующей керамики. Площадь, занятую поселением, определить невозможно, так как она скрывается под более поздним селищем.

Второе фатьяновское поселение было открыто близ с. Мурза-Касы, над обрывом (рис. 1, *9*). Оборонительных сооружений не было прослежено. В настоящее время часть площади поселения распахивается. Фатьяновская керамика собрана на площади примерно 3000—4000 *м*^{2}. На поселении были заложены разведывательные траншеи. В них на глубине 0,15—0,20 *м* были обнаружены керамика, кости животных, угольки. Поселение явно однослойное, так как собранная на поверхности и в культурном слое

[1] П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на Средней Суре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950; его же. Итоги раскопок фатьяновских поселений на Средней Суре. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

керамика — исключительно фатьяновская. Однослойное фатьяновское поселение обнаружено впервые, поэтому дальнейшее исследование его было бы весьма целесообразным.

Открыт также памятник Хонки-Сёт, относящийся к фатьяновской культуре (рис. 1, *4*).

Этот памятник находится в овраге Хула-Сюч, в 3 *км* к юго-юго-востоку от с. Тура-Выла. Хонки-Сёт расположен на обычном останце, которых много в овражной сети Чувашии, имеющем длину 56 *м*, ширину — от 7 до 16 *м* и высоту над дном оврага — 7—9 *м*.

На останце была заложена траншея общей площадью 28 $м^2$. В культурном слое оказалось большое количество обломков сосудов и мелкие пережженные косточки. Было расчищено несколько скоплений керамики.

За пределами раскопа на всей площадке останца никаких следов культурного слоя не было обнаружено.

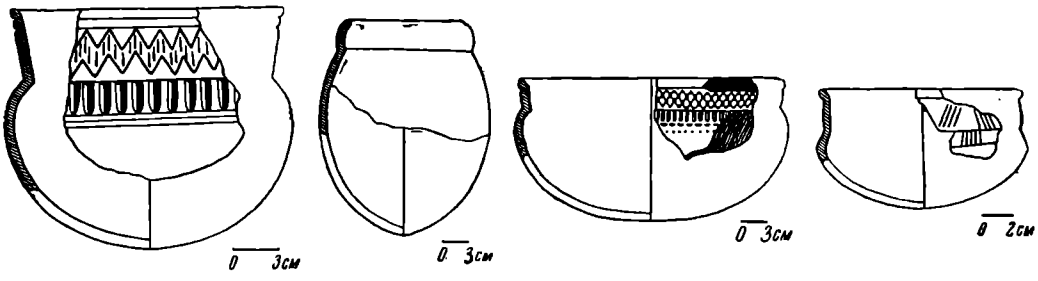


Рис. 2. Формы некоторых сосудов с Хонки-Сёт

Вещевой материал, найденный на Хонки-Сёт, довольно однообразен. Преобладают обломки сосудов. Найдена одна шишкообразная ручка сосуда, обломок «носика» горшка, несколько «пробочек», которые вывалились из донных отверстий больших сосудов (служивших, по-видимому, для переработки молочных продуктов), два обломка небольших пряслиц и обломок шлифованного каменного орудия.

Керамический материал по составу глины, форме и орнаментике ничем не отличается от того, который находится на многочисленных поселениях фатьяновцев на территории Чувашии и которому мы дали наименование «типа Хула-Сюч». Этот тип керамики относится к наиболее позднему времени существования фатьяновской культуры в Западном Поволжье [2]. Здесь мы находим обломки небольших кубков для питья, средних и больших по размеру сосудов, которые предназначались для молока, кумыса и других напитков. Есть обломки сосудов, у которых в донной части и в боках были специальные отверстия. Эти отверстия иногда были замазаны глиной, которая в виде пробочек вывалилась, когда сосуды были разбиты. Всего на Хонки-Сёт найдено более 200 разнообразных сосудов (рис. 2).

Несмотря на полное изъятие всех обломков (более 1500) из культурного слоя, не удалось собрать не только ни одного целого сосуда, но даже ни одной целой шейки.

На керамике Хонки-Сёт наблюдается в более широком масштабе то новое, что меняло ее облик по сравнению с керамикой Балановского могильника и поселения Ош-Пандо. Здесь почти полностью исчезает орнамент, нанесенный мелкозубчатым штампом, и господствует прием нарезки рисунка орнамента. Довольно часто встречается отпечаток веревочки на шейке, чего нет на посуде Балановского могильника и Ош-Пандо. Широко

---

[2] П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 55 сл.

распространен прием выдавливания небольших шишечек на шейке, а плечики обычно украшены каннелюрами.

Среди многочисленных обломков посуды Хонки-Сёт не оказалось ни одного обломка «реповидных» сосудов, сосудов с низкой отогнутой шейкой и сосудов с «воротничком». Взамен господствующей в фатьяновской керамике округлости плечиков появляется в нескольких случаях остроребериость.

Найденный в культурном слое на Хонки-Сёт костный материал сильно пережжен, измельчен и не поддается определению. Где происходило сжигание костей, сказать трудно. На Хонки-Сёт пока не найдено следов большого кострища.

Открытые экспедицией новые фатьяновские поселения должны датироваться более поздним временем, чем Балановский могильник и Ош-Пандо, т. е. концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Хотя число обследованных экспедицией фатьяновских памятников невелико, все же можно сделать некоторые выводы. Теперь можно уверенно говорить, что на территории Западного Поволжья имеются однослойные фатьяновские поселения, в культурных слоях которых содержатся остатки керамики, кости животных, остатки кострищ и другие вещи.

Бассейн р. Вылы и ближайшие окрестности представляют особый интерес для изучения истории фатьяновских племен на позднем этапе их жизни, так как в этом районе уже открыты пять поселений и курганный могильник (Атли-Касы).

М. Е. ФОКИН

СТОЯНКА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА р. ЧАРДЫМ

Стоянка находится в 1 *км* к западу от дер. Тарханы Ново-Бурасовского р-на Саратовской обл. и в 1 *км* от ст. Тарханы Приволжской ж. д., в 50 *км* от г. Саратова, на левом берегу оврага Крутец. Овраг этот впадает с правой стороны в р. Чардым, правый приток Волги. Место стоянки представляет собой четырехугольник площадью 80 × 90 *м*, ограниченный с севера возвышенностью, а с юга — оврагом Крутец.

Пробная шурфовка, произведенная во время школьной экскурсии с учениками Сабуровской и Шевыревской школ, обнаружила культурный слой на глубине от 0,15 до 0,40 *м*. В слое найдены черепки глиняных сосудов и кости животных, в том числе кости коровы и овцы. Обломки керамики принадлежат плоскодонным сосудам, сделанным из глины с примесью дресвы. Часть черепков украшена мелкогребенчатым и нарезным орнаментом.

Стоянка относится к срубной культуре [1].

В 1 *км* к востоку, на правом берегу оврага Крутец, между дер. Тарханы и ст. Тарханы, имеются курганы, а при рытье канавы для водокачки обнаружено бескурганное погребение. Поскольку в правобережной лесостепной полосе Волги стоянки срубной культуры встречаются редко, вновь открытая стоянка представляет интерес.

[1] Что подтвердил И. В. Синицын при осмотре находок.

С. А. ИЗЮМОВА

БРОНЗОВЫЕ ЛУННИЦЫ С ГОРОДИЩА У дер. ЩЕПИЛОВО

В 1951—1952 гг. было раскопано древневятичское укрепленное поселение на правом берегу р. Упы, близ дер. Щепилово Ленинского района Тульской области [1].

В культурном слое городища найдено много разнообразных изделий, свидетельствующих о занятии населения земледелием, скотоводством и домашними промыслами (обработкой черных и цветных металлов, изготовлением глиняной посуды и т. д.).

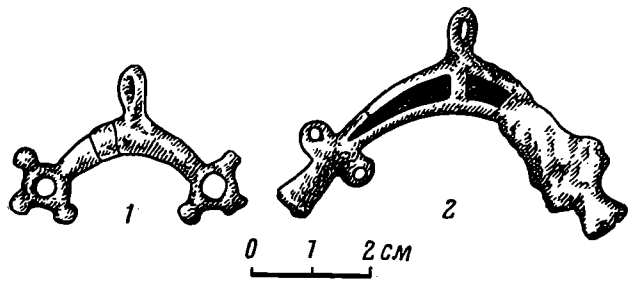


Рис. 1. Бронзовые лунницы

В комплексе находок, включающем предметы, аналогичные найденным в древневятических курганах у дер. Шанько-во, Почепок (керамика) [2] и на памятниках роменско-боршевского типа (керамика, сердоликовые бусы, саманидский диргем 906 г. и др.) [3], указывающие на длительное существование поселения (с IV до середины X в.), имеются две бронзовые привески-лунницы (рис. 1) [4].

Одна из лунниц (рис. 1, *2*) плоская, с концами в виде своеобразного трилистника — двух колечек и трапециевидной лопасти со слегка расплющенным внешним краем. В средней части лунница украшена выемчатой эмалью красного цвета. Ширина лунницы — 5,5 *см,* высота — 3 *см.* Привески, типологически близкие ей, известны по Мощинскому кладу [5].

Вторая лунница (рис. 1, *1*) в сечении плоско-выпуклая, а каждый из ее концов представляет собой небольшое колечко с тремя шарообразными выступами. Ширина ее — 4 *см,* высота — 2,6 *см.* В отличие от первой, эта привеска не имеет эмалевой отделки. Лунницы с подобным завершением концов, но с эмалью в средней части кольца встречались ранее в Приднепровье [6].

Обе лунницы найдены в пределах одного квадрата и на одинаковой глубине. Рядом со второй привеской лежала плоско-выпуклая бусина из молочно-белого опала (диаметр — 1,5 *см,* высота — 1 *см*).

Рассмотренные украшения сопровождались в слое чернолощеной керамикой верхнеокских курганов [7]. Там же были найдены железные листовидные копья, повторяющие собою копья Мощинского городища [8], и составной костяной гребень раннего типа.

Судя по этим находкам и приведенным аналогиям, щепиловские лунницы датируются серединой I тысячелетия н. э.

Публикуемые предметы позволяют уточнить пределы распространения данной категории вещей, представляющей большой интерес для истории древнеславянского ювелирного производства.

---

[1] С. А. Изюмова. Отчеты о раскопках городища у дер. Щепилово Тульской области в 1952 и 1953 гг. Архив ИИМК, №№ 761 и 840.

[2] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

[3] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии. ИАК, № 22, 1907; П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. МИА, № 8, 1949.

[4] ГИМ, инв. №№ 83491 и 84012.

[5] Н. И. Булычев. Ук. соч., табл. IX, *7, 10.*

[6] А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. ЗОРСА, т. V, вып. I, 1903, стр. 171, №№ 194, 195.

[7] Н. И. Булычев. Ук. соч., табл. III и IV.

[8] Там же, табл. XVIII.

Н. Т. ЕВСТРОПОВ

ГОРОДИЩЕ И СЕЛИЩА ВОЗЛЕ г. ВОЛЧАНСКА

(По материалам разведки 1950—1955 гг.)

Волчанское городище (рис. 1) расположено на правобережной возвышенности, поднимающейся на 43—45 *м* над поймой р. Волчьей. С востока и с запада его ограничивают глубокие овраги, южная его часть подходит к крутым склонам, опускающимся к реке и частично разрушенным меловым карьером. Северная часть городища узким перешейком между оврагами соединяется с возвышенностью, господствующей над местностью. Городище имеет форму неправильного ромба длиной (север — юг) — около 300 *м* и шириной (восток — запад) — около 215 *м*. Периметр наружного вала — 800 *м*. Общая площадь городища — около 3,6 *га*.

Хорошо заметны остатки трех концентрических валов, ограждавших площадку городища, а также следы небольшого вала и рва с напольной стороны. Два внешних вала городища земляные, внутренний вал каменный, выложенный из бурого песчаника. Основание каменной стены внутреннего вала прослеживается на глубине 0,20—0,25 *м* от современной поверхности.

В районе Волчанского городища нами обнаружено несколько неукрепленных селищ (рис. 1). Селища эти, за исключением одного, ранее обследованию не подвергались, и сведений в литературе о них не имеется.

Селище № 1 (рис. 1, *1*) находится в 250—300 *м* юго-западнее городища, в 80—90 *м* от р. Волчьей, на высоте около 30 *м* над ее уровнем. Селище огибает склон возвышенности и прослежено на площади 25 × 100 *м*. Западная его часть разрушена оврагом, восточная часть уничтожена меловым карьером.

Во время небольших раскопок, проведенных в 1951 г. И. П. Костюченко в западной части селища, были вскрыты остатки жилища (№ 1) полуземляночного типа, углубленного в толщу мела на 1 *м*. В плане жилище имело трапециевидную форму. Стены и кровля этого жилища опирались на угловые столбы, от которых в меловом полу остались ямы глубиной 0,15 *м* и диаметром до 0,30 *м*. Жилище имело выход с тремя ступенями, высеченными в мелу южного склона, т. е. со стороны реки. На меловых стенках жилища заметны следы тесла-мотыжки (шириной 6 *см*), которым производилась вырубка жилища в мелу. Подобные мотыжки-тесла неоднократно находили в погребениях известного Салтовского могильника.

В заполнении жилища среди золы и угля обнаружены крупные куски мела со следами копоти и обжига, которые, вероятно, представляют собой остатки печи или очага. В жилище же, а также на склонах возвышенности возле жилища и в овраге, нарушившем западную сторону жилища, обнаружено большое количество фрагментов лепных и гончарных глиняных сосудов, костей домашних и диких животных.

В 15 *м* ниже по склону, южнее этого жилища, И. П. Костюченко прослежены остатки еще одного жилища (№ 2) того же типа, сильно разрушенного. Почти у самого основания склона обнаружены остатки плавильных печей ямного типа, в которых найдены непрокованные железные крицы, шлак и оплавленная глина.

В 1952 г. при съемке кровли для разработки мелового карьера в 100 *м* северо-восточнее первого жилища рабочими было вскрыто и разрушено еще одно жилище (№ 3) в виде полуземлянки, углубленное в толщу мела на 1,2—1,5 *м*. В жилище найден лепной горшок, орнаментированный горизонтальными линиями, зола, угли и костные остатки.

Летом 1955 г. в 5 *м* восточнее жилища № 2 обнаружена еще одна полуземлянка (жилище № 4), а в 50 *м* северо-восточнее жилища № 1 — жилище № 5, того же устройства.

Керамика селища № 1 представлена фрагментами лепной посуды и посуды, изготовленной на гончарном круге. Лепная посуда делалась из глины, содержащей примесь шамота и (в большинстве случаев) дробленого плавильного шлака. Наружная поверхность сосудов неровная, покрыта горизонтальными полосами гребенки или пересекающимися расчесами. Венчики некоторых сосудов орнаментированы зубчатым штампом или «защипом» (рис. 2, *1—3*).

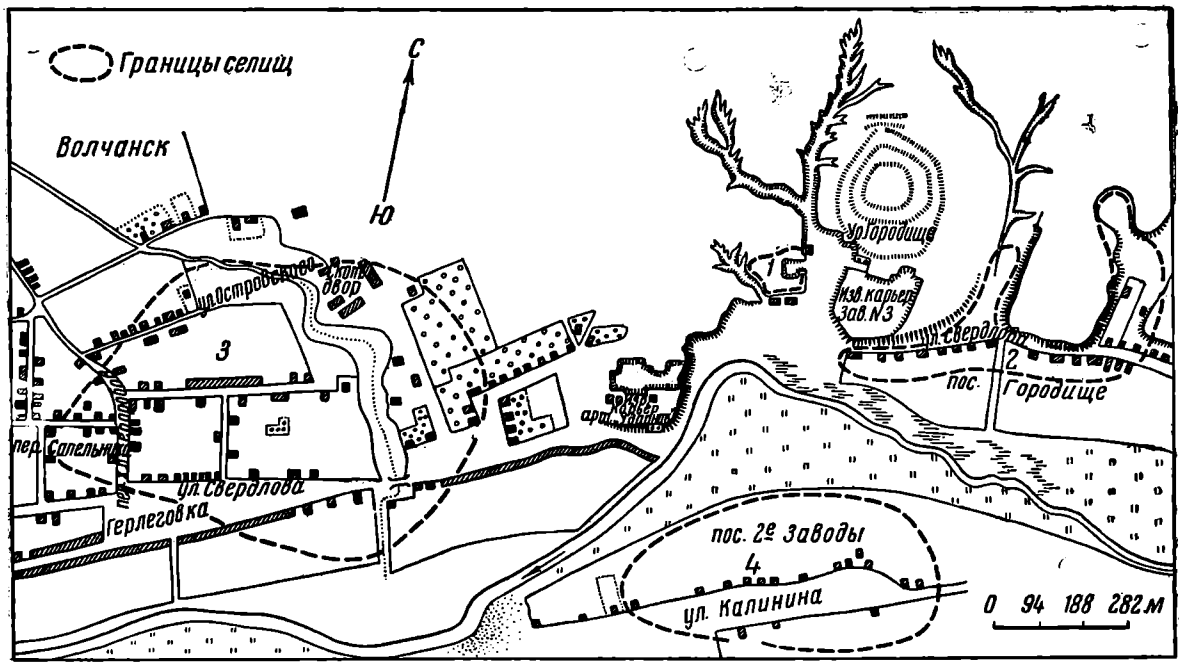


Рис. 1. Схема расположения селищ в районе Волчанского городища

Гончарная посуда представлена фрагментами сосудов салтовского типа: коричневых горшков с характерным орнаментом, кувшинов черного цвета с перекрещивающимися полосами лощения по сырой глине и узкогорлых желтых или оранжево-красных круглодонных амфор VIII—IX вв. (рис. 2, *4—6*).

Селище № 2 (рис. 1, *2*) находится в 150—200 *м* к юго-востоку от Волчанского городища, в районе домов №№ 88—122-а по ул. Свердлова (пос. Городище). Здесь на огородах, спускающихся к пойме р. Волчьей, ежегодно выпахивается большое количество лепных сосудов, в глине которых имеется большая примесь дробленого плавильного шлака. Наружная поверхность сосудов покрыта расчесами, на венчиках нанесены перекрещивающиеся насечки. Эти сосуды полностью сходны с лепными сосудами из селища № 1. Примечательно, что на селище № 2 нет гончарных сосудов.

В 100 *м* севернее дома № 122-а по ул. Свердлова, в размыве небольшого овражка, обнаружено отложение шлака, смешанного с землей, смытой с восточных склонов возвышенности, находящейся в 250 *м* восточнее городища. Слой имеет толщину до 1 *м* и лежит на глубине 0,5 *м* от современной поверхности. Направление выноса шлака из района предполагаемого нахождения металлургических горнов в амфитеатре восточного склона возвышенности прослеживается отчетливо. Размещение здесь печей вызывает необходимость дальнейших разведок жилищ-землянок ремесленников, обслуживавших эти печи.

Вынос горнов за черту укрепленного городища, ближе к реке, вполне обоснован условиями противопожарной безопасности и необходимости

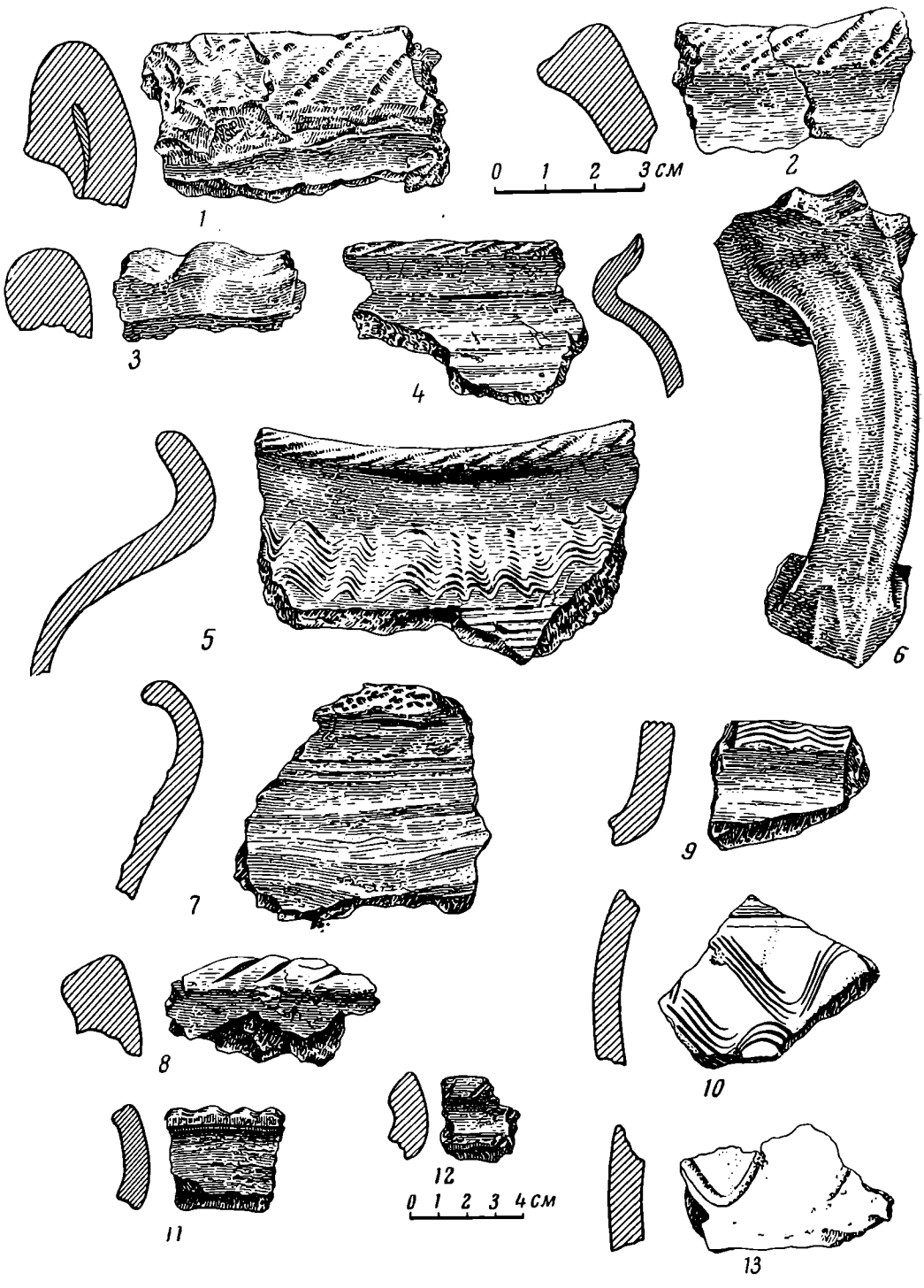


Рис. 2

1—6 — керамика с селища № 1; *7—13* — керамика с селища № 3

приближения места работы к районам заготовок руды и угля, находившимся в пойме р. Волчьей [1].

Селище № 3 (рис. 1, *3*) расположено в 1,5 *км* к юго-западу от Волчанского городища, на территории пригорода Волчанска — Герлеговки. С севера оно ограничено ул. Островского, с запада — переулком Хлеборобов, с юга — заливной поймой р. Волчьей и с востока — строениями колхозного скотного двора и колхозным садом. На селище постоянно вы-

[1] Проф. Л. А. Корякин (ВНИИ огнеупоров, г. Харьков), проводивший петрографическую разведку в районе Волчанска, подтверждает наличие в районе заболоченной поймы р. Волчьей болотной руды в количестве, достаточном для удовлетворения местных потребностей древнего населения. За консультацию выражаю проф. Л. А. Корякину свою глубокую признательность.

пахиваются фрагменты керамики салтовского типа и большое количество железоплавильного шлака.

Зачистка бортов котлована в 15 *м* к западу от дома № 29 по ул. Свердлова позволила установить наличие культурного слоя толщиною до 1,5 *м*, насыщенного фрагментами керамики, костными остатками и плавильным шлаком. Причем сосуды, изготовленные на гончарном круге, находятся в верхних горизонтах слоя, на глубине 0,50—0,60 *м* от распаханной поверхности, лепные же сосуды встречаются во всей толще культурного слоя.

Здесь же, на глубине 1,50 *м* от поверхности, в подстилающем культурный слой песке обнаружен зольник диаметром до 0,50 *м* и глубиной 0,50 *м*, в котором находилась непрокованная железная крица диаметром до 0,20 *м* и весом до 3 *кг*.

Наибольшее количество плавильного шлака находится в райсне огородов домов №№ 29—41 по ул. Свердлова. В 1955 г. при рытье силосных траншей на территории скотного двора колхоза им. Куйбышева (в 370 *м* севернее дома № 37 по ул. Свердлова) разрушены два ямных горна, расположенных на расстоянии 4 *м* друг от друга. В культурном слое отмечается большое количество керамики салтовского типа и костных остатков. В 1954 и 1955 гг. при хозяйственных работах около колодца против дома № 56 и в огороде дома № 41 по ул. Свердлова разрушены еще два горна такого же типа.

Керамика селища № 3 аналогична керамике селища № 1 как по технике изготовления, так и по орнаменту (рис. 2, *7—13*). Лепная и ранняя гончарная керамика имеет значительную примесь шлака. В северной и западной частях селища № 3 лепная керамика почти не встречается, а керамика, изготовленная на гончарном круге и имеющая глубокий волнистый одинарный или гребенчатый орнамент, имеет примесь шамота или крупного песка.

Селище № 4 (рис. 1, *4*) расположено в 1,3 *км* к югу от городища, за р. Волчьей, на территории пригорода Волчанска — Вторые Заводы, по линии домов ул. Калинина, и занимает площадь 600 × 150 — 400 *м*, примыкающую к пойме реки. Керамика этого селища аналогична керамике селищ №№ 1 и 3 и также имеет примесь дробленого шлака.

Непрерывное разрушение описанных выше археологических памятников, особенно городища и селища № 1, настойчиво требует скорейшего и детального их изучения.

С. Н. ОРЛОВ

НОВАЯ НАХОДКА ДЕТАЛЕЙ КОРАБЛЯ XII в. В НОВГОРОДЕ

Летом 1956 г. при рытье котлована во дворе дома № 11 по ул. Александра Невского на Торговой стороне Новгорода на глубине 4,5 *м* от современной поверхности обнаружены детали древних корабельных частей. К сожалению, площадь котлована была незначительная (4 × 6 *м*), и копали его не до материка, а на глубину 4,5 *м*. Здесь найдены в одном месте, около западной стенки котлована, остатки ахтерштевня, обрубок бортовой доски, кокора корневая, деревянная сломанная колотушка и деревянные клинья. Из металлических предметов найдены сломанный топор и обломки гвоздей и скобочек, застрявших в деревянных деталях.

Наибольшего внимания заслуживают ахтерштевень и железные скобочки, дающие некоторое представление о форме и размерах древненовгородского корабля и о технике его изготовления.

Ахтерштевень представляет собой хорошо обработанный брус из дерева хвойной породы. Основание бруса имеет скошенный книзу срез, ко-

торый входил в соответствующую выемку в нижнем основном брусе (киле) и скреплялся с последним с помощью деревянного нагеля, который проходил сквозь специальное сверленое отверстие в середине нижнего среза, и железных гвоздей, утопленных в боковые вырубы (рис. 1, *1*). Наибольшая высота ахтерштевня — 1,55 *м*. Ширина боковых щек (по реконструкции) — 0,36 *м*, килевой стороны — 0,13 *м* и стороны, обращенной

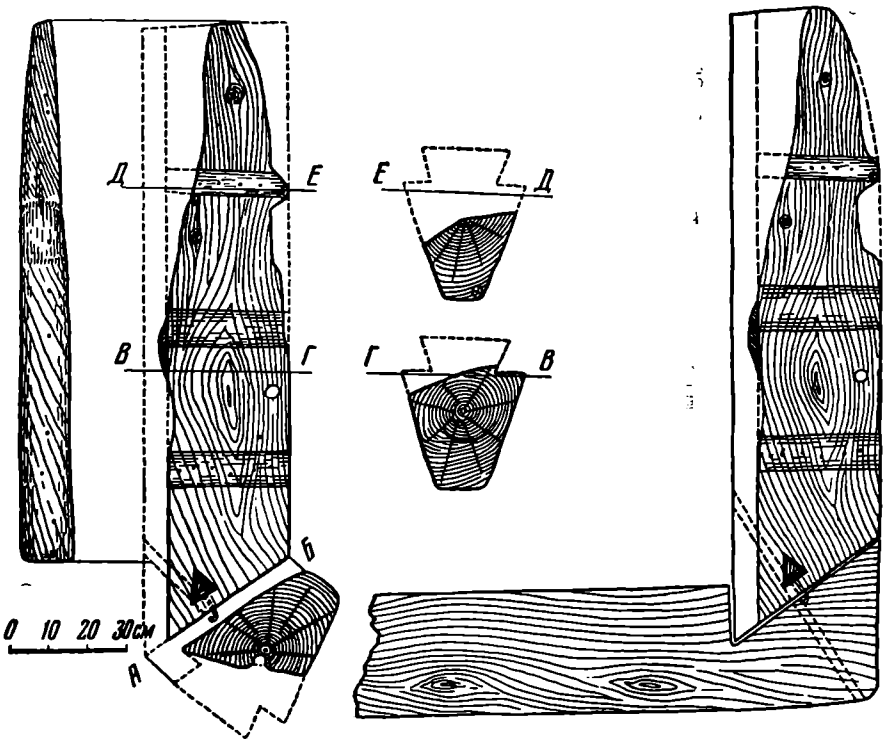


Рис. 1. Детали корабля

1 — остатки ахтерштевня; *2* — реконструкция соединения ахтерштевня с килем

внутрь судна,— 0,31 *м*. Ахтерштевень сохранился неполностью: во всю длину сколота часть, обращенная внутрь судна, а также пазы для закрепления обшивочных досок и большая часть бруса в верхней части. Но сохранившиеся следы паза дают возможность реконструировать ширину бруса. По килевой стороне бруса были вбиты железные гвозди, обломки которых глубоко засели в древесине. Все гвозди кованые, с широкой шляпкой, четырехугольные в сечении. В верхней части килевой стороны сделан грубый выруб до глубины 0,05 *м* (очевидно, с целью извлечения какой-либо закрепленной металлической детали). Около середины бруса имеется сквозное сверленое поперечное отверстие диаметром 0,025 *м*. Весь брус в целом носит следы потертости, грани измяты, округлены. Кроме того, на обеих боковых поверхностях бруса имеются три пары параллельных оттисков от брусьев, идущих поверх обшивки судна, или баргоутов, что и определяет деталь как ахтерштевень [1]. Два крайних баргоута были прикреплены к ахтерштевню с помощью железных гвоздей, средний не имеет следов прикрепления, а следовательно, он был скреплен за пределами ахтерштевня. Вероятно, концы среднего баргоута служили и для закрепления руля на киле. Для этой же цели, очевидно, предназначалось и поперечное отверстие в ахтерштевне.

Значительная толщина нижнего основного бруса судна, или киля, определяется значительной скошенностью нижнего среза ахтерштевня. По нашей реконструкции (рис. 1, *2*), эти детали могли быть изготовлены из стволов деревьев, имеющих диаметр не менее 0,45 *м*.

[1] Если бы эта деталь была форштевнем, то следы баргоутов имели бы другое направление.

Массивность уже этих двух деталей — ахтерштевня и киля — определяет до некоторой степени грузоподъемность судна. Изученные нами с этой целью современные крупные рыбацкие озерные лодки («двойки»), баркасы и полубаржи в районе Новгорода дают возможность заключить, что описываемое нами судно имело грузоподъемность не менее 15—20 тонн. Массивность обшивочной доски, обрубок которой найден вместе с ахтерштевнем, также может служить некоторым подтверждением значительной грузоподъемности судна. Обрубок имеет длину 0,80 *м;* ширина доски — 0,23 *м* и толщина — 0,08 *м*. На обрубке имеются три сверленых отверстия, расположенных по краям в шахматном порядке на расстоянии 0,23—0,25 *м* друг от друга. Диаметры отверстий — 0,02 *м*. Таким образом, обшивочные доски толщиною в 0,08 *м* прикреплялись к боковым шпангоутам судна деревянными гвоздями толщиною в 0,02 *м*.

Из других находок представляют интерес железные скобочки, обломки которых найдены застрявшими в ахтерштевне и обрубке обшивочной доски. Среди них сохранилась одна целая скобочка. Судя по технике сооружения современных толстостенных лодок в районе Новгорода, подобными скобочками закрепляли планочки, поджимающие паклю в зазорах между обшивочными досками. Толстые обшивочные доски не накладываются внахлестку одна на другую, а закрепляются впритык с небольшим зазором. Зазоры и щели проконопачиваются просмоленной паклей, которая сверху зажимается планочками, а планочки закрепляются в края обшивочных досок подобными скобочками. Нет сомнения, что найденные скобочки служили для этих же целей.

Остальные находки, собранные в котловане,— обломок палки-кувалды, клинья, кокора и железный ломаный топор — свидетельствуют о том, что здесь было место ремонта судов.

Необходимо остановиться на вопросе датировки описываемых остатков. Стратиграфически, как указывалось выше, предметы найдены на глубине 4,5 *м*. Западная стенка котлована, где собраны находки, имеет следующий профиль. Сверху до глубины 2 *м* культурный слой разрушен поздними фундаментами. Ниже залегает плотный темно-коричневый слой со щепой, навозом и остатками деревянных построек. Культурный слой уходит ниже залегания предметов. По данным геологического бурения, толщина культурного слоя здесь достигает 6 *м*. Следовательно, судя по глубине залегания остатков корабля в нетронутом слое, по форме узколезвийного топора и по характеру обломков керамики, дату бытования корабельных остатков можно относить ко времени не позднее XII в.

П. Н. ЖОЛТОВСКИЙ

ЛАРЕЦ МАСТЕРА САМУИЛА

В ризнице Краковского кафедрального собора св. Марии сохраняется замечательный памятник древнерусского художественного ремесла — медный позолоченный ларец. Он несколько раз бегло упомянут в научной литературе[1], а в широко известном издании И. И. Толстого и Н. П. Кондакова «Русские древности» была помещена частичная прорись его изо-

[1] С. М. Крыжановский. Славянский Краков. Древности. Тр. Моск. археологич. об-ва, т. VI, 1876, стр. 128 сл.; А. И. Соболевский. Русские фрески в Старой Польше. Моск. об-во по исследованию памятников древности им. А. И. Успенского. М., 1916, стр. 8; А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 123 сл., № 200.

бражений и надписей [2]. Однако ни существующие краткие описания ларца, ни упомянутая пропись не дают полного представления о художественной и научной ценности этого замечательного предмета.

Краковский ларец представляет собой вытянутый прямостенный ящик с крышкой в виде низкой и вытянутой усеченной пирамиды. Общая его длина составляет 43 *см,* ширина равна 9 *см,* высота равна 12 *см* (рис. 1). На гребне крышки (рис. 2 и 3) укреплена ручка. Крышка соединена с корпусом ящика тремя петлями и крючком. Как ручка, так и петли с крючком приделаны к ларцу позднее: ими частично закрыты гравированные надписи. Дно ларца, низ крышки и ее грани укреплены двухваликовой, с желобком посредине, полоской, прикрепленной к ларцу заклепками с круглыми выпуклыми шляпками. Угловые вертикальные грани ларца снабжены пилястроподобными накладками (по две на каждому углу), украшенными гравированным орнаментом. Четыре из них покрыты растительным орнаментом, остальные четыре — более простым, состоящим из отдельных спиралей с короткими усиками с внутренней стороны, но повторяющим в основном форму и ритм предыдущего орнамента.

Вся поверхность ларца и его крышки покрыта гравированными изображениями и надписями. Глубокой гравировкой в четких линиях здесь нанесены 22 погрудных изображения святых и 16 сцен из жития Кузьмы и Демьяна с соответствующими надписями. Изображения сцен, по своему характеру тесно связанные с миниатюрами житийных книг и житийными клеймами на иконах, расположены главным образом на стенках ларца в следующем порядке.

Первая удлиненная стенка ларца (рис. 4 и 5):

1. стаꙗ врача н|збавлꙗєста ѿ|трꙗсавнцѣ|члвка
2. стаꙗ вра нсцѣ|лꙗєта вѣльблу|да разбьєнаго|ѿ дьꙗ|вола
3. стаꙗ врача н|сцѣлꙗєта слѣ|пыꙗ н хро|мыꙗ| хромє|ць
4. стаꙗ врача нсь|цѣлꙗєта слѣ|пыꙗ н хро|мыꙗ
5. стаꙗ вра прѣк|ртнвша ѥго ѿ| болѣзь|нн зу|бъ
6. стꙑн кузма н де|мьꙗн| пpнтасꙗ| ѿ мьзду

Вторая удлиненная стенка ларца (рис. 6 и 7):

7. стꙑн кузма н де(мь)|ꙗнъ нзгоннт(а)|змью
8. стꙑн кузма| н демьꙗнъ н|сцѣлꙗєта| жєну слуку|ю
9. стаꙗ врача н|сцѣлꙗє|та болꙗ|ща|го
10. стаꙗ врача въскрѣ|шаєта|сна|вдовн|ча
11. стаꙗ врача нс|цѣлꙗєт(а)| ѿ разлі|чнꙑхъ| нєду|гъ
12. стаꙗ врача нсцѣ|лꙗєта бѣснаго

Короткие стенки ларца (рис. 8):

13. два|ржтво стою| безьмєзь|ннку| ба|ба
14. оуспѣньє стою| безмєзь|ннку| ї

---

[2] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 6. СПб., 1899, стр. 187, рис. 232.

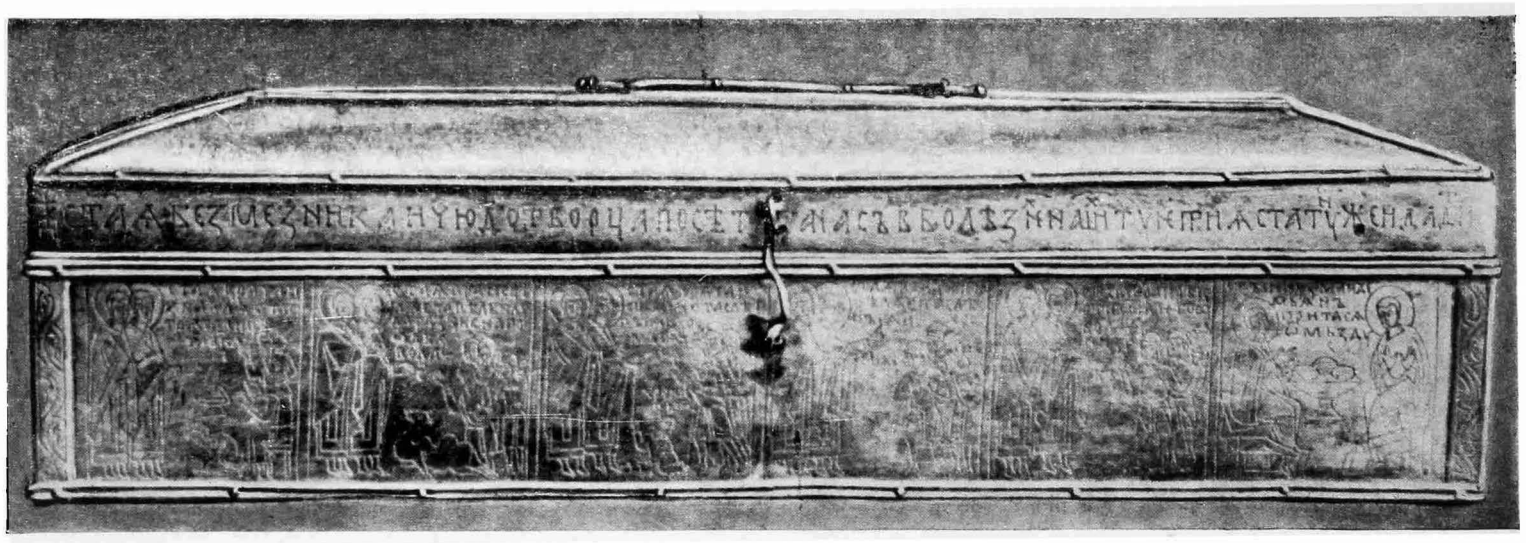


Рис. 1. Ларец мастера Самуила (общий вид)

Рис. 2. Крышка ларца (деталь)

Рис. 3. Крышка ларца (деталь)

Рис. .4 Длинная стенка ларца (деталь)

Рис. 5. Длинная стенка ларца (деталь)

Рис. 6. Длинная стенка ларца (деталь)

Рис. 7. Длинная стенка ларца (деталь)

13

14

Рис. 8. Короткие стенки ларца

14 житийных изображений стенок ларца дополнены еще двумя сценами того же характера, расположенными на узких скатах крышки (рис. 2 и 3):

15. врачюе|та болѧ|щаго| ѿ г|ла|вы
16. слѣпи| хромы| исцѣлѧ|хусѧ ра|кою| сто|ю

На продольных скатах крышки с каждой стороны выгравировано по 11 погрудных изображений святых. На одной стороне ряд святых открывается дважды повторенными парными изображениями Кузьмы и Демьяна. Обе пары различаются одеждами и надписями. Первая пара обозначена надписью:

ст҃а|ѧ безь|мезни|ка ара|витьсь|каѧ| кузма| и де|мьѧ|нъ

Вторая

стаѧ безь|мезни|ка. ку|пца. ку|зма и|демь|ѧнъ| аги|ѡ| с

Далее идут изображения святых Кузьмы, Пантелеймона, Демьяна, Кира, Иоанна, Самсона, Фалелея с соответствующими пояснениями:

аги(ѡс)| кузь|ма, (агиѡс)|панте|лѣимо|нъ, (агиѡс)|демь|ѧнъ, агиѡ|с| киръ, аги|ѡс| иѡа|нъ, агиѡ|с| самсо|нъ, агиѡ|с| фале|лѣ|и

Ряд святых замкнут надписью:

по то|и сторонѣ| то все чюдо|творци

На другой стороне крышки помещены изображения святых Фрола, Лавра, Гурия, Самона, Авива, Спиридона, Николая, Григория, Бориса, Глеба, Елисея с соответствующими надписями:

аги|ѡсъ| фро|лъ, аги|ѡ|с| лаво|ръ, агиѡ|с| гю|рии, агиѡ|с| сам|онъ, агиѡ|с| ави|въ, агиѡ|с| спир|идо|нъ, агиѡ|с| нико|лае, стыи| григо|рии| чюдо|тво|рец, агиѡ|с| бори|съ, агиѡ|с| глѣ|бъ, агиѡс| ели|сѣи| прр҃кь

и замыкающей надписью в конце:

по то|и сторонѣ| то все без(ьме)|зники

Кроме вышеприведенных пояснительных надписей, на ларце имеются еще две. Первая из них помещена в виде фриза в верхней части стенок, опоясывая весь ларец, и читается так:

1 ст҃аѧ безмезника и чюдотворца посѣтитѧ насъ в болѣзн҃е наш҃и тую гриѧста ту҃ же и дад҃и
2. ко҃ бл҃гть гриемша и
3. сцѣлѣ҃ю гр҃стр҃аес(та з)драе бо҃ци҃ вра҃ чю҃ворц҃ с҃авнѧ҃. нъ (ва)ю посѣщ҃ьѥ҃ гордыи гр҃тв҃ны҃ изло҃ста мираисцѣлѧ
4. юща чюдесы

Или, по раскрытии титл и лигатур: «Святая безмезника и чюдотворца, посетита нас в болезнех наших, туне прияста, туне же и дадита. Кондак: Благодать приемша исцеленью простираеста здравие болящим, врачи чюдотворца славная, но ваю посещеньем гордыню противных низложиста, мира исцеляюща чудесы».

Вторая надпись помещена на гребне крышки и содержит имена мастеров, сделавших ларец:

ГН ПОМОЗН САМОНЛО(ВН) КУЗЬЦЮ ЄЛНСѢЄВН ПС(ЦЮ)
ЛЄВОНТЬЄВНЧСЦЮ

Как видно из этой надписи, ларец делал мастер Самуил в сотрудничестве с двумя писцами — Елисеем и Леонтием. Видимо, один из этих писцов намечал надписи, а другой «знаменал» изображения. Такое разделение труда было обычным у тогдашних переписчиков книг. На долю мастера Самуила нужно в таком случае отнести изготовление самого ларца и гравировку изображений и надписей по наброскам писцов Елисея и Леонтия. В линиях гравировок чувствуется тяжелая, уверенная, но несколько неповоротливая рука «кузнеца», глубоко врезавшего в металл надписи и изображения. Палеографические признаки надписей, как в крупном письме на крышке ларца, так и в более мелком в надписях изображений, говорят о первой половине или середины XIV в.[3]. Этой дате соответствуют также стилистические и иконографические особенности изображений. Те же палеографические признаки указывают на новгородское происхождение публикуемого памятника.

Будучи замечательным произведением русского прикладного искусства, краковский ларец в то же время является важным памятником, связанным с русской книжной миниатюрой и графикой.

Многочисленные изображения ларца, посвященные главным образом Кузьме и Демьяну, выполнены в скупом и четком рисунке, в простых и лаконичных композициях. Фигуры святых переданы условно и схематично. Особенно характерны в этом отношении парные стоящие фигуры Кузьмы и Демьяна, монотонно повторенные в одних и тех же позах 11 раз. Зато другие, второстепенные, фигуры при такой же простоте выполнения нередко весьма живы и выразительны. Таков верблюд, «разбиенный от дьявола» (рис. 4, *2*), таковы «жена слукая» (рис. 6, *8*) и одержимые бесом (рис. 7, *12*). В реалистических деталях этих фигур ощущается близость мастеров ларца к народному творчеству. Поясные фигуры святых на крышке ларца даны очень плоскостно и фронтально, но с большой детализацией в драпировках одежд.

В целом, при чрезвычайной простоте декоративных и изобразительных средств, краковский ларец представляет собою законченное и строгое произведение искусства.

Иконография этого памятника носит выразительные местные черты. Мы видим на нем изображения таких почитавшихся в Новгороде святых, как Николай чудотворец, Флор и Лавр, Кузьма и Демьян, Гурий, Самон и Авив, Спиридон, имевших там издавна посвященные им церкви.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что главная роль в создании этого ларца, видимо, принадлежала кузнецу Самуилу, упомянутому первым в надписи на крышке ларца. Принимая во внимание, что святые Кузьма и Демьян считались патронами кузнечного дела и вообще металлообрабатывающего ремесла, можно предположить, что краковский ларец является своеобразным памятником, связанным с цеховой организацией кузнецов, чеканщиков, ювелиров.

---

[3] Пользуюсь случаем выразить благодарность научному сотруднику ГИМ М. В. Щепкиной за консультации по палеографическим вопросам, связанным с этим памятником.

По своему назначению ларец скорее всего был мощехранительницей, приспособленной впоследствии для каких-то других целей. Ручка на его крышке, петли и крючок являются позднейшими добавлениями и прикреплены поверх гравированных надписей. При этом зацепы ручки частично закрыли наиболее интересный текст с именами мастеров. Все эти добавления позволяют думать, что позднейшее назначение предмета было связано с его переносками.

Современное местонахождение ларца в Кракове, по-видимому, может быть связано с войнами Стефана Батория, во время которых русская мощехранительница могла попасть в Польшу в качестве военного трофея.

Следует особенно отметить, что краковский ларец относится к той эпохе истории русского прикладного искусства, которая вообще сохранила нам очень ограниченное число художественных памятников. Это обстоятельство в немалой степени увеличивает научную ценность публикуемого ларца.

В. Л. ЯНИН

ПО ПОВОДУ ЗАМЕТКИ П. Н. ЖОЛТОВСКОГО «ЛАРЕЦ МАСТЕРА САМУИЛА»

В небольшой заметке львовского искусствоведа П. Н. Жолтовского впервые подробно публикуется один из интереснейших памятников русского прикладного искусства XIV в. Краковский ларец был известен раньше по очень приблизительной и мелкой прориси И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, не привлекавшей внимания исследователей и оставлявшей их в уверенности, что прорись снята с второстепенного памятника к тому же и сомнительного по своей дате.

Теперь этот памятник может быть наконец оценен по достоинству и займет прочное место в истории русского искусства.

П. Н. Жолтовский, как нам кажется, излишне осторожен в характеристике его достоинств. Несмотря на бросающуюся в глаза статичность главных фигур изображений — Кузьмы и Демьяна — и монотонность их повторений в однообразных поворотах, житийные сцены полны живыми и реалистическими деталями. «Слукая жена» — горбатая с трудом поднимающая свой посох старуха; слепые, руками нащупывающие дорогу; ползущий на коленях «хромец»; изящный, несмотря на свою расслабленность, верблюд, «разбиенный от дьявола»; чертик, вылетающий изо рта бесноватого; святой, нащупывающий пульс у «болящего»; перепеленутый сын вдовицы; бодрые исцеленные «от различных недугов» и унылые страдальцы от «болезни зубов» — все эти сюжеты не только переданы рукой наблюдательного и талантливого художника, но и несут в себе долю юмора, столь присущего русской средневековой книжной графике.

Работавший над ларцом мастер, несомненно, отступает в деталях от изобразительных канонов, принятых церковью. Это особенно бросается в глаза при рассмотрении первой пары погрудно изображенных святых «безмезников». В полном соответствии с надписью го́ловы «аравитских безмезников» украшены чалмами, которых уже нет на изображении следующей пары тех же святых, превратившихся в «купцов».

Зависимость художественного почерка мастера от книжной графики прослеживается и в широком употреблении им четырехточечных крестообразных фигур и орнаментальных сигм, распространенных среди книжных украшений. Она сказывается и в оформлении надписей. Компануя ряды святых, художник пользовался разрозненными образцами, чем объясняется заметный разнобой в надписях. Если в большинстве случаев он употребляет начертание имен с греческим эпитетом «АГІОС», то св. Гри-

горий снабжен чисто русским пояснением: «Стыи Григории чюдотворец». Однако наиболее интересные результаты обращения художника к книге наблюдаются в особенностях длинной надписи, опоясывающей ларец. Эта надпись содержит тропарь и кондак бессеребреникам и чудотворцам, изложенные с излишней полнотой. В богослужебных книгах изложению молитв предшествуют вспомогательные заголовки «тропарь», «кондак». В начале надписи писец опустил первое лишнее слово, но он забыл это сделать во втором случае, и слово «кондак», бессмысленное в этом контексте, осталось в надписи. Мы как бы видим писца-художника, раскрывшего книгу тропарей и кондаков и списывающего оттуда нужное место.

Дату предмета можно подтвердить и тем обстоятельством, что художник изображает уже восьмиконечный крест, распространившийся в первой половине XIV в.

Ценность краковского ларца, на наш взгляд, не ограничивается его художественными достоинствами. Не решая вопроса о первоначальном назначении этого предмета, мы не можем согласиться с предположениями П. Н. Жолтовского о том, что ларец может быть памятником цеховой организации кузнецов, чеканщиков, ювелиров.

Это предположение основано только на том, что Кузьма и Демьян были традиционными патронами кузнецов. Но содержание изображений вовсе не имеет такого ограничительного смысла, что его можно связывать лишь с патронатом Кузьмы и Демьяна. Напротив, основная идея произведения заключается в прославлении всех бессеребреников и чудотворцев. Художник изобразил не только Кузьму и Демьяна и сюжеты, связанные с ними, но и целый ряд других святых. Мы видим здесь Пантелеймона, Кира и Иоанна, Самсона и Фалелея, объединенных общим указанием «По той стороне то все безмезники», Флора и Лавра, Гурия, Самона и Авива, Спиридона, Николая, Григория, Бориса и Глеба, Елисея, обозначенных «По той стороне то все чюдотворци». Обращает на себя внимание и безличность формулы молитвы. Изложенная в двойственном числе, она логически и вопреки безличности обращена к Кузьме и Демьяну, но в то же время может быть отнесена и к другим парным святым-бессеребреникам, например к Киру и Иоанну.

Рассматривая эти изображения, невозможно согласиться с тем, что здесь изображены святые, наиболее популярные в Новгороде. Нам неизвестно об особом почитании в Новгороде таких святых, как Самсон, Фалелей, Гурий, Самон и Авив, Спиридон, Григорий, Елисей; или о построении в их честь церквей. Сам подбор святых на крышке ларца определяется не местным почитанием, а иными причинами. В список вошли все бессеребреники и все чудотворцы.

На первый взгляд, казалось бы, состав святых имеет отношение к общему патронату врачей и целителей. Действительно, житийная деятельность Кузьмы и Демьяна почти целиком заключалась в «медицинской практике». Пантелеймона также обычно связывают с врачебным патронатом. «Деятельность» чудотворцев, в основном посмертная, также заключалась в многочисленных чудесах исцеления «болящих». Однако при таком толковании смысла изображений остается непонятным, почему в круг избранных святых не попали такие, как, например, Антипа, «иже благодать имать от бога целити болезнь зубную», и некоторые другие специфические святые, «специализировавшиеся» на отдельных болезнях. Кроме того, общая идея произведения оказывается шире той, какую мы только что предположили.

Очевидно, что эта идея заключается в безвозмездности помощи людям. Она выражена и надписями, и подбором святых, и, наконец, специальным изображением сцены отказа Кузьмы и Демьяна от мзды.

Если наше толкование верно, то не только своей идеей, но и временем изготовления ларец тесно связывается с ересью стригольников, распространившейся в Новгороде и Пскове во второй половине XIV в.

Являясь одной из форм классовой борьбы, стригольничество выступало против духовенства, основанного на мзде и стремящегося к расширению своих богатств и имения. Отрицая духовенство, стригольники утверждали, что миряне сами могут учить вере, что незачем обращаться к духовенству, и проповедовали отказ от всего, что может увеличить богатства и «гордыню» священнослужителей, в том числе отказ от всех обрядов, связанных с поминанием умерших.

В связи с этими предположениями обращает на себя внимание необычная форма заключительной части кондака. Вместо формулы «Но ваю посещением сопостатов шатания низложиста» надпись ларца употребляет формулу «Но ваю посещением гордыню противных низложиста», что, по-видимому, гораздо ближе общему настроению стригольничества.

Важно, что ларец медный, а не серебряный и не золотой. Это в сочетании с высоким качеством и дороговизной отделки может быть поставлено в связь с теми же идеями стригольничества, отрицавшими богатство. Во всяком случае, известно об отрицательном отношении к ценным металлам таких идейных преемников стригольников, как нестяжатели во главе с Нилом Сорским.

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКЕ

(Результаты работ зарубежных археологов)

Геофизические методы широко применяются при поисках и разведке месторождений полезных ископаемых, а также при геоструктурных исследованиях. За последние же годы были проведены экспериментальные работы по применению этих методов для целей археологической разведки [1].

С наибольшим успехом были использованы методы электроразведки: метод сопротивлений и метод эквипотенциальных линий, применение которых основано на различии электрических параметров изучаемого объекта и вмещающих пород [2]. Особенно эффективным оказался метод сопротивлений, известный в двух видоизменениях: вертикальное электрическое зондирование и электропрофилирование. Этот метод был применен в 1946 г. в Англии Р. Аткинсоном при исследовании неолитических поселе-

---

[1] R. J. C. Atkinson. Méthodes électriques de prospection en archéologie (в кн.: A. Laming. La découverte du passé. Paris, 1952, стр. 59—70); H. de Terra, J. Romero, T. D. Stewart. Тепехпан Man. New York, 1949, стр. 34—36 (Viking Fund. Publications in Anthropology, № 11). Тепехпан Man, a Critique of Method. American Antiquity, т. XIV, ч. I, 1949, стр. 344—346; C. M. Lerici. Prospezioni archeologiche. Rivista di geofisica applicata, т. XVI, № 1—2, 1955, стр. 7—32; E. Carabelli. Ricerche geofisiche sperimentali su antiche necropoli. Там же, стр. 33—49; E. Segre. Breve campagna di ricerca geofisica e di sondaggi con esplorazione fotografica su una necropoli etrusca. Quaderni di geofisica applicata. Milano, 1956, t. XVII, N 1—2, стр. 13—25.

[2] В цитированных работах А. Ламинга и К. Леричи затрагивается вопрос о применении сейсмометрических и магнитометрических методов, которые, однако, оказались малоэффективными. Также рассмотрены результаты использования датскими и шведскими археологами геохимических методов. Аналогичные работы давно начали применяться в СССР и Германии. См. Л. Веллесте. Анализ фосфатных соединений почвы для установлений мест древних поселений. КСИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 135—140; W. Loren. Neue Methoden der Siedlungsgeschichte. Geographische Zeitschrift, № 45, 1939; его же. Arbeitsanweisung zur Durchführung der Phosphatmethode im Rahmen der vor- und frühgeschichtlichen Siedlungsforschung. Berlin, 1941 и др. О физических основах и технике электрометрических работ см. Ю. В. Якубовский и Л. Л. Лехов. Электроразведка. М., 1956.

ний и в 1954—1955 гг. в Италии археологом Э. Карабелли и геофизиком К. Леричи при исследовании этрусского некрополя близ Черветери (провинция Тоскана) и пиценских гробниц близ Фабриано (провинция Марке).

Электропрофилирование неолитических поселений, произведенное Р. Аткинсоном, позволило изучить их геолого-археологический разрез вдоль линий наблюдения, а вертикальное электрическое зондирование показало изменение этого разреза с глубиной. Таким образом были установлены границы и примерная планировка десяти неолитических поселений в Дорчестере, а также местоположение погребенных объектов, находящихся в пределах поселений.

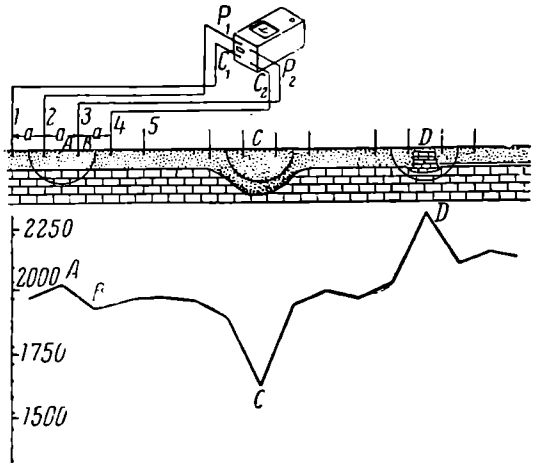


Рис. 1. Диаграмма сопротивлений, полученная Р. Аткинсоном при исследовании одного из участков неолитического поселения близ Оксфорда

По Аткинсону, в условиях Англии метод сопротивлений применим, когда мощность слоя земли, перекрывающей погребенные объекты, не превышает 1,25 *м*. Э. Карабелли, работавший в Италии, с успехом использовал метод сопротивлений для разведки могильных сооружений, перекрытых слоем грунта в 3—5 *м*. По мнению Леричи, размеры исследуемых объектов не должны быть меньше 1 *м*, хотя Аткинсон утверждает, что им установлены при помощи электропрофилирования ямы диаметром в 0,6 *м* на глубине 1 *м*.

На рис. 1 приведена диаграмма сопротивлений, полученная Аткинсоном при исследовании одного из участков неолитического поселения близ Оксфорда. Верхний слой грунта обладает низким электрическим сопротивлением, в то время как порода, слагающая нижележащий слой (кладчатая штриховка) обладает более высоким сопротивлением. В соответствии с этим электропрофиль то падает, встретив в нижнем слое углубление (ров, яму), заполненное породой верхнего слоя, то повышается, натолкнувшись на стены построек.

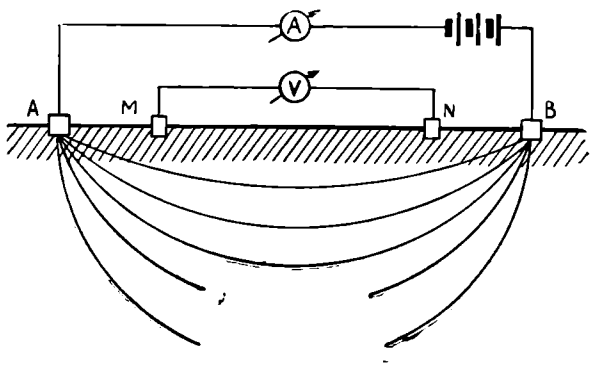


Рис. 2. Схема размещения и присоединения электродов

Следует отметить простоту и дешевизну использованной аппаратуры, состоявшей из потенциометра, батареи сухих элементов типа Лекланше, нескольких десятков метров провода, железных стержней, используемых в качестве электропроводов, и некоторого количества вспомогательного оборудования. Схема размещения электродов и присоединение потенциометра обозначены на рис. 2.

Карабелли и Леричи, исследовавшие близ Черветери этрусские подкурганные захоронения в могильных камерах, выдолбленных в туфовой породе, до начала раскопок быстро и точно локализовали с помощью метода сопротивлений местоположение могильных камер, а также определили их размеры. Интересны результаты электрометрического исследования захоронения № 1 (рис. 3). Захоронение находится под курганом диаметром в 40 *м* (высота кургана не указана). Электропрофиль по линии А—A_1 показал резкую аномалию. Рост сопротивления был отмечен также

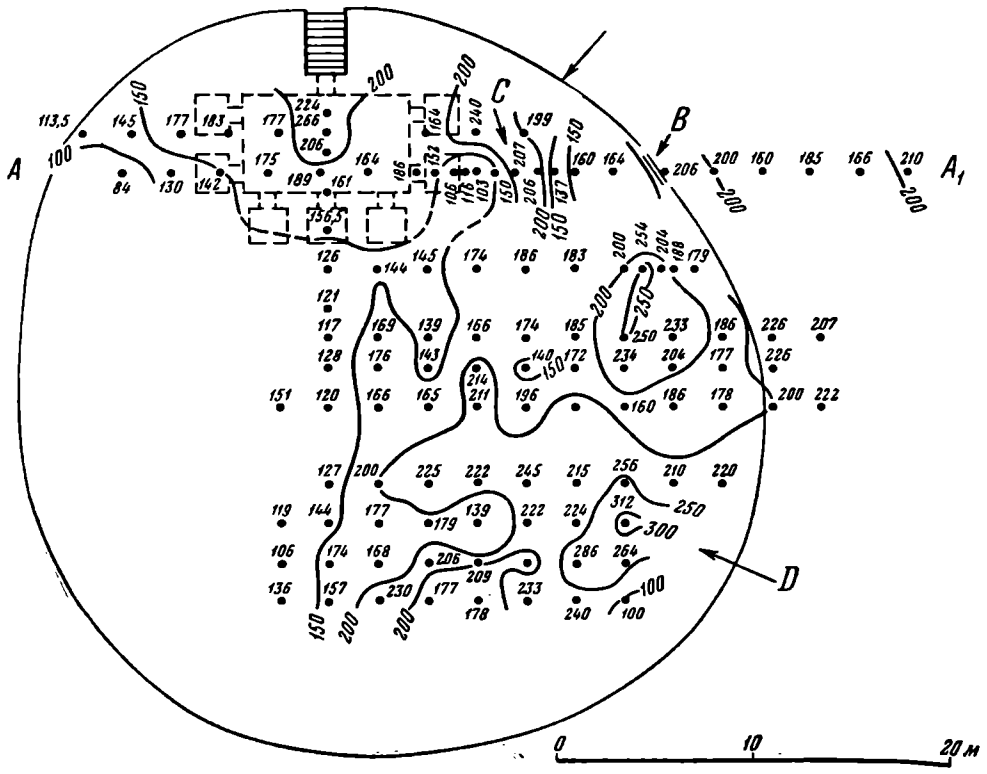


Рис. 3. Результаты электрометрического исследования этрусского погребения в Черветери (по Э. Карабелли)

в пунктах B, C и D. Контрольными раскопками по линии A — A_1 была вскрыта могильная камера (точнее, одна центральная и семь боковых камер), потолок которой находился в 3,2 *м* от дневной поверхности (на рис. 3 камера обозначена контуром).

В пункте B оказался внешний край насыпи, и рост сопротивления объяснялся изменением плотности грунта. В пункте C оказалась заплывшая дудка, через которую местные крестьяне добывали квадратные туфовые блоки, употребленные при сооружении гробницы. В пункте D раскопок не производилось; Карабелли предполагает наличие там могильной камеры.

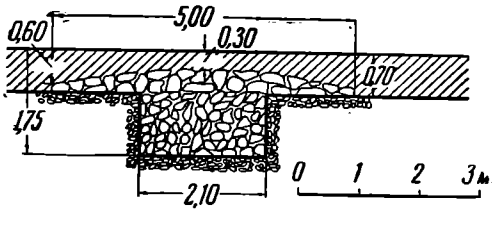


Рис. 4. Пиценская могила близ Фабриано (по Э. Карабелли)

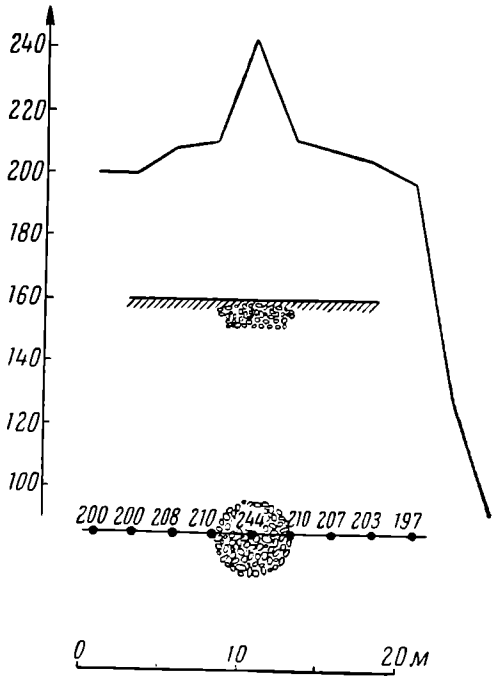


Рис. 5. Результаты профилирования пиценской могилы близ Фабриано

Очень наглядны результаты электропрофилирования пиценских могил близ Фабриано. Захоронение A (рис. 4), как и другие пиценские могилы в этом районе, не имело внешних признаков и было установлено аэрофотографией. Электропрофиль четко обозначил границы захоронения и ме-

стоположение могильной ямы (рис. 5). Результаты электропрофилирования подтверждены контрольными раскопками.

Аналогичные исследования были проведены Э. Серге на этрусском некрополе близ Рима. Наряду с электропрофилированием Серге испытал сконструированную Леричи фотографическую аппаратуру для съемки могильной камеры через скважину, в которую вводилось фотографическое и осветительное устройство. С помощью этого устройства производилась круговая съемка камеры (рис. 6).

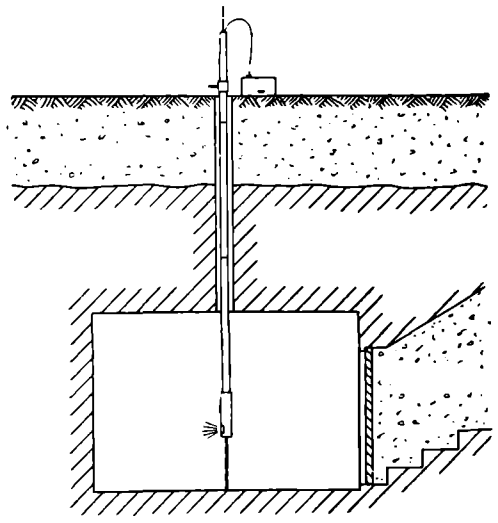


Рис. 6. Схема фотографирования этрусской гробницы

Метод эквипотенциальных линий был применен для нужд археологии в 1948 г., во время работ, проводившихся мексиканским археологом Х. де Терра и канадским геофизиком Г. Лундбергом в долине Мехико. Исследовался район у дер. Тепехпан, представлявший собой в позднечетвертичное время берег лагуны. Некоторые геоморфологические особенности местности и находки костей мамонта делали этот район перспективным для поисков следов пребывания здесь древнего человека.

Применение метода эквипотенциальных линий позволяло создавать электрическое поле сразу на площади 250 $м^2$, что дало возможность в течение нескольких дней обследовать район площадью 1 $км^2$. Нарушения однородности почвенного слоя приводили к аномальным отклонениям эквипотенциальных линий, которые фиксировались приборами и наносились на план. Таким образом, были выделены наиболее перспективные участки, на одном из которых обнаружен костяк древнего человека — охотника, увязшего в трясине на берегу лагуны 9—12 тысяч лет тому назад.

Следует отметить, что Аткинсон и Леричи считают недостаточно доказанной эффективность метода эквипотенциальных линий. По мнению этих исследователей, наиболее эффективным является метод сопротивлений, использование которого в сочетании с другими методами археологических исследований позволяет в ряде случаев ускорить и удешевить полевые работы.

Применение геофизических методов в археологии еще не вышло из стадии экспериментов, но уже несомненна перспективность работы в этом направлении.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. В. КУХАРЕНКО

ВОЛЫНСКАЯ ГРУППА ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ

В «Советской археологии» № 4 за 1957 г. опубликована весьма интересная статья М. А. Тихановой, в которой впервые сделана попытка разделить памятники черняховской культуры на ряд локальных вариантов [1]. Основные положения статьи достаточно убедительно аргументированы и не вызывают возражений. Однако, как каждая первая попытка, статья М. А. Тихановой не лишена и некоторых недостатков. Наиболее существенным из них, на мой взгляд, является отнесение к черняховской культуре волынской группы памятников полей погребений (у сс. Деревянное, Викнины Великие, Пряжев и др.). Памятники эти весьма своеобразны и впервые были выделены М. Ю. Смишко в особую (не черняховскую) группу полей погребений [2]. От соседящих с юго-востока памятников черняховской культуры эта группа, по мнению М. Ю. Смишко, отличается наличием пшеворских элементов в керамическом производстве, а от более западных памятников пшеворской культуры — погребальным обрядом. Позже, возражая М. А. Тихановой, М. Ю. Смишко утверждал, что выделяемый ею «волынский вариант черняховской культуры можно с таким же успехом по силе воздействия западных элементов назвать вариантом пшеворской культуры» [3]. Тогда же М. Ю. Смишко отметил наличие в волынской группе памятников очень значительных элементов зарубинецкой культуры. Примерно в этом же плане рассматривает памятники волынской группы и М. Ю. Брайчевский. По его мнению, это «какой-то своеобразный вариант пшеворской культуры» [4].

Имеются и сторонники мнения М. А. Тихановой. Е. В. Махно, например, поселение в Пряжеве относит к черняховской культуре [5]. В. П. Петров в волынской группе памятников усматривает периферийные памятники черняховской культуры и оспаривает значительность пшеворских влияний для этой территории [6]. Э. А. Сымонович полагает даже, что на Волыни, т. е. на территории интересующей нас группы памятников, находится очаг возникновения черняховской культуры. Оттуда с северо-запада, и началось распространение последней на юг [7].

Наличие столь противоположных точек зрения объясняется прежде всего малой изученностью памятников Волыни и недостаточным знакомством с уже накопившимися фактическими материалами. Это и не удивительно, поскольку значительная часть материалов не опубликована совсем или же опубликована лишь частично. Поэтому уместно здесь остановиться на этих памятниках более подробно.

Интересующие нас памятники волынской группы распространены в верховьях рек Западного Буга, Стыри, Горыни, Случи и Тетерева (рис. 1). Известно более 20 поселений и могильников (могильники все бескурганные) этой группы. Большинство могильников известно лишь по одиночным погребениям, случайно открытым во время различных земляных работ, на некоторых из них производились небольшие раскопки (у сс. Деревянное, Новостав, Дитыничи и др.).

Поводом для раскопок на могильнике в с. Деревянное Клеванского района Ровенской области послужила находка местным жителем бронзовой римской миски (рис. 7, *1*). Миска была передана в Археологический музей Варшавы, где она хра-

[1] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 168—194.

[2] М. Ю. Смишко. Раннеславянские памятники на территории западных областей Украинской ССР. Сб. «Доклады VI научной конференции Института археологии». Киев, 1953, стр. 85.

[3] Л. А. Голубева. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. СА, 1957, № 4, стр. 275.

[4] М. Ю. Брайчевский. Основные вопросы археологического изучения антов (культура полей погребений). Сб. «Доклады VI научной конференции...», стр. 68.

[5] Є. Махно. Поселения культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі. АП, т. I, Киев, 1949 стр. 169—176.

[6] Л. А. Голубева. Ук. соч., стр. 275.

[7] Там же.

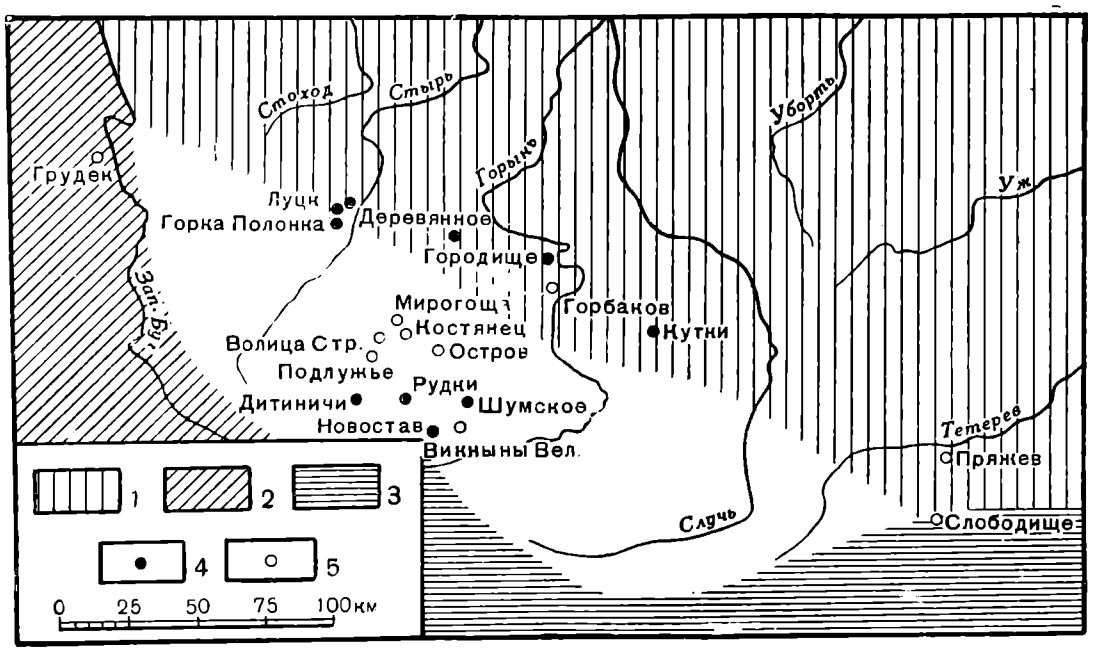


Рис. 1. Карта распространения памятников волынской группы полей погребений.

1 — зарубинецкая культура; *2* — пшеворская культура; *3* — черняховская культура; *4* — могильники; *5* — поселения

нится и в настоящее время. Осенью 1935 г. на месте находки миски З. Лесский произвел небольшие раскопки [8]. Им была вскрыта площадь около 40 *м*², на которой обнаружено четыре погребения с трупосожжением. Первое погребение залегало на глубине 1,75 *м*. Обломки пережженных костей находились в двух глиняных урнах; возле урн стояло еще семь глиняных сосудов. Здесь же найдена глиняная бусина. Недалеко от этого погребения, на той же глубине, обнаружено второе погребение. Обломки пережженных костей были ссыпаны в глиняную урну. Возле урны находилось еще три сосуда, стеклянная бусина и костяной гребень (рис. 2). Остальные два погребения З. Лесским описаны вместе. Эти погребения, обнаруженные на глубине 2 *м*, содержали две глиняные урны, три сосуда, обломки костяного гребня, янтарную бусину, глиняное пряслице, бронзовую и железную фибулы, две бронзовые пряжки и обломки бронзовой проволочки. Возле одного из сосудов лежали неполностью сгоревшие кости ног покойника (рис. 3) [9].

Глиняные сосуды, найденные в первых двух погребениях, по утверждению З. Лесского, сделаны на гончарном круге; сосуды из остальных погребений — лепные, типа пшеворской керамики.

В 1938 г. на этом могильнике производил раскопки Т. Рейман [10]. Результаты этих раскопок, насколько мне это известно, не были опубликованы. В 1956—1957 гг. на могильнике копал я, но погребений не обнаружил.

Все вещи из раскопок З. Лесского и Т. Реймана поступили в Луцкий музей. Большинство из них сохранилось и находится в музее в настоящее время. К сожалению, вещи не разделены по погребениям и в инвентарной книге запись на всю коллекцию, поступившую из с. Деревянного, сделана общая [11]. Из этой коллекции мне удалось увидеть в музее 16 глиняных сосудов (рис. 4, *1—3*, *5—9*; рис. 5, *1—8*) две бронзовые пряжки (рис. 7, *2*, *3*), железную фибулу с подвязным приемником (рис. 7, *4*) и большую стеклянную бусину светло-зеленого цвета (рис. 7, *5*).

Наиболее интересны в этой коллекции глиняные сосуды. Пять из них сделаны на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Это лощеные темно-серые или черные миски обычного черняховского типа (рис. 5, *1, 4, 6—8*). Остальные сосуды лепные от руки. В глиняном тесте имеются значительные примеси песка и дресвы. Поверхность горшков в верхней части, у венчика, сглажена, ниже — бугристая, иногда покрыта глубокими бороздками — расчесами (рис. 4, *8*). Некоторые лепные сосуды орнаментиро-

[8] Z. Leski. Prace archeologiczne na Wołyniu. ZOW, т. XI, 1936, стр. 60 сл.

[9] Этот и предшествующий снимки погребений, вскрытых З. Лесским, сохранились в фондах Луцкого музея.

[10] T. Fitzke. Tegoroczne badania archeologiczne na Wołyniu. ZOW, т. XXIII, 1938, стр. 126.

[11] Под №№ 104—112 в старой инвентарной книге записано: 23 глиняных сосуда, две бронзовые пряжки, железная пряжка от ожерелья, железная фибула, янтарная бусина, стеклянная бусина и костяной гребень. В новую инвентарную книгу, кроме того, вписаны: обломки бронзовой фибулы, кусочки бронзовой проволоки, согнутая вдвое бляшка и обломки костяного гребня (№ 1232).

ваны косыми бороздками (рис. 4, *2*; рис. 5, *3*), часть из них имеют небольшие, иногда Х-образные ушки (рис. 4, *1, 2;* рис. 5, *2, 3*).

Аналогичные по форме и технике выделки сосуды хранятся и в фондах Киевского исторического музея (рис. 6, *1—5*). Эти сосуды вместе с другими вещами (железными ножами, пряжками, подвесками и др.) найдены в погребениях, разрушенных во время

Рис. 2. С. Деревянное. Погребение № 2

строительства узкоколейной железной дороги у сахарного завода в с. Городище Александрийского района Ровенской области. Два сосуда, поступившие в музей, сделаны на гончарном круге (рис. 6, *3, 4*), остальные — лепные.

К сожалению, нам остались неизвестными обстоятельства находки этих сосудов. В Луцком музее хранятся подобные же сосуды из погребений в с. Горка-Полонка Луцкого района (рис. 4, *4*), в уроч. «Фельчеровцы» возле Луцка и в самом Луцке. В фондах

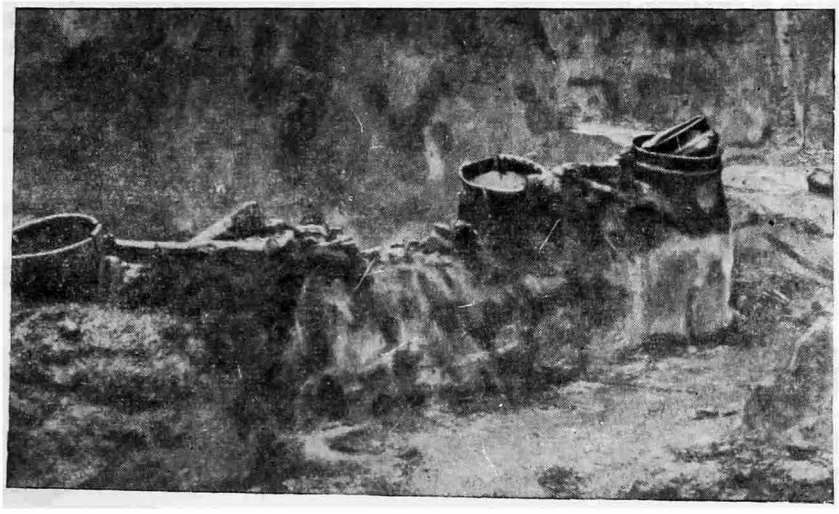


Рис. 3. С. Деревянное. Погребения №№ 3,4

Варшавского музея также имеются интересующие нас сосуды из погребений, вскрытых на могильнике у с. Шумское Шумского района Тернопольской области. Среди этих сосудов имеется лепная урна с поверхностью, лощеной в верхней части и очень бугристой книзу. Урна в погребении была прикрыта лепной же миской (рис. 6, *6*). Кто и когда производил раскопки на всех этих могильниках, какие там обнаружены погребения — никому неизвестно. Еще меньше мы знаем о раскопках Т. Сулимирского на могильнике в с. Новостав [12]. В литературе об этих раскопках сказано следующее:

[12] В каком именно Новоставе производились раскопки, неизвестно. Новоставы имеются в Берестечковском, Луцком, Клеванском и Великодедеркальском районах.

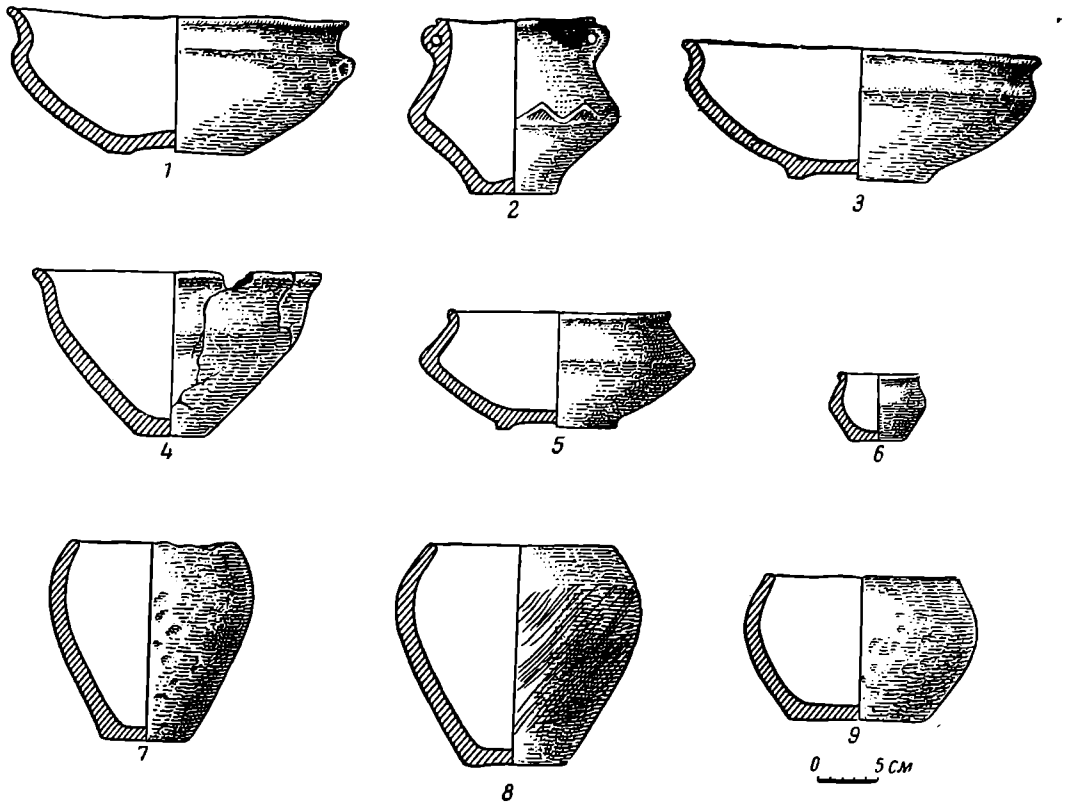


Рис. 4. Глиняные сосуды из могильников у сел. Деревянное (*1—3, 5—9*) и Горка-Полонка (*4*)

«В Новоставе исследовано несколько погребений с трупоположением, относящихся к IV в. н. э.» [13]. Какие вещи были найдены в этих погребениях, мы не знаем.

На фоне этих отрывочных и зачастую случайных материалов особенного внимания заслуживает погребение с трупоположением, открытое в 1936 г. в с. Рудках Кременецкого района Тернопольской области. Погребение это описано в статье М. А. Тихановой, где приводятся и рисунки найденных вместе с погребенным вещей [14]. По особенностям погребального обряда, а также по виду и составу сопровождающих покойника вещей погребение это никоим образом не может считаться типично черняховским, что не отрицает и сама М. А. Тиханова.

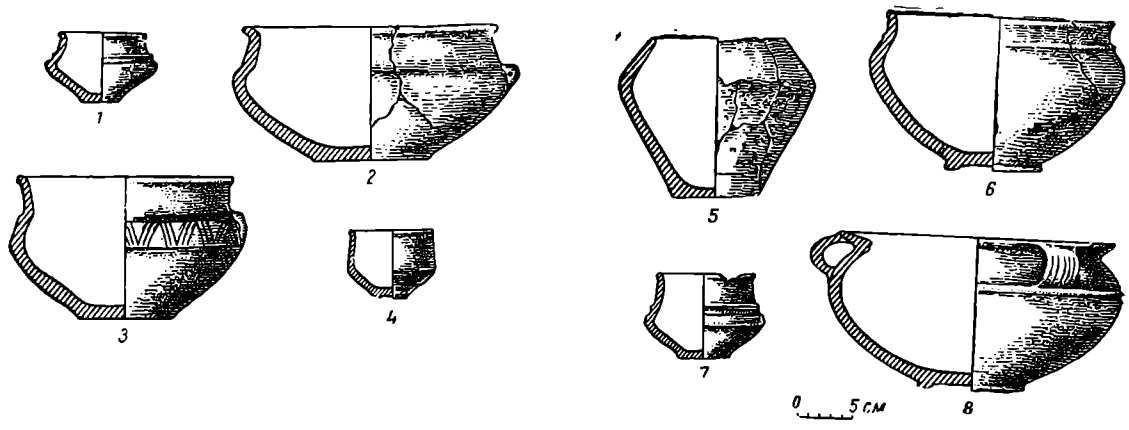


Рис. 5. Глиняные сосуды из могильника у с. Деревянное

По-видимому, к волынской группе памятников относится и могильник у с. Кутки Бережковского района Хмельницкой области. В 1927 г. на этом могильнике был выпахан глиняный сосуд, наполненный пережженными костями. Сосуд был обложен камнями и сверху прикрыт особой покрышкой [15]. В 1953 г. на месте находки автор произвел

[13] T. Fitzke. Ук. соч., стр. 125.

[14] М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 191, 192, рис. 17.

[15] С. Магура. Випадкові знахідки за р. 1927. Хроніка археології та мистецтва, ч. I, Київ, 1930, стр. 51, 52.

небольшие раскопки. Было обнаружено одно погребение с трупосожжением. Пережженные кости находились в небольшой мисочке черняховского типа, подобной мисочке из с. Деревянного (рис. 5, 7). На площади могильника довольно много обломков глиняных сосудов, в том числе и сосудов с небольшими Х-образными ушками.

В 1957 г. возле с. Дитыничи Вербского района Ровенской области был открыт очень интересный могильник. Вскрыто более 20 погребений с трупосожжением, содержавших характерные лепные и гончарные сосуды, фибулы, пряжки, вещи с эмалями и т. д. [16].

Кроме могильников, на указанной территории известны поселения у сел Викнины Великие Тернопольской области [17], Костянец [18], Волица Страклиевская, Подлужье, Остров и Мирогоща Дубновского района Ровенской области [19], Грудек Грубешовского

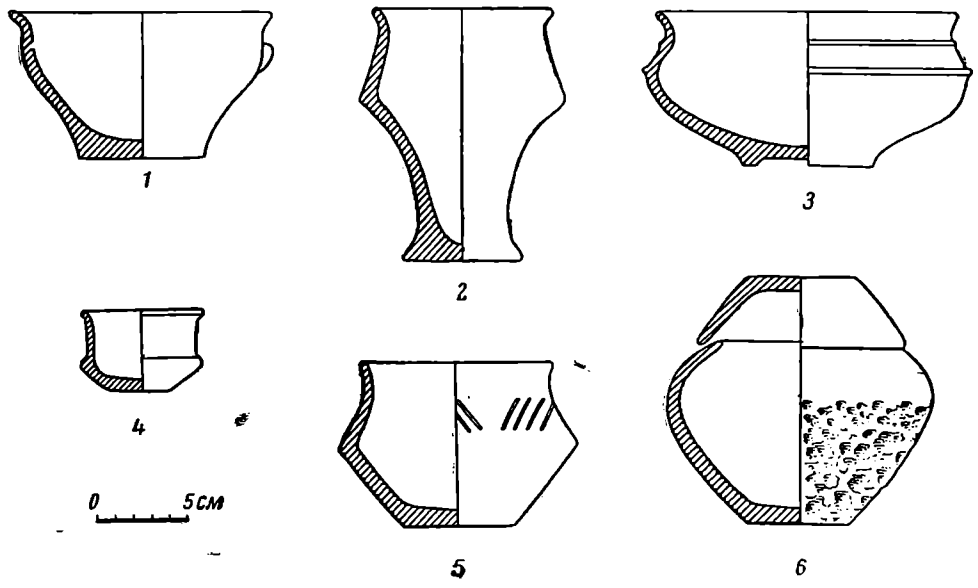


Рис. 6. Глиняные сосуды из могильников у сс. Городище (*1—5*) и Шумское (*6*)

повета (Польша) [20], Горбаков Гощенского района Ровенской области [21], Пряжев Житомирского района [22] и Слободище Бердичевского района Житомирской области [23]. За исключением укрепленного поселения в с. Горбакове, все остальные представляют собой селища. Городище у с. Горбаково небольшое, укреплено земляным валом и рвом. Во время обследования городища в 1953 г. обнаружен культурный слой мощностью около 1 *м*, насыщенный обломками лепных и сделанных на гончарном круге сосудов того же типа, что и сосуды из других памятников волынской группы.

Некоторые поселения, как, например, Викнины Великие, Костянец, Пряжев, Слободище, подвергались раскопкам. На поселении в Викнинах Великих раскопки производил М. Ю. Смишко (1940 г.). Были вскрыты остатки двух наземных жилищ со стенами, сплетенными из хвороста и обмазанными глиной. В жилищах находились открытые очаги, выложенные из каменных плиток и покрытые глиняной обмазкой. В жилищах и рядом с ними, помимо характерных лепных и сделанных на гончарном круге сосудов, найдены глиняные биконические пряслица, двухсторонние костяные проколки, обломки костяного гребня, железный серп, обломки железных ножей и некоторые другие вещи. Там же найден римский серебряный денарий Траяна с надписью «Dacia capta» (не ранее 106 г. н. э.).

На поселении в Костянце М. Ю. Смишко обнаружил остатки трех наземных прямоугольных жилищ-мазанок с куполовидными печами. В пределах жилищ, помимо

---

[16] Я имел возможность ознакомиться с неопубликованными материалами благодаря любезному разрешению производивших раскопки В. В. Аулиха и И. К. Свешникова.

[17] М. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великах. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 111—121.

[18] М. Смишко. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 365—377.

[19] М. Ю. Брайчевський. Розвідка слов'янских пам'яток на Волино-Подільскому прикордонні. АП, т. III, стр. 401, 402.

[20] Материалы Варшавского археологического музея.

[21] Исследования автора.

[22] Є. Махно. Ук. соч. стр. 169—175.

[23] Раскопки И. И. Винокура, 1955.

обломков посуды, обнаружены: глиняные биконические пряслица, обломки бронзовой арбалетовидной фибулы с подвязанной пяткой, точильные бруски, костяные пирамидальные подвески, железные ключи и некоторые другие вещи.

Поселение в Пряжеве исследовано более полно. В 1954 г. на нем провела небольшие раскопки Е. В. Махно; с 1955 г. там ведет систематические раскопки И. И. Винокур[24]. В 1956 г. небольшие раскопки в Пряжеве произвел автор настоящей статьи. Были обнаружены остатки жилищ трех типов: наземные, полуземлянки и землянки.

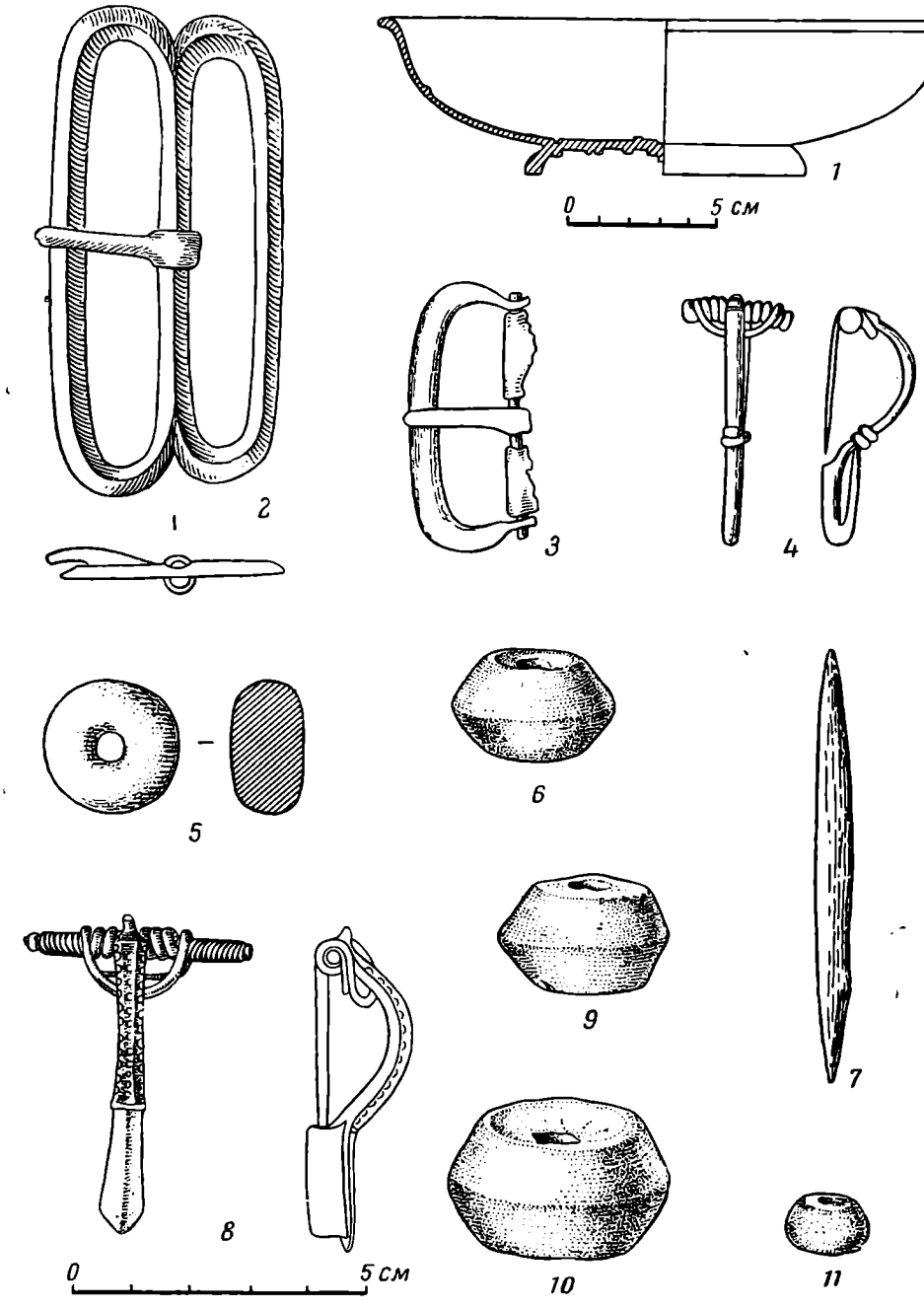


Рис. 7. Вещи из могильника у с. Деревянное (*1—5*) и поселения Пряжев (*6—11*)

Все они прямоугольные, с глинобитными печами. Вдоль стенок землянок, вскрытых автором, имелись земляные уступы наподобие лежанок. Часть стенок, возвышающаяся над поверхностью, имела деревянный каркас из хвороста и, по-видимому, была обмазана глиной.

В заполнении жилищ, помимо обломков лепных и гончарных сосудов, обнаружено довольно много костей животных, главным образом коровы. Встречаются и различные вещи: точильные бруски, глиняные биконические пряслица (рис. 7, *6*, *9*, *10*), костяные двухсторонние проколки (рис. 7, *7*), куски железных шлаков и т. д. На поселении най-

[24] Опубликованы лишь материалы раскопок Е. В. Махно (см. Є. М а х н о. Ук. соч., стр. 169—175). Сведения о раскопках И. И. Винокура заимствованы из его доклада на пленуме ИИМК АН СССР в апреле 1958 г., посвященном итогам полевых работ 1957 г.

дены также бронзовая арбалетовидная фибула с пластинчатым приемником (рис. 7, *8*), обломок железного сошника, несколько обломков римских светло-глиняных узкогорлых амфор (рис. 8, *6*, *7*) и серебряный денарий Марка Аврелия.

Среди обломков глиняных сосудов резко преобладают лепные сосуды (рис. 8, *1—5*). На площади, вскрытой мною, например, они составляли около 85% от общего количества. Примерно такое же состношение лепной и гончарной посуды характерно почти для всех других памятников волынской группы.

Поселения и могильники волынской группы датируются II—IV вв. н. э. Основанием для такой датировки, помимо характерных глиняных сосудов, являются следующие находки: бронзовая римская миска и железная фибула с подвязанной пяткой из с. Деревянного (рис. 7, *1*, *4*), бронзовая фибула с пластинчатым приемником из Пряжева (рис. 7, *8*), обломки римских светло-глиняных узкогорлых амфор оттуда же (рис. 8, *6*, *7*) и две римские монеты — денарий Траяна из Викнин Великих и денарий Марка Аврелия из Пряжева. Богатое погребение из с. Рудки, а также и остальные погребения с трупоположением (Новостав) относятся к IV в. н. э. и являются наиболее поздними памятниками в этой группе.

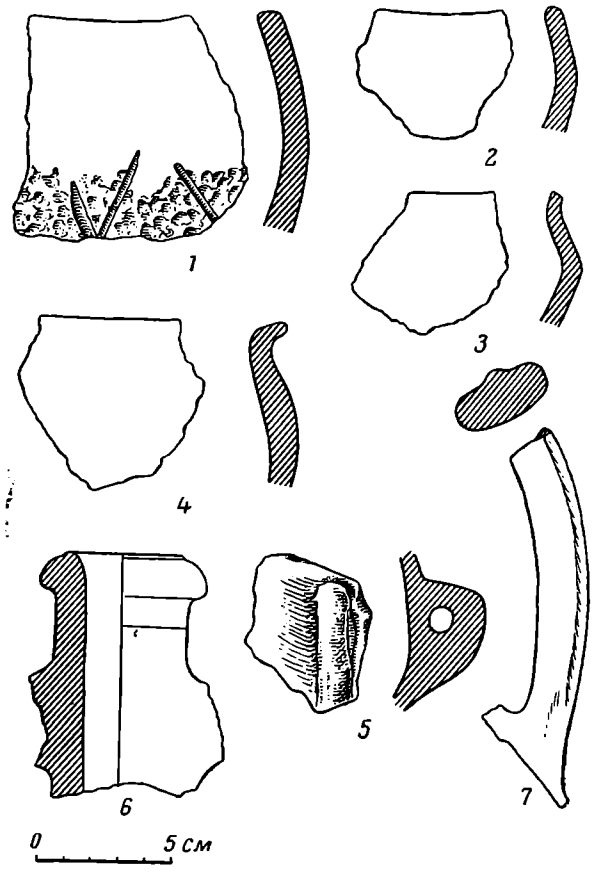


Рис. 8. Обломки глиняных сосудов из поселения Пряжев

Говоря о памятниках волынской группы, все исследователи видят специфичность этих памятников в сочетании местных элементов с элементами соседних культур (пшеворской, зарубинецкой и черняховской). Наиболее отчетливо эта специфика выражается в керамике памятников волынской группы. Действительно, все сосуды, сделанные на гончарном круге, как из поселений, так и из могильников, представлены обычными черняховскими формами. Но не эти сосуды являются наиболее характерными для памятников волынской группы. Почти на всех памятниках резко преобладают сосуды лепные, не имеющие ничего общего с черняховской керамикой. По форме, технике выделки и обработке поверхности эти сосуды очень близки, а некоторые (например, горшки) тождественны сосудам из более западных могильников и поселений пшеворской культуры [25]. Близкие аналогии им находим и среди сосудов из могильников Польского Поморья, особенно из районов к востоку от низовьев Вислы. В этом отношении наиболее характерны сосуды из могильника у с. Дитыничи. Многие из них подобны сосудам из могильников, исследованных в свое время на территории Поморья, Прусской низменности и Мазурского поозерья [26]. На селище в Викнинах Великих найдены даже обломки сосудов с вертикальными ушками в виде гребешка со многими отверстиями, т. е. опять-таки сосуды, весьма характерные именно для поморских памятников этого и более раннего времени [27]. В то же время лепные сосуды из памятников волынской группы имеют прямые аналогии и в керамике из зарубинецких поселений и могильников Припятского Полесья. Так, характерные сосуды с очень бугристой поверхностью (часть из которых перед обжигом покрывалась даже дополнительным слоем жидкой глины, перемешанной с крупными зернами дресвы) весьма распространены и на зарубинецких памятниках Полесья (Велемичи, Рубель, Отвержичи и др.). Изредка они встречаются и на памятниках более восточных групп зару-

[25] K. Przewoźna. Osada i cmentarzysko z okresu rzymskiego w Slopanowie, pow. Szamotuły. Fontes archeologici Poznaniensis, т. V, Poznán, 1954, стр. 80, рис. 22; стр. 92, рис. 36; стр. 103, рис. 49, стр. 118, рис. 74; B. Kostrzewski. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Koninie (woj. poznánskie). Przegląd archeologiczny, т. VII, Poznán, 1947, стр. 215, рис. 34, стр. 255, рис. 50 и др.

[26] E. Blume. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit, I, 1912, стр. 126, рис. 153; стр. 127, рис. 155; стр. 128, рис. 160; стр. 129, рис. 165; W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 177, рис. 128 e; стр. 178, рис. 129 a, d; стр. 179, рис. 130 a, e, f.

[27] W. Gaerte. Ук. соч., стр. 171, рис. 121 b; стр. 217, рис. 164 e.

бинецкой культуры [28]. В зарубинецких погребениях на могильниках Припятского Полесья широко распространены и некоторые миски тех же типов, что и миски из Деревянного, Городища и других памятников волынской группы. Встречаются также и тождественные формы горшков.

Такое сочетание различных элементов, на первый взгляд кажущееся необычным, не должно нас удивлять, если мы вспомним, что памятники, о которых идет речь, в территориальном отношении располагаются как раз на стыке трех больших культурных массивов: зарубинецкого, пшеворского и черняховского (см. рис. 1). Естественно, что взаимное воздействие этих массивов сказалось здесь с особой силой и нашло свое отражение прежде всего в наиболее массовом материале — керамике. Ощущается это воздействие и в некоторых других проявлениях: в приемах домостроения (сосуществование различных типов жилищ), в наличии двух видов могильников (одни с трупосожжением, другие с трупоположением), в бытовании некоторых характерных для черняховской культуры вещей (например, изделий из кости и т. д.).

Однако следует отметить, что в особенностях погребального обряда и общем характере поселений у памятников волынской группы преобладают местные, старые традиции, точнее — традиции зарубинецкой культуры. В предшествующее время в северных районах рассматриваемой территории были распространены именно зарубинецкие поселения и могильники Зимно, Могиляны, Сапожин, Барановка). В погребальном обряде безраздельно господствовало трупосожжение, точно так же, как это наблюдается и на большинстве могильников волынской группы. Более поздние погребения с трупоположениями, известные в волынской группе (Рудники, Новостав), по-видимому, появились здесь в результате проникновения на Волынь какой-то группы восточногерманских племен. Такое предположение, высказанное, кстати сказать, уже давно, более чем правдоподобно [29].

На могильниках волынской группы, во всяком случае на тех из них, о которых мы располагаем более определенными сведениями, нет столь характерного для черняховской культуры сочетания трупоположений и трупосожжений. В погребениях этой группы нет также и предметов вооружения, столь характерных для пшеворских погребений. Здесь перед нами опять-таки те же особенности, которые мы наблюдаем на зарубинецких могильниках более северных районов Припятского Полесья. Некоторые из этих полесских могильников, кстати сказать, одновременны могильникам волынской группы. В погребениях этих могильников изредка встречаются и черняховские сосуды. Сосудов же пшеворского типа на полесских могильниках немногим меньше, чем на Волыни.

Как уже отмечалось, среди поселений волынской группы встречаются и городища, и селища. Такое сочетание также характерно для зарубинецкой культуры, тогда как городищ черняховской культуры до сих пор мы не знаем.

Если ко всему сказанному мы еще раз напомним, что на поселениях и в погребениях волынской группы встречается и зарубинецкая керамика, то станет очевидной преждевременность отнесения этой группы памятников к черняховской культуре. М. А. Тиханова в этом, безусловно, не права. Группа в целом стоит ближе к пшеворской культуре, чем к черняховской. Еще ближе она к памятникам зарубинецкой культуры. Однако памятники волынской группы изучены столь слабо, что в настоящее время мы еще не можем утверждать что-либо в категорической форме. В порядке же предположения можно сказать, что памятники волынской группы возникли на основе более ранних зарубинецких памятников как при культурном воздействии южных черняховских племен, так и при более сильном — пшеворских племен Повисленья. Не исключена также возможность продвижения на Волынь какой-то группы населения из Повисленья, в том числе и населения из германских областей. В обстановке начавшегося переселения народов это вполне вероятно.

[28] Не случайно, например, Д. Т. Березовец, описывая керамику из позднезарубинецкого поселения в Харьевке на Сейме, находит ей самые близкие аналогии среди керамики из поселения в Пряжеве (см. Д. Т. Березовец. Дослідження слов'янських пам'яток на р. Сейм в 1949—1950 рр. АП, т. V, 1955, стр. 64—65).

[29] См. А. М. Тиханова. Ук. соч., стр. 192.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ И КРАЕВЕДУ

Г. П. ГРОЗДИЛОВ, А. Д. СТОЛЯР

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ МУЗЕЙНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Древнейшая история нашей Родины, раскрываемая археологическими работами, привлекает неизменный интерес. Этим запросам отвечает не только научно-популярная археологическая литература, но и, пожалуй, в не меньшей степени археологические выставки в десятках музеев страны. Так, вещественные результаты раскопок выносятся за пределы кабинета археолога и становятся доступными миллионам посетителей.

Сказанным определяется немаловажное значение характера экспозиции, предназначенной не для археологов-специалистов, а для широкого обозрения, а также значение тех принципов и приемов, на которых она построена. Очевидно, в значительной мере в самой методической основе выставки и использованных приемах показа материала кроется ее бóльшая или меньшая выразительность и доступность. Существенные погрешности в этом отношении не могут быть восполнены демонстрацией археологических коллекций самой высокой научной ценности, ибо они попросту не будут поняты посетителем.

Работа по улучшению существующих ныне археологических экспозиций, поиски новых решений подачи вещественных материалов непрерывно ведутся археологами, работающими в музеях. Но, как правило, накапливаемый при этом положительный опыт не становится общим достоянием, хотя сама задача широкого обсуждения археологических выставок безусловно назрела.

Своевременность такого обсуждения очевидна, если учесть многолетнюю практику научно-просветительной работы музеев. Так, к примеру, из опыта работы Государственного Эрмитажа следует, что действующая ныне в музее экспозиция по истории первобытной культуры воспринимается массовым посетителем со значительными трудностями и поэтому поставленная перед нею цель — широко и наглядно характеризовать далекое прошлое на подлинных материалах — в полной мере не достигается.

В значительной степени эти трудности вызываются самим характером археологических материалов эпохи камня и древнейшего металла, «немых» по своей природе, нередко представленных не целой вещью, а лишь сохранившейся ее частью. В итоге сами по себе они зачастую не вызывают ассоциаций, связанных с устройством, назначением и способом употребления того или иного орудия и, тем более, представлений о технике его изготовления и действительной практической эффективности.

Однако восприятие выставки затрудняется также и господствующим в музейной практике так называемым «академическим» принципом экспозиции, который, по нашему мнению, не содействует историческому раскрытию поставленных тем. Сущность этого принципа заключается в широком показе многочисленных, нередко в известной мере повторяющихся археологических комплексов и отдельных находок при почти полном исключении из структуры выставки обобщающих разделов, а из числа оформительских приемов — дополнительных материалов и простейших графических реконструкций.

В результате специфичности археологических коллекций и недостатков их экспозиционной интерпретации у подавляющего большинства посетителей не складывается общего отчетливого представления об основных этапах истории первобытной культуры, о конкретных условиях жизни и общественного производства в разные археологические периоды, о действительном назначении выставленных предметов, о характере археологических памятников, приемах их исследования и т. п. Чаще всего в памяти одиночного посетителя сохраняется лишь воспоминание об отдельных, особенно поразивших его воображение своей необычайностью экспонатах.

Все это приводит к заключению, что независимо от желания музейных работников, выставка по существу в данном случае оказалась адресованной к узкому кругу — археологам, историкам или, по крайней мере, лицам, знакомым с элементарными основами археологии.

И это, очевидно, не редкое явление и не единичный случай. Археологические выставки как в ряде центральных музеев, так и в десятках местных историко-краеведческих музеях по своему построению и оформлению аналогичны. Тем самым поставленный вопрос выходит за рамки работы одного музея и, по-видимому, представляет значительно более широкий интерес.

Но возможно ли какое-либо принципиально иное экспозиционное решение? Факты свидетельствуют о том, что это возможно.

Еще в 30-х годах в ряде музеев СССР, в том числе и в Государственном Эрмитаже, были предприняты попытки построения наглядной археологической экспозиции.

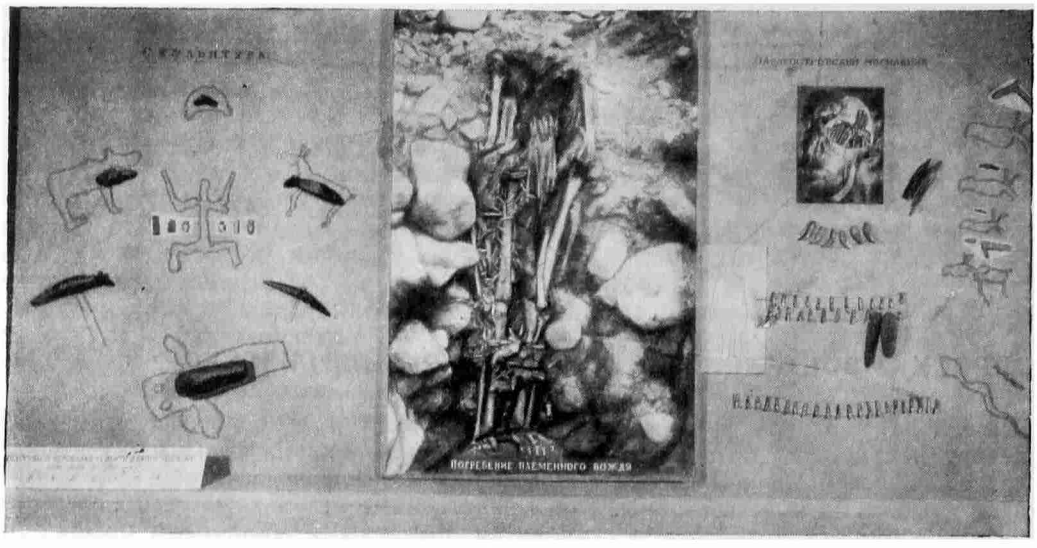


Рис. 1 .Искусство и верования неолитического человека. Карелия

Однако в связи с господствовавшим тогда в археологии социологическим направлением при этом были допущены серьезные ошибки: в некоторых случаях стремление к чрезмерной популяризации и схематизации привело к вульгаризации и упрощенчеству, к второстепенному положению самих археологических коллекций и преобладанию дополнительных материалов и всякого рода реконструкций. Что касается имевшего место бесспорно положительного опыта, то он не был закреплен и не оставил прочных следов в выставочной практике отечественных музеев.

Однако этот опыт тогда же был воспринят и развит некоторыми зарубежными музеями и в настоящее время он представлен, например, экспозицией Будапештского археологического музея. Как можно судить по краткому путеводителю последнего [1], в этом случае специфической особенностью выставки является показ археологических материалов в связи с графическими дополнениями, передающими либо недостающую часть орудия, либо способ его употребления, обрабатываемый им материал и т. п. Наглядность, техническая простота и правомерность использования такого приема очевидны.

Попытка пойти по пути создания наглядной экспозиции была предпринята коллективом Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа при работе над приуроченной к юбилею Ленинграда выставкой «Древнейшее прошлое Ленинградской области». Эта выставка, построенная на археологических материалах, рассказывает о древнейшей истории области — со времени первичного заселения этого района человеком (IV—III тысячелетия до н. э.) и до X—XIII вв. н. э., когда приневский край был культурным и военным форпостом русского государства на северо-западе.

Экспозиция состоит из двух разделов. Первый раздел, посвященный культуре первобытного общества, открывается картой археологических памятников, кратким геологическим введением и общей характеристикой неолита лесной полосы СССР. Далее показывается культура древнейшего населения Приладожья. На отдельных стендах археологическими материалами Ленинградской области и соседней Карелии представлены неолитические посуда и жилище, а также древнее искусство и верования (рис. 1) неолитического населения этой территории.

Второй раздел характеризует культуру современного Ленинградского края в составе древнерусского государства. Здесь показывается крупный городской центр Ладога и ее хозяйство (рис. 2), курганные погребения (рис. 3), прикладное искусство и художественное ремесло, вооружение русского воина в X—XIII вв. Заключительная часть раздела посвящена древним крепостям, которые на протяжении веков вплоть до Северной войны обороняли северо-западные рубежи Руси.

Поставленная в этом случае цель заключалась в попытке создания экспозиции нового типа, основанной на наглядности и популярности (конечно, не в ущерб ее научному содержанию). По замыслу выставка должна была в еще большей мере самой подачей археологических материалов, нежели экспликациями и этикетажем, рассказывать о древней истории человека на северо-западе Европейской части СССР.

Что же было практически сделано в интересах приближения к решению поставленной задачи?

В структурном отношении каждый из двух разделов выставки, отвечающих исторической периодизации, четко расчленен на отдельные темы, частично названные выше. Таким образом, основной акцент был сделан не на показе отдельных комплексов и, тем более, вещей, а на исторической характеристике определенной археологической культуры и ее наиболее существенных сторон. При этом темы, как, например, вводная

[1] A Magyar föld népeinek östoztenek ć kiallítas vezetoje. Budapest, 1951.

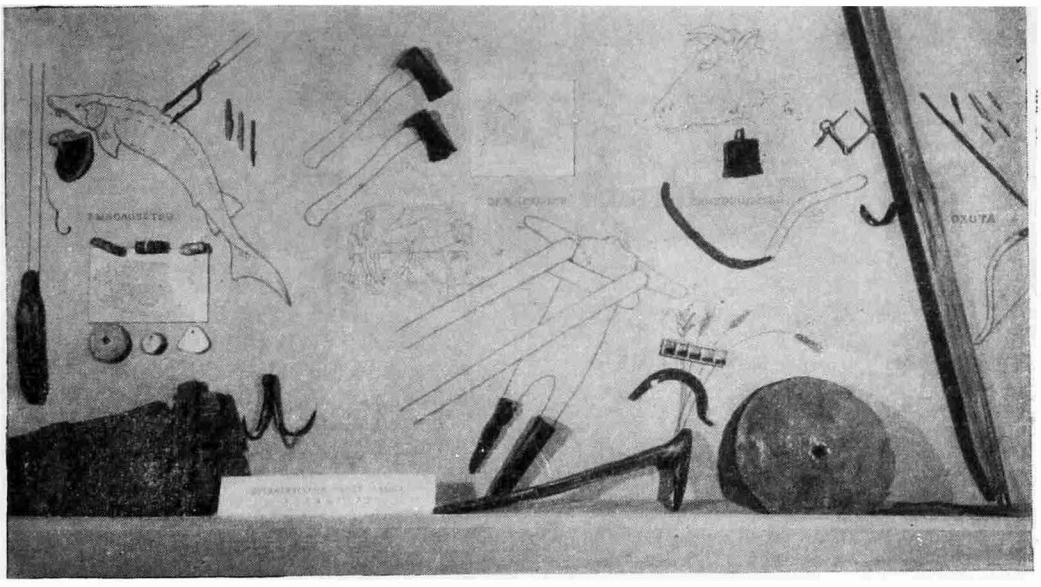


Рис. 2. Древнерусский город Ладога. Хозяйство

«Неолит лесной полосы», «Неолитическая посуда и техника ее изготовления» и др., демонстрируются на отобранных материалах целой группы памятников одной и той же этно-хронологической культуры.

Этот прием позволяет сконцентрировать наиболее характерные в определенном аспекте материалы, выделить самое основное и тем самым подвести зрителя к известному обобщению. Из числа отдельных комплексов самостоятельно экспонируются лишь те, которые раскрывают определенную часть темы. К таким относится Оленеостровский могильник (рис. 1), неолитическая стоянка на р. Нарве, на материалах которой показывается жилище, Старая Ладога, курганные погребения (рис. 3) и др.

Экспозиция тематически подобранных археологических материалов сопровождается графическими дополнениями. Эти рисунки, преднамеренно выдержанные в одном приглушенном цвете и в одной скупой, схематической манере, не бросаются в глаза, не подавляют выставленные экспонаты, а лишь дополняют и поясняют их.

По своему характеру графические включения различны. В одних случаях они показывают технику изготовления орудий, посуды, ткани и т. д., воспроизводят отсутствующие (обычно деревянные) части орудия (рис. 2), иллюстрируют приемы их использования. В других случаях в связи с обнаруженными на стоянках костями животных они наглядно показывают тех представителей фауны, которые являлись основными объектами охоты. Размещенные по графической основе (схематическому силуэту женской фигуры) найденные в курганах принадлежности женского костюма создают наглядное представление об убранстве богатой женщины Приладожья в X—XI вв. и западных районов современной Ленинградской области в XI—XIII вв. Аналогичным приемом характеризуются обширные торговые связи Ладоги в IX—XII вв.: найденные при раскопках староладожского городища привозные вещи соответственно обозначают на контурной карте те центры производства, откуда они поступали на север Руси. Наконец, для иллюстрации тех или иных сторон жизни населения использованы копии подлинных произведений древнего искусства — наскальные изображения Карелии и миниатюры древнерусских летописей (рис. 2), как и композиции по мотивам последних, и в одиночных случаях — этнографические параллели.

Иллюстрированное оформление выставки не исчерпывается графическими воспроизведениями. Кроме них, в экспозицию в качестве ее органической части включены крупноформатные фотографии. Они проходят через весь план выставки.

Фотография является наиболее современным средством научной документации полевых археологических работ. В данном случае ново не ее использование вообще, а то, что основной упор сделан на отпечатки большого формата (обычно размером до 2,70 × 2,00 *м*; панорама Старой Ладоги — размером 6,50 × 0,90 *м*). Таким отпечаткам отдано предпочтение перед дорогостоящими живописными работами, которые зачастую отличаются низким художественным исполнением, элементами натурализма и погрешностями научного характера.

Большие фотографии хорошо смотрятся, сосредотачивают на себе внимание посетителя и создают реальное представление о разнообразных археологических объектах и процессе их исследования. Поэтому их включение в археологические экспозиции в интересах выделения наиболее важных моментов кажется целесообразным даже за счет общего численного уменьшения экспонируемых фотодокументов.

Подобные фотографии, введенные в экспозицию выставки «Древнейшее прошлое Ленинградской области», позволили более наглядно воспроизвести такие различные археологические памятники, как онежские и беломорские скалы с петроглифами, курганы и крепости, оленеостровское погребение вождя (рис. 1) и т. д.

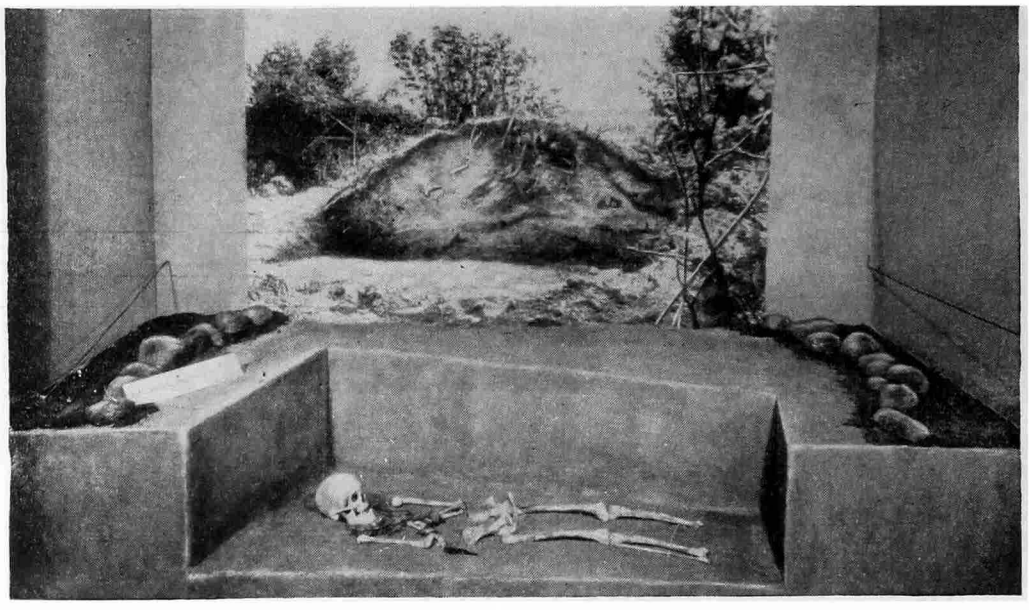


Рис. 3. Курган у с. Ольгин Крест. XII в. (макет)

В отдельных случаях фотографии, отпечатанные в натуральную величину, монтировались вместе с заснятыми на них археологическими предметами. Например, найденные на одном из черепов Оленеостровского могильника пластинки из резцов бобра, составляющие целый головной убор, наложены на соответствующее фото (рис. 1; вверху справа) и дополнены графическим рисунком; схема рубленой избы X—XII вв. на староладожском городище реконструирована при помощи связанного монтажа фотографии, воспроизводящей обнаруженные при раскопках три нижних венца сруба, рисунка стены и укрепленной в верхней части подлинной строительной детали так называемой деревянной «курицы».

В экспозицию введены также три макета. В отличие от преимущественно используемых в музейной практике небольших моделей, они передают определенный археологический объект, либо его наиболее интересную часть в натуральном или близком к натуральному размерах. При этом в макеты включены подлинные археологические материалы, найденные при раскопках данного памятника.

Один из макетов (с графическим задником) посвящен схематической реконструкции неолитической землянки, а его инвентарь составляет коллекцию Нарвской неолитической стоянки. Два других, выполненные по полевой документации, воспроизводят картину, раскрытую при раскопках кургана X—XI вв. у дер. Заозерье в Приладожье и кургана у с. Ольгин Крест на р. Нарве (рис. 3). Их задниками служат крупноформатные фотографии, на одной из которых зафиксирован внешний вид заозерского кургана до раскопок и на другой — курган у с. Ольгин Крест в процессе исследования (рис. 3).

Все макеты выполнены в преднамеренно схематической манере, выделяющей главное и не претендующей на натуралистическое воспроизведение, которое к тому же обычно не достигается. В техническом отношении макеты изготовлены при помощи простейших средств: обшивающая деревянный каркас фанера оклеена соответствующим грунтом (черноземом, песком и т. д.).

Изготовление подобных достаточно наглядных макетов, позволяющих показать условия обнаружения наиболее интересных археологических комплексов или же дать ту или иную реконструкцию, под силу сотрудникам любого музея и не требует больших средств.

Введенные в экспозицию новые приемы в корне изменили характер выставки[2].

---

[2] Очевидно, что изложенные оформительские приемы, значительно облегчающие посетителю восприятие археологических материалов, в то же время не исключили краткие экспликации, которыми сопровождается каждый щит или же отдельный раздел большого стенда. Что же касается этикетажа, то он сведен к предельному минимуму, ибо не вызванное необходимостью в этом случае обилие надписей нарушило бы всю стройность композиции и раздробило бы общую картину. В связи с этим надо решить, в какой форме наиболее удобно ответить на обычно возникающие у некоторых посетителей вопросы относительно места, года, а иногда и обстоятельств находки выставленного предмета, исследователя памятника и т. п. Кроме того, что соответствующие сведения должны найти место в путеводителях, нам представляется удовлетворительным решением следующий прием: в определенной части каждого щита (например, в левом или правом нижнем углу) помещается его общая фотография; на последней каждый выставленный предмет обозначается номером, поясняемым с необходимой подробностью в прилагаемой к фото легенде.

И они же поставили вопрос о том оборудовании, которое позволило бы развернуть ее в задуманном плане. Обычно используемые для такой цели глубокие много- или одностворчатые шкафы совершенно не отвечали предъявляемым в этом случае требованиям, ибо они предопределяют дробность экспозиции, не позволяя развернуть на одной плоскости большие темы, и отяжеляют весь интерьер выставочных помещений.

Всем сказанным был вызван отказ от использования обычной музейной мебели и решение изготовить простейшее оборудование, не связывающее план выставки и не затрудняющее невольно ее осмотр. Выставка была развернута на обтянутых полотном больших фанерых щитах с узкими постаментами для упора. Размеры каждого прямоугольного щита (наиболее крупные из них — до 8,50 × 2,40 *м* — составлялись из нескольких прямоугольных секций) определялись необходимой для данной темы выставочной площадью, конечно, при учете условий помещения. В необходимых случаях полезная площадь щита с закрепленными на ней археологическими предметами была защищена спереди и с боков большими вертикальными стеклами. В нижней части они устанавливались в паз на площадке постамента, а по верхней кромке на стыках стекол соединялись небольшими П-образными железными пластинками, которые скреплялись металлическими кронштейнами со щитом. Таким образом, достигалась прозрачность всего лицевого ограждения щитов и макетов, без переплетов и рам.

Примененное на выставке разборное оборудование удобнее и дешевле, чем обычное. Именно поэтому оно нуждается в дальнейшем конструктивном улучшении и доработке с тем, чтобы оно могло быть использовано для оснащения постоянно действующих многолетних выставок. В первую очередь для этого понадобится устройство верхнего стекла, защищающего вещи от пыли.

* * *

Выставка «Древнейшее прошлое Ленинградской области», открытая в дни юбилея Ленинграда 24 июня 1957 г., за прошедшие месяцы работы получила весьма положительную оценку как со стороны специалистов и музейных работников, так и со стороны самих посетителей, оставивших многочисленные отзывы.

В частности, этот эксперимент убедил в необходимости и перспективности коренной перестройки всей основной экспозициии Гос. Эрмитажа по истории первобытной культуры. При этом в полной мере принимается во внимание различный профиль и разные задачи, стоящие перед временной выставкой, с одной стороны, и общей постоянной экспозицией, с другой. Если первая посвящена древнейшей истории одного локального района и по самому своему замыслу является популярным рассказом, построенным на археологических материалах, то вторая должна показать развитие первобытной культуры на всей необъятной территории СССР и к тому же значительно более детально по каждой историко-культурной зоне и области.

Естественно, в связи с последним замечанием, что в начатой сейчас работе над проектом новой основной экспозиции коллектив отдела, учитывая произведенный опыт и беря его за основу, в то же время не намерен идти по линии копирования и переноса в неизменном виде тех приемов, которые были положены в основу разобранной выставки.

В первую очередь обе выставки будут существенно различаться в структурном отношении. Определение состава основной экспозиции, ее разделов, их соотношения и связи между собой потребует значительной подготовительной работы, но одно замечание общего порядка может быть сделано сейчас. Будущую основную экспозицию представляется целесообразным композиционно расчленить на две линии, разворачиваемые параллельно в одних и тех же залах. Первая из них будет посвящена показу основных этапов развития первобытной культуры в Европейской и Азиатской частях СССР на основе широкого введения наглядных композиционных и оформительских приемов. Параллельно этой линии, сообщающей в доступной форме минимум основных исторических сведений, в связи с соответствующими разделами ее периодизации будет строиться вторая линия — экспозиция наиболее характерных и важных археологических комплексов при ограниченном включении в ее состав дополнительных материалов.

Вторая линия, так же как и первая, должна отличаться лаконизмом. Она не должна перегружаться показом чрезмерно многочисленных и в известной мере повторяющихся материалов, которые в таком обилии могут быть интересны лишь для специалиста. Широкая экспозиция подобных комплексов более уместна на внутренней выставке в хранилищах отдела.

Предложенный принцип построения основной выставки кажется целесообразным, ибо он обеспечивает органическую связь археологических материалов с воссоздаваемой на их основании исторической картиной, позволяет варьировать маршруты осмотра выставки и в зависимости от интересов посетителя детализировать и показывать углубленно те или иные разделы.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ КОРЕИ

За последние годы на территории Корейской Народно-Демократической Республики корейскими археологами были выполнены важные исследования памятников первобытного времени[1]. Новые открытия корейских археологов имеют большое значение и для понимания ранней истории населения не только Кореи, но и соседних стран, в первую очередь — Китая, а также и СССР, дальневосточные области которого в течение тысячелетий находились в тесных культурных и хозяйственных связях с Кореей.

Обширные раскопки осуществлены в 1956 г. Чендинским Государственным историческим музеем.

Раскопки велись в Чендине на ул. Нонфори, на небольшой сопке, возвышающейся в западной части Чендинской равнины. Высота сопки — около 30 *м* над уровнем моря. О наличии здесь древнего поселения свидетельствуют остатки размытых культурных слоев с находками костей и раковин, керамики, а также костяных и кремневых изделий.

Раскопки на сопке велись в четырех местах. На участке «А», в восточной части ее южного склона, была обнаружена наиболее мощная толща культурного слоя, но слой переотложен и образовался в результате смыва с вершины сопки. Одна из лучших находок в раскопе «А» — глиняная статуэтка, изображающая собаку.

На участке «Б», в восточной части северного склона холма, культурный слой тоньше. В нем найдены оббитые изделия из камня. Культурный слой переотложен.

Участок «В» расположен в центре северного склона холма, площадь его равна 192 *м*^{2}. Здесь еще в 1933 г. произвел разведочные раскопки Екояма.

Участок «Г» находится на южном склоне холма. На нем, в отличие от трех других, сохранились раковинные кучи и непотревоженные культурные слои. Здесь найдены глиняные сосуды, кремневые орудия, много костяных изделий, кости животных, а также антропоморфная статуэтка без головы и изображение птицы. Такие статуэтки в Корее обнаружены впервые. Никаких следов жилищ здесь, однако, тоже не оказалось; не было найдено даже очагов.

Всего было раскопано 705 *м*^{2}. Основную массу находок составляют оббитые каменные изделия; шлифованных орудий найдено мало.

Оббитые изделия представлены, прежде всего, отщепами и ножевидными пластинами. На ножевидных пластинах не видно следов ретуши. Кремневые оббитые наконечники стрел, обработанные отжимной ретушью с двух сторон, имеют различную форму. Чаще всего встречаются наконечники треугольной формы с выемчатым основанием. Есть также скребки концевого типа, ножи, наконечники копий, кинжалы длиной более 15 *см* со слегка изогнутым на конце лезвием.

Шлифованные орудия представлены топорами и наконечниками стрел. Топоры — прямоугольных очертаний, с симметрично выпуклым лезвием. Многие из них были во вторичном употреблении в качестве отбойников или молотков. Есть шлифованные и оббитые наконечники стрел.

Из камня делались также зернотерки, похожие на найденные в Северном Хамгене, рыболовные грузила, точила для вытачивания костяных и каменных изделий.

Найдены также костяные иглы, шилья, рыболовные крючки и гарпуны, штамп для орнаментации сосудов, сделанный из клыка кабана.

Особый интерес представляют глиняные статуэтки. До сих пор в Корее не были найдены столь древние художественные изделия, если не считать костяной ложки с геометрическим узором, найденной на о. Цодо у г. Надина. Антропоморфная статуэтка — длиной около 6 см, без головы. У нее толстые ноги, широкий таз и очень узкая талия. Это, несомненно, изображение женщины. Руки ее сложены на груди, крест-накрест. Голова собаки обрезана по линии шеи и имела отверстие для подвешивания. Воз-

---

[1] Хван Ги Док. Остатки и памятники каменного века в провинции Северный Хамген. Мунхва юсан («Культурное наследство)», 1957, №№ 1 и 2; его же. Раскопки первобытных памятников на улице Нонфори в г. Чендине. Мунхва юсан, 1957, № 4; То Ю Хо, Хван Ги Док. Предварительный отчет о раскопках первобытных памятников в селе Ди Тап Ли. Мунхва юсан, 1957, № 5.

можно, что это был амулет. Из украшений при раскопках найдены бусы из крупных рыбьих позвонков и раковин.

Еще более богатый материал дали исследования в провинции Хван-Хэ, где раскопкам было подвергнуто многослойное поселение Ди Тап Ли. Поселение это находится в 7 *км* от г. Саравон (уезд Бон Сан) и окружено мощными средневековыми стенами. Первые находки здесь были сделаны сотрудниками института Тэн Бяк Уном и Ким Дэ Хо в 1954 г. Сверху залегали остатки культуры периодов Ли, Корё, Когурё и Хань, а в самом основании — культуры каменного века. В апреле 1957 г. здесь начаты были раскопки под руководством То Ю Хо и других археологов КНДР.

Раскопов было заложено два. В первом раскопе культурный слой каменного века найден на глубине 120 *см*. В нем удалось обнаружить остатки полуземлянки с обгоревшими остатками деревянных столбов. В плане полуземлянка была прямоугольной,

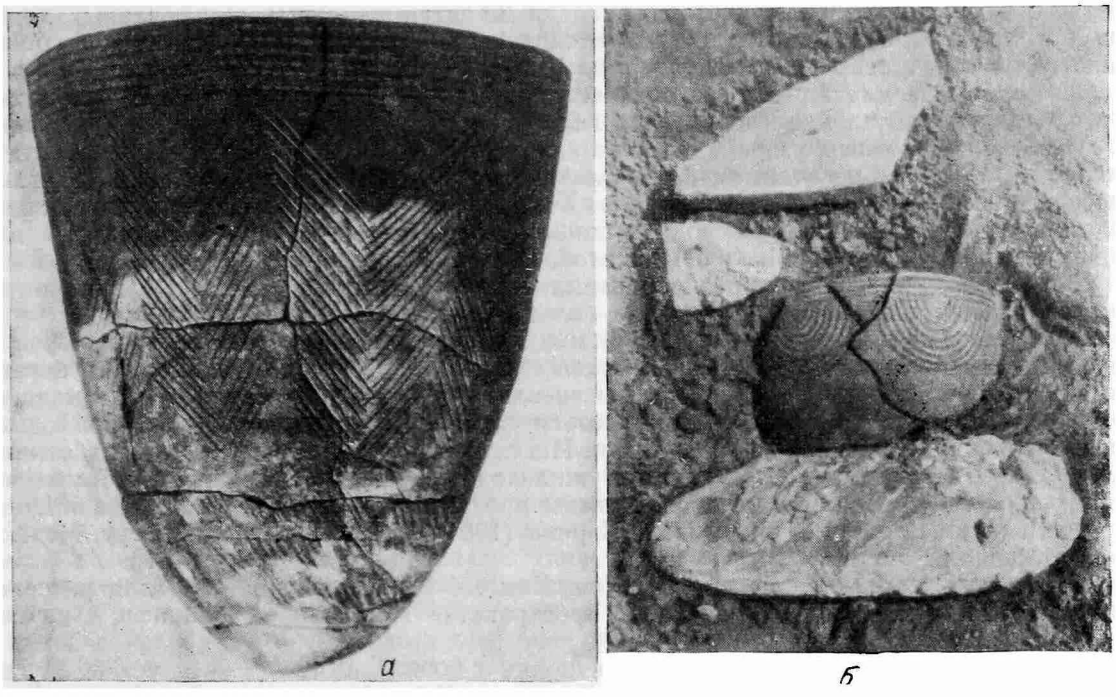


Рис. 1. Находки на поселении Ди Тап Ли
а — сосуд; *б* — сосуд и лемехи для плугов

площадь ее — 7 × 7 *м* и глубина — 0,50—0,70 *см*. Остатки входа прослежены на юго-восточной стороне. Стены были врыты в землю и обмазаны глиной. Очаг, слегка углубленный, помещался внутри жилища. Вокруг него находились крупные камни и шесть больших сосудов для хранения пищи.

Сосуды были круглодонными, с гребенчато-елочным и гребенчато-штрихованным орнаментом. Есть обломки сосудов с ручками (ушками). Кроме того, в западном углу жилища находились три сосуда с отбитыми днищами, заполненные мягкой глиной, видимо предназначенной для изготовления керамики. В заполнении землянки найдены также многочисленные изделия из камня: кремневые наконечники стрел, ножи, топоры, грузила, зернотерки.

Исследователи полагают, что выше залегал более поздний слой с каменными изделиями. Сюда они относят обломки каменного кинжала, подражающего по форме металлическим, а также полулунный нож из сланца. Однако оба слоя смешаны, и четкой границы между ними нет.

Во втором раскопе найдены такие же прямоугольные в плане землянки с округленными углами.

Первое жилище имело площадь 16 $м^2$. Пол его был на глубине 0,60 *м* от древнего уровня почвы и на 1,80 *м* от современного. Вход в виде ступенек помещался на юге. Очаг располагался в центре. Рядом имелась яма, в которую был врыт глиняный сосуд для хранения пищи. Кроме того, в жилище найдено было еще два врытых в землю сосуда.

Второе жилище имело пол на уровне 0,40 *м* от древней поверхности и на 2 *м* от современной. Очаг находился в середине помещения, но, в отличие от остальных очагов, он был устроен не из камней, а из плотной глины. В ровном полу жилища обнаружены ямы для хранения пищи. Вход был устроен на юго-восточной стороне жилища.

Керамика в жилищах втором и третьем — с гребенчато-елочным узором и в виде кривых линий с гребенчатыми точками.

Керамика на исследованном поселении представлена в основном целыми сосудами и многочисленными обломками. Сосуды имели полуяйцевидную форму (рис. 1, *а*),

но встречались и горшки с уплощенным дном. Преобладает орнамент гребенчато-елочный, есть также гребенчато-штриховой. Выделяются сосуды, украшенные сложным узором из свисающих концентрических дуг и вариантов своеобразной спиралевидной плетенки. Такой узор образуется гребенчато-ямочными оттисками.

Из каменных изделий отмечены шлифованные наконечники стрел листовидной формы, часто с шипами, в том числе очень узкие и длинные (около 60 экз.). Есть также шлифованные наконечники копий (около 20 экз.).

Шлифованные топоры (тесла?) — трех типов: а) с симметричным продольным сечением, выпуклыми широкими поверхностями и плоскими узкими ребрами, 2) такой же, но с лезвием, скошенным на одну сторону, 3) линзовидный в поперечном сечении, с лезвием, скошенным на одну сторону.

Есть куранты, зернотерки и точила, грузила двух типов. Каменных серпов найдено четыре; они обладают выпуклой спинкой и односторонне заточенным дугообразным лезвием. Совершенно исключительна находка 30 штук каменных шлифованных лемехов для плугов (рис. 1, *б*). Такие лемехи найдены в Корее впервые. Длина их в большинстве случаев равна 30 *см* при ширине 15 *см*, но есть и лемехи длиной до 65 *см*.

О наличии земледелия у неолитических обитателей этого поселения свидетельствуют также и обугленные зерна двух видов проса, хранившиеся в горшке, украшенном гребенчато-елочным узором. На поселении Ди Тап Ли обнаружены также и остатки более поздней, по-видимому, энеолитической культуры. Это — сосуд с узким плоским дном и высоким стоячим горлом, «каменные монеты», звездовидные палицы, обломки каменных кинжалов, подражающих по форме металлическим. Однако находки такого рода немногочисленны, и слой, который их содержит, нарушен.

Обобщению имеющихся разнообразных материалов по первобытной археологии провинции Северный Хамген посвящена большая работа Хван Ги Дока [2].

Автор статьи пишет, что эта провинция, находящаяся на северо-востоке Кореи и непосредственно граничащая с территорией Советского Союза и Китая, очень богата памятниками каменного века, неолита и энеолита. Однако эти богатые остатки древнейшей культуры Кореи стали подвергаться систематическому исследованию только после освобождения Кореи. Сотрудники Института археологии КНДР и работники Чендинского исторического музея обнаружили здесь, между р. Туманган и Японским морем, около 50 древних памятников, а также произвели раскопки поселений на о. Цодо у г. Надина (1949 г.), у с. Одон около Хэрена (1954—1955 гг.), а также на ул. Нонфори в г. Чендине.

Провинция Хамген разделена хребтом Хамген. Наиболее удобными для расселения человека издавна были низменные пространства в долине р. Туманган и на побережье Японского моря.

В долине р. Туманган важнейшие находки сделаны в 1950 г.— в уезде Мусан (в местностях Доксо, Сэнген, Хвафэн и Дичо), в 1950—1954 гг.— в уезде Юсэн (Сонхак, Менсин, Бякрен, Нам Сан, Хыккубон, Ен Су), в уезде Хэрен (Одон, Гым Сян, Мязи Хэли, Чан Му, Гунсим, Саыль, Горендин), в уезде Чон Сэн (Бан Вон Канфэнь Самбон, Чоам, Сунам, Дон Кван, Лаксян), в уезде Чон Сен (Суфогу).

На восточном побережье Японского моря известны следующие памятники: в уезде Унги (Сэсури, Сэфохан, Сонфэн, Рен Су, Бифадо), в уезде Надин (Чан Гыли, Хясингыми, Чуйдин, Надиндон, о. Цодо, Вон Сын, Сягор, Кандин, Дяхами, Бандин, Рендин), в г. Чендине (Нонфори, Вонсудя, Бонган, Хварен).

Автор обзора далее дает детальную характеристику каменных и костяных изделий и керамики, найденных в этих местах.

Каменные наконечники стрел разделяются на оббитые и шлифованные. Оббитые наконечники изготовлены из кремня или халцедона, по форме они обычно треугольные с выемкой в основании. Очень редки наконечники с черешком (найдены в Унги и Бугэ). Судя по их значительным размерам, это, однако, скорее наконечники гарпунов, а не стрел. Шлифованные наконечники встречаются значительно чаще. Формы их различны: узкие четырехгранные, короткие и широкие с черешком, длинные округлые в поперечнике, широкие с овальным тонким насадом, шипастые с черешком. Наконечниками копий автор считает широкие плоские клинки, обработанные отжимной ретушью, с черешком и без черешка. (Это, скорее, ножи). Широко распространены шлифованные кинжалы и наконечники копий из шифера. Среди них выделяются изделия этого рода с отверстием сбоку; их найдено пять на о. Цодо. Это явно наконечники гарпунов, как и аналогичные вещи с Тайваня, о которых упоминает автор. Грузила делались из галек, у которых выбивались выемки или желобки для привязывания к сети.

Шлифованные полулунные ножи из шифера различаются по наличию лезвия на выпуклом краю или на прямом. У них часто бывают просверлены отверстия для привязывания. Среди таких изделий особо выделяются серпы, найденные в Раксянли; они дугообразно искривлены, лезвие находится на вогнутом крае, отверстий нет.

Из других каменных земледельческих орудий имеются мотыжки с плечиками и черешком, зернотерки. Мотыги, очень грубые по обработке, найдены в Одоне, Корендине, Самбоне, Сунаме, Нонфори и в других местах. Зернотерки и куранты найдены в количестве нескольких сотен; на поселении Нонфори их найдено, например, около 60.

[2] Хван Ги Док. Остатки и памятники каменного века в провинции Северный Хамген. Мунхва юсан, 1957, № 1.

Некоторые из них сопровождались оббитыми изделиями из кремня, но в большинстве случаев их сопровождали шлифованные вещи из шифера.

Каменные топоры делятся на ряд типов. Наиболее распространены топоры круглые в поперечнике, с симметрично заточенным с двух сторон лезвием. Особо выделяются такие топоры, отличающиеся длинными и узкими пропорциями; они сходны с найденными на о. Окинава и на о. Рюкю. Есть и третий вариант такого топора, с косым лезвием (топор типа «вонтонву»). То Ю Хо считает, что такие топоры проникли в Корею с юга. Топор типа «чусан ду» массивный, с прямоугольным поперечным сечением. Есть также плоские тесла или топоры и плоско-выпуклые тесла.

Встречаются также отбойники, точила, наковальни и дисковидные палицы. На поселениях вокруг наковален встречается много отщепов и отбросов производства каменных орудий. Очень интересны камни для добывания огня сверлением; ими служили обычно обломки зернотерок, на которых имеются небольшие углубления для этой цели.

Отдельно рассматриваются кремневые ножевидные пластинки-микролиты, а также нуклеусы (дисковидные, аналогичные мустьерским по форме), острия, пластины с выемками, вкладные пластины с выемками, вкладные пластины-лезвия с зазубренным краем. Автор пишет, что такие изделия распространены в Корее значительно шире, чем думали раньше.

Во второй статье, являющейся продолжением первой, сначала говорится о неолитической керамике провинции Северный Хамген [3].

Здесь встречаются сосуды различных видов: остродонные, узкодонные, круглодонные, с поддонами. По форме это — высокие узкие, «цилиндрические», или, точнее, усеченноконические сосуды, часто с боковыми ушками или «пеньками» около венчика, сосуды «баночного» типа, сосуды с высоким горлом, чаши на поддоне, горшки с выпуклым брюшком. Часто отмечается гладкая, лощеная поверхность сосудов без орнамента. Орнамент разделяется на гребенчато-штамповый, ямочный и резной, а также расписной.

Остродонные сосуды найдены на юге Кореи, в раковинных кучах Кимхэ, и на западе, в долине р. Дэдонгана, вблизи Пхеньяна, Мирим, Кинтхан и Зинфари. Круглодонные сосуды известны не только на юге, но и на севере.

Керамика с ёлочно-гребенчатым орнаментом распространена по всей территории Кореи. Но имеется различие между такой керамикой на северо-западе (в Гунсанли) и на северо-востоке. В первой области такие сосуды имеют толстое круглое дно, узор их состоит из параллельных линий и точек, а также ямочек. На северо-востоке круглодонных сосудов нет. Узор состоит из елочек, меандров, кружков. Расписная керамика имеет монохромные (коричневые и черные) узоры, иногда по желтому фону. Такие сосуды найдены на о. Цодо, Хэрене и в других местах. Отдельно выделяется «черная» керамика: глубокие чаши с «пеньками» у венчика, усеченноконические сосуды с «пеньками», чаши с высокими поддонами.

Из глины выделывались, кроме посуды, пряслица и рыболовные грузила оригинальной формы — с продольными и поперечными желобками для привязывания.

Из украшений известны бусины цилиндрические и бочонковидные, кольца, подвески. Материалом для украшений служили камень и раковины.

Раскопками в Нонфори обнаружены также (как уже отмечалось) очень своеобразные скульптуры, изображающие животных и человека.

Среди костяных орудий есть шилья из рога и костей животных. Они встречены главным образом в раковинных кучах. Из кости делались также ножи и лопаточки для чистки рыбы и изготовления глиняных сосудов, наконечники стрел, кинжалы, гарпуны и составные рыболовные крючки, иглы с ушками, помещавшиеся в игольниках из птичьих костей, штампы для украшения сосудов.

Отдельно следует отметить металлические изделия из меди и бронзы, найденные на некоторых поселениях этого района. Они могут служить указанием на принадлежность самых поздних находок времени первоначального ознакомления населения Северной Кореи с металлом — энеолиту, по мнению корейских археологов. В Одоне, например, обнаружено два бронзовых кельта. С о. Цодо известно бронзовое кольцо и большая полушаровидная «пуговица» с радиальными насечками по краю и с ушком на вогнутой стороне. Вместе с этими вещами были найдены халцедоновые бусы и каменные пряслица. Там же оказалось погребение младенца, у которого на груди находилось медное кольцо.

В заключение автор обзора пишет, что в Корее не найдено следов палеолита и мезолита. Он полагает, что древние люди явились сюда в эпоху расцвета неолитической культуры. Основными занятиями неолитического населения Кореи были охота и рыболовство, а также морской промысел (собирание съедобных моллюсков, добыча рыбы). Они знакомы были также с примитивным земледелием, о чем свидетельствуют каменные земледельческие орудия и зернотерки. О начале скотоводства свидетельствуют кости свиньи и собаки (в Цодо найден скелет собаки). Люди неолита обитали в постоянных поселках, состоявших из многих жилищ типа полуземлянок.

Заселение Кореи неолитическими племенами шло из различных мест, по разным направлениям. В результате смешения пришельцев здесь образовалась новая своеоб-

---

[3] Мунхва юсан, 1957, № 2.

разная культура неолита, где сочетались, в частности, черты «отбивной микролитической культуры» Монголии, Сибири и Китая (Дунбэй). С другой стороны, полулунные шиферные ножи и другие шлифованные каменные орудия связывают неолит Кореи через хребет Чан-Бяк на Ляодуне с восточным побережьем Китая. Из Китая происходят расписная керамика и прямолинейно-геометрический орнамент.

Сравнивая весь этот обширный и разнообразный материал, обнаруженный на севере Кореи, с находками на территории Советского Приморья, можно отметить их бесспорную близость, свидетельствующую о тесных культурных связях и во многом общих исторических судьбах древнего населения этих областей Азии.

Так, неолитические памятники Севера Кореи, для которых характерна керамика, орнаментированная штамповым гребенчатым, елочным и меандровым узором, несомненно, находятся в ближайшем родстве с поселениями типа Гладкая I.

Следует сказать при этом, что так называемые микролитические находки (ножевидные пластины, наконечники стрел, нуклеусы) на Севере Кореи, по всей вероятности, связаны именно с этой, а не с какой-либо иной культурой.

В более поздних слоях северокорейских поселений каменного века обнаруживаются черты, роднящие их с поселениями «эпохи раковинных куч» в Советском Приморье. Здесь, как и в Приморье, исчезают изделия из обсидиана, оформленные отжимной ретушью, широко распространяются шиферные наконечники, ножи, а также каменные шлифованные ножи-серпы, зернотерки. Одинаково изменяется и облик керамики, исчезают сосуды древних форм и характерная для них орнаментация. Появляются сосуды с высоким горлом, чаши на поддоне, сосуды с дырками в днище. Развивается новая, более простая орнаментика. Не менее интересно и то, что так называемая черная керамика (с «пеньками» у венчика) обнаруживает прямые совпадения с более поздней керамикой Приморья, относящейся уже ко времени внедрения железа (поселения на р. Чапигоу и в пади Семипятной у оз. Ханка, раскопки 1957 г.) [4].

Несомненно, количество таких совпадений будет все более возрастать по мере продолжения археологических раскопок в Корее и Приморье.

Отсюда ясно, что установление тесного контакта между советскими учеными, изучающими прошлое Приморья, и корейскими археологами является насущно важным делом, которое поможет разрешению основных вопросов древнейшей истории как народов нашего Дальнего Востока, так и Кореи.

А. П. Окладников, Ким Ен Нам

[4] Л. Н. Иваньев. Археологические находки в окрестностях Владивостока. СА, XVI, 1952; А. П. Окладников. Археологические исследования в Приморье в 1953 г. Сообщ. Дальневосточного филиала АН СССР, вып. 8, 1955; его же. Приморье в I тысячелетии до н. э. СА, XXVI, 1956; его же. У истоков культуры народов Дальнего Востока. Сб. «По следам древних культур. От Волги до Тихого Океана». М., 1954.

Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Изд-во АН АзССР, Баку, 1957, 137 стр. + 22 рис. + VI табл. в тексте. Тираж 500. Цена 6 руб. 90 коп.

Едва ли есть надобность доказывать, какое большое значение имеет изучение развития земледелия и скотоводства в древности на Кавказе, в частности в Азербайджане. Земледелие и скотоводство на протяжении ряда исторических эпох являлись ведущими формами хозяйства, определявшими в конечном счете весь облик и общий уровень развития культуры древних племен.

В кавказской археологической литературе до выхода в свет рецензируемой монографии не было ни одной работы, посвященной специально изучению развития земледелия и скотоводства в эпоху бронзы.

Автор поставил себе целью показать на конкретных материалах наличие и развитие земледелия и скотоводства в Азербайджане в эпоху бронзы. При этом он не ограничился территорией Азербайджана, а рассмотрел этот вопрос на фоне развития хозяйства у племен всего Кавказа, особенно Закавказья. Первые две главы книги (I — «К истории вопроса» и II — «Ландшафтные зоны») являются как бы вводными, а III и IV главы посвящены развитию соответственно земледелия и скотоводства.

Глава I содержит, собственно, не изложение истории вопроса, а краткий очерк истории археологического изучения Азербайджана. Попутно автор здесь знакомит читателей и с историей открытия и изучения тех материалов, которые легли в основу его работы.

К сожалению, подробное описание отдельных раскопок, голое перечисление и описание некоторых найденных предметов, упоминание всех лиц, производивших раскопки, и учреждений, организовывавших их, так загромождают эту главу, что нарушается стройность изложения. Т. А. Бунятову следовало бы прежде всего дать критическую оценку тех работ, в которых затрагиваются вопросы развития хозяйства в

древности на территории Азербайджана. В этой связи кажется непонятным, например, почему автор оставил без внимания работу Т. С. Пассек «Джафарханский могильник», в которой впервые сделана достаточно убедительная попытка опровергнуть установившийся традиционный взгляд на Мильскую и Муганскую степи как на районы издревле неземледельческие [1].

Основной материал, легший в основу работы, происходит из древних поселений Восточного Закавказья, исследованных только в советские годы. До революции бытовые памятники здесь совершенно не раскапывались. Больше того, некоторые исследователи древностей края (например, Э. Реслер и Г. Розендорф) считали, что в эпоху бронзы в Азербайджане не могло быть поселений, так как население вело тогда кочевой образ жизни. Известно, что дореволюционные археологи пренебрежительно относились к остеологическим и керамическим материалам и часто оставляли их на месте раскопок. В их отчетах редко отмечались находки костей животных, не давалось определения видового состава, не производилось подсчета количества особей, а также процентного соотношения между домашними и дикими видами. Это отмечает и автор (стр. 14). Однако Т. А. Бунятов почти везде без всякой оговорки, ссылаясь на отчеты и другие дореволюционные издания, сообщает читателям как достоверный факт сведения о находках в курганах Азербайджана костей свиньи или собаки или других животных. К этим сведениям ему следовало бы отнестись осторожнее, так как остеологический материал, добытый до революции, специально не изучался и не сохранился.

В главе II, посвященной описанию ландшафтных зон Азербайджана, автор кратко и вполне правильно характеризует роль географической среды в развитии человеческого общества. Дав описание природных условий края, Т. А. Бунятов доказал естественную возможность существования и развития на этой территории земледелия и скотоводства еще в глубокой древности.

В следующей главе — «Земледелие» — автор сделал первую и серьезную попытку показать на основании археологического, этнографического и палеоботанического материала наличие и общий ход развития земледелия в Азербайджане с древнейших времен до эпохи раннего железа. Такой комплексный метод подхода к изучению источников позволил автору в ряде случаев полностью восстановить древние производственные процессы, связанные с земледелием. Ему удалось убедительно аргументировать положение, что Закавказье являлось одним из древнейших культурных очагов земледелия. Основным источником, вскрывающим сущность и характер развития земледелия в древнем Азербайджане, служат орудия производства, добытые при раскопках. Подробно рассматривая и классифицируя по группам все орудия земледельческого производства, обнаруженные в памятниках эпохи бронзы Азербайджана и сопредельных областей Кавказа, Т. А. Бунятов восстанавливает в последовательном порядке весь процесс земледелия. В главе дано в хронологической последовательности полное описание и характеристика различных видов орудий (кремневые вкладыши для серпов, металлические серпы, каменные зернотерки и терочники, молотильные доски, орудия вспашки) и остатков зернохранилищ.

Вспашка земли производилась, вероятно, с помощью «палки-копалки». В эпоху бронзы широко распространяется мотыга. Хотя деревянных плугов в Закавказье пока не обнаружено, Т. А. Бунятов считает, что примитивный плуг стал употребляться в хозяйстве с эпохи средней бронзы. Жатва производилась составными серпами из кремневых и обсидиановых вкладышей, а позже — медными и бронзовыми серпами. Конкретных материалов, позволяющих судить о способах молотьбы примерно до конца II тысячелетия до н. э., не имеется. На основании этнографических данных автор полагает, что в это время в Азербайджане существовал ряд примитивных способов очистки зерна, и дает их описание. С развитием земледельческого хозяйства совершенствовалась и техника молотьбы. В начале I тысячелетия до н. э. в Азербайджане, судя по находке в кургане близ Ханлара, появляются молотильные доски, использовавшиеся с помощью тягловой силы. Из памятников Армении и Грузии начала I тысячелетия до н. э. также известны молотильные доски. Наличие молотильных досок, по мнению автора, доказывает, что в этот период земледелие уже не имело ограниченного, огороднического характера, а возделывание зерновых культур производилось на широкой территории, по-видимому, даже с использованием плуга (стр. 48). Нам представляется, что плужная вспашка возникла в Закавказье все-таки раньше; следует учитывать соседство стран древнего Востока, где плужная вспашка применялась с глубокой древности.

Рассматривая многочисленные зернотерки и терочники, автор с учетом форм последних убедительно описывает весь процесс размельчения и размола зерна. Представляет интерес наблюдение Т. А. Бунятова над группой зернотерок из Ханларского поселения, отличающихся круглой формой. Он считает, что эта форма является переходным типом к ручной мельнице (стр. 50). Из большой группы орудий этого типа автор выделяет также единственную в своем роде зернотерку четырехугольной формы из туфа, которая, по-видимому, могла служить для разбивания и растирания косточек плодов (стр. 51). Однако представляется совершенно излишним перечисление всех зернотерок и терочников, найденных в отдельных районах Азербайджана.

---

[1] Т. С. Пассек. Джафарханский могильник. ВДИ, 1946, № 2, стр. 186.

Специальный параграф посвящен зернохранилищам. Это понятно, ибо хранение зерна имело не менее важное значение, чем его возделывание.

Для всестороннего выяснения вопроса о развитии земледелия в Азербайджане в эпоху бронзы Т. А. Бунятов обратил особое внимание на археоботанический материал и дал его характеристику. Это позволило ему прийти к выводу, что на протяжении всей эпохи меди и бронзы одним из основных злаков, культивировавшихся в Азербайджане, как и в Закавказье в целом, являлась мягкая пшеница. Наряду с ней возделывали ячмень, а в конце эпохи бронзы также и просо.

Заключительный раздел главы о земледелии посвящен развитию виноградарства и садоводства. Материалом для суждения по этому вопросу послужили находки косточек винограда, персика и миндаля в позднебронзовых памятниках Азербайджана (Ханларское и Казахское поселения и др.).

Нельзя признать сколько-нибудь обоснованным предположение автора о том, что в эпоху поздней бронзы в Азербайджане культивировали кунжут и рожь (стр. 65—66). Хотя известно о широком распространении культуры кунжута в Урарту, считать только на этом основании, что кунжут возделывался в эпоху поздней бронзы по всему Закавказью, нельзя. Что же касается ржи, то она до сих пор вообще не обнаружена раскопками в Закавказье и поэтому мы не можем говорить о ее возделывании здесь в рассматриваемую эпоху. Такого же рода необоснованное предположение имеется и в разделе о развитии виноградарства и садоводства.

Большой интерес представляет глава IV. В ней дается описание форм и характера скотоводства, отдельных видов домашних животных, выясняется их роль и удельный вес в скотоводческом хозяйстве Азербайджана в эпоху бронзы.

Автор описал и детально исследовал все археологические данные по этому вопросу: остеологический материал, отдельные глиняные, каменные и металлические фигурки животных, изображения животных на керамике и на металле, а также принадлежности конской сбруи. Т. А. Бунятов использовал также данные письменных источников, относящихся к урартскому времени, и значительную литературу по истории животноводства.

Костные остатки рассматриваются в работе в историческом аспекте. Это позволяет автору определить уровень развития скотоводства, а также создает возможность для решения вопросов породообразования отдельных видов домашних животных.

Крупный рогатый скот имел ведущее значение в скотоводческом хозяйстве Кавказа (в частности — Азербайджана) до эпохи ранней бронзы. В эпоху бронзы ведущую роль в скотоводческом хозяйстве местных племен занял мелкий рогатый скот. На это указывают многочисленные остеологические материалы как из поселений, так и из погребальных памятников Кавказа этого времени. Вообще с эпохи меди и ранней бронзы, как это показали Б. Б. Пиотровский и Е. И. Крупнов, скотоводческое хозяйство Кавказа развивалось в сторону увеличения стада мелкого рогатого скота. Такова общая тенденция развития скотоводства на Кавказе. Она была связана с изменением самой формы скотоводства, которая постепенно принимала полукочевой «яйлажный» характер. Этот же процесс развития скотоводства, как показано в рецензируемой работе, прослеживается и в Азербайджане.

Интересны выводы автора о связях древних пород скота с современными породами.

Костные остатки и целые скелеты свиньи, обнаруженные в памятниках бронзовой эпохи Азербайджана, свидетельствуют о незначительном удельном весе свиноводства.

На основании изучения костных остатков лошади и принадлежностей конской сбруи, а также металлических и глиняных фигурок автор приходит к выводу о том, что с начала I тысячелетия до н. э. лошадь широко используется в хозяйстве местного населения.

Верблюды составляли незначительный процент и применялись как вьючные животные и для верховой езды.

Т. А. Бунятов не ограничился выяснением форм и характера развития скотоводства, описанием видов домашних животных и определением их удельного веса в хозяйстве. Привлекая этнографические данные, он подробно рассматривает вопрос о производстве продуктов животноводства, очень слабо освещенный в литературе. Из большой массы керамических изделий автором выделены сосуды для доения молока, для изготовления масла (маслобойки), сыра и других молочных продуктов. Выделение признаков, свидетельствующих о наличии молочного хозяйства, представляет собой, на наш взгляд, значительный вклад в методику изучения древнего скотоводства. В конце главы автор останавливается на вопросе о формах скотоводства в древнем Азербайджане.

Эта глава также не свободна от недостатков. Из-за того, что к разрешению данного вопроса автор подходит прежде всего на основании рассмотрения памятников изобразительного искусства, нарушается последовательность изложения. Так, раздел о мелком рогатом скоте начинается с описания посуды с зооморфными изображениями, относящейся к началу I тысячелетия до н. э., а затем автор переходит к характеристике остеологического материала III тысячелетия до н. э. из нахичеванской Кюль-Тапы. К сожалению, автор не всегда указывает дату памятников, откуда происходят те или иные остеологические материалы. Необходимо было бы также в каждом случае подчеркивать, из какого слоя нахичеванского Кюль-Тапы или агдамского Узерлик-Тепе происходит привлекаемый им материал. Говорить, например, что Узерлик-Тепе отно-

сится к энеолиту или примерно к эпохе ранней бронзы (стр. 20, 59 и др.), нельзя, так как это не однослойный памятник. Следовало бы тщательнее выдерживать хронологическую последовательность. Ведь большинство материала, приводимого автором, относится к эпохе поздней бронзы, как это видно хотя бы из табл. № 3 на стр. 86. Кстати, указанная таблица отличается случайным и бессистемным подбором материала.

Ничем не обосновано предположение автора о возможности использования буйвола в хозяйстве местных племен эпохи бронзы. Иногда чрезмерное увлечение этнографией приводит автора к известной модернизации древних производств. Например, процесс производства масла в эпоху бронзы в Азербайджане выглядит в работе совершенно таким, каким его можно наблюдать изредка и в настоящее время (стр. 114—116).

Из общих замечаний следует отметить, что в работе имеются невыправленные опечатки (например, вместо «Фаскау» на стр. 55 написано «Баскау» и др.), неправильные ссылки на литературу (например, ссылка 2-я на стр. 20) и отдельные неудачные выражения. Не всегда доброкачественен иллюстративный материал.

Отмеченные нами недостатки и сделанные замечания не снижают общей положительной оценки монографии Т. А. Бунятова. Это первая работа такого характера, и ее выход в свет следует поэтому всячески приветствовать. Жаль только, что она издана столь небольшим тиражом. Автору можно пожелать продолжить свои успешно начатые исследования по данной проблематике.

Р. М. Мунчаев

РАСКОПКИ САМОФРАКИЙСКОГО СВЯТИЛИЩА КАБИРОВ

Раскопки самофракийского святилища Кабиров[1], одного из важнейших и известнейших святилищ античного мира, представляют огромный интерес, выявляя тесные связи, существовавшие уже в глубокой древности между Грецией и Фракией, и влияние, оказанное фракийской культурой на греческую.

Таинственный культ великих богов Кабиров на Самофракии, привлекавший сюда в течение более 1000 лет паломников из всех уголков Греции, а впоследствии, после завоевания Греции Римом,— из всех стран Средиземноморья, в течение ряда веков служил темой для обширнейшей литературы. Посвященные в мистерии Кабиров обязаны были хранить в строгой тайне все, что им сообщалось об этом культе. (За разглашение самофракийских тайн известный философ-атеист Диагор Милетский в V в. до н. э. был приговорен к смертной казни). Это обстоятельство привело к тому, что до нас дошли лишь очень немногочисленные, разрозненные и зачастую противоречивые сведения о происхождении и сущности культа Кабиров.

Мнение о негреческом происхождении культа Кабиров и их имен (Аксиокерсос, Аксиокерса, Аксиерос и др.) уже давно разделялось подавляющим большинством ученых (как и самими древними греками). Из рассказа Диодора (Diod. V, 47) явствует, что еще в его время, т. е. спустя почти семь веков после поселения греков на Самофракии, при обрядах, исполнявшихся во время кабировских мистерий, употреблялся негреческий язык (так называемый lingua sacra). Однако в вопросе о том, от какого народа заимствовали греки этот язык и эти обряды, предположения ученых резко расходились. Высказывались мнения о египетском, финикийском, пеласгийском происхождении культа Кабиров. В 1891 г. Н. И. Новосадский, подвергнув все эти точки зрения основательной критике, выдвинул и обосновал теорию фракийского происхождения культа Кабиров[2].

Археологические раскопки, проводящиеся начиная с 1938 г. на Самофракии американским ученым Карлом Леманом, дали обильный материал, подтверждающий заимствование греками культа Кабиров от исконных обитателей Самофракии — фракийцев.

---

[1] K. Lehmann-Hartleben. Excavation in Samothrace. AJA, 1939, № 1, стр. 133—145; его же. Preliminary Report on the Second Campaign of Excavations in Samothrace. AJA, 1940, № 3, стр. 328—358; K. Lehmann. Samothrace: Third Preliminary Report. Hesperia, 1950, № 1, стр. 1—20; его же. Samothrace: Fourth Preliminary Report. Hesperia, 1951, № 1, стр. 1—30; его же. Samothrace: Fourth Preliminary Report. Hesperia, 1952, № 1, стр. 19—43; его же. Samothrace: Sixth Preliminary Report. Hesperia, 1953, № 1, стр. 1—24; его же. Samothrace: Seventh Campaign of Excavations, 1952. Archaeology, 1953, № 1, стр. 30—35; его же. The Mystery Cult of Samothrace (Excavations in 1953). Archaeology, 1954, № 3, стр. 91—95; его же. Documents of the Samothracian Language. Hesperia, 1955, № 2, стр. 93—100; G. Bonfante. A Note on the Samothracian Language. Hesperia, 1955, № 2, стр. 101—109; Samothrace Festival. Archaeology, 1955, № 4, стр. 279—280; Restoration Work at Samothrace. Archaeology, 1957, № 1, стр. 63, 64.

[2] Н. И. Новосадский. Культ Кабиров в древней Греции. Варшава, 1891.

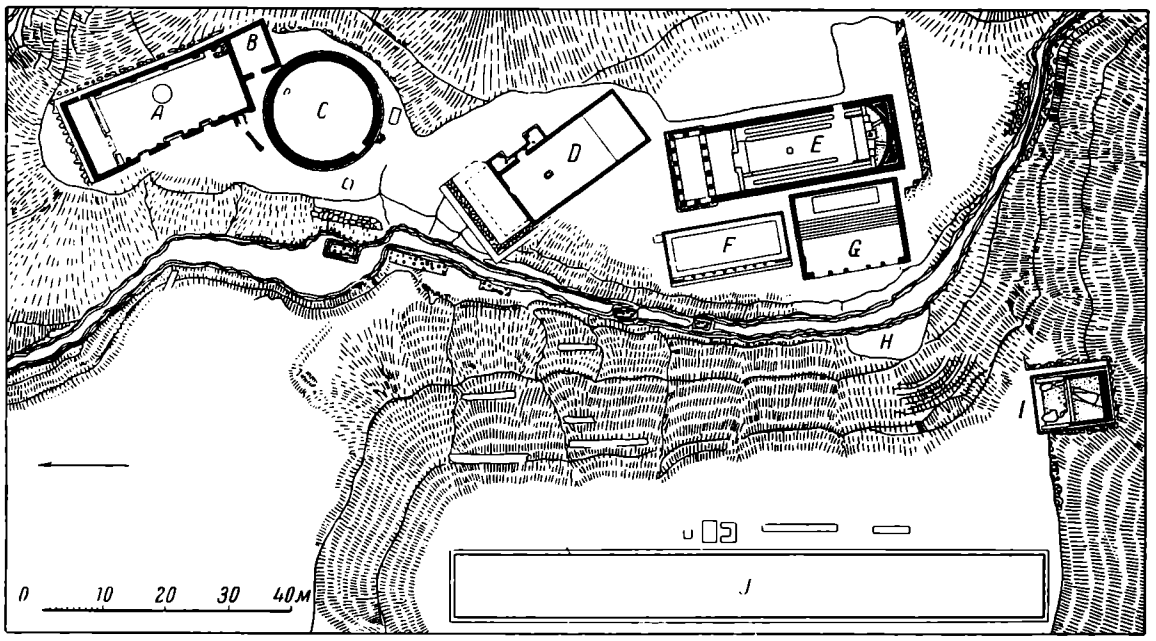


Рис. 1. План самофракийского святилища (по К. Леману)

A — Анакторон; *B* — ризница; *C* — Арсинойон; *D* — Центральный теменос; *E* — «Новый храм»; *F* — Стоя вотивных даров; *G* — Большой алтарь; *H* — театр; *I* — статуя Ники; *J* — стоя (нераскопанная)

Раскопки в святилище Кабиров открыли в северной его части циклопическую стену из огромных камней (датируемую эпохой бронзы или раннего железа), которая упиралась в скальный алтарь того же времени (стесанная верхушка скалы с ведущими на нее ступенями и высеченным в скале желобом для стока крови жертв). Это место древнейшего догреческого культа неизменно включалось (возобновляясь на новом уровне) во все святилища, которые строились греками в этом районе начиная с VII в. до н. э.

В нескольких десятках метров к югу были обнаружены вымостка и туземный очаг (начало VII в. до н. э.). Над очагом находился слой остатков жертвоприношений толщиной в 0,65 *м* из жженых костей и фрагментов сосудов для ритуального питья и еды, которые после жертвоприношения разбивались. Среди этих сосудов встречается как греческая керамика первой половины VII в. до н. э. (главным образом канфары), так и туземная лепная толстостенная посуда (небольшие чаши с одной или двумя ручками). Это, по мнению К. Лемана, указывает на мирное сосуществование и совместное богослужение первых греческих поселенцев и хозяев острова — фракийцев.

Уже в первые десятилетия после прибытия греков на Самофракию перенятый культ приобрел у них большую популярность. Во второй половине VII в. до н. э. в северной части святилища было воздвигнуто обширное здание (шириною 11 *м*, длиною свыше 30 *м*), по ориентации совпадавшее с древней циклопической стеной. Цоколь здания, разделенного внутренней перегородкой на две части, был тщательно сложен из желтых туфовых орфостатов (высота — 0,37 *м*, ширина — 0,62 *м*), лежавших на плитах стереобата. Верхняя часть стен была сложена из сырцовых кирпичей.

Крыши это здание не имело. По всей вероятности, оно представляло собой теменос — обнесенный оградой участок священной земли. Старый скальный алтарь, принадлежавший фракийскому божеству, был включен в северную секцию теменоса и продолжал действовать. Южная часть теменоса была посвящена подземным богам, о чем свидетельствует найденный здесь ботрос — жертвенная яма в форме улья (внутренний диаметр — 0,50 *м*, глубина — 2,50 *м*). По мнению древних, кровь жертвенных животных стекала через ботрос в подземный мир. Жертвоприношение барана над ямой совершал, например, Одиссей, вызывая души мертвых из Аида.

Около 600 г. до н. э. здание теменоса погибло от пожара. Вместо него возникло несколько более скромных по размерам и характеру строительной техники зданий и алтарей. По-видимому, в первой половине VII в. святилище пришло в некоторый упадок, хотя совершение религиозных обрядов продолжалось на старых местах.

К концу VI в. до н. э. самофракийское святилище переживает новый расцвет. Воздвигается ряд культовых зданий, в которых исполнялись отдельные части мистических обрядов. В северной части святилища около 500 г. до н. э. был построен Анакторон — храм, служивший для посвящения участников мистерий в первую степень — мисты. Анакторон (рис. 1, *A*) представлял собой в плане прямоугольник, вытянутый с севера на юг (28,72 × 13,30 *м*). Стены его (толщиной 0,84 *м*) были сложены из полигональных блоков. С запада в здание вели три двери.

Внутри Анакторона четыре пары прямоугольных столбов, выступавших из продольных стен, несли на себе балки потолка и всю конструкцию крыши с пролетом в 11,60 *м*, что представляло собой выдающееся строительное достижение для того времени. Пол в северной и южной частях здания возвышался над центральной частью соответственно на 0,57 и 0,85 *м*. Возвышение в южной части, по-видимому, предназначалось для зрителей, следивших за церемонией посвящения, происходившей на специальной круглой деревянной платформе в центре Анакторона. Назначение северной части здания, отделенной в то время от остального храма занавесом или деревянной стеной, выяснилось благодаря находке более позднего времени. При реконструкции Анакторона в конце II в. н. э. над входом в северную часть была установлена мраморная плита с двуязычной надписью на греческом и латинском языках, несомненно дублирующей более раннюю надпись:

Deorum sacra qui non acceperunt — non intrant.

Αμύητον μὴ εἰσιέναι

«Непосвященным вход воспрещен».

Таким образом, северная часть служила адитоном Анакторона. Вход в него и ознакомление с хранящимися там священными предметами разрешался лишь после посвящения в мистерии. В здании Анакторона, по свидетельству древних, находились знаменитые бронзовые статуи двух Кабиров, от которых, к сожалению, не осталось никаких следов.

С юга к Анакторону примыкало небольшое здание (около 7 × 7 *м*), служившее, по-видимому, ризницей (рис. 1, *В*).

Так как Анакторон, как и все святилище, был сооружен на крутом склоне, то для того чтобы предохранить его стены от давления вышележащих слоев, на расстоянии 0,50 *м* от его северной и восточной стен была возведена мощная полигональная подпорная стена. Промежуток между подпорной стеной и стенами Анакторона служил для стока дождевой воды к реке. Эта строительная схема, известная в позднейшей греческой архитектуре как περίστασις, до сих пор считалась изобретением эллинистического времени. Теперь ясно, что она применялась уже в архаическую эпоху.

Подпорная стена, окружавшая Анакторон, поддерживала также дорогу, ведущую с юга вокруг здания к его западному входу. Другая подпорная стена была построена вдоль берега реки ниже Анакторона.

Местность непосредственно к югу от Анакторона в VI—IV вв. до н. э. представляла собой, видимо, священную рощу у подножья скалистых утесов, поднимавшихся над рекой. В роще было расположено несколько алтарей и ботрос, посвященный подземным богам.

Раскопки в центральной части святилища показали ошибку австрийских археологов, копавших здесь в 70-х годах XIX в.[3], считавших, что они нашли так называемый «Старый храм». На самом деле ни одно из зданий, возводившихся здесь начиная с конца VI в. до н. э., не являлось храмом.

Первое по времени из этих зданий, построенное около 500 г. до н. э., представляло собой высокую открытую квадратную платформу размером 8,50 × 8,50 *м*. Перед ступенями, ведущими на нее, был расположен священный очаг — ἐσχάρα. Сооружение, по-видимому, было посвящено Афродите и Эросу или, точнее, соответствующим им самофракийским божествам. При раскопках были найдены фрагменты мраморной статуи, очевидно, предшественницы установленной здесь впоследствии Афродиты Скопаса.

В южной части святилища было расположено здание, вошедшее в археологическую литературу под названием «Нового храма», хотя фактически оно является современником Анакторона. Храм (рис. 1, *Е*) представлял собой в плане прямоугольник, вытянутый с севера на юг, с внутренней апсидой. Эта планировка сохранялась при всех дальнейших перестройках, являя собой совершенно уникальный пример в классической и эллинистической греческой архитектуре. (Возможно, что и в этом случае имеет место воздействие фракийской культовой архитектуры на греческую.)

Как известно, апсида, исчезнувшая в греческой архитектуре в начале I тысячелетия до н. э., вновь возрождается в архитектуре позднеримской республики. В связи с этим К. Леман полагает, что в этом внедрении апсиды в римскую архитектуру могло сыграть известную роль и влияние архитектуры всемирно известного самофракийского храма. Таким образом, «Новый храм», по его мысли, является связующим звеном между древнейшей примитивной и позднеантичной и средневековой архитектурой.

Стены «Нового храма» были сложены из известняка, облицованного мрамором. Внутри, вдоль боковых стен храма, шли скамьи, отделенные от центральной части парапетами. На этих скамьях, по-видимому, сидели члены религиозной общины, наблюдавшие за ходом церемоний. В центральном проходе были расположены два священных очага. Они представляли собой неглубокие прямоугольные ямы, обложенные вертикально стоящими плитами известняка, желтыми и красными от постоянного огня. Интересно отметить, что очаги такого типа, распространенные в собственно Греции в VII в. до н. э., в классическую эпоху там исчезают, в то время как на Самофракии они сохраняются до IV в. н. э.

[3] A. Conze. Archäologische Untersuchungen in Samothrake, т. I—II, Wien, 1875—1880.

Внутри апсиды помещался ботрос. «Новый храм», или, точнее, «Гиерон», как он называется в самофракийских надписях, служил, по всей видимости, для посвящения мистов в высшую степень — ἐποπτεία. Запретительная надпись, аналогичная вышеупомянутой надписи в адитоне Анакторона, находилась здесь над входом в храм. Следовательно, чтобы войти в «Гиерон», надо было быть уже посвященным в мистерии (хотя бы в низшую степень).

Обряду посвящения предшествовал, видимо, специальный опрос, выяснявший, удовлетворяет ли посвящаемый определенным условиям (главным образом, морального порядка). Для этой цели служило специальное сооружение у восточной стены храма — подставка для монументального факела, по бокам которой находились два священных камня. На одном из них стоял жрец, на другом — посвящаемый, отвечавший на вопросы. Дальнейший обряд посвящения разбивался на три этапа: у первой эсхары, у второй эсхары и, наконец, у ботроса в апсиде, где, очевидно, находилась «святая святых» храма Кабиров.

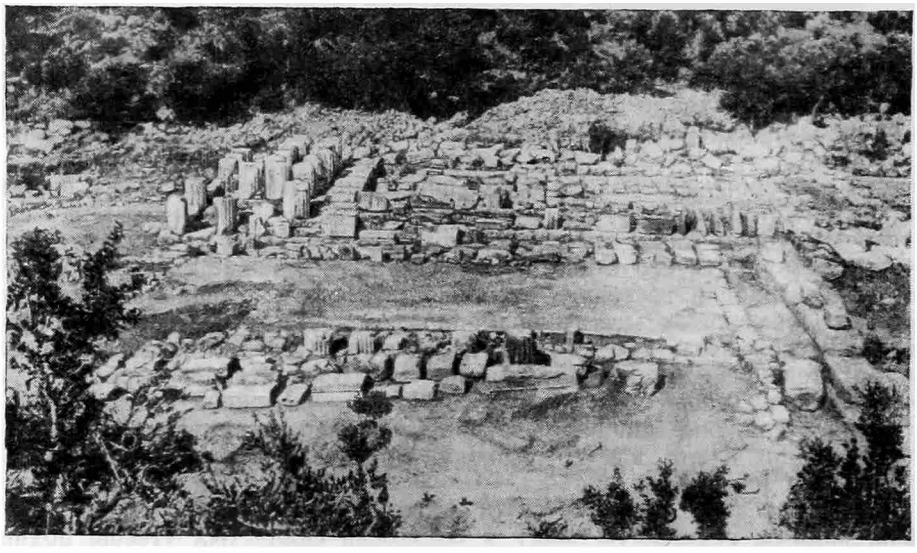


Рис. 2. Самофракийское святилище
На переднем плане — Стоя вотивных даров; на заднем плане — «Новый храм»; справа — Большой алтарь

Западнее «Гиерона» уже в начале VI в. до н. э. было воздвигнуто здание, также вытянутое с севера на юг (22,60 × 10,70 *м*) и представляющее собой по типу глубокую стою или лесху (рис. 1, *F*). По фасаду здания стояло не менее шести дорийских колонн в антах, остальные три стены сооружения были глухие. Строительная техника этого здания представляет большой интерес, отражая один из ранних этапов формирования дорийской каменной архитектуры. Стены стои были сложены из рядов тесаного камня, постепенно уменьшающихся в высоте (от 0,41 до 0,10—0,12 *м*). Горизонтальные и вертикальные отверстия в камнях указывают на то, что вся укладка была соединена деревянными связями. Архитрав и фриз здания, по-видимому, были деревянными. Седловидная крыша, крытая черепицей с полукруглыми калиптерами, перекрывала значительный пролет в 8,59 *м* (внутренняя ширина), превосходя в этом отношении все известные до сих пор архаические стои. Снаружи и внутри здание было покрыто прекрасной белой штукатуркой.

Стоя была построена для хранения и показа вотивных даров самофракийским богам. При раскопках здесь найдено множество фрагментов расписной (чернофигурной и краснофигурной) аттической керамики, много граффити на негреческом языке (о которых речь будет ниже), бронзовые фибулы, терракотовые фигурки и др.

Установившаяся к концу VI — началу V в. до н. э. планировка самофракийского святилища оставалась в основных чертах неизменной до конца его существования.

В течение V в. до н. э. строительная активность в святилище была довольно незначительной. Здесь следует, однако, отметить одну совершенно исключительную особенность строительной техники — появление обожженного кирпича (размер 0,24 × × 0,126 × 0,087 *м*), что не имеет совершенно никаких аналогий в греческой архитектуре того времени.

На рубеже V—IV вв. до н. э. в святилище были проведены обширные работы. Был произведен ремонт Анакторона. В центральной части святилища на месте старой террасной платформы была возведена новая, также с лестницей и священным очагом, тщательно повторяющая планировку старой; в Стое вотивных даров был сооружен новый мозаичный пол, а стены покрыты ярко-голубой штукатуркой. Вместо старого «Гиерона» было выстроено новое здание больших размеров, сложенное из тщательно вытесанных известняковых плит, также с апсидой.

Строительство новых зданий во второй половине IV в. до н. э. в самофракийском святилище было связано с усилившимся влиянием македонских царей. Около 320 г., по-видимому, по инициативе и на средства царицы Олимпиады, жены Филиппа Македонского, в центральной части святилища было воздвигнуто обширное сооружение (рис. 1, *Д*), ориентированное также с юго-востока на северо-запад (длина 24 *м*, ширина 9,50 *м*) и не имевшее крыши, подобно выше упоминавшемуся теменосу VII в. до н. э. Оно получило название Центрального теменоса.

С северо-запада к этому зданию примыкала открытая терраса шириной в 7,5 *м*, возвышавшаяся на 5 *м* над уровнем реки. Эта терраса, вероятно, подобно дельфийской храмовой террасе, служила для установки посвящений. Вдоль террасы поднималась дорога, которая, поворачивая вокруг ее северного угла, подходила к главному входу в Центральный теменос, расположенному на северо-востоке. Он представлял собой пропилеи с двумя выступающими крыльями (ширина — около 10 *м*, глубина с крыльями — 3,60 *м*). Пропилеи стояли на двухступенчатом основании, которое поддерживало шесть ионийских колонн (четыре из них стояли непосредственно перед задней стеной по бокам двери, а две — на углах крыльев). В отличие от других пропилей, они не имели внутреннего портика, а имели лишь фасад. Этот аспект, усиленный колоннами прямо перед задней стеной, и отсутствие связи между боковыми крыльями и центром напоминает театральные фасады.

В художественном оформлении пропилей особый интерес представляют блоки стенного фриза (проходившего над цоколем) с изображением танцующих девушек, выполненного в архаизирующем стиле. Этот фриз, часть которого уже давно хранится в Лувре, в ходе послевоенных раскопок обнаружен почти полностью. Фриз из 84 фигур изображает две процессии, движущиеся навстречу друг другу (по направлению к двери). Обе процессии делятся на три хоровода, в каждом из которых 12 танцовщиц, предводительница и музыкантша (с тимпаном, флейтой или кифарой). Последовательность музыкальных инструментов, возможно, соответствовала последовательности производившихся здесь обрядов. Наличие отверстий для болтов и вырезки показывают, что рельефные изображения фриза дополнялись бронзовыми аппликациями (явление, известное до сих пор лишь для эпохи позднего эллинизма). Аппликации, очевидно, изображали какие-то предметы священной утвари.

Внутри теменос был вымощен мрамором. Напротив пропилей, в центре мраморного пола, находился священный очаг. На одной линии с очагом у центра северо-западной стены обнаружен фундамент скульптурной группы. По-видимому, здесь стояла знаменитая статуя Скопаса «Афродита и Потос».

Меньшая, юго-восточная часть теменоса (как и в предыдущих сооружениях на этом месте) была приподнята над остальной частью здания. По предположению К. Лемана, здание служило для театрализованных представлений, изображающих брак Кадма и Гармонии (мифологические персонажи, тесно связанные с культом Кабиров). Миф о Кадме и Гармонии отражал обряд священного брака, широко распространенный у большинства первобытных народов, в основе которого лежало представление о магической связи человека с производительной силой природы. Этот обряд, очевидно, входил как существенная часть в мистерии Кабиров.

Другим выдающимся сооружением конца IV в. до н. э. в Самофракийском святилище являлся «Большой алтарь», построенный по приказу брата Александра Македонского — Арридея — к западу от Гиерона и к югу от Стои вотивных даров. Надпись, найденная при раскопках, указывает на то, что алтарь был посвящен «Великим богам», т. е. Кабирам.

По типу и размерам самофракийский алтарь (рис. 1, *Г*) является предшественником знаменитого Пергамского алтаря (хотя ордер его, в отличие от Пергамского алтаря, дорийский). Здание алтаря было с трех сторон окружено глухими стенами, по западному фасаду шла колоннада. За колоннадой простирался алтарный двор с мраморной лестницей во всю ширину здания, ведущей к монументальному жертвеннику на заднем плане. Важно отметить, что и в это сравнительно позднее время преемственность традиций строго соблюдалась: новый алтарь был построен над древним скальным алтарем, действовавшим, видимо, еще в догреческое время.

Послевоенные раскопки К. Лемана позволили выяснить ряд новых деталей относительно Арсинойона — толоса, воздвигнутого в начале III в. до н. э. между Анактороном и центральным теменосом египетской царицей Арсиноей и раскопанного в 70-х годах XIX в. австрийской экспедицией (рис. 1, *С*). Как выяснилось, здесь, так же как и в других местах, все древние алтари были сохранены и заботливо восстановлены на новых уровнях. Вход в Арсинойон фланкировался с одной стороны таким реставрированным алтарем, с другой стороны — ботросом, в котором были найдены кости овцы. Этот ботрос, по-видимому, являлся заместителем ульевидного ботроса VII в. до н. э. Тут же поблизости находилось специальное здание для приготовления жертвенной пищи.

В середине II в. до н. э. «Новый храм» («Гиерон») был вновь перестроен и расширен. Около 150 г. до н. э. при новой реконструкции был расширен пронаос, храм получил новый шестиколонный фасад дорийского ордера и новую скульптуру фронтона. «Новый храм» эллинистического времени, раскопанный австрийскими археологами в 70-х годах XIX в., фигурирует почти во всех справочниках и руководствах по античной архитектуре [4]. Однако, как показали новые раскопки, австрийцы допустили ряд неточ-

[4] См. «Всеобщая история архитектуры», т. II, кн. 1, М., 1949, стр. 319—321.

ностей при реконструкции этого храма. Они восстанавливали его, в частности, с гексастильным простильным портиком с двойным рядом колонн. На деле же пронаосу из одного ряда предшествовала, по-видимому, открытая платформа. Австрийские археологи полагали, что наос храма был незамощен. Послевоенные же раскопки открыли солидный фундамент мраморного пола.

В I в. до н. э. после разгрома, учиненного пиратами, самофракийское святилище вновь ремонтировалось. При этом взамен старых подпорных стен была воздвигнута мощная подпорная стена из бетона. В первые века нашей эры святилище продолжало существовать и процветать. Раскопки показали следы ряда последовательных ремонтов, производившихся в зданиях вплоть до IV в. н. э. Последний по времени ремонт, производившийся в Стое вотивных даров, был прерван на середине, очевидно, эдиктом императора Феодосия, запретившим богослужение в языческих храмах. Рабочие ушли, бросив свои инструменты. В Стое найдена мраморная штукатурная лопатка.

В начале V в. н. э. в святилище уже стояли известковые печи, пережигавшие бесценные памятники архитектуры и искусства на известь. В середине VI в. еще стоявшие здания рухнули во время землетрясения. Известковые печи, вновь возникшие в византийское время, докончили процесс разрушения.

Раскопки Самофракии дали также новый материал для изучения «священного языка» самофракийского культа. О происхождении этого языка у Диодора говорится, что до прихода греков «Самофракия... была населена людьми, выросшими из земли. Они пользовались древним языком... значительная часть которого сохранилась до наших дней в священных ритуалах...» [5].

К сожалению, если не считать имен богов кабировского культа, во всей дошедшей до нас античной литературе сохранилось лишь одно слово из этого языка — παυραχίς («четверг») [6].

Естественно, что сравнение этого языка с фракийским, о котором также сохранилось очень мало данных, было крайне затруднительно. Раскопки в значительной мере позволили расширить материал сравнения. В Стое вотивных даров и других местах святилища было найдено 40 надписей на «священном языке». Большинство их представляло собой граффити, сделанные на чернолаковых сосудах VI — начала V в. до н. э. Надписи более позднего времени встречаются значительно реже. Содержанием граффити в подавляющей части являются посвящения богам Кабирам и их помощнику Кадмилу. Часто встречающееся в надписях слово ΔIN или ΔEN, по всей видимости, означает «бог».

Большой интерес представляет фрагментированная мраморная стела, датируемая примерно 400 г. до н. э., с надписью на негреческом языке. В ней привлекает внимание слово βεκα которое наводит на мысль о том, что это падежное изменение слова βέκος, означавшего, по словам Геродота, на фригийском языке «хлеб». Мысль о большой близости фракийской и фригийской культур уже неоднократно высказывалась рядом ученых [7]. Возможно, что надпись на стеле следует понимать как обращение к богам Кабирам с просьбой о даровании «насущного хлеба».

Анализ фонетического состава самофракийских надписей, произведенный Г. Бонфантом [8], выявил общие черты этих надписей и бесспорно фракийской надписи на кольце из Эзерово: 1) исключительное обилие гласных — свыше 50%, в то время как санскрит дает 42% гласных, древнегреческий язык — 46%, современный английский — 37,9%; 2) в обоих случаях наиболее часто встречающейся гласной является «ε», а наиболее редкой — «ϑ»; 3) в обоих случаях часто встречаются дифтонги и др.

Недостаточность материала не позволяет пока еще перейти к детальному изучению словарного состава и синтаксического строя этого языка. Но уже теперь ясно, что высказанная еще в конце прошлого века Н. И. Новосадским мысль о фракийском происхождении культа Кабиров и «священного языка» и, следовательно, о длительном и мощном воздействии, оказанном фракийской культурой на греческую в этой области, получила новое серьезное подтверждение.

Э. О. Берзин

Joan Liversidge. Furniture in Roman Britain. London, 1955. VIII + 76 стр. + 69 рис.

Хотя тема рецензируемой книги и не является очень широкой, но она затрагивает одну из сторон производства и культуры общества, существовавшего на крайней периферии античного рабовладельческого мира, там, где античная (римская) культура тесно сомкнулась с культурой местного варварского общества. И в этом плане относительно небольшая книга Дж. Ливерсидж для советского читателя представляет значительный и особый интерес, поскольку античные города Северного Причерноморья (не будучи римской провинцией) mutatis mutandis занимали подобное положение.

[5] Diod., V, 47.

[6] Hesych., s. v.

[7] Раскопки упомянутого выше древнего скального алтаря на Самофракии также показали большое сходство с фригийскими скальными алтарями, связанными с культом Великой матери богов Кибелы.

[8] G. Bonfante. Ук. соч., стр. 101—109.

В коротком предисловии проф. Дж. М. Тойнби, высоко оценивая труд автора, справедливо пишет, что книга может быть полезна как для археолога, так и для неспециалиста.

Работа написана на основании различного рода источников, о чем автор говорит во введении. Здесь использован оригинальный материал, добытый путем археологических раскопок и случайных находок на территории Британии, изображения мебели, главным образом на надгробиях, найденных в Йорке, Ланчестере, Честере, Корбридже, Саус Шилдсе. Среди исследователей до сего времени еще не установилось единого отношения в оценке изображений на надгробиях как исторического источника. Мы разделяем точку зрения автора, высказанную относительно надгробий римской Британии, о том, что сцены, изображаемые на рельефах, сложились ранее, но мебель на них повторяет современные надгробиям образцы. Это положение можно было бы проиллюстрировать и на примере боспорских надгробий I —II вв. н. э., мебель на которых не канонизирована, а достаточно разнообразна. Например, стулья и кресла имеют несколько типов и более трех десятков вариантов.

Автор приходит к выводу о том, что в западноримском мире существовало единство вкуса в мебели, и на этом основании он широко привлекает оригиналы и изображения предметов мебели римского времени с территории Галлии, Германии, Италии, иногда даже Египта и Ближнего Востока, а также некоторые свидетельства римских авторов с целью составить представление о меблировке типичного жилого помещения Британии римского периода. Отметим, что наиболее интересным является суммирование материалов, обнаруженных на территории собственно римской Британии, в том числе надгробий, относящихся в большинстве случаев ко II—III и даже IV в. н. э. Изложение ведется автором по видам предметов мебели.

На основании изображений на надгробиях выделяются два типа лож: со спинками и без спинок. Указывая, что ложа со спинками, подобные дивану, были римским нововведением, автор считает, что ложа с изогнутыми спинками отвечали особому вкусу романо-британцев. Спинки лож и бока их могли обиваться мягким материалом или кожей, примером чего может служить кусок кожи с позолоченным рисунком, найденный в Лондоне в 1954 г.

Стулья и кресла, как и ложа, характеризуются главным образом на основании изображений в камне. Главным типом стула или кресла для римской Британии автор считает плетеный стул, у которого закругленная немного спинка, сделанная вместе с боковыми сторонами, посажена на прямоугольную или полуцилиндрическую базу. Такие плетеные кресла имеются не только на британских надгробиях и терракотовых статуэтках Матери богов (вероятно, галльского происхождения), находимых на британских поселениях, но и на рельефах из Германии, Галлии и Италии. На основании находок в озерном поселении Гладстонбэри автор доказывает, что техника плетения из лозы была хорошо известна в Британии еще с эпохи бронзы. Трудно согласиться с предположением автора о том, что плетеные кресла были преимущественно принадлежностью женщин, сделанном на том основании, что в известных изображениях на таких креслах помещены женские фигуры. Подобным образом можно было бы считать, что боспорские кресла всех типов, изображаемых на надгробиях, принадлежали женщинам, поскольку на них восседают всегда женские фигуры. Существовали в Британии и неплетеные кресла с закругленной спинкой, а также кресла типа трона с прямыми ножками и спинкой, на котором восседает Мать богов (находка в Хаузстэд). В Британии, как и во всем римском мире, были кресла с точеными ножками, подобными изображенным на честерских надгробиях. Известные еще в династическом Египте, Греции V в. до н. э. и Риме складные стулья обнаружены в римской Британии. В этом отношении интересна находка остатков железного стула в одном из курганов Бартлоу (Кембриджшир) в начале XIX в., бронзового — в кургане у Холбороу (Медстоун) в 1953 г. и складывающегося пополам стула в Эссексе [1]. Складные стулья, у которых верхняя горизонтальная перекладина не сплошная, а состоит из двух отрезков, автор выделяет в особый вариант, характерный для Северо-Западной Европы. Следует заметить, что складные стулья подобного типа являются одним из характерных видов находок в погребениях первых столетий нашей эры на территории Болгарии [2].

После разбора стульев и кресел автор переходит к характеристике столов, причем неудачно объединяет в одну главу описание складных стульев и столов-треножников на основании некоторых общих элементов (оформление ножек в виде звериных лап, наличие складных металлических треножников).

Чрезвычайно интересны находки ножек и других фрагментов столов с тремя ножками из киммериджского сланца. Этот материал представляет собой специфику Британии; он применялся для различных целей еще с неолитического времени. Сравнивая головы грифонов на этих ножках с помпейскими и некоторыми другими образцами, автор указывает, что они выполнены в кельтском стиле (стр. 42). К сожалению, автор недостаточно подробно остановился на технике производства мебели из кеммериджского сланца. Подобные столики, по мнению автора, делались в Британии и из дерева, но их

---

[1] G. Richter. Ancient Furniture. Oxford, 1926, рис. 265.

[2] Т. Герасимов. Две новооткрити трако-римски колесници. ИБАИ, т. XII, 1938, рис. 180; Д. П. Димитров. Могилна гробна находка от с. Стралджа, Ямболско. ИБАИ, т. VII, 1932—1933, стр. 393, рис. 146; И. Белков. Новооткрити старини. ИБАИ, т. VII, 1932—1933, рис. 177, 182.

остатки не найдены. Поэтому приводятся примеры находок столов из Италии, Египта и Керчи, а затем анализируются столики, изображенные на британских надгробиях, причем утолщение перегиба ножек у ряда столиков отнесено за счет местной особенности (стр. 50). Заметим, что такое утолщение встречается нередко у столиков на надгробиях из прирейнских районов [3] и из Болгарии [4]. Нам представляется, что автор делает совершенно правильный вывод о том, что материал и качество выделки британских столов первых столетий нашей эры говорят о их местном производстве, но их форма и характер орнаментации корреспондируют с широко распространенным и долго жившим во всем римском мире типом (стр. 52).

Согласно автору, в Британии были и столы на одной ножке, а также четырехугольные, но следов последних не обнаружено, поскольку они применялись обычно на кухне и в мастерских.

В разделе о мягкой меблировке (стр. 53—57) приводятся главным образом сравнительные сведения о матрацах, подушках, драпри, занавесках, покрывалах, а также упоминаются небольшие остатки текстиля и кожи, найденные в Британии.

В последнем разделе работы (стр. 57—64) говорится о подножных скамеечках, канделябрах, ящиках и шкатулках. Автор отмечает, что скамеечки на британских рельефах изображались мало потому, что в Британии не были распространены высокие кресла, для которых они были нужны. Отсутствие скамеечек на галльских рельефах объясняется тем, что их популярность упала в провинциях в поздние годы римского времени (стр. 57). Этот тезис вызывает сомнение, поскольку на британских и галльских рельефах вообще меньше изображались стулья и кресла, т. е. отсутствие скамеечек на надгробиях может быть объяснено характером и содержанием изображений. Заметим, также, что автор иногда трактует как скамеечки базы статуй или рельефов (рис. 21, 25, 31). Канделябры в Британии находят редко. Интересен бронзовый канделябр из Йорка, найденный в 1876 г. Ящики были обычны, их изображение есть на двух рельефах. Металлические же части деревянных сундуков и шкатулок (обивка, ключи, замки, петли) часто встречаются при раскопках. К сожалению, в книге не даны рисунки этих фрагментов, кроме реконструкции деревянной шкатулки середины I в. н. э. из Саутон Даунхэм. О производстве деревянных шкафов и буфетов в Британии сведений нет. Их существование, как и солидных деревянных столов, скамеек и табуретов, можно только предполагать на основании изображений в других местах и сведений античных писателей.

Автор правильно связывает мебель различного качества и материала с социальной дифференциацией общества (стр. 64). Наиболее полный набор мебели и лучшие образцы ее могли находиться только в домах таких городов, как Лондон, Сильчестер, Дорчестер, или в богатых виллах землевладельцев Кента, Глостершира или Сомерсета. Наиболее дешевыми должны были быть плетеные стулья. Такие предметы, как шелковые подушки, бронзовые треножники, автор считает импортными. В заключение приводится описание найденного в 1930 г. у Симпельвельда и хранящегося в Лейденском музее саркофага конца II в. н. э., внутри которого высечены в рельефе основные предметы домашней мебели, и делается вывод о том, что связи между римской Британией и ее соседями на северо-западе Европы были очень большими, но и имело место развитие некоторых, хотя и слабых локальных вариантов в самой Британии; примером последнего могут служить различия в изображении мебели на честерских и иоркских рельефах.

Рецензируемая работа суммирует сведения о мебели римской Британии. Ценно то, что в ней отмечаются как общие для западноримской мебели черты, так и локальные, специфически британские. Не все выводы автора бесспорны, поскольку они часто основаны на аналогиях.

Источники для изучения мебели Британии времени римского владычества, происходящие с территории самой Британии, в целом немногочисленны. Поэтому автор совершенно закономерно использует материалы, происходящие прежде всего из ближайших западноевропейских районов, а также из Италии и даже из Египта и с Ближнего Востока. Но в работе совершенно не используются вполне доступные опубликованные материалы с территории Болгарии и Северного Причерноморья, прежде всего — изображения мебели на надгробных рельефах и в декоративной росписи склепов. Автор приводит только деревянную ножку столика из Пантикапея, хранящуюся в Британском музее, и упоминает о столике, найденном Г. Карейшей в 1842 г., и о металлической детали, хранящейся в Эрмитаже. Между тем, богатейший материал надгробных рельефов из Болгарии и Северного Причерноморья мог бы помочь автору выпуклее наметить как общие для всего периода черты, так и специфические западноевропейские и собственно британские.

В качестве примера приведем достаточно подробное описание автором трона Матери богов из Хаузстэда (стр. 22—23), без сравнения его с многочисленными изображениями трона с сидящей богиней на рельефах Боспора и Малой Азии. Желательно было бы в работе уделить большее внимание вопросам техники производства.

Н. И. Сокольский

---

[3] E. Esperandieu. Recueil général des bas-reliefs de la Gaule Romaine, т. VIII, Paris, 1922, №№ 6262, 6270.

[4] G. Mihallov. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, т. I. София, 1956, №№ 173, 178, 179, 181; Г. Кацаров. Антични пометници из България, ИБАИ, т. VIII, 1934, стр. 58, рис. 43.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ в 1956 г.

I. ГРЕЦИЯ

1. Афины и Аттика

За 1956 г. в художественной жизни Афин произошел ряд важных событий. Впервые после войны открылся Музей Акрополя. Новые залы — чернофигурной вазописи и вотивных рельефов — открыты в Афинском национальном музее. Открыт Музей Агоры, разместившийся в отстроенной заново Стое Аталла, восстановленной на античных фундаментах, со включением сохранившихся архитектурных фрагментов. Здесь сосредоточены выдающиеся памятники скульптуры, керамики и терракоты, открытые на территории Агоры во время проводившихся здесь более четверти века раскопок.

Раскопки здесь в основном завершены [1], участок Агоры превращен в своего рода открытый музей. Восстановлены скульптуры Гигантов и Тритонов, украшавших северный фасад Одеона Агриппы. В 1956 г. доследовался участок, находящийся за пределами Агоры, в районе между Ареопагом и Холмом Нимф. Здесь обнаружен перекресток дорог античного времени, главная из которых вела к городу через Пирейские ворота.

Интересна находка на этом участке остатков бронзолитейного производства IV в. до н. э. Обнаружена литейная яма (площадью 5 × × 1,70 *м* и глубиной 1,43 *м*), в которую вела узкая лестница. В яме найдено большое количество обломков литейной формы, предназначавшейся для отливки статуи женщины. Форма двуслойная, внутренний слой сделан из тщательно отмученной глины, внешний — из более грубой, с примесью песка. Толщина стенок формы —2—3 *см*. Литейная яма была заброшена в конце IV в. до н. э. когда ее перекрыли фундаменты жилого дома; найдены остатки его мозаичных полов, цистерна и колодец. Сохранились остатки жилищ последующих периодов; в III в. н. э. участок был занят большим домом, в котором найдены разнообразные инструменты, посуда и монеты. Погиб этот дом при нашествии герулов в 267 г. н. э.

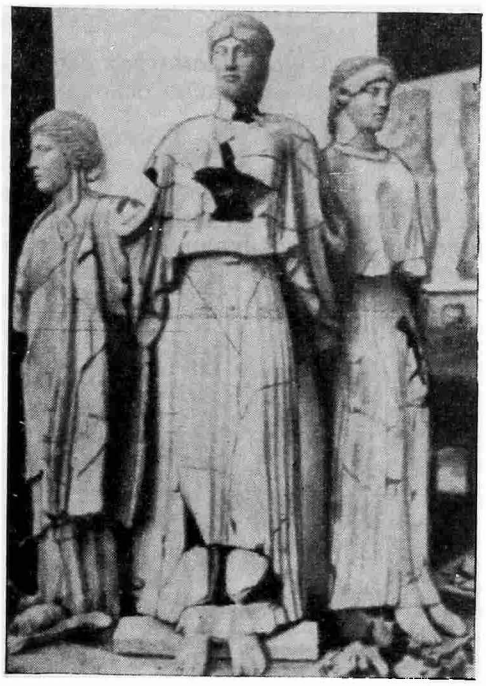


Рис. 1. Терракотовые статуи из раскопа близ Одеона Ирода Аттика (Афины)

Продолжались раскопки перед фасадом Одеона Ирода Аттика [2]. Обнаружена подпорная стена, укреплявшая площадку Одеона. Южнее участок был занят частными домами, наиболее ранние из которых датируются IV в. до н. э. Древнейшие керамические находки здесь относятся к микенскому времени; к геометрическому периоду относятся 10 могил, в которых найдено много целых ваз. В одном из колодцев, раскопанных на этом участке, найдены терракотовые статуи размером около половины натуральной величины (рис. 1). Две из них, середины V в. до н. э., сделаны в одной форме и изображают Ник; вниднмо, они являлись акротериями небольшого здания. Две другие датируются эллинистическим временем.

Севернее ограды храма Зевса Олимпийского открыты остатки стены классического времени, на постройку которой были использованы неоконченные барабаны поросовых колонн храма Зевса VI в. до н. э. [3].

В районе улицы Аристида продолжалось изучение городской стены, начатое еще до войны. Близ стены раскопаны дома позднеантичного времени; в стене одного из них найдена неоконченная статуя Диомеда, несущего Паладион.

Западнее Академии Платона, в окрестностях Афин, открыто несколько могил позднегеометрического времени; под ними обнаружен дом апсидальной формы, размером 8,50 × 4,50 *м*. Фундаменты его сложены из речных камней. Дом состоит из двух комнат и портика и датируется раннеэлладским временем.

В Элевсине [4] продолжались раскопки к западу от Больших Пропилей. Выяснено, что территория святилища не оканчивается Пританеем, но продолжается дальше, занимая весь участок между Акрополем и городскими стенами.

---

[1] H. A. Thompson. Activities in the Athenian Agora, 1956. Hesperia, 1957, т. XXVI, № 2, стр. 99 сл.

[2] E. Vanderpool. News Letter from Greece. AJA, 1957, т. 61, № 3, стр. 281 сл.

[3] Эти барабаны имеют на торцовых сторонах крестообразные надпилы. По мнению В. Д. Блаватского, эти надпилы предназначались для крепления барабанов при их перевозке или подъеме.

[4] E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 282.

На некрополе Элевсина[5] в последний раскопочный сезон обнаружено 86 новых погребений, из них 21 относится к догреческому периоду. Две камерные гробницы датируются позднеэлладским III периодом (около 1200—1150 гг. до н. э.). Одна из этих гробниц — детская, другая, с тремя захоронениями, была использована для вторичного погребения в геометрический период. Открыто также пять ящичных могил среднеэлладского времени (с несколькими последовательными погребениями в каждой) и расписной пифос с детским погребением того же времени.

Погребения позднейшего периода датируются от IX до IV в. до н. э. Особенно интересны два погребения с кремацией раннегеометрического времени, давшие интересные комплексы керамики. Среди многочисленных детских погребений интересен ларнак V в. до н. э. с большим количеством ваз и терракотой всадника.

Возобновлены работы в Браврone[6]. Юго-восточнее храма Артемиды начато исследование небольшой пещеры, которая, по мнению руководителя работ Пападимитриу, могла в древности считаться местом погребения Ифигении.

На акрополе Браврона обнаружено поселение среднеэлладского и позднеэлладского времени; дома, от которых сохранились остатки стен, располагались террасами на склонах холма. На восточных склонах акрополя обнаружен некрополь позднеэлладского времени.

В нескольких километрах севернее Браврона, близ побережья, открыт храм Артемиды Тавриполис. Найдено основание храма размером 21 × 14 *м*, построенное из хорошо отесанных блоков.

2. Пелопоннес

Чрезвычайно интересное открытие сделано на Истме, в районе Коринфского канала[7]. Здесь при инженерных работах обнаружен участок дороги, по которой в древности волоком перетаскивали через Истмийский перешеек корабли, — *диолкос*. Начало этой дороги было обнаружено ранее у Коринфского залива. В результате раскопок последних лет открыты значительные ее участки (рис. 2). Дорога образовывала изгибы, следуя рельефу местности; она достигает ширины 3,5—5 *м* и вымощена большими плитами известняка, на которых были устроены две параллельные колеи, идущие на расстоянии 1,5 *м* друг от друга. В месте крутого поворота дороги, где такие колеи не могли бы служить достаточно прочной опорой для катков, на которых перевозили корабли, они заменены невысокими (0,36 *м* — в центре, 0,10 *м* — на концах) каменными стенками, тянущимися на 30 *м*. В местах наиболее крутых поворотов, в частности около вышеуказанных стенок, на вымостке дороги обнаружены отдельные буквы, монограммы и другие знаки. Их считают своего рода сигнальными знаками, отмечающими опасные участки дороги. Эти буквы, по форме своей характерные для архаического коринфского алфавита, позволяют датировать сооружение концом VII — началом VI в. до н. э.

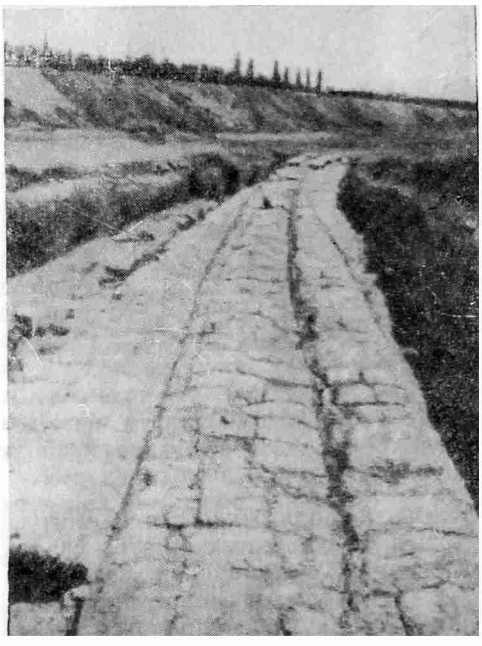


Рис. 2. Дорога через Истмийский перешеек

В Лерне[8] при раскопках неолитического поселения выявлены два периода его существования. Интересны остатки домов второго периода. Дома прямоугольные, состоят из ряда небольших помещений; фундаменты сложены из кусков красной брекчии на глиняной основе и отличаются большой прочностью; полы земляные, утрамбованные.

Наряду с многочисленными находками керамики и каменных орудий найдена глиняная статуэтка размером 0,18 *м*, представляющая собой женскую фигуру со сложенными на груди руками (рис. 3)[9]. К раннеэлладскому времени относится ряд фундаментов монументальных зданий. Раскопки 1956 г. подтвердили отмечавшееся ранее резкое деление раннеэлладского поселения в Лерне на два периода; границей явилась какая-то катастрофа, приведшая к разрушению

[5] G. E. Mylonas. Excavations at Eleusis, 1956. Archaeology, 1957, т. 10, № 1, стр. 66, 67.

[6] E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 282.

[7] N. M. Verdelis. Uncovering the 2550-Year-Old Diolcos of Periander. ILN, 1957, № 6176, стр. 649—651.

[8] J. L. Caskey. Excavations at Lerna, 1956. Hesperia, 1957, т. XXVI, № 2, стр. 142—162.

[9] J. L. Caskey. M. Eliot. A Neolithic Figurine from Lerna. Hesperia, 1956, т. XXV, № 3, стр. 175—177.

монументальных зданий. Судя по полному изменению характера керамики и строительных остатков (дома становятся проще и значительно меньше по размерам), в этот период здесь происходит смена населения.

В Спарте открылись залы музея, в которых выставлен ряд первоклассных памятников скульптуры и вазописи.

В Амиклах[10] случайно был открыт большой вотивный комплекс, включающий тысячи ваз, терракот и металлических изделий. Датируются они от геометрического периода до эллинистического; преобладают памятники эпохи архаики. Из числа последних следует упомянуть терракотовые рельефы с изображениями на различные сюжеты: героизированный умерший, воины, всадники и пр.

В Пилосе[11] в 1956 г. раскопки велись в двух частях дворца — в западном углу, в районе так называемого Старого дворца, и в восточном, близ Пропилей. Старый дворец, сооружение которого предшествовало созданию главного дворцового комплекса, частично был уже раскопан раньше; доследован мегарон. К северо-западу от него в 1956 г. раскопан комплекс хозяйственных помещений, состоящий из системы коридоров и небольших комнат. Одна из этих комнат, с остатками штукового пола и водостоком, возможно, являлась ванной. Близ входа в эту часть Старого дворца открыты ступени лестницы, ведшей на второй этаж. Исследован также двор, отделяющий Старый дворец от главного комплекса. Здесь, как и в ряде других мест, обнаружен темный маслянистый слой почвы, перекрывающий руины дворца. Этот слой связывают с работой пресса по изготовлению оливкового масла, существовавшего на территории дворца в позднегеометрический период.

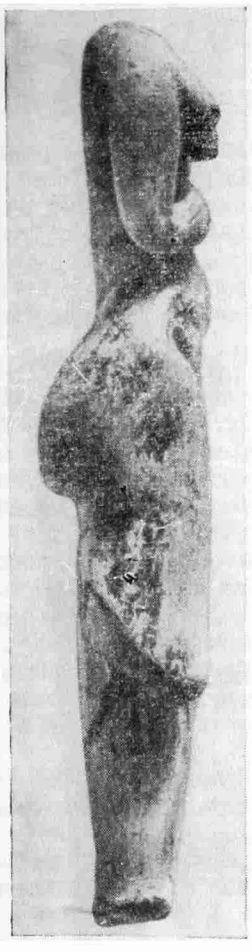


Рис. 3. Неолитическая статуэтка из Лерны

В восточной части дворца открыты интересные помещения, группирующиеся вокруг большого зала, почти квадратного в плане (размером 6,12 × 6,53 *м*). В центре зала найден круглый очаг, аналогичный очагу в большом мегароне дворца. Он также сделан из глины, покрыт штуком и украшен росписью, воспроизводящей языки пламени. Над очагом, видимо, был устроен вертикальный дымоход из керамических труб. На полу зала найдены фрагменты этих труб и нескольких сосудов. В восточной части дворца раскопан еще ряд коридоров и небольших помещений. Интересны две небольшие комнаты, разделенные узким коридорчиком, расположенные к юго-востоку от мегарона. Частично сохранилась роспись штуковых полов. Полы разделены на квадраты (размером около 0,35 × 0,35 *м*), крайние из которых украшены разнообразными орнаментами, а центральные — изображениями спрутов и рыб (рис. 4). Одно из помещений, видимо, служило ванной комнатой; здесь обнаружен водосток, идущий

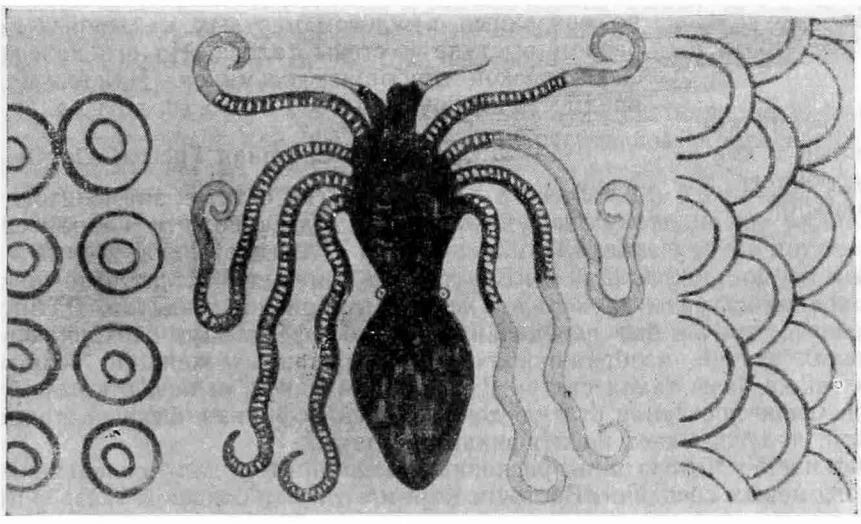


Рис. 4. Деталь росписи штукового пола из дворца в Пилосе

[10] E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 283.

[11] C. W. Blegen. The Palace of Nestor Excavations of 1956. AJA, 1957, т. 61, № 2, стр 129—135.

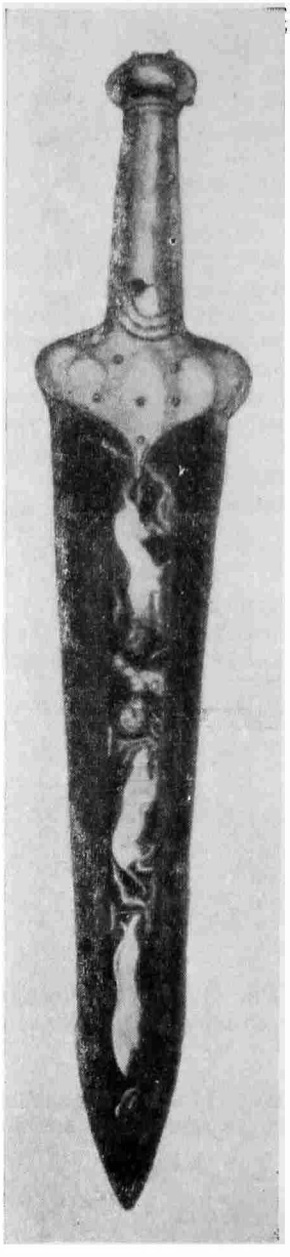


Рис. 5. Микенский инкрустированный кинжал из гробницы в Мирсинохори

под полом, и большое количество ваз со стремяобразными ручками. Весь этот комплекс, дополняющийся закрытым мощеным штуком двором, смежным с мегароном, определяется авторами раскопок как помещения, предназначавшиеся для царицы.

В восточной части дворца, ближе к Пропилеям, раскопан также коридор с лестницей, ведшей на верхний этаж, и примыкающее к нему помещение, где найдено несколько небольших, частично обработанных блоков пороса. Предполагают, что тут была мастерская.

Кроме завершения изучения собственно дворца, продолжалось исследование прилегающего к нему района города. На склоне небольшого холма в 150 *м* от дворца открыт городской некрополь.

Важные открытия сделаны при изучении микенских толосов, в довольно большом количестве расположенных в районе Пилоса. В большинстве своем эти толосы были ограблены еще в древности. Однако в 1956 г. проф. С. Маринатос открыл близ с. Мирсинохори [12] к северо-востоку от Пилоса две гробницы, одна из которых, разрушившаяся вскоре после сооружения, благодаря этому оказалась неразграбленной. Толос этот, диаметром около 5 *м*, отличается интересной конструкцией; в полу его устроены две выемки, в которых находились основные захоронения. В одной обнаружен костяк молодой девушки с бусами. Во второй могиле, перекрытой тяжелыми плитами, открыты скелеты трех или четырех человек, причем только верхний находился in situ. При нем найдены три бронзовых кинжала, из которых два инкрустированы золотом и серебром; на одном изображены морские моллюски, на другом — хищные животные (рис. 5); найдено маленькое зеркало, много золотых розеток, украшавших ножны кинжалов, и большое ожерелье из крупных янтарных бус. Среди немногочисленных вещей, принадлежащих более ранним захоронениям этой могилы, следует отметить ряд гемм; особенно интересна одна, с изображением сцены ловли дикого быка. Кроме погребений в дне толоса, на полу его обнаружено еще одно погребение (очевидно, последнее по времени). При нем найдено бронзовое зеркало с резной ручкой из слоновой кости, ряд гемм из агата, сардоникса и лапис-лазури, золотые печати, несколько бронзовых мечей и кинжалов и бронзовый предмет в форме рогатины. В толосе найдено также несколько десятков ваз, часть из которых происходит с о. Крита. Интересен небольшой жертвенный столик, очевидно, связанный с культом мертвых, найденный на скамьеобразном выступе у стены толоса. На его поверхности красной краской изображен осьминог. Найденные в толосе предметы датируются 1500—1425 гг. до н. э.

3. Средняя и Северная Греция. Острова

В Авлиде [13] открыты остатки знаменитого храма Артемиды, упоминаемого Павсанием; он находится на берегу залива Mikro Vathy. Храм необычной формы, без колоннады, длинный и узкий (30 × 10,5 *м*). Внутреннее помещение делится на портик, целлу, в которой сохранились базы двух рядов ионийских колонн, и адитон. Датируется храм V в. до н. э., но внутри он был переделан в римское время. При раскопках найдено несколько римских статуй, изображающих задрапированных женщин, возможно, жриц Артемиды, а также базы таких статуй. Надпись на одной из баз, в которой говорится, что Мнасон и Афено поставили статую дочери своей Зофирине, бывшей жрицей Артемиды Авлической, подтверждает идентификацию храма.

В Кабирионе [14], близ Фив, раскопки, предпринятые для доследования святилища, дали много новых сведений. Восточнее храма открыт большой театр римского времени. Южнее храма открыта стоя, протяженностью в 50 *м*.

В местечке Иолкос [15], на северо-западной окраине г. Воло (восточное побережье Фессалии), открыты памятники начиная с раннего бронзового века. Наиболее значи-

[12] S. Marinatos. Excavations near Pylos, 1956. Antiquity, 1957, № 122, стр. 97—100; его же. A Magnificent Find of Homeric Gold and Gems from an Unplundered Tomb at Nestor's Pylos. ILN, 1957, № 6148, стр. 540—543.

[13] E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 283—284; см. также «Excavations Where Iphigeneia Died». ILN, 1956, № 6124, стр. 669.

[14] E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 284.

[15] Там же.

тельны остатки дворца микенского времени, с массивными стенами и большими помещениями со штуковыми полами. Дворец погиб от пожара, его руины перекрыты слоями протогеометрического и геометрического периодов.

Следы древнейшей культуры, еще не знакомой с употреблением керамики, открыты в районе г. Ларриссы [16].

В Македонии, в Палатице, близ г. Верриа [17], раскапывается большой дворец римского времени, с перистильным двором, окруженным с четырех сторон колоннадой по 16 колонн с каждой стороны. Вокруг двора располагаются помещения различной величины. В одном из них найдена исполненная из речной гальки орнаментальная мозаика.

На о. Андросе [18] велись работы в Палайополисе, в месте, где в 1832 г. найдена статуя Гермеса. Как выяснено в результате раскопок, здесь находилась древняя агора. Обнаружена стоя (50 × 15 *м*), образовывавшая северную сторону агоры. Перед стоей найдены базы статуй.

Интересное открытие сделано итальянской экспедицией на о. Лемносе [19], ведущей с 1951 г. раскопки в Полиохни, у залива Вроскапо, на восточном берегу острова. Здесь в эпоху неолита было поселение, превратившееся во второй половине III тысячелетия до н. э. в окруженный мощными стенами большой город с многокомнатными домами, благоустроенными улицами, общественными колодцами и канализационной системой. По времени этот город соответствует Трое II, но вдвое превышает ее по размерам. Подробно исследован один из городских кварталов; в восточной его части открыт большой дом с рядом помещений вокруг центрального двора. Другой, меньший по размерам дом, в западной части квартала, не отличался столь четким планом. В маленьком помещении здесь найден клад золотых вещей, отдельные предметы которого находят ближайшие аналогии в так называемом «сокровище Приама» из Трои. Следует отметить золотую булавку, украшенную изображениями двух животных, серьги с подвесками, особенно близкие троянским, бусы, браслеты и пр. Судя по данным раскопок, этот город погиб около 2300 г. до н. э. в результате землетрясения. Жизнь на этом месте продолжалась, но в гораздо более скромных масштабах.

На Крите [20] французская экспедиция продолжила изучение района Маллии. Открыты остатки стен вдоль берега моря, у подножья которых найдены могилы позднеримского времени, перекрытые черепицей. В 100 *м* северо-восточнее стены обнаружены остатки дома среднеминойского I периода. В одном из его помещений найдены пифосы, среди которых один выделяется своим необычным для Маллии расписным орнаментом. В том же помещении найдены фрагменты штукатурки с росписью темно-красной и белой красками. В другом помещении, в которое вела лесенка из четырех ступеней, в нише в стене найдено много кухонной посуды. Следует отметить найденную при раскопках севернее Хризолаккос вазу среднеминойского периода с иероглифической надписью [21].

II. ИТАЛИЯ

1. Центральная и Южная Италия

В Риме [22] продолжаются небольшие раскопки на Форуме в районе Черного Камня (Lapis Niger). Юго-западнее Дома Ливии, в здании первой половины I в. до н. э., обнаружены фрагменты стенных росписей второго помпеянского стиля.

В районе Лауренциума, вдоль Виа Севериана, исследуется вилла, возможно, принадлежавшая Плинию Младшему.

В вилле Адриана в Тибуре (Тиволи) [23] произведена реставрация района Канопа. Наполнен водой канал перед Серапейумом; вокруг него в восстановленнсй колоннаде размещены слепки с найденных здесь скульптур.

Интересное открытие сделано осенью 1957 г. в местечке Сперлонга [24], на побережье между Террачина и Гаэта, где в античное время находилась вилла Тиберия. Здесь, в гроте-нимфеуме, обнаружено много (свыше 1200) фрагментов античной скульптуры, в том числе рука и нога колоссальной (около 6 *м* высоты) статуи. Среди фрагментов найдена надпись с именами трех знаменитых родосских скульпторов — авторов статуи Лаокоона — Афинодора, Полидора и Агесандра. Это обстоятельство, а также

---

[16] E. Vanderpool. Ук. соч., стр. 285.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] L. B. Brea. A Gold Treasure Comparable with the «Great Treasure» of Troy. a Remarkable Discovery from a 4500-Year-Old Site on the Isle of Lemnos. ILN, 1957, № 6165, стр. 197—199.

[20] H. Van Effenterre. Un voyage archéologique en Crète. RA, 1957, т. XLIX, № 1, стр. 10—19.

[21] Его же. Découvertes en Crète: sur un pot du «type de Chamaizi» avec inscription hiéroglyphique. RA, 1957, т. XLIX, № 2, стр. 205—208.

[22] A. Van Buren. News Letter from Rome. AJA, 1957, т. 61, № 4, стр. 375 сл.

[23] Uncovering and Restoring the Splendours of Hadrian's Imperial Villa at Tivoli. ILN, 1957, № 6174, стр. 552—553.

[24] An Immense Find of Greek Statuary Perhaps by the Sculptors of Laocoon. ILN, 1957, № 6177, стр. 710—711.

большая стилистическая близость найденных фрагментов к статуе Лаокоона позволили итальянским археологам предположить, что в гроте Сперлонга обнаружен оригинал знаменитой ватиканской статуи [25]. Однако более внимательное изучение этой находки заставило их отказаться от первоначального мнения, так как среди найденных в гроте Сперлонга фрагментов нет таких, которые могли бы быть полностью отождествлены со статуей Лаокоона. По мнению итальянского археолога проф. Якопи, мы здесь имеем дело с целой серией скульптурных групп, изображающих различные эпизоды мифа о Троянской войне. Авторами их могли быть Афинодор, Полидор и Агесандр. Дальнейшее исследование этих скульптур обещает дать интересные результаты.

При реставрации раскопанной несколько лет назад виллы в Минори, на побережье Амалфи, открыты еще два здания [26], одно из которых, очевидно, было нимфеумом. На стенах их сохранились остатки росписей, исполненных в третьем помпеянском стиле.

В Фратте ди Салерно [27], на акрополе этрусско-кампанского поселения, открыты архитектурные терракоты раннеэллинистического времени, в том числе интересный фрагмент коньковой черепицы, завершающейся диском с рельефным изображением сцены борьбы Геракла с немейским львом. У подножья акрополя найден некрополь того же времени; в могилах, воспроизводящих форму прямоугольных домов с двускатной крышей, найдено много краснофигурных ваз второй половины IV в. до н. э.

В Сала Консилина [28] продолжаются раскопки некрополя VIII—VII вв. до н. э. Открыты также погребения архаического периода с большим количеством расписной керамики.

В Падуле [29] (древнем Консилиуме) открыта группа монументальных зданий, определяемых как святилище Асклепия эллинистическо-римского времени; при святилище, видимо, существовала и лечебница. Найдены фрагменты стел и скульптур, вотивный алтарь с посвятительной надписью Асклепию.

Продолжаются раскопки в Велии [30], где открыты фундаменты храма на акрополе и части ионийских карнизов, украшавших его. В восточном конце акрополя найдена часть стены, сложенной из блоков песчаника, служившей оградой священного участка. Здесь найдена мраморная база статуи I в. н. э. с надписью, указывающей, что сенат и народ Велии поставили ее в честь Ц. Юлия Назона.

Западнее храма обнаружена часть полигональной стены, относящейся, вероятно, к архаическому храму времени основания города фокейцами.

Германская археологическая школа в Риме начала раскопки городища на мысе Палинурус [31]. Открыт акрополь с остатками многочисленных домов и участок городской стены, построенной из блоков песчаника и известняка. Продолжаются раскопки на архаическом некрополе, давшие многочисленные образцы привозной греческой керамики и ее местной имитации.

В Мандурии (провинция Таранто) [32] открыт значительный участок античных городских стен. Различаются три ряда стен последовательных периодов; наиболее хорошо сохранилась внешняя, позднейшая стена, датирующаяся III в. до н. э. Она построена из больших блоков, имеет около 5 *м* в ширину, в некоторых местах сохранилась на высоту 6 *м*. Выявлены также ворота, относящиеся к древнейшей стене, но функционировавшие и в позднейшее время.

В результате использования аэрофотосъемки удалось определить местонахождение города Арпи [33] — греческой колонии Аргос Гиппион, — расположенного в центре Апулии. Городище окружено валом, в настоящее время распаханным. На аэрофотоснимках ясно видны также следы городских улиц и расходящихся в разных направлениях от города дорог. Обследование этого участка дало фрагменты керамики V в. до н. э.

2. Северная Италия

Метод аэрофотосъемки широко применяется и в археологии Этрурии [34]. В сочетании с новым методом использования перископа аэрофотосъемка дала хорошие результаты при изучении этрусских некрополей [35].

---

[25] Краткая заметка об этом открытии была опубликована в «Правде» от 2 октября 1957 г. (№ 275).

[26] Van Buren. Ук. соч., стр. 376, 377.

[27] Там же, стр. 377.

[28] Там же, стр. 377, 378.

[29] Там же, стр. 378.

[30] P. C. Sestieri. Greek Elea-Roman Velia. Archaeology, 1957, т. 10, № 1, стр. 2—10; Van Buren. Ук. соч., стр. 378, 379.

[31] Van Buren. Ук. соч., стр. 379.

[32] Там же.

[33] J. Bradford. The Ancient City of Arpi in Apulia. Antiquity, 1957, № 123, стр. 167—169.

[34] J. B. Perkins. Recording the Face of Ancient Etruria before Modern Agricultural Methods Destroy the Traces, ILN, 1957, № 6153, стр. 774, 775.

[35] J. Bradford. Getting the «Inside Information» of an Unopened Tomb: Exploring an Etruscan Necropolis without Excavation by Means of «Periscope Photography». ILN. 1957, № 6147, стр. 506—507.

В Сан Джиовенале[36], близ Блеры, начато изучение акрополя древнего города. К востоку от него открыта высеченная в скале пещера, служившая жилищем еще в период Виллановы. В окружающем город некрополе обнаружены погребения времени Виллановы и этрусские камерные гробницы. В последних, наряду с керамикой типа буккеро, найдены коринфские и аттические вазы и подражающая им этрусская керамика.

Раскопки некрополей ранних периодов продолжаются также в ряде мест Северной Италии[37].

Успешно ведутся раскопки некрополя города Спины, на оз. Коммаккьо. Одной из интереснейших находок последнего сезона явился собранный из многочисленных обломков великолепный краснофигурный килик с изображением подвигов Тезея[38]; его относят к кругу мастера Пентесилеи и датируют временем около 460 г. до н. э. Диаметр этой уникальной вазы — 55 *см*. Применение аэрофотосъемки позволило определить место и общий план города, расположенного на каналах[39], который может быть Спиной или же Portus Vatrenus, упоминаемым Плинием (NH, III, 119, 120).

3. Сицилия

В Мегарах Гиблейских[40] раскопки открыли новые участки эллинистических стен, примыкающих к главным воротам. Уточнена их дата — II в. до н. э. Расчищена улица, ведущая к воротам, вдоль которой проходит водосток. В северо-западном углу крепости открыт участок архаической стены.

В Рагузе[41], древнем Герайоне Гиблейском, продолжено исследование некрополя. Открыто 75 могил различных типов, в которых найдены позднекоринфская и чернофигурная аттическая керамика, серебряные украшения, терракоты. Некрополь, несомненно греческий по типу погребений и находкам, датируется второй половиной VI в. до н. э.

Наиболее интересные результаты дали раскопки последних лет в Геле (Южная Сицилия)[42]. Здесь, на Capo Sprogano, раскопки последних лет обнаружили монументальные крепостные стены, достигающие местами многометровой высоты. Они сооружены из сырцовых кирпичей на мощном каменном основании и являются одним из наиболее хорошо сохранившихся образцов греческого фортификационного искусства. Дата их — вторая половина IV в. до н. э.

Значительные результаты дали также раскопки городских кварталов. Восточнее музея обнаружен ряд жилых домов, расположенных террасами. Датируются они временем Тимолеона, т. е. 339—315 гг. до н. э. При постройке их были использованы остатки зданий, разрушенных карфагенянами в 405 г. до н. э. В слое V в. до н. э. найдено много архитектурных терракот и статуэток. Ниже классического слоя обнаружены остатки сооружений архаического времени, под которыми находится слой первого сикульского периода.

В районе железнодорожной станции, видимо, находилось небольшое загородное святилище. Среди остатков архитектурных украшений, связанных с ним, выделяется большой фронтонный антефикс с горгонейоном. В этом же районе найден клад монет Гелы, Агригента, Сиракуз, Мессены, Афин и пр., насчитывающий 927 экземпляров, датирующихся от VI в. до н. э. до 480 г. до н. э.

Раскопки севернее и северо-западнее Гелы обнаружили существование в этом районе большого числа укрепленных поселений местных жителей, главным образом архаического периода. Они найдены около Кальтанисетты, в Вассаладжи и других местах. Образцом их служит открытое на горе Буббониа поселение со стенами архаического периода. Найдено две печи для обжига терракот, интересный антефикс с Горгонейоном. В могилах некрополя этого поселения обнаружено большое количество керамики и терракот второй половины VI в. до н. э. как греческих, так и местных. Найденный материал указывает на раннее проникновение в местную среду греческого влияния.

В 1955—1956 гг. производились раскопки в центре Сицилии, близ современного города Серра Орландо[43]. Здесь находился в античное время большой и богатый город, расцвет которого падает на III в. до н. э. Раскопками исследован участок агоры, располагавшейся на холме и занимавшей площадь 250 × 150 *м*. На восточном склоне холма обнаружено необычное сооружение — ступенчатая конструкция из 13—15 ступеней, образующая как бы три стороны неправильного многоугольника. Ступени сложены из тщательно пригнанных плит известняка. В северо-западном углу проходил закрытый

---

[36] Van Buren. Ук. соч., стр. 380.

[37] Там же, стр. 380, 381.

[38] ILN, 1957, № 6135, стр. 37.

[39] Spina Discovered from the Air. ILN, 1956, № 6131, стр. 998.

[40] Van Buren. Ук. соч., стр. 383.

[41] Там же, стр. 383, 384.

[42] D. Adamesteanu. Nouvelles fouilles à Géla et dans l'arriéré pays. RA, 1957, т. XLIX. № 1, стр. 20—42; № 2, стр. 147—180; его же. New Light on Classic Greek Military Architecture: the Great Wall of Gela and Other Discoveries at the Ancient Greek Colony in Sicily. ILN, 1957, № 6138, стр. 154, 155; Van Buren. Ук. соч., стр. 384, 385.

[43] R. Stillwell, E. Sjöqvist. Excavations at Serra Orlando, Preliminary Report. AJA, 1957, т. 61, № 2, стр. 151—159.

водосток. Судя по незаконченному характеру боковых сторон этого сооружения, оно не было полностью завершено. Датируется оно по найденным здесь монетам концом IV— началом III в. до н. э. Считают, что оно предназначалось для народных собраний, а позже использовалось как лестница, соединявшая верхнюю площадку агоры с нижней.

На агоре открыты остатки подпорных стен, укрепленных контрфорсами. В западной части террасы обнаружено здание, разделенное на три помещения. За ним расположен ряд больших лавок с портиками, функционировавших, судя по найденному здесь материалу, еще в I в. до н. э.

Рис. 6. Алтарь на агоре в Серра-Орландо

В центре агоры открыт небольшой изолированный рыночный комплекс II—I вв. до н. э. Он состоит из прямоугольного двора, окруженного портиками; с двух сторон в портиках расположены лавки. Этот рынок включал в себя святилище более раннего времени с алтарем, к которому ведут четыре ступени (рис. 6).

На нижней террасе агоры, к юго-востоку от ступенчатого сооружения, обнаружен комплекс помещений, в одном из которых открыта гончарная печь и большое количество (около 500) круглых плоских глиняных светильников эллинистического типа и статуэток. Предполагают, что тут была мастерская по их изготовлению.

К северо-востоку от агоры найдена эллинистическая вилла с перистильным двориком. В некоторых ее помещениях сохранились мозаичные полы и стены, расписанные в инкрустационном стиле.

Хорошо сохранились оборонительные стены города, открытые на протяжении 150 *м*. Стены имеют два панциря с забутовкой из щебня и достигают толщины 3,5 *м*. Датируются они, вероятно, тем же временем, что и основные сооружения агоры, т. е. концом IV, а может быть, началом III в. до н. э.

Следует отметить большую печь для обжига кирпичей, найденную за пределами городских стен. Полуциркульные арки, сложенные из кирпичей, поддерживали под печи; по сторонам ее находились два подсобных помещения, частично вырубленные в скале. Судя по находкам, в этой печи обжигали черепицу, части водопровода и кирпичи тех же типов, что найденные при раскопках, причем емкость печи достигала 6000 кирпичей. Дата печи — также конец IV—III в. до н. э.

Начато исследование некрополя того же периода, расположенного западнее античного города.

III. СЕВЕРНАЯ АФРИКА

В Кирене[44] велись раскопки римского театра в центре города, построенного после землетрясения 365 г. Под полом его обнаружены субструкции рыночной площади времени Северов с мраморным полом. Против примыкавшей к рынку лестницы, ведшей в верхнюю часть города, обнаружены остатки больших пропилеев римского времени, рухнувших при землетрясении; найдены три блока архитрава, времени Северов, со скульптурным фризом, изображающим борьбу всадников и пеших воинов.

Производились также раскопки большой христианской церкви в восточной части города, построенной в середине V в. В восточной апсиде найдено пять ранневизантийских мозаик с изображением сельскохозяйственных сцен и животных.

IV. МАЛАЯ АЗИЯ

В Ксанфе[45], где работают французские археологи, раскапываются районы акрополя, агоры и восточного некрополя. Древнейшие слои, вскрытые в районе акрополя, относятся к VII—VI вв. до н. э. В них обнаружены развалы фундаментов многокомнатного здания; среди керамических находок есть фрагменты субгеометрические и восточноионийские. После гибели этого здания от пожара на том же месте возник дворец конца VI — начала V в. до н. э., т. е. времени расцвета города. К этому периоду относится большой комплекс аттической чернофигурной керамики, обнаруженный у подножья подпорной стены восточной стороны акрополя. Классические и эллинистические слои в этом районе совершенно разрушены. В верхних слоях сохранились остатки позднеримского дома IV—V вв. н. э. с мозаиками, среди которых особенно интересна мозаика с изображением Фетиды, погружающей младенца Ахилла в воды Стикса.

[44] R. G. Goodchild. The Discovery of a Huge Imperial Frieze, Unseen Since A. D. 365, at Cyrene. ILN, 1957, № 6142, стр. 303—305.

[45] M. Mellink. Archaeology in Asia Minor. AJA, 1955, т. 59, № 3, стр. 235 и сл.; 1956, т. 60, № 4, стр. 377.

В районе римской агоры, расположенной к северу от акрополя, раскопан театр II в. н. э. Изучены памятники раннего некрополя, находившиеся на этой территории и сохраненные при создании агоры, в том числе знаменитый памятник Гарпий (найдены фрагменты, относящиеся к его фризу). Обнаружены также другие памятники скульптуры, в частности скульптурный фриз с военными сценами, украшавший столб с ликийской надписью последней трети IV в. до н. э., находящийся в северном углу агоры.

Изучались также памятники восточного некрополя Ксанфа, где открыты высеченные в скалах камерные гробницы. Доследовался в целях новой публикации памятник Нереид.

Раскопки главных центров Памфилии — Перги и Сиды — ведутся Турецким Историческим обществом и филологическим факультетом Стамбульского университета.

В Перге[46] раскопан большой двор, необычной овальной формы, примыкающий к городским воротам. Он построен в эпоху эллинизма, а в римское время обнесен колоннадой и украшен многочисленными статуями: найдено много обломков статуй и их баз с надписями, в том числе статуи Плавкии Магны, ее отца и брата, иждивением которых были совершены эти перестройки. Двор завершался монументальной двухъярусной аркой, украшенной статуями императоров Нервы, Траяна и Адриана, а также Матидии, Марцианы и Плотины. Время сооружения арки определяется промежутком между годами смерти Траяна — 117 г. н. э. и Плотины — 121—122 гг. н. э.

За аркой выявлена мощеная улица, шириной до 20 *м*, с водостоком, проходящим по середине мостовой; улица с обеих сторон обрамлена ионийской колоннадой, за которой находились помещения лавок.

В Сиде, главной гавани Памфилии, раскопки производились в городе и некрополе[47]. Открыты городские ворота эллинистического времени, за которыми, как и в Перге, находился полукруглый двор, в III в. н. э. обстроенный колоннадой и украшенный статуями в нишах. В районе агоры выявлено большое здание с окруженным колоннадой двором и тремя залами по его сторонам; как предполагают, это здание предназначалось для культа императора. Раскапывался также театр римского времени.

Вне городских стен, перед воротами, обнаружен большой нимфейон, с трехэтажным фасадом. В 1955 г. здесь найдены три статуи Ник больше натуральной величины.

Продолжаются раскопки Милета[48], начатые еще в 1938 г. Изучается поселение микенского времени в районе храма Афины. Обнаружено три слоя со строительными остатками. Поселение возникло в середине II тысячелетия до н. э. Наиболее интересен дом первого слоя, позднеэлладских I—II периодов, со стенами около 1 *м* толщиной; остатки сооружений второго и третьего слоев относятся к позднеэлладскому III периоду. Обнаружена прямоугольная постройка из сырцового кирпича с сильно обгоревшими стенами, относящаяся к концу микенского времени. Возможно, это керамическая печь.

В районе агоры найдено много фрагментов керамики геометрического времени, отличающейся своеобразным орнаментом; многие фрагменты имеют следы огня. При небольших раскопках внутри храма Афины найден ряд вещей архаического времени, в том числе три протомы грифонов и бронзовая подставка в виде львиной лапы.

В Эфесе[49] раскопки ведет Австрийский Археологический институт. Раскопаны бани византийского времени, с большими сводчатыми и купольными парадными залами; собственно банные помещения, состоящие только из теплой и горячей бань, занимают сравнительно небольшую часть здания.

Раскапывались также термы, построенные в I или II в. н. э. и переделанные в IV в. н. э. женщиной по имени Схоластика. Выявлен их южный фасад и подвальные помещения; мраморная лестница в девять ступеней ведет с улицы прямо на второй этаж, в большой центральный зал терм. Здесь найдено много скульптур, среди них — статуя самой Схоластики (теперь восстановленная на своей базе в центральном зале). Предполагают, что это были специальные женские, может быть, лечебные, бани.

В седловине, между двумя холмами, на которых расположен город, раскапывается участок Пританея; обнаружена часть святилища Гестии Булейи с алтарем, на котором горел священный огонь; к святилищу примыкает квадратный двор, окруженный колоннадой ионийского ордера; в центре его находилась статуя Артемиды Эфесской, вдвое больше натуральной величины. Восточнее раскопан другой двор, также с ионийской колоннадой; он почти целиком занят алтарем (размером 13 × 15 *м*), служившим для публичных жертвоприношений. Найденная надпись подтверждает, что весь этот район был занят Пританеем и, следовательно, являлся политическим центром города эллинистического времени. Комплекс святилища Гестии датируется раннеавгустовским временем.

Интересные результаты дали раскопки в Кларусе (Колофоне)[50]. Здесь раскапывается святилище Аполлона с большим дорическим храмом, начатым в III в. до н. э.

---

[46] M. Mellink. Ук. соч., AJA, 1955, т. 59, № 3, стр. 237; 1956, т. 60, № 4, стр. 379; 1958, т. 62, № 1, стр. 98.

[47] M. Mellink. Ук. соч., AJA, 1955, т. 59, № 3, стр. 237—238; 1956, т. 60, № 4, стр. 379; 1958, т. 62, № 1, стр. 98.

[48] M. Mellink. Ук. соч., AJA, 1956, т. 60, № 4, стр. 379—381.

[49] M. Mellink. Ук. соч., AJA, 1956, т. 60, № 4, стр. 382; 1958, т. 62, № 1, стр. 99, 100.

[50] M. Mellink. Ук. соч., AJA, 1955, т. 59, № 3, стр. 236, 237; 1956, т. 60, № 4, стр. 381, 382; 1958, т. 62, № 1, стр. 98, 99.

и законченным при императоре Адриане. Внутри храма найдены остатки постамента культовой статуи Аполлона и фрагменты самой колоссальной статуи. Бог был изображен сидящим, с лавровой ветвью в правой руке, как это видно на монетах Колофона августовского времени. О размерах статуи можно судить по тому, что длина правой руки, обнаруженной при раскопках, равна 3,45 *м*.

Наиболее интересно открытие в храме подземного святилища с оракулом. Две лестницы спускаются под пол пронаоса и соединяются в узкий извилистый коридор, длиной около 30 *м*, ведущий к двум помещениям со сводчатыми покрытиями; оракул помещался во втором, дальнем помещении; здесь же найден неглубокий колодец, доставлявший священную воду для оракула. В этих подземных святилищах найдено большое количество фрагментов статуй.

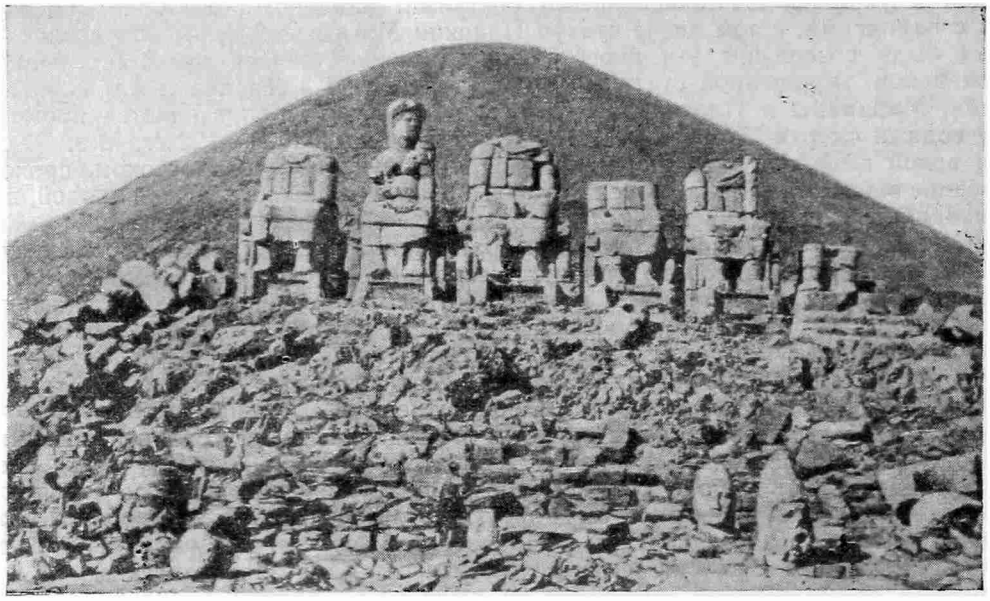


Рис. 7. Статуя и святилища Антиоха в Немруд-Даге

Немецкие археологи предприняли в 1957 г. раскопки святилища Посейдона в Паниониона[51] на мысе Микале, южнее Эфеса, в свое время исследованного Т. Вигандом[52]. Изучены открытые Вигандом ступени, которые он считал остатками театра или булевтерия. 10 узких ступеней высечены в скале, на южном склоне холма; с запада к ним примыкает скена, площадка которой также образована выровненной скалой; первый ряд сидений, проэдрий, сложен из блоков; руководитель раскопок проф. Клейнер считает, что для этого сооружения лучше всего подходит название экклезиастерий. По характеру устройства оно должно датироваться архаическим временем.

В Гордионе[53] открыты остатки домов III в. до н. э., с мозаиками. В 1954 г. на расстоянии 1 *км* к западу от Гордиона была обнаружена гробница эллинистического периода, перекрытая надгробным холмом. Она состоит из двух камер. Перекрыты камеры ложным сводом, образованным ступенчатыми рядами камней. В ней обнаружен во фрагментах глиняный саркофаг. Гробница в Гордионе, по аналогии с некоторыми гробницами в районе Анкары, датируется II—I вв. до н. э.

Интересные результаты дали раскопки американской экспедиции в Немруд-Даге[54]. Здесь на вершине горы исследуется гигантское погребальное сооружение, являющееся храмом и усыпальницей Антиоха I, царя Коммагены (69—34 гг. до н. э.). Вершина горы, как установлено раскопками, была покрыта искусственной насыпью, состоящей из мелких камней, и окружена подпорной стеной; предполагают, что внутри этого холма должна находиться сама гробница Антиоха; однако она еще не найдена. По обе стороны горы, с востока и запада, расчищены большие открытые дворы-террасы, являвшиеся, видимо, местами культа обожествленного Антиоха. Дворы эти, частично высеченные в скале, обрамлены поставленными на ступенчатые базы колоссаль-

---

[51] M. Mellink. Ук. соч., AJA, 1958, т. 62, № 1, стр. 103, 104.

[52] T. Weigand. Priene, Berlin, 1904, стр. 25 сл.

[53] R. S. Young. The Campaing of 1955 at Gordion. Preliminary Report. AJA, 1956, т. 60, № 3, стр. 249 сл.; его же. Gordion, 1956. AJA, 1957, т. 61, № 4, стр. 319 сл.

[54] Th. Goell. The Last Resting-Place of Antiochus I, King of Kommagene. ILN, 1955, № 6061, стр. 1094—1097; M. Mellink, Ук. соч., AJA, 1955, т. 59, № 3, стр. 238—240; 1956, т. 60, № 4, стр. 383—384; 1958, т. 62, № 1, стр. 102—103.

ными рельефами, на которых изображены сам Антиох, окруженный различными богами — Зевсом-Оромаздом, Аполлоном-Митрой и др., и предки обожествленного царя начиная с Дария I; интересен рельеф с изображением гороскопа царя. От открытых террас широкие, также высеченные в скале лестницы вели к стоявшим выше по склону горы гигантским статуям, изображавшим Антиоха в окружении богов.

Лучше сохранились статуи восточной стороны. Здесь находятся фигуры Антиоха, Зевса-Оромазда, Аполлона-Митры, Геракла и Тихи Коммагены, каждая около 8 *м* высоты (рис. 7). С обеих сторон размещены статуи льва и орла; такие же, но меньших размеров, изображения львов и орлов замыкали ряды рельефов на дворах-террасах. Лучше сохранившийся восточный двор являлся главным местом культа; он расположен выше западного и имеет алтарь в виде ступенчатой пирамиды, на которой, вероятно, находилось изображение Антиоха.

Исследуется проход, ведущий к Северной террасе; обнаружен колоссальный орел из песчаника, стоявший у входа на нее.

Раскопки последних сезонов обнаружили у подножья горы дорогу, ведущую к святилищу. При этом найдена стела с интересной греческой надписью, в которой определяются нормы поведения в святилище и наказание за непочтение к нему.

Святилище Антиоха в Немруд-Даге находит аналогию в Арсамее, на Нимфее, другом центре древней Коммагены; здесь, на холме Эски-Кале, находится близкое по конструкции, но менее грандиозное заупокойное святилище отца Антиоха, Митридата. Раскопки в Арсамее ведутся германскими археологами [55]. О существовании здесь святилища говорит большая надпись, высеченная на скале; здесь, как и в Немруд-Даге, обнаружена терраса с монументальной лестницей.

На западной стороне Эски-Кале обнаружено монументальное сооружение, в котором археологи видят могилу Митридата. Из большого зала, высотой 9 *м*, ступенчатый тоннель ведет в высеченную в скале камеру. Могила эта была ограблена, видимо, еще в далекой древности.

Н. А. Сидорова

Н. А. ВИНБЕРГ, Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА за 1956 г.

I. Общий отдел

1. Сводные труды и общие вопросы археологии

1. Всемирная история. В 10-ти т. Глав. редакция: Е. М. Жуков (глав. ред.) [и др.]. Т. 2 [Середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.]. Под ред. С. Л. Утченко (отв. ред.), Д. П. Каллистова, А. И. Павловской, В. В. Струве, М., Госполитиздат, 1956. 900 стр. с илл. и карт.; 17 л. илл.; 17 отд. л. карт в папке. (АН СССР. Ин-т истории. Ин-т востоковедения. ИИМК). Библиогр.: «Список основной лит. и источников», стр. 830—853.
2. Всеобщая история искусств. В 6-ти т. Ред. коллегия: Б. В. Веймарн [и др.]. Т. I. Искусство древнего мира. Под общ. ред. А. Д. Чегодаева. М., «Искусство», 1956. 467, LVIII стр. с илл. и карт.; 198 л. илл. (Акад. художеств СССР. Ин-т теории и истории изобразит. искусства).
   Рец.: Культура и жизнь, 1957, № 2, стр. 55—56.
3. Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. Под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта. М., 1956, 616 стр. с илл.; 15 л. илл. и карт. (АН СССР. ИИМК). Библиогр.: стр. 564—574.
   Рец.: 1. Бурдей Г. Д.— ПИШ, 1957, № 2, стр. 102—108; 2. Ерик П. Д.— ПИШ, 1957, № 3, стр. 109—112.

---

4. Борисковский П. И. Новые данные о происхождении человека. Вильнюс, Госполитнаучиздат, 1956. 48 стр. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и научн. знаний. Ленингр. отд-ние). Библиогр.: стр. 46—48. На литовск. яз.
   То же на каракалпакск. яз. Нукус. 64 стр.
5. Борисковский П. И. Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним. М., Изд. АН СССР, 1956. 32 стр. (Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов). Текст паралл. на русск. и франц. яз.
6. Борисковский П. И. Современная наука о происхождении человека. Л., 1956, 88 стр. с илл. Библиогр.: стр. 85—88.
7. Брюсов А. Я. Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху. Производительные силы и производственные отношения в эпоху неолита.— СА, XXV, 1956, стр. 35—63.
8. Брюсов А. Я. Археологические культуры и этнические общности.— СА, XXVI, 1956, стр. 5—27.
9. Бунак В. В. Человеческие расы и пути их образования.— СЭ, 1956, № 1, стр. 86—105; 1 л. илл.
10. Вишневский Б. Н. Разоблачение эоантропа.— Природа, 1956, № 12, стр. 106—109.
11. Горнунг Б. В. Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи. (К постановке вопроса в лингвистико-археологическом освещении).— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.— Л., 1956, стр. 27—41.
12. Дебец Г. Ф. Антропологические типы населения СССР и проблемы этногенеза.— Этнографическое совещание. 1956. (АН СССР. Ин-т этнографии). Тезисы докладов на пленарных заседаниях. М.— Л., 1956, стр. 62—67.
13. Дебец Г. Ф. О принципах классификации человеческих рас. (По поводу статьи В. В. Бунака «Человеческие расы и пути их образования». СЭ, 1956. № 1).— СЭ, 1956, № 4, стр. 129—142.
14. Зыбковец В. Ф. Опыт интерпретации мустьерских погребений. (Был ли неандерталец религиозным?).— Вопросы истории религии и атеизма. Сборник 4. М., 1956, стр. 104—119.
15. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. Вильнюс, Госполитнаучиздат, 1956. 192 стр. (АН СССР. Научно-попул. серия). На литовск. яз.

16. Кузьмина А. А. О некоторых статьях по вопросам становления сознания человека [Обзор].— ВЛУ, 1956, № 17. Серия эконом., филос. и права, вып. 3, стр. 163—167.
17. Окладников А. П. и Борисковский П. И. О времени и условиях становления человеческого общества.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.— Л., 1956, стр. 11—12.
18. Окладников А. П. и Борисковский П. И. О времени и условиях становления человеческого общества. [По поводу статей Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека» в журн. «Вопросы философии», 1955, № 5 и «О древнейшем способе получения огня» в журн. «Сов. этнография», 1955, № 11].— ВИ, 1956, № 11, стр. 77—85.
19. Першиц А. И. Некоторые проблемы истории первобытного общества. — Этнографическое совещание. 1956. (АН СССР. Ин-т этнографии). Тезисы докладов на пленарных заседаниях. М.— Л., 1956, стр. 52—55.
20. Першиц А. И. Проблемы истории первобытного общества в советской этнографии. М., Изд. АН СССР, 1956. 32 стр. (Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов). Текст паралл. на русск. и англ. яз.
21. Плисецкий М. С. Человек и его расы. М., Госкультпросветиздат, 1956. 83 стр. с илл. Библиогр.: стр. 82.
    Рец.: Урысон М. И.— НИЖ, 1957, № 4, стр. 61.
22. Рогинский Я. Я. Некоторые проблемы происхождения человека. — СЭ, 1956, №. 4, стр. 11—17.
23. Рогинский Я. Я. Некоторые проблемы происхождения человека.— Этнографическое совещание. 1956. (АН СССР. Ин-т этнографии). Тезисы докладов на пленарных заседаниях. М.—Л., 1956, стр. 60—61.
24. Семенов Ю. И. Возникновение и основные этапы развития труда. (В связи с проблемой становления человеческого общества). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филос. наук. Томск, 1956. 17 стр. (М-во высшего образования. Томский гос. ун-т. Кафедра диалектического и исторического материализма).
25. Якимов В. П. Современное состояние вопроса о происхождении человека. — Архив анатомии, гистологии и эмбриологии, т. 33, 1956, М., вып. I, стр. 3—9.

2. Организация археологической науки в СССР

А. Итоги и задачи археологии. Работа научных учреждений и музеев. Преподавание археологии. Библиография

26. Алешковский М. II Всесоюзная студенческая археологическая конференция [на ист. фак. МГУ 25—28 марта 1956 г.].— ВМУ. Ист.-филол. серия, 1956, № 2, стр. 180—185.
27. Альбаум Л. И. Сессия по итогам археологических экспедиций в 1955 г. [Ленинград. Апр. 1956 г.].— ИАН УзССР, 1956, № 7, стр. 95—97.
28. Бадер О. Н. Музей археологии Прикамья при Молотовском государственном университете. К открытию музея 9 июня 1954 года.— УЗ МолотГУ, т. 11, вып. 3, 1956, стр. 127—131 с 1 илл.
29. Банк А. В. Выставка византийских материалов в Государственном Эрмитаже. — ВВ, т. 11, 1956, стр. 340—348 с 5 илл.; 3 л. илл.
30. [Бибиков С. Н.] Бібіков С. М. Стан та завдання археологічної науки на Україні.— ВАН УРСР, 1956, № 6, стр. 20—29.
31. В Институте истории материальной культуры. (Доклад чешского археолога Я. Бема).— ВАН СССР, 1956, № 7, стр. 81.
32. Вечтомов А. Д. Сессия ученого совета историко-филологического факультета, посвященная открытию университетского музея археологии Прикамья.— УЗ МолотГУ, т. 11, вып. 3, 1956, стр. 133—138 с 2 илл.
33. Выезжев Р. И. Из научной жизни Института археологии АН УССР в 1955 г.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 87—90.
34. Гурвич Д. М. В. Н. Татищев и русская археологическая наука.— СА, XXVI, 1956, стр. 153—164.
35. Дебец Г. Ф. Основные итоги палеоантропологических исследований в СССР. М.— Л., Изд. АН СССР, 1956, 17 стр. (Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов). Текст паралл. на русск. и франц. яз.
36. Дебец Г. Ф. Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.— Л., 1956, стр. 42—45.
37. Исторический музей. Москва, Государственный исторический музей. Краткий путеводитель. М., Госкультпросветиздат, 1956. 152 стр. с илл.; 1 л. илл. На обороте тит. л. сост.: А. Б. Закс, Н. М.Узунова и М. В. Фехнер.
38. Каунасский художественный музей им. М. К. Чюрлениса. Путеводитель по экспозиции Отдела первобытной культуры. [Каунас], 1956. 52 стр. с илл. На обороте тит. л. сост.: Р. Яблонските-Римантене. На литовск. яз.

39. Кислов М. Археологическая лаборатория [при кафедре археологии ист. фак. МГУ).— ВМУ, 1956, № 4. Серия обществ. наук, вып. 2, стр. 153—154.
40. Конференция по археологии Кавказа. Ереван, 1956. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоящейся в Ереване в октябре 1956. 36 стр. (АН СССР. ИИМК).
41. Крайнов Д. А. и Онайко Н. А. Сессия Отделения исторических наук и пленум Института истории материальной культуры АН СССР, посвященные итогам археологических исследований в 1955 году. [Ленинград. Апр. 1956 г.].— ВДИ, 1956, № 4, стр. 161—166.
42. Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1953 г.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 120—130.
43. Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1954 г.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 123—126.
44. Любин В. П. и Формозов А. А. Изучение нижнего палеолита СССР за последние десять лет (1946—1955). М.— Л., Изд. АН СССР, 1956. 26 стр. (Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов). Текст паралл. на русск. и франц. яз.
45. Массон М. Е. Студенческий научный археологический кружок (СНАК). Сборник студенч. работ Среднеаз. гос. ун-та, вып. 15. История. Ташкент, 1956, стр. 83—84.
46. Мерперт Н. Я. История и археология Северного Причерноморья. (Конференция в Институте истории материальной культуры. [21—26 мая 1956 г.]).— ВАН СССР, 1956, № 8, стр. 122—124.
47. Мнацаканян Н. Конференция археологов по кавказоведению [Ереван. 1956 г.].— Советакан Айастан («Сов. Армения»), 1956, № 12, стр. 12. На арм. яз.
48. Монгайт А. Л. Об итогах археологических экспедиций 1955 года. [Сессия Отд ист. наук ИИМК: Ленинград. Апр. 1956 г.].— ВИ, 1956, № 8, стр. 191—195.
49. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва. Краткий путеводитель по музею. Искусство Древнего Востока и античности. М., Изогиз, 1956. 102 стр. с илл. На обороте тит. л. сост.: С. И. Ходжаш, Н. М. Лосева, Н. Н. Британова.
50. Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. 62 стр. (АН СССР. ИИМК).
51. Оборин В. А. Новая экспозиция отдела дореволюционного прошлого [Молот. обл. краевед. музея].— На западном Урале. Сборник статей. Молотов, 1956, стр. 241—247 с 1 илл.
52. Пиотровский Б. Б. Поездка советских археологов и этнографов в Египет. [Май 1956 г.].— ВАН СССР, 1956, № 9, стр. 67—70 с 3 илл.
53. План курса «История первобытного общества и основы этнографии». Для студентов заочн. отд-ния ист. фак. ХГУ. Харьков, 1956. 8 стр. (М-во высш. образования УССР. Харьковский ун-т. Заочное отделение).
54. Полевые работы археологов МГУ [в 1956 г.].— ВМУ. Ист. филол. серия, 1956, № 2, стр. 174—177.— Подпись: М. К.
55. Программа курса «Методика полевых археологических исследований». Утв. 13/II. 1956 г. М., [1956]. 11 стр. (Моск. гос. ун-т. Ист. фак.). В вып. дан. авт.: Д. А. Авдусин.
56. Программа по истории первобытного общества и основам этнографии. (Для ист. фак. гос. ун-тов). [Утв. в 1956 г.]. М., Изд. Моск. ун-та, 1956. 10 стр. (М-во высш. образования СССР).
57. Программа по истории украинского искусства. I. Введение. Древнейшее искусство. Киев. Госстройиздат УССР, 1956. 39 стр. с илл. (Акад. архитектуры УССР. Ин-т монументальной живописи). На обл. загл.: Древнейшее искусство.
58. Программа по основам археологии. [Для ист. фак. гос. ун-тов]. Утв. в июне 1956 г. [М., 1956]. 8 стр. (М-во высш. образования СССР). В вып. авт.: А. В. Арциховский.
59. Резолюция конференции ИИМК АН СССР, посвященной процессу исторического развития античных городов Северного Причерноморья. М., 1956. 7 стр. (АН СССР, ИИМК).
60. Резолюция, принятая Кавказской археологической конференцией, состоявшейся в г. Ереване в октябре 1956 г. М., 1956. 8 стр. (АН СССР. ИИМК. АН АрмССР. Ин-т истории).
61. Студенческая археологическая конференция [на ист. фак. Моск. ун-та. Март 1955 г.].— ВДИ, 1956, № 1, стр. 187—192.
62. Тезисы докладов и сообщений научной сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956. 56 стр. (АН АзССР. Музей истории Азербайджана).
63. Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956. 71 стр. (АН СССР. Гос. музей ТАССР).
64. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоящейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956. 36 стр. (АН СССР. ИИМК).
65. Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме ИИМК, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.— Л., 1956. 70 стр. (АН СССР. Отд. ист. наук. ИИМК).
66. Федоров Г. Б. Итоги полевых работ советских археологов в 1955 году.— ВАН СССР, 1956, № 7, стр. 32—39 с 2 илл.

67. Цветаева Г. А. Конференция по изучению процесса исторического развития античных государств Северного Причерноморья. [ИИМК. Москва. Май 1956 г.]— ВДИ, 1956, № 4, стр. 169—172.
68. Шелов Д. Б. Состояние работы в области нумизматики и ближайшие задачи.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 3—11.
69. Шовкопляс І. Г. Наукова конференція Інституту археології АН УРСР. [Киев. 1956, 21—24 февр.] — ВАН УРСР, 1956, № 6, стр. 54—62.
70. Эрмитаж. Ленинград. Первобытная культура. Вып. 2. М., «Искусство», 1956. 42 стр. 13 л. илл. (Гос. Эрмитаж. Путеводители по выставкам. Под общ. ред. М. И. Артамонова). На обороте тит. л. авт.: М. П. Грязнов, О. И. Давидан и К. М. Скалон.
71. Эрмитаж. Ленинград. Прикладное искусство Западной Европы V—XV вв. М.— Л., «Искусство», 1956. 33 стр.; 11 л. илл. (Гос. Эрмитаж. Путеводители по выставкам. Под общ. ред. М. И. Артамонова). На обороте тит. л. авт.: Э. А. Лапковская. На обл. загл.: Путеводитель по выставке «Прикладное искусство Западной Европы V—XV вв.».

---

72. Амитин-Шапиро З. Л. Библиографический указатель советской литературы по археологии Киргизии. (1918—1956 гг.).— ТИИ АН КирССР, вып. 2, 1956, стр. 109—152 (427 назв.)
73. Гулямова Э. Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1955 г.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 122—126 (52 назв.).
74. История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма. [Сост. И. П. Доронин и др. Отв. ред. К. Р. Симон]. М., 1956. 726 стр. (АН СССР. Фундаментальная библиотека обществ. наук). Прил.: Схема классификации. Вспомогательные указатели. М., 1956. 184 стр.
75. Кидель А. С. Материалы для библиографии археологических и этнографических работ по Днестровско-Прутскому междуречью за 1944—1945 гг.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 189—191 (82 назв.).
76. Клепиков С. А. Библиография печатных планов города Москвы XVI—XIX веков. Под ред. и со вступ. статьей М. Н. Тихомирова. М., 1956. 123 стр.
77. Литвинский Б. А. и Гулямова Э. Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1954 г.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 105—110 (107 назв.).
78. Павлова А. Е. Библиография книг и статей по археологии, нумизматике и этнографии, изданных Таджикской базой, Таджикским филиалом АН СССР и Академией наук Таджикской ССР (1934—1956 гг.). Сталинабад, 1956. 20 стр. (АН ТаджССР. Ин-т истории, археологии и этнографии).
79. Ширинкина А. М. Аннотированная библиография литературы по археологии Урала. Вып. I (1941—1953 гг.).— УЗМолотГУ, т. 11, вып. 3, 1956, с. 139—161 (250 назв.).

PERSONALIA

БЕТГЕР Е. К.

80. Евгений Карлович Бетгер. [1887—1956 гг. Некролог].— ИАНУзССР, 1956, № 9, стр. 91—93.

ВОРОНЕЦ М. Э.

81. Бернштам А. Н. Максимилиан Эммануилович Воронец. [1883—1954. Некролог].— СЭ, 1956, № 3, стр. 153—154, с портр.

ГОРОДЦОВ В. А.

82. Крупнов Е. И. О жизни и научной деятельности В. А. Городцова. [Доклад на заседании, посвящ. памяти В. А. Городцова, 8 февр. 1955 г.].— СА, XXV, 1956, стр. 5—12, с портр.

ДЖАНАШВИЛИ М.

83. Инашвили А. Мосэ Джанашвили как археолог.— В сб.: Мосэ Джанашвили. Тбилиси, 1956, стр. 68—71. На груз. яз.

ЗАСЫПКИН Б. Н.

84. Памяти Б. Н. Засыпкина.— Архитектура СССР, 1956, № 3, стр. 47. Подписи: Г. Брунов, М. Булатов, Б. Веймарн [и др.].

КИБИРОВ А. К.

85. Ахмет Кибирович Кибиров. [1919—1956. Некролог].— ТИИ АН КирССР, вып. 2. 1956, стр. 153—154.

ОКЛАДНИКОВ А. П.

86. Алексей Павлович Окладников. (Биограф. справка).— УЗ ИЯЛИ ЯкутФАН СССР, вып. 4, 1956, стр. 131—133. «Печатные работы доктора исторических наук А. П. Окладникова по археологии и истории», стр. 133—140 (164 назв.).

ПЕНЯЕВ Е. М.

87. Памяти археолога Е. М. Пеняева. [1923—1953].— ТТомОКМ, т. 5, 1956, стр. 358—359. Подписи: В. Матющенко, А. П. Дульзон, В. С. Синяев и Р. А. Ураев.

ФОСС М. Е.

88. Памяти Марии Евгениевны Фосс.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 157—161, с портр. «Список печатных работ М. Е. Фосс», 57 назв. Сост. А. А. Формозов.

ШМИДЕХЕЛЬМ М. Х.

89. Юбилей Марты Шмидехельм.— ИАН ЭстонССР. Серия обществ. наук, 1956, № 2, стр. 171—173 с портр. На эстонск. и русск. яз.

ЯКУБОВСКИЙ А. Ю.

90. Дьяконов М. М. Памяти Александра Юрьевича Якубовского [1886—1953].— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 5—7.

Б. Методика археологических исследований. Обработка археологических материалов. Охрана, консервация и реставрация памятников

91. Абрамович Ю. М. К вопросу о происхождении металлургического сырья в Прикамье во втором тысячелетии до н. э.— УЗ МолотГУ, т. 11, вып. 3, 1956, стр. 71—73. Библиогр.: 10 назв.
92. Августиник А. И. К вопросу о методике исследования древней керамики.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 149—156 с 2 илл.
93. Августиник А. И. и Баранова В. И. Технологическая характеристика черепков Джебела.— Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956, стр. 222—227.
94. Антейн А. Изучение структуры, свойств и технологии производства железных и стальных изделий, найденных в городище Асоте.— ИАН ЛатвССР, 1956, № 6, стр. 29—40 с 23 илл. На латышск. яз.
95. Бадер О. Н. Археологическое изучение пещер в СССР.— Тезисы докладов на научном совещании по изучению карста. 30 янв.— 3 февр. 1956 г. Вып. I. М., 1956. (АН СССР. Отд. геол.-геогр. наук. М-во геологии и охраны недр. М-во высш. образ. Главн. упр. ун-тов), стр. 21—23.
96. Бадер О. Н. Археологическое обследование пещер, гротов и древних убежищ под скалами. [Методика исследования].— На западном Урале. Сборник статей. Молотов, 1956, стр. 231—241 с 3 илл. Библиогр.: «Основная литература о пещерах Урала как археологических памятниках», стр. 241.
97. Бахтадзе Р. А. и Абесадзе Ц. Н. Восстановление бронзовой фигуры, найденной в мцхетской гробнице.— ВГМГ, т. 17-А, 1956, стр. 127—134 с 6 илл. Библиогр.: 10 назв. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
98. Бахтадзе Р. А. К изучению рачинских археологических стекол.— IV научная сессия Гос. музея Грузии (АН ГрузССР) 16—18 мая 1956 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1956, стр. 15 и 27—28. На груз. и русск. яз.
99. Безбородов М. А. Древнерусские стекла и огнеупорные изделия. (Химико-технол. изучение древнерусских стекол и огнеупоров из археол. раскопок).— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 66—83 с 3 илл.
100. Безбородов М. А. Стеклоделие в древней Руси. Химико-технологическое исследование древнерусских стекол и огнеупоров. Минск. Изд. АН БССР, 1956. 306 стр. Рец.: Воронин Н. Н.— СА, 1957, № 2, стр. 301—303.
101. Бережно охранять памятники древности. Таллин, 1956. 32 стр. (М-во культуры ЭстонскССР. Инспекция по охране памятников древности). На эстонск. яз.
102. Воронин Н. Н. Оберегать архитектурное наследие.— Архитектура СССР, 1956, № 6, стр. 30—33.
103. Давыдов С. О научной методике реставрации памятников архитектуры.— Архитектура СССР, 1956, № 5, стр. 60.
104. Иванова В. Г. и Григорьева А. З. Описание следов сработанности, обнаруженных под микроскопом на кремневых орудиях из пещеры Джебел.— Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956, стр. 228—232.
105. Колосов Ю. Г. Археолого-палеонтологические разведки пещер верховья реки Чусовой.— В сб.: Вопросы карста на юге Европейской части СССР. [Киев], 1956. (АН УССР. Крым. филиал), стр. 181—188 с 4 илл.
106. Колмогорова Н. М. Растительные остатки из верхнего торфяника близ палеолитической стоянки Талицкого.— УЗ МолотГУ, т. 11, вып. 3, 1956, стр. 59—61 с 1 илл. Библиогр.: 6 назв.
Микроскопический анализ растительных остатков.
107. Костров П. И. Реставрация двух фаюмских портретов.— СГЭ, 10, 1956, стр. 58—61 с 4 илл.
108. Ованнисян К. За продление жизни памятников (Значение охраны памятников в наши дни).— Советакан арвест («Советское искусство»), 1956, № 3, стр. 32—35. На арм. яз.
109. Рикман Э. А. К методике археологических раскопок средневековых поселений Молдавии.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 163—179 с 2 илл.; 1 л. илл. «Список некоторых работ и инструкций по методике раскопок поселений и могильников», 28 назв. Резюме на молдавск. и франц. яз.
110. Рожановский С. Ю. Природа растительных остатков из погребальных сооружений Ферганы первых веков нашей эры.— ТМИ УзССР, вып. 3, 1956, стр. 75—80 с 3 илл. Библиогр.: 6 назв.

Микроскопический анализ растительных остатков.

111. Сборник руководящих и справочных материалов по охране памятников культуры. Алма-Ата, Казгосиздат, 1956. 107 стр. (М-во культуры КазахССР).
112. Семенович Н. Н. Способ изготовления вавилонских клинописных таблеток.— ВДИ, 1956, № 1, стр. 134—142 с 5 илл.
113. Семенович Н. Н. Реставрация и экспозиция большого войлочного ковра из Пазырыка.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 144—148 с 2 илл.
114. Соловьев Л. Н. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа.— В сб.: Вопросы карста на юге Европейской части СССР. [Киев], 1956 (АН УССР. Крым. филиал), стр. 43—75 с 6 илл. Библиогр.: стр. 75.
115. Соловьев Л. Н. О возрасте карста Западного Кавказа.— Тезисы докладов на Совещании по изучению карста. 30 янв.— 3 февр. 1956 г. Вып. 10. М., 1956. (АН СССР. Отд. геол-геогр. наук. М-во геологии и охраны недр. М-во высш. образ. Главн. упр. ун-тов), стр. 16—20.

Определение возраста при помощи археологического метода.

116. Тавадзе Ф. Н. и Сакварелидзе Т. Н. Древнебронзовые художественные изделия и домашняя утварь.— Труды Ин-та металла и горного дела. (АН ГрузССР), т. 7. Тбилиси, 1956, стр. 363—370; 3 л. илл. На груз. яз. Резюме на русс. яз.
117. Тавадзе Ф. Н. и Сакварелидзе Т. Н. Древнегрузинские бронзовые топоры, их литье и обработка.— Труды Ин-та металла и горного дела. (АН ГрузССР), т. 7. Тбилиси, 1956, стр. 329—341; 4 л. илл. Библиогр.: 10 назв. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
118. Тавадзе Ф. Н. и Сакварелидзе Т. Н. Литье и обработка древнегрузинских бронзовых кинжалов и мечей.— Труды Ин-та металла и горного дела. (АН ГрузССР), т. 7, Тбилиси, 1956, стр. 349—356; 2 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
119. Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., Абесадзе Ц. Н. и Двали Т. А. Металлургия меди и бронзы в древней Грузии.— Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоящейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 25—26.
120. Тавадзе Ф. Н. и Сакварелидзе Т. Н. Технология изготовления бронзовых колец и булавок, найденных при археологических раскопках на территории Грузии.— Труды Ин-та металла и горного дела. (АН ГрузССР), т. 7, Тбилиси, 1956, стр. 357—362: 3 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
121. Тавадзе Ф. Н. и Сакварелидзе Т. Н. Технология изготовления древнегрузинских бронзовых копий.— Труды Ин-та металла и горного дела. (АН ГрузССР), т. 7, Тбилиси, 1956, стр. 343—348; 2 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
122. Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н. и Двали Н. А. Технология изготовления древних бронзовых изделий, найденных в окрестностях Тбилиси.— ВГМГ, т. 17-А, 1956, стр. 135—143 с 4 илл.; 1 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск яз.
123. Чердынцев В. В. Определение абсолютного возраста палеолита.— СА, XXV, 1956, стр. 64—86.
124. Хвостенко В. Техника энкаустики. М., «Искусство», 1956. 36 стр.; 12 л. илл. Библиогр.: 12 назв.

Шагеев З. А. Историко-технологическое исследование изделий древних сибирских литейщиков. См. № 927.

125. Шейнина Е. Г. Реставрация каменной египетской статуэтки.— СГЭ, 9, 1956, стр. 53—54 с 2 илл.

II. Европейская часть СССР

1. Сводные труды и работы о разновременных памятниках

126. Археологический сборник. Саратов. «Коммунист», 1956. 125 стр. с илл. (Труды Сарат. обл. музея краеведения. Вып. I).

См. №№ 157, 250, 342, 344, 365.

127. Археологічні пам'ятки УРСР. [Сборник статей. Ред. коллегия: С. Н. Бибиков (отв. ред.) и др.], т. 6. Доба ранього заліза, эпохи міді — бронзи, неоліт і палеоліт. Київ, 1956, 212 стр. с илл. (АН УССР. Ін-т археології).

См. №№ 144, 160, 169, 174, 178, 179, 184, 190, 191, 198, 203, 206, 212, 216, 217, 220, 221, 223, 224, 226—230, 233—235, 246, 252, 253, 256, 259, 261.

128. Бадер О. Н. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953—1954 годах.— УЗ МолотГУ, т. II, вып. 3, 1956, стр. 5—44, с 4 илл. и 2 карт. «Список печатных работ, в которых публиковались материалы и результаты КАЭ», стр. 44.

Памятники от эпохи палеолита до XVII в.

129. Бадер О. Н. Работы Камской экспедиции [1947—1955 гг.]— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.— Л., 1950, стр. 49—50.

Памятники от эпохи палеолита до XVII в.

130. Брюсов А. Я. О целях и задачах археологии и о состоянии и перспективах археологического обследования Вологодской области.— Труды научн. конференции по изучению Вологод. области. Вологда, 1956, стр. 43—53.

131. Винокур І. С. Археологічні пам'ятки Житомирщини. Житомир, 1956. 28 стр. с илл. (МО УРСР. Житом. палац піонерів. На допомогу керівнику краезнавч. гуртка).
132. Вопросы этнической истории эстонского народа. Сборник статей. Под ред. Х. А. Моора. Таллин, Эстгосиздат, 1956, 327 [5] стр. с илл. и карт.; 1 л. табл. (АН ЭстонскССР. Ин-т истории). Резюме на нем. яз. То же на эстонск. яз. 280 стр.
См. №№ 141, 145, 214, 337, 349.
133. Генинг В. Ф. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в 1955 году.— Молот, Ижевск, 1956, № 1, стр. 61—64.
Памятники от эпохи неолита до I тысячелетия н. э.
134. Гуревич Ф. Д. Археологические памятники Великолукской области.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 95—107 с 3 илл. и 1 карт.
135. История Латвийской ССР. Сокр. курс. Под. ред. К. Страздиня. Рига, 1956. 551 стр. с илл. и карт.; 1 л. карт. (АН ЛатвССР. Ин-т истории и материальной культуры). На латышск. яз.
136. История СССР. Под. ред. М. В. Нечкиной, Л. В. Черепнина (отв. ред.) [и др.]. Т. I. С древнейших времен до 1861 г. Первобытно-общинный и рабовладельческий строй. Период феодализма. М., Госполитиздат. 1956. 896 стр. со схем. (АН СССР. Ин-т истории. Моск. гос. ун-т. Ист. фак.). Библиогр.: стр. 833—887, сост. З. Д. Виноград.
Стр. 12—68: гл. 1. «Первобытно-общинный строй»; гл. 2. «Рабовладельческий строй в Закавказье, Средней Азии и Причерноморье. Древние славяне. (I тыс. до н. э.— IV в. н. э.)»; гл. 3. «Возникновение и развитие феодализма (IV—IX вв.). Образование государства у восточных славян». Авт.: Б. А. Рыбаков.
137. История Украинской ССР. Т. I. Ред. коллегия: В. А. Дядиченко, А. К. Касименко [и др.]. Киев, 1956. 927 стр. с илл. и карт. (АН УССР. Ин-т истории).
Стр. 5—39: гл. 1. «Первобытно-общинный строй и зарождение классового общества». Авт.: В. А. Богусевич и И. Г. Шовкопляс. Стр. 40—92: гл. 2. «Формирование и развитие феодальных отношений у восточных славян. Древнерусское государство». Авт.: К. Г. Гуслистый.
138. История Эстонской ССР. (С древнейших времен до наших дней). 2-е изд. Под ред. Г. И. Наана. Таллин, Эстонск. гос. изд., 1956. 684 стр. (АН ЭстонскССР. Ин-т истории). Проект для обсуждения.
Стр. 5—34: гл. 1. «Первобытно-общинный строй на территории Эстонской ССР», гл. 2. «Зарождение феодальных отношений. Эстонские земли в составе Древнерусского государства. (X—XII века)». Авт.: Х. А. Моора.
139. Кипарисова Н. П. Новые данные об археологических памятниках Тагильского края.— УЗ МолотГУ, т. 11, вып. 3, 1956, стр. 113—124 с 4 илл.; 1 л. карт.
Памятники от эпохи мезолита до XV—XVI вв.
140. Лашук Л. П. Этническая история Печорского края. [Автореферат кандидат. дисс., защищенной в 1954 г.].— КСИЭ, 25, 1956, стр. 82—91.
С привлечением данных археологии.
141. Марк К. Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии.— В сб.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 219—242 с 6 илл. и 3 карт. Резюме на нем. яз.
То же в изд. на эстонск. яз., стр. 191—211.
142. Марк К. Ю. Палеоантропология Эстонской ССР.—ТИЭ. Нов. серия, т. 32, 1956, стр. 170—228 с 11 илл. и 4 илл.
143. Мерперт Н. Я. и Смирнов А. П. Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 77—87 с 3 илл.
Памятники от эпохи верхнего палеолита до XVIII в.
144. [Месяц В. А.] Місяць В. А. Розвідкові роботи на Житомирщині в 1950—1951 рр.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 209—211 с 3 илл.
145. Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии.— В сб.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 49—141 с 11 илл. и 9 карт. Резюме на нем. яз.
То же в изд. на эстонск. яз., стр. 41—119.
146. Нариси історії Львова [К 700-летию 1256—1956]. Львів, Кн.-журн. вид., 1956. 440 стр. с илл.; 20 л. илл.
Стр. 9—17: разд. 1. «Археологічні пам'ятки Львова та його околиці». Авт.: А. А. Ратич. Стр. 103—112: разд. 5. «Архитектура і мистецтво Львова XI—XVIII ст. ст.». Авт.: Г. Логвин.
147. Очерки по истории Башкирской АССР. [В 2-х т. Под ред. А. П. Смирнова и др.]. Т. 1, ч. 1. Уфа, Башкнигоиздат, 1956. 303 стр.; 3 л. карт. (АН СССР. Башкир. филиал. Ин-т истории, языка и лит.). Библиогр.: стр. 289—300, сост. Е. Н. Харламова.
Стр. 7—37: гл. 1. «Древнейший период истории Башкирии. Первобытно-общинный строй». Авт.: Р. Г. Кузеев и А. П. Чулошников.
148. Памятные места Московской области. Краткий путеводитель. 2-е изд., доп. и переработ. Сост.: Е. Б. Бурых, В. М. Колобов и др. М., «Моск. рабочий», 1956. 608 стр с илл. (Моск. обл. краевед. музей).
Стр. 529—574: разд. 2. «Археологические памятники».

149. Пассек Т. С. Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 году.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 19—37 с 3 илл.; 4 л. илл. Резюме на молдавск. и франц. яз.

Памятники III—II тысячелетия до н. э., эпохи бронзы, скифские и X—XII вв.

150. Пассек Т. С. Результаты работ Молдавской (Дубоссарской) экспедиции в 1955 г.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.—Л., 1956, стр. 17—19.

Памятники от эпохи неолита до XVI в.

151. Полесских М. В недрах времен. Археологические памятники в Пензенской обл. Пенза, Кн. изд., 1956. 103 стр. с илл.; 1 л. карт. Библиогр.: стр. 101—102.

Рец.: 1. Жиганов М.— Пенз. правда, 1956, 16 дек.; 2. Трубникова Н. В.— СА, 1957, № 3, стр. 316—317.

152. Попов С. и Смирнов К. По следам древних культур.— Степные огни. кн. 14. Чкалов, 1956, стр. 209—210.

Археологические работы ИИМК в Оренбургской обл. в 1956 г.

153. Сальников К. В. Исетские древние поселения. (По материалам обследования сред. течения р. Исети в 1940 г.).— СА, XXV, 1956, стр. 189—214 с 18 илл.

Поселения от III—II тысячелетия до н. э. до VIII в. н. э.

154. Синицын И. В. Работы заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции. [1953 г.].— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 76—84 с 6 илл.

Памятники от III тысячелетия до н. э. до XV в.

155. Смирнов А. П. Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа.— Вопросы происхождения чувашского народа (Тезисы докладов). Чебоксары, 1956. (Научно-исслед. ин-т языка, лит., ист. и экономики при Совете Министров Чувашской АССР), стр. 3—6.

156. Смирнов А. П. Итоги археологических работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС в 1955 г. Доклад на заседании Учен. совета музея. Казань, 1956. 23 стр. (Гос. музей ТАССР).

157. Степанов П. Д. Из истории земледелия в Нижнем Поволжье. (С древнейших времен до XVI в.).— ТСаратОМК, вып. I, 1956, стр. 86—114 с 16 илл.

158. Степанов П. Д. Итоги археологических работ в Западном Поволжье за пятилетие 1945—1949 гг.— УЗ СаратГПИ, вып. 22, 1956, стр. 61—142 с 26 илл.; 1 л. карт.

159. Тараканова С., Терентьева Л. и Чебоксаров Н. Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики.— СЭ, 1956, № 2, стр. 3—17.

160. [Тимощук Б. А.]. Тимощук Б. О. Археологічні дослідження Чернівецького музею в 1949—1951 рр.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 205—208 с 2 илл.

161. Трефилов Г. Н. Происхождение удмуртского народа. Ижевск, «Удмурт. правда», 1956. 21 стр. («Респ. лекционное бюро М-ва культуры УдмуртАССР. В помощь лектору).

162. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 2. [1953—1954. Отв. ред. В. Ф. Тиунов]. Харьков, Изд. Харьк. ун-та, 1956. 163 стр. с илл. и карт.; 2 л. илл. и карт. (М-во высш. образования СССР. Молотовский гос. ун-т. Ученые записки, т. 11, вып. 3). Библиогр.: «Список печатных работ, в которых публиковались материалы и результаты исследований КАЭ», стр. 44.— А. М. Ширинкина «Аннотир. библиография литературы по археологии Урала», стр. 139—156 (251 назв.).

См. №№: 32, 79, 91, 128, 139, 170, 336, 348, 463, 465.

163. Хавлюк П. И. Материалы к археологической карте бассейна р. Соб.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 18—21, с карт.

164. Чебоксаров Н. Н., Тараканова С. А. и Терентьева Л. Н. Основные проблемы этнической истории народов Прибалтики (в связи с работами Прибалтийской экспедиции).— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.— Л., 1956, стр. 13—16.

165. Чеботаренко Г. Ф. Археологические раскопки на территории МССР в 1955 г.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 181—187. Резюме на молдавск. и франц. яз.

166. Черныш Е. К. Многослойное поселение у села Незвиско на Днестре.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 48—56 с 2 илл.; 2 л. илл.

Памятники от трипольского времени до XII—XIII вв.

167. Шовкопляс І. Г. Експедиційні дослідження Інституту археології в 1955 р.— ВАН УРСР, 1956, № 5, стр. 46—51.

168. Янитс Л. Ю. Об археологических полевых работах в Эстонской ССР в 1955 году.— ИАН ЭстонССР. Серия обществ. наук, 1956, № 4, стр. 308—320 с 8 илл. На эстонск. яз. Резюме на русск. и нем. яз.

2. Эпоха палеолита и неолита

169. Амбургер Н. П. Нові дані про пам'ятки епохи неоліту та бронзи на Сеймі.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 197—200 с 1 илл.

170. Бадер О. Н. Некоторые проблемы первобытной истории Урала.— УЗ МолотГУ, т. 11, вып. 3, 1956, стр. 45—57 с 2 илл. и 2 карт.

171. Бадер О. Н. Неолит и эпоха бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье.— Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956 (АН СССР. ИИМК. КазФАН СССР. Гос. Музей ТАССР), стр. 8—10.
172. Бадер О. Н. Палеолит и мезолит Поволжья.— Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956 (АН СССР. ИИМК. КазФАН СССР. Гос. Музей ТАССР), стр. 35—38.
173. Бибиков С. Н. Трипольские поселения в окрестности Луки-Врублевецкой.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 13—17.
174. [Бодянский А. В.]. Бодяньский О. В. Розкопки Мар'ївського та Федорівського могильників у Надпоріжжі.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6, Київ, 1956, стр. 179—189 с 3 илл.
Могильники эпохи неолита и эпохи бронзы.
175. Борисковский П. И. Белемниты в древнем каменном веке.— Природа, 1956, № 11, стр. 113—114 с 1 илл.
По материалам из стоянки Костенки XVII.
Борисковский П. И. Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним. См. № 5.
176. Борисковский П. И. Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенки II в 1953 году.— СА, XXV, 1956, стр. 173—188 с 9 илл.; 1 л. илл. В загл. и огл. ошибочно «1952 году».
177. Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. Со вступит. статьей В. И. Равдоникаса. М — Л., 1956. 431 стр. с 221 илл. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 47).
178. [Даниленко В. Н.] Даниленко В. М. і Макаревич М. Л. Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипільському поселенні в 1949 р.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 134—144 с 6 илл.
179. [Даниленко В. Н.] Даниленко В. М. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 172—178 с 2 илл.
180. Ефименко П. П. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. (О памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа).— СА, XXVI, 1956, стр. 28—53 с 1 илл.
181. Колосов Ю. Г. Разведки памятников неолита и бронзы в степном Крыму.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 22—26 с 3 илл.
182. Кондукторова Т. С. Черепа из вовнигских поздненеолитических могильников.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 68—71.
Днепропетровская обл.
183. Крайнов Д. А. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки. (По раскопкам В. А. Городцова).— СА, XXV, 1956, стр. 13—34 с 12 илл.
184. Левицький І. Ф. та Телегін Д. Я. Дослідження стоянки в урочищі Минівський яр на Сіверському Дінці.— Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 183—188 с 5 илл.
Стоянка эпохи палеолита и раннего неолита.
185. Марк К. Ю. Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике.— ИАН ЭстонССР. Серия обществ. наук, 1956, № 1, стр. 43—65 с 5 илл. и 2 карт. Резюме на эстонск. и нем. яз.
186. Месяц В. А. Новая находка орнаментированного бивня мамонта.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 40—42 с 2 илл.
Житомирская обл.
187. Мизин В. А. Находка мустьерского остроконечника у с. Старые Кодаки.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 36—37 с 1 илл.
Днепропетровская обл.
188. Одинцова С. Н. Клады кремневых изделий из с. Гончаровки.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 43—46 с 3 илл.
2 клада: первый — позднепалеолитического времени; второй — эпохи поздней бронзы. Харьковская обл.
189. Потушняк Ф. М. Неолітична стоянка Дубрівка.— НЗУжДУ, т. 20, 1956, стр. 105—129 с 13 илл.
Закарпатская обл.
Равдоникас В. И. Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера (Вступит. статья). См. № 177.
190. Рудинський М. Я. Перший Вовнизький пізньонеолітичний могильник.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6, Київ, 1956, стр. 151—161 с 11 илл.
191. Рудинський М. Я. Погорілівка. (З матеріалів Середньодеснянської експедиції 1949 р.)— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6, Київ, 1956, стр. 163—171 с 6 илл.
Поселение эпохи неолита.
192. Свешников И. К. Могильник в селе Звенигород Львовской области. (Культура ленточной керамики).— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 57—68 с 3 илл. и 1 карт. Прил.: Материалы к карте распространения поздних памятников культуры ленточной керамики, стр. 68—69.
Степанов П. Д. Вольское городище. См. № 344.

193. Телегин Д. Я Мезолитические стоянки в окрестностях Киева.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 74—76 с 1 илл.
194. Телегін Д. Я. Неолітичні пам'ятки Києва та його околиць.— ВАН УРСР, 1956, № 3, стр. 42—46.
195. Телегин Д. Я. Отпечатки зерен ячменя на неолитических сосудах.— Природа, 1956, № 5, стр. 106 с илл.
Отпечатки зерен из поселения близ Киева.
196. Формозов А. А. Исследование погребенной пещеры в Крыму.— Природа, 1956, № 7, стр. 102—104 с 3 илл.
Стоянка Кабази эпохи мустье.
197. Халиков А. Х. Неолит Среднего Поволжья.— Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956. (АН СССР. ИИМК, КазФАН СССР. Гос. музей ТАССР), стр. 5—7.
198. [Черныш А. П.] Черниш О. П. Дослідження на Дністрі в 1950—1951 рр.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 189—193 с 2 илл.
Памятники эпохи палеолита и неолита.
199. Черныш А. П. Изображение человеческой фигуры позднепалеолитического времени.—КСИА, вып. 6, 1956, стр. 38—39 с 2 илл.
Из стоянки Молодова V, Черновицкой обл.
200. Черныш А. П. Новые находки из раскопок стоянки Молодова 5 на Днестре.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 150—152 с 1 илл.
201. Черныш А. П. Палеолитическая стоянка Вороновица I. (По данным раскопок 1951, 1953 гг.).— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 40—47 с 3 илл.
202. Черныш А. П. Разведки палеолитических памятников на Днестре в 1952 г.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 119—127 с 3 илл. Резюме на молдавск. и франц яз.
203. [Черныш Е. К.] Черниш К. К. Дослідження трипільських поселень на Середньому Подністров'і в 1950—1951 рр.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 145—148 с 2 илл.
204. Черныш Е. К. К вопросу о раннетрипольских поселениях.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 5—18 с 3 илл. и 1 карт. Резюме на молдавск. и франц. яз.
205. Чирвинский П. Н. Петрографическая характеристика каменных орудий стоянок Усть-Чусовского района Молотовской области.— УЗ МолотГУ, т. 7, вып. 4, 1956, стр. 243—252. Библиогр.: 6 назв.
Орудия эпохи палеолита, неолита и бронзы.
206. Шапошникова О. Г. Розвідкові археологічні дослідження в с. Нових Безрадичах. В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 201—202 с 2 илл.
Памятники эпохи неолита и бронзы.
207. Шилов В. П. К изучению палеолита Нижнего Подонья.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 130—131 с 1 илл.
208. Шовкопляс И. Г. Жилища Мезинской стоянки.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 3—12 с 7 илл.
209. Шовкопляс І. Г. Поселення стародавнього кам'яного віку на Десні.— ВАН УРСР, 1956, № 4, стр. 46—49.
Мезинская стоянка. Черниговская обл.
210. Шовкопляс И. Г. Раскопки Мезинской палеолитической стоянки. (Предварит. сообщ. о раскопках 1954 г.).— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 31—39 с 3 илл.
211. Шовкопляс И. Г. Фастовская позднепалеолитическая стоянка. (Предварит. сообщение).— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 68—73 с 3 илл.
Киевская обл.
212. Шпет Г. Й. Зуби риб з Вовнизького лівобережного могильника.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 162.
Могильник эпохи неолита. Днепропетровская обл.
213. Якимов В. П. Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики.— ТИЭ. Нов. серия, т. 32, 1956, стр. 245—272, с табл.
214. Янитс Л. Ю. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР.— В сб.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 142—171 с 5 карт. Резюме на нем. яз.
То же в изд. на эстонск. яз., стр. 120—146.

3. Эпоха бронзы и раннего железа юга европейской территории СССР

215. Алихова А. Е. К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 31—41 с 5 илл.
VIII—VI и IV—III вв. до н. э. Черниговская обл.
Амбургер Н. П. Нові дані про пам'ятки епохи неоліту та бронзи на Сеймі. См. № 169.
216. Амбургер Н. П. і Білановська Т. Д. Пізньотрипільське поселення біля с. Бортничів.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 115—117 с 1 илл.
217. [Березанская С. С.] Березанська С. С. Поселення раннього залізного віку в Житомирській області.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 48—51 с 1 илл.

Бибиков С. Н. Трипольские поселения в окрестностях Луки-Врублевецкой. См. № 173.

Бодянський. О. В. Розкопки Мар'ївського та Федорівського могильників у Надпоріжжі. См. № 174.

[Бондарь Н. Н.] Бондар М. М. До питання про характер торговельних зносин Ольвії з Скіфією. См. № 273.

Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией IV—I вв. до н. э. См. № 274.

218. Брайчевская А. Т. Железоплавильный горн в Новой Покровке. (По материалам раскопок И. Ф. Левицкого).— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 64—67 с 3 илл.

Горн датируется промежутком времени от позднескифской эпохи до середины I тысячелетия н. э. Харьковская обл.

219. Бреде К. А. Раскопки 1951 г. на Гавриловском городище.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 33—35.

III в. до н. э.— III в. н. э. Херсонская обл.

220. Ветштейн Р. І. Розкопки двох курганів біля Ворошиловграда.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 90—91 с 2 илл.

Курганы эпохи бронзы и времени поздних кочевников.

221. Вязьмітіна М. І., Покровська Є. Ф. Поселення VII—VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботина.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6, Київ, 1956, стр. 38—47 с 7 илл.

Гайдукевич В. Ф. Боспор и скифы. См. № 278.

222. Гембарович М. Т. К вопросу о значении трипольских женских статуэток.— СА, XXV, 1956, стр. 106—123 с 19 илл.

223. [Даниленко В. Н.] Даниленко В. М. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 5—16 с 9 илл.

Памятники VI—III вв. до н. э.

224. [Даниленко В. Н.] Даниленко В. М. та Макаревич М. Л. Червонохутірський могильнік мідного віку з трупоспаленням.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 92—98 с 4 илл.

Киевская обл.

225. Евстропов Н. Т. Каменный топор-молот из окрестностей с. Варваровки.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 47 с 1 илл.

Топор эпохи бронзы. Ворошиловоградская обл.

226. Есипенко А. Л. Археологічні розвідки Одеського музею у 1950—1951 рр.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 203—204 с 2 илл.

Памятники эпохи бронзы и первых вв. н. э.

227. [Захарук Ю. Н.] Захарук Ю. М. Дослідження пам'яток доби бронзи та раннього заліза на Волині в 1950 р.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6, Київ, 1956, стр. 21—23 с 2 илл.

228. [Захарук Ю. Н.] Захарук Ю. М. Пізньотрипільське поселення у верхів'ях р. Случі. (Коротке повідомлення про розвідкові розкопки біля с. Нової Чорторії в 1949 р.) — В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 130—133 с 1 илл.

229. [Захарук Ю. Н.] Захарук Ю. М. Поселення софіївського типу в околицях Києва.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6, Київ, 1956, стр. 111—114 с 1 илл.

230. Канівець В. І. Могильник епохи міді біля с. Чернина на Київщині.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6, Київ, 1956, стр. 99—110 с 6 илл.

Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии. См. № 286.

Колосов Ю. Г. Разведка памятников неолита и бронзы в степном Крыму. См. № 181.

231. Кондукторова Т. С. Материалы по палеоантропологии Украины. Палеоантропологический материал эпохи бронзы. (Запорожская область).— ТИЭ. Нов. серия, т. 33, 1956, стр. 166—203.

232. Короткевич Е. Л. Фауна позднетрипольского поселения Сандраки.— Збірнік праць Зоологічного музею, № 27. Київ, 1956 (АН УРСР. Ін-т зоології.), стр. 130—143. На укр. яз. Резюме на русск. яз.

233. [Лагодовская Е. Ф.] Лагодовська О. Ф., Виезжев Р. І. і Копилов Ф. Б. Кургани скіфського часу в с. Курилівці.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6, Київ, 1956, стр. 17—20 с 3 илл.

Винницкая обл.

234. [Лагодовская Е. Ф.] Лагодовська О. Ф. та Захарук Ю. М. Нові дослідження Войцехівського могильника.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 69—74 с 5 илл.

Могильник эпохи бронзы. Житомирская обл.

235. [Лагодовская Е. Ф.] Лагодовська О. Ф. Пізньотрипільське поселення у с. Сандраках.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6, Київ, 1956, стр. 118—129 с 12 илл.

236. Либеров П. Д. Курганы у села Черемушны.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 98—102 с 3 илл.

Курганы эпохи поздней бронзы и скифские. Харьковская обл.

237. Лобова И. И. Сарматы в Крыму. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1956. 16 стр. (АН СССР. ИИМК).
238. Мельниковская О. Клад браслетов в д. Горошков (Южная Белоруссия).— ВДИ, 1956, № 1, стр. 173—176.
Клад V—IV вв. до н. э.
239. Мелюкова А. И. Памятники VIII в. до н. э. на территории лесостепной Молдавии.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 39—47 с 2 илл.; 3 л. илл. Резюме на молдавск. и франц. яз.
240. Мерперт Н. Я. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Поволжье.— Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956 (АН СССР, ИИМК. КазФАН СССР. Гос. музей ТАССР), стр. 11—17.
241. Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 84—94 с 6 илл.
Памятники эпохи раннего железа и VIII—X вв. н. э. Воронежская обл.
242. Мошкова М. Г. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1956. 14 стр. (АН СССР. ИИМК). Загл. ошибочно: «Производство и основной импорт сарматов Нижнего Поволжья».
243. Нудельман А. А. и Рикман Э. А. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 129—133 с 1 илл.; 1 л. илл. Резюме на молдавск. и франц. яз.
Одинцова С. Н. Клады кремневых изделий из с. Гончаровки. См. № 188.
244. Пестрякова И. В. Скифское искусство Поднепровья VI—III в. до н. э. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1956. 18 стр. (Акад. художеств СССР. Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры).
245. Петренко В. Г. Культура племен Среднего Приднепровья в IV—III в. до н. э. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1956. 16 стр. (АН СССР. ИИМК).
246. Пешанов В. Ф. Результати археологічніх робіт на р. Чингулі в 1950 р.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 85—89 с 3 илл.
Могильник эпохи бронзы. Запорожская обл.
247. Погребова Н. Н. Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 94—97 с 3 илл.
II в. до н. э. Запорожская обл.
248. Сергеев Г. П. Находка медных сосудов на территории Молдавии.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 135—141 с 6 илл. Резюме на молдавск. и франц. яз.
Сосуды II в. до н. э.
249. Синицын И. В. Археологические памятники у села Пролейки.— УЗ СаратГУ, т. 47, 1956, стр. 207—232 с 34 илл.
Памятники эпохи бронзы и скифские. Сталинградская обл.
250. Синицын И. В. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени.— ТСаратОМК, вып. 1, 1956, стр. 22—64 с 31 илл.
251. Смирнова Г. И. Результаты работы Западноукраинской [археологической] экспедиции 1955 г.— СГЭ, 10, 1956, стр. 52—54 с 3 илл.
Памятники X—VII вв. до н. э. Черновицкая обл.
252. Смішко М. Ю. Курганний могильник ранньозалізного часу в с. Білках.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6, Київ, 1956, стр. 24—28 с 2 илл.
Закарпатская обл.
253. Телегін Д. Я. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці [1950—1951 рр.].— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 75—84 с 5 илл.
254. Телегин Д. Я. Погребение скифского времени на нижнем Днепре.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 48—49 с 2 илл.
255. Тереножкин А. И. Раскопки курганов в долине реки Молочной в 1952 г.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 70—75 с 3 илл.
Курганы эпохи бронзы. Запорожская обл.
256. Тітенко Г. Т. Розкопки пам'яток скіфського часу на Пастирському городищі.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 52—55 с 2 илл.
Шапошникова О. Г. Розвідкові археологічні дослідження в с. Нових Безрадичах. См. № 206.
257. Шилов В. П. Погребения сарматской знати I в. до н. э.— I в. н. э. (Предварит. сообщение).— СГЭ, 9, 1956, стр. 42—45 с 4 илл.
258. Шилов В. П. Ранне-железный век Поволжья.— Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956. (АН СССР. ИИМК. КазФАН СССР. Гос. музей ТАССР), стр. 18—20.
259. Шовкопляс І. Г. Середньодністровська експедиція 1949—1951 рр.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 29—37 с 9 илл.
Исследование памятников VIII—VII вв. до н. э.
260. Шрамко Б. А. Курган и городище у села Циркуны.— КСИИМК, вып. 63 1956, стр. 103—108 с 3 илл.
IV—I вв. до н. э. Харьковская обл.

261. Шрамко Б. А. Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островерхівки.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 6. Київ, 1956, стр. 56—65 с 4 илл. Харьковская обл.
262. Шульц П. Н. Тавры и их взаимоотношения с античными городами Северного Причерноморья.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР. ИИМК), стр. 10—19.
263. Яценко И. В. Скифские погребения близ Ногайска. (По материалам раскопок Н. И. Веселовского в 1887 г.) — ВДИ, 1956, № 1, стр. 157—165 с 8 илл.

4. Античные города Северного Причерноморья

264. Белецкий А. А. Надпись Полимеда из Ольвии.— ВДИ, 1956, № 3, стр. 137—141 с 1 илл.
265. Белов Г. Д. К вопросу об изучении экономики эллинистического Херсонеса.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР. ИИМК), стр. 3—6.
Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1955 г. См. № 393.
266. Белов Г. Д. Терракотовый жертвенник из Херсонеса.— СГЭ, 9, 1956, стр. 47—49 с 2 илл.
267. Белов Г. Д. Эллинистический квартал в Херсонесе.— ВДИ, 1956, № 3, стр. 141—151 с 10 илл.
268. Берзин Э. О. О линейных мерах Боспора.— СА, XXVI, 1956, стр. 228—235.
269. Блаватская Т. В. Боспор и Афины в V—IV вв. до н. э.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР. ИИМК), стр. 40—42.
270. Блаватский. В. Д. Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР. ИИМК), стр. 1—3.
271. Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1953 .году.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 109—123 с 8 илл.
272. Блаватский В. Д. Фанагорийская стенная роспись.— МИА, № 57, 1956, стр. 168—170; 1 л. илл.
273. [Бондарь Н. Н.] Бондар М. М. До питання про характер торговельних зносин Ольвії з Скифією.— НЗКиївДУ, т. 15, 1956, вип. 6, Іст. зб. № 7, стр. 171—178.
274. Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией IV—I вв. до н. э.— СА, XXV, 1956, стр. 124—137.
275. Брабич В. М. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 65—68.
276. Веселов В. В. Плита из Керчи с изображением грифона.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 62—63 с 1 илл.
277. Волчкова Н. И. Клад античных монет из Каменки-Днепровской.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 55—56 с 1 илл.
278. Гайдукевич В. Ф. Боспор и скифы.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956 (АН СССР. ИИМК), стр. 6—9.
279. Голенко К. В. К датировке пантикапейских тетрадрахм.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 158—161; 1 л. илл.
280. Голенко К. В. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 107—115; 2 л. илл.
281. Голенко К. В. О необычных монетах Рискупорида VI.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 57—61 с 1 илл.
282. Голенко К. В. Херсонесская монета с боспорской надчеканкой.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 156—157; 1 л. илл.
283. Зеест И. Б. Экономические связи Боспорских городов.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР. ИИМК), стр. 33—36.
284. Капанадзе Д. Г. Экономические связи Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956 (АН СССР. ИИМК), стр. 39—40.
285. Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья.— МИА, № 50, 1956, стр. 211—254 с 24 илл.
286. Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, № 50, 1956, стр. 154—189 с 26 илл.
287. Капошина С. И. Ранние этапы греческой колонизации Нижнего Побужья.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР. ИИМК), стр. 20—22.
288. Карасев А. Н. Основные результаты работ на ольвийской агоре в 1953 году.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 124—127 с 3 илл.

289. Карасев А. Н. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города.— МИА, № 50, 1956, стр. 9—34 с 3 илл.; 6 л. илл.
290. Карасев А. Н. Развитие строительно-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР. ИИМК), стр. 42—44.
291. [Карышковский П. О.] Каришковський П. Й. З історії Ольвії в IV в. до н. е. (до Macrobii. Sat. I, II, § 33).— ТОдесГУ, Серія іст. наук, вип. 5, 1956, стр. 167—174 с 1 илл.
292. Карышковский П. О. Из истории монетного дела и денежного обращения Ольвии в V—III вв. до н. э.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР, ИИМК), стр. 45—50.
293. Карышковский П. О. О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н. э.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 69—77; 1 л. илл.
294. Кастанаян Е Г. Период позднего эллинизма в истории городов Боспора.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР. ИИМК), стр. 22—25.
295. Керченский историко-археологический музей. Путеводитель по Керченскому музею, археологическим и историческим памятникам Керчи и Керченского полуострова. Симферополь, Крымиздат, 1956. 175 стр. с илл. и карт.; 1 л. карт. На обороте тит. л. сост.: Ф. Т. Гусаров, С. Ф. Нечаева, Н. З. Питкина, М. Ф. Сезько, В. П. Чередникова-Азарова и Л. И. Чуистова.
296. Книпович Т. Н. Исследования территории римской цитадели в Ольвии.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 139—141 с 1 илл.
297. Книпович Т. Н. Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников.—МИА, № 50, 1956, стр. 119—153.
298. Кобылина М. М. Фанагория.— МИА, № 57, 1956, стр. 5—101 с 23 илл.; 2 л. илл.
299. Кругликова И. Т. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря.— СА, XXV, 1956, стр. 236—260 с 14 илл.
300. Кругликова И. Т. Сельская территория Боспора.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР. ИИМК), стр. 25—32.
301. Крушкол Ю. С. Патрэйский клад 1950 г.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 116—117; 1 л. илл.

    Клад I в. до н. э.
302. Леви Е. И. Новые материалы Ольвийской агоры.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.—Л., 1956, стр. 54—55.
303. Леви Е. И. Ольвийская агора.— МИА, № 50, 1956, стр. 35—118 с 78 илл.
304. Лосева Н. М. Два обломка халкидской вазы из раскопок Фанагории 1939 г.— МИА, № 57, 1956, стр. 164—167 с 1 илл.
305. Лосева Н. М. Терракотовая головка сатира из Фанагории.— МИА, № 57, 1956, стр. 176—179 с 1 илл.
306. Максимова М. И. Глиняная ткацкая подвеска с оттиском печати.— МИА, № 50, 1956, стр. 190—196 с 4 илл.

    Подвеска из Ольвии V—IV в. до н. э.
307. Марченко И. Д. Две литейные формы из Фанагории.— МИА, № 57, 1956, стр. 161—163 с 4 илл.
308. Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг.— МИА, № 57, 1956, стр. 102—127 с 5 илл.
309. Мезенцева Г. Г. Ольвійські теракоти.— НЗ КиївДУ, т. 15. 1956, вип. 6. Іст. збірник, № 7, стр. 179—202, с 4 илл.
310. Наливкина М. А. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма. (Керкинитида и Калос Лимен в V—II вв. до н. э.).— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР. ИИМК), стр. 36—39.
311. Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. [Сборник статей]. Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.—Л., 1956. 278 стр. с илл.; 6 л. илл. (АН СССР. ИИМК. АН УССР Ин-т археологии. Материалы и исследования по археологии СССР, № 50).

    См. №№ 285, 286, 289, 297, 303, 306, 333.
312. Онайко Н. А. О фанагорийских грузилах. (По материалам из раскопок 1936—1940 гг. и 1947—1952 гг.).— МИА, № 57, 1956, стр. 154—160 с 3 илл.
313. Передольская А. А. Два новых фрагмента сосудов с росписью Бригоса.— СГЭ, 9, 1956, стр. 46—47 с 2 илл.
314. Передольская А. А. Мастер миниатюрной леканы с изображением амазономахии.— СГЭ, 10, 1956, стр. 39—41 с 2 илл.
315. Передольская А. А. Новая выставка ювелирных изделий из курганов и античных городов Северного Причерноморья.— СГЭ, 10, 1956, стр. 7—8.

316. Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса. Коллекция Гос. ист. музея. Научн. ред. Е. И. Крупнов. М., Госкультпросветиздат, 1956, 84 стр. с 24 илл.; 8 л. илл. (Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры. Вып. 18).
317. Розанова Н. П. Монеты царя Фардзоя.— МИА, № 50, 1956, стр. 197—208 с 2 илл.
318. Розанова Н. П. О золотых монетах с надписью КОЕΩN.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 118—122; 1 л. илл.
319. Скуднова В. М. Комплекс находок из раскопок святилища кабиров в Нимфее.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 128—138 с 3 илл.
320. Скуднова В. М. Монеты-стрелки из Ольвии.— СГЭ, 10, 1956, стр. 38—39.
321. Скуднова В. М. Фрагменты чернофигурного кратера мастерской Лидоса из Нимфея.— СГЭ, 9, 1956, стр. 45—46 с 2 илл.
322. Славін Л. М. Древньогрецьке поселення на острові Березань.— НЗ КиївДУ, т. 15, 1956, вип. 6. Іст. збірник № 7, стр. 157—169.
323. Славин Л. М. Раскопки Ольвии в 1955 г.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 27—32 с 5 илл.
324. Сокольский Н. И. и Шелов Д. Б. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья.— Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956. (АН СССР. ИИМК), стр. 50—60.
325. Соломоник Э. И. О двух загадочных знаках на стеле из Ольвии.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 50—54 с 3 илл.
326. Сорокин Н. П. Архитектурная терракота из Фанагории.— МИА, № 57, 1956, стр. 171—175 с 4 илл.
327. Топачевский В. А. Фауна Ольвии.— Збірник праць Зоологічного музею, № 27. Київ, 1956. (АН УРСР. Ін-т зоології), стр. 61—129. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
328. Фанагория. [Сборник статей]. Под ред. А. П. Смирнова. М., 1956. 184 стр. с илл.; 3 л. илл. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 57).
См. №№ 272, 298, 304, 305, 307, 308, 312, 326, 331, 486.
329. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею. Симферополь, Крымиздат, 1956. 142 стр. с илл. (М-во культуры УССР. Херсонесский гос. ист.-археол. музей). На обороте тит. л. сост.: С. Ф. Стржелецкий.
330. Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. 195 стр. с 68 илл. и карт.; 4 л. илл. (АН СССР. ИИМК).
331. Шелов Д. Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории.— МИА, № 57, 1956, стр. 128—153 с 4 илл.
332. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956. 222 стр., 5 л. илл. (АН СССР. Ин-т истории и ИИМК. Причерноморье в античную эпоху. Под ред. В. Н. Дьякова. Вып. 9).
Рец.: Карышковский П. О.—СА, 1957, № 1, стр. 276—279.
333. Штительман Ф. М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, № 50, 1956, стр. 255—272 с 8 илл.
Шульц П. Н. Тавры и их взаимоотношения с античными городами Северного Причерноморья. См. № 262.
334. Яцко В. А. К вопросу об ольвийских литых монетах с надписью «ΑΡΙΧ».— ТОдесГУ, т. 146. Сборник студенч. работ, вып. 4. 1956, стр. 23—25.

5. Эпоха бронзы и раннего железа северной и средней части европейской территории СССР

335. Алихова А. Е. Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 141—143 с 1 илл.
Бадер О. Н. Некоторые проблемы первобытной истории Урала. См. № 170.
Бадер О. Н. Неолит и эпоха бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье. См. № 171.
336. Букирев А. И. К истории камской ихтиофауны.— УЗ МолотГУ, т. 11, вып. 3, 1956, стр. 75—82. Библиогр.: 20 назв.
По материалам из городищ IV в. до н. э.— II в. н. э. и IX—XVII вв.
337. Вассар А. К. К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии.— В сб.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 187—218 с 10 илл. и 2 карт. Резюме на нем. яз.
То же в изд. на эстонск. яз., стр. 160—190.
338. Генинг В. Ф. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа.— Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956. (АН СССР. ИИМК. КазФАН СССР. Гос. Музей ТАССР), стр. 41—46.
VII в. до н. э.— XV в. н. э.
339. Збруева А. В. Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры.— Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956. (АН СССР. ИИМК. КазФАН СССР. Гос. музей ТАССР), стр. 39—40.

340. Каталог археологических коллекций. Вып. 1. Эпоха железа. Ананьинская и пьяноборская культуры. Сост. А. М. Ефимова. Под общ. ред. А. П. Смирнова. Казань, 1956. 35 стр. (Гос. музей ТАССР).
341. Лашук А. П. О древнем расселении манси в бассейне Верхней Печоры.— ТКомиФАН СССР, 4, 1956, стр. 160—167. Библиогр.: 25 назв.
342. Максимов Е. К. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш, Саратовской области.— ТСаратОМК, вып. I, 1956, стр. 115—123 с 5 илл.

Мерперт Н. Я. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Поволжье. См. № 240.

343. Попов В. А., Кулаева Т. М. Фауна Именьковского городища.— Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956. (АН СССР. ИИМК. КазФАН СССР. Гос. музей ТАССР), стр. 57—59.

Городище ананьинско-пьяноборского времени и второй половины I тысячелетия н. э.

344. Степанов П. Д. Вольское городище.— ТСаратОМК, вып. 1, 1956, стр. 5—21 с 8 илл.

Многослойное городище: эпоха неолита, эпоха бронзы, эпоха раннего железа. Саратовская обл.

345. Тихонов Б. Г. Металлические изделия в бронзовую эпоху на Урале и в Приуралье. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1956. 15 стр. (АН СССР. ИИМК).
346. Трубникова Н. В. Отчет о разведочных археологических работах, проведенных в 1955 г. у д. Криуши Чувашской АССР.— Учен. Записки (Научно-исслед. ин-т языка, лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР), вып. 14. Чебоксары, 1956, стр. 161—172 с 7 илл.

Памятники эпохи бронзы.

347. Чернов Г. А. Новые археологические находки в Печорском бассейне.— КСИИМК, вып. 64. 1956, стр. 104—115 с илл. и 1 карт.

Находки конца II — начала I тысячелетия до н. э.

Чирвинский П. Н. Петрографическая характеристика каменных орудий стоянок Усть-Чусовского района Молотовской области. См. № 205.

348. Ширинкина А. М. Древнее поселение Камский Бор I близ г. Оханска.— УЗ МолотГУ, т. 11, вып. 3, 1956, стр. 63—69 с 5 илл.

Поселение эпохи бронзы. Пермская обл.

349. Шмидехельм М. Х О племенах Северо-Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э.— В сб.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 172—186 с 2 илл. и 4 карт. Резюме на нем. яз.

То же в изд. на эстонск. яз., стр. 147—159.

350. Юсупов Г. В. Археологические разведки в Башкирии [1953 г.].— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 85—92 с 5 илл.

Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа.

6. Славяне и соседние племена в I тысячелетии н. э.

351. Алексеева Т. И. Антропологический состав населения Волго-Окского бассейна. (К проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье).— ТИЭ. Нов. серия, т. 33, 1956, стр. 37—72 с 2 карт.
352. Артамонов М. И Славяне и Русь.— Научная сессия (Ленингр. гос. ун-т). 1955—1956 гг. Тезисы докладов по секции ист. наук. Л., 1956, стр. 3—6.
353. Баран В. Д. Бронзовая подвеска из села Черепино.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 136—137 с 1 илл.

III—IV вв. н. э.

Брайчевская А. Т. Железоплавильный горн в Новой Покровке. См. № 218.

354. [Брайчевская А. Т.] Брайчевська А. Т. Найдавніші гончарські горни на східнослов'янських землях.— Нариси з історії техніки, вип. 3. Київ, 1956. (АН УРСР. Відділ технічних наук. Комисія з історії техніки), стр. 143—150 с 3 илл. Библиогр.: 19 назв.
355. Брайчевский М. Ю. К вопросу о происхождении Оболонского клада.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 59—64 с 1 карт.

Клад первой половины I тысячелетия н. э., найденный в Киеве в 1876 г.

356. Брайчевский М. Ю. Новый клад римских монет из села Турии.— ВДИ, 1956, № 4, стр. 153—156 с 1 илл.

Черкасская обл.

357. Брайчевский М. Ю. О некоторых спорных вопросах ранней истории восточных славян. [По поводу статьи Г. Ф. Корзухиной «К истории среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.» в сб. «Сов. археология», XXII, 1955].— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 70—86.

Бреде К. А. Раскопки 1951 г. на Гавриловском городище. См. № 219.

358. Голенко К. В. Имитация солида VII в. из Поднепровья.— ВВ, т. 11, 1956, стр. 292—294; 1 л. илл.

359. Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 3—30 с 7 илл. и 1 карт.
Середина I тысячелетия н. э. Ярославская обл.
Ефимова А. М. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии. См. № 418.
360. Кропоткин В. В. О некоторых кладах римских монет, найденных в России. (Из истории русской нумизматики).— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 100—106 с 2 илл.
Лобова И. И. Сарматы в Крыму. См. № 237.
361. Ляпушкин И. И. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей — ВЛУ, 1956, № 20. Серия ист., языка и лит., стр. 45—60 с 1 карт. Прил.: Список населенных пунктов, близ которых расположены славянские поселения второй половины I тысячелетия н. э.
362. Мавродин В. В. Древнейшие сведения о славянах. (К вопросу о происхождении славян).— Научная сессия (Ленингр. гос. ун-т). 1955—1956 гг. Тезисы докладов по секции ист. наук. Л., 1956, стр. 7—10.
363. Мавродин В. В. Древнейшие сведения о славянах. (К вопросу о происхождении славян).— ВЛУ, 1956, № 20. Серия ист., языка и лит., вып. 4, стр. 25—44.
364. Максимов Е. В. Обсуждение вопросов ранней истории восточных славян в Институте археологии АН УССР.— КСИА, вып. 6, 1956, стр. 72—78
365. Максимов Е. К. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья.— ТСаратОМК, вып. I, 1956, стр. 65—85 с 9 илл. и 1 карт.
366. Махно Е. В. К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 148—151 с 2 илл.
Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. См № 241.
367. Нудельман А. А. и Рикман Э. А. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранне-византийских) из Молдавии.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 143—154 с 1 илл.; 1 л. илл. Резюме на молдавск. и франц. яз.
368. Оборин В. А. Сасанидское серебряное блюдо из д. Шудьякар.— ВДИ, 1956, № 2, стр. 174—177 с 3 илл.
Блюдо IV—V вв. из Кировской обл.
369. Полесских М Новые раскопки [1956 г.].— Земля родная, кн. 13. Пенза, 1956, стр. 236—238
Могильники I тысячелетия н. э. Пензенской обл.
Попов В. А. и Кулаева Т. М. Фауна Именьковского городища. См. № 343.
370. Смирнов А. П. Поздний железный век Поволжья.— Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956. (АН СССР. ИИМК, КазФАН СССР. Гос. музей ТАССР), стр. 21—24.
Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VII—XIV вв. н. э. См. № 497
371. Степанов П. Д. К вопросу о происхождении мордовских племен — мокши и эрзи. (По данным археологии и языка).— УЗ СаратГПИ, вып. 22, 1956, стр. 143—170 с 17 илл.
372. Сымонович Э. А. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры.— СА, XXVI, 1956, стр. 262—270 с. 2 илл.; 1 л. илл.
373. Сымонович Э. А. О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 131—135 с 2 илл.
374. Талис Д. Л. Раннесредневековый Херсонес (Из истории соц.-экон. и полит. развития города в I—X вв.) Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1956. 15 стр. (АН СССР. ИИМК).
375. Тараканова С. А Каменные плитки с рисунками с городища Камно.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 152—154 с 2 илл.
376. Тараканова С. А. Псковские городища.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 33—44 с 5 илл.
Городища от рубежа н. э. до XI—XII вв.
Тарасенко П. Ф. Городища Литвы. См. № 505.
377. Тиханова М. А. Борочицкий клад.— СА, XXV, 1956, стр. 301—317 с 8 илл.
Клад IV—V вв. Волынская обл
378. Третьяков П. Н. Спорные вопросы этнического развития восточных славян.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.— Л., 1956, стр. 3—8.
379. Федоров Г. Б. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 49—65 с 9 илл. Резюме на молдавск. и франц. яз.
Памятники II—V вв.
380. Федоров Г. Б. По местам древних славянских поселений.— Славяне, 1956, № 5, стр. 24—29 с илл.
Шмидехельм М. Х. О племенах Северо-Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. См. № 349.

381. Шмидт Е. А. К вопросу хронологической классификации курганов Смоленской области.— Научная конференция профессорско-преподават. состава. Смол. гос. пед. ин-та по итогам научно-исслед. работ. Тезисы докладов. Смоленск, 1956, стр. 17—20.

7. Древняя Русь и ее соседи

382. Алпатов М. В. Музей имени Рублева.— Архитектура СССР, 1956, № 7, стр. 39—40 с илл
Андроников монастырь в Москве XIV в.
383. Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси.— ТОДРЛ, 12, 1956, стр. 292—310, 4 л. илл.
384. Антонова В. О первоначальном месте «Троицы» Андрея Рублева.— Материалы и исследования (Гос. Третьяковская галерея), т. I. М., 1956, стр. 21—43; 5 л. илл.
Артамонов М. И. Славяне и Русь. См. № 352.
385. Арутюнян В. Об одной надписи армянскими буквами [в Софийском соборе в Киеве].— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1956, № 5, стр. 119. На арм. яз.
386. Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода.— МИА, № 55, 1956, стр. 7—43 с 14 илл.; 2 л. илл.
387. Арциховский А. В. Новые открытия в Новгороде.— В сб.: Десятый Международный конгресс историков в Риме. Сент. 1955. Доклады советской делегации. М., 1956. (АН СССР. Ин-т истории), стр. 171—188.
388. Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.—Л., 1956, стр. 9—10.
389. Арциховский А. В. Раскопки 1955 года в Новгороде.— ВИ, 1956, № 3, стр. 66—74 с илл.
390. Асеев Ю. С. Древний Киев (X—XVII вв.). М., Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1956. 109 стр. с 67 илл. (Сокровища зодчества народов СССР).
391. Балдин В. Архитектура Троицкого собора Троице-Сергиевской Лавры.— Архитектурное наследство, 6, М., 1956, стр. 21—56 с 45 илл.
XV в.
392. Банк А. В. Старые находки из Херсонеса в свете некоторых новых данных.— ВВ., т. 9, 1956, стр. 186—192 с 5 илл.; 1 л. илл.
393. Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1955 г.— СГЭ, 10, 1956, стр. 54—57 с 3 илл.
394. Белогорцев И. Д. Смоленская архитектурная школа периода феодальной раздробленности.— Научная конференция профессорско-преподават. состава Смол. гос. пед. ин та по итогам научно-исслед. работы. Тезисы докладов. Смоленск, 1956, стр. 20—24.
395. Блохина Н. Б. Приемы использования полихромной керамики в русской архитектуре второй половины XVII века. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. М., 1956. 19 стр. (Моск. архитектурный ин-т. Кафедра истории искусства, архитектуры и градостроительства).
396. Бобков А. С. Сборное строительство на Руси в XVI в.— Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. 7. История строительной науки и техники. М., 1956, стр. 112—119 с 1 илл. Библиогр.: 7 назв.
Букирев А. И. К истории камской ихтиофауны. См. № 336.
397. Варганов А. Д. Обжигательные печи XI—XII веков в Суздале.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 49—54 с 3 илл.
398. Васильев И. Древнейшие железные конструкции.— Архитектура СССР, 1956, № 3, стр. 44—45.
Конструкции в храме Василия Блаженного в Москве.
Ветштейн Р. И. Розкопки двох курганів біля Ворошиловграда. См. № 220.
399. Владимирский обл. краеведческий музей. Путеводитель по Историческому отделу музея. Владимир, Кн. изд., 1956. 111 стр. с илл. В вып. дан. сост.: А. С. Королева.
400. Воронин Н. Н. Археологические заметки. (Доклад, прочит. на заседании сектора славяно-русской археологии 27 янв. 1955 г.).— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 17—32 с 11 илл.
Публикация предметов прикладного искусства древней Руси XII—XIII вв. из музейных коллекций.
401. Воронин Н. Н. Бельчицкие руины. (К истории полоцкого зодчества XII в.).— Архитектурное наследство, 6, М., 1956, стр. 3—20 с 13 илл.
402. Воронов Н. В. и Сахарова И. Г. Новые материалы об архитектурном ансамбле Иосифова Волоколамского монастыря.— Архитектурное наследство, 6, М., 1956, стр. 107—131 с 14 илл.
XV—XVI вв.
403. Воронов Н. В. и Блохина Н. Б. Ярославские изразцы.— Краевед. записки (Ярослав. обл. краевед музей), вып. I. Ярославль, 1956, стр. 113—133 с 8 илл.
404. Гендель Э. Выпрямление древней звонницы в Вяземах.— Архитектура СССР, 1956, № 12, стр. 46—48 с илл.
XVI в.

405. Генинг В. Ф. Романовский клад.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 159—162 с 1 илл.
Клад XIII в. Пермская обл.
Генинг В. Ф. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа. См. № 338.
406. Герасимова М. М. Скелеты древних болгар из раскопок у с. Кайбелы.— ТИЭ. Нов. серия, т. 33, 1956, стр. 146—165.
407. Гнедовский Б. Восстановление памятников архитектуры Ростовского кремля.— Архитектура СССР, 1956, № 1, стр. 37—39 с илл.
408. Гнип П. І. Розвиток металургії на Україні в XVII і XVIII ст.— Нариси з історії техніки, вип. 3. Київ, 1956 (АН УРСР. Відділ технічних наук. Комісія з історії техніки), стр. 75—94 с 7 илл. Библиогр.: 27 назв.
Привлекаются данные археологии.
409. Гончаров В. К. Древний Галич.— ВАНУРСР, 1956, № 1, стр. 61—67.
410. Гуссаковский Л. П. Древнерусское народное жилище VIII—XIII вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1956. 15 стр. (АН СССР. ИИМК).
411. Давид Л. А. и Огнев Б. А. Забытый памятник московского зодчества XV в.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 51—56 с 3 илл.
Церковь в с. Каменское Московской обл.
412. Демина Н. А. Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга.— ТОДРЛ, 12, 1956, стр. 311—324; 4 л. илл.
413. Дмитриев Ю. Н. К истории одного памятника.— СГРМ, 4, 1956, стр. 58—61.
Шитая пелена XVI в.
414. Древние иконы старообрядческого кафедрального Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве. [Альбом. М., Изогиз], 1956. 139 стр. с 57 л. илл. (Старообрядческая архиепископия Московская и всея Руси).
Рец.: Кузьмин Н.— НМ, 1957, № 6, стр. 255—257.
415. Дубынин А. Ф. Археологические исследования в Зарядье (Москва).— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 119—130 с 6 илл.
416. Дундулене П. В. Земледелие в Литве в эпоху феодализма.— ТИЭ. Нов. серия, т. 32, 1956, стр. 3—47.
417. Ефимова А. М. Болгарское городище. Справочник-путеводитель. Казань, 1956, 16 стр., 1 л. план. (Гос. музей ТАССР).
418. Ефимова А. М. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии.— Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956. (АН СССР. ИИМК. КазФАН СССР. Гос. музей ТАССР), стр. 47—49.
419. Ефимова А. М. Новые данные о болгарской металлургии.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 135—140 с 2 илл.
420. Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник. Путеводитель. [Под ред. Н. А. Маясовой]. М., Госкультпросветиздат, 1956. 103 стр. с илл. На обороте тит. л. сост.: Н. А. Маясова, Т. В. Николаева, И. И. Бурейченко, О. Н. Есипова, О. В. Круглова.
421. Запаско Я. П. Використання народного орнаменту в оформленні українських рукописных книг кінця XVI — першої половини XVIII ст.— Праці Українського держ. музею етнографії та художнього промислу, вип. 2, Київ, 1956, стр. 32—47 с 12 илл.
422. Земцов С. М. Львов. М., Госстройиздат, 1956. 120 стр. с илл. (Сокровища зодчества народов СССР).
423. Ильин М. А. Бухвостов. М., Госстройиздат, 1956. 64 стр. с илл. (Мастера русского зодчества).
Зодчий конца XVII в.
424. История русской архитектуры. 2-е изд., испр. и доп. М., Госстройиздат. 1956. 614 стр. с илл. и карт.; 3 л. план. (Акад. архитектуры СССР. Ин-т истории и теории архитектуры). На обороте тит. л. авт.: Н. И. Брунов, А. И. Власюк, А. И. Каплун [и др.]. Библиогр.: стр. 567—572, сост. М. В. Будылина.
425. Казаринова В. Архитектура Дмитриевского собора в городе Владимире.— Архитектура СССР, 1956, № 11, стр. 40—42; 1 л. илл.
426. Калимуллин Б. Г. Архитектурные памятники Башкирии. I. Уфа, Башкнигоиздат, 1956. 35 стр. с илл. (АН СССР. Башкир. филиал. Ин-т истории, языка и литературы). Библиогр. в конце книги.
427. Калинин Н. Ф. Булгаро-татарские эпиграфические памятники как исторический источник.— Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. М., 1956. (АН СССР, ИИМК. КазФАН СССР. Гос. Музей ТАССР), стр. 25—31.
428. Калинин Н. Ф. Булгарская перстневая печать XIV века в фондах музея. Доклад на «Краеведческих чтениях» 1955 года. Казань. 1956. 20 стр.; 1 л. илл. (Гос. музей ТАССР).
429. Каличенко Л. и Мамолат. Е. О некоторых вопросах древнерусского искусства.— Русско-украинские связи в изобразительном искусстве. Сборник статей. Киев, 1956, стр. 5—21; 3 л. илл.

430. Каменская Е. Исторический сюжет в клеймах иконы «Владимирская богоматерь» Истомы Савина.— Материалы и исследования (Гос. Третьяковская галерея), т. I, М., 1956, стр. 44—49; 1 л. илл.
431. Каргер М. К. Основные итоги работ Галицко-Волынской архитектурно-археологической экспедиции ЛГУ в 1955 г.— Научная сессия (Ленингр. гос. ун-т), 1955—1956 гг. Тезисы докладов по секции ист. наук. Л., 1956, стр. 14—17.
432. Карпачев Г. Больше внимания памятникам архитектуры.— Архитектура СССР, 1956, № 5, стр. 58.

О памятниках средневековой архитектуры Литовской ССР.
433. Кацер М. С. Белорусская архитектура. Ист. очерк. Минск, Госиздат БССР, 1956. 120 стр. с 46 илл. (АН БССР. Ин-т литературы и искусства). Библиогр.: стр. 118—119.
434. Кацнельсон Р. А. Ансамбль Симонова монастыря в Москве.— Архитектурное наследство, 6. М., 1956, стр. 87—106 с 31 илл.
435. Кижский погост. Памятка туристу и экскурсанту. Петрозаводск, 1956. 9 стр. (Упр. по делам архитектуры и строительства. М-во коммун. хозяйства КАССР. Карел. респ. б-ка). «Что читать о Кижском погосте»., стр. 8—9.
436. Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X—XV веков. (По материалам Новгор. археол. экспедиции). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1956. 15 стр. (АН СССР. ИИМК).
437. Кирьянов И. А. Нижегородский кремль. Очерк истории кремля в г. Горьком. Горький, Кн. изд., 1956. 116 стр. с илл.; 2 л. план. Библиогр.: стр. 115.
438. Кислов М. Археологические раскопки в Новгороде в 1956 году.— ВМУ. Ист.-филол. серия, 1956, № 2, стр. 177—180.
439. Кишэ Э. Я. и Плауцинь Л. К. Памятники архитектуры Риги. [Фотоальбом]. Рига, 1956. [64], XVIII стр. (АН ЛатвССР. Гос. ком-т Совета Министров ЛатвССР по делам строительства и архитектуры). Текст паралл. на латышск. и русск. яз.
440. Козлов П. И., Суслов А. И. и Чураков С. С. Ярославль. Путеводитель [по памятным местам]. Ярославль, Кн. изд., 1956, 208 стр. с 2 илл.; 1 отд. л. схем.

Стр. 37—112: «Архитектура Ярославля в XVII веке».
441. Кокарев А. В. Оружие и оборонительные сооружения у древних коми-пермяков в IX—XV веках нашей эры.— Из истории нашего края. Сборник научн. работ студентов Молот. гос. ун-та. Молотов, 1956, стр. 38—47 с 2 илл.
442. Колчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа.— МИА № 55, 1956, стр 44—137 с 49 илл.; 4 л. илл.
443. Коноров А. В. К истории кирпича в России в XI—XX вв.— Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. 7. История строительной науки и техники. М., 1956, стр. 178—224 с 15 илл. Библиогр.: 69 назв.
444. Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. [1907—1909 гг.].— СА, XXV, 1956, стр. 318—337 с 7 илл. Прил.: Выписка А. А. Спицына из дневника раскопок В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в 1907 г., стр. 337—342.
445. Косточкин В. В. О датировке крепостей Острова и Изборска.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 59—65 с 3 илл.
446. Кушнир И. Зодчество в Великом Новгороде. Новгород, № 4, 1956, стр. 116—122.
447. Лазарев В. Н. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской.— ВВ, т. 10, 1956, стр. 161—177 с 4 илл.; 4 л. илл.
448. Лазарев В. Н. Этюды о Феофане Греке. II—III.— ВВ, т. 8, 1956, стр. 143—165 с 4 илл.; 7 л. илл., т. 9, 1956, стр. 193—210; 13 л. илл.
449. Лебедева Ю. А. Два памятника древнерусского шитья XVI века в собрании Русского музея.— СГРМ, 4, 1956, стр. 54—57 с илл.
450. Левашева В. П. Сельское хозяйство [древней Руси].— ТГИМ, вып. 32, 1956, стр. 19—105 с 21 илл.; 1 л. илл.; 2 л. карт.
451. Лукьянов П. М. Краски древней Руси.— Природа, 1956, № 11, стр. 77—82; 1 л. илл.
452. Маковецкий И. В. Редкий памятник русского деревянного зодчества.— СИИИ, 7, 1956, стр. 105—110 в 6 илл.

Богородицкая церковь в с. Пенежское Пермской обл.
453. Мальм В. А. Промыслы древнерусской деревни.— ТГИМ, вып. 32, 1956, стр. 106—138 с 8 илл.
454. Махно Е. В. Раскопки на славянском поселении у сел. Пояны и Сокол в 1953 г.— ИМолдФАН СССР, 1956, №. 4, стр. 155—162 с 5 илл. Резюме на молдавск. и франц. яз.

Поселение IX—X вв. Молдавская ССР.
455. Медведев А. Ф. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого.— МИА, № 55, 1956, стр. 208—227 с 8 илл.; 1 л. илл.
456. Мец Н. Д. Монеты удельного княжества Кашинского. (К истории борьбы за Кашин в период сложения Русского централизованного государства).— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 55—67; 1 л. илл.
457. Милославский М. Г. Техника деревянного зодчества на Руси в XVI—XVII вв.— Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. 7. История строительной науки и техники. М., 1956, стр. 44—111 с 26 илл.; 1 л. илл. Библиогр.: 35 назв.

458. Михайлова Т. В. Приемы построения и применения архитектурных деталей из керамики. Опыт исследования сооружений г. Ярославля второй половины XVII в. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитектуры. Киев, 1956, 19 стр. (Акад. архитектуры УССР. Ин-т архитектуры сооружений).
459. Могильников В. А. Металлургия у древних коми-пермяков в X—XIV веках.— Из истории нашего края. Сборник научн. работ студентов Молот. гос. ун-та. Молотов, 1956. стр. 19—37 с 4 илл.
460. [Молчанова Л. А.] Малчанава Л. А. Беларускае селянскае жылле феадальнай эпохі.— ВАН БССР, 1956, № 4, стр. 55—64.
461. Оборин В. А. К вопросу о ранних этапах проникновения русской культуры в Прикамье — Из истории нашего края. Сборник научн. работ студентов Молот. гос. ун-та. Молотов, 1956, стр. 6—18 с 2 илл.
462. Оборин В. А. К вопросу о сельской общине у древних коми-пермяков в IX—XV вв. (по археол. данным).— Отчетная научная сессия 27 февр.— 3 марта 1956 г. (Молот. гос. ун т). Тезисы докладов ист.-филол. фак. Молотов, 1956, стр. 19—20.
463. Оборин В. А. К вопросу об удмуртско пермяцких связях в IX—XV веках. (По археол. данным).— УЗ МолотГУ, т. 11, вып. 3, 1956, стр. 103—112 с 1 илл.
464. Оборин В. А. К истории земледелия у древних коми-пермяков.— СЭ, 1956, №. 2, стр. 66—75 с 3 илл.
IX—XV в в.
465. Оборин В. А. Некоторые проблемы изучения родановской культуры.— УЗ МолотГУ, т. 11, вып. 3, 1956, стр. 83—101; 1 л. карт.
IX—XV вв.
466. Оборин В А. Памятники родановской культуры у села Таборы. (Из работ Камской археол. экспедиции).— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 107—118 с 3 илл.
467. Обсуждение вопроса о генезисе феодализма в России и о возникновении древнерусского государства.— ВИ, 1956, №. 3, стр. 202—205.
Совещание историков Москвы и Ленинграда (26—27 декабря 1955 г. Москва).
468. Орлов С. Н. Вновь открытый раннеславянский грунтовой могильник в Старой Ладоге.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 94—98 с 3 илл.
Могильник X—XI вв.
469. Орлов С. Н. К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладоги.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 142—144 с 1 илл.
470. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Под ред. Б. А. Рыбакова. М., Госкультпросветиздат, 1956 254 стр. с 33 илл.; 1 л. илл.; 8 л. карт. (Труды Гос. исторического музея, вып. 32). См. №№ 451, 455, 513, 514.
Рец.: Седов В. В.— СА, 1958, № 1, стр 289—292.
471. Памятники архитектуры Смоленской области. Аннотир. каталог памятников архитектуры, находящихся на гос. учете. Смоленск, 1956, 52 стр.; 11 л. илл. (Смол. обл. отдел по делам архитектуры). На обороте тит. л. сост.: И. Д. Белогорцев. Библиогр.: стр. 49—51.
XII—XIX вв.
472. По Кремлю. Краткий путеводитель. М., «Моск. рабочий», 1956. 248 стр. с илл.
473. Полевой Л. Л. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII—XV вв.— ИМолдФАН СССР, 1956, № 4, стр. 91—105; 1 л. карт. Резюме на молдавск. и франц. яз.
474. Полевой Л. Л. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхея.— КСИИМК, вып. 56, 1956, стр. 78—82.
475. Поносова И. С. Изразцы Орла-городка.— Из истории нашего края. Сборник научн. работ студентов Молот. гос. ун-та. Молотов, 1956, стр. 48—57 с 2 л. илл.
Изразцы XVI—XVIII вв.
476. Порфиридов Н. Г. К истории русского серебряного и финифтяного дела.— СГРМ, 4, 1956, стр. 50—53 с илл.
477. Путеводитель по музею «Коломенское». М., 1956. 77 стр. с илл. (Гос. ист. музей). На обороте тит. л. авторы: М. А. Гра, Н. Р. Левинсон и др.
478. Рабинович Г. С. Архитектурный ансамбль Псково-Печерского монастыря.— Архитектурное наследство, 6. М., 1956, стр. 57—86 с 31 илл.
XV—XVI вв.
479. Рабинович М. Г. О начальной истории Московского Кремля.— ВИ, 1956, № 1, стр. 125—129.
480. Раппопорт П. А. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 118—128 с 2 илл.
Городища XIV—XV вв.
481. Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.— Л., 1956. 184 стр. с 104 илл.; 2 л. илл.: 1 л. карт. (АН СССР. ИИМК. Материалы исследования по археологии СССР. № 52. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 5).
Рец.: Косточкин В. В.— СА, 1957, № 3, стр. 313—316.
482. Раппопорт П. А. Перси псковского Крома.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 56—58.
483. Розов Н. Н. Настенные росписи на сюжеты древнерусской литературы в Воскресенском соборе в городе Тутаеве.— ТОДРЛ, 12, 1956, стр. 325—333; 2 л. илл.

484. Рыбаков Б. А. Культура древней Руси. М., «Знание», 1956. 39 стр. с илл. (Всесоюз. о во по распространению полит. и научн. знаний. Серия I, № 21).
485. Рыбаков Б. А. Образование древнерусского государства.— В сб.: Десятый международный конгресс историков в Риме. Сент. 1955. Доклады Советской делегации. М., 1956. (АН СССР. Ин-т истории), стр. 107—138.
486. Рыбаков Б. А. Средневековая литейная форма из Фанагории.— МИА, № 57, 1956, стр. 180—182 с 2 илл.
487. Свирин А. Н. К вопросу об изображении архитектурных форм в произведениях древнерусской живописи, хранящихся в собрании государственной Третьяковской галереи.— Материалы и исследования (Гос. Третьяковская галерея), т. I. М., 1956, стр. 10—20; 4 л. илл.
488. Свирин А. Н. Московский Кремль. Краткий очерк. М., «Искусство», 1956, 84 стр. с илл.

Рец.: Богуславский Г.— Моск. правда, 1957, 12 февр.

489. Седов В. В. Поселение XII в.— начала XV в. в Перыни.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 108—117 с 3 илл.
490. Седов В. В. Языческая братчина в древнем Новгороде.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 138—141 с 2 илл.
491. Сидоров А. А. Рисунок старых русских мастеров. М., 1956. 527 стр. с илл.; 17 л. илл. (АН СССР. Ин-т истории искусств. История русского рисунка. Т. 2). Библиогр.: стр. 471—500

Стр. 31—63: гл. I «Рисунок в практике художников Древней Руси».

492. Смирнов В. Завершить реставрацию Выдубецкого архитектурного заповедника в Киеве.— Архитектура СССР, 1956, №. 11, стр. 43—44.
493. Смирнов Г. Д. Декоративные кирпичи из молдавского города Старый Орхей.— ИМолдФАН СССР, 1956, №. 4, стр. 67—74 с 5 илл. Резюме на молдавск. и франц. яз.
494. Смирнов Г. Д. Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхея.— ИМолдФАН СССР, 1956, №. 4, стр. 75—89 с 7 илл.; 3 л. илл. Резюме на молдавск. и франц. яз.
495. Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. (По материалам раскопок 1951—1954 гг.).— МИА, № 55, 1956, стр. 228—248 с 8 илл.
496. Собор Василия Блаженного в Москве. [Статьи]: I. Л. Соболева. Памятник русской славы.— 2. Н. Соболев. Реставрация и результаты исследований 1954—1955 гг.— Архитектура и строительство Москвы, 1956, №. 1, стр. 27—32 с 6 илл.
497. Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (Вятичи, радимичи, северяне).— СА, XXV, 1956, стр. 138—167 с 5 карт., 3 л карт. Прил.: Алфавитный указатель курганных групп, стр. 167—170.
498. Сотникова М. П. К вопросу о технике чеканки русских монет в XV в.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 31—35; 1 л. илл.
499. Сотникова М. П. «Петровы гривны».— СГЭ, 10, 1956, стр. 49—51 с 1 илл.
500. Сошина Н. Крутицкий теремок в Москве.— Архитектурное наследство, 6, М., 1956, стр. 136—137.

XVII в.

501. Спасский И. Г. Алтын в русской денежной системе.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 12—20.
502. Спасский И. Г. Из истории древнерусского товароведения.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 45—60.
503. Стоскова Н. Н. Литье способом «навыплеск» в древней Руси.— Вопросы истории естествознания и техники, вып. I. М., 1956, стр. 151—157 с 5 илл. Библиогр.: 7 назв.
504. Сымонович Э. А. Погребения X—XII вв. Каменского могильника.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 99—106 с 4 илл.

Запорожская обл.

Тараканова С. А. Псковские городища. См. № 376.

505. Тарасенко П. Ф. Городища Литвы. Вильнюс, Госполитнаучиздат, 1956. 100 стр. с илл. и карт. Библиогр.: стр. 99—100 (26 назв.). На литовск. яз.
506. Тимощук Б. А. Об инструментах для письма («стилях»).— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 155—158 с 2 илл.

Найдены при раскопках городища Ленковцы Черновицкой обл. XII—XIII вв.

507. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1956, 477 стр. с карт.; 1 л. карт.

Рец.: Монгайт А. Л.— ВИ, 1957, № 1, стр. 152—157.

508. Торжков Е. Реставрация выдающегося памятника русского зодчества.— Архитектура СССР, 1956, №. 3, стр. 43—44 с илл.

Храм Василия Блаженного в Москве.

509. Трофимова Т. А. Антропологический состав населения г. Болгары в X—XV веках.— ТИЭ, нов. серия, т. 33, 1956, стр. 73—145.
510. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М., 1956. 220 стр. с илл.; 14 л. илл. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, №. 55).

См. №. №. 386, 442, 455, 495, 524, 528, 532.

Рец.: Воронин Н. Н.— ВАН СССР, 1956, №. 12, стр. 119—122.

511. Ураносов А. А. Попытка устройства напорного водопровода в Симоновом монастыре в Москве в 1682 г.— Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. 7 История строительной науки и техники. М., 1956, стр. 251—254 с 1 илл.
512. Успенская А. В. и Фехнер М. В. Поселения древней Руси.— ТГИМ, вып. 32, 1956, стр. 7—18 с 9 илл.; 6 л. карт.
513. Успенская А. В. и Фехнер М. В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники северо-западной и северо-восточной Руси».— ТГИМ, вып. 32, 1956, стр. 139—253.
514. Хамцов А. Реставрация стен и башен Московского Кремля.— Архитектура СССР, 1956, № 2, стр. 37—41 с илл.

Херсонес Таврический. Путеводитель. См. № 329.

515. Хлебникова Т. А. Древнерусское поселение в Болгарах.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 141—147 с 3 илл.
516. Хованская О. С. Новые данные о крепостных сооружениях г. Болгара.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 129—134 с 1 илл.
517. Хованская О. С. Уникальное нагрудное украшение из булгарского города Джукетау.— Тезисы докладов на конференции по археологии древней и средневековой истории народов Повольжья в Казани в 1956 г. М., 1956. (АН СССР. ИИМК. КазФАН СССР. Гос. музей ТАССР), стр. 50—53.
518. Холостенко Н. В. Архитектурно археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове. (1953—1954 гг.)— СА, XXVI, 1956, стр. 271—292 с 21 илл. XI—XII вв.
519. Художественные памятники Московского Кремля [Общая ред. М. В. Алпатова]. М., «Искусство», 1956. 330 стр. с илл. Библиогр.: стр. 164—168.

Рец.: Кузьмин Н.— НМ, 1957, № 6, стр. 255—257.

520. Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. По данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы Европейской части СССР. М., 1956. 185 стр. с 52 илл. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 51).

Рец.: Боголюбский С. Н.— СА, 1957, №. 4, стр. 231—233.

521. Черепнин Л. В. Русская палеография. М., Госполитиздат, 1956. 616 стр. с илл.; 8 л. илл. (Моск. гос. ист.-архив. ин-т).
522. Чиняков А. Г. Церковь Воскресения Сгонного в Рязани.— Архитектурное наследство, 6, М., 1956, стр. 132—135 с 5 илл.

Конец XIII в.

523. Шипулина А. В. Культура древней Руси IX—XII вв. Лекция для I курса ист. фак. Иваново, 1956. 28 стр. (Иван. гос. пед. ин-т).
524. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, № 55, 1956, стр. 164—179; 2 л. илл.
525. Юсупов Г. В. К вопросу об истории и классификации булгаро-татарской эпиграфики.— ЭВ, II, 1956, стр. 44—53; 1 л. илл.

Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму. См. № 685.

526. Яковлев О. А. Кремль в Александровской слободе в эпоху Ивана IV (К вопросу о переименовании архитектурных памятников).— Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. 7. История строительной науки и техники. М., 1956, стр. 164—177 с 3 илл.
527. Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 21—30.
528. Янин В. Л. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг.— МИА, № 55, 1956, стр. 133—163 с 1 илл.; 3 л. илл.
529. Янин В. Л. Денежно весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., Изд. Моск. ун-та, 1956. 207 стр. с илл. и карт.; 2 л. табл.

Рец.: 1. Монгайт А. Л.— ВИ, 1958, № 3, стр. 183—188; 2. Федоров-Давыдов Г. А.— СА, 1958, № 2.

530. Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 3—16 с 5 илл.
531. Янин В. Л. Печать Мстиславовой грамоты.— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 42—48 с 1 илл.
532. Янин С. А. Неревский клад куфических монет X века.— МИА, № 55, 1956, стр. 180—207; 2 л. илл.

III. Кавказ (включая Северный Кавказ и Прикубанье)

1. Сводные труды и работы о разновременных памятниках

533. Амиранашвили Ш. Я. Вклад Грузии в сокровищницу художественной культуры. Лекция I. Тбилиси, 1956. 32 стр. (Центр. лекционное бюро М-ва культуры ГрузССР).
534. Апакидзе А. М. Древнейшая культура Грузии в свете новых археологических исследований. Стенограмма лекции. Тбилиси, 1956. 54 стр. (О-во по распространению полит. и научн. знаний ГрузССР). На груз. яз.
535. Бедукадзе С. Я. К истории развития мельниц. Ручные мельницы.— ВГМГ, 19-В, 1956, стр. 153—169 с 1 илл.; 5 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

536. Гараканидзе М. К. Грузинское деревянное зодчество. Автореферат дисс. на соискание учен. звания доктора искусствоведения. М., 1956. 31 стр. (АН СССР. Ин-т истории искусств).

От эпохи бронзы до средневековья.

537. Гегешидзе М. К. Грузинский народный транспорт. I. Сухопутные средства перевозки. Тбилиси, 1956. 230 стр.; 37 л. илл. (АН ГрузССР. Ин-т истории). Резюме на русск. и нем. яз.

Джафарзаде И. М. Древнейший период Азербайджана. (По археол. данным). См. № 553.

538. Джафарзаде И. М. Наскальные изображения Кобыстана.— Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоящейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 19—24.

Изображения разновременные.

539. Иессен А. А. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа.— Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоящейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 11—18.

540. Иессен А. А. Новые данные для истории Азербайджана по работам Оренкалинской экспедиции 1953—55 гг.— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 6—8 и 34—36. Текст на азербайдж. и русск. яз.

Памятники от эпохи энеолита до X в.

541. Исакова Ш. Г. О связи археологических материалов Музея с этнографией Азербайджана XIX—XX вв.— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 21 и 49. Текст на азербайдж. и русск. яз.

542. Искусство Азербайджана [Сборник статей], т. 5. Баку, 1956. 328 стр. с илл. (АН АзССР. Ин-т архитектуры и искусства).

См. №. №. 622, 625—627, 647, 651, 665, 667, 841.

Рец.: Бачинский Н. М. и Хмельницкий С. Г.— ВАН СССР, 1957, № 1, стр. 133—136.

543. Кажлаев Д. Памятники культуры и их значение в изучении истории Дагестана. (Метод. письмо). [Махачкала, 1956]. 8 стр. (М-во культуры ДАССР. Метод. кабинет культпросветработы. В помощь сельскому работнику культуры).

544. Казиев М. А. Научные основы и задачи экспозиции Музея истории Азербайджана с древнейших времен до X века.— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 3—4 и 31. Текст на азербайдж. и русск. яз.

545. Канивец В. И. Археологические исследования в Дагестане в 1955 году.— УЗ ДагФАН СССР, Ин-т ист., языка и лит., т. 1, 1956, стр. 210—220.

Памятники от эпохи мезолита до средневековья.

546. Капанадзе Д. Отражение нумизматического материала в экспозиции краеведческих музеев. Тбилиси, 1956. 46 стр. с илл. (Упр. по делам культ.-просвет. учреждений М-ва культуры ГрузССР). На груз. яз.

547. Касимова Р. М. Антропологические исследования черепов из Мингечаура. (В связи с изучением этногенеза азербайджанского народа). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата биол. наук М.— Л., 1956, 16 стр. (Моск. гос. ун-т. Ин-т антропологии).

Антропологические материалы из погребений от X в. до н. э. до XVII в.

548. Крупнов Е. И. К археологическому изучению Северо-Восточного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.—Л., 1956, стр. 51—53.

Памятники от эпохи неолита до XI—XII вв.

549. Крупнов Е. И. К изучению древних культур Северо-Восточного Кавказа.— ИГрозОКМ, вып. 7—8, 1956, стр. 46—56.

Работы Прикаспийской археологической экспедиции 1955 г. Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.

550. Крупнов Е. И. Основные проблемы кавказской археологии.— Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоящейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 6—10.

551. Лашхия Ш. В. О неотектонических процессах в прибрежной зоне Абхазии.— ТСухумГПИ, т. 9, 1956, стр. 429—440. Библиогр.: 33 назв.

На основании данных археологии.

552. Орбели Р. Р. Грузинские рукописи Института востоковедения. Вып. 1. История, география, путешествия, археология, законодательство, философия, языкознание, библиография. М.—Л., 1956. 185 стр.; 16 л. илл. (АН СССР. Ин-т востоковедения). Библиогр.: стр. 12—14.

553. Очерки по древней истории Азербайджана. [Сборник статей. Под ред. А. Н. Гулиева]. Баку, 1956. 170 стр. с 45 илл.; 13 л. илл. и 3 л. карт. (АН АзССР. Ин-т истории и философии).

Содержание: 1. И. М. Джафарзаде. Древнейший период Азербайджана (по археологическим данным), стр. 7—56 с 45 илл.; 2. И. Г. Алиев. Мидия — древней-

шее государство на территории Азербайджана, стр. 57—169; 13 л. илл.; 3 л. карт.

554. Памятники истории Азербайджана. Баку, 1956. 158 стр. с 157 илл. (АН АзССР. Музей истории Азербайджана).
Стр. 7—87: гл. I. Памятники древней и средневековой истории Азербайджана.
Рец.: Ильин К. и Огнев Г.— Бакин. рабочий, 1956, 9 июня.

555. Чубинашвили Г. Н. Развитие истории грузинского искусства как науки и ее очередные задачи. Тбилиси, 1956. 95 стр. (АН ГрузССР. Ин-т истории груз. искусства).

2. Эпоха палеолита и неолита

556. Бердзенишвили (Киладзе) Н. З. Первобытное земледелие в Грузии.— ТИИ АН ГрузССР, т. 2, 1956, стр. 257—299 с 16 илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
Земледелие в эпоху неолита.

557. Гусейнов М. М. Изучение каменного века в Азербайджане.— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 14 и 42. Текст на азербайдж. и русск. яз.

558. Гусейнов М. М. Каменные молоты из Нахичевани.— ДАН АзССР, т. 12, 1956, № 2, стр. 135—145 с 9 илл. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.
Молоты эпохи неолита.

559. Гусейнов М. М. Кремневый нож из коллекции Музея истории Азербайджана.— Труды Музея истории Азербайджана, т. 1. Баку, 1956, стр. 39—43 с 1 илл. Резюме на азербайдж. яз.
Нож эпохи мезолита.

560. Демехин А. П. О находке обсидиановых орудий палеолитического типа в Армении.— Вопросы геологии и гидрогеологии Армянской ССР. Ереван, 1956, стр. 11—13. Библиогр.: 16 назв.

561. Каландадзе А. Н. К истории формирования дородового общества на территории Грузии. (Очерки по археологии Грузии).— ТИИ АН ГрузССР, т. 2, 1956, стр. 209—256 с 16 илл.; 2 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

562. Милорадович О. В. Новые археологические находки в Грозненской области.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 132—134 с 2 илл.
Предметы из камня III—II тысячелетий до н. э.

3. Эпоха бронзы и железа

563. Абибуллаев О. А. К изучению холма Куль-тепе.— ТИИ ФАН АзССР, т. 9, 1956, стр. 5—25 с 6 табл. Резюме на азербайдж. яз.
Поселение эпохи энеолита и эпохи бронзы.

564. Абибуллаев О. А. Первые итоги раскопок холма Кюль-тепе.— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 15—16 и 43—44. Текст на азербайдж. и русск. яз.

565. Абилова Г. А. О менгирах Азербайджана.— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века Баку, 1956, стр. 17 и 45. Текст на азербайдж. и русск. яз.
Алиев И. Г. Мидия — древнейшее государство на территории Азербайджана. См. № 553.

566 Анфимов Н. В. Могильники сарматского времени в долине реки Урупа. (По материалам экспедиции 1954 г.).— КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 88—93 с 3 илл.

567. Аракелян Б. Н. Мозаика из Гарни.— ВДИ, 1956, № 1, стр. 143—156 с 1 илл.; 6 л. илл.

568. Арутюнян В. К вопросу о градостроительной культуре древней Армении [II].— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1956, № 10, стр. 75—89.

569. Арутюнян Н. Заметки по урартской клинописи.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1956, № 7, стр. 89—96.

570. Археологические раскопки Кармир-Блура.— Эчмиадзин, 1956, № 4—5, стр. 109—110. На арм. яз.

571. Ашурбейли С. Б. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья.— Труды Музея истории Азербайджана; т. 1, Баку. 1956, стр. 61—109 с 37 илл. Резюме на азербайдж. яз.

572. Барнанели С. В. Мраморная стела со дна Черного моря (у Сухуми).— XI научная сессия Ин-та истории груз. искусства 6—7 июня 1956 года. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1956, стр. 4 и 9. На груз. и русск. яз.

573. Болтунова А И. Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии.— ВДИ, 1956, № 2, стр. 28—43.

574. Выявление новых археологических материалов в Гарни.— Эчмиадзин, 1956, № 1, стр. 60—61. На арм. яз.

575. Гачечиладзе М. Бронзовые пряжки. (Происхождение грузинской античной культуры и ее характерные черты).— Студенческая научная конференция. 5/IV—12/IV 1956 г. (Тбил. гос. ун-т). План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1956, стр. 45—46. На груз. яз.

576. Голубкина Т. И. Четыре кувшинных погребения из Мингечаура. (Раскопки 1950 г.).— ИАН АзССР, 1956, № 3, стр. 73—90 с 6 илл. Резюме на азербайдж. яз.
577. Джапаридзе О. Археологические раскопки в селе Аркнети.— ТТбилГУ, т. 63, 1956, стр. 183—206 с 12 илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
Памятники II в. до н. э.— I в. н. э.
578. Егоров Н. М. Могильник у реки Эшкакон.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 135—140 с 4 илл.
Могильник VIII в. до н. э. близ г. Кисловодска.
579. Исмизаде О. Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956. 132 стр. с 7 илл., 1 карт. и 27 л. илл. (АН АзССР. Ин-т истории и философии). Библиогр.: 99 назв.
III—I вв. до н. э.
580. Казиев С. М. Одновременные археологические материалы из Варданлов и из Мингечаура.— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 18—19 и 46—47. Текст на азербайдж. и русск. яз.
VIII—II вв. до н. э.
581. Капанадзе Д. Г. Изображение знаков власти на древнегрузинских монетах.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 83—88 с 2 илл.
Капанадзе Д. Г. Экономические связи Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным. См. № 284.
582. Коридзе Д. Л. Новая находка топора-кирки в районе Дманиси.— ВГМГ, т. 19-В, 1956, стр. 243—253 с 2 илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
Вторая половина III тысячелетия до н. э.
583. Коридзе Д. Л. Погребальный инвентарь одного каменного ящика из Земо-Авчала.— ВГМГ, т. 19-В, 1956, стр. 215—225 с 4 илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
VI—IV вв. до н. э.
584. Ломтатидзе Г. А. Археологические исследования в Урбниси.— Мецниереба да техника («Наука и техника»), 1956, № 1, стр. 28—31 с 3 илл. На груз. яз.
Памятники античного времени и раннесредневековые.
585. Лукин А. Л. Эшерская находка.— ТАбхазИЯЛИ, т. 27, 1956, стр. 126—127 с 1 илл. и 11 табл.
Погребение рубежа II и I тысячелетий до н. э.
586 Макалатия С. И. Археологические находки из ущелья р. Меджуды (сел. Ахриси и Квеши).— ТГорГПИ, т. 3, 1956, стр. 163—182 с 10 илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
Погребения I в. н. э.
587. Максимова М. И. Ритон из Келермеса.— СА, XXV, 1956, стр. 215—235 с 12 илл.
588. Мартиросян А. Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода. (IX—VIII вв. до н. э.).— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1956, № 9, стр. 61—84 с 16 илл.
589. Мацулевич Л. А. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте.— ВДИ, 1956, № 4, стр. 146—153 с 1 илл.; 1 л. илл.
590. Минаева Т. М. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее.— Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 8, Ставрополь, 1956, стр. 329—342 с 6 табл.
591. Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии.— СА, XXVI, 1956, стр. 236—261 с 13 илл.
Аланский могильник V в. н. э.
592. Мнацаканян А. Новые археологические работы в бассейне Севана.— Советакан Айастан («Сов. Армения»), 1956, № 1, стр. 36—37. На арм. яз.
Находки предметов эпохи бронзы.
593. Мунчаев Р. М. и Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. (Курганная группа у станции Манас).— СА, XXVI, 1956, стр. 167—203 с 11 илл. и 1 карт.
594. Нечаева Л. Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1956. 21 стр. (АН СССР. ИИМК).
595. Пиотровский Б. Б. и Джанполадян Л. М. Виноделие в Урарту.— Виноделие и виноградарство в СССР, 1956, № 1, стр. 23—26 с 4 илл.
596. Пиотровский Б. Б. Закавказье и Древний Восток.— Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоящейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 3—5.
597. Пиотровский Б. Б. Клинообразные урартские надписи из раскопок на Кармир-блуре 1954 г.— ЭВ, II, 1956, стр. 80—82 с 1 илл.
598. Пиотровский Б. Б. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР.— В сб.: Десятый Международный конгресс историков в Риме. Сент. 1955. Доклады советской делегации. М., 1956. (АН СССР. Ин-т истории), стр. 79—106
599. Пиотровский Б. Б. Раскопки древнего урартского города Тейшебаини (Кармир-блур).— В сб.: Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та

истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.—Л., 1956, стр. 20—22.

600. Раскопки Арин-берда.— Советакан Айастан («Сов. Армения»), 1956, № 6, стр. 36. На арм. яз.

601. Саркисян Г. О греческой надписи из Гарни.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1956, № 3, стр. 45—56 с 1 илл. На арм. яз.

602. Соловьев Л. Н. Первобытные стоянки Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Симферополь, 1956. 19 стр.; 1 л. илл. (АН СССР. ИИМК). На обл. загл. изменено автором: «Первобытные стоянки Очамчири и Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология».

603. Тирацян Г. А. Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1956. 16 стр. (Гос. Эрмитаж).

604. Трапш М. М. Итоги раскопок в сел. Куланурхва в 1951 году.— ТАбхазИЯЛИ, т. 27, 1956, стр. 179—192 с 6 л. илл.

Раскопки могильника VII—III вв. до н. э. и поселения XI—XII вв.

605. Тревер К. В. К изучению Кавказской Албании.— Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоящейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 27—28.

606. Тревер К. В. Некоторые вопросы истории культуры и искусства древнего и раннесредневекового Азербайджана (Кавказской Албании).— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 5 и 32—33. Текст на азербайдж. и русск. яз

607. Фоменко В. П. «Сообщающиеся сосуды» из раскопок в Мингечауре.— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 20 и 48. Текст на азербайдж. и русск. яз.

Памятники эпохи бронзы и раннего железа.

608. Шарашидзе Д. Археологические раскопки курганных погребений на верхнем течении р. Квирилы.—Студенческая научная конференция 5/IV—12/IV 1956 г. (Тбил. гос. ун-т). План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1956, стр. 44. На груз. яз.

609. Ямпольский З. Н. Древнегреческие и древнеримские материалы к экспозиции Музея истории Азербайджана.— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 22 и 50. Текст на азербайдж. и русск. яз.

4. Средневековые памятники

610. Абилова Г. А. О находках селадона в Азербайджане.— Труды Музея истории Азербайджана, т. I, Баку, 1956, стр. 56—60 с 2 илл. Резюме на азербайдж. яз.

611. Абрамишвили Т. Я. Клад из Двири.— ВГМГ, т. 19-В, 1956, стр. 107—121, 1 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

Клад византийских монет XI в.

612. Абрамишвили Т. Я. О некоторых деталях на византийских монетах, хранящихся в Государственном музее Грузии.— IV научная сессия Гос. музея Грузии (АН ГрузССР) 16—18 мая 1956. Тбилиси, 1956, стр. 17—18 и 30. На груз. и русск. яз.

613. Абрамян А. Г. Разбор армянских надписей на обломках из Мингечаура.— Эчмиадзин, 1956, № 4—5, стр. 66—72 с 9 илл.

VI—VII вв.

614. Абрамян В. А. Ремесла в Армении IV—XVIII вв. Ереван, 1956. 290 стр. с илл.; 8 л. илл. (АН АрмССР. Гос. ист. музей Армении). На арм. яз. Резюме на русск. яз.

615. Аветисян А. О художнике Момике.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1956, № 2. стр. 67—82 с 6 илл.; 2 л. илл.

Миниатюрист XIII в.

616. Алборов Б. А Новое чтение надписи на Зеленчукской надгробной плите.— УЗ Сев-ОсетГПИ, т. 21, 1956, вып. 2, стр. 229—253. Библиогр.: стр. 252—253.

617. Алескер-заде А. А. Надписи агбильских мавзолеев.— ДАН АзССР, т. 12, 1956, № 10, стр. 769—776 с 11 илл. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.

Надписи XVI в.

618. Амиранашвили Ш. Я. Бека Опизари. Тбилиси, «Хеловнеба», 1956. 50 стр.; 55 л. илл. На груз. яз.

Золотосвятель конца XII — начала XIII в.

619. Аракелян Б. Н. Развитие ремесел и товарного производства в Армении в IX—XIII веках.— СА, XXVI, 1956, стр. 118—152 с 28 илл.

620. Аракелян Б. Н. Средневековый город Армении.— Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоящейся в Ереване в октябре 1956 г. М. 1956, стр. 33—35.

621. Ашурбейли С. В. Ремесла и торговля раннесредневековых городов Азербайджана.— Тезисы докладов и сообщения научн. сессии, посвящ. экспозиции по

истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 26—27 и 54—55. Текст на азербайдж. и русск. яз.

Ашурбейли С. Б. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья. См. № 571.

622. Багирбекова Н. Двухэтажный караван-сарай в крепости Баку.— В сб.: Искусство Азербайджана, 5. Баку, 1956, стр. 301—310 с 8 илл. Резюме на азерб. яз.
XVII в.

623. Бакрадзе А. К. Надпись X века из ущелья Меджуда.— ВГМГ, т. 19-В, 1956. стр. 5—9. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

624. Барнавели Т. В. О дате исполнения росписи Атенского Сиона.— САН ГрузССР, т. 17, 1956, № 3, стр. 281—286 с 1 илл.; 1 л. илл.
VII в.

625. Бретаницкий Л. С. и Саламзаде А. В. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана.— В сб.: Искусство Азербайджана, 5. Баку, 1956, стр. 7—59 с 1 карт. на азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.

626. Бретаницкий Л. С. К вопросу назначения и датировки «Диван-хане».— В сб. Искусство Азербайджана, 5, Баку, 1956, стр. 131—168 с 18 илл. Резюме на азербайдж. яз.
Мавзолей XV в.

627. Бретаницкий Л. С. и Саламзаде А. В. О строительстве обсерватории в Мараге.— В сб.: Искусство Азербайджана, 5. Баку, 1956, стр. 61—85 с 14 илл. Резюме на азербайдж. яз.
XIII в.

628. Вирсаладзе Т. В. Вновь раскрытая фреска в северном приделе главного Гелатского храма.— XI научная сессия Ин-та истории груз. искусства 6—7 июня 1956 года. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1956, стр. 5—6 и 10—11. На груз. и русск. яз.
Конец XV — начало XVI в.

629. Гаджинский Д. Д. и Азибекова П. А. Баку. Исторические и достопримечательные места Баку, 1956. 118 стр. с илл.; 2 л. илл. (АН АзССР. Музей истории Азербайджана). Сост. указаны на обороте тит. л.

630. Гамсахурдиа С. В. Надпись шрифтом «мхедрули» на Вардзийском храме.— САН ГрузССР, т. 17, 1956, № 10, стр. 959—964 с 2 илл.
Надпись XIII в.

631. Гаприндашвили Г. М. Архитектурное сооружение IX—X вв. в селище Пиа.— САН ГрузССР, т. 17, 1956, № 6, стр. 565—572 с 7 илл. Библиогр.: 9 назв.

632. Гаприндашвили Г. М. Памятник зодчества 995 года в селище Пиа.— САН ГрузССР, т. 17, 1956, № 8, стр. 761—768 с 9 илл.

633. Гзелишвили И. А. Археологические раскопки в поселении Начивчавеби (Тетрицкаройский район) 1954 года.— САН ГрузССР, т. 17, 1956, № 1, стр. 89—96 с 3 илл.
XI—XIII вв.

634. Гзелишвили И. А. Основные итоги археологических раскопок 1955 года в селище Начивчавеби.— САН ГрузССР, т. 17, 1956, № 7, стр. 667—672.

635. Дадашев С. А. и Усейнов М. А. Ансамбль дворца ширваншахов в Баку. М., Госстройиздат, 1956. 22 стр.; 16 отд. л. илл. в папке. (АН АзССР. Ин-т архитектуры и искусства).

636. Джавахишвили А. Из истории грузинского художественного ремесла.— Сабчота хеловнеба («Сов. искусство»), 1956, № 6, стр. 26—29. На груз. яз.

637. Джалаганиа И. Л. Анонимные монетные диргемы, чеканенные в Тбилиси (30—40-е годы XIII в.).— ВГМГ, т. 19-В, 1956, стр. 85—95; 1 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

638. Джапаридзе В. В. Керамическая промышленность Грузии XI—XIII вв. (По археол. данным). Тбилиси, 1956. 73, [7] стр.; LXXII л. илл. (АН ГрузССР. Груз. гос. музей). На переплете загл.: Грузинская керамика (XI—XIII вв.). На груз. яз. Резюме на русск. яз.

639. Джафарзаде И. М. и Джафарзаде С. К. Азербайджанские намогильные камни.— СЭ, 1956, № 3, стр. 104—109 с 5 илл.
XV—XIX вв.

640. Долидзе В. и Шмерлинг Р. Военно-Грузинская дорога. Путеводитель по архитектурным памятникам. Тбилиси, Гос. изд. ГрузССР, 1956. 79 стр. с 1 илл. и карт.

641. Еремян А. Основные черты искусства Игнатиоса. (XIII век).— Эчмиадзин, 1956, № 3, стр. 36—45. На арм. яз.

642. Закарая П. П. Архитектурный ансамбль Ларгвиси.— ВГМГ, т. 19-В, 1956, стр. 47—83 с 16 илл.; 6 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

643. Закарая П. П. Система укрепления городища Урбниси.— IV научная сессия Гос. музея Грузии (АН ГрузССР) 16—18 мая 1956 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1956, стр. 7—8 и 20. На груз. и русск. яз.

644. Закаря П. П. Цаишский архитектурный комплекс. Тбилиси, «Хеловнеба», 1956, 188 стр. с илл. Библиогр.: 20 назв. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

645. Капанадзе Д. Г. Новый тип монеты Давида Строителя.— ВВ. т. 8, 1956, стр. 338—343 с 6 илл.
646. Квезерели-Копадзе Н. И. Гатехили хиди (Красный мост). Ист. и техн. очерк. Тбилиси, «Техника да шрома», 1956. 60 стр. с илл.; 11 л. илл. и карт. Библиогр.: 45 назв.
647. Керимзаде С. Мавзолеи без перекрытий.— В сб.: Искусство Азербайджана, 5 Баку, 1956, стр. 321—327 с 6 илл. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.
648. Куссаева С. С. Некоторые итоги археологических раскопок катакомбного могильника в ст. Змейской.— ИСев-ОсетНИИ, т. 17, 1956, стр. 207—216.
Могильник X—XII вв.
Ломтатидзе Г. А. Археологические исследования в Урбниси. См. № 584.
649. Ломтатидзе Г. и Грзелишвили П. Новые материалы по археологии Тбилиси.— Мецниереба да техника («Наука и техника»), 1956, № 8, стр. 21—23 с 1 илл. На груз. яз.
XI—XIII вв.
650. Лордкипанидзе И. Грузинские эмали с художественно-исторической точки зрения.— Студенческая научная конференция 5/IV—12/IV 1956 г. (Тбил. гос. ун-т). План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1956, стр. 47. На груз. яз.
651. Мамиконов Л. Г. Реставрация замка с круглым донжоном в селении Мардакяны.— В сб.: Искусство Азербайджана, 5. Баку, 1956, стр. 193—209 с 10 илл. Резюме на азербайдж. яз.
Замок XIII в.
652. Мамиконов Л. Г. Реставрация памятников средневековой архитектуры Азербайджана — феодальных замков в сел. Мардакяны.— Труды Азербайдж. политехн. ин та, вып. 2, 1956, стр. 97—110 с 9 илл. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр.: 16 назв.
653. Матенчян А. Монастырь Айри или Герард.— Эчмиадзин, 1956, № 8—9, стр. 70—72. На арм. яз.
XIII в.
654. Меликсет-Бек Л. М. К вопросу о генезисе армяно-грузино-албанского алфавитов.— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 11—13 и 39—41. Текст на азербайдж. и русск. яз.
655. Месхия Ш. А. и Ломтатидзе Г. А. Средневековый город Грузии.— Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоящейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 29—32.
656. Минкевич-Мустафаева Н. В. Гончарные печи на городище Орен-кала.— Тезисы докладов и сообщений научн. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956, стр. 23—25 и 51—53. Текст на азербайдж. и русск. яз.
Печи IX в.
657. Митина Н. Фрагмент шелковой ткани из Мощевой Балки.— СГЭ, 10, 1956, стр. 41—43 с 1 илл.
Ткань конца I тысячелетия н. э. из Прикубанья.
658. Мнацаканян С. Об одном новом памятнике VI—VII веков.— ИАН АрмССР, Обществ. науки. 1956, № 2, стр. 59—66 с 2 илл.
Купольный храм у с. Свердлов Армянской ССР.
659. Мусхелишвили Д. Л. Город Уджарма. (Историко-археол. исследование). Автореферат дисс на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Тбилиси, 1956. 18 стр. (АН ГрузССР. Ин-т истории).
660. Мушегян Е. О бжнийской надписи 1358 г.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1956, № 7, стр. 97—100. На арм. яз.
661. Мушегян Х. А. К истории денежного обращения Двина по монетным находкам.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1956, № 11, стр. 81—96; 2 л. илл.
662 Мушегян Х. А. Монетные находки из раскопок Двина.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 89—92; 2 л. илл.
663. Пахомов Е. А. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с половины XIV в. до начала XV в. по монетным данным.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 47—50.
664. Пачулиа В. По историческим местам Абхазии. Научн.-попул, очерк. Сухуми, Абгиз, 1956. 87 стр. с илл. Библиогр.: стр. 81—86.
Краткие сведения об архитектурных памятниках.
665. Рзаев Н. и Нейматова М. Х. Мечеть Низам-ад-Дина в Амираджанах.— В сб.: Искусство Азербайджана, 5. Баку, 1956, стр. 227—254 с 24 илл. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.
666. Сагинян А. Новые данные о сооружении храма Эчмиадзин.— Эчмиадзин, 1956, № 8—9, стр. 60—69. На арм. яз.
667. Саламзаде А. В. Архитектурный комплекс в Ардебиле и некоторые вопросы средневекового зодчества Азербайджана.— В сб.: Искусство Азербайджана, 5. Баку, 1956, стр. 163—191 с 18 илл. Резюме на азербайдж. яз.
668. Саламзаде А. В. Материалы о неизвестных архитектурных памятниках Баку.

Сообщение I. Торговый комплекс в Баку.— ДАН АзССР, т. 12, 1956, № 1, стр. 69—73; 1 л. илл. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.

XVI—XVIII вв.

669. Саламзаде А. В. О бакинском водопроводе феодального периода.— ДАН АзССР, т. 12, 1956, № 3, стр. 225—231 с 2 илл. Резюме на азербайдж. яз.

670. Саргсян Г. Монастырь Шахмурата (Шамшадинский район).— Эчмиадзин, 1956, № 3, стр. 20—28. На арм. яз.

671. Саркисов Н. В. Резная майолика в облицовке сводов одного из памятников азербайджанского зодчества.— Труды Азербайдж. политехн. ин-та, вып. 2. Баку, 1956, стр. 82—96 с 11 илл. Резюме на азербайдж. яз. Библиогр.: 17 назв.

Мавзолей Ахсадан-баба XIV в.

672. Семенов Л. П. Брагунский мавзолей.— ИСев-ОсетНИИ, т. 17, 1956, стр. 196—206

Мавзолей XV в. в Сев. Осетии.

673. Ткешелашвили О. В. Памятники материальной культуры раннефеодальной эпохи из Самтаврского могильника (IV—VIII вв. н. э.).— ВГМГ, т. 19-В, 1956, стр. 255—280. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

Трапш М. М. Итоги раскопок в сел. Куланурхва в 1951 году. См. № 604.

Тревер К. В. К изучению Кавказской Албании. См. № 605.

Тревер К. В. Некоторые вопросы истории культуры и искусства древнего и раннесредневекового Азербайджана. См. № 606.

674. Узнадзе И. В. Памятник грузинского декоративного искусства XI в. из сел. Лаше. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. Тбилиси, 1956. 21 стр. (Тбилиск. гос. ун-т).

675. Цискаришвили В. Г. Город-крепость Тмогви.— ВГМГ, т. 19-В, 1956, стр. 97—105. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

Крепость X в.

676. Цискаришвили В. Г. Хертвисская надпись.— IV научная сессия Гос. музея Грузии (АН ГрузССР) 16—18 мая 1956 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1956, стр. 6—7 и 19—20. На груз. и русск. яз.

Надпись XIV в.

677. Чолокашвили К. К. Грузинские доспехи. Кольчуга.— ВГМГ, т. 19-В, 1956, стр 281—302: 5 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

678. Чубинашвили Г. Н. Архитектура Кахетии. Исслелование развития архитектуры в восточной провинции Грузии в IV—XVIII вв. [Альбом]. Тбилиси, Изд. АН ГрузССР, 1956. XX стр.; 473 стр. илл.

679. Чубинашвили Г. Н. К вопросу о дате надписи на тимпане церкви близ села Даба Боржомского района.— САН ГрузССР, т. 17, 1956, № 9, стр. 861—864. Библиогр.: 10 назв.

Надпись XIV в.

680. Чубинашвили Н. Аландза.— САН ГрузССР, т. 17, 1956, № 6, стр. 557—564 с 13 илл. Библиогр.: 16 назв.

Зальное сооружение VIII—IX вв.

681. Шанидзе А. Г. К чтению и пониманию надписи на мраморной скульптуре из Вани.— САН ГрузССР т. 17, 1956, № 9, стр. 857—859. Библиогр.: 4 назв.

682. Шервашидзе Л. А. Стенные росписи с сюжетом «Амиран Дареджанисдзе» в Сванети.— САН ГрузССР, т. 17, 1956, № 5, стр. 471—478 с 2 илл. Библиогр.: 10 назв.

Росписи XIV и XVII вв.

683. Шмерлинг Р. О. Мраморная скульптура из с. Вани.— САН ГрузССР, т. 17. 1956, № 2, стр. 185—191 с 4 илл. Библиогр.: 4 назв.

Икона св. Георгия XI в.

684. Шмерлинг Р. О. Храм близ сел. Датуна в долине р. Аварское Койсу.— XI Научная сессия Ин-та истории груз. искусства 6—7 июня 1956 года. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1956, стр. 4—5 и 9—10. На груз. и русск. яз.

XI в.

685. Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму.— ВВ, т. 8, 1956, стр. 166—191 с 7 илл.; 5 л. илл.

IV. Среднеазиатские республики и Казахстан

1. Сводные труды и работы о разновременных памятниках

686. Агеева Е. И. и Пацевич Г. И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 33—60 с 28 илл.

Памятники от первых вв. н. э. до XIV в.

687. Акишев К. А. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 года.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 5—32 с 23 илл.

Памятники эпохи неолита, бронзы, II в. до н. э. и VI—VIII вв.

688. Алпысбаев Х. А. Новые наскальные изображения Бостандыкского района.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 182—188 с 4 илл.

Южно-Казахстанская обл.

689. Аманжолов С. и Аманжолов А. С. Писаницы (петроглифы) на скалах Бугытас.— ВАН КазССР, 1956, № 4, стр. 97—100 с 4 илл.

690. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. (Краткий обзор). Сталинабад, 1956. 36 стр.; 11 л. илл. (АН ТаджССР. Ин-т истории, археологии и этнографии). Перед. загл. авт.: Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов.

691. Археологические работы в Таджикистане в 1954 году [Сборник статей]. Сталинабад, 1956. 123 стр. с 33 илл.; 5 л. илл. (АН ТаджССР. Труды, т. 37. Ин-т истории, археологии и этнографии).

См. №№ 77, 694, 696, 700, 702, 734, 741, 772, 773, 799, 806, 814, 829, 831, 839, 847, 848, 858, 861, 873, 876.

692. Археологические работы в Таджикистане в 1955 году. [Сборник статей]. Сталинабад, 1956. 128 стр. с 35 илл.; 2 л. илл. (АН ТаджССР. Труды, т. 63. Ин-т истории, археологии и этнографии).

См. №№ 73, 708, 717, 732, 737, 738, 755, 764, 771, 774, 776, 815, 816, 826, 830, 838, 844, 846, 849, 857, 872, 874.

693. Археология Средней Азии. [Сборник 3]. Ташкент, 1956. 160 стр. с илл. (Труды САГУ. Нов. серия, вып. 81. Ист. науки, кн. 12).

См. №№ 712, 715, 719, 787, 793, 809, 811, 822, 851, 869.

694. Беленицкий А. М. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1954 г.— ТАНТаджССР, т. 37, 1956, стр. 3—4.

695. Бернштам А. Н. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа.— Тезисы докладов и содокладов на научной сессии об этногенезе киргизского народа 10—14 ноября 1956 г. Фрунзе, 1956 (АН КирССР. Ин-т истории АН СССР. ИИМК. Ин-т этнографии), стр. 3—7.

696. Гамбург Б. С. и Горбунова Н. Г. Изучение археологических памятников Ферганской области [1954 г.].— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 119.

697. Гинзбург В. В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным.— ТИЭ. Нов. серия. т. 33. 1956. стр. 238—298 с 22 илл.

Гулямов Я. Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. См. № 754

698. Гулямов Я Г. Археология в Узбекистане. Ташкент, Объедин. изд. «Кзыл Узбекистан», «Правда Востока» и «Узбекистани сурх», 1956. 43 стр. с илл. (Беседы о науке. 22—23). На узбекск. яз.

699. Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных.— Труды Киргизской археолого-этногр. экспедиции, т. I. М., 1956, стр. 3—17; 1 л. илл.

700. Жданко Т. А. Полевые археологические исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР [1954 г.].— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 111—114.

Памятники от эпохи неолита до средневековья.

701. Заднепровский Ю. А. Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа.— Тезисы докладов и содокладов на научной сессии об этногенезе киргизского народа 10—14 ноября 1956 г. Фрунзе, 1956 (АН КирССР. Ин-т истории. АН СССР. ИИМК. Ин-т этнографии), стр. 9—11

702. Заднепровский Ю. А. Разведки и раскопки Южнокиргизского отряда Киргизской археолого-этнографической комплексной экспедиции АН СССР [1954 г.].— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 120—121 с 1 илл.

703. Исламов О. И. Зарождение геологических знаний в Средней Азии.— Труды Ин-та геологии АН УзССР, вып. 13. Очерки по истории геологического изучения Средней Азии. Ташкент, 1956, стр. 3—60. Библиогр.: стр. 57—60.

704. История Киргизии. Т. I. Фрунзе, 1956. 426 стр. с илл. (АН КирССР. Ин-т истории).

Стр. 7—41: гл. 1. «Эпоха первобытно-общинного строя на территории Киргизии и соседних с ней районов». Авт.: А. П. Окладников. Стр. 42—147: гл. 2. «Племенные союзы на Тянь-Шане и Енисее»; гл. 3. «Киргизстан в эпоху сложения раннефеодальных отношений в Средней Азии». Авт.: А. Н. Бернштам и А. П. Окладников.

705. История Узбекской ССР. [Под ред. С. П. Толстова и др.]. Т. I. Кн. I. Ташкент, 1956. 574 стр. с илл. и карт.; 8 л. илл. и карт. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). Библиогр.: стр. 537—573. На узбекск. яз.

706. Кибиров А. К. Археологические памятники Чаткала.— Труды Ин-та языка и лит. и Ин-та истории (АН КирССР), вып. 5, 1956, стр. 3—19 с 9 илл.

Обзор памятников от эпохи бронзы до средневековья.

707. Латынин Б. А. Вопросы истории ирригации древней Ферганы.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 15—26 с 2 илл.

708. Литвинский Б. А. Поездка в райцентр Микоянабад. [Археол. обследование].— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 94—95.

709. Литвинский Б. А. Предварительный отчет о работах в Кара-Мазарских горах отряда по сбору материалов для составления археологической карты в 1954 г.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 51—60 с 4 илл.

710. Лопатин С. В. Археологические памятники в Центральном Казахстане.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 265—266 с 1 илл.
711. Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии. (Туркестанский кружок любителей археологии. 1895—1917 гг.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Ташкент, 1956. 26 стр. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).
712. Лунин С. и Усманова З. Из археологических наблюдений на Кугаит-Тепе близ Ташкента.— ТСАГУ, вып. 81. Ист. науки, кн. 12, 1956, стр. 144—147 с 3 илл.
713. Мандельштам А. М. Несколько замечаний о наскальных изображениях бассейна верхнего Зеравшана.— ТАН ТаджССР, т. 42, 1956, стр. 195—201 с 5 илл.
714. Марущенко А. А. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Туркменской ССР.— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2, 1956, стр. 5—10.
715. Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. (Ч. 1-я; до первой послевоенной пятилетки).— ТСАГУ, вып. 81. Ист. науки, кн. 12, 1956, стр. 5—40. Библиогр. в примеч., стр. 39—40.
716. Материалы по археологии Туркменистана [Сборник статей]. Ашхабад, 1956. 218 стр., с илл. и 31 табл. (АН ТуркмССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Труды, т. 2). См. №№ 714, 728, 747, 749, 757, 759, 778, 850.
Рец.: Вактурская Н. Н. и Виноградов А. В.— СЭ, 1957, № 6, стр. 73—76.
717. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1955 г.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 3—4.
718. Основные итоги археологических работ на территории Казахстана в 1955 году.— ИАН КазССР. Серия ист., эконом., философии, права, вып. 3, 1956, стр. 94—106. Перед загл. авт.: К. А. Акишев, Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, А. Х. Маргулан.
719. Перечень научных докладов и сообщений, заслушанных на заседаниях кафедры археологии Средней Азии САГУ с 1950 г.— ТСАГУ, вып. 81, 1956. Ист. науки, кн. 12, 1956, стр. 156—159.
720. Росляков А. А. Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России). Ашхабад, Туркменгосиздат, 1956. 194 стр. с илл. Библиогр.: 513 назв. То же на туркм. яз. 223 стр.
Стр. 14—20: «Первобытно-общинный строй на территории Туркменистана».
721. Семенов Л. Ф. Находка каменного топора у реки Нуры.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 263—264 с 1 илл.
Находка не датирована.
722. Сенигова Т. Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 140—156 с 11 илл.
Памятники эпохи неолита, бронзы, раннего железа и XI—XIII вв.
723. Синицын И. В. Археологические исследования в Западном Казахстане. [1948—1950 гг.].— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 87—139 с 43 илл.
Памятники от эпохи неолита до средневековья.
724. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1956. 182 стр.; 6 л. илл.; 1 л. карт. (АН СССР. Ин-т этнографии. ИИМК. АН КирССР. Ин-т истории). См. №№ 699, 752.
725. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 7. Ашхабад, 1956. 461 стр. с илл.; 10 л. илл. (АН ТуркмССР).
См. №№ 93, 104, 733, 740, 748, 767, 781, 782, 784, 801.
726. Черников С. С. Некоторые итоги работы Восточно-Казахстанской (Бухтарминской) археологической экспедиции.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.— Л., 1956, стр. 23—26.
Памятники от эпохи палеолита до средневековья.
727. Черников С. С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. [1952 г.].— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 43—60 с 8 илл.
Памятники от эпохи палеолита до эпохи раннего железа.

2. Эпоха палеолита и неолита

728. Ершов С. А. Холм Чопан-Тепе (Отчет о стратиграфич. изучении холма в 1953 г.).— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2, 1956, стр. 11—23 с 7 илл.
V тысячелетие до н. э.
729. Лев Д. Н. Археологические исследования Узбекского государственного университета в 1955 году.— Научная сессия профессорско-преподават. состава Узбек. гос. ун-та. Тезисы докладов. Самарканд, 1956, стр. 58—59.
Раскопки палеолитической стоянки Аман-Кутан.
730. Лев Д. Н. Древний палеолит в Аман-Кутане. (Исследования 1953—1954 гг.).— ТУзГУ, вып. 61, 1956, стр. 3—33 с 14 илл.
Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина См. № 784.
731. Окладников А. П. Древнейшее прошлое Туркменистана. (Древние охотники и собиратели в степях и пустынях Туркменистана).— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. I, 1956, стр. 181—221 с 20 илл.
Памятники эпохи палеолита и неолита.

732. Окладников А. П. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сыр-Дарьи осенью 1955 г.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 5—15 с 2 илл.; 1 л. илл.
733. Окладников А. П. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.— Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956, стр. 11—219 с 110 илл.; 2 л. табл. Библиогр. в примеч. стр. 216—219.
Памятники от эпохи мезолита до эпохи ранней бронзы.
734. Окладников А. П. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 5—18 с 4 илл.
735. Парфенов Г. В. Каменный молоток со сверлиной из поселка Нижний Комсомольск Ташкентской области.— ИАН УзССР, 1956, № 6, стр. 111—112 с 1 илл.
736. Петрунь В. Ф. Неолитические находки в районе Байконура и р. Тамды.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 172—181 с 5 илл.
737. Ранов В. А. Отдельные находки изделий каменного века [на территории Таджикской ССР в 1955 г.].— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 93—94 с 1 илл.
738. Ранов В. А. Результаты разведок каменного века в 1955 г. (В отрогах Гиссарского хребта и урочище Ходжи-Ягона).— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 17—25 с 3 илл.
Толстов С. П. и Кесь А. С. История первобытных поселений на протоках древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. См. № 800.
739. Формозов А. А. Доандроновское погребение в Казахстане.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 153—155 с 1 илл.
740. Цалкин В. И. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А. П. Окладниковым.— Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956, стр. 220—221.
Материалы от эпохи мезолита до эпохи ранней бронзы.

3. Эпоха бронзы и раннего железа

741. Альбаум Л. И. Раскопки в Сурхан-Дарьинской области. [1954 г.]— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 117—118.
Первые вв. до н. э.— VI в. н. э.
742. Бабанская Г. Г. Беркаринский могильник. (К некоторым итогам изучения памятника).— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 189—206 с 10 илл.
IV в. до н. э.— I в. н. э.
743. Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник. (Раскопки 1954 г.)— ТИИ АН КирССР, вып. 2, 1956, стр. 57—69 с 11 илл.
I—IV вв. н. э. Ошская обл.
744. Бернштам А. Н. Саки Памира — ВДИ, 1956, № 1, стр. 189—206 с 9 илл.
745. Воронец М. Э. Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской области.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 48—55 с 3 илл.
II тысячелетие до н. э.
746. Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 85—93 с 5 илл.
747. Ганялин А. Ф. К стратиграфии Намазга-Тепе.— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2, 1956, стр. 37—66 с 16 илл.
748. Ганялин А. Ф. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-Кала.— Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956, стр. 374—384 с 4 илл.
749. Ганялин А. Ф. Теккем-Тепе. (Раскопки 1952—1953 гг.).— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2, 1956, стр. 67—86 с 9 илл.
Поселение эпохи бронзы.
750. Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 159—171.
751. Гинзбург В. В. Антропологические материалы к этногенезу таджиков.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 45—47.
752. Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины.— Труды Киргизской археолого-этногр. экспедиции, т. I, М., 1956, стр. 85—102.
753. Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 8—16 с 4 илл.
754. Гулямов Я. Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса.— ТИИА АН УзССР, вып. 8, 1956, стр. 149—161 с 13 илл.
Памятники эпохи неолита, бронзы и V—I вв. до н. э.
755. Давидович Е. А. О работах Гиссарского отряда в 1955 г. [Таджик. археол. экспедиция].— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 75—86 с 7 илл.
Памятники от первых вв. до н. э. до XI—XII вв.
756. Джусупов А. Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-Аты.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 261—263 с 1 илл.
757. Дурдыев Д. Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР.— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2, 1956, стр. 87—106 с 22 илл.
758. Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. [Вступит. ста-

тья Б. А. Литвинского]. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1950. 138 стр. с илл. и карт. «Литература по археологии Таджикистана», сост. Э. Гулямовой, стр. 135—137.
Рец.: 1. Маршак Б.— Коммунист Таджикистана, 1957, 7 июня; 2. Массон В. М.— СА, 1957, № 3, стр. 313.

759. Ершов С. А. Северный холм Анау. (Отчет о стратиграфич. шурфовке холма в 1953 г.).— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2, 1956, стр. 24—36 с 9 илл.
IV тысячелетие до н. э.

760. Жуков В. Д. Материалы к изучению Баш-Тепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса. (Археол. разведка на Аяк-Тепе № 2).— ТИИА АН УзССР, вып. 8, 1956, стр. 173—204 с 22 илл.
Памятники рубежа н. э.

761. Заднепровский Ю. А. Об этническом составе населения древней Ферганы.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 39—44.

762. Кабанов С. К. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках.— ВДИ, 1956, № 2, стр. 163—174 с 16 илл. В загл. ошибочно: «Нашхеба».

763. Кибиров А. К. и Кожемяко П. Н. Новые памятники эпохи бронзы.— ТИИ АН КирССР, вып. 2, 1956, стр. 37—46 с 15 илл.
Материалы Ист. музея Академии наук КирССР.

764. Кияткина Т. П. Предварительное определение краниологического материала из могильников в Ворухе [1954 г.].— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 110—111.

765. Кольцов С. В. Ишимская стоянка.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 266—267.
Стоянка эпохи бронзы. Акмолинская обл.

766. Кузьмина Е. Е. и Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобадшах.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 77—84 с 2 илл.
III—II вв. до н. э. Таджикская ССР.

767. Куфтин Б. А. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.— Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956, стр. 260—290 с 41 илл.; 2 л. илл.

768. Кушаев Г. А. Два типа курганных погребений правобережья реки Или (По материалам Илийской экспедиции 1954 г.).— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 207—220 с 6 илл.
Погребения IV—II вв. до н. э.— VI—VIII вв. н. э.

769. Кызласов Л. Р. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 14—21 с 3 илл.

770. Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе) [1954 г.].— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 68—76 с 5 илл.
Памятники рубежа н. э.

771. Литвинский Б. А. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 37—46 с 6 илл.

772. Литвинский Б. А. и Давидович Е. А. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район) в 1954 г.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 61—68 с 3 илл.
Курганы первой половины I тысячелетия н. э.

773. Литвинский Б. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 77—88 с 3 илл.; 2 л. илл.
Памятники II—I вв. до н. э. и I—III вв. н. э.

774. Литвинский Б. А. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 27—34 с 3 илл.; 1 л. карт.

775. Максимова А. Г. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата).— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 253—261 с 4 илл.

776. Мандельштам А. М. О работах Кобадианского отряда в 1955 г. [Таджик. археол. экспедиция].— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 71—74.
Памятники второй четверти I тысячелетия н. э.

777. Маргулан А. Х. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана.— ВАН КазССР, 1956, № 3. стр. 18—32 с 5 илл. и 1 карт. Библиогр.: 37 назв. Марущенко А. А. Старый Серахс. См. № 850.

778. Марущенко А. А. Хосров-Кала (Отчет о раскопках 1953 г.).— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2, 1956, стр. 107—160 с 9 илл. и 15 табл.
Памятник многослойный: VII в. до н. э.— XII в.

779. Массон В. М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла.— ЭВ, 11, 1956, стр. 63—75: 1 л. илл.

780. Массон В. М. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. (Из работ ЮТАКЭ 1955 г.).— ИАН ТуркмССР, 1956, № 2, стр. 17—24 с 3 илл. Библиогр.: 8 назв.
Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа.

781. Массон В. М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении.— Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956, стр. 385—458 с 50 илл.; 1 л. илл. Библиогр. в примеч. в конце текста.

Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа.

782. Массон В. М. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении. (Энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа).— Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956, стр. 233—259 с 4 илл.; 2 л. илл. Библиогр.: 76 назв.

783. Массон В. М. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 61—67 с 4 илл.

784. Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопам Б. А. Куфтина.— Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956, стр. 291—373 с 50 илл.; 4 л. илл. Библиогр.: 86 назв.

Керамика эпохи неолита и эпохи бронзы.

785. Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы. Из культурного наследия туркменского народа. Альбом иллюстраций. М., 1956. [7] отд. сброшир. стр.; СХХ отд. л. в папке. (АН ТуркмССР. Труды ЮТАКЭ, под ред. М. Е. Массона).

Негматов Н. Н. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1955 г. См. № 857.

Негматов Н. Н. Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г. См. № 858.

786. Нильсен В. А. Материалы из раскопок на Талли-Гуза.— ТИИА АН УзССР, вып. 8, 1956, стр. 229—239 с 8 илл.

Памятники от рубежа н. э. до VIII в.

787. Обельченко О. В. К вопросу о происхождении скорченных погребений в могильниках Бухарского оазиса.— ТСАГУ, вып. 81. Ист. науки, кн. 12, 1956, стр. 47—55 с 4 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 55.

Могильники II в. до н. э.— I в. н. э.

788. Обельченко О. В. Кую-Мазарский могильник.— ТИИА АН УзССР, вып. 8, 1956, стр. 205—227 с 21 илл.

II—I вв. до н. э.

Окладников А. П. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. См. № 734.

789. Панова Н. Н. и Рыгдылон Э. Р. О так называемом иртышском человеке.— КСИЭ, 25, 1956, стр. 64—70 с 4 илл.

Авторы датируют череп андроновским временем, оспаривая точку зрения В. Лаврова, который считает его палеолитическим (ВАН КазССР, 1953, № 5).

Пиотровский Б. Б. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР. См. № 598.

790. Пугаченкова Г. А. Три ахеменидские геммы из собрания Музея истории УзССР.— ТМИ УзССР вып. 3, 1956, стр. 81—87 с 3 илл. Библиогр.: 18 назв.

791. Ремпель Л. И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 61—72.

Памятники первых вв. н. э. и средневековые.

792. Росляков А. А. и Дерякулиев О. Древности села Кеши.— УЗ ТуркмГУ, вып. 3, 1956 [колонтит.: 1955], стр. 107—119. Библиогр.: 17 назв.

Памятники III в. до н. э.— III в. н. э. и V—XII вв.

793. Рутковская Л. М. Бронзовый котел из Ферганы.— ТСАГУ, вып. 81. Ист. науки, кн. 12, 1956, стр. 41—46 с 1 илл. Библиогр. в примеч., стр. 46.

III в. до н. э.

794. Сарианиди В. И. К истории древнего гончарства на территории Южного Туркменистана.— ИАН ТуркмССР, 1956, № 6, стр. 66—72 с 4 илл. Библиогр.: 15 назв.

Эпоха бронзы и раннего железа.

795. Семенов Л. Ф. Стоянка эпохи бронзы Суук-Булак.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 263.

796. Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 3—14 с 3 илл.

II—IV вв.

797. Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры.— СА, XXVI, 1956, стр. 97—117 с 1 илл. и 1 карт.

Погребения конца I тысячелетия до н. э. и первых вв. н. э.

797а. Спасская Е. Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии.— Учен. зап. (Алма-Атинск. гос. пед. ин-т), т. 11, 1956, стр. 155—169; 2 л. илл.

798. Спришевский В. И. Некоторые находки из мугхона в собрании Музея истории.— ТМИ УзССР, вып., 3, 1956, стр. 53—74. Библиогр.: 19 назв.

Материалы из погребений первых вв. н. э.

799. Спришевский В. И. Раскопки Чустского поселения.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 118—119.

Поселение эпохи бронзы. Наманганская обл.

800. Толстов С. П. и Кесь А. С. История первобытных поселений на протоках древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.— Вопросы географии. Сборник статей для XVIII го Международного географического конгресса. М.— Л., 1956 (АН СССР Геогр. о-во), стр. 3[illegible]—36 с 3 илл.

801. Цалкин В. И. Предварительные результаты определения костей из раскопок

Мадау-Депе, произведенных в 1953 г.— Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956, стр. 459—460.

Костный материал из слоев эпохи бронзы и раннего железа.

802. Шишкин В. А. Археологическая разведка на Баш-Тепе. [1938 г.].— ТИИА АН УзССР, вып. 8, 1956, стр 163—172 с 4 илл.

Поселение первых вв. до н. э.— I—III вв. н. э.

803. Юсупов М. С. и Скиндер С. И. Оссуарий из Тургай-Мазара.— ТСАГУ. вып. 81. Ист. науки, кн. 12, 1956, стр. 140—143 с 3 илл.

IV—V вв. н. э.

4. Средневековые памятники

804. Айни К. С. Некоторые новые данные по таджикской миниатюре XVI в.— ТАН ТаджССР, т. 42, 1956, стр. 33—47 с 10 илл.

805. Акмамедов Х. Городище Шахрабат (Шахрастана).— УЗТуркмГУ, вып. 3, 1955 [колонтит.: 1955], стр. 143—153. Библиогр.: 23 назв.

Памятники IX—XIV вв.

806. Алимов Г. Клад золотых монет из Узбекистана.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 122.

XIII в.

807. Аминджанова М. Средневековые терракотовые «очажки» в собрании кабинета археологии САГУ.— Сборник студенч. работ. Среднеаз. гос. ун-та, вып. 15. История. Ташкент, 1956, стр. 61—73 с 6 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 73.

808. Андреев М. С. Старинные свитки-альбомы из Бухары с образцами архитектурного орнамента. [С предисл. А. Семенова].— ИООН АН ТаджССР, вып. 10—11, 1956, стр 125—136 с 10 илл. Резюме на тадж. яз.

809. Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг. [Сборник статей. Отв. ред. В. А. Шишкин]. Ташкент, 1956. 240 стр. с илл.; 7 л. илл. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии. Труды Ин-та истории и археологии. Вып. 8).

См. №№ 754, 760, 786, 788, 802, 836, 840, 859, 881, 883.

Рец.: Ставиский Б. Я — СА, 1957, № 4, стр. 229—231.

810. Ашуров Я. С., Гелах Т. Ф. и Камалов У. Бухара. Краткий справочник-путеводитель. Ташкент, Госиздат УзССР, 1956. 83 стр.; 14 л. илл.; 1 л. план.

811. Баишев И. и Массон В. Археологические разведки в районе Ташкента [1949 г.].— ТСАГУ, вып. 81. Ист. науки, кн. 12, 1956, стр, 133—139 с 1 карт. Библиогр. в примеч.: стр 139.

812. Беленицкий А. М. Арабская надпись из Пенджикента.— ЭВ, II, 1956, стр. 27—29 с 2 илл.

813. Беленицкий А. М. О некоторых сюжетах пенджикентской живописи.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 56—62; 2 л. илл.

814. Беленицкий А. М. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 19—32 с 7 илл.

815. Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1955 г.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 47—56 с 6 илл.

816. Беленицкий А. М. и Давидович Е. А. Сардоба около Куляба.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 101—102 с 1 илл.

X—XI вв.

817. Бентович И. Б. Плетеные изделия из раскопок на горе Муг.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 65—69 с 1 илл.

VII—VIII вв.

818. Бернштам А. Н. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы.— ЭВ, II, 1956, стр. 54—58 с 2 илл.; 2 л. илл.

819. Бернштам А. Н. К происхождению мавзолея Бабаджи Хатун.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 86—95 с 2 илл.

XI в. Джамбульская обл.

820. Большаков О. Г. Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 17—23 с 1 илл.

821. Большаков О. Г. Культура Средней Азии в средние века. (VI—XVI вв.).— ПИШ, 1956, № 1, стр. 29—39 с 5 илл.

822. Буряков Ю. Городище Минг-Урюк в Ташкенте.— ТСАГУ, вып. 81, Ист. науки, кн. 12, 1956, стр. 121—132 с 6 илл. Библиогр. в примеч.: стр. 132.

XI—XIII вв.

823. Воронина В. П. Резные колонны мечети Бокбонли в Хиве.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 96—102 с илл.

XIV в.

824. Галеркина О. И. Рукопись сочинений Навои 1521—1522 гг. из собрания ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (К вопросу о среднеазиатской школе миниатюр).— ТАН ТаджССР, т. 42, 1956, стр. 221—234 с 5 илл.

825. Гелах Т. Ф. Мусульманские могильники как исторический источник. (По материалам Ташаузской области ТССР). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1956. 14 стр. (Моск. гос. ун-т).

826. Гулямова Э. и Зеймаль Т. И. Находки в районе Перепадной ГЭС.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 98—100 с 1 илл.
Памятники, главным образом, XI—XII вв.

827. Давидович Е. А. Владетели Насрабада. (По нумизматич. данным).— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 107—113 с 1 илл.

828. Давидович Е. А. Денежная реформа 1708 г. в Бухаре.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 36—46.

829. Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 95—103.

830. Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1955 г.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 113—121.

831. Давидович Е. А. Новые монетные находки на средневековых выработках Узбекистана [1954 г.].— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 121.

Давидович Е. А. О работах Гиссарского отряда в 1955 г. См. № 755.

832. Давидович Е. А. Ферганские Саманиды по нумизматическим данным.— ЭВ, 11, 1956, стр. 14—26.

833. Джалилов А. Войско и вооружение согдийцев накануне и в период борьбы с арабским нашествием.— ИООН АН ТаджССР, вып. 8, 1956, стр. 81—95.

834. Джалилов А. Некоторые сведения о культурной жизни согдийцев накануне нашествия арабов.— Шарки сурх («Красный Восток»). Сталинабад, 1956, № 4, стр. 93—99.

Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. См. № 758.

835. Жуков В. Д. Кайрак с двуязычной надписью 547/1178 г.— ЭВ, 11, 1956, стр. 30—32 с 1 илл.

836. Жуков В. Д. Материалы к изучению пригородов городища Варахша.— ТИИА АН УзССР, вып. 8, 1956, стр. 145—148 с 1 илл.
Памятники VIII—X вв.

837. Заславская Ф. А. Терракотовые статуэтки всадников с булавами из Афрасиаба в собрании Музея истории УзССР.— ТМИ УзССР, вып. 3, 1956, стр. 88—117 с 15 илл. Библиогр.: 58 назв.
VI—VIII вв.

838. Зеймаль Т. И. Средневековая гончарная печь в Октябрьском районе.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 95—98 с 1 илл.

839. Кабанов С. К. К вопросу о древности канала Иски-Ангар.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 116—117.

840. Кабанов С. К. Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша.— ТИИА АН УзССР, вып. 8, 1956, стр. 95—125 с 26 илл.; 1 л. илл.

841. Кесаев В. К истории строительной техники феодального Востока.— В сб.: Искусство Азербайджана, 5. Баку, 1956, стр. 211—226 с 4 илл. Резюме на азербайдж. яз.
По среднеазиатским миниатюрам XV—XVII вв.

842. Кожемяко П. Н. К исторической топографии средневековых поселений Чуйской долины.— ТИЯЛИИ АН КирССР, вып. 5, 1956, стр. 35—50.

Кушаева Г. А. Два типа курганных погребений правобережья реки Или. См. № 768.

843. Леонов Н. И. По древней Согдиане.— Звезда Востока, 1956, № 7, стр. 94—101.
О раскопках в Пенджикенте.

844. Литвинский Б. А. Новые находки в старинных рудниках Кара-Мазар.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 108—109 с 1 илл.

845. Литвинский Б. А. Северная надпись в Варухском ущелье. (Опыт. ист. исследования по данным нумизматики).— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 114—119.
Арабская надпись 1041 г.

846. Мандельштам А. М. О работах Каратегинского отряда в 1955 г. [Таджик. археол. экспедиция].— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 87—92.
Памятники позднего средневековья.

847. Мандельштам А. М. и Негматов Н. Н. Предварительный отчет о работах Кайрак-Кумского отряда в 1954 г.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 43—50 с 2 илл.; 2 л. илл.
Обследование средневековых памятников.

848. Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работах Каратегинского отряда в 1954 г.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 69—75.
Разведка средневековых памятников.

849. Мандельштам А. М. Раскопки на Батур-Тепе в 1955 г.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 57—59.
Памятники VI—IX вв.

850. Марущенко А. А. Старый Серахс. (Отчет о раскопках 1953 г.).— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2, 1956, стр. 161—217 с 3 илл. и 16 табл.
Памятники от начала I тысячелетия до н. э. до средневековья.

Марущенко А. А. Хосров-Кала. См. № 778.

851. Массон М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои (Краткий историко-топогр. очерк).— ТСАГУ, вып. 81. Ист. науки, кн. 12, 1956, стр. 57—84 с 4 илл.; 6 л. илл.

852. Массон М. Е. Клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов из Геок-Депе. [По материалам ЮТАКЭ].— ИАН ТуркмССР, 1956, № 5, стр. 45—48 с 4 илл.
853. Массон М. Е. Среднеазиатские намогильные кайраки.— ЭВ, 11, 1956, стр. 8—13 с 2 илл.
854. Мендикулов М. М. Памятники архитектуры полуострова Мангышлака и Западного Устюрта. Алма-Ата, 1956, 43 стр.; 28 л. илл. (АН КазССР).
XV—XIX вв.
Рец.: Мухтаров А.— Казахстан. правда, 1956, 11 окт.
855. Мережин Л. К характеристике средневекового стекла из Мерва.— Сборник студенч. работ Среднеаз. гос. ун-та, вып. 15. История. Ташкент, 1956, стр. 74—79; 1 л. илл. Библиогр. в примеч.: стр. 78—79.
856. Негматов Н. Н. К вопросу об этнической принадлежности населения Усрушаны.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 29—38.
857. Негматов Н. Н. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1955 г.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 61—69.
Памятники рубежа н. э. и раннесредневековые.
858. Негматов Н. Н. Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г.— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 33—41 с 3 илл.; 1 л. илл.
Памятники рубежа н. э. и раннесредневековые.
859. Нильсен В. А. Варахшская цитадель.— ТИИА АН УзССР, вып. 8, 1956, стр. 43—93 с 27 илл.; 2 л. илл.
VI—XI вв.
Нильсен В. А. Материалы из раскопок на Талли-Гуза. См. № 786.
860. Нильсен В. А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. К вопросу о возникновении средневековой архитектуры в Средней Азии. Ташкент, 1956. 157 стр. с илл. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). Библиогр.: стр. 149—155 и 137—148.
861. Нильсен В. А. Полевые работы Варахшского археологического отряда [1954 г.].— ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 115—116.
862. Пацевич Г. И. Гончарная печь на городище Сарайчик (По материалам Западно-Казахстанской археол. экспедиции 1950 года).— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 221—225 с 2 илл.
863. Пацевич Г. И. Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 году.— ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 73—86 с 7 илл.
Памятники V—XIV вв.
864. Писарчик А. К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы.— ТАН ТаджССР, т. 42, 1956, стр. 145—194 с 26 илл.
865. Портрет Ибн Сины. Ташкент, 1956, 30 стр. с 6 илл.; 1 л. портр. (АН УзССР. Труды Ин-та востоковедения. Вып. 5). Содерж.: В. Н. Терновский. Описание черепа, извлеченного из могилы Ибн Сины, стр. 9—13.— М. М. Герасимов. Портрет Ибн Сины. (Опыт воспроизведения внешнего облика по фотографиям черепа из могилы Ибн Сины в Хамадане), стр. 14—29 с 6 илл.
866. Пугаченкова Г. А. Архитектура и изобразительное искусство до Великой Октябрьской революции.— В кн.: Пугаченкова Г. А. и Елькович Л. Я. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1956, стр. 7—92 с илл.
867. Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники в селении Астан-Баба. (Из работ Южно-Туркменист. археол. комплексной экспедиции 1948 г.).— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 70—85 с 6 илл.
Мавзолеи XI—XII вв.
868. Пугаченкова. Г. А. Драконы мечети Анау.— СЭ, 1956, № 2, стр. 125—129 с 1 илл.; 1 л. илл.
Мечеть XV в.
869. Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI вв. по данным миниатюр.— ТСАГУ, вып. 81. Ист. науки, кн. 12, 1956, стр. 85—119 с 18 илл.; 8 л. илл. Библиогр. в примеч.; стр. 117—119.
870. Пугаченкова Г. А. Миниатюры «Хамсэ» Низами 1562/1563 г. Самаркандского музея.— ТАН ТаджССР, т. 42, 1956, стр. 17—31 с 7 илл.
871. Пугаченкова Г. А. Основные черты средневекового архитектурного наследия Южного Туркменистана (VI—XV вв.).— ИАН ТуркмССР, 1956, № 3, стр. 5—14.
872. Ранов В. А. Археологические разведки на юге Таджикистана.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 105—107 с 2 илл.
Памятники XI—XIII вв.
873. Раскопки науса в Старом Мерве [1954 г.] — ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 114—115.
Рempель Л. И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. См. № 791.
Росляков А. А. и Дерякулиев О. Древности села Кеши. См. № 792.
874. Салтовская Е. Д. Археологические памятники близ кишлака Рохаты.— ТАН ТаджССР, т. 63, 1956, стр. 102—105 с 2 илл.
Памятники X—XIII вв.
Сарианиди В. И. К истории древнего гончарства на территории Южного Туркменистана. См. № 794.

875. Семенов А. А. Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. «Зафар-Нома» Шарафуддина Езди.— ТАН ТаджССР, т. 42, 1956, стр. 3—16 с 3 илл.
876. Смирнова О. И. Монетные находки на городище древнего Пенджикента (Предварит. сообщ. по материалам 1954 г.) — ТАН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 89—93.
877 Смирнова О. И. Монеты городища Пенджикента. (Краткая общая характеристика).— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 93—99; 1 л. илл.
878. Смирнова О. И. Неизданный фельс из раскопок на городище древнего Пенджикента.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 103—106 с 1 илл.
879. Ставинский Б. Я. О двух памятниках согдийского изобразительного искусства. (Всадник с мугского щита и конный воин из объекта VI древнего Пенджикента) — КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 63—64; 1 л. илл.
880. Умняков И. И., Алескеров Ю. Н. и Михайлов К. М. Самарканд. Краткий справочник-путеводитель. Ташкент, Госиздат УзССР, 1956. 103 стр.; 16 л. илл.; 1 отд. л. схемы.
881. Урманова М. Х. Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г.— ТИИА АН УзССР, вып. 8, 1956, стр. 127—143 с 20 илл.; 2 л. илл. В огл. авт. М. К. Урманова.
882. Федоров-Давыдов Г. А. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 51—58.
883. Шишкин В. А. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.).— ТИИА АН УзССР, вып. 8, 1956, стр. 3—42 с 18 илл.; 2 л. илл.

V. Сибирь и Дальний Восток

1. Сводные труды и работы о разновременных памятниках

884. Вайнштейн С. И. Археологические исследования в Туве в 1955 году.— Уз ТувИЯЛИ, вып. 4, 1956, стр. 33—40; 2 л. илл.
Памятники от эпохи палеолита до древнетюркского времени.
885. Воробьев М. В. К вопросу о денежном обращении в Маньчжурии и в Приморье с древности до монгольского нашествия.— ЭВ, 11, 1956, стр. 83—94.
886. Гешеле Э. Возникновение земледелия в Сибири.— Сельское хозяйство Сибири. Омск, 1956, № 6, стр. 95—96.
887. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.—Л., 1956. 161 стр. с 19 илл.; 31 л. илл. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 48). Библиогр.: стр. 158—160.
По памятникам от эпохи бронзы до первой половины II тысячелетия н. э.
Рец.: Киселев С. В.— СА, 1958, № 1, стр. 275—278.
888. Дульзон А. П. Археологические памятники Томской области. (Материалы к археологической карте Среднего Приобья).— ТТомОКМ, т. 5, 1956, стр. 89—316 с 77 илл. и 34 табл.; 3 л. илл.; 1 л. карт. Библиогр.: 161 назв.
889. Космачев К. П. К вопросу о путях проникновения южных предков якутов на Среднюю Лену.— УЗ ИЯЛИ ЯкутФАН СССР, вып. 4, 1956, стр. 45—47.
890. Окладников А. П. Археологические исследования в долине Ангары и на Дальнем Востоке в 1955 г.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 года. М.—Л., 1956, стр. 46—48.
Памятники от III тысячелетия до н. э. до XI в.
891. Окладников А. П. Древнее население Сибири и его культура.— В сб.: Народы Сибири. М.—Л., 1956 (АН СССР. Ин-т этнографии), стр. 21—107 с илл.; 2 л. карт.
892. Розов Н. С. К вопросу о древнейшем населении Западной Сибири и его происхождении.— ТТомОКМ, т. 5, 1956, стр. 346—350.
893. Томашевский В. Путешествие в далекое прошлое. Заметки археолога.— Дальний Восток, 1956, № 4, стр. 150—158.
О работе Дальневосточной экспедиции ИИМК 1953—1955 г.
894. Трухин Г. В. Об археологических памятниках по р. Шегарке.— ТТомОКМ, т. 5, 1956, стр. 355—357.
Разведка разновременных памятников.
895. Ураев Р. А. Дополнения к «Археологическим памятникам Томской области» [К статье А. П. Дульзона в «Трудах Томского обл. краевед. музея», т. 5, 1956].— ТТомОКМ, т. 5, 1956, стр. 317—328.
896. Ураев Р. А. Об изучении археологических памятников Томского края Областным краеведческим музеем летом 1954 г.— ТТомОКМ, т. 5, 1956, стр. 353—354.
897. Эрдниев У. Э. Городище Маяк. (Предварит. сообщение).— Труды научн. конференции Сталинского пед. ин-та, вып. I. Кемерово, 1956, стр. 157—161.
Городище многослойное: от эпохи поздней бронзы до VIII в. н. э. Кемеровская обл.
898. Эрдниев У. Э. Наскальные рисунки у деревни Усть-Писаной.— Природа, 1956, № 6, стр. 107—108 с 2 илл.
Кемеровская обл.

2. Эпоха палеолита и неолита

Борисковский П. И. Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним. См. № 5.

899. Ганешин Г. С. и Окладников А. П. О некоторых археологических памятниках Приморья и их геологическом значении.— Материалы Всесоюзн. научн.-исслед. геол. ин-та. Геология и полезные ископаемые, вып. I, М., 1956, стр. 50—57 с 3 илл. Библиогр.: 22 назв.

Памятники эпохи палеолита, мезолита и неолита.

900. Дебец Г. Ф. Древний череп из Якутии.— КСИЭ, 25, 1956, стр. 60—63.

901. Елькин М. Г. Дегтяревская неолитическая стоянка.— Труды научн. конференции Сталинского пед. ин-та, вып. I, Кемерово, 1956, стр. 149—156. Библиогр.: 11 назв.

Кемеровская обл.

902. Иваньев Л. Н. и Хороших П. П. Первобытные охотники Прибайкалья. Иркутск, Кн. изд., 1956. 47 стр. с илл. (Научно-попул. б-ка). Библиогр.: стр. 43.

903. Комарова М. Н. Неолит верхнего Приобья.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 93—103 с 3 илл. и 1 карт.

904. Левин М. Г. Антропологический материал из Верхоленского могильника.— ТИЭ. Нов. серия, т. 33, 1956, стр. 259—339 с 10 илл.

Могильник эпохи неолита.

905. Окладников А. П. Приморье в I тысячелетии до нашей эры. (По материалам поселений с раковинными кучами).— СА, XXVI, 1956, стр. 54—96 с 19 илл.

906. Петрунь В. Ф. К вопросу о возрасте речных террас Южного Приморья. (Находка каменных орудий на побережье Японского моря).— Материалы Всесоюзн. научно-исслед. геол. ин-та. Геология и полезные ископаемые, вып. 1, М., 1956, стр. 58—73 с 4 илл. Библиогр.: 25 назв.

Раушнебах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. См. № 922.

907. Розов Н. С. Антропологические материалы из неолитического Кузнецкого могильника.— ТТомГУ, т. 133, 1956, стр. 193—203 с 3 илл. Библиогр.: стр. 202—203.

908. Толстов А. Н. и Швецов П. Ф. Данные геолого-инженерного и геоморфологического обследования места стоянки неолитического человека на Колымской протоке реки Индигирки.— ИАН СССР. Серия геогр., 1956, № 3, стр. 85—89 с 4 илл.

3. Эпоха бронзы и железа

909. Алексеев В. П. Очерк палеоантропологии Тувинской автономной области.— ТИЭ. Нов. серия, т. 33, 1956, стр. 374—393.

По материалам от эпохи бронзы до конца I тысячелетия н. э.

910. Гришин Ю. С. Производство тагарской эпохи. Авторсферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1956. 16 стр. (Моск. гос. ун-т. Ист. фак.).

911. Грязнов М. П. Войлок с изображением борьбы мифических чудовищ из Пятого Пазырыкского кургана на Алтае.— СГЭ, 9, 1956, стр. 40—42 с 1 илл.

912. Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири.— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 27—42 с 8 илл.; 1 л. илл.

913. Давыдова А. В. Иволгинское городище. (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье).— СА, XXV, 1956, стр. 261—300 с 28 илл.

914. Давыдова А. В. Раскопки Иволгинского городища в 1955 г.— ЗБМИК, 22, 1956, стр. 64—82 с 7 илл.

915. Доможаков Н. Г. Раскопки Салбыкского кургана в Хакассии.— ИВГО, т. 88, 1956, вып. 6, стр. 555—558 с 4 илл.

916. Киселев С. В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. исследований 1955 года. М.—Л., 1956, стр. 56—58.

IV—III вв. до н. э. Хакасская авт. обл.

917. Кызласов Л. Р. Археологические свидетельства о разведении кур в древней Сибири.— СЭ, 1956, № 1, стр. 112—113 с 1 илл.

918. Липский А. Н. Археологические раскопки в Хакассии [1948 г.].— КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 116—129 с 6 илл.

Памятники II тысячелетия до н. э.— V в. н. э.

919. Липский А. Н. Карасукские погребения (1200—700 лет до н. э.) в г. Абакане.— Краевед. сборник (Хакас. обл. музей краеведения), № 1. Абакан, 1956, стр. 93—157 с 13 л. илл.

920. Липский А. Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии. (II в. до н. э.— IV в. н. э.).— Краевед. сборник (Хакас. обл. музей краеведения), № 1. Абакан, 1956, стр. 11—92 с 13 л. илл.; 1 л. илл.

921. Потапов Л. П. Применение историко-этнографического метода к изучению памятников древнетюркской культуры. М., Изд. АН СССР, 1956. 28 стр. (Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов).

922. Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Под ред. А. Я. Брюсова. М., Госкультпросветиздат, 1956. 151 стр. с 3 илл. и карт.; 10 л. илл. (Труды Гос. ист. музея. Вып. 29).

923. Рыгдылон Э. Р. Подкунинская руническая надпись.— ЭВ, 11, 1956, стр. 59—62; 1 л. илл.
924. Семенов С. А. Обработка дерева на древнем Алтае. (По материалам Пазырыкских курганов).— СА, XXVI, 1956, стр. 204—226 с 10 илл.
925. Ураев Р. А. Кривошейнинский клад.— ТтомОКМ, вып. 5, 1956, стр. 329—345 с 3 илл.
Первая половина I тысячелетия н. э.
926. Членова Н. Л. Несколько писаниц Юго-Западной Тувы.— СЭ, 1956, № 4, стр. 45—63 с 19 илл.
Писаницы тагарско-таштыкского времени.
927. Шагеев З. А. Историко-технологическое исследование изделий древних сибирских литейщиков. (По материалам городища Басандай).— Краевед. записки (Алтайский краевой музей), вып. I. Барнаул, 1956, стр. 256—274 с 7 илл.
Материалы VII—V вв. до н. э.

VI. Работы по археологии зарубежных стран

928. Банк А. В. Гемма с изображением Соломона [из собрания Гос. Эрмитажа].— ВВ, т. 8, 1956, стр. 331—337; 1 л. илл.
IV в. н. э.
929. Белов Н. В. Средневековая мавританская орнаментика в рамках групп симметрии.— Кристаллография, т. I, 1956, вып. 5, стр. 610—613 с 10 илл.
930. Бонгард-Левин Г. М. и Деопик Д. В. Археологические работы в Индии.— ВДИ, 1956, № 1, стр. 177—187 с 5 илл.
931. Брабич В. М. Конторниат из собрания Эрмитажа.— СГЭ, 10, 1956, стр. 48—49.
932. Выжарова Ж. Н. О происхождении болгарских пахотных орудий. (К вопросу об этногенезе болгарского народа). М., 1956. 56 стр., с 19 илл. (АН СССР. Ин-т этнографии).
933. Выжарова Ж. Н. Раннеславянская керамика из села Попина. [Статья из Болгарии].— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 142—149 с 3 илл.
934. Гълъбов И. Минойская надпись, найденная в Бургасе (Болгария). [Статья из Болгарии].— ВДИ, 1956, № 3, стр. 151—157 с 7 илл. Перед текстом и в огл. авт.: Ив. Гълъбов.
935. Гюзальян Л. Т. Надпись на люстровом изразце 624/1227 г. из Киевского музея.— ЭВ, 11, 1956, стр. 33—43, 1 л. илл.
936. Гюзальян Л. Т. Неизданные надписи Байбуртской цитадели.— ВВ, т. 8, 1956, стр. 306—330; 6 л. илл.
937. Деопик Д. В. Некоторые вопросы древней истории Вьетнама в современной вьетнамской науке.— ВДИ, 1956, № 2, стр. 95—107.
938. Доклад о древних городах Монголии [С. В. Киселева на Отд. ист. наук].— ВАН СССР, 1956, № 10, стр. 95—96.
939. Дьяконов И. М. Выставка «Культура и искусство древней Передней Азии».— СГЭ, 10, 1956, стр. 9—10.
940. Дьяконова В. В. и Сорокин С. С. Хотанская терракотовая ваза.— СГЭ, 9, 1956, стр. 49—51 с 1 илл.
941. Ефіменко П. П. На археологічний конференції в Будапешті [1955 г., 3—6 сентября].— ВАН УРСР, 1956, № 5, стр. 39.
942. Захарук Ю. Н. Новые исследования культуры воронковидных сосудов в Польше. [Обзор].— ВДИ, 1956, № 1, стр. 65—70.
943. Зейфарт. Открытие Института греко-римских древностей при Германской Академии наук в Берлине. [Статья из Герм. Демократич. Республики].— ВДИ, 1956, № 2, стр. 181—184.
944. Инь Да. Достижения китайской археологии за 4 года. Пер. с китайского.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 3—13 с 8 илл. и 1 карт.
945. Исраелян М. Об одной надписи Менуа.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1956, № 8, стр. 81—83; 1 л. илл. На арм. яз.
946. История Польши. В 3-х т. Т. 1. Под ред. В. Д. Королюка [и др.] 2-е доп. изд. М., 1956. 706 стр. с илл. карт.; 28 л. илл. и карт.; 1 отд. л. карт. (АН СССР. Ин-т славяноведения). Библиогр.: стр. 641—669.
Стр. 15—26: гл. 1 «Первобытно-общинный строй». Авт.: П. Н. Третьяков и В. Д. Королюк.
947. История Чехословакии. В 3-х т. Т. I. Под ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова. М., 1956. 415 стр. с илл.; 27 л. илл. (АН СССР. Ин-т славяноведения). Библиогр.: стр. 377—392, сост. Н. Д. Ратнер.
Стр. 13—38: Ч. I «Первобытно-общинный и рабовладельческий строй на территории Чехословакии».
948. Каждан А. П. Новые рукописи, открытые на побережье Мертвого моря.— Вопросы истории религии и атеизма. Сборник 4. М., 1956, стр. 280—313.
949. Кинжалов Р. В. Выставка «Памятники культуры и искусства древней Америки».— СГЭ, 10, 1956, стр. 10—11 с 1 илл.
950. Кинжалов Р. В. Древнеколумбийская золотая статуэтка.— СГЭ, 10, 1956, стр. 47—48 с 1 илл.

951. Кинжалов Р. В. Статуэтка «Богиня в изумрудной одежде».— СГЭ, 9, 1956, стр. 51—52.
Древнемексиканская статуэтка XV—XVI вв. из собрания Гос. Эрмитажа.
952. Кнорозов Ю. В. Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе.— В сб.: Десятый Международный конгресс историков в Риме. Сент. 1955 г. Доклады Советской делегации. М., 1956. (АН СССР. Ин-т истории), стр. 343—364 с илл.
953. Кобылина М. М. Античное искусство на территории Болгарии.— Материалы по истории искусства. М., Изд. Моск. гос. ун-та, 1956, стр. 48—72 с 16 илл.; табл. VII—XV.
954. Колобова К. М. К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема «переходного» периода в Эгеиде (1100—900 гг. д н. э.).— УЗ ЛГУ. № 192. Серия ист. наук, вып. 21, 1956, стр. 21—52 с 2 илл. и 1 карт.
955. Кочетова С. М. Фарфор и бумага в искусстве Китая. Краткий ист. очерк. М.— Л., 1956. 90 стр. с илл. (АН СССР. Научно-попул. серия).
956. Кхишваши М. П. Ранняя средневековая керамика на территории Румынской Народной Республики. (VI—XII вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1956. 17 стр. (Моск. гос. ун-т. Ист. фак.).
957. Лапис И. А. Саркофаг Маху, земледельца дома Амона. (Из собрания Музея изобразит. искусств им. А. С. Пушкина).— ВДИ, 1956, № 4, стр. 157—160; 6 л. илл.
958. Липшуц А. А. Храм с настенной живописью в дремучем лесу. (Из истории древних майя). Статья чилийского ученого.— СЭ, 1956, № 1, стр. 59—71 с 3 илл.; 3 л. илл.
959. Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М.— Л., 1956, 472 стр. с илл.; 5 л. илл. (АН СССР. ИИМК).
960. Матье М. Э. Экспозиция памятников культуры и искусства коптского Египта в Государственном Эрмитаже.— ВВ, т. 11, 1956, стр. 348—351 с 2 илл.; 2 л. илл.
961. Михаловский К. Создатель канона египетского храма.— ВДИ, 1956, № 4, стр. 119—130 с 9 илл.
962. Нечай Ф. М. К вопросу об аграрных отношениях в ранний период Рима — УЗ БГУ, вып. 30. Серия ист., 1956, стр. 36—82.
Стр. 55—61: Ранний Рим в свете археологии.
963. Нидерле Л. Славянские древности. Пер. с чешск. Т. Ковалевой и М. Хазанова. Предисл. П. Н. Третьякова. Ред. А. Л. Монгайт. М., «Иностр. литература», 1956. 451 стр. с 147 илл.; 5 л. илл.; 1 л. карт. и портр. Библиогр.: стр. 170—172 и 421—423.
964. Новейшие археологические находки на Ближнем Востоке.— ВДИ, 1956, № 4, стр. 167—168. Подпись: Л. Е.
965. Новейшие открытия в области античной археологии [за рубежом].— ВДИ, 1956, № 3, стр. 159—162. Подпись: Л. Е.
966. Павлов В. В. Памятники египетского искусства в советских музеях.— Искусство, 1956, № 4, стр. 60—66 с илл.
967. Павлов В. В. Фаянсы эпохи Амарны в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина.— Материалы по теории и истории искусства. М., Изд. Моск. гос. ун-т, 1956, стр. 26—47 с 10 илл.; табл. I—VI.
968. Певзнер С. Б. Египетская медная мисочка XIV в.— СГЭ, 10, 1956, стр. 43—45 с 2 илл.
Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI вв. по данным миниатюр. См. № 869.
969. Свенцицкая И. С. Новые эпиграфические памятники Малой Азии и Эгеиды. [Обзор].— ВДИ, 1956, № 4, стр. 93—99
970. Скалон В. Н. Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства.— СА, XXV, 1956, стр. 87—105 с 1 илл.
971. Старкова К. Б. Рукописи из окрестностей Мертвого моря.— ВДИ, 1956, № 1, стр. 81—102.
972. Тарасюк Л. И. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 22—30 с 1 илл.
Федоров-Давыдов Г. А. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в. См. № 882.
973. Ходжаш С. И. К вопросу о связи искусства древнего Египта с искусством Передней Азии.— СВ, 1956, № 3, стр. 109—118 с 4 илл.
974. Цончев Д. М. Фракийский склеп в кургане села Строево. [Статья из Болгарии].— ВДИ, 1956, № 1, стр. 166—173 с 10 илл.
975. Чайлд Гордон. Древнейший Восток в свете новых раскопок. Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. Предисл. и ред. В. И. Авдиева. М., Изд. Иностр. лит., 1956. 383 стр. с илл. и карт.; 20 л. илл. Библиогр.: стр. 370—371.
976. Эрмитаж. Ленинград. Культура и искусство античного мира. М., «Искусство», 1956. 74 стр. с план.; 12 л. илл. (Гос. Эрмитаж. Путеводители по выставкам. Под общ. ред. М. И. Артамонова). На обороте тит. л. сост.: К. С. Горбунова, Г. Д. Белов, А. И. Вощинина, М. М. Худяк и В. М. Скуднова.
977. Якимов В. П. «Атлантроп» — новый представитель древнейших гоминид.— СЭ, 1956, № 3, стр. 110—122 с 5 илл.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абесадзе Ц. Н. 97, 119
Абибуллаев О. А. 563, 564
Абилова Г. А. 565, 610
Абрамишвили Т. Я. 611, 612
Абрамович Ю. М. 91
Абрамян А. Г. 613
Абрамян В. А. 614
Августиник А. И. 92, 93
Авдусин Д. А. 55
Аветисян А. 615
Агеева Е. И. 686, 718
Азибекова П. А. 629
Айни К. С. 804
Акишев К. А. 687, 718
Акмамедов Х. 805
Алборов Б. А. 616
Алексеев В. П. 909
Алексеева Т. И. 351
Алескер-заде А. А. 617
Алескеров Ю. Н. 880
Алешковский М. Х. 26
Алиев И. Г. 553
Алимов Г. 806
Алихова А. Е. 215, 335
Алпатов М. В. 382, 383
Алпысбаев Х. А. 688
Альбаум Л. И. 27, 741
Аманжолов А. С. 689
Аманжолов С. 689
Амбургер Н. П. 169, 216
Аминджанова М. 807
Амиранашвили Ш. Я. 533, 618
Амитин-Шапиро З. Л. 72
Андреев М. С. 808
Антейн А. 94
Антонова В. 384
Анфимов Н. В. 566
Апакидзе А. М. 534
Аракелян Б. Н. 567, 619, 620
Артамонов М. И. 352
Арутюнян В. 325, 568
Арутюнян Н. 569
Арциховский А. В. 58, 386—389
Асеев Ю. С. 390
Ашурбейли С. Б. 571, 621
Ашуров Я. С. 810

Бабанская Г. Г. 742
Багирбекова Н. 622
Бадер О. Н. 28, 95, 96, 128, 129, 170—172
Баишев И. 811
Бакрадзе А. К. 623
Балдин В. 931
Банк А. В. 29, 392, 928
Баран В. Д. 353
Баранова В. И. 93
Барнавели С. В. 572
Барнавели Т. В. 624
Баруздин Ю. Д. 743
Бахтадзе Р. А. 97, 98
Бачинский Н. М. Рец.: 542
Бедукадзе С. Я. 535
Безбородов М. А. 99, 100
Белановская Т. Д. 216
Беленицкий А. М. 694, 812—814
Белецкий А. А. 264
Белов Г. Д. 265—267, 393, 976
Белов Н. В. 929
Белогорцев И. Д. 394, 471
Бентович И. Б. 817
Бердзенишвили (Киладзе) Н. З. 556
Березанская С. С. 217
Берзин Э. О. 268
Бернштам А. Н. 81, 695, 704, 744, 818, 819
Бетгер Е. К. О нем: 80
Бибиков С. Н. 30, 173
Блаватская Т. В. 269
Блаватский В. Д. 270—272
Блохина Н. Б. 395, 403
Бобков А. С. 396
Боголюбский С. Н. Рец.: 520
Богусевич В. А. 137
Богуславский Г. Рец.: 488
Бодянский А. В. 174
Болтунова А. И. 573
Большаков О. Г. 820, 821
Бонгард-Левин Г. М. 930
Бондарь Н. Н. 273, 274
Борисковский П. И. 4—6, 17, 18, 175, 176
Брабич В. М. 275, 931
Брайчевская А. Т. 218, 354
Брайчевский М. Ю. 355—357
Бреде К. А. 219
Бретаницкий Л. С. 625—627
Бритова Н. Н. 49
Брунов Н. И. 424
Брюсов А. Я. 7, 8, 130
Будылина М. В. 424
Букирев А. И. 336
Бунак В. В. 9
Бурдей Г. Д. Рец.: 3
Бурейченко И. И. 420
Буряков Ю. 822

Вайнштейн С. И. 884
Вактурская Н. Н. Рец.: 716
Варганов А. Д. 397
Васильев И. 398
Вассар А. К. 337
Веселов В. В. 276
Ветштейн Р. И. 220
Вечтомов А. Д. 32
Виноград З. Д. 136
Виноградов А. В. Рец.: 716
Винокур И. С. 131
Вирсаладзе Т. Б. 628
Вишневский Б. Н. 10
Власюк А. И. 424

Волчкова Н. И. 277
Воробьев М. В. 885
Воронец М. Э. 745; о нем: 81
Воронин Н. Н. 102, 400, 401; рец.: 100, 510
Воронина В. Л. 823
Воронов Н. В. 402, 403
Вощинина А. И. 976
Выезжев Р. И. 33, 233
Выжарова Ж. Н. 932, 933
Вязьмитина М. И. 221

Гаджинский Д. Д. 629
Гайдукевич В. Ф. 278
Галеркина О. Н. 824
Гамбург Б. З. 696, 746
Гамсахурдиа С. В. 630
Ганешин Г. С. 899
Ганялин А. Ф. 747—749
Гаприндашвили Г. М. 631, 632
Гараканидзе М. В. 536
Гачечиладзе М. 575
Гегешидзе М. К. 537
Гелах Г. Ф. 810, 825
Гембарович М. Т. 222
Гендель Э. 404
Генинг В. Ф. 133, 338, 405
Герасимов М. М. 865
Герасимова М. М. 406
Гешеле Э. 886
Гзелишвили И. А. 633, 634
Гинзбург В. В. 697, 750—752
Гнедовский Б. 407
Гнип П. И. 408
Голенко К. В. 279—282, 358
Голубкина Т. И. 576
Гончаров В. К. 409
Горбунова К. С. 976
Горбунова Н. Г. 696, 746
Горнунг Б. В. 11
Городцов В. А. О нем: 82
Горюнова Е. И. 359
Гра М. А. 477
Грзелишвили П. 649
Григорьева А. З. 104
Гришин Ю. С. 910
Грязнов М. П. 70, 753, 887, 911, 912
Гулямов Я. Г. 698, 754
Гулямова Э. 73, 77, 690, 758, 826
Гурвич Д. М. 34
Гуревич Ф. Д. 134
Гурина Н. Н. 177
Гусаров Ф. Т. 295
Гусейнов М. М. 557—559
Гуслистый К. Г. 137
Гуссаковский Л. П. 410
Гылыбов И. 934
Гюзальян Л. Т. 935, 936

Давид Л. А. 411
Давидан О. И. 70
Давидович Е. А. 690, 755, 772, 816, 827—832
Давыдов С. 103
Давыдова А. В. 913, 914
Дадашев С. А. 635
Даниленко В. Н. 178, 179, 223, 224
Двали Н. А. 119, 122
Дебец Г. Ф. 12, 13, 35, 36, 699, 900
Демехин А. П. 560
Демина Н. А. 412
Деопик Д. В. 930, 937
Дерякулиев О. 792
Джавахишвили А. И. 636
Джалагания И. Л. 637
Джалилов А. 833, 834
Джанашвили М. О нем: 83
Джанполадян Л. М. 595
Джапаридзе В. В. 638
Джапаридзе О. М. 577
Джафарзаде И. М. 538, 553, 639
Джафарзаде С. К. 639
Джусупов А. 756
Дмитриев Ю. Н. 413
Долидзе В. 640
Доможаков Н. Г. 915
Дубынин А. Ф. 415
Дульзон А. П. 888
Дундулене П. В. 416
Дурдыев Д. 757
Дьяконов И. М. 939
Дьяконов М. М. 90, 758
Дьяконова Н. В. 940

Евстропов Н. Т. 225
Егоров Н. М. 578
Елькин М. Г. 901
Еремян А. 641
Ерик П. Д. Рец.: 3
Ершов С. А. 728, 759
Есипенко А. Л. 226
Есипова О. Н. 420
Ефименко П. П. 180, 941
Ефимова А. М. 340, 417—419

Жданко Т. А. 700
Жиганов М. Рец.: 151
Жуков В. Д. 760, 835, 836

Заднепровский Ю. А. 701, 702, 761
Закарая П. П. 642—644
Закс А. Б. 37
Запаско Я. П. 421
Заславская Ф. А. 837
Засыпкин Б. Н. О нем: 84
Захарук Ю. Н. 227—229, 234, 942
Збруева А. В. 339
Зеест И. Б. 283
Зеймаль Т. И. 826, 838
Зейфарт 943
Земцов С. М. 422
Зыбковец В. Ф. 14

Иванова В. Г. 104
Иваньев Л. Н. 902
Иессен А. А. 539, 540
Ильин К. Рец.: 554
Ильин М. А. 423
Инашвили А. 83
Инь Да 944
Исакова Ш. Г. 541
Исламов О. И. 703
Исмизаде О. Ш. 579
Исраелян М. 945

Кабанов С. К. 762, 839, 840
Каждан А. П. 948
Кажлаев Д. 543
Казаринова В. 425
Казиев М. А. 544
Казиев С. М. 580
Каландадзе А. Н. 561
Калимуллин Б. Г. 426
Калинин Н. Ф. 427, 428
Каличенко Л. 429
Камалов У. 810
Каменская Е. 430

Канивец В. И. 230, 233, 545
Капанадзе Д. Г. 284, 546, 581, 645
Каплун А. И. 424
Капошина С. И. 285—287
Карасев А. Н. 288—290
Каргер М. К. 431
Карпачев Г. 432
Карышковский П. О. 291—293; рец.: 332
Касимова Р. М. 547
Кастанаян Е. Г. 294
Кацер М. С. 433
Кацнельсон Р. А. 434
Квезерели-Копадзе Н. И. 646
Керимзаде С. 647
Кесаев В. 841
Кесь А. С. 800
Кибиров А. К. 706, 763; О нем: 85
Кидель А. С. 75
Кинжалов Р. В. 949—951
Кипарисова Н. П. 139
Кирьянов А. В. 436
Кирьянов И. А. 437
Киселев С. В. 916, 938; рец.: 887
Кислов М. Н. 39, 438
Кишэ Э. Я. 439
Кияткина Т. П. 764
Клепиков С. А. 76
Книпович Т. Н. 296, 297
Кнорозов Ю. В. 952
Кобылина М. М. 298, 953
Кожемяко П. Н. 763, 842
Козлов П. И. 440
Кокарев А. В. 441
Колмогорова Н. М. 106
Колобова К. М. 954
Колосов Ю. Г. 105, 181
Колчин Б. А. 442
Кольцов С. В. 765
Комарова М. Н. 903
Кондукторова Т. С. 182, 231
Конюров А. В. 443
Копылов Ф. Б. 233
Корзухина Г. Ф. 444
Коридзе Д. Л. 582, 583
Королева А. С. 399
Королюк В. Д. 947
Короткевич Е. Л. 232
Косвен М. О. 15
Космачев К. П. 889
Косточкин В. В. 445; рец.: 481
Костров П. И. 107
Кочетова С. М. 955
Крайнов Д. А. 41, 183
Кропоткин В. В. 360
Кругликова И. Т. 299, 300
Круглова О. В. 420
Крупнов Е. И. 82, 548—550
Крушкол Ю. С. 301
Кузеев Р. Г. 147
Кузьмин Н. Рец.: 414, 519
Кузьмина А. А. 16
Кузьмина Е. Е. 766
Кулаева Т. М. 343
Куссаева С. С. 648
Куфтин Б. А. 767
Кушаев Г. А. 768
Кушнир И. 446
Кхишваши М. П. 956
Кызласов Л. Р. 769, 917

Лагодовская Е. Ф. 233—235
Лазарев В. Н. 447, 448
Лапис И. А. 957
Лапковская Э. А. 71
Латынин Б. А. 707
Лашук Л. П. 140, 341
Лашхия Ш. В. 551
Лебедева Ю. А. 449
Лев Д. Н. 729, 730
Левашева В. П. 450
Леви Е. И. 302, 303
Левин М. Г. 904
Левинсон Н. Р. 477
Левицкий И. Ф. 184
Леонов Н. И. 843
Либеров П. Д. 236
Липский А. Н. 918—920
Липшуц А. А. 958
Лисицына Н. К. 42, 43
Литвинский Б. А. 77, 690, 708, 709, 770—774, 844, 845
Лобова И. И. 237
Логвин Г. 146
Ломтатидзе Г. А. 584, 649, 655
Лопатин С. В. 710
Лордкипанидзе И. 650
Лосева Н. М. 49, 304, 305
Лукин А. Л. 585
Лукьянова П. М. 451
Лунин Б. В. 711
Лунина С. 712
Любин В. П. 44
Ляпушкин И. И. 361

Мавродин В. В. 362, 363
Макалатия С. И. 586
Макаревич М. Л. 178
Маковецкий И. В. 452
Максимов Е. В. 364
Максимов Е. К. 342, 365
Максимова А. Г. 775
Максимова М. И. 306, 587, 959
Мальм В. А. 453
Мамиконов Л. Г. 651, 652
Мамолат Е. 429
Мандельштам А. М. 713, 776, 846—849
Маргулан А. Х. 718, 777
Марк К. Ю. 141, 142, 185
Мартиросян А. А. 588
Марущенко А. А. 714, 778, 850
Марченко И. Д. 307, 308
Маршак Б. Рец.: 758
Массон В. М. 779—784, 811; рец.: 758
Массон М. Е. 45, 715, 785, 851—853
Матенчян А. 653
Матье М. Э. 960
Махно Е. В. 366, 454
Мацулевич Л. А. 589
Маясова Н. А. 420
Медведев А. Ф. 455
Мезенцева Г. Г. 309
Меликсет-Бек Л. М. 654
Мельниковская О. Н. 238
Мелюкова А. И. 239
Мендикулов М. М. 854
Мережин Л. 855
Мерперт Н. Я. 46, 143, 240
Месхия Ш. А. 655
Месяц В. А. 144, 186
Мец Н. Д. 456
Мизин В. А. 187
Милорадович О. В. 562
Милославский М. Г. 457
Минаева Т. М. 590, 591
Минкевич-Мустафаева Н. В. 656
Митина Н. 657

Михайлов К. М. 880
Михайлова Т. В. 458
Михаловский К. 961
Мнацаканян А. А. 592
Мнацаканян Н. 47
Мнацаканян С. 658
Могильников В. А. 459
Молчанова Л. А. 460
Монгайт А. Л. 48; рец.: 507, 529
Моора Х. А. 138, 145
Москаленко А. Н. 241
Мошкова М. Г. 242
Мунчаев Р. М. 593
Мусхелишвили Д. Л. 659
Мухтаров А. Рец.: 854
Мушегян Е. 660
Мушегян Х. А. 661, 662

Наливкина М. А. 310
Негматов Н. Н. 847, 856—858
Нечаева Л. Г. 594
Нечаева С. Ф. 295
Нечай Ф. М. 962
Нидерле Л. 963
Николаева Т. В. 420
Нильсен В. А. 786, 859—861
Нудельман А. А. 243, 367

Обельченко О. В. 787, 788
Оборин В. А. 51, 368, 461—466
Ованнисян К. 108
Огнев Б. А. 411
Огнев Г. Рец.: 554
Одинцова С. Н. 188
Окладников А. П. 17, 18, 704, 731—734, 890, 891, 899, 905; о нем: 86
Онайко Н. А. 41, 312
Орбели Р. Р. 552
Орлов С. Н. 468, 469

Павлов В. В. 966, 967
Павлова А. Е. 78
Панова Н. Н. 789
Парфенов Г. В. 735
Пассек Т. С. 149, 150
Пахомов Е. А. 663
Пацевич Г. И. 686, 718, 862, 863
Пачулиа В. 664
Певзнер С. Б. 766, 968
Пеняев Е. М. О нем: 87
Передольская А. А. 313—315
Першиц А. И. 19, 20
Пестрякова И. В. 244
Петренко В. Г. 245
Петрунь В. Ф. 736, 906
Пешанов В. Ф. 246
Пиотровский Б. Б. 52, 595—599
Писарчик А. К. 864
Питкина Н. З. 295
Плауцинь Л. К. 439
Плисецкий М. С. 21
Погребова Н. Н. 247
Покровская Е. Ф. 221
Полевой Л. Л. 473, 474
Полесских М. 151, 369
Поносова И. С. 475
Попов В. А. 343
Попов С. 152
Порфиридов Н. Г. 476
Потапов Л. П. 921
Потушняк Ф. М. 189
Пугаченкова Г. А. 785, 790, 866—871
Пятышева Н. В. 316

Рабинович Г. С. 478
Рабинович М. Г. 479
Равдоникас В. И. 177
Ранов В. А. 690, 737, 738, 872
Раппопорт П. А. 480—482
Ратич А. А. 146
Ратнер Н. Д. 947
Раушенбах В. М. 922
Ремпель Л. И. 791
Рзаев Н. 665
Рикман Э. А. 109, 243, 367
Рогинский Я. Я. 22, 23
Рожановский С. Ю. 110
Розанова Н. П. 317, 318
Розов Н. Н. 483
Розов Н. С. 892, 907
Росляков А. А. 720, 792
Рудинский М. Я. 190, 191
Рутковская Л. М. 793
Рыбаков Б. А. 136, 484—486
Рыгдылон Э. Р. 789, 923

Сагинян А. 666
Сакварелидзе Т. Н. 116—122
Саламзаде А. В. 625, 627, 667—669
Салтовская Е. Д. 874
Сальников К. В. 153
Саргсян Г. 670
Сарианиди В. И. 794
Саркисов Н. А. 671
Саркисян Г. 601
Сахарова И. Г. 402
Свенцицкая И. С. 969
Свешников И. К. 192
Свирин А. Н. 487, 488
Седов В. В. 489, 490; рец.: 470
Сезько М. Ф. 295
Семенов А. А. 875
Семенов Л. П. 672
Семенов Л. Ф. 721, 795
Семенов С. А. 924
Семенов Ю. И. 24
Семенович Н. Н. 112, 113
Сенигова Т. Н. 722
Сергеев Г. П. 248
Сидоров А. А. 491
Синицын И. В. 154, 249, 250, 723
Скалон В. Н. 970
Скалон К. М. 70
Скиндер С. И. 803
Скуднова В. М. 319—321, 976
Славин Л. М. 322, 323
Смирнов А. П. 143, 155, 156, 370
Смирнов В. 492
Смирнов Г. Д. 493, 494
Смирнов К. Ф. 152, 593
Смирнова Г. И. 251
Смирнова Г. П. 495
Смирнова О. И. 876—878
Смишко М. Ю. 252
Соболев Л. 496
Соболев Н. 496
Сокольский Н. И. 324
Соловьев Л. Н. 114, 115, 602
Соловьева Г. Ф. 497
Соломоник Э. И. 325
Сорокин С. С. 796, 797, 940
Сорокина Н. П. 326
Сотникова М. П. 498, 499
Сошина Н. 500
Спасская Е. Ю. 797а
Спасский И. Г. 501, 502
Спришевский В. И. 798, 799

Ставиский Б. Я. 879; рец.: 809
Старкова К. Б. 971
Степанов П. Д. 157, 158, 344, 371
Стоскова Н. Н. 503
Стржелецкий С. Ф. 329
Суслов А. И. 440
Сымонович Э. А. 372, 373, 504

Тавадзе Ф. Н. 116—122
Талис Д. Л. 374
Тараканова С. А. 159, 164, 375, 376
Тарасенко П. Ф. 505
Тарасюк Л. И. 972
Телегин Д. Я. 184, 193—195, 253, 254
Тереножкин А. И. 255
Терентьева Л. Н. 159, 164
Терновский В. Н. 865
Тимощук Б. А. 160, 506
Тирацян Г. А. 603
Титенко Г. Т. 256
Тиханова М. А. 377
Тихомиров М. Н. 507
Тихонов Б. Г. 345
Ткешелашвили О. В. 673
Толстов А. Н. 908
Толстов С. П. 800
Томашевский В. 893
Топачевский В. А. 327
Торжков Е. 508
Трапш М. М. 604
Тревер К. В. 605, 606
Третьяков П. Н. 378, 946
Трефилов Г. Н. 161
Трофимова Т. А. 509
Трубникова Н. В. 346; рец.: 151
Трухин Г. В. 894

Узнадзе И. В. 674
Узунова Н. М. 37
Умняков И. И. 880
Ураев Р. А. 895, 896, 925
Ураносов А. А. 511
Урманова М. Х. 881
Урысон М. И. Рец.: 21
Усейнов М. А. 635
Усманова З. 712
Успенская А. В. 512, 513

Федоров Г. Б. 66, 381, 382
Федоров-Давыдов Г. А. 882; рец.: 529
Фехнер М. В. 37, 512, 513
Фоменко В. П. 607
Формозов А. А. 44, 88, 196, 739
Фосс М. Е. О ней: 88

Хавлюк П. И. 163
Халиков А. Х. 197
Хамцов А. 514
Харламова Е. Н. 147
Хвостенко В. 124
Хлебникова Т. А. 515
Хмельницкий С. Г. Рец.: 542
Хованская О. С. 516, 517
Ходжаш С. И. 49, 973
Холостенко Н. В. 518
Хороших П. П. 902
Худяк М. М. 976

Цалкин В. И. 520, 740, 801
Цветаева Г. А. 67
Цискаришвили В. Г. 675, 676
Цончев Д. М. 974

Чайлд Г. 975
Чебоксаров Н. Н. 159, 164
Чеботаренко Г. Ф. 165
Чердынцев В. В. 123
Чередникова-Азарова В. П. 295
Черепнин Л. В. 521
Черников С. С. 726, 727
Чернов Г. А. 347
Черныш А. П. 198—202
Черныш Е. К. 166, 203, 204
Чиняков А. Г. 522
Чирвинский П. Н. 205
Членова Н. Л. 926
Чолокашвили К. К. 677
Чубинашвили Г. Н. 555, 678, 679
Чубинашвили Н. Г. 680
Чуистова Л. И. 295
Чулошников А. П. 147
Чураков С. С. 440

Шагеев З. А. 927
Шанидзе А. Г. 681
Шапошникова О. Г. 206
Шарашидзе Д. 608
Швецов П. Ф. 907
Шейнина Е. Г. 125
Шелов Д. Б. 68, 324, 330—332
Шервашидзе Л. А. 682
Шилов В. П. 207, 257, 258
Шипулина А. В. 523
Ширинкина А. М. 79, 348
Шишкин В. А. 802, 883
Шмерлинг Р. О. 640, 683, 684
Шмидехельм М. Х. 349; о ней: 89
Шмидт Е. А. 381
Шовкопляс И. Г. 69, 137, 167; 208—211, 259
Шпет Г. И. 212
Шрамко Б. А. 260, 261
Штительман Ф. М. 333
Шульц П. Н. 262

Щапова Ю. Л. 524

Эрдниев У. Э. 897, 898

Юсупов Г. В. 350, 525
Юсупов М. С. 803

Яблонските-Римантене Р. 38
Якимов В. П. 25, 213, 977
Якобсон А. Л. 685
Яковлева О. А. 526
Якубовский А. Ю. О нем: 90
Ямпольский З. И. 609
Янин В. Л. 527—531
Янина С. А. 532
Янитс Л. Ю. 168, 214
Яценко И. В. 263
Яцко В. А. 334

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВАН БССР — Весці Акадэміі навук Беларускай ССР
ВАН КазССР — Вестник Академии наук Казахской ССР
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВАН УРСР — Вісник Академії наук УРСР
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
ВМУ — Вестник Московского университета
ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ЗБМИК — Записки Бурят-Монгольского научно-исслед. института культуры
ИАН АзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИАН АрмССР — Известия Академии наук Армянской ССР
ИАН ЛатвССР — Известия Академии наук Латвийской ССР
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР
ИАН ТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИАН УзССР — Известия Академии наук Узбекской ССР
ИАН ЭстонССР — Известия Академии наук Эстонской ССР
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИГрозОКМ — Известия Грозненского областного краеведческого музея
ИМолдФАН СССР — Известия Молдавского филиала Академии наук СССР
ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР
ИСев-ОсетНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исслед. института
КСИА — Краткие сообщения Института археологии (Академии наук УССР)
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии (Академии наук СССР)
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЗ КиївДУ — Наукові записки Київського державнього університету
НЗ УжДУ — Наукові записки Ужгородського державнього університету
НиЖ — Наука и жизнь
ПИШ — Преподавание истории в школе
СА — Советская археология
САН ГрузССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР
СВ — Советское востоковедение
СГРМ — Сообщения Государственного Русского музея
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СИИИ — Сообщения Института истории искусств
СЭ — Советская этнография
ТАбхазИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, литературы и истории (Академии наук Грузинской ССР)
ТАН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТГорГПИ — Труды Горийского государственного педагогического института
ТИИ АН ГрузССР — Труды Института истории Академии наук Грузинской ССР

ТИИ АН КирССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР

ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР

ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

ТИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР

ТИИФ АН АзССР — Труды Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР

ТИЭ — Труды Института этнографии (Академии наук СССР)

ТИЯЛИИ АН КирССР — Труды Института языка и литературы и Института истории Академии наук Киргизской ССР

ТКомиФАН СССР — Труды Коми филиала Академии наук СССР

ТМИ УзССР — Труды Музея истории Узбекской ССР

ТОдесГУ — Труды Одесского государственного университета

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы

ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета

ТСаратОМК — Труды Саратовского областного музея краеведения

ТСухумГПИ — Труды Сухумского государственного педагогического института

ТТбилГУ — Труды Тбилисского государственного университета

ТТомГУ — Труды Томского государственного университета

ТТомОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея

ТУзГУ — Труды Узбекского государственного университета

УЗ БГУ — Ученые записки Белорусского государственного университета

УЗ ДагФАН СССР — Ученые записки Дагестанского филиала Академии наук СССР

УЗ ИЯЛИ ЯкутФАН СССР — Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук СССР

УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета

УЗ МолотГУ — Ученые записки Молотовского государственного университета

УЗ СаратГПИ — Ученые записки Саратовского государственного педагогического института

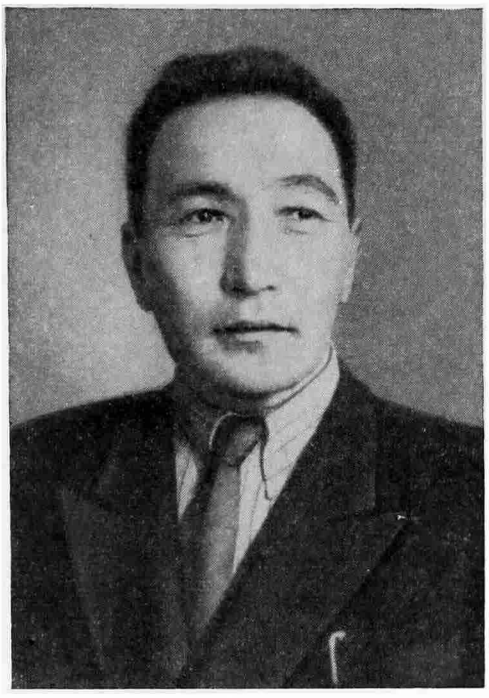
УЗ СаратГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета

УЗ ТувИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исслед. института языка, литературы и истории

УЗ ТуркмГУ — Ученые записки Туркменского государственного университета

ЭВ — Эпиграфика Востока

ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция



Э. Р. РЫГДЫЛОН

24 апреля 1957 года в г. Иркутске скончался монголист и археолог Эрдемто Ринчинович Рыгдылон.

Э. Р. Рыгдылон родился в 1906 г. в Бадинском булуке Хоринского аймака Бурят-Монгольской АССР в семье народного учителя — бурята. В 1928 г. Э. Р. Рыгдылон окончил бурят-монгольский техникум и затем в течение двух лет работал учителем начальной школы при этом техникуме.

Интересуясь археологией, Эрдемто Ринчинович в 1928—1929 гг. принимал участие в качестве практиканта в экспедиции, организованной ГАИМК. В 1930 г. он поступил в Ленинградский Восточный институт на монгольское отделение общественно-политического факультета, который успешно окончил в 1934 г.

После окончания в 1937 г. аспирантуры Э. Р. Рыгдылон работал научным сотрудником сектора Сибири Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР и проводил археологические исследования в Забайкалье, в долинах рек Селенги и Уды.

С 1941 по 1944 г. Э. Р. Рыгдылон находился на фронте, участвовал в боях под г. Ржевом, был тяжело ранен. По возвращении с фронта он до 1947 г. работал преподавателем Красноярского педагогического института, где читал курсы: «История стран Востока», «История первобытного общества».

В мае 1946 г. Эрдемто Ринчинович защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Монгольские летописные источники по истории монголов конца XII века». После этого до 1949 г. он работал научным сотрудником Минусинского музея и проводил археологические исследования в Минусинской котловине. Особое внимание он уделял исследованию древнетюркских и монгольских надписей Енисея. Э. Р. Рыгдылон много занимался исследованием неолитических стоянок, расположенных в долине р. Ангары, и изучением древнетюркских рунических надписей и знаков Прибайкалья.

В 1954 г. Э. Р. Рыгдылон был избран доцентом Иркутского университета.

Помимо научно-исследовательской и педагогической деятельности, Э. Р. Рыгдылон проводил большую общественную работу и пользовался заслуженным авторитетом среди преподавателей и студенчества Иркутского университета.

П. П. Хороших

Н. П. МАВРОДИНОВ

28 февраля 1958 г. в Софии в расцвете творческих сил скончался известный болгарский ученый, археолог и искусствовед, чл.-корр. Болгарской Академии наук, проф. Николай Петрович Мавродинов.

Н. П. Мавродинов родился в 1904 г. в г. Тутракане. Среднее образование получил в Горном Оряховце и Софии. После окончания Софийской гимназии был направлен в Бельгию, где изучал археологию и историю искусств. Возвратившись из Бельгии в 1926 г., Н. П. Мавродинов сразу же приступил к активной научной и организаторской работе. С 1926 по 1928 г. он руководит музеем при Народной библиотеке в Пловдиве, а с 1928 по 1944 г. — художественным отделом Софийского Народного музея. После свержения антинародного царского режима Н. П. Мавродинов вступил в Болгарскую коммунистическую партию и принял активное участие в перестройке болгарской исторической науки. С октября 1944 по март 1949 г. он был научным руководителем и директором Народного археологического музея. В 1949 г. Н. П. Мавродинов перешел на преподавательскую работу.

Более 30 лет отдал Н. П. Мавродинов исследованиям в области средневековой болгарской археологии и истории высокого и самобытного болгарского искусства. Он был одним из инициаторов и организаторов больших полевых работ, успешно развернувшихся в Болгарии после установления народной власти. Перу его принадлежит 15 книг и более 200 статей. Для всех археологов, занимающихся сложными проблемами раннего средневековья Восточной Европы, чрезвычайно важно большое исследование Н. П. Мавродинова «Le trésor protobulgare de Nagyszentmiklos» (Budapest, 1943) в котором дается блестящий стилистический анализ вещей из Надь-Сент-Миклошского клада VIII в. н. э.

Ряд больших работ Н. П. Мавродинов посвятил общим проблемам истории искусств, основным моментам истории болгарского искусства, замечательным памятникам древнеболгарского зодчества, а также видным деятелям болгарской культуры.

Много сделал Н. П. Мавродинов для пропаганды достижений болгарской науки в зарубежных странах. Особенно плодотворна была деятельность покойного по укреплению дружеских связей и сотрудничества между болгарскими и советскими учеными. Исторически сложившимся культурным связям между нашими народами он посвятил специальную книгу «Връзките между българското и руското изкуство» (София, 1955.)

Н. П. Мавродинов был одним из основателей Общества Болгаро-Советской дружбы и своей активной общественной деятельностью немало способствовал его работе. Советские археологи хорошо знали и высоко ценили труды Н. П. Мавродинова. Многие из нас встречались с ним и навсегда сохранят светлую память об этом видном ученом и обаятельном человеке.

Н. Я. Мерперт

Н. П. КИПАРИСОВА

Небольшой отряд уральских археологов понес тяжелую утрату: 16 марта 1958 г. после продолжительной болезни на 58 году жизни скончалась Нина Павловна Кипарисова.

Нина Павловна родилась 9 августа 1900 г. в с. Верхняя Вязера Пензенской г. Нина Павловна совмещала трудовую деятельность с учебой сначала в Ленинградском Археологическом институте, а затем в Ленинградском университете, который окончила в 1924 г. по археологическому циклу отделения археологии и истории искусства факультета общественных наук. Первое время ее полевая исследовательская работа проходила в Средней Азии в составе геологических экспедиций Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института. В археологические исследования она включается в 1938 г., когда переходит на работу сначала в Институт истории материальной культуры Академии наук СССР, а затем в Гос. Эрмитаж, и ежегодно участвует в археологических экспедициях в Среднюю Азию, проводимых под руководством А. Ю. Якубовского. В 1941 г. она принимала участие в раскопках городища Кармир-Блур в Армении.

В годы Великой Отечественной войны Нина Павловна перенесла блокаду в Ленинграде, где в составе коллектива работников Эрмитажа участвовала в охране и эвакуации его коллекций. Поселившись после того на Урале, Нина Павловна много труда вложила в изучение археологии восточного склона Урала и Зауралья. Будучи научным сотрудником Нижне-Тагильского музея, она много сил отдала изучению далекого прошлого Тагильского края, вовлекая в исследовательскую работу молодежь. Многочисленные разведочные маршруты Нины Павловны сначала в Тагильском районе Свердловской области, а затем с 1949 г. в Челябинской и Оренбургской областях привели к открытию многих десятков древних поселений, сотен курганов на огромной территории — от Нижнего Тагила на севере до Орска и Бузулука на юге.

Большой заслугой Нины Павловны является систематическое изучение стоянок эпохи неолита и ранней бронзы в лесной полосе Зауралья.

Научные интересы Н. П. Кипарисовой не ограничивались эпохой неолита и бронзы. Изучались ею и более поздние памятники. Она исследовала самый северный савроматский курган близ г. Троицка, Каменогорское городище на севере Челябинской области, жертвенное место на Голом Камне и средневековое Ермаково городище близ Нижнего Тагила.

Нина Павловна навсегда останется в памяти всех ее знавших как человек, отдавший все свои силы бескорыстному служению любимому делу, как отзывчивый товарищ.

К. Сальников

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» за 1958 г.

Статьи

Памяти Карла Маркса	2	3
Т. С. Пассек, Б. А. Латынин. К столетию со дня рождения А. А. Спицына (1858—1958)	3	3
З. А. Абрамова. Пещерный лев в палеолитическом искусстве	3	7
А. Е. Алихова. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э.	2	66
Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культуры раковинных куч	4	10
С. Н. Бибиков. О времени образования надпойменного уступа в долине среднего течения Днестра	3	27
В. Д. Блаватский. О подводной археологии	3	73
П. И. Борисковский. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе	1	3
А. Я. Брюсов. К вопросу об индоевропейской проблеме	3	18
Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг.	1	71
Н. Н. Воронин. Покров на Нерли	4	70
В. Гензель. Познань в раннепястовское время	1	80
Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР	4	3
Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура	3	31
Б. Б. Жиромский. К вопросу о походе Булак-Тимура	1	88
А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры	2	34
А. Н. Кирпичников. Русские шлемы X—XIII вв.	4	47
С. В. Киселев. Древние города Забайкалья	4	107
Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей	2	92
Э. Кондураки. Румынская археология в 1956 г.	1	97
Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы	3	46
Г. Н. Лисицына. К вопросу об аллероде Прибалтики и о возрасте стоянки Кунда	3	90
В. М. Массон. Проблема древней Бактрии и новый археологический материал	2	49
В. Миков. Культура неолита, энеолита и бронзы в Болгарии	1	47
Н. В. Минкевич-Мустафаева. О ремесленном квартале города Байлакана	4	96
Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен	2	9
Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья	1	28
Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза	1	20
Г. А. Пугаченкова. Мастер-керамист Мухаммед-Али Инойятон из Мерва	2	78
М. Г. Рабинович. О начальном периоде Москвы	3	61
И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян	4	33
К. В. Сальников. К вопросу о составе населения Южной Башкирии в I тысячелетии н. э.	4	23
Г. А. Федоров-Давыдов. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в	3	65
В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм	1	56
В. Л. Янин. О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича	3	54

Публикации

А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде	2	227
Г. Д. Белов. Средневековая бронзовая чаша из Херсонеса	2	203
В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса	4	144
Б. Н. Граков, А. И. Тереножкин. Субботовское городище	2	164
В. П. Денисов. Новые археологические памятники на р. Вятке	3	111
И. Л. Джалагания. Два клада сельджукских монет	2	207
Р. М. Джанполадян. Сфероконические сосуды из Двина и Ани	1	201

С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине Кашка-Дарьи 3 144
Л. Н. Казаманова. Клад римских денариев I—III вв. н. э. из с. Турия Златопольского района Черкасской области 1 182
А. Н. Карасев, Е. И. Леви. Ольвийская агора по раскопкам 1946—1957 гг. 4 127
Д. Л. Коридзе. Новые находки медных орудий в Квемо-Картли 1 134
И. Т. Кругликова. Клад боспорских статеров III в. из дер. Семеновки 3 134
Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа 3 97
Е. Е. Кузьмина. Бронзовый шлем из Самарканда 4 120
Л. Р. Кызласов. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим 3 152
В. Е. Ларичев. Стоянки культуры раковинных куч в районе бухты Тетюхе 1 141
В. П. Левашева. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры 1 171
И. М. Лосева. Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Арин-берд 2 179
Г. А. Максименков, И. Н. Хлопин. Археологические разведки в Устюжне и в прилегающих районах 4 187
А. П. Манцевич. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве 2 196
В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана 1 147
А. А. Мартиросян. Раскопки жилых кварталов города Тейшебаини в 1955—1956 гг. 1 163
Т. В. Николаева. О некоторых надгробиях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника 3 170
В. А. Падин. Материалы из раскопок Кветунских курганов XI—XIII вв. 2 218
Э. А. Рикман. Могильник первых столетий н. э. у с. Будешты в Молдавии 1 187
Л. М. Рутковская. Парфянская керамика древнего Мерва 3 120
В. С. Сорокин. Следы древнейшего поселения у Кармир-блура 2 149
П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях 2 124
С. Ф. Стржелецкий. Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э. 4 154
С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. 1 106
П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины 4 170
А. А. Формозов. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР 2 137
И. К. Цветкова. Неолитические жилища стоянки Володары 2 112
Б. А. Шелковников. Средневековая белоглиняная поливная керамика Армении и свидетельство Идриси 1 214
А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму 2 143
Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе 3 162

Заметки

А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина Гора 3 197
Р. К. Аллахвердиев. Клад XVI в. из с. Хар-Хар в Азербайджане 3 228
Т. М. Арсеньева. Местная керамика из Танаиса 3 207
Р. Б. Ахмеров. Стеклянный сосуд из уфимского погребения 3 218
Д. Т. Березовец. Рисунки на челюсти быка 4 194
Д. Я. Беренбейм. О пути греков через Черное море 3 201
В. И. Бибикова. Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан 1 3 229
С. Н. Бобчев. Итоги археологической кампании в Софии в 1952—1956 гг. 3 211
Б. С. Бутник-Сиверский. О городе Белая Церковь 2 263
Л. В. Ванкина. Раскопки в Сарнате в 1955—1956 гг. 3 180
В. В. Веселов. Стоянка эпохи бронзы на р. Березовке в Адамовском р-не Оренбургской области 1 230
В. С. Воропинов. Петроглифы у дер. М. Воробьево на Верхней Лене 2 243
К. В. Голенко. К датировке одной группы монет Фофорса 2 259
О. Д. Дашевская. Симферопольское раннетаврское поселение 3 193
Н. Т. Евстропов. Городище и селище возле г. Волчанска 4 204
П. Н. Жолтовский. Ларец мастера Самуила 4 209
С. А. Изюмова. Бронзовые лунницы с городища у д. Щепилово 4 203
С. Н. Ильин. Булавовидный топор из с. Парского Ивановской области 4 198
Е. Г. Кастанаян. Раскопки Порфмия в 1953 г. 3 203
С. Г. Кляшторный. Об использовании геофизических методов в археологической разведке 4 215
Н. П. Кипарисова, К. В. Сальников. Савроматское погребение близ г. Троицка 2 246
В. И. Козенкова. Гончарная печь из Хилля 3 219
Т. М. Минаева. Железный меч из коллекции Ставропольского музея 1 230
С. Н. Орлов. Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Ладоги 1 236
С. Н. Орлов. Новая находка деталей корабля XII в. в Новгороде 4 207
А. А. Передольская. Терракотовая статуэтка женщины из святилища Афродиты в Нимфее 2 251
Н. Г. Порфиридов. Надписи на ножах русских мореходов XVII в. 2 267

Н. Г. Порфиридов. Именные владычные печати Новгорода 3 222
П. А. Раппопорт. Хабаров Городок 3 225
Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших. Погребения в местности Идан (Восточная Сибирь) 3 184
В. И. Спришевский. Раскопки Чустского поселения в 1956 г. 3 185
Б. Я. Ставиский, М. К. Урманова. Городище Кулдор-тепе 1 231
П. Д. Степанов. Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР 4 200
Г. В. Трухин. Археологические находки на территории Томской области 1 228
В. А. Филипченко. О новых находках на территории Астраханской области 1 245
М. Е. Фокин. Стоянка срубной культуры на р. Чардым 4 202
Т. С. Хачатрян, С. А. Есаян. Археологические находки в с. Апаран (Армянская ССР) 4 196
О. С. Хованская. Нагрудное украшение из булгарского города Джукетау 1 239
Г. Е. Храбан. Клад римских денариев из с. Погорелого 2 255
Д. Цончев. О некоторых позднеантичных эпиграфических памятниках в Болгарии 2 255
Г. В. Чарушин, В. Д. Войлошников. Новые наскальные рисунки в Прибайкалье 3 190
У. Э. Эрдниев. Археологические находки в Кузбассе 2 244
В. Л. Янин. К чтению надписи на пряслице из Гродно 1 243
В. Л. Янин. По поводу заметки П. Н. Жолтовского «Ларец мастера Самуила» 4 213

Дискуссии и обсуждения

В. В. Кропоткин. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. 2 279
Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений 4 219
А. П. Смирнов. К вопросу об истоках Приазовской Руси 2 270
Э. А. Сымонович. К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребений 1 248
Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре 3 234

В помощь учителю и краеведу

М. Г. Воробьева. Из истории древнего Хорезма 1 253
Г. П. Гроздилов, А. Д. Столяр. К вопросу о построении музейной археологической экспозиции 4 227
М. И. Матасов. О нуждах археологии в Костромской области 1 261
Г. Ф. Соловьева, А. С. Хануков. Некоторые вопросы охраны памятников археологии 3 277
Е. А. Шмидт. Некоторые маршруты школьных туристических походов по археологическим памятникам Смоленской области 2 286
Археологические работы школьников 2 292
Школьные краеведческие музеи 3 279

Критика и библиография

Н. А. Береговая. Некоторые новые радиоуглеродные датировки древнейших поселений человека в Северной Америке 2 302
Э. О. Берзин. Раскопки самофракийского святилища Кабиров 4 239
П. И. Борисковский. М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу 2 299
Н. Н. Бритова. K. Majewski. Kultura materialna starożitney Grecji 1 278
А. Я. Брюсов. Maria Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe 2 295
Г. К. Вагнер. М. Ильин. Рязань 3 274
Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская. Советская археологическая литература за 1956 г. 4 258
М. В. Воробьев. Пей Вень-чжун. Культура каменного века Китая 1 263
М. В. Воробьев. Martha Boyer. Mongol Jewellery 1 286
М. В. Воробьев. R. C. Rudolph, Wen Pu. Han Tomb Art of West China 3 269
Л. Е. Из новейшей зарубежной литературы по археологии 1 299
Н. П. Журжалина. По страницам югославских периодических изданий по археологии 1 293
Д. Г. Капанадзе. D. Lang. Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia 3 269
П. О. Карышковский. Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaeque 1 282
П. О. Карышковский. Studii şi cercetări de numismatiča 3 271
М. А. Керимов. Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана 2 317
С. В. Киселев. М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка 1 275
М. М. Кобылина. Теофил Иванов. Римска мозайка от Улпия Ескус 1 279
К. М. Колобова. М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья 3 256

В. В. Кропоткин. H. Sevin. Die Gebiden 2 314
В. И. Кузищин. M. Pallotino. Etruscologia 2 307
М. И. Максимова. E. Akurgal, L. Budde. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope 3 254
В. М. Массон. Докерамический неолит Иерихона 3 250
В. М. Массон. О синхронистической таблице в книге Г. Чайлда «Древнейший Восток в свете новых раскопок» 3 252
В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. Вопросы относительной хронологии Старого света 1 264
В. М. Массон, В. Н. Сарианиди. Литература по археологии Таджикистана в изданиях Академии наук Таджикской ССР 2 321
А. Ф. Медведев. А. Л. Монгайт. Старая Рязань 1 286
Р. М. Мунчаев. Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы 4 236
М. И. Нейштадт. О недостатках в использовании метода пыльцевого анализа в книге В. М. Раушенбах «Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы» 2 306
А. П. Окладников, В. Н. Горегляд. Новые данные о древнейшей культуре каменного века на севере Японии 3 246
А. П. Окладников, Ким Ен Нам. Новые работы по каменному веку Кореи 4 232
Н. Н. Погребова. О некоторых исследованиях в области археологии раннего железного века за рубежом 3 261
П. А. Раппопорт. S. Toy. A History of Fortification from 3000 B. C. to A. D. 1700 3 253
В. В. Седов. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 1 289
С. А. Семенов. О каменных орудиях австралопитека 3 244
Н. А. Сидорова. E. Gjerstad. Early Rome 2 313
Н. А. Сидорова. Археологические открытия в Средиземноморье в 1956 г. 4 247
Н. И. Сокольский. J. Liversidge. Furniture in Roman Britain 4 244
Г. А. Федоров-Давыдов. В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период 2 318

Хроника

Н. О. Бадер, В. Б. Виноградов. IV Студенческая Археологическая конференция 3 293
Д. А. Крайнов. Сессия Отделения исторических наук и пленум ИИМК АН СССР 3 295
Н. К. Лисицына. Полевые археологические исследования ИИМК в 1957 г. 2 330
Б. В. Лунин. О работе секций древней и средневековой истории, археологии и этнографии народов Востока на I Всесоюзной конференции востоковедов 2 327
Л. П. Матвеева. Сессия Ученого совета Государственного Исторического музея, посвященная археологическим работам 1956—1957 гг. 3 289
Н. П. Мавродинов 4 308
А. Л. Монгайт. Гордон Чайлд 3 284
Н. П. Кипарисова 4 309
К. В. Сальников. Секция археологии межобластной научной конференции по истории Урала 3 288
Памяти В. П. Лисина 3 299
Б. С. Научная сессия Государственного Эрмитажа 3 289
Э. Р. Рыгдылон 4 307
И. Ш. Археологическая конференция в Киеве 3 290
Ю. Л. Щапова. Экспедиция кафедры археологии МГУ в 1957 г. 2 339
Ю. Л. Щапова. О лабораториях при кафедре археологии МГУ 2 339
Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок, принятая Генеральной Конференцией на ее девятой сессии в Нью-Дели 5 декабря 1956 г. 2 341

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки
АИМ — Археологический исторический музей
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
БМНИИК — Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВДИ — Вестник древней истории
ГХМ — Государственный Херсонесский музей
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗОИАК — Записки Общества Изучения Амурского края
ЗРАО — Записки Русского Археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН АзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИАН УзССР — Известия Академии наук Узбекской ССР
ИБАИ — Известия на българский археологический институт
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Из. АН СССР, СИФ — Известия Академии наук СССР, Секция истории и философии
Из. УзФАН СССР — Известия Узбекского филиала АН СССР
КГИМ — Киевский Государственный Исторический музей
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МГПИ — Московский городской педагогический институт
МГУ — Московский Государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ООН АН СССР — Отделение общественных наук АН СССР
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО — Российское географическое общество
СА — Советская археология
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов
ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца
AJA — American Journal of Archaeology
AA — Archäologische Anzeiger Deutschen Archäologischen Instituts
ILN — Illustrated London News
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
RA — Révue archéologique
SPA — Survey of Persian Art
WA — Wiadomości Archeologiczne
ZWK — Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde
ZOW — Z otchłani wieków

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Б. Н. Граков (Москва). Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР 3
Г. И. Андреев (Москва). Некоторые вопросы культуры раковинных куч . . 10
К. В. Сальников (Свердловск). К вопросу о составе населения Южной Башкирии в I тысячелетии н. э. 23
И. П. Русанова (Москва). Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян 33
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Русские шлемы X—XIII вв. 47
Н. Н. Воронин (Москва). Покров на Нерли 70
Н. В. Минкевич-Мустафаева (Баку). О ремесленном квартале Байлакана . . 96
С. В. Киселев (Москва). Древние города Забайкалья 107

Публикации

Е. Е. Кузьмина (Москва). Бронзовый шлем из Самарканда 120
А. Н. Карасев, Е. И. Леви (Ленинград). Ольвийская агора (по раскопкам 1946—1957 гг.) 127
В. В. Борисова (Севастополь). Гончарные мастерские Херсонеса 144
С. Ф. Стржелецкий (Севастополь). Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э. 154
П. Н. Третьяков (Москва). Городища-святилища левобережной Смоленщины 170
Г. А. Максименков, И. Н. Хлопин (Ленинград). Археологические разведки в Устюжне и в прилегающих районах 187

Заметки

Д. Т. Березовец (Киев). Рисунки на челюсти быка 194
Т. С. Хачатрян, С. А. Есаян (Ереван). Археологические находки в с. Апаран (Армянская ССР) 196
С. Н. Ильин (Шуя). Булавовидный топор из с. Парского Ивановской области 198
П. Д. Степанов (Саратов). Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР 200
М. Е. Фокин (Саратов). Стоянка срубной культуры на р. Чардым 202
С. А. Изюмова (Москва). Бронзовые лунницы с городища у дер. Щепилово 203
Н. Т. Евстропов (Куйбышев). Городище и селище возле г. Волчанска . . 204
С. Н. Орлов (Новгород). Новая находка деталей корабля XII в. в Новгороде 207
П. Н. Жолтовский (Львов). Ларец мастера Самуила 209
В. Л. Янин (Москва). По поводу заметки П. Н. Жолтовского «Ларец мастера Самуила» 213
С. Г. Кляшторный (Ленинград). Об использовании геофизических методов в археологической разведке 215

Дискуссии и обсуждения

Ю. В. Кухаренко (Москва). Волынская группа полей погребений 219

В помощь учителю и краеведу

Г. П. Гроздилов, А. Д. Столяр (Ленинград). К вопросу о построении музейной археологической экспозиции 227

Критика и библиография

А. П. Окладников, Ким Ен Нам (Ленинград). Новые работы по каменному веку Кореи 232
Р. М. Мунчаев (Москва). Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы 236
Э. О. Берзин (Москва). Раскопки самофракийского святилища Кабиров . 239
Н. И. Сокольский (Москва). Joan Liversidge. Furniture in Roman Britain . . 244
Н. А. Сидорова (Москва). Археологические открытия в Средиземноморье в 1956 г. 247
Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская (Ленинград). Советская археологическая литература за 1956 г. 258

Хроника

Э. Р. Рыгдылон 307
Н. П. Мавродинов 308
Н. П. Кипарисова 309
Указатель статей, напечатанных в журнале «Советская археология» за 1958 г. 310

SOMMAIRE

B. N. Grakov (Moscou). Premières trouvailles d'objets de fer en Russie d'Europe 3
G. I. Andréev (Moscou). Au sujet de la civilisation du kjoekkenmoedding . . 10
K. V. Salnikov (Sverdlovsk). Etude de la composition ethnique de la Bachkirie du sud au premier millénaire de notre ère 23
I. P. Roussanova (Moscou). Les monuments archéologiques de la deuxième moitié du premier millénaire de notre ère sur le territoire des Drevlianes . . 33
A. N. Kirpitchnikov (Léningrad). Les heaumes russes des X—XIII siècles . . 47
N. N. Voronin (Moscou). L'église de la Pokrov sur la Nerl 70
N. V. Minkevitch-Moustafaéva (Bakou). Un quartier artisanal de Baïlakan . . 96
S. V. Kissélev (Moscou). Les premières villes de la Transbaïkalie 107

Publications

E. E. Kouzmina (Moscou). Le casque de bronze de Samarkand 120
A. N. Karassev, E. I. Lévy (Léningrad). L'agora d'Olbia (campagnes de fouilles 1946—1957) 127
V. V. Borissova (Sébastopol). Les poteries de la Chersonèse Taurique . . . 144
S. F. Strjéletski (Sébastopol). Les villas des Hellènes de la Chersonèse Taurique au II siècle avant notre ère 154
P. N. Trétiákov (Moscou). Les sanctuaires de la rive gauche du Dniepr dans la région de Smolensk 170
G. A. Maximenkov, I. N. Khlopine (Léningrad). Prospections archéologiques à Oustioujna 187

Notes

D. T. Bérézovets (Kiev). Les dessins préhistoriques découverts sur une mâchoire de taureau 194
T. S. Khatchatarian, S. A. Essaïan (Erevan). Quelques trouvailles à Aparan (en Arménie) 196
S. N. Ilyne (Chouia). La hache-fléau de Parskoié (région d'Ivanovo) 198
P. D. Stepanov (Saratov). Les monuments nouveaux fatianoviens de la Tchouvachie 200
M. E. Fokine (Saratov). Un campement de la civilisation des tombes à charpente sur la Tchardym 202
S. A. Izioumova (Moscou). Les croissants de bronze des matériels de fouilles à Chépilovo 203
N. T. Evstropov (Kouibychev). Le camp et les villages ouverts de Voltchansk 204
S. N. Orlov (Novgorod). Une trouvaille de pièces d'un nef novgorodienne . . 207
P. N. Joltovski (Lvov). Le coffret de l'orfèvre Samuel 209
V. L. Ianine (Moscou). A propos de l'article de P. N. Joltovski «Le coffret de l'orfèvre Samuel» 213
S. G. Kliachtorny (Léningrad). Les méthodes géophysiques dans les prospections archéologiques 215

Discussions

I. V. Koukharenko (Moscou). Les champs de sépulture du complexe de Volynie 219

Enseignement scolaire et étude des lieux

G. P. Grozdilov, A. D. Stolar (Léningrad). Au sujet de la présentation des pièces archéologiques dans les musées 227

Critique et bibliographie

A. P. Okladnikov, Kim En Nam (Léningrad). Nouveaux ouvrages sur le paléolithique de la Corée 232
R. M. Mountchaev (Moscou). T. A. Bouniatov. L'agriculture et l'élevage en Azerbaïdjan à l'âge de bronze 236
E. O. Berzine (Moscou). Fouilles d'un temple des Kabires à Samothrace . . . 239
N. I. Sokolski (Moscou). J. Liversidge. Furniture in Roman Britain 244
N. A. Sidorova (Moscou). Campagnes archéologiques 1956 dans le bassin de la Méditerranée 247
N. A. Winberg, T. N. Zadnéprovskaïa (Léningrad). La littérature archéologique soviétique en 1956 258

Chronique

E. R. Rygdylon 307
N. P. Mavrodinov 308
N. P. Kiparissova 309
Index des articles publiés dans la revue «Sovetskaïa archéologuia» au cours de l'année 1958 310

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Дирекция Института истории материальной культуры АН СССР совместно с редакцией журнала «Советская археология» во второй половине февраля 1959 г. проводит обсуждение вышедших номеров «Советской археологии».

Дирекция ИИМК обращается к Вам с просьбой принять участие в этом обсуждении, прислав Ваши замечания о журнале «Советская археология» по адресу: Москва, К-1, пер. Садовских, д. 2. Редакция журнала «Советская археология».

Точная дата совещания будет сообщена дополнительно.

Дирекция ИИМК